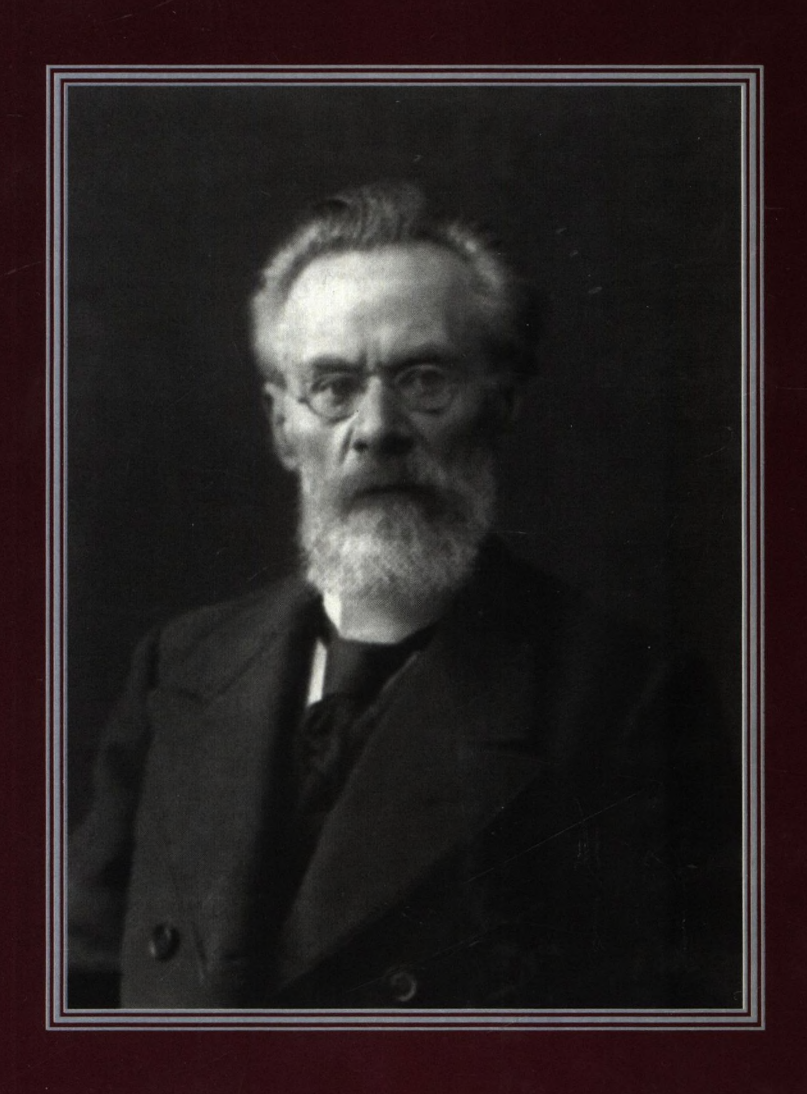
ДНЕВНИК
Л.А. ТИХОМИРОВА
1915—1917 гг.

Российский государственный архив
социально-политической истории

Центр по разработке и реализации межархивных
программ документальных публикаций
федеральных архивов

Государственный архив Российской Федерации

Институт общественной мысли

ДНЕВНИК
Л.А. ТИХОМИРОВА
1915–1917 гг.

Составитель
А. В. Репников

Москва
РОССПЭН
2008

УДК 94 (47)
ББК 62.3 (2) 524
Д 54

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-01-16219

Руководитель проекта, составитель,
автор предисловия, комментариев и примечаний
А. В. Репников, доктор исторических наук

Д 54 **Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг.** / Сост. А. В. Репников. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 440 с., ил.

Лев Тихомиров (1852–1923) — революционер и идеолог «Народной воли», ставший монархистом и редактором «Московских ведомостей», более 30 лет вел «Дневник». В последние годы в России активно переиздаются его работы, однако такой существенный источник, как «Дневник», остается практически неизвестным широкому читателю.

ISBN 978-5-8243-0896-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и мировоззрение Л. А. Тихомирова стали в последние годы предметом изучения со стороны многих отечественных исследователей. Вышло несколько монографий, и десятки публикаций, посвященных его жизни и взглядам[1]; массовыми тиражами переиздаются его сочинения[2].

Лев Александрович родился 19 (31) января 1852 г. в г. Геленджике, в семье военного врача Александра Александровича Тихомирова и Христины Николаевны, урожденной Каратаевой, и был третьим сыном в семье. Родословная отца Тихомирова уходила своими корнями в Тульскую губернию. Практически все предки Александра Александровича принадлежали к лицам духовного звания. Получив воспитание в духовной семинарии, Александр Александрович прервал сложившуюся традицию и пошел по медицинской стезе, поступив в Московскую медико-хирургическую академию, которую он закончил с золотой медалью. Затем служил в военных госпиталях, и после перевода в Геленджик женился в 1847 г. на вдове своего товарища Семена Ивановича Соколова.

В 1864 г. Лев поступил в Александровскую гимназию в Керчи. Уже там он увлекся революционными идеями и впоследствии вспоминал: «Что мир развивается революциями — это было в эпоху моего воспитания *аксиомой*, это был *закон*. Нравится он кому-нибудь или нет, *она* придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было;

---

[1] См. подробную библиографию работ о Тихомирове: Беленький И. Л. Консерватизм в России XVIII — начала XX в. (Библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.). Персоналии; Тихомиров Л. А. // Россия и современный мир. 2003. № 3. С. 260–263; Милевский О. А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 7–22; Репников А. В. Тихомиров Л. А. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. С. 533–536.

[2] Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992; Его же. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1993; Его же. Религиозно-философские основы истории. М., 1997 (издано М. Б. Смолиным без ссылки на ГА РФ, впоследствии работа неоднократно переиздавалась); Его же. Критика демократии / Сост. вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. М., 1997; Его же. Монархическая государственность / Вступ. ст. С. М. Сергеева М., 1998; Его же. Христианство и политика / Сост., предисл., коммент., прил. С. М. Сергеева. М., 1999; Его же. Апология веры и монархии / Сост. вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. М., 1999; Его же. Тени прошлого / Сост. вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. М., 2000; Его же. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Сост. вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. М., 2003.

очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел»[1]. Тихомиров с увлечением читает «Русское слово», а его любимым писателем становится Д. И. Писарев.

Гимназию Тихомиров закончил с золотой медалью и в августе 1870 г. поступил на юридический факультет Московского университета, откуда вскоре перевелся на медицинский факультет. Здесь он с головой погружается в революционную работу, став одним из активных участников народнического движения. Осенью 1871 г. он вошел в кружок «чайковцев». Летом 1873 г. Тихомиров переехал в Петербург, где продолжал заниматься революционно-пропагандистской деятельностью. В ноябре того же года он был арестован. Более 4-х лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. В октябре 1877 г. он проходил по знаменитому «процессу 193-х» народников-пропагандистов. Тихомиров, которому годы тюрьмы компенсировали срок наказания, был освобожден в начале 1878 г. Самому Тихомирову такое наказание казалось чрезмерным. По его мнению, он, «мальчик, полный жизни», был наказан «за вздор, за дурацкую брошюру». Выйдя на свободу он был отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания. «При моей молодости и жажде широкого наблюдения, — вспоминал он впоследствии, — эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов... с этого момента начинается моя нелегальная жизнь...»[2].

Авторитет Тихомирова в революционной среде к тому времени значительно возрос, чему в немалой степени способствовали годы, проведенные в заключении.

Одним из наиболее известных произведений революционной пропаганды стала написанная Тихомировым «Сказка о четырех братьях», которая, по словам П. А. Кропоткина, «всем нам очень понравилась; но когда мы прочли ее заключение, мы совсем разочаровались... и... настаивали, чтобы конец был переделан»[3].

У него завязывается роман с С. Л. Перовской. Еще когда Тихомиров находился в Доме предварительного заключения, Перовская, ис-

---

[1] Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 93.

[2] Воспоминания Льва Тихомирова М.; Л., 1927. С. 241. См. републикацию воспоминаний, снабженную вступительной статьей С. Н. Бурина: Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. Книга была переиздана без редакторской правки авторского текста, с вступительной статьей В. Н. Фигнер и комментариями по изданию 1927 г. В предисловии приводятся сноски по изданию 1927 г.

[3] Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 336; См.: Где лучше? Сказка о четырех братьях и их приключениях. Женева, 1873.

пользуя обычную практику революционеров, применяемую ими для связи с находившимися в заключении представлялась его невестой. Именно Перовская, предложила Тихомирову, который был выслан на родину, в Новороссийск, покинуть ссылку и присоединиться к революционерам. Как впоследствии утверждал Тихомиров, это предложение было «последней каплей, решительным ударом». О степени увлеченности Тихомирова говорит и то, что он даже сообщил родителям о возможной свадьбе, но все получилось иначе — он познакомился с уроженкой г. Орла, Екатериной Дмитриевной Сергеевой, учившейся на фельдшерских курсах, и летом 1880 г. использовав фальшивый паспорт, обвенчался с ней. Отметим, что вопреки неписаной революционной традиции, брак Тихомирова был не только официальным, но и закреплялся церковным обрядом венчания, на котором шафером был Н.К. Михайловский. Судьба дала Тихомирову двух сыновей — Николая и Александра, который впоследствии, в 1907 г., примет постриг с именем знаменитого Воронежского святителя Тихона; и двух дочерей — Веру и Надежду.

После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» Тихомиров примкнул к последней, став членом Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Он успешно справляется со своими задачами, в число которых, прежде всего, входят пропаганда и агитация. В.Г. Короленко вспоминал, что эта сказка широко использовалась для пропаганды в крестьянской среде и имела там успех. Но уже в этот период Тихомиров начинает сомневаться в правоте своего дела. На одном из заседаний ИК «Народной воли», проходившем в середине 1880 г., он заявляет о своем желании выйти из революционной организации. А.П. Прибылева-Корба вспоминала, что эта сцена была «в высшей степени мучительна». Товарищи напомнили Тихомирову о том, что по условиям устава Исполнительного комитета о выходе не может быть и речи, и единогласно решили дать ему «временный отпуск для поправления здоровья». Арестованный через несколько месяцев после этого заседания А.Д. Михайлов писал из тюрьмы товарищам о необходимости «беречь и ценить» Тихомирова как «лучшую умственную силу», и просил прощения за то, что часто упрекал его в бездействии[1]. Но сам Тихомиров к этому времени уже не был тем «Тигричем», которого знали товарищи. К нему больше подходила другая подпольная кличка — «Старик». Душевные метания и жизнь нелегала отразились не только на внутреннем состоянии, но и на внешности

[1] См.: Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1979. №3. С. 65–77.

Льва Александровича. Одна из соратниц по «Народной воле», Ольга Любатович, так описала его портрет конца 70-х годов: «В нашей среде Л. Тихомирова звали стариком. И в самом деле, этот худой, с бритым, ради конспирации, по-департаментски подбородком и английскими баками человек, с маленькими выцветшими серыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался стариком, хотя ему вряд ли было за 30...»[1].

После убийства Александра II народовольцами и разгрома партии, в 1882 г. Тихомиров уехал за границу. Перед этим он направил Александру III открытое письмо Исполнительного комитета «Народной воли» содержащее недвусмысленные угрозы в адрес императора. За границу также выехала Екатерина Дмитриевна. Обосновавшись в Париже, Тихомиров продолжал заниматься революционной деятельностью и вместе с П. Л. Лавровым редактировал «Вестник Народной воли» (1883–1886 гг.). В полицейской справке отмечалось: «Прежде всего Тихомиров приложил все свои силы к поднятию тогда упавшей революционной литературы»[2]. В эмиграции во взглядах Тихомирова постепенно начинает происходить серьезный перелом. Он стал задумывался о пройденном пути, о смысле жизни. И эти размышления были весьма печальными: «передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни <...> Еще немного, — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгинуть в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унизительны, а сила так величественна»[3]. Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем, порождающим ссоры между супругами и болезнью сына (менингит). Немало нервов испортил Тихомирову заведующий русской полицейской агентурой в Париже П. И. Рачковский, следивший за каждым его шагом.

Пытаясь найти ответ на мучившие его вопросы, Тихомиров обратился к Библии. Все чаще и чаще книга открывалась на фразе «И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона...» (Деян., 7, 10). Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова неожиданно озарило: «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне бог указывает?». Он начинает ходить в церковь, часто берет туда сына, которому рассказывает о

---

[1] Цит. по: Тихомиров Лев Александрович // История государства Российского: Жизнеописания. XIX век. Вторая половина. М., 1998. С. 148.

[2] Цит. по: Вахрушев И. С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. Саратов, 1980. С. 191.

[3] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 224.

Боге и России. Постепенно Тихомиров все больше и больше начинал верить в то, что он сам имеет «некоторую миссию». Так происходило его внутреннее перерождение. Предпосылки к этому уже имелись. «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, — вспоминал Тихомиров. — Один раз во всю жизнь я написал: «Мы не верим больше в руку Божью», и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне, как ложь и как нечто нехорошее»[1].

В 1888 г. в Париже небольшим тиражом вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером», которая окончательно подвела черту под его революционным прошлым. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Тихомиров писал о своем нелегком пути от революционного радикализма к монархизму, о том, что своими глазами увидел «как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев», о своем раскаянии; просил «отпустить... бесчисленные вины и позволить... возвратиться в отечество»[2]. Экземпляр брошюры был направлен товарищу министра внутренних дел Плеве вместе с прошением о возвращении в Россию. Тихомиров признавался: «Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет, я был одним из главных вожаков революционной партии, и за эти годы, — сознаюсь откровенно, — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах»[3].

Бывшие соратники Тихомирова дали различные оценки происшедшего с ним переворота. Н. А. Морозов писал, что у Тихомирова «никогда не было прочных убеждений в необходимости изменения самодержавного образа правления»[4]. А. П. Прибылева-Корба считала, «... что позорное и смешное поведение Тихомирова в период от 1884 года и позднее есть последствие его психического заболевания. И у него и было достаточно причин, чтобы сойти с ума! Нам, видевшим его в качестве основателя страшной ее врагам революционной партии "Народной воли", и позднее в качестве популярного и любимого вожака во главе этой партии, вполне ясно, что только физическое изменение его мозга могло превратить выдающегося и талантливого человека в жалкое существо, вселявшее во всех видевших его отвращение и брезгливое чувство презрения... Надо признать, что у Тихомирова не было недостатка в причинах потерять душевное

---

[1] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 287.

[2] Там же. С. 250–251.

[3] Там же. С. 231.

[4] См.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1961. Т. 2. С. 684.

равновесие, и сойти с ума. Со временем психическое расстройство переходит в слабоумие. Тихомиров делается ханжой, монархистом, поклонником Александра III и Победоносцева»[1]. Аналогичной точки зрения придерживалась и В.Н. Фигнер, считавшая, что Тихомиров «заболел психически». Говорили о «дурном» влиянии «мещанки — жены», о денежных затруднениях, о провокации заграничной охранки и т.д. Сам же Тихомиров в брошюре «Почему я перестал быть революционером» писал о безнравственности революционного пути, противопоставляя ему путь эволюционный. Брошюра вызвала полемику не только в среде эмигрантов, но и в самой России. «Во всех местах теперь галдят о Тихомирове...» — сообщал в начале сентября 1888 г. Г.И. Успенский В.М. Соболевскому[2]. Власть решила пойти навстречу раскаявшемуся революционеру. В декабре того же года Тихомиров получил ответ в российском посольстве. Он был амнистирован, и мог вернуться на родину, но должен был в течение пяти лет состоять под гласным надзором.

С самого начала Тихомиров оговорил, что он не будет участвовать в провокациях против бывших единомышленников-революционеров. Он мотивировал это не только нравственными, но и практическими соображениями: «Переход *честного* человека и *не озлобленного* как бешеная собака — производит огромное впечатление. Но что доказывает переход на сторону Правительства какого-нибудь жулика или даже честного, но не помнящего себя от злобы человека?», — писал он в ноябре 1888 г.[3] Накануне отъезда из Парижа в Россию Тихомиров сжег все бумаги, которые могли скомпрометировать бывших товарищей. Вначале он хотел просто зачеркнуть некоторые места, но потом решил уничтожить бумаги. «А то еще не дай Бог — не успею исправить, и будут когда-нибудь на меня ссылаться в защиту черт знает чего. Сжечь — жаль было, но сжег», — писал он Новиковой[4]. От старой жизни он решительно отошел, но какова будет новая, еще не знал. В этот период ему нужен был надежный и влиятельный советчик. Таким человеком стала Ольга Алексеевна Новикова. Родившаяся в 1840 г. в семье известных славянофилов Киреевых, она была умной и незаурядной женщиной, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». Среди ее знакомых были: Т. Карлейль, М. Нордау, М.Н. Катков, А.С. Суворин, К.Н. Леонтьев,

---

[1] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 98, 104.

[2] Успенский Г.И. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 14. С. 173; Подробнее см.: Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980. Вып. XI. С. 151–169.

[3] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 61 об.

[4] Там же. Д. 747. Л. 15–15 об.

К. П. Победоносцев и др. Помимо чисто дружеского интереса к Новиковой, Тихомиров стремился, пользуясь ее связями в высших кругах, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Немаловажно и то, что она помогала Тихомирову деньгами. Отметим, что Новикова была одной из трех женщин (включая С. Л. Перовскую и Е. Д. Сергееву), сыгравших особую роль в судьбе Тихомирова. Его письма к Новиковой за 1888–1889 гг. показывают нам человека, который стремился, во что бы то ни стало отвергнуть любые подозрения в неискренности его выбора: «Это преувеличенное недоверие меня огорчает вдвойне... Ведь в сущности это недоверие ко мне заключает огромную долю недоверия к себе. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчетов можно делаться только революционером?»[1].

Хотя Тихомиров и не участвовал в убийстве Александра II, но молва приписывала ему разные злодеяния. В письме от 5 февраля 1889 г. жена Тихомирова рассказывала Новиковой о том, что находящийся в Петербурге муж «жалуется на общество, на его безыдейность, разброд. Есть много людей также, которые против него, говорят, что чистое дело требует чистых рук, чтобы очистить себя он должен выдавать и должен быть наказан»[2]. А. В. Богданович, даже спустя много лет после возвращения Тихомирова в Россию, писала о нем, как о человеке, «который участвовал в убийстве Александра II, который весь был забрызган кровью»[3], и в этом мнении она была не одинока.

---

[1] Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой / Публ., вступ. ст., прим. А. В. Репникова // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 108.

[2] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 752. Л. 3.

[3] Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 218. В дневнике и письмах Тихомиров неоднократно писал о своей непричастности к убийству: «*полиция уверена, что я главный организатор 1-го марта 81 г.* Я же на самом деле в это время уже давно не состоял в Управлении Народной Воли, о готовящемся преступлении знал в общих чертах... гром взрыва услыхал со своей квартиры на Гороховой...» (Письмо О. А. Новиковой от 16 ноября 1888 г.). — РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 36 об.–37. В написанных много лет спустя в эмиграции воспоминаниях, В. И. Гурко следующим образом отзывался об эволюции Тихомирова: «...бывший некогда одним из самых видных членов партии "Народной воли" и затем круто и, по-видимому, искренне изменивший свои взгляды, перешедший в ряды сторонников самодержавного образа правления и даже сделавшийся впоследствии редактором ярко реакционных "Московских ведомостей". См.: Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Вступ. ст. Н. П. Соколова и А. Д. Степанского, публ. и комм. Н. П. Соколова. М., 2000. С. 141. Характерна оговорка «по-видимому», выдававшая некоторое сомнение бывшего царского сановника.

Спустя много лет дубровинское «Русское знамя» все еще называло его «скрытым врагом самодержавия», «предателем и изменником»[1].

Другим близким другом Тихомирова, помимо Новиковой, с которым он спешил поделиться своими идеями, становится известный философ и публицист Константин Николаевич Леонтьев. В письмах Тихомиров подробно обсуждал необходимость «миссионерской деятельности» среди молодежи: «Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным, — нужна *устная* проповедь. Или лучше — миссионерство. Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно *заставить* слушать, *заставить* читать. Нужно искать, идти навстречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не *вообще* образованное общество, важна *молодежь*, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры»[2]. Роль своеобразного вождя отводилась Леонтьеву: «С Вами, под Вашим влиянием или руководством пойдет, не обижаясь, каждый, так как каждый найдет естественным, что первая роль принадлежит именно Вам, а не ему. Наоборот, если... взять меня, то никто, во-первых, не обратит внимания на мои слова, а если ж — паче чаяния — я бы и имел бы успех — это самое и оттолкнуло бы многих. Ведь люди — все такие свиньи, с этим нужно считаться. А то, знаете, от этих писаний (имеется в виду публицистическая деятельность. — *А. Р.*) польза очень минимальная. Никто все равно не читает. Да еще хорошо *Вам*, по крайней мере пишете, что хотите. А мне, например, даже и развернуться нельзя. Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки — стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?»[3]. К сожалению, дружеским отношениям двух мыслителей был отмерен судьбой короткий срок. 12 ноября 1891 г. Леонтьева не стало. В этот день, узнав о кончине своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в Дневнике: «У меня еще не умирало человека так близкого мне, не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по-видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил *учить* меня, быть моим *катехизатором*. И вот, — умер... Меня эта смерть гнетет. Так и хочется написать ему: "Константин Николаевич, неужели вы серьезно-таки умерли?"... Тоска ужасная»[4]. Тихомирову предстояло испытать еще много потерь и дожить до полного крушения самодержавной России, служению которой он отдал часть своей жизни.

---

[1] Патриот. Бей Барабанщик // Русское знамя. 1911. № 206.

[2] РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.

[3] Там же. Л. 4 об.

[4] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 397–398.

Словно предчувствуя это, 11 октября 1894 г. он записал в Дневнике: «Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д. Толстой, Пазухин, К. Леонтьев, П. Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет, тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии»[1].

После прибытия в Россию, побыв недолго в Петербурге, Тихомиров был вынужден обосноваться в Новороссийске, надеясь, что правительство в скором времени убедится в его благонадежности и снимет надзор. Попытки наладить отношения с «Новым временем» не привели к желаемым результатам. Письма Тихомирова к А. С. Суворину свидетельствуют об определенной напряженности в отношениях между ними, к тому же впоследствии Тихомиров критически отнесся к такому ведущему автору газеты, как М. О. Меньшиков. В Новороссийске Тихомиров проводит время в работе над статьями, читая церковные книги и общаясь с родными. Его особенно радовало то, что дочери, воспитанные матерью Тихомирова, ходили в церковь. Вскоре был крещен сын Саша, крестной матерью которого стала Новикова. Помимо обязательств перед своими близкими у Тихомирова были обязательства и перед правительством. Он жаждет работать, хочет оправдать доверие властей, но не может развернуться в полную силу, находясь под надзором. 20 марта 1889 г. он сетует на обстоятельства в письме Новиковой: «У меня от этого сердце кипит, но что делать? Кроме порчи крови все-таки нет других результатов. А действовать *нужно*!»[2].

От бездействия Тихомиров впадал в отчаяние. В сентябре 1889 г. он писал: «Я уже знаю, что сделать в общественном смысле мне ничего не удастся. Я уже понял, что Россия, при всей своей глупости, *во мне* все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать *о себе, о своей душе*, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных»[3]. В январе 1897 г. последует запись в Дневнике: «Мне кажется, что вообще моя писательская судьба будет служить упреком современной России: не умела она мною воспользоваться. Ослиное общество, во всяком случае...»[4].

[1] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 424–425.

[2] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 747. Л. 30.

[3] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 365.

[4] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 81.

В 1890 г. по высочайшему повелению с Тихомирова был снят полицейский надзор и дано разрешение на «повсеместное в империи жительство». Заботой Тихомирова становятся поиски постоянного и стабильного заработка. Он давно мечтал о службе. «Мне нужно *служить*... Да не будь я-я, не компрометируй меня служба в полиции — я бы м <ожет> <быть> предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится», — писал он Новиковой в феврале 1890 г.[1] Претерпев значительные материальные лишения он, наконец, смог в сентябре 1890 г. обосноваться в Москве и развернуть активную публицистическую деятельность. Начинается период сотрудничества с газетой «Московские ведомости». Со временем Тихомиров становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря[2], а с 1909 по 1913 г. возглавляет «Московские ведомости». Он также активно публикуется в журнале «Русское обозрение», в котором сотрудничали такие консерваторы, как А. А. Александров, П. Е. Астафьев, В. А. Грингмут и др.

На протяжении долгих лет работы на публицистическом поприще Тихомиров пытался достучаться до сознания «образованного меньшинства». Он, знавший жизнь и «верхов» и «низов», считал, что «человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он таким образом создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого»[3]. В оторванности от народа он видел источник постоянного интеллигентского стремления к поучительству: «указывать на чтение книг как на средство *выработки миросозерцания* вообще можно, лишь не имея понятия о том, что такое есть живое человеческое миросозерцание, которое складывается прежде всего под влиянием *личной жизни*, а никак не книжек»[4]. На протяжении долгих лет Тихомиров пишет об узком классовом духе интеллигенции, о ее замкнутости и изолированности. Вместе с тем Тихомиров отнюдь не был противником образования: «России был и остается нужен *образованный* человек, — писал он, — нужен был, нужен и теперь *подвижник правды*. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был "интеллигент", со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им же стране»[5].

---

[1] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 748. Л. 9–9 об.

[2] См.: Милевский О. А. «Московские ведомости» о социально-экономической политике правительства в 1909–1911 годах: анализ передовиц Л. А. Тихомирова // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. Воронеж, 2004. С. 370–376.

[3] Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 26.

[4] Там же. С. 567.

[5] Там же. С. 591.

Многим русским консерваторам начала XX в. удалось отметить негативные стороны либеральной системы. Не был исключением и Тихомиров. «Партийные вожаки, — писал он, — получают значение каких-то своеобразных владетельных князьков или, точнее, олигархов. Главное *официальное* правительство страны ничто в сравнении с этими негласными владыками, создающими и ниспровергающими правительства официальные»[1]. Однако при всем кажущемся могуществе, демократия порождает крайне неавторитетный слой управленцев: «Патрициев, дворян, служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиков — просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился», поскольку правящий класс «вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему... Нет класса, живущего более *вне народа*, чем нынешние политиканы»[2]. Апофеозом обмана и игры на низменных чувствах являются выборы, когда побеждают не столько самые лучшие, сколько самые беспринципные. «По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее — по части этого гибельного, ядовитого искусства агитации люди дела *всегда* будут побиты теми, кто специально посвятил себя политиканству»[3]. Парламентаризм будет существовать до тех пор, «пока наконец не исчезнет под напором не общего презрения, давно уже достигшего полной степени зрелости, а движения, до сих пор оказывающегося невозможным по отсутствию личности, около которой могло бы оно сомкнуться»[4]. Под этим движением Тихомиров понимал социализм.

Публикуя в 1884 г. в «Вестнике Народной воли» статью «Чего нам ждать от революции?» Тихомиров доказывал, что абсурдно «толковать о деспотизме коммунистического правительства. Правительство, народом выбираемое, контролируемое и сменяемое, не может насильно навязывать народу благодеяния социализма или коммунизма»[5]. Став монархистом, Тихомиров начал писать нечто противоположное. Так, в работе «Социальные миражи современности» (1891), прогнозируя возможность практического воплощения в жизнь социалистической идеи, он стремился доказать, что новое общество обязательно будет построено на подавлении личности во имя государственных интере-

---

[1] Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 170–171.

[2] Там же. С. 129–130.

[3] Там же. С. 166.

[4] Тихомиров Л.А. Критика демократии. С. 156.

[5] Тихомиров Л.А. Из статьи «Чего нам ждать от революции?» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый / Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., 1997. С. 433.

сов: «Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной *классовой* диктатуры. Социал-демократы сами говорят, что придется пережить период диктатуры рабочего класса»[1]. В своей работе Тихомиров указывал, что именно социал-демократическая партия имеет все шансы на установление в будущей России социалистического строя. И в этом он оказался прав.

Характерно, что Тихомиров пытался показать наличие в социализме положительных сторон, признавая благородное стремление утопического социализма к устройству более развитого общества. «Мы видим в рядах первых социалистов множество людей действительно высокой нравственности... В утопическом же социализме родилось первое стремление к уяснению внутренних законов общественности», — утверждал он[2]. В качестве неоспоримых заслуг социалистического учения Тихомиров выделял следующие: усиление коллективного начала и общественной помощи личности; более справедливое и равномерное распределение. С точки зрения Тихомирова, социализм вовсе не был явлением, возникшим неведомо откуда. Именно усиленная эксплуатация в капиталистическом обществе «своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого как протест против буржуазного общества...»[3]. Тихомиров признавал закономерность возникновения социализма, как протеста против безжалостной эксплуатации, считая, что «на почве крайней бедности и — слишком часто — прямого притеснения неизбежно должны были возникать революционные движения народных масс, в теории объявленных владыками государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами»[4]. Он отмечал, что прикрываясь на словах рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество на практике привело к господству капиталиста над пролетарием, лишенным многих элементарных прав. В социалистическом учении он видел не только чисто экономическую подоплеку, но и стихийный протест масс против обнищания, законное желание людей улучшить свою жизнь. Не случайно Тихомиров считал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах: «... каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу — и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем»,.. социа-

---

[1] Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 143.

[2] Там же. С. 326.

[3] Там же. С. 268.

[4] Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 326.

лизм «...совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а утверждая, что общество *обязано* принять меры к изменению такого положения»[1].

Новое социалистическое общество, по мнению Тихомирова, «будет держаться известной иерархией авторитетов, известной системой власти, которая точно так же силой, *принуждением* поддержит необходимые материальные и нравственные основы, а за нарушение принятых правил порядка и собственности будет так же карать, как ныне, — с той разницей, что все это будет *строже*, ибо если с нашей нынешней рыхлостью можно догнивать свой век, то с ней никак нельзя ничего основать, так что строители нового общества непременно должны будут его "пасти жезлом железным", особливо на первых порах»[2].

Не менее резко, чем либералов и социалистов, Тихомиров критиковал и царскую бюрократию. Особенно раздражал безликий и бездуховный казенный патриотизм: «Чем больше я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонального патриотизма — у одних, и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами... Наши правящие круги и все вообще застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов "за Самодержавие, Православие и русскую народность", он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать»[3].

Изо дня в день в душе одного из крупнейших идеологов монархизма назревало сомнение в дальнейших перспективах существования самодержавной России. Это сомнение иногда прорывалось на страницах писем и дневников, не предназначенных для широкого круга людей. Прощенный и вернувшийся на родину, начиная борьбу с радикалами, он уже сомневался в исходе этой борьбы. Последнее представляется наиболее важным и объясняет ту раздвоенность, которая будет постоянно присутствовать в душе Тихомирова, и в итоге приведет его к отходу от публицистической деятельности. Его колебания не оставались незамеченными. В частности, на них обратил внимание известный литературный критик А. Л. Волынский. Тихомиров, утверждал в письме Волынскому от 8 сентября 1893 г.: «А

[1] Тихомиров Л. А. Критика демократии. С. 272.

[2] Там же. С. 623.

[3] Маевский В. А. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. М.: Новый Сад, 1934. С. 71–72.

направление у меня только и есть то, что я православный... больше ничего»[1] и советовал последнему более серьезно подходить к разбору церковных вопросов («обратиться... к знающему православному, вроде Победоносцева»). В ответе от 11 сентября Волынский признавал: «Ввиду идейной важности затронутого Вами предмета, я готов согласиться с Вами, что мы не дожили до полемики по религиозному вопросу ни сверху, ни снизу. Я очень сожалею об этом: я надеялся на интересный обмен мыслей»[2]. Впоследствии Волынский отмечал, что в публицистике Тихомирова нет твердого внутреннего убеждения и психологической цельности[3], но развернутой дискуссии у оппонентов так и не получилось.

С одной стороны, являясь одним из монархических идеологов, Тихомиров не должен был сомневаться в неизбежном поражении «врагов самодержавия», с другой стороны, он не мог не видеть, что самодержавие приближается к роковой черте. 11 февраля 1905 г. он писал в Дневнике: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах <...> И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию», характерна и запись, сделанная 20 мая 1905 г. после Цусимского сражения: «Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет. Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете. Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать *жить*, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого. И что *мы*, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!»[4]. На страницах Дневника и писем Тихомирова можно найти десятки подобных высказываний: «Россия — погибшая, презренная... страна»; «правительство так мерзко... что ничего хуже не может быть»; «церковь разлагается»; бюрократия «съела царя», а на престол после Александра III взошел «русский интеллигент... прекраснодушного типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни». На политическом Олимпе Тихомиров видел только посредственностей: Витте — «гнусный сифилитик», Плеве — «глубокий, до мозга костей бюрократ» и т. д. Тихомиров уже

---

[1] РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 837. Л. 4 об.

[2] Там же. Д. 225. Л. 1.

[3] См.: Волынский А. Полемическая перестрелка // Северный вестник. 1894. № 10.

[4] 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова). Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 63; 71.

не верит в правительство и призывает к «хождению в народ» с консервативными идеями. Он убеждает единомышленников сражаться в одиночку, замешиваясь в ряды противников, пропагандировать свою позицию, «образовывать... бродячие консервативные идеи», которые когда-нибудь заронят в том или ином чутком человеке семя консервативного созерцания. Бывшая соратница Тихомирова А. П. Прибылева-Корба, обратившись к его судьбе после перехода в монархический лагерь, грустно замечала: «Разумеется, ему разрешили вернуться в Россию, но держали его в черном теле. Мечта Тихомирова о том, что ему предстоит большая роль в исторической судьбе России была плодом его больного ума. Далее сотрудничества, а позднее редактора бессмысленных "Московских ведомостей" ему не было хода. Он писал бездарнейшие статьи, их печатали, и этот полнейший упадок литературного таланта Тихомирова является верным доказательством его психического недуга»[1]. Конечно, говорить о «психическом недуге» несправедливо, но нельзя отрицать глубочайшего пессимистического мировосприятия, присущего Тихомирову. Огромная нагрузка отразилась и на его поведении. «Никогда, например, не видели его веселым, смеющимся, беззаботным... Волосы упрямо торчали, брови хмуро сдвигались, со лба и лица не сходили борозды напряженных дум и тяжелых переживаний... Он производил впечатление человека, ежечасно, ежеминутно боящегося и ожидающего какого-то безвестного и тайного удара», — писал знавший Тихомирова В. А. Маевский[2].

Наиболее фундаментальной работой, написанной Тихомировым в тот период, стало историко-философское исследование «Монархическая государственность», которое выходило летом — осенью 1905 г. Несколько экземпляров книги были «именными». Один был передан Николаю II. В феврале 1906 г. в знак признания важности этого труда Тихомиров по Высочайшему повелению был удостоен серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба, выполненной фирмой «Фаберже». Получив подарок, он воспринял его как «нравственное одобрение» трудов. На широкий успех книги Тихомиров особенно не надеялся. «Обидно, что моя "Монархическая государственность" не читается. Время придет, конечно, но тогда пожалуй нужно будет строить монархию заново, а это трудно», — писал он 18 августа 1906 г. А. С. Суворину[3]. В этой работе Тихомиров смог дать целостную картину истории монархической власти не только в общероссийском, но и в мировом масштабе. Характерно,

[1] РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 104 об.

[2] Маевский В. А. Указ. соч. С. 51.

[3] Бухбиндер Н. А. Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1928. № 12. С. 67.

что книга оказалась слишком «заумной» для правых, и в 1911 г. протоиерей Иоанн Восторгов подготовил на ее основе краткое общедоступное изложение основных идей в форме вопросов и ответов[1]. Всего книга выдержала пять изданий. Второе и третье вышли при содействии эмигрантов-монархистов в Мюнхене (1923 г.) и Буэнос-Айресе (1968 г.); четвертое и пятое в Санкт-Петербурге (1992) и Москве (1998), после чего работа переиздавалась еще несколько раз.

Помимо «Монархической государственности», к числу наиболее значимых работ Тихомирова можно отнести: «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890), «Социальные миражи современности» (1891), «Борьба века» (1895), «Знамение времени — носитель идеала» (1895), «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897), сборник статей 1909–1911 гг. «К реформе обновленной России» (1912).

Определенные надежды Тихомирова связывал с деятельностью П.А. Столыпина, который пригласил его в советники, предоставив должность в Совете Главного управления по делам печати. Лев Александрович написал ряд записок премьеру, выступив в качестве консультанта по рабочему вопросу, и в частности подготовил «Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих». Как и ряд других консерваторов, Тихомиров активно отстаивал «зубатовское направление». Он считал, что рабочие организации надо не преследовать, а использовать на благо государству. «В политике и общественной жизни — все опасно, как и вообще все в человеческой жизни может быть опасно. Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие?.. Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то значит ее нужно вести, так как если ее не будут вести власть и закон, то поведут другие — противники власти и закона... наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы — организацию рабочих», — писал он Столыпину 31 октября 1907 г.[2] Тихомиров отмечал особую специфику российского пролетариата. Русские рабочие еще вчера «пришлые из деревни» не могут за короткий срок перестроить свое сознание и им, оторванным от почвы, нужно помочь. Оказать необходимую помощь должно государство. Тихомиров предлагал установить гармонию сельского хозяйства и промышленности, исключавшую преобладание «фабрики» над «землей». Он понимал

---

[1] Восторгов И. Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса. М., 1911.

[2] ГА РФ. Ф. 102. Оп. Д. 4. 1908 г.; Д. 251. Л. 1 об., 2–2 об.

абсурдность попыток торможения промышленного развития и видел выход в единении «города» и «деревни». Рабочие союзы должны были не противопоставлять пролетариат и крестьянство, а наоборот, базироваться на основе общинных принципов.

5 июля 1911 г. Тихомиров обратился со страниц «Московских ведомостей» к Столыпину с письмом, в котором призывал его пересмотреть Основные законы 1906 г. После убийства П. А. Столыпина его брат А. А. Столыпин опубликовал текст пометки, которую сделал Петр Аркадьевич на тихомировском письме. Она гласила: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»[1].

В октябре 1911 г. Тихомиров отметил в частном письме, что одной из причин неудач деятельности Столыпина явилось то, что он абсолютно «не думал, что всякая путная деятельность должна быть проникнута христианским настроением»[2]. В октябре 1912 г. Тихомиров записал в Дневнике: «Недаром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек "прусского образца" и по энергии [характера] не дал бы Монарха в обиду. А теперь — люди!... и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастный Монарх, мне Его до смерти жалко, но... Царь очень плох... Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение»[3]. В письме Б. В. Никольскому от 14 января 1913 г. Тихомиров язвительно замечает: «Ругали Вы Столыпина, говорили, что препятствует устроению России. Что же у вас там устроили без него? Пора бы покаяться перед покойным»[4].

В 1913 г. Тихомиров опубликовал в «Московских ведомостях» несколько статей, посвященных «Делу Бейлиса». Посылая одну из таких статей Б. В. Никольскому, он предлагал: «Я бы весьма желал, чтобы Вы обратили на этот вопрос внимание министра юстиции. Самому не хочется писать ему. Я представляю, что если бы был образован для этого особый комитет, то Вы бы должны были быть его членом. Возможно, что годился бы Чаплинский. Конечно, следовало бы вызвать Пранайтиса, может быть, Скворцова, который умеет расследовать. Без сомнения должен быть Замысловский»[5]. Рекомендация В. М. Скворцова, бывшего редактором правого «Колокола», наряду с другими лицами в Комиссию по расследованию «дела Бейлиса» вполне согласовывалась

---

[1] Тихомиров Л. А. Христианство и политика. С. 365.

[2] ГА РФ. Ф.102. Оп. 265. 1911 г. Д. 51. Л. 19.

[3] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 21. Л. 124 об.– 125.

[4] Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 781. Л. 8 об.

[5] Там же. Л. 13. Подробнее см.: Кацис Л. Кровавый навет и русская мысль: историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М.: Иерусалим, 2006.

с тем, что писал Тихомиров в газетных статьях. А писал он о возможности существования некой «секты», которая может быть причастна к «ритуальным зверствам». Как и ряд других монархистов, Тихомиров делал упор на том, что хотя суд и признал Бейлиса невиновным в ритуальном убийстве, но в то же время подтвердил и «доказанность убийства со всеми признаками ритуальности». Это был один из последних периодов публицистической активности Тихомирова, но его статьи уже имели мало общего с публикациями прежних лет.

Многолетние попытки Тихомирова стать «духовным отцом» монархического движения не увенчались успехом. Он отходит от публицистической деятельности и переезжает в Сергиев Посад, где поселяется с семьей в купленном им доме, неподалеку от центра города[1]. Андрей Белый, случайно столкнувшийся там с Тихомировым, оставил крайне язвительный портрет: «ставшая узеньким клинушком белая вовсе бородка напомнила лик старовера перед самосожжением в изображении Нестерова; не хватало лишь куколя на голове, потому что сюртук длинный и черный — как мантия; жердеобразная палка колом, — мне напомнила жезл; точно инок, он шел на меня, сухо переступая и сухо втыкая "жезл" в землю... Он не отпустил нас без чаю... я разглядывал тощее благообразие профиля, четко построенного, благолепие жестов, с которыми он брал стакан, ломал хлеб, совершая чин службы, а не чаепития: не то действительный статский от схимы, не то схимник — от самодержавия...»[2].

В 1913 г. Тихомиров начинает вести работу над вторым по значению, после «Монархической государственности», трудом своей жизни. Новая книга называлась «Религиозно-философские основы истории» и была опубликована только в 1997 г. Работа над ней продолжалась в течение пяти лет. Попутно на квартире религиозного писателя и редактора «Религиозно-философской библиотеки» М.А. Новоселова Тихомиров прочел ряд докладов, соответствующих главам книги: «О гностицизме», «О философии Каббалы», «О магометанском мистицизме» и др. На религиозной почве происходит сближение Тихомирова с религиозным писателем М.В. Лодыженским, автором «Мистической трилогии», к которому Тихомиров обратился в 1915 г. с письмами, пытаясь дать своему личному

[1] О людях, окружавших Тихомирова в Сергиевом Посаде см.: Волков С. А. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000; Голубцов С. А. Московская Духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999; Он же. Московская Духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века. По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М., 1999.

[2] Белый А. Начало века. М., 1990. С. 164–165.

религиозному опыту осмысление в форме «различных категорий бытия»[1].

Глубоко в душе Тихомиров мечтал о семейном уюте и спокойствии. 17 мая 1895 г. он записал: «Я мечтал основать семью — чистую, крепкую и больше ничего не хотел. Хочу денег, но немного, только для обеспечения, только для независимости семьи. И вот, хоть перервись, — ничего нет»[2]. Сравнивая судьбу своего друга К. Н. Леонтьева со своей судьбой, Тихомиров пришел к выводу: «Ему полагается только одно: душу спасать. А мне — семью растить. И дальше, — ни шагу!»[3]. Но тихая семейная жизнь была плохо совместима с деятельностью Тихомирова. Привыкнув за годы революционной борьбы и эмиграции к беспокойной жизни и неустроенности, он, даже обретя службу и постоянное место жительства, так и не смог сделать уютной огромную квартиру на Петровке, выделенную ему как редактору правительственной газеты. Там «очень редко кто собирался, а когда собирались, то... было всегда скучно»[4]. Тихомиров даже внешне производил впечатление человека не от мира сего. «Конечно, — отмечал С. И. Фудель, — Лев Александрович боролся непреклонно и страстно в книгах, статьях и выступлениях за тепло в мире, за сохранение этого уходящего из мира тепла, но не знал, что надо начинать с борьбы за тепло в собственном доме... Он воевал за то, что он понимал как христианскую государственность, и свою жизнь воспринимал как жизнь в окопах этой войны»[5].

В своем духовном завещании от 23 января 1916 г. Тихомиров, сумевший к тому времени скопить небольшое состояние, подробно распорядился своим имуществом. Казалось, что постоянно сетовавший на нужду, теперь он мог вздохнуть свободно. Но революция окончательно разорила бывшего редактора «Московских ведомостей», поставив его семью на грань выживания. Все, что было нажито тяжелым трудом и постоянной поденной работой, обращалось в прах. Сил бороться больше не было, да и самих идеалов, за которые можно было бороться, уже не осталось. 10 (23) марта 1917 г. газета «Утро России» сообщила о том, что 8 (21) марта Л. А. Тихомиров сам явился в милицию и дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю, и все распоряжения оного исполню и во всем ему буду повиноваться».

---

[1] См.: Тихомиров Л. А. Письма к М. В. Лодыженскому // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 137–144.

[2] Воспоминания Льва Тихомирова. С. 434.

[3] Там же. С. 393.

[4] Фудель С. И. Собр. соч.: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 61.

[5] Там же.

Такое поведение одного из видных идеологов рухнувшего режима вовсе не удивляет. Разочарование во власти и ее возможности усовершенствовать существующую систему стало общим местом в рассуждениях практически всех консервативных мыслителей начала XX века[1]. После Февральской революции, даже такой радикальный монархист, как В. М. Пуришкевич заявлял о невозможности восстановления монархии. Весной 1917 г. он выпустил небольшую брошюру, в которой говорилось о том, что «Весь старый строй русской государственной жизни, прогнивший сверху донизу, был карточным домиком, упавшим от легкого дуновения волны свежих, здоровых национальных чувств народных»[2]. Брошюра заканчивалась словами: «Да здравствует Временное Правительство, единая законная власть в России, впредь до Учредительного Собрания!».

После отречения Николая II часть правых отнюдь не мечтала о возвращении ему престола. Узнав в 1918 г. о расстреле бывшего самодержца, М.О. Меньшиков писал: «Жаль несчастного царя — он пал жертвой двойной бездарности — и собственной, и своего народа», — и далее рассуждал по поводу отречения, — «не мы, монархисты, изменники ему, а он нам... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, недостоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем. Но как верить в машину, сброшенную под откос и совершенно изломанную?.. Мы все республиканцы поневоле, как были монархистами поневоле. Мы нуждаемся в твердой власти, а каков ее будет титул — не все ли равно?»[3]. Другой монархист Никольский был не менее откровенен: «На реставрацию не надеюсь... Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, т. е. таким же отрицанием монархической идеи, как революция»[4].

В конце мая 1917 г. Тихомиров и его двоюродный племянник Ю.К. Терапиано оказались свидетелями революционного митинга, за которым наблюдали, стоя на ступенях крыльца Храма Христа Спасителя. «Вся площадь, вся улица, все громадное крыльцо храма были заполнены народом. Толпа напирала, было душно и жарко. Шествие

---

[1] Подробнее см.: Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX вв.). М., 2006. С. 297–306.

[2] Пуришкевич В.М. Без забрала. Открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов. Б. м., 1917. С. 3–4.

[3] Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. Вып. IV. С. 152–153.

[4] Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 359–360.

дефилировало бесконечно. Особенное внимание обращали на себя анархисты: они везли гроб, развевались черные знамена. Толпа орала и выкрикивала лозунги; множество солдат, расхлябанных и расхлестанных, без погон и поясов; многие из них были пьяны, шли под руку с девицами. В манифестацию влилась вся муть и накипь тогдашней революционной толпы. Оторвавшись на минуту от зрелища, я взглянул на Льва Александровича: никогда не забуду выражения страдания на его лице, как будто погибало что-то самое для него дорогое. Он был страшен»[1]. Чуть позже Тихомиров сказал «Я вспомнил, там, на площади <...> мое прошлое <...>, то, что было с нами <...> ради этого <...>»[2].

Представляется весьма интересным анализ жизни Тихомирова, накануне и после Октябрьской революции, который выполнил на основе дневниковых записей и ряда других документов Харуки Вада[3]. Японский ученый удачно выделил пессимистическое начало присущее мировоззрению Тихомирова, приведя из Дневника соответствующие отрывки. К сожалению, при цитировании им был допущен ряд неточностей и искажений (вполне объяснимых в силу объективных причин), попавших впоследствии и в русский перевод книги[4]. Однако нельзя согласиться с высказанным исследователем предположением, согласно которому Тихомиров «полагал, что монархию могло бы спасти убийство Николая II»[5].

Особое опасение у Тихомирова вызывала судьба его близких. Фиксируя в своих записях отсутствие в России каких-либо демократических традиций, он приходил к выводу о неизбежности установления диктатуры, если не одного пролетариата, то малоимущих классов в целом, что, по его мнению, должно было неизбежно привести к потрясениям. Надежды на лучшее, которые Тихомиров связывал с фигурой А.Ф. Керенского, сменились разочарованием, апатией. 16 октября 1917 г. он делает последнюю запись, связанную с недолгим пребыванием дома сына Николая, прибывшего на побывку из Петрограда. На этом Дневник обрывается.

К сожалению, записи Тихомирова, относящиеся к периоду Октябрьской революции, в ГА РФ отсутствуют и трудно судить, как именно оценил он свершившиеся события. Что касается отношения к

---

[1] Терапиано Ю.К. Встречи: 1926–1971. М., 2002. С. 20.

[2] Там же.

[3] Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913–1923. Tokyo, 1987.

[4] Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. На стр. 132 — вместо «направлять на победное единство» следует читать: «к подобию единства»; на с. 138 — вместо «Страшная весть» — «Страшные вести»; на с. 141 — вместо «Коалиционное Правительство» — «Коалиционное Министерство» и т.д.

[5] См.: Итенберг Б.С. Харуки Вада и его книга «Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды» // Отечественная история. 2001. № 1. С. 133.

Советской власти, то оно не было однозначным. Глухо упрекая большевиков в том, что они чрезмерно злоупотребляют принципом насилия, вместе с тем он обмолвился, что только большевики сохранили понимание государственности. С одной стороны, Харуки Вада верно отметил, что «Октябрьская революция, в задачу которой очевидно входило установление твердой революционной диктатуры, должна была по представлениям Тихомирова, осуществить давно лелеемую им мечту о сильной государственной власти»[1]. С другой стороны, анализ последних эсхатологических работ Тихомирова показывает, что в будущем он видел только новые жесточайшие испытания: «мир подходит к последнему своему периоду среди страшного революционного переворота, который, очевидно, изменяет самые основы государственной власти»[2].

Только почти через год Тихомиров, всегда трепетно относившийся к своим записям, пишет письмо председателю ученой коллегии Румянцевского музея: «Покорнейше прошу Вас принять на хранение в Румянцевском музее прилагаемые при сем двадцать семь переплетенных тетрадей моих дневников и записок на следующих условиях:

1) В течение моей жизни и десять лет по моей смерти право пользоваться этими рукописями оставляю исключительно за собой и членами моей семьи: а) Е.Д. Тихомировой, б) архимандритом Тихоном Тихомировым, в) Н.Л. Тихомировым, г) Надеждой Львовной Тихомировой, и д) Верой Львовной Тихомировой.

2) Через 10 лет по моей смерти рукописи поступают в распоряжение Румянцевского музея на общих основаниях.

3) Право пользоваться по п. 1 включает и право публикации»[3].

Просьба бывшего народовольца была исполнена.

К тому времени Тихомиров уже целиком погрузился в проблемы религиозного характера. Завершив исследование «Религиозно-философские основы истории», он пишет повесть «В последние дни». Пометки свидетельствуют о том, что повесть писалась с 18 ноября 1919 г. по 28 января 1920 г. (даты даются по старому стилю). С.И. Фудель сын друга Тихомирова — священника И.И. Фуделя — хорошо описал атмосферу, которая царила в доме во время чтения этой повести: «Мы сидели в столовой, угощением были какие-то не очень съедобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему-то пил его с солью. Керосина тоже не было... и горели две маленькие самодельные коптилки, освещая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести... но уже и в ком-

---

[1] Вада Х. Указ. соч. С. 145.

[2] Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. С. 580.

[3] ГА РФ Ф. 634. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

нате»[1]. Работа «В последние дни» посвящена «Е.Д. Т.» — Екатерине Дмитриевне Тихомировой. Повесть впервые увидела свет только в 1999 г.[2] По своей направленности она перекликается с работой Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», однако мистическая повесть «В последние дни» не является чисто философским произведением, поскольку в ней действуют выдуманные Тихомировым герои.

Социализм и связанный с ним материализм были, по мнению Тихомирова, только «пассивным» отступлением от Бога, но еще не означали воцарение Антихриста, как это казалось многим современникам событий. Тихомиров считал, что «для перехода к активному отступлению нужно, чтобы материализм сменился какой-либо формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление «нового бога», «иного бога». А поскольку этого еще не произошло, то, следовательно «последние времена» еще впереди. К моменту появления Антихриста общество, по мнению Тихомирова, ***уже пережило*** испытание социализмом и материализмом. Об этом он писал в своей повести: «Последние десятилетия перед началом нашего повествования представляли в социально-политическом отношении господство социализма, стремившегося отлиться в рамки строгого коммунизма. Но удержаться на этой почве нигде не могли прочно, потому что в строгом коммунизме нет места свободе. Стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма. Производительные экономические силы таким образом подрывались со всех сторон. Коммунизм подавлял свободную инициативу, анархизм разрушал обязательный труд. Народы погружались в бедность и необеспеченность, беспрерывно переходя от полукрепостного состояния к состоянию дикого произвола...»[3].

---

[1] Фудель С. И. Указ. соч. С. 62.

[2] Материалы повести были впервые введены в научный оборот в статье: Репников А. В. Лев Тихомиров — от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3. С. 189–198. Повесть опубликована С. М. Сергеевым: В последние дни (Эсхатологическая фантазия) // Христианство и политика. С. 393–538. В 2004 г. эта работа была переиздана в сопровождении статьи С. В. Чеснокова и с комментариями С. М. Сергеева. Переиздание было осуществлено без ведома исследователей и ссылок на первую публикацию. См.: Тихомиров Л. А. В последние дни. М., 2004. Указано, что это «издание православного братства во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня». Вступительная статья С. В. Чеснокова «Лев Тихомиров. По обе стороны баррикад» была взята издателями с Интернет-сайта, адрес которого приводится, а текст повести «В последние дни» и комментарии Сергеева были взяты из книги «Христтанство и политика» без ссылок на источник.

[3] Тихомиров Л. А. Христианство и политика. С. 407–408.

На почве социальной нестабильности, в атмосфере ожидания «вождя», выдвигается некий Антиох, умевший подчинять себе людей. Он становится Председателем Союза народов, который был организован из 10 держав, разделивших между собой мир. Получив власть, Антиох — Антихрист — восстанавливает утраченный в результате революционных потрясений порядок: «В экономическом отношении он повсеместно сразу ввел новый строй, который, сохраняя *принципиально* государственный коммунизм и право безграничного государственного вмешательства, восстановил на правах срочного и бессрочного *владения* частную собственность, частное производство и вольную торговлю. Это быстро оживило производство, обеспечило частные интересы и личную инициативу, и привело к такому процветанию, которое по сравнению со вчерашней нищетой казалось волшебным»[1]. Таким образом Тихомиров считал, что именно Антихрист восстановит государственность, разрушенную в результате социалистического переворота и войн, и люди, истомленные бедствиями, порожденными этим переворотом, будут радостно приветствовать произведенное Антихристом восстановление порядка.

После воцарения Антиоха начинаются публичные казни «Все храмы были конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки, отданы под клубы и т. п. Иконы и все принадлежности богослужения сжигались целыми кострами, священные сосуды и драгоценные ризы отдавались на Монетный двор»[2]. После ряда событий начинается подготовка к последней битве. Верные Антиоху войска собираются в Армагеддон. Далее все в повести происходит в полном соответствии с последними главами Откровения Иоанна Богослова. Борьба добра и зла заканчивается Вторым пришествием Иисуса Христа. «Так замыкается круг мировой эволюции. Царство мира соделывается Царством Господа. Все созданное приходит к той гармонии, в которой было создано, после продолжительного периода, в течение которого гармония была нарушена восстанием диавола и грехопадением человека... само человечество становится преображенным, получая новые силы для жизни с Богом и исполнения Его предначертаний в мире...»[3].

Все эти религиозные работы писались без какой-либо надежды на публикацию, «для вечности», а в реальной жизни нужно было как-то существовать и кормить семью. По словам С. А. Волкова, общавшегося с Тихомировым, в последний период его жизни, тот «заканчивал свое жизненное странствование» в бедности, работая «делопроизводителем школы имени М. Горького (бывшей Сергиево-Посадской мужской

[1] Тихомиров Л. А. Христианство и политика. С. 409.

[2] Там же. С. 469.

[3] Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. С. 586–587.

гимназии)». Ученики «к его огромному неудовольствию» прозвали бывшего монархиста (вероятно, за его бороду) "Карл Маркс"»[1].

В 1920 г. материально нуждавшийся Тихомиров получил помощь от бывшего главного редактора «Русского обозрения» А. А. Александрова и его супруги, которым был очень благодарен, о чем свидетельствует письмо от 2 сентября 1920 г.[2] Он успел оставить заметки с откликом на проштудированную им книгу бывшей соратницы В. Н. Фигнер «Запечатленный труд», обидевшись на то, что автор отвела ему слишком скромную роль в народовольческом движении и обвинив Фигнер в поверхностном взгляде на события. В последующих комментариях, которые должны были войти в его воспоминания, Тихомиров описал себя как лидера «Народной воли»[3].

В 1922 г. Тихомиров, которому в январе исполнилось 70 лет, смог зарегистрироваться в Комиссии по улучшению быта ученых. Интересен в этой связи, заполненный им в мае 1922 г. опросный лист, хранящийся в ГА РФ[4]. Называя места своей научной работы, Тихомиров помимо прочего перечислял: Библиографический отдел Главного управления по делам печати в 1905–1909 гг., библиографические и статистические работы по составлению и изданию «Книжной летописи»; членство в Совете Главного управления по делам печати; литератор, сотрудничавший в журналах «Слово», «Дело», «Отечественные записки», «Русское обозрение»; газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Россия», «Русское слово» и др. В обязательном списке научных трудов помимо работ, написанных в период революционной деятельности, Тихомировым были указаны и весьма двусмысленные для 1922 г. публикации: «Борьба века», «Социальные миражи современности», «Альтруизм и христианская любовь», «Земля и фабрика» и др. Были вписаны неизданные работы: «Религиозно-философские основы истории», «Тени прошлого» и «Основы государственной власти»[5]. Правда, откровенно

[1] Волков С. А. Возле монастырских стен. С. 282.

[2] См.: Вада Х. Указ. соч. С. 149.

[3] Ср.: «С одной стороны, мы постоянно находим страстные отрицательные характеристики Тихомирова, но, с другой стороны, исторически несомненно, что в свое время он играл очень выдающуюся роль и стоял в центре революционных событий». См.: Попов П. С. Предисловие // Тихомиров Л. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 6–7.

[4] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3 об., 4–4 об.

[5] Судя по всему, имелась в виду «Монархическая государственность», которую Тихомиров планировал переработать. Впечатляет указанный объем издания — около 900 стр. Харуки Вада считает, что «очевидно, Тихомиров пытался пересмотреть свою раннюю работу о монархическом государстве и создать на ее основе более общее исследование о государственной власти, преимущественно единоличной» // Вада Х. Указ. соч. С. 156. Судьба этой работы осталась неизвестной.

монархические труды в список не попали. Не упомянул он и своих сыновей, указывая в анкетном бланке состав семьи. Под заполненной анкетой стоит дата — 1 мая 1922 г., а рядом зачеркнута другая дата — 28 апреля. Получалось, что советская власть должна содержать человека, который долгие годы пропагандировал православие, самодержавие и народность, в то время как большинство соратников Тихомирова по монархическому движению уже погибли или эмигрировали. В ответном письме, от 4 июля 1922 г. секретаря московского отделения комиссии Тихомирову сообщалось, что он зарегистрирован по 3-й категории — история литературы, языковедение, библиотековедение (всего было 5 категорий, из которых высшей считалась пятая). Ему выделялась определенная денежная сумма (3 млн 250 тыс. руб.), и паек — 1 пуд, 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, ¾ фунта чая, 4 фунта сахара, 3 фунта соли. Возможно, что на благоприятное для Тихомирова решение повлияли ходатайства его старых соратников — В. Н. Фигнер и М. Ф. Фроленко[1].

Помимо работы над религиозными трудами другой заботой Тихомирова на склоне лет стало написание воспоминаний. Многие из запланированных автором очерков так и не были написаны, но даже то, что было создано, свидетельствует об огромном желании Тихомирова поделиться с новыми поколениями опытом своей непростой судьбы. На 23 сентября 1918 г. подготовленный список тем составлял 80 наименований! А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, С. Н. Халтурин, К. Н. Леонтьев, П. Е. Астафьев, Вл. С. Соловьев — все они стали «тенями прошлого». Тихомиров, переживший их, стремился исполнить свой последний долг, запечатлеть на бумаге те «мелочи жизни», которые «нужно знать будущему историку»[2]. Воспоминания отличаются необычной мягкостью тона, как по отношению к соратникам по монархическому лагерю, так и по отношению к бывшим друзьям-революционерам. Эти воспоминания, объединенные под общим названием «Тени прошлого» были полностью изданы только через 77 лет после смерти Тихомирова, который скончался в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г., успев незадолго до смерти передать на хранение оставшиеся материалы[3]. Могила Льва Александровича не сохранилась, какие-либо организованные поиски места захоронения не велись.

[1] Все это происходило на фоне усилившегося наступления новой власти на Православную церковь и подготовки высылки большой группы интеллигенции из Советской России.

[2] Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 18.

[3] «Их общее количество составило 61, в дополнение к тем 27-и, которые были переданы ранее» // Вада Х. Указ. соч. С. 157.

Судьба части архива, оставшегося у родственников Тихомирова, неизвестна[1].

* * *

Споры о Тихомирове не смолкают и по сей день. Он стал одним из главных героев исторических романов Ю. В. Давыдова[2] и О. Н. Михайлова[3]. Дважды была издана написанная в историко-литературном ключе книга А. И. Яковлева «Корона и крест», в которой большое значение уделено эволюции взглядов бывшего народовольца, ставшего монархистом[4]. Книга, несомненно, представляет большой интерес для всех исследователей творчества Тихомирова, но, к сожалению, при цитировании автором Дневника был допущен ряд искажений. Например, автор цитирует запись от 5 марта 1915 г.: «... Собрались говорить об определении мистического. Но не трогали даже составленные мною тезисы. О. Павел сразу свел вопрос к тому, что не важны определения... Он очень меня смущает. Конечно, он не старец, но могло в нем говорить и некоторое прозрение о личной моей потребности»[5]. В оригинале читаем: «Собрались говорить об определении мистического. Но не трогали даже составленной мною записки. О. Павел сразу свел вопрос на то, что не важны определения... Он меня очень смущает. Конечно — он не «старец». Но, однако, могло в нем говорить и некоторое прозрение о личной моей потребности...»[6]. Подобные искажения, не меняющие, впрочем, смысла, присутствуют при цитировании Яковлевым ряда других записей.

Одни, подобно публикатору трудов Тихомирова — М. Б. Смолину, восторгаются: «Он гениален в своем упорном и последовательном протесте против сумасшествия антигосударственных сил XIX и XX века... о Тихомирове можно сказать, что он был политическим

---

[1] Современный историк С. Н. Бурин во вступительной статье к републикации воспоминаний Тихомирова упоминает о том, что «существует легенда, согласно которой его вдова Екатерина и дочери Надежда и Вера долгое время сохраняли огромный сундук с его рукописями, не попавшими в государственные архивы... Но судьба этого таинственного сундука, если, конечно, он вообще существовал, — увы! — неизвестна». Бурин С. Н. Эффект Тихомирова // Тихомиров Л. А. Воспоминания. С. 14. О существовании архива Тихомирова, оставшегося у родственников (в котором в т. ч. находились и материалы работы «Основы государственной власти», пишет историк С. В. Чесноков, утверждая, что «короб с бумагами Тихомирова» достался его старшему сыну Александру (Тихону).

[2] Давыдов Ю. В. Глухая пора листопада. М., 1996; Его же. Бестселлер. М., 2001.

[3] Михайлов О. Н. Забытый император. М., 1996.

[4] Яковлев А. И. Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. М., 2001; Его же. Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. 2-е изд., испр. М., 2005.

[5] Там же. С. 569.

[6] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24. Л. 16 об., 17.

теологом, метафизиком монархической государственности»[1]. Другие исследователи, такие как С. М. Сергеев[2] и С. В. Фомин[3] считают, что идеализация Тихомирова может принести больше вреда, чем пользы[4]. Разнообразие оценок не только делает дискуссию о жизни и взглядах Тихомирова злободневной, но и все больше отдаляет нас от настоящего, рефлексирующего, терзаемого постоянными сомнениями в своей правоте, Льва Александровича, с его непростой жизнью и специфическим мировоззрением.

Пытаясь очистить портрет нашего героя от последующих временных «наслоений» мы обращаемся к дневниковым записям Тихомирова, которые хранятся в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 634).

Фрагменты из Дневника за 1883–1895 гг. публиковались в 1927 г.[5], а в начале 1930-х годов в «Красном архиве» была опубликована часть записей, относящаяся к периоду первой русской революции[6]. Поскольку публикации осуществлялись с неотмеченными купюрами, относиться к ним сегодня нужно осторожно. Фрагменты Дневника за 1901, 1905 и 1912–1917 гг. были опубликованы в 2002 г. в сборнике,

---

[1] Смолин М. Б. От Бога все его труды // Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 8.

[2] «Мы покамест, к сожалению, вместо творческого развития достижений наших любомудров занимаемся катехизацией их наследия (забывая, что нам вполне достаточно одного катехизиса — православного)... Никто из мыслителей прошлого (и Тихомиров в том числе) не сможет нам дать точных ответов на все современные вопросы» // Сергеев С. М. «Мои идеалы в вечном...» (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) // Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 18.

[3] «Однако вряд ли стоит уподобляться и современным публикаторам Л. А. Тихомирова, числящим последнего правоверным монархистом» // Фомин С. Из дневника Л. А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912–1917 гг.)//... И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556.

[4] О необходимости комплексного изучения всех этапов жизненного пути и всего творческого наследия Тихомирова пишут и другие исследователи: «... имела место трагедия неприятия его покаяния единомышленниками-монархистами. Сам Л. А. Тихомиров осмыслял свой путь в образе евангельской притчи о возвращении блудного сына. Впоследствии, уже в 1990-е гг., в результате возрождения этого трагического образа Л. А. Тихомирова появилось новое искушение — "канонизировать" Тихомирова. Наиболее ярко подобные попытки видны в традиции издания трудов Л. А. Тихомирова М. Б. Смолиным» // Чесноков С. В. Роль идейно-политического наследия Л. А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX — XX веков. Автореф. дис... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 17.

[5] См.: Воспоминания Льва Тихомирова. С. 154–438.

[6] См.: 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 1 (38). С. 20–69; Т. 2 (39). С. 47–75; Т. 3 (40). С. 59–96; Т. 4–5 (41–42). С. 103–147; Из дневника Л. А. Тихомирова // Красный архив. М., 1933. Т. 6 (61). С. 82–128; М., 1935. Т. 5 (72). С. 120–159; Т. 6 (73). С. 170–190; М., 1936. Т. 1 (74). С. 162–191; Т. 2 (75). С. 171–184.

посвященном юбилею С. В. Фомина[1]. Две публикации, включавшие фрагменты за 1899–1904 гг., были подготовлены Г. Б. Николаевым[2].

Вряд ли когда-нибудь удастся опубликовать весь Дневник Тихомирова, поскольку это требует многолетней кропотливой работы и значительных материальных затрат[3].

Мы предлагаем вниманию читателей полный текст Дневника Тихомирова за период 1915–1917 гг.[4] В ходе работы некоторые материалы Дневника были введены в научный оборот в публикациях с обязательной ссылкой на грант РГНФ[5].

---

[1] Фомин С. Из дневника Л. А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912–1917 гг.)//... И даны будут Жене два крыла... С. 556–626. К сожалению, при публикации текстов допущено несколько ошибок. Так, вместо слов «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *политиков*, то евреев...» (Фомин С. Указ. соч. С. 593) следует читать: «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *поляков*, то евреев...» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 59). В предложении «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — наполняют тревогой» (Фомин С. Указ. соч. С. 592) из текста публикации выпало словосочетание, отсутствие которого никак не отмечено, в отличие от других случаев, когда при сокращении текста это указывается. В первоисточнике читаем: «Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего, от хлеба до железа, — проводимые евреями, — наполняют тревогой» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 45).

[2] Николаев Г. Б. Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник / Отв. ред. Д. А. Андреев, А. И. Неклесса, В. Б. Прозоров. СПб., 2006. С. 358–396.

[3] «Чтение и работа с дневниками Л. А. Тихомирова, чей почерк не отличается разборчивостью, представляется задачей не простой» / Ефименко А. Р. Л. А. Тихомиров: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 1999. №6. С. 63.

[4] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24–27.

[5] Репников А. В. «От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых...»: Дневник Л. А. Тихомирова // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005. С. 94–113; Его же. «Мы находимся в положении лодки, попавшей в водоворот...» (по страницам дневника Л. А. Тихомирова) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 266–280; Л. А. Тихомиров (1852–1923). Из дневника за 1915 г. / Публ., предисл. и прим. А. В. Репникова // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. 2005. №1. Январь — июнь. С. 105–148; Тихомиров Л. А. . Из дневника за 1916 г. / Публ., предисл. и прим. А. В. Репникова // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. 2005. №2. Июль — декабрь. С. 174–227; Тихомиров Л. А. Из дневника за 1916–1917 гг. / Публ., предисл. и прим. А. В. Репникова // Философская культура. Журнал русской интеллигенции. 2006. № 3. Январь—июнь. С. 113–175; Репников А. В. Дневник Льва Тихомирова, как исторический источник // Научное наследие академика Л. В. Черепнина и российская история в Средние века и Новое время во всемирном историческом процессе: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина, 90-летию основания и 75-летию со дня воссоздания Рязанского государственного педагогического университета им. С. А. Есенина, 17–19 ноября 2005 года. Рязань, 2006. С. 256–260; Его же. «...Все идет к перевороту» // Россия XXI. 2006. № 5. С. 160–188; Из дневника

При подготовке к публикации текст был приведен в соответствие с нормами современного русского языка, явные описки исправлены без оговорок. Расшифрованные или вставленные от составителя слоги, недостающие по смыслу слова, фамилии заключены в квадратные скобки [...]. Слова, точная расшифровка которых находится под сомнением, отмечены знаком [?]. Сохранены сделанные Тихомировым подчеркивания отдельных слов и фраз.

Автор выражает искреннюю признательность Григорию Борисовичу Кремневу, Владимиру Геннадиевичу Макарову, Елене Михайловне Мягковой, Любови Константиновне Репниковой и Сергею Владимировичу Федорову за всестороннюю помощь, оказанную при расшифровке текста Дневника, подготовке комментариев и техническую поддержку.

Подготовка к изданию «Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг.» осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский проект № 02-01-00365а.

А.В. Репников

Л. А. Тихомирова (1915–1916 годов) // В кн.: Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). С. 351–422.

Дневник
Л. А. Тихомирова

1915 год

С 4 января по 7 сентября 1915 года*

4 января

Приехал в Москву из Посада с о. Тихоном[1]. Я пробыл в Посаде все Праздники. Все записки за эти дни (неделе две) — с конца декабря 1914 г. и в первые дни 1915 года сделаны в Посаде в Дополнительном дневнике. Из немногих поздравительных писем заклеиваю дальше два, меня наиболее заинтересовавших. Кроме того, была карточка с очень дружеской запиской Плеве. Было от Клевезаля и от Павла Боброва[2].

5 января

Приехали из Посада Катя[3] и мама[4]. Бедная моя Надечка[5] осталась одна, как перст. Ужасно мне жалко ее, но что поделать, когда она не хочет быть в городе, а другие не хотят быть в Посаде!

6 янв[аря]
Крещение

Был Е. А. Никитин. Вечером был у Хомякова[6], где были Кожевников[7], Лебедев[8], Мансуров[9], двое Самариных[10] и Корнилов[11].

Толковали о польском вопросе.

7 янв[аря]

О. Тихон уехал в Новгород.

20 января

Умерла Елена Евпловна. Ее отпевали у Василия Блаженного. Я, конечно, не мог и подумать пойти. Думал написать соболезнование самому Восторгову[12], да не стоит. В сущности, наше знакомство совершенно прекратилось.

От Быкова Владимира Павловича**[13].

Примите мое искреннее и душевное поздравление с наступающим Новым годом, многоуважаемый Лев Александрович!

Дай Вам Бог всего, всего лучшего, а главное — здоровья и душевного спокойствия в наступающем новолетии.

---

* Надпись на первой странице тетради дневника.

** Вклеено письмо. Здесь и далее подчеркивания в письмах и заметках, вклеенных в дневник, сделаны Л. А. Тихомировым.

Для нас с Вами теперь путь жизни ясен. Не могут уже влечь к себе ни земные блага, ни почести, ни слава, а в особенности, когда чувствуешь, что впереди осталось много меньше, чем позади, — поэтому мне хочется пожелать Вам того же, чего я теперь от всей души желаю себе: сосредоточить все свое внимание на «пути туда».

Смириться с ним, готовиться к нему.

Я от всей души верю, что там будет лучше.

Помоги только Господи и Вам, и мне в этот остаток дней указать остающемуся и грядущему поколению на все свои ошибки, заблуждения, на все встреченные жизненные ухабы, чтобы поменьше людей впадало в них, и чтобы Милосердный Господь помог им всем гораздо раньше узнать то, что узнали теперь мы.

Что все и вся у Господа Бога, в Его Святой Церкви.

И что цель жизни и смысл ее — в пути к Нему.

И как только человек всею своею сущностью, нутром поймет это, — он счастливый человек.

У него перевернется все его мировоззрение.

Что было наверху, то окажется в самом низу; а что было внизу, то переместится наверх.

Что казалось желанным, счастьем, от того захочется убежать, скрыться, как от самого тяжелого несчастия...

И так благослови Вас Господь теперь открывать эти пути.

Душевно люблю Вас и уважаю, хотя очень мало и редко видимся.

Спаси Вас Господи!

Душевный привет всему Вашему семейству, Вашей многоуважаемой супруге, милейшей Вере Львовне[14]*, вашему великому сыну.*

Храни Вас Царица Небесная.

Готовый служить Вам

Быков.

P. S. Звонил на этих днях раза два Вам, но ничего не вышло. Вероятно, испорчен был телефон.

31.12.1914.

Глубокочтимый Лев Александрович![*]

Приношу Вам искреннюю благодарность за поздравление и благодеяния.

Взаимно приветствую Вас и молитвами моими всеми милостями Господними. Отменили Рождественский молебен — временно, на один год. Идет слух, что в следующем году форма его будет изменена и полагаю, что чувства верующих получат надлежащее удовлетворение.

---

[*] Вклеено письмо.

Ваш сын берет отпуск с 30-го декабря, и Вы скоро увидите его.
Призываю Божье благословение.
Душевно преданный А. Арсений.

1914 г. Дек[абря] 24.

(от архиепископа Арсения Новгородского)[15].

24 янв[аря]

Все время сижу дома, хотя, впрочем, работаю. Работа идет плохо: все больше вставки, да поправки раньше сделанного, а путь вперед не пробивается. Вообще серо все кругом. Трудно привыкнуть к тому, что жизнь кончена.

О. Павел Флоренский[16] завтра уезжает на театр военных действий, священником санитарного поезда, в котором есть церковь-вагон. Хорошо делает. У молодых на все хватает силы.

Назначено у меня на Масленой два чтения, в среду в обществе «За Россию», в пятницу у Новоселова[17]. Уж не знаю, что из этого выйдет. Чтения то готовы у меня, да что скажет здоровье. У меня правильнее было бы говорить не «здоровье», а «болезнь».

Вчера у нас было событие: гости! О. Фудель[18] с женой, да Георгиевские. Явление еще небывалое. По одному человеку еще бывало, а трое сразу — нечто необычайное.

27 января

Моя «Борьба за Царствие Божие»[19], в своей первой части, т. е. в дохристианский период, выровнялась довольно стройно, и — когда закончу две главы (вставные, внутри) — может считаться законченной. Останется только чисто литературная отделка и переписка. Но хорошо ли? Нашел ли я концы, которые искал? Думаю, что не очень-то! Я надеялся на нечто более ясное. Но какой смысл моей работы, если я не сведу концов с концами? Ведь это не исследование фактов (с этой стороны моей работе, понятно, грош цена), а исследование внутреннего смысла, тенденций, идей. Если я ничего ясного не обнаружу — то из-за чего огород городить?

Горе мое, поздно пришел к этой работе, когда уже ни сил, ни времени впереди. А может быть, такая работа неисполнима без большой интуиции, которая у меня напротив крайне слаба. Собственно для себя я кое-что извлек, но для людей, кажется, нет.

28 янв[аря]

Был впервые в обществе «За Россию» и читал сообщение «Задачи, возбуждаемые современной войной». Было человек 30 слушателей. Ничего особенного.

30 янв[аря]

Читал у Новоселова введение «Борьбы за Царствие Божие». Было очень многолюдно, человек 60, забили всю комнату, не хватало стульев.

Были, между прочими, — Булгаков[20], Кожевников, Корнилов, Ф.Д. Самарин и несколько «серьезных» мне неизвестных. Из прочих были Ломакин Игн[атий] Сем[енович][21], который с большим удовольствием сообщил мне, что все мною сказанное буквально совпадает с его недавно изданной брошюрой. Он мне ее посылал... Я, однако, не получил и в первый раз о ней слышу. Он обещал снова прислать. Это очень интересно.

2 февраля

Начало Великого Поста, а я что-то расстроился здоровьем.

Был у меня Г.А. Шечков[22]. Он из Думы — едет домой. А перед Думой возил из Курска семь вагонов подарков для полков Курской губернии в армию Радко-Дмитриева[23]. Доходил до самых окопов. Рассказывал много интересного, хорошего.

Что касается общего политического положения, то оно весьма скверное. Оказывается, что Италия и Румыния не нынче завтра присоединятся к Германии и Австрии. Сазоновская кухня не хорошо готовит блюда.

Если только это произойдет, то мы будем, по моему мнению, биты, да еще как! По словам Шечкова, план Вильгельма[24] состоит в том, чтобы уничтожить Русских до того, пока Англичане успеют собрать войско, и тогда наброситься на Западный фронт. Если к тому времени выступит активно Италия и Румыния, то уж не знаю, чего и ожидать, кроме полного разгрома?

Дело все в том, что немцы не только патриоты и великолепно подготовлены, а еще важнее — умны. А у нас — такая ничтожность, как Сазонов[25]. Вильгельм у него из-под носа вырвал Турцию, а теперь вырвет еще Италию с Румынией.

Между прочим, скверно то, что немцы берут наших в плен больше, чем мы у них. На Австрийском фронте этого нет. У нас пленных австрийцев около 800 000, а наших у них почти нет. Но немцев пленных у нас 120 000, наших же у них чуть не 140 000. Это скверный признак.

Вообще, по мне, положение далеко не розовое.

3 февраля

Был у полк[овника] Смердова. Очень было интересно потолковать с военным и притом весьма развитым человеком. В общем, впечатления очень благоприятные, хотя в частностях, не без критики, которую по ее технически военному характеру, не могу оценить. Смердов

здесь на правах раненого, т. е. контуженного в левый бок. Сильно попорчено сердце и кишки. Собирается скоро снова ехать, но я нахожу, что вряд ли у него сердце исправно: это видно по моментам некоторого задыхания при разговоре.

4 февраля

Получено письмо от Н.Д. Извековой [?] из Орла. Оказывается, она с Павловскими опять должна была бежать из Гродно, и на сей раз почему-то убежали в Орел на шею Марии Дмитриевне Носковой[26].

5 февраля

Приехал в Посад. Хочу здесь говеть[27]. Еще могу успеть, если приобщаться в воскресенье. Пятница, суббота и воскресенье — три обедни.

Здесь, в Посаде, я не был с 11 января, почти месяц.

8 февраля
Воскресенье

Сегодня удостоился приобщения Святых Тайн. Благодарю Господа нашего.

Исповедовался у о. Дмитрия. Тоже очень хороший священник.

Ночь.

Устал, а спать не хочется. Очень отрадно, что приобщился. Это как-то всегда соединено с трудностями, но вот Господь помогает.

Я здесь и работал немножко. У меня предстоит в четверг новое чтение у Новоселова о язычестве, так нужно было подправить разные главы. Хотя этот отдел у меня и написан, но кое-как, без должной отделки.

На прошлом чтении был Игн[атий] Сем[енович] Ломакин и говорил, что он то же самое написал в своей брошюре. Я, наконец, достал эту брошюру в магазине Суворина[28], и, прочтя — только плечами пожимал. Ну, буквально — ничего общего. Не понимаю, что хотел выразить Ломакин, и где он усматривает сходство.

Шечков расспрашивал меня о чтении 30 января. Ему Ф.Д. Самарин сказал, что оно было очень интересно. Это приятно слышать.

9 февр[аля]

Был у Нейдгардта[29]... И вернулся с насморком. Прямо каждый раз простужаюсь у него.

10 февр[аля]

Приехал в Москву.

Очень скверные вести с Прусской границы. Штаб от 8 февр[аля] сообщает*:

Усиление германцев в Восточной Пруссии начало обнаруживаться уже с 22-го января, но размер его мог быть выяснен лишь несколькими днями позднее. Не имея возможности ввиду недостатка железнодорожных линий с необходимой быстротой собрать на фронте Восточной Пруссии силы, необходимые для должного отпора соответствующим начальством было принято решение отвести упомянутую выше армию из Восточной Пруссии в направлении к пограничной полосе и далее к рекам Неману и Бобру.

При означенном движении правое крыло десятой армии, теснимое весьма большими силами и угрожаемое обходом с правого фланга, принуждено было к весьма спешному отходу в направлении к Ковно. Своим быстрым движением оно обнажило фланг следующего корпуса, который этим был поставлен в исключительно тяжелое положение, выйти из которого удалось лишь отдельным его частям. Остальные корпуса десятой армии, ведя непрерывные упорные бои, медленно отходили по назначенным им направлениям, доблестно отбиваясь от наступавшего противника, нанося ему жестокие потери и преодолевая те неимоверные трудности, которые создал глубокий снег, занесший все дороги.

По этому поводу [«]Русск[ие] вед[омости»] (№ 32) пишут:

Но наши войска с честью вышли из этого тяжелого испытания и к 6-му февраля благополучно вышли из боя. Что касается до германских сообщений о захвате у нас 26-ти тыс. пленных, 20-ти орудий и 30-ти пулеметов, то «Русский инвалид»[30] *называет это утверждение «наглым».*

Совершенно несомненно, что это «наглое» утверждение должно быть совершенно справедливым. Если целый корпус почти уничтожен, то понятно, что такое количество трофеев должно было достаться немцам. Очень тяжело. Мы, кажется, начинаем воевать по-австрийски. Но если мы будем сдаваться целыми корпусами с десятками орудий (которых у нас и без того не хватает) — то что же ждет нас впереди?

И вечно нас захватывают неожиданно и в превосходных силах. Нет, видно у нас команда плохая.

А в Турции! Не нынче завтра англо-французы форсируют Дарданеллы и займут Константинополь. Это будет огромный успех, но не для нас. Мы после этого не получим ничего, ни одного пролива. Это полный исторический разгром.

А мы — возстановляем** Польшу и Армению! Противно думать. Да, видно не судьба нам иметь с таким правительством ничего, кроме по-

* Вклеено две вырезки из газеты.

** Так в тексте.

зора, проигрыша всех интересов России, — и, вероятно, революций, от которых конечно ни на грош пользы не прибавится. Какая злосчастная эпоха. И какое неумение находить людей. Сухомлиновы[31], Григоровичи[32] и Сазоновы — прямо пиковые карты. А возглавление? Полуживой Горемыкин[33].

14 февраля

Сегодня Вера уехала в Зосимову Пустынь[34]. В Сергиеве к ней должна присоединиться Надя. Обратно обе должны прибыть в Москву — 17 февр[аля] накануне моих именин. Так предполагаем мы по человеческому.

В четверг 12 февр[аля] было мое второе чтение у Новоселова. Публики было гораздо меньше. Пожалуй, чуть не вдвое меньше.

Вчера и сегодня делал выписки из книги Орлова «История сношений человека с дьяволом»[35]. Наиболее обратила мое внимание часть, составленная на основании книги Bataille[36] «Le Diable au XIX siecle»*. Очень поразительные вещи рассказывает о сатанизме в масонстве[37]. Вопрос — правда ли? Кто такой Bataille? Спрашивал Быкова... У него самые смутные воспоминания. Говорил, что, кажется, это псевдоним. Теперь по случаю войны, трудно и узнавать. Все на войне.

Кстати, крайне тягостное известие — Гурдов убит. Не успел расцвесть, — как вечный конец. Блеснул как падучая звезда. Среди кружка Писаревых — он более всех привлекал меня каким-то скрытым внутренним содержанием. Я видел, что он умен, хотя он прямо скрывал свой ум под внешностью светской небрежности. И вот — ярко блеснул, почти прославился — и ушел туда... Тайна! Впрочем, лучше умереть, чем испытать участь Булгакова[38] в августовских лесах.

Слыхал, что командовал X армией Сиверс[39], балтийский немец. Раньше командовал Эверт[40] — православный и русский, но говорят, перевели куда-то и назначили Сиверса, который немедленно и укомплектовал армию.

Рузский[41] — болен. Какая-то болезнь горла и уже, кажется, недели две. Как раз в это время и разгромлена X армия. Что это за манера назначать балтийцев? Что-то Великому князю[42] начинает изменять глазомер или счастье. Я все менее начинаю верить в добрый исход войны. У нас государственные люди очень плохи, очень плохи. С плохой подготовкой политики — не поможет войско.

Нет Столыпина![43] Конечно, и Столыпин жаловался, что при полной невозможности влиять на Военное и Морское министерство и

* Дьявол в XIX столетии (*франц.*).

при недоступности иностранной политики, — нельзя ему быть хорошим Председателем. Но думаю, что фактически он бы все-таки кое-что мог сделать теперь.

17 февраля

Сегодня ждали мы Надю и Веру, чтобы провести праздник — именины мои, 18 февраля.

Вместо того, Вера по телефону сообщила, что Надя больна (38,8°), простудилась (очевидно, в Зосимовой). Потому не только Надя не приедет, но и Вера; нельзя, понятно бросить больную. Да еще и Вера то связана с лазаретом в Москве. Назавтра устроили ей замещение, а дальше?

Придется мне ехать в Посад... Но не свалюсь ли и сам? Все может быть.

Очень все это огорчительно. Пропал и праздник. Ну да лишь бы чего еще хуже не вышло...

Ночь

Спрашивал по телефону о Наде. Правда, она принимала аспирин, однако к ночи все-таки 37,3°. Может быть, Господь даст — благополучно пройдет. Условились, что Вера завтра останется с Надей, а там — как Бог даст. Значит завтра мои именины весьма подорваны, но это пустяки, лишь бы не было хуже. Это, можно, сказать, слава Богу.

18 февр[аля]

Мои именины. Наде, кажется, лучше. Но я все-таки просил Веру остаться сегодня с ней.

Был в церкви. Поздравления: Тихон, Фудели, Новоселов, из Посада — Козлова[44], Икскуль[45].

Были: Еленев, Георгиевские (оба), Нина Фудель[46].

19 февр[аля]

Вера не приехала. Телеграфирует, что тоже заболела. Повышается температура. Наде же, как будто лучше.

Был Смердов. Передает, что есть слухи о том, что наши войска тоже пойдут на Босфор, м[ожет] б[ыть], десант, а может быть, пропустят Румыния и Болгария. Ну, тогда, конечно, мы бы заняли хоть Босфор. Только я как-то не верю.

Есть еще слух: будто начальник штаба Рузского оказался немецким шпионом, и что от этого зависит неудача операции в Восточной Пруссии.

21 февр[аля]

Отправил расчетную и чековую книжки в Петр[оградскую] конт[ору] Моск[овского] куп[еческого] б[анка] с просьбой ликвидации. О результатах справиться через неделю в Моск[овском] куп[еческом] банке.

Сегодня приехала Вера.

Вечером был Фед[ор] Конст[антинович] Андреев[47].

24 февр[аля]

Сегодня собираемся прививать оспу. Но чувствую какую-то слабость. Сон плохой. Температура — пониженная. Если и не свалюсь, то вряд ли поеду к Новоселову читать сообщение в четверг. Сегодня, впрочем, только вторник.

Тихон прислал очень красивые деревянные блюда — в подарок на именины. Я их получил поздно п[отому], ч[то] шли через Посад. Спаси Господь о. Тихона. Внимательный.

Вообще, благодарю Бога за детей*.

Оспу привили все. Прививала Катя Мокиева.

Сегодня уже получил из Петр[оградской] конторы Моск[овского] куп[еческого] б[анка] о ликвидации моего текущего счета и переводе 339 р[ублей] в Моск[овский] куп[еческий] банк. Очень быстро. Сумма состоит из 300 р[ублей] капит[ала] и 39 р[ублей] %. Очень приятно, что оборвана и эта ниточка моего прошлого.

Мне, прежде, при постоянных поездках в Петербург необходим был текущий там счет. Но <u>теперь</u> он составил зря валяющиеся деньги.

26 февраля

Чтение у Новоселова. Читал о <u>мистицизме</u>. Очень интересные разговоры. Масса возражений, иногда дельных. Но вместе с этим был удивлен чрезвычайной неподготовленностью, отсутствием чего-нибудь обдуманного о мистицизме, среди людей, так много о нем говорящих.

27 февраля

Вечер у Хомякова. Разговаривали о проливах и Константинополе...

Видел там типичного дипломата Нарышкина.

28 февраля

Князь Ширинский[48] разговаривал по телефону. Ничего, впрочем, интересного. Только вырабатывает записку — наши desiderata** в Па-

---

* Далее зачеркнуто 6 строк.

** Притязания (*лат.*).

лестине. Представит Сазонову, чтобы не могли отговориться незнанием потребностей православия при соглашениях с нашими дрянными союзниками.

У Ширинского сын в самом пекле — под Празнищем. 24 дня не раздевался, почти не сходил с коня.

1 марта

Был у обедни в церкви Коммерч[еского] училища. Очень удобно для меня. Теперь, коли Бог даст, есть куда ходить в церковь. У Никиты Мученика немыслимо стоять в шубе, да и теснота. А здесь можно раздеваться. Да и служба покороче.

В [«]Моск[овских] вед[омостях»] была мерзейшего тона статья ругательная против епископа Дмитрия и Саблера[49]. Тон — кабацкий. Сегодня узнал, что автор «Родион Серебрянский» — есть никто иной, как Борис Назаревский[50]. Не делает чести так охулиганиваться.

Как-то недавно, придравшись к случаю, я говорил с Б. Назаревским по телефону, с дружелюбностью, и очень этому рад. У меня было развилось к нему какое-то злое чувство, и мне хотелось в душе помириться с ним. И слава Богу — это чувство заглохло. Понятно, что он человек не весьма хороший! Но ничего особенно худого не делал, и злое чувство во мне было не потому, что он не хорош. Понятно, что я — по мере возможности — не буду с ним иметь дела. Но все это особая статья. Злиться-то все же не следует.

2 марта

Послано письмо еп[ископу] Гермогену[51]. Заказно[е]. Прошу его разъяснить вопрос о мистике. О том же Ладыженскому[52]. О том же о. Флоренскому, и Андрееву.

Приехала из Посада Надя.

4 марта

Надечка уехала в Посад. Завтра (в четверг) собираюсь и я туда же, и Новоселов тоже, чтобы устроить разговор с о. Павлом и Андреевым о мистицизме. Надо попробовать разобраться, что это за штука.

Но я себя плохо чувствую, голова тяжела, приливы какие-то к глазам. Недолго мне уже странствовать. Хоть бы Господь до пристани довел.

Это поистине несказанная милость Божья, что могу оставить семью с куском хлеба. Конечно, все на свете разрушается, но в мере обычной обеспеченности все-таки могу быть спокойным. Ну да и на милость Божью мне грех не надеяться.

Собственно, даже то, что я так несправедливо пострадал, и выброшен из деятельности — начинаю понемножку сознавать по-

лезным для себя. Какая уже мне деятельность! А сам не ушел бы, если бы не оскорбили, не обесчестили «лжуще». Истинно — за все, слава Богу.

Работы своей я, конечно, не кончу. Но все же — хорошо умереть, работая на дело Христово, уже без всякой политики...

Одного бы хотелось: чтоб Николай[53] при мне кончил курс и пристроился на какое-нибудь место. А уже Верочки немыслимо дождаться. Ну да Господь не оставит. Мои дети, как и Катя, лучше меня. Уж если мне Господь дал такую великую милость, то их не оставит.

5 марта

Приехал в Посад. Сразу же прочитал грозное предписание полиции об очистке ретирад и навоза под угрозой по суду — до 300 р[ублей] штрафа и 3 мес[яцев] тюрьмы. Убрать до 15 марта. Дело ужасно трудное. Все замерзло. Как его чистить? Завтра хочу идти к полицмейстеру — не даст ли разъяснения о точном смысле требований.

Вечером были о. Павел Флоренский, Ф. К. Андреев и Новоселов. Собрались говорить об определении мистического. Но не прочли даже составленной мною записки. О. Павел сразу свел вопрос на то, что не важны определения, а нужно достигать святости. Никакими силами нельзя было довести разговоры до дела. Так проговорили часа 3–4, и они ушли ни с чем, и я остался ни с чем. Думается мне, что о. Павел просто не хочет говорить. Почему? Вероятно, потому, что вопрос не решен для него, и он не хочет говорить необдуманно.

Но меня он оставил с тяжелым чувством. Что вопрос этот нужен — в этом я остался при прежнем мнении. Но нужно ли, чтобы я этим занимался? Не должен ли я все это бросить, и думать только о молитве, об очищении себя? Он меня очень смущает. Конечно — он не «старец». Но, однако, могло в нем говорить и некоторое прозрение о личной моей потребности...[54]

Собственно говоря, я взялся за эту работу действительно по своему побуждению. Оно может быть и ошибочным, обманчивым. Может быть, мне не следует этим заниматься?

Очень тяжелые сомнения оставил он во мне.

И в мирском и в «духовном» отношении день вышел неприятный.

6 марта

Был у нового полицмейстера (Семен Александрович Северин) — показался человеком порядочным и неглупым. Условился насчет очистки двора. От него заехал к Фед[ору] Конст[антиновичу] Андрееву и подписался на [«]Бог[ословский] вестник[»][55]. Но с «отходниками» выходит самое скверное положение — совсем не берутся, тут 3 че-

ловека отходников, всех обошел Павел[56] бесплодно. Думал поискать просто мужика... Безвыходное положение.

Другое бедствие — надвигается. Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится — Москве грозит голод. Я бы сказал, что они сошли с ума. Но боюсь, нет ли чего похуже. Не берегут ли хлеб для заграницы? Теперь во всех хлебных губерниях скупка для будущего экспорта может идти за грош. Вот так и Дарданеллы. Пробьют морской путь и хлынет за границу русский хлеб по самым дешевым ценам. А у нас голодная толпа будет грабить и убивать.

Вечер

Пришлось порядить вольного мужика, Василия Карпова из Делулино. За две ямы (помойку и ретираду) — 12 рублей. Обыкновенно их чистили за 4 р[убля]. Придут работать 2 мужика — 2 дня, т.е. по 3 р[убля] в день. Правда, что еще у них лошадь. Но все же — вот какие нынче цены! Серьезные. И — все-таки Павел говорит: «Только бы не отказался»... И возможно, весьма возможно...

Ямы потом будем дезинфицировать. Это обойдется еще рубля два. Да, думаю, новую решетку в помойке. Тоже, пожалуй, рубля в два выйдет. В общей сложности чистка — довольно солидный расход. Но дело это правильное и необходимое. На весну — прямо немыслимо обойтись без сильных эпидемий, как ни чиститься. А если эта чистка поможет хоть на 10%, то и то уже важно.

7 марта

Приехал в Москву. В Посаде уже с утра работают по очистке ретирад.

8 марта

Хорошее известие: взят Мемель. Это сильный удар пруссакам. Теперь бы еще надо было взять Тильзит.

9 марта

Известие еще лучше: сдался Перемышль, с 48 000 гарнизона. Вывесили флаги. Факт крупнейшей важности. Теперь, пожалуй, возможно движение на Краков, а это отразится и на всем Польско-Прусском фронте. Теперь впервые можно считать Галицию завоеванной. Перемышль — крепость первоклассная, и в наших руках прикроет Львов и всю Галицию.

Но вот мерзкие рассказы: о немецких шпионах. Говорят, генерал По[57] приехал специально для сообщения французских сведений о ряде крупных и даже «высокопоставленных» изменников, передающих все наши секреты немцам. В том числе называл будто бы и В[ели-

кую] к[нягиню] Марию Павловну...[58] Говорят, несколько человек уже казнены. Не понимаю, почему правительство не публикует хоть о смертных казнях. Это бы успокаивало общественно[е] мнение.

Ночь
12 часов

Сейчас раздались несколько ударов грома и молнии. Это удивительно, что делается в природе.

17 марта

Я прихожу в какой-то ужас от расходов. Мы не можем тратить больше 800 р[ублей] в месяц, и кажется, что это немало. Сегодня 17 число, и израсходовано уже 700. Не понимаю. Тут тратят, Надя в Посаде, — праздник... Но чем же это кончится? Прихожу только в ужас, как Победоносцев[59] при конституции, и ничего не могу сдержать.

18 марта

В Москве становится очень трудно жить. Все страшно дорого, или даже совсем нет. У нас дров нет. Осталось на несколько дней, а на дровяных складах не дают, говорят — нет. Не знаю, что из этого выйдет, и не придется ли уезжать в Посад за невозможностью топить. Правда, что и в Посаде плохо с дровами. Эти дурацкие губернаторские запрещения вывоза заморозят Россию, хуже чем немцы. Мы в Посаде на границе Владимирской губ[ернии] и живем ее продуктами.

Евгения Сергеевна Фудель[60] (на Арбате) не может купить яиц к Празднику. У нас на Басманной еще продают (45 коп[еек] за десяток), и Катя обещала ей купить. А дров и даже антрациту нет и у Фуделей. Нужно отапливать квартиру церковного дома, и о. Фудель едва достает антрацит, да и с какой-то протекцией.

Уже хоть бы тепло поскорее дал Бог. Тогда остается только вопрос о пище.

У нас создается внутренней блокадой то, что в Германии внешней, и может быть, мы себя заморим успешнее, чем Германию.

19 марта

Невообразимая чепуха со снабжением населения предметами первой необходимости. Правительство наделало столько зла, сколько не сделал бы и умный неприятель. Всего в России довольно, в огромном избытке. Если бы Правительство не совало своего носа, не регулировало — все бы было сыто: и армия, и народ, и на вывоз хватило бы. Каждый думает о себе: интендантство — об армии, частные торговцы — о рынке, внутренние — о внутреннем, экспортеры — о заграничном. Производители сбыли бы свои продукты, покупатели

имели бы, что кому нужно, экономический организм функционировал бы; была бы снабжена и армия.

Но бестолковая власть, губернаторы воспрещают вывоз и провоз. Никто ничего не может продать, никто ничего не может купить, нечем кормить людей, нечем кормить лошадей, а сено, овес, хлеб — гниют и пожираются крысами. Это какие-то неисправимые глупцы, не способные понять — где нужна власть, и что она не должна мешаться.

Теперь — дров нет. А живем около лесной области, где каждое лето горит лесу больше, чем нам нужно на отопление. Насколько нужно быть гениально глупым, что[бы] умудриться замораживать население Москвы?

Но вот — додумали.

Теперь — к Праздникам все караул кричат, нет яиц, нет масла, нет сыра, нет ветчины. Сейчас Катя в лавке покупала яйца (для Фуделей — на Арбат с Басманной!). Стон стоит, приказчики одурели, покупательницы орут и ревут, а яиц нет. Дают по пятку, по десятку. И даже не эксплуатируют, дают по 40 коп[еек] десять (в прочих местах по 45 к[опеек], в Посаде — 50 коп[еек]), но яиц нет, нельзя давать одним и отказывать другим, поэтому дают понемножку. В этом гвалте хозяин получил телеграмму. Оказывается, что министр разрешил «пропустить» в осажденный губернаторами город Москву шесть вагонов яиц. Эти шесть вагонов идут уже пять дней. Торговцы только руками разводят: «Они привезут на Фоминой[61]... Что мы будем делать с этими яйцами?!»

Теперь четверг Страстной недели. Яйца нужны сейчас, до Праздника. После Праздника половина их гнить будет у торговцев.

Это маленький образчик ерунды, создаваемой властями. Прямо ужасные люди, и зачем только они суют свой нос?

Теперь забирают в военное ведомство и воспретили продавать почти все дезинфекционные вещества.

А администрация под страхом штрафов и тюрьмы, велит дезинфицировать дворы. Да и вправду: ведь эпидемии угрожали и будут. Чем же нам защищаться от заразы?

Сам Вильгельм не мог бы лучше дезорганизовать, замучить и обессилить врага. Очень возможно, что наперекор стихиям — Россия будет заморена раньше, чем Германия.

Ну авось Господь выручит как-нибудь.

Сегодня был на Страстях. Коммерческое училище дает мне возможность бывать в церкви. Правда, служба упрощенная, однако для меня самая подходящая, а главное — я тут могу бывать, а в приходе немыслимо.

21 марта

Сегодня встречаем Светлое Христово Воскресение. Мы должны быть в Церкви Коммерческого училища, по билетам. Вчера был на выносе Плащаницы.

Ночь
2 часа

Ну вот, и Христос Воскресе! Возвратились вместе от заутрени. Я, Катя, Вера, Николай. Слава Богу. Была буквально толпа, но зала опоясывается коридором, и есть еще смежная зала. Все-таки давно не встречал Светлого Праздника с такой полнотой. Конечно, значительная часть службы не достигала слуха, однако слышать было можно.

22 марта

Светлое Христово Воскресение.
Приехала Надя.

У меня сегодня крайне печальное явление. Левый глаз мой еще от прошлого года (помнится со времени приблизительно суда[62]) подвержен изредка каким то подергиваниям, вроде ударов. Но я было думал, что это прошло. Этим постом повторилось, но слабо и скоро прошло. Сегодня — с половины дня — до ночи — беспрерывно. Неужели Господь готовит мне еще это страшное испытание?

23 марта

Послал письмо Антону Васильевичу (Маркграфу)[63] — через Марусю Писареву.

24 марта

Послал Соковниной[64] письмо о том, что буду высылать ей ежемесячно десять рублей. Просто тошно подумать, в каком она нищенском положении. Талантливая. Прекрасный человек, всей душой любит Россию, до мозга костей православная. Ее повести и рассказы 25 лет производили влияние, очищающее сердца. И вот — больная и старая — живет на 19 р[ублей] 50 к[опеек] в месяц, а работы нет, никто не берет, такие не нужны. Обидно. Я написал, что пусть зачтет за прибавку к старым гонорарам.

Россия дает десятки тысяч в год гаерам[65] и шарлатанам печати, а порядочное обрекает на голодную смерть. Это участь лучших людей старой России. Vae victis!*

Вот какие были праздн[ичные] выдачи:

Дети:	Коля 5 р. + 3 + 3——————11 р.	25 р.
	Надя — 5 + 2————————7	
	Вера 5+ 2———————7	

* Горе побежденным (*лат.*).

Молебен ————————3 р.*
Маше ——————————3 р.
Елене ——————————1 ½ р.
Павел ——————————5 р.
Дуняше —————————3 р.
Дворник ————————1
Монтер ———————— 50
Газетчик ———————— 60 + 50 = 1 р. 10
Телеграф ———————— 1 р.
Почтовыми——————— 1 ½ р.

В Посаде — Городовые — 3 р., ночн[ой] стор[ож] 50 к., почта — 1 р. = 4 р. 50

Всего — 50 рублей

26 марта

Эти дни пытался отыскать прием у глазного врача. Надо бы к Головину... Но ужасно далеко, а прием поздний (в 6 часов вечера). Записался к Снегиреву[66]. Это близко, но раньше субботы — все занято. Записали на субботу.

Вчера был у Васнецова[67]. Не скажу, чтобы его картины меня особенно поразили. Куликовская битва — момент нападения из засады — страшная каша дерущихся. Не разберешь, реально или нет. Битва Пересвета с Челубеем[68] — совсем была бы хороша, но задние ноги коня Пересвета странно поставлены... Конечно, все-таки хорошо, но от Васнецова ждешь больше.

* * *

Слыхал разную болтовню публики на тему об изменниках. Говорят, что Витте[69] — причастен этому делу, и отравился. Его Матильда[70] будто бы даже привлечена к дознанию. Объясняют их измену тем, что у них миллионы денег в Германии, и могут быть конфискованы. Это еще куда не шло: Витте всегда возбуждал недоверие публики. Но совсем уже дико — будто бы и жена Сухомлинова замешана, и что будто бы по этому случаю он получил отставку. Это большое горе, что немецкое шпионство так удачно. Кроме непосредственного вреда, оно рождает атмосферу подозрений, что так опасно в военное время.

Но зато истинно необычной популярностью и доверием окружен Вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич. Всюду — не только в обществе, но и на улице — его имя вызывает на каждом лице выражение

* Сбоку надпись: «На Пасху».

какого-то восторга. Он стал народным героем, о нем целые легенды, в которых он всегда является столпом справедливости, грозой неправды. На моем веку не было еще такого народного героя. Если он разобьет в конце-концов немцев — он будет прямо идолом народа.

Для России и для Государя Императора появление такого человека большое счастье, тем больше, что по общим слухам Великий князь глубоко предан Государю и любит его.

Вот, в сущности, и окончилась Пасха. Прошла для меня не весело. Ничего ободряющего, ничего утешающего. Никто не поздравит. Даже карточек получил всего штук 40, вдвое меньше, чем разослал. А самое, конечно, печальное — глаза мои... Что-то скажет Снегирев? О Господи! Я бы со всем, пожалуй, примирился, даже со смертью, хотя и не хочется умирать. Одно только ужасно: слепота и безумие! Такого горя уже не в состоянии была бы вынести душа моя. В этом прошу, молю — кричу о милости Божьей.

За Пасхальную неделю почти не читал, не работал. Боюсь, не повредило бы глазам.

Я вспоминаю и даже читаю Иова[71]. Но, пожалуй, он все-таки имел утешение — сознание своей праведности. Я же — увы — имею противоположное сознание в своей глубокой испорченности и никуда негодности. Вполне сознаю, что заслуживаю наказаний!.. Но все же есть предел несчастья, которое допускает моя душа, не колеблясь в надежде на Бога.

27 марта

12 часов ночи. Спать немыслимо! Над головой учительница гремит фортепьяном и лупит в пол каблуками (отбивает такт) — как будто в нее вселилась дюжина бесов. Эта школа, находящаяся над нами, — одна из отрав нашей жизни вообще. И не так дети, которые шумят весь день, как учащий персонал, гремящий каблуками и столами ночью. Вдобавок какая-то особа усерднейше учится на фортепьяно, и делает большие успехи. Но свинья, очевидно, полная. Даже и не подумает, что нельзя же не давать людям спать. И вот сегодня она в припадке своего музыкального каблучного бешенства. Не знаю, что и делать. Ее проклятый инструмент стоит над самой постелью моей. Невыносимо голова трещит.

28 марта

Был у доктора Снегирева (Колпачный переул[ок], свой дом № 11). Записан у него в приемном журнале за № не то 31148, не то 3148. Что у меня — ясно не сказал, и я знаю больше от ассистента Гамбургера. Ни нервы, ни сетчатка, ни самые сложные части глаза (хрусталик и пр.) — не повреждены. Болезнь — на почве сосудистой... Хотя

Гамбургер сказал, что склероз не велик... Снегирев приказал избегать всего стимулирующего: прилив крови к голове — бани, напряжения, волнения, споры («политические и философские даже»), спирт, кофе, табак. Не допускать запоров... Тут много взаимно исключающего, сказать правду.

Дал новые очки.

Предписал пилюли — Эрготин.

Через 2 недели прийти. «Вероятно, сказал, придется принимать йод»...

Что-то мудреное. Ясно, что конец всякой деятельной жизни. Но — угрожает ли слепота? Но Снегирев на этот счет ничего очень твердого не высказал.

29 марта

Был у Головина в расчете (он сам пригласил) потолковать о своем режиме. Но у него такая масса людей, что не удалось и слова сказать. Только одно слово сказал он, когда я всунул в руки рецепт (эрготин) — «значит расширение сосудов». Покорно благодарю!

30 марта

На сегодня опять записался у Снегирева. Хожу как одурелый. Такое бедствие! Даже не ожидал...

Кстати — началось наводнение в Москве.

Все одно к одному...

Ночь.
(30 марта)

Подробный разговор со Снегиревым меня весьма успокоил. Во-первых, испорчен один глаз, а второго это не касается. Во-вторых, и левый глаз (какие-то форс-мажорные расстройства) — собственно до слепоты, в смысле невидения света, не может дойти, а при запущенности и небрежности, может сделаться негодным к употреблению, т.е. будет туманиться, видеть несуществующие пятна, будет видеть часть предмета и т.п. Однако это не неизбежно, и его можно поддерживать в годности к действию.

Дал массу указаний. Работать можно, читать и писать, но с перерывами, и отдыхом, в общем, часов шесть в день.

Ну, конечно, за все это могу лишь воздать славу и благодарение Господу. Развинченность, близость конца — это еще не беда. Лишь бы кончить жизнь не слепым, и до конца видеть свет Божий, хотя бы и кое-как.

Благодарение Богу всемилостивому!

1 апреля

Возвратилась Вера.

Заявил Максиму Никитичу (управляющему), что буду искать другую квартиру. Но где я ее буду искать — этого и сам не понимаю. Наши, начиная с Кати, относятся к этому с полным невниманием. Не знаю, что выйдет из этого, но право сказать — легкомысленно.

2 апреля

Был в Комитете по делам печати на Панихиде по графу Татищеву. Присутствовали чиновники Комитета, военный цензоры, из редакторов П. Бартенев[72], и генерал Савпезин [?], и Сытин[73]. Был также Александр Самарин.

Назаревский поехал в Петроград на похороны графа.

Покойника все вспоминали как очень хорошего и честного человека. У него действительно была благородная душа. Преемника не торопятся назначать. Кандидатами называют Виссарионова[74], Муратова[75] и губернатора Стремоухова[76].

3 апреля

Вчера получил от Комитета по сбору пожертвований на воздушный флот просьбу возвратить присланный (по их словам) подписной лист и пожертвования, если они имеются. Сегодня заказно уведомил Комитет, что листа у меня нет, и сбора не производилось.

У меня совсем не принимались эти сборные листы, которые разными учреждениями рассылаются ужасно нахально, без спросу. У меня было распоряжение — не принимать и немедленно возвращать обратно. Несомненно, что если Комитет присылал, то и ему возвращать его лист. Чего они ждут, пропал что ли этот лист? Одни неприятности...

5 апреля

Воскресенье. Сегодня был у нас Николай Викторович Соколов. Едет на Алтай. Я просил лишнего места для Коли, но оказывается, что он страшно запоздал. Все занято, и, в лучшем случае, можно получить что-нибудь сверх штата.

7 апреля

У нас началась прошлогодняя история: искание квартиры, тоскливая и приводящая в уныние. Скверно, дорого, тесно, на верхних этажах. Негде жить. Квартиры нынче по 5 комнат, с конуркой для прислуги и — на 4–5 этажах. А у нас половина семьи не в состоянии взбираться; для прислуги нужно сносное помещение, и для себя — не менее 6 комнат.

9 апреля

Был у Новоселова. Читал (он) статью секретаря посольства Колемина[77] о римском католицизме и православии. Был там Н.Д. Кузнецов[78].

10 апреля

Приехал в Посад.

Здесь снег сошел почти совсем; грязь. Навоз на огороде представляет отвратительный вид, и даже запах разносится. Сегодня же послал Павла за рабочими. Обещали завтра с 6 часов утра прийти и взяться за работу: нужно вскопать грязь и зарыть навоз в землю. Это меня весьма беспокоит. Случись Санитарная комиссия — прямо скандал. Ну авось управимся. К сожалению, завтра — суббота, а в воскресенье не станут работать.

11 апреля

Договоренные вчера рабочие надули и не пришли. К счастью, попался зять Павла, который и согласился взяться за работу. Сегодня пустили в грязь около трети всего навоза. Но завтра — воскресенье. Если бы не помешал дождь, то в понедельник можно бы было кончить все, или почти все.

Вчера и сегодня — погода очень теплая, от 10 до 20 градусов тепла, снега почти нет, солнце.

12 апреля

Был у обедни в Общине Красн[ого] Креста.

Сегодня шел дождь, правда, летний и погода была теплая. До дождя и после дождя было солнце. Однако дождь заставляет меня бояться за завтрашнюю работу. А избавиться от навоза — тут главный вопрос. Когда он будет под землей, с окончательной разделкой грязи можно уже и не торопиться, тем больше, что пока земля не обсохнет — и нельзя ничего делать.

В хозяйственном смысле год неудобный: рабочих нет. Впрочем, наше хозяйство все равно не более как забава. Пока — этот посадский дом — составляет для нас одну обузу без малейшей пользы. А налоги — растут безобразно.

Лично для меня, конечно, не один посадский дом, а все, что со мной делается, — составляет нечто без смысла и без цели. Может быть, и есть какой-нибудь смысл, но мне он неизвестен. Это очень курьезно. Весь век я жил, имея цели, и ставя их себе, и думая, будто бы я для чего-то нужен на свете... Не мог себе представить иного конца как тот, что я умру на каком-то деле, на «своем посту»... И вот эти «дела» и «посты» исчезли, как мыльные пузыри... Курьезно. Не могу иначе

назвать. Прежде я даже воображал, будто я что-то «сделал», написал... Оказывается, что все это нуль, иллюзия, нечто ни на что не нужное и даже никому неизвестное... Конечно, таков же результат жизни сотен миллионов людей. Но я воображал будто принадлежу не к категории сотен миллионов, а просто сотен, более или менее «избранных»... Вот так и «избранность»! Весьма курьезно — 63 года прожить, с такой странной иллюзией.

А ведь меня в нее вводили десятки очень умных людей. Как могли они все так странно заблуждаться? Весь секрет заключается в коренной ложной постановке моей жизни. У меня ум — теоретический. Я гожусь по способностям (годился) к изучению явлений, фактов, принципов, к их анализу, к обобщению и выводам. Но у меня полное отсутствие способностей практических. Между тем моя жизнь сделала из меня практического «деятеля». Я, собственно, никогда и не был практическим деятелем, но состоя при практических деятелях, мог быть им полезен, истолковывать их идеи, и, так сказать, украшать их, возводя в принципы. При этом мои писания были всегда выше практики этих людей, и я мог казаться «очень умным». Но все же, вечно связанный с практическими деятелями, я не мог никогда отдаться своему истинному делу — чистой теории, и вышел середкой на половинку. Потому-то и результаты жизни — нулевые. Конечно, это очень жаль, но теперь, придя к концу жизни, уж не стоит жалеть о непоправимом прошлом. Стало быть, Богу было угодно попустить моей жизни сложиться столь бесплодно. А теперь единственный живой вопрос — чтобы дал мне Господь спасение души.

15 апр[еля]

Вчера сразу захолодало, ночью был мороз и снег. Холод и сегодня.

В Москве Катя больна, квартир нет, или ужасные цены... У меня же сегодня был «новый» припадок левого (больного) глаза. Вообще, все сразу стало мерзко. Надя тоже нездорова, простудилась.

Вчера получил письмо от Клевезаля и сегодня ответил. Теперь получение мною письма — чрезвычайная редкость. Нет ни одного человека, с которым бы я был «в переписке», кроме Тихона. Отдельных же случайных писем — не больше 2–3 в месяц, я думаю. От кого я имел письма за этот год? Все, кажется, могу вспомнить: Клевезаль, Соковнина, Маруся Писарева, Маркграф, кто-то из Керчи (кажется, Маша Разумовская), Арсений Новгородский, Гермоген Жировицкий, еще свящ[енник] Львов (Герман [?])... Нейдгардт и кто же еще? Кажется, за 3 ½ месяца больше и не было, да и не от кого. Правда, были еще с войны — Андреева[79], Матвеева, и нескольких солдат (благодарности

за подарки). Никогда в жизни не был до такой степени без друзей и знакомых. Старые поумирали, новых не нажил.

16 апреля

Ночью — мороз, днем — несколько раз снег с жутким ветром. Холод, не выше 2–3 градусов. Мокро. Мы оба, я и Надя, простужены. Очень мерзко.

Никакая работа на ум не идет. В голове пустота. На сердце тяжело.

Катя в Москве тоже больна.

17 апреля

Холод. Зубы все не усмирятся. Выходить нельзя. Скучища. Почитываю немножко разную оккультную мелочь («Изиду» за старые годы), немножко Deschamps[80]. Но все это холодно и бездушно, ибо так на душе. Нет Воли Божьей, не чую Ее, и на душе темно и пусто без нее.

Квартиры, конечно, нет, и Катя больна. Сегодня говорил с ней по телефону. Одним словом — все одно к одному.

19 апреля

Завтра собираюсь в Москву. Зачем? Авось сколько-нибудь помогу при искании квартиры. Это такой кошмар, что не могу ни о чем думать, пока не кончен квартирный вопрос.

Тут — в Посаде — конечно плохо по такой холодной погоде. Замечательно нехороший год в отношении погоды.

20 апреля

Собрался в Москву. Ветер переменился. Стало теплее. Отвратительные известия с театра военных действий. Немцы подошли наполовину дороги к Риге. Либаво-Роменская дорога захвачена верст на 150. Их разъезды уже около Либавы. Миноносцы в Рижском заливе. Что делают наши? Нигде нет войска. Никаких движений неприятеля не предвидят. Нет, к несчастью далеко нам до немцев, и теперь уже повторяю на основании полугодового опыта: у нас нет настоящих полководцев. У нас нет плана, нет умения исполнять планы, и мы ведем войну по указке неприятеля, т.е. вся инициатива у немцев, а мы только обороняемся от их ударов, и не предвидя их, а лишь после нанесения удара. По степени талантливости это совершено то же, что было в Маньчжурии.

Вечером

Приехал в Москву.

21 апреля

Искал квартиру.

Был у Хомякова.

Погода поистине ужасна. Сырой леденящий холод с ветром.

23 апреля

Искал квартиру, Коля и Вера тоже. Катя больна, не может выходить. Этот квартирный вопрос сводит с ума, какая-то мучительная и неразрешимая задача.

24 апреля

Сегодня нанял квартиру, за страшную цену 1860 р[ублей] в год! Квартира недурна, но в 3 этажа и вдали от трамваев: угол Молчановки и Борисоглебского переулка, д[ом] Новикова. Эти квартиры — нечто ужасное, прямо невозможно жить на свете. Но дело сделано! С отчаяния чего не сделаешь?

Квартира с отоплением. Это равносильно рублям 250. Собственно, на квартиру остается свыше 1600 рублей.

26 апреля

Сегодня подписал контракт на новую квартиру (д[ом] № 7 по Борисоглебскому и № 30 по Больш[ой] Молчановке, Михаила Емельяновича Новикова; его доверенный швейцар Семенкович). Уплатил по 1 сент[ября] всего 568 рублей.

Очень редкий платеж, тем больше, что квартира вообще хорошая, не без серьезных недостатков. Но что будешь делать! Некому искать, и отсюда прямо какая-то незадача. Ничего не поделаешь. Смертный, силе, нас гнетущей, покоряйся и терпи!..[81]

Вечер

Либава взята немцами — с суши! Вот как превосходно ведем мы войну. Полная бесталанность. На Карпатах геройский подвиг генерала Корнилова[82], состоящий в том, что он пробился сквозь окружившего его неприятеля при отступлении нашей армии. Везде нас бьют, где только встречаемся с немцами (а не с австрийцами).

В Дарданеллах тоже весьма не блистательно, и я не удивлюсь, если англо-французы будут расколочены турками под командой немцев.

Одним словом — дела отвратительные, и хотя, конечно, немцам нужно отдать справедливость и долг, что они дерутся умно, энергично, и самоотверженно, но конечно, это бы их не спасло, если бы мы и наши союзники не были очень плохи. Ни Правительство, ни военачальники не находятся на высоте положения.

Десять месяцев войны, — и какие результаты? Один скандал.

27 апреля

Начали понемногу укладываться. Надолго ли будет новое убежище? Что теперь надолго? Будем ли удивлены, если немцы возьмут и Москву?

Кто командует армией в Курляндии? Плевако[83] предполагает, что этот наш знаменитый Павел Адамович Плеве![84] Ему была поручена организация 12-й армии.

Это прямо ужасно. В такое время — и важнейшие места даются мужу сухомлиновской сестры... Россия ждала, что прогонят даже самого Сухомлинова, ибо публика упорно говорит, что его жена замешана в дело Мясоедова...[85] Но не только Сухомлинов благоденствует, но и его свояк. Правда, Государь еще недавно чрезвычайно доверял Сухомлинову, но что смотрит Великий князь? Не может же он не знать полной негодности Плеве? Ведь он сам военный и был начальником округа.

Сообщил сегодня Сидоров[86], что графиня Игнатьева[87] выдвигает на место Начальника Главного управления по делам печати — Владимира Владимировича Назаревского[88]... Тоже недурно. Конечно, это не имеет особого значения, кроме того, что Назаревский вооружит печать правительства. Но все же характеристичный признак времени.

Неужели в правительстве совсем исчезли идеи и сколько-нибудь умные люди?

Вечер

Сидоров уверяет, что Плеве находится под Осовцом, а кто в Митаве — неизвестно. Значит утренние сведения Плевако относятся к области зряшных московских сплетен.

Наша Маша рассказывала о будто бы самом скверном настроении народа — по рынкам, по лавкам будто бы говорят, что не хотят идти на войну, не пойдут на призыв, разграбят лавки и устроят забастовку. Хотя она весьма фантастичная особа, однако, невольно тревожат ее рассказы (конечно, она говорит не мне, а Наде; мне боится говорить). А нам предстоит переборка на другую квартиру. Что если вправду будут беспорядки, которые пресекут возможность переборки?

28 апреля

Опять испортилась погода, дождь, ветер и похолодало. Барометр упал и сразу очень низко.

На театре войны мерзко: бьют нас и на севере и на юге. Начинает одолевать тоска. Пока дела русских шли хорошо или сносно — не так еще было тяжело сидеть вне всякого дела. Но если России становится плохо — то страшно тяжко ничем ей не помогать. Между тем я вы-

брошен из всех возможностей служить ей, и это неисправимо, я не могу никуда сунуться, нет никакой щелки.

29 апреля

Сегодня приехала Елена Петровская.

30 апреля

Мама переехала в С[ергиев] Посад, Катя поехала к ней.

У нас начинается упаковка вещей.

Уплатил за Басманную квартиру по срок найма (17 июля) 216 р[ублей]. Въехали [?] мне эти квартиры. Вряд ли удастся пересдать.

2 мая

Сегодня приходил смотреть квартиру отставной генерал Стерлигов, и вместо того, чтобы нанять — битый час проговорил со мной об этом поганом суде надо мной. Он, оказывается, бывший читатель [«]Моск[овских] вед[омостей»]. Собственно, судом он, зная дело по прежним отчетам, возмущается. Но эти разговоры меня расстраивают, бередят рану. Притом, естественно, спрашивал, почему же такая несправедливость? А я откуда могу знать побуждения судей? Крайне неприятно. Только волнует и расстраивает.

Интересно бы знать: сознают ли все эти гг. Томошевские с К°, что они разрушили всю мою жизнь? А за что? Ведь они не могут не понимать, что я никакой клеветы не совершал.

14 мая

Катя производит перевозку на новую квартиру, а я на эти дни остался в Посаде.

16 мая

Переехали наши на новую квартиру, или нет? Не имею сведений.

Моя работа идет до невозможности тяжело. Совсем голова не работает. Сегодня, впрочем, написал новую I-ю главу, вступительную, взамен прежней, которая мне ужасно не понравилась: та самая, которую читал у Новоселова. Оба они, т. е. Новоселов и Андреев, когда я с ними говорил 10 мая, утверждали, что ее не нужно переписывать, но мое личное ощущение было слишком ясно — что она плоха, составляет не органическое, а какое-то случайное, полемическое начало. Новая глава меня, во всяком случае, более удовлетворяет.

Теперь вопрос — в начальной главе второй (или скорее 3) части, которая мне точно так же упорно не дается.

17 мая

Письмо Веры от 15 мая сообщает, что они перебрались на новую квартиру, конечно совершенно истомленные. Ну слава Богу.

Сегодня же имел большую неприятность. Явился сюда ко мне Сергей Уваров, несмотря на мое категорическое по телефону требование, чтобы он не приходил. Понятно, что ему нужны деньги. Он, собственно, вполне несчастный человек, редкий тип изуродованного интеллигента, абсолютно ни на какую работу не годный, но убежденный в своей гениальности. Помочь ему — невозможно. Я еще с редакции всячески пробовал, но ничего не выходило. Лично он мне антипатичен до крайности, да, я думаю, и всякому, кто имел с ним дело. Живет он, очевидно, в крайней бедности, без всякого сомнения, выпрашиванием у всех нескольких рублей.

Принужден был сразу его отвадить. Сказал, что не могу для него ничего сделать, и очень недоволен, что он пришел, вопреки моему запрещению. Сказал, что, по моему мнению, он не способен ни к какой работе, и единственное, что могу посоветовать — идти в монастырь (он — верующий). «Однако мне говорят, что я должен еще послужить», — возразил он. — «Где послужить?» — «На каком-нибудь деле, на службе гражданской или церковной»... Нужно сказать, что он не в состоянии был в течение нескольких лет выдержать экзамен на сельского учителя... «Ну, говорю, тогда, пусть Вам ищут место те люди, которые Вам это говорят». Зашел в дом — и простился с ним. Он поплелся к Новоселову. А я сел писать Новоселову, как в ту же минуту сам Новоселов позвонил по телефону из Гефсиманского скита[89]. Я ему сказал, что явился Уваров, что я с ним не хочу иметь никакого дела, но что если Новоселов оказывает ему какую-нибудь милостыню, то я готов иногда давать ему рубля три, пять, но через Новоселова и под условием, чтобы Уваров даже не подозревал, что это от меня.

Новоселов поспешно бросил трубку и сказал: «Нужно бежать домой, спасать маму, а то ее атакует Уваров». Надо сказать, что Новоселов и напустил когда-то на меня этого господина, а теперь сам не знает, как от него спастись. Приученный к подачкам, он крепко вцепился в него, и не хочет отстать. Он тоже советовал Уварову идти в монастырь, чтоб он мог бы быть полезен на разном мелком послушании. Он все же «начитан» и даже развитой. Но Уваров мечтает о чем-нибудь крупном, мнит себя великим философом и писателем. Пишет же такой сумбур, что нельзя печатать. Я должен был мучиться над переделкой его статей, буквально над каждой строкой. Это любопытный урок. Нельзя сказать, чтобы у него не было мысли. Но она зарыта в каком-то сумбуре. Нужно внимательно вдуматься в его рукопись, понять — где мысль, и где наслоения какого-то бреда, потом

вычеркнуть весь этот сумбур (по большей части около 2 / 3 статьи), а остальное связать самостоятельно в статью. Я таким образом напечатал несколько его статей. Труд — ужасный.

Хорошо было бы ему пойти в монахи. Мог бы действительно на что-нибудь пригодиться.

Но иметь с ним дело, не имея возможности посадить его за работу — это просто избави Господи. Замучит совсем. Не хочу его и близко к себе подпускать. Это даже не грех. Ни на кого не возлагают тяжести превышающей силы. Милосердие можно оказать, но только тайком, чтоб он не знал. А то привяжется — не отстанет. Мне приходится беречь свой глаз от приливов крови, а этот человек меня и раздражает и волнует.

18 мая

Этот нахал Уваров сегодня звонил по телефону с совершеннейшими пустяками, очевидно, для поддержания знакомства. Очевидно, он выработал вполне медный лоб.

От него я узнал, что он в Посаде, и что Новоселов уехал на родину... Это значит, что Новоселов сбежал от него, навравши, будто уехал на родину. Мне известно, что он уехал не дальше, чем в Москву, и возвратится в Посад. Очевидно, он надеялся, что Уваров уедет отсюда. Но тот засел твердо. У кого? Кого обсасывает? Ждет Новоселова, как паук муху...

Очевидно, совсем скотина. Пожалуй, такому человеку нельзя давать даже и милостыни.

19 мая

Мужик рассказывал Павлу, что приезжий из Москвы сообщил, что Москва спешно украшается. Не имея телефона (снятого и еще не поставленного) не могу понять, что это значит? Победы решительно никакой не может быть по сведениям Главного штаба. К приезду же Высочайших особ теперь украшают город кое-как флагами, по желанию самого Государя, который сказал, что во время войны не нужно тратить деньги на парады.

20 мая

Мужик наврал. Ничего важного не принесли газеты. Может быть, действительно, просто ожидают какого-нибудь Высочайшего посещения.

На днях [«]Моск[овские] вед[омости»] (№ 122) приводили любопытную выдержку об идеях императора Вильгельма. Наклеиваю ее. Впрочем, слова Вильгельма несколько переврали, но сущность, конечно, выражает германскую идею. И она заставляет задуматься.

Идея, настроение — общенемецкие. Это сказалось и в социал-демократии. Побоку всякий идеализм, реальна только материальная сила, а потому она есть основа права. Faustreht*. Le droit de plus fort**. Идея абсолютно безбожная, но понятно, что такая «вера» заставляет и побуждает развивать гигантскую силу. Эту силу мы видели теперь в войне. И что же противопоставляют ей союзники? Да в сущности ничего. Идеи никакой. Зомбарт[90], который недавно писал нечто сходное с объяснениями Вильгельма, ошибся, будто против Германии выдвинулся «принцип 1789 г.». Никаких принципов никто не имеет и не выдвигает. Все движутся своими интересами, хотя вполне законными, но ничего принципиального не предвещающими. Германия выставляет принцип, несомненно, бесовский: высшее право, высшее счастье, абсолютный принцип — составляет могущество. Эта вера может быть сокрушена только принципом Божьей Воли, действительной верой в Бога. А где же она? Немцы верят в силу, и потому ее разбивают. Но кто же верит в Бога настолько, чтобы разобрать исполнение Воли Божьей?

На очень грустные предчувствия это наводит.

М[осковские] в[едомости][91]. 1915. № 112***.

Вильгельм о покорении народов.

ПЕТРОГРАД, 16 мая. Из Копенгагена Петр. Кур. Телеграфируют: Одно из близких к кровавому императору Германии лиц, генеральный директор Гамбурго-Американской компании Макс Балин, сообщил корреспонденту американского Herald: Я имел смелость сказать императору правду о войне, о ее бесполезном в лучшем случае конце, о ее жертвах и о ее героях. Я сказал ему, что Германия получит несколько миллионов инвалидов, которые пожрут плоды даже самых совершенных побед, что нация никогда не вернет колоний и рынков в самой Европе, что Гогенцоллерны[92], подобно французским королям, будут принуждены искать милости и покровителей. Вильгельм на это энергично возражал: «Я причастился Св. Тайн и дополнил свое завещание. Я оставляю моему народу подлинную земную веру в могущество оружия и в право сильного. Народ выдержит испытание и, омытый кровью своей и чужой начнет делать свое дело мирного завоевания. Я завещаю ему веру только в себя и в свою божественную цель на земле — покорить еще не покоренных. Дорогой Балин, мы добьемся этого». Передавая это, Балин добавил: «Уход за бедным императором очень плохой. Врачи мало за ним следят». (Соб. тел.).

---

* Право кулака *(нем.)*.

** Право сильнейшего *(франц.)*.

*** Вклеена вырезка из газеты.

Вечер

Сегодня приехала из Москвы Катя. Завтра собираюсь поехать в Москву я.

Примечательный случай с Катей. Накануне переезда на новую квартиру, когда все было уложено, Катю схватил такой «прострел», что она свалилась, и с ужасом думала, как же быть? Переезжать невозможно: она не в состоянии даже пошевелиться, лежа на единственном неупакованном диване; оставаться на старой квартире, где и посуда и даже мебель запакована — тоже немыслимо. И до каких пор? У ней прострел иногда длится по несколько недель. В этой безвыходности, не имея даже никакого лекарства, Вера говорит ей: «Хочешь натереться святым маслом? У меня в тюке несколько пузырьков, и руку можно просунуть... Хочешь — какое вынется?». Вынула наудачу: оказалось, от Святителя Гермогена[93]. Кое-как натерла. Заснула. Спала крепко. Утром проснулась с тем же ужасом, как быть? Однако шевельнулась — не больно. Слезла с дивана — не больно. Расхрабрилась, начала укладывать мелочи — и ничего: исчез прострел, как рукой сняло. В то же утро переехали, и она немедленно потом отправилась к Св. Гермогену, помолились, отслужили молебен.

Истинно милостив Св. Угодник!

31 мая

Сегодня я приехал из Москвы, с Верой. Из Сергиева в Москву отправился 21 мая, и пробыл там до сей поры. За это время там произошли немецкие погромы, о которых не имею времени записать![94]

А 30 мая уехал Коля на Алтайскую ж[елезную] дорогу.

Томская губ[ерния]. Новониколаевск. Управление Алтайской жел[езной] дороги.

Но он не будет в Новониколаевской, а в Семипалатинске, где должен явиться Начальнику участка (кажется 8 / 20).

1 июня

В суете пребывания в Москве и отправки Коли, при беспорядках минувших дней, я позабыл уплатить страховку жизни, и Надя рано утром отправилась в Москву, чтобы уплатить мою страховку.

В Москве пришлось пережить страшные дни, подобных которым я не видал в жизни. Говорю о немецком погроме.

До меня доходили очень глухие слухи о недовольстве в народе на потачки немцам, о том, что немцы отравляют колодцы, пуская холерные бациллы. Однако ни о каких разгромах не говорили, т.е. я не слыхал.

Утром 28 мая я должен был поехать к глазному врачу (Снегиреву), а от него часов около 2½ дня, получив рецепт к Феррейну и заказ

новых очков к Бевальбу, отправился домой. Заказал лекарство у Феррейна, отложил до завтра Бевальба, и поехал к себе на Молчановку. Не успели проехать по Никольской ста шагов, как увидели со стороны Красной Площади толпу с национальными флагами. Впереди бежали мальчишки, десятка четыре, с громкими криками: «Шапки долой». Патриотические манифестации теперь обычны и привычны. Сняли шапки и остановились, как и все на улице. Толпа тысячи две-три человек со знаменами и несколькими портретами Государя, с криками «ура» прошла мимо нас. Все это были люди довольно молодые, но не мальчики, прилично одетые, по всем признакам фабричные рабочие, т.е. прилично держащиеся и с интеллигентными лицами. Наконец мы могли тронуться, но еще через сотни две шагов завидели новую толпу со знаменами. Мы поторопились свернуть в переулок, но он был так забит другими экипажами, что пришлось остановиться снова, и толпа продефилировала у наших задних колес. Она пела: «Спаси, Господи, люди Твоя» и была менее многочисленна.

Двинулись дальше, и извозчик сказал мне, что это «по случаю высылки немцев из Москвы», и видимо, обеспокоился, доедем ли мы до Молчановки. Однако выбирая наиболее безлюдные улицы, доехали без дальнейших встреч.

Через несколько времени вернулась домой Вера, и рассказала, что в Москве идет разгром немцев; она была захвачена толпою на Кузнецком, и была невольною свидетельницей разгрома магазина Цинделя. После того стали доходить слухи о все шире развивающемся погроме, который через несколько часов докатился до Арбата.

Прибежал какой-то человек на Арбат и говорит взволнованно извозчику, видимо, знакомому:

— А знаешь, какая забастовка идет на Кузнецком?

— Да ну?

— Верно. Погром вовсю.

— А что же сюда, к нам, будут?

— Теперь там занялись? После придут.

И, действительно, пришли. Послышались крики «ура», и долго грохотали издали с Арбата. Мимо нас однажды пробежала небольшая толпа со знаменами и, заворачивая на Молчановку, кричала «ура» перед Английским консульством, где висит английский флаг. Наша прислуга выбежала посмотреть, пробежали мимо нас люди, особенно бабы с узлами. Вот и все, что я лично видал, да еще, уже после, целый ряд разгромленных магазинов на Арбате, Тверской, Кузнецком Мосту с переулками, по Лубянской площади и Лубянке... Но я целый день и последующие дни сидел на телефоне, и видел несколько человек, лично видевших разгром, по соседству от себя или даже ходивших за

толпой. Картина у меня составилась полная. Она сходна с тем, что опубликовано Петроградским Телеграфным агентством, но конечно гораздо ярче, ибо в этих событиях кипел огонь и текла даже человеческая кровь.

Как ее обрисовать?

Та толпа, которая меня задержала на Никольской, была одна из начинавших отрядов. Они все таковы. Дело, очевидно, подготовлено и организовано с величайшим искусством и ведено замечательно дисциплинированно, по крайней мере, со стороны «регулярных» отрядов. Они действовали систематично, не спеша, обдуманно. Задание было — разгромить предприятия германских подданных. Немцев русских подданных не трогали. Я сам видел несколько разбитых магазинов, заколоченных досками с громадными черными надписями: «Разбито по ошибке. Фирма русская». Но это — ошибки, и если ошибку замечали вовремя, то прекращали разгром. Так на Арбате разбили стекло у Райхмана, который в действительности еврей, и затем — никаких дальнейших враждебных действий не было. Наоборот: разгромлено садовое заведение Соловьева. Оказалось, что это подставное лицо, и заведение принадлежит немцу Мацке. У регулярных отрядов громил были списки подлежащих уничтожению. Толпа подходила к заведению. Несколько человек входило в магазин, и требовали документы, которые перечитывали. Если открывалось, что хозяин русский подданный — шли мирно дальше, иногда даже крича обеспокоенному нечаянно «ура». У Мейера (садоводство) проверка книг шла полтора часа и все это время толпа стояла на улице с неподвижностью и усердием войсковой части. Но Мейеру не удалось «оправдаться», его немецкое подданство было обнаружено и заведение было снесено с лица земли.

Делалось это с исступляющей энергией. Выбивались окна, весь товар уничтожался, выбрасывался на улицу, топтали, разрывали, рубили ломами и топорами. Я видел образчики опустошенных магазинов. На Кузнецком Мосту — громадный трехэтажный мебельный магазин Кона представлял незабываемую картину. Зеркальные окна, составлявшие лицевую стену, уничтожены так, что нет даже кусочка целого, три этажа зияют один над другим, как громадные открытые сцены театра. В них все видно до последнего угла, но видно только пустоту. Стены ободраны, даже полок нет, ничего нет. У ног бывшего магазина — груды безобразных обломков бывшей мебели. Я видел это, когда главные груды были уже убраны, но свидетели говорят, что эти горы представляли нечто поразительное. Из выломанных окон бросали на улицу драгоценнейшую резную мебель. У Циммермана — так выбросили пианино и прочие инструменты. Их рубили топорами,

разбивали ломами. Рассказывают случаи, когда эти куски дерева и стали убивали на улице зазевавшихся зрителей, а может быть, и участников. Так, передавали, что глазевший мальчик был убит швейной машиной, летевшей из окна. Поразительная аккуратность громил. Видишь, например, бывший магазин Эйнема[95], — в котором очистили все окна, нет даже обломков стекол, а внутри — сплошное голое пространство стены, пол и потолок. Следующее рядом окно русского магазина, в пол-аршина расстояние — целехонько, не задета штукатурка цела, не заметно царапинки на вывеске, вплотную подходящей к Эйнему. Бывали только ошибки, да еще напасть от огня переходившего, конечно и на окружающие здания.

Кто зажигал? Я думаю, судя по рассказам, что все. Несомненно, зажигали русские, несомненно, зажигали немцы: плеснет бензином на товары и зажигает. Несомненно, что пожары происходили и сами собой при разгроме заводов, мастерских, котельных и пр., где было много огня.

Передавали случай, когда зажгла полиция. Улица (что за Никольской) была загромождена грудами материи. Частный пристав приказал — «убрать все это!». Но кому убирать и куда? Тут толпилось множество баб. Городовые крикнули им — «уноси это». Тут бабы бросились с удовольствием, но сейчас же передрались между собой за лучшие куски. Улица стала вовсе непроходимая. Частный пристав приказал баб прогнать, груды хлама облил керосином и сжег. Не знаю, правда ли. Это уличный рассказ. Как бы то ни было, к вечеру начались пожары.

Когда регулярные отряды удалялись, на груды погромленного начали набрасываться разные лица, бабы и пр[очие] — растаскивать. Сверх того появились, как выразился один рассказчик (извозчик), «подложные» отряды, которые уже разбивали не одних немецких подданных, а всех вообще немцев. Тут же явился и грабеж, особенно когда появились пьяные. Пьянство началось с разгрома немецких винных складов. У Шустера в погребах ходили по колено в водке. Разумеется, начали пить, поили и публику. Таких складов разбито несколько. Утром 21 мая наша Маша, выйдя на Смоленский рынок, видела по Новинскому бульвару и рынку множество спящих пьяных, около которых валялись бутылки. В том числе валялся и городовой.

К ночи правляющие отряды исчезли и громили уже «подложные» или же чистокровные босяки-хулиганы. Пожаров возникло множество (во всяком случае, более 40*). Семнадцать частей наших пожарных разрывались в усилиях и не могли справиться. У меня из окон целый

* Впоследствии насчитали 64 пожара. — *Прим. авт.*

день 29 мая и значительную часть 30 мая видны были в направлении центра высокие облака дыма.

Рассказывали, что страшным огнем горело огромное заведение Мандля[96]. Но другие говорят, что у Мандля сгорело не много товара. На Варварке у площади горела немецкая контора, с которой огонь охватил весь дом, и к вечеру на площади сидели множество разоренных русских семейств с кое-какими спасенными пожитками. Еще страшнее были сцены в Тихвинском проулке (на Долгоруковской). Разгромили и сожгли медный и кожевенный завод Альберта Тербуа, с которого огонь перешел на окружающие дома (почти сплошь деревянные). Тут всю ночь трепетала несчастная Ольга Алексеевна (наборщица), хотя, к счастью, их дом уцелел. Множество других семейств были менее удачливы, погорели и разорены. Опасность даже угрожала лазарету для раненых, так что больных должны были вывести и вынести на улицу.

Я, конечно, слыхал лишь о незначительном числе погромов и разгромов. Таковы кроме упомянутых — Густав Лист, у которого истребляли топорами машины, Дансзигер, Сий и Лаок[97], Мильк[98], Вогау, Вейс, кажется, и Вольф, Морис Филипп (Лубянка) [99]. Вся прилегающая площадь около Мориса Филиппа была покрыта блестками булавок, пуговиц и разных дамских украшений. У Иммера (садоводство) — все усыпано слоем превосходных его семян, лучших в Москве. Старинная фирма антиквариата Веркмейстер[100] — вдребезги уничтожена. Эта фирма — уже 60 лет в России, от отца к сыну... и удивительно! За 60 лет не подумали сделаться русскими подданными. Истреблен на Тверской Герман Кориус (лучший портной). Лучший в Москве магазин пера и пуха, между прочим гагачьего, Штраус — опустошен, перья, пух — высыпали на ветер и проходившие были все в пуху. Это на Большой Дмитровке. Отделения Цинделя, Мандля, Эйнема, Листа и др[угие] везде разгромлены дочиста.

Пострадали от «подложных» множество немцев — русских подданных. Но я не слыхал ни одной русской по фамилии фирмы, которые бы затронули, исключая нескольких подставных имен. Но русских, разоренных пожарами, очень много.

Собственно, насилий над личностью не производилось. Не слыхал ни одного, даже и тогда, когда стали громить частные квартиры немецких подданных. Есть очень немного убитых и раненых. Я слыхал о двух убитых. Но это, по-видимому, только при вооруженной защите. Так, на заводе Цинделя убит директор Карл Зон[101], который стрелял в толпу. Говорят, что немцы стреляли во многих местах. Рассказывали о какой-то немке, которая неистово ругала громильщиков и кричала: «Постойте, через месяц император Вильгельм будет в Москве, и вы

будете целовать нам ноги!»... Между погромщиками, говорят, многие ранены выстрелами. Вообще русских много пострадало, будучи пришибленными летящими из окон предметами, а затем при усмирении солдатами было немало убитых и раненых.

Поведение полиции 28 мая вполне пассивное. Малочисленные городовые только смотрели и посмеивались. Мне говорили об одном городовом, который крикнул громившему, безуспешно трудившемуся под окном: «Да ты бей сверху». Я спрашивал, однако, извозчика, хорошо видевшего погромы, неужели полиция не мешала громить? «Какое — мешала! — ответил он, смеясь, — помогала». Даже 29 мая, по рассказу очевидца, Никольская, Ильинка, Лубянская площадь и т.д. представляли непостижимое зрелище. Все покрыто сплошной толпой, пронизанной цепями городовых и солдат с примкнутыми штыками. В такой обстановке идет погром! Чистая публика стоит и смотрит, а оборванцы громят. Пылают два дома. Пожарные их тушат, а громилы им мешают. Нечто непостижимое! Лишь к концу дня, говорят, солдаты стали стрелять, причем был дан приказ: не делать промахов, но целить в ноги.

К ночи 29 мая в центре города громилы были разогнаны, но по предместьям шла работа — в Сокольниках, в Петровском-Разумовском, за Дорогомиловкой и т.д. Громили и квартиры немцев. В Петровском-Разумовском разгромлена фабрика Закича. Толпа начала громить квартиры некоторых профессоров. Одного, Михельсона, (который не немец, а еврей) отстояли студенты, заявив толпе, что он ненемец и что они будут за него драться. Вообще, говоря, ни одного еврея не трогали.

Изумительная история произошла (как кажется, несомненно) у Великой княгини Елизаветы Федоровны[102]. К ней, недавно столь популярной, явилась на Ордынку толпа женщин с криками и угрозами — крича, что у ней в Общине лечат раненых немцев. Великая княгиня (уверяют) вышла к толпе, приказала отворить все двери, и сказала: «Идите и смотрите, кого мы лечим!». Те пошли, и, понятно не нашли немцев. Но поразительно само подозрение и такое падение доверия. Какими нетактичностями могла она разрушить свою нравственную связь с русским народом? Ее стали вообще бранить и подозревать.

30 мая Москва успокоилось уже, и полиция с городским управлением были заняты лишь очищением улиц. Это очищение шло и раньше при деятельном участии населения, растаскивавшего вещи по домам. «Регулярные» отряды ничего не брали и не позволяли брать. Рассказывали об одном случае, когда рабочие, разбивши кассу предприятия, были потрясены ручьем золотых денег, полившимся из кас-

сы: «Ну уж тут брали, — заметил рассказчик, — насыпали карманы золотом». Но толпа больше или менее «безидейная» тащила ночью все. Говорят, все дворы кругом были набиты разным скарбом.

Рассказывали мне об одной бабе, которая с восторгом говорила, что сошьет себе теперь бархатное платье. Грабитель нынче сидит — увы — и в русской «черни», да и черни ли только?

Городская управа выделила фургон для свозки куда-то вещей. Говорят, вывозят и на свалку. Ну затем, вероятно, растащат по деревням и всякий лом, деревянный ли или металлический. Быстрота очистки улиц иногда поражала. Так, когда я вышел 29 мая утром на Арбат, ночью заваленный вещами, то уже был примерно чисто: все втащено было в обывательские норы.

Производились ли при усмирении аресты? Меня уверяли, будто полиция никого не забирала, а только разгоняла. Хотя я видел раз арестантскую карету под конвоем городовых, но в народе говорили, что это «везут немцев, которые стреляли в народ». Вообще в народе распространено убеждение, будто погром сделан по приказанию начальства. «Это князь Юсупов[103] нехорошо поступил, — говорила женщина, пострадавшая от пожара, — он должен был закрыть магазины, а немцев выслать. Может, тогда бы и товар не пропал, и никто и не пострадал, а он вместо того приказал сделать погром». Совершенно то же выражал извозчик: «Если бы у нас были русские правители, то немцев бы выслали, а товар заарестовали, а вместо этого начальство сделало погром». Впрочем, он на худой конец был доволен и погромом, особенно восхищаясь чистотой отделки разгрома.

В интеллигенции есть подозрения об участии в погроме Общества «За Россию». Не могу себе этого представить. Там члены слишком развиты и приличны. Даже в Совете такие люди, как Абрикосов. Однако я нарочно несколько раз по телефону говорил с Лашковым[104] (Председателем), стараясь выведать, нет ли какого его отношения. Хотя это нравственно невозможно. Конечно, ничего не узнал, кроме того, что он порицает погром, но очень доволен разгромом немцев. Я его два раза просил в его органе категорически выразить порицание разгрому. Посмотрим, что он напишет.

Я ведь, заинтересовавшись патриотическим обществом, где большинство — октябристы, вступил по просьбе Сидорова в Общество. Правда, мое участие ограничилось внесением трех рублей, да одной прочитанной в Обществе лекцией, я был всего один раз, а дела Совета не знаю. Однако если статься Лашков будет сколько-нибудь увертлив, то нужно будет выйти из членов. Да, конечно, — выйду, и не я один. Не могут же быть хоть в отдаленной солидарности с погромщиками профессор Кузьмин[105], Иловайский[106], Сидоров, Абрикосов,

Агафонов и ряд других домовладельцев и купцов, из которых состоит Общество. Да и такие люди, как Бекин не могут. Вообще думаю, что если бы у Лашкова рыльце в пушку, то это с его стороны возмутительное нарушение доверия Общества. Но это невозможно.

Правда, что большая часть членов, как и я, вступили в Общество уже организованное и в выборах не участвовали, и даже не были ни на одном общем собрании (которое состоится не раньше еще полугода). Но все же малейшая его причастность погрому была бы возмутительна в отношении членов общества.

Конечно, — этой причастности и не может быть. Но я вижу теперь всюду многих, которые одобряют происшедший погром, понимая его в том смысле, что от немцев необходимо избавиться, и так как этого не хочет сделать правительство, то это сделал сам народ. Точка зрения чисто революционная, но ею проникнуто огромное число людей. Боюсь, что если война не окончится блистательно, то у нас будет революция без сравнения сильнейшая, чем в 1905 году.

Вечером был у меня Алексей Александрович Нейдгардт. Он 26 мая возвратился из Петербурга, и полон столичных впечатлений.

2 июня

Надя возвратилась в Посад. Получил № 32-й «За Россию». Статья Лашкова по поводу немецкого погрома так себе. Конечно, порицает такие способы действий, но нужно бы резче.

Из вчерашних «Петроградских» рассказов:

1) Наше правительство очень опасается за исход войны и обескуражено ходом военных действий! Военные, приезжающие из армии, пожимают плечами на это настроение и говорят, что ничего особенно худого на войне не происходит.

2) Сазонов конфиденциально сообщил, что у держав уже подписано условие о присоединении к России Константинополя, обоих проливов и всей окружающей территории в Европе и Азии, без всякого ограничения прав России в пользовании этой областью. В этом случае Грей[107] согласился сразу, а Делькассе[108] возражал и старался выторговать обеспечение «интересов Франции». Однако соглашение подписано.

3) Наш десант в Босфоре был уже решен и готов. Разрушил исполнение дела — разгром третьей армии.

По мне этот разгром очень подозрителен. Тут очень чуется чья-то сознательная измена и уж, конечно, не одного какого-нибудь ничтожного Мясоедова.

4) Говорят, что Великий князь Н[иколай] Н[иколаевич] оказывается не очень крупным генералом, зарывается и растеривается*, недостаточно слушает Иванова[109], действительно крупного человека.

5) Жена Вел[икого] кн[язя] Михаила Александровича[110] — поселилась в Гатчине. Вследствие этого вдовствующая Императрица не хочет там жить. Михаил Александрович с женой — прощен, с ними свыше примирились.

6) Григорий Распутин[111] владычествует по-прежнему в полной мере.

7) Ставленник Распутина, епископ Варнава[112], выделывает в Сибири невероятные штуки. Когда с его станции отправлялись на войну новобранцы, он им произнес речь, в которой говорил, что вряд ли из них кто-нибудь возвратится живой, а здесь о них никто и не вспомнит, будут ходить кинематографы смотреть. Принимает в псаломщики для освобождения от военной службы. Грубо обращается со священниками, ругает семинаристов «ослами» и т. п.

Синод нашел нужным назначить ревизию его дел. Но Григорий Распутин обратился к Высокой Покровительнице, а она к государю с требованием, чтобы ревизий не было. Саблер, указав государю необходимость ревизии, имел мужество сказать, что, кажется, Государыня не делает этого, и тогда он принужден подать в отставку. Государь отставки не принял, сказал, что он назначит ревизию, если нужно, но все же прибавил: «А с Варнавой Вы уж как-нибудь уладьте». Вышло что-то очень неопределенное.

Вероятно, ревизия будет назначена, а последствий иметь не будет.

8) В общем, в Петрограде нечто анархическое, мало сулящее в будущем.

9) Назначение в Москву кн. Юсупова, говорят, состоялось по желанию В[еликой] кн[ягини] Елизаветы Федоровны, которая в большой дружбе с княгиней Юсуповой.

10) Назначение это считается неудачным, так как князь считался в Петрограде неумным.

Сегодня Адрианов[113] объявил о своем отчислении (по прошению) от должности Московского Градоначальника. Что это означает? Ясно, что это в связи с немецкими разгромами. Но в чем вина Адрианова? Или: что хотят выставить виной его? Будущее, конечно, покажет.

3 июня

До сих пор не принимался за работу. Вообще, я чувствую какую-то пассивность. Строго общественной деятельности я уже даже не хочу. Она во мне возбуждает какое-то отвращение. Этот подлый суд порвал

* Так в тексте.

у меня нравственную связь с официальной Россией: он как-то является ее символом. Не могу отделаться от этого чувства. Что касается общества, то у меня не заготовлено было связей для деятельности в его рядах.

Судьбы России меня живо интересуют, я за ними слежу, думаю о них, болею и радуюсь ими. Но работать для них у меня нет способов, и я остаюсь в положении наблюдателя.

Должно сказать, что понять эволюцию России очень трудно. В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по своей мерке. Я же и умом и сердцем стою вне партий, и меня привлекает лишь мысль о всенародной сущности. И вот эта совокупность процессов, в России совершающихся, сложна до таинственности.

Жива ли в народе религиозная вера? Живет ли в его сердце царский принцип? Каковы чувства междусословные? Развивается ли принцип народного представительства? В каком направлении складывается идея справедливости, права, долга? На все можно видеть разноречивые ответы. Какова равнодействующая линия этих ответов, — невозможно рассмотреть.

Ясно, очень ясно, одно: что тот или иной исход войны будет иметь решающие значение. Победа или поражение? Это двинет страну по двум совершено разным направлениям. А между тем — трудно мне представить исход войны. Германия обнаруживает громадный запас ресурсов и действует, как один человек. А союзники разрозненны. Их силы действуют не дружно, и все-таки каждый себе на уме. На Россию немцы наваливают все силы, как будто на Западе им ровно ничего не угрожает. Вот выступила Италия, и это не заставило Австрию и Германию не только ослабить натиск на нас, но даже не уменьшило беспрерывного увеличения своего натиска на Россию. Что же может выйти при таких условиях?

А мы, т. е. Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, в армии, во всех функциях страны. Кто из этих немцев, не изменник, если не явный, то в глубине души? На этот вопрос трудно ответить.

В довершение всего — нет центра народного единения. Государя любят и жалеют — это факт. Именно жалеют, т. е. хотели бы все ему помочь. Но мысль о Нем, как о человеке способном помочь России — кажется, почти исчезла. Его слабость представляется, быть может, даже в преувеличенном виде. Теперь создали себе идола в Николае Николаевиче, и на него смотрят как на центр народа. Но он все-таки не царь, и всякий понимает, что в общем ходе дел России он не имеет решающего голоса. И вот — у нас нет того, что есть у немцев. У них Вильгельм — центр, ясный и бесспорный. У нас такого цен-

тра в сознании народа нет. А между тем война ведется, в сущности, только нами, Россией. Из остальных одна Англия кое-что делает. Остальные — ничего. Бельгия не существует, Франция воюет только для соблюдения аппарансов*. Италия, в лучшем случае, займет Триест и Триест**. Говорить о маленькой истощенной Сербии — не приходится. Япония ровно ничего не делает. Германия же единовластно объединяет силы свои, австрийские и турецкие. В сущности, ее должно признать при таких условиях более сильной стороной, и ей страшна только Россия. Вот и валится вся страшная тяжесть на нас одних.

Как тут предвидеть исход войны? Если мы дрогнем, — победа Германии несомненна. Наши же «союзники», по-видимому, мало этим озабочены. Одна Англия чувствует свою судьбу связанной с судьбой России. Франция и Италия, вероятно, имеют такую мысль, что, возможно, поладить с Германией и сохранить свои «интересы» на счет интересов Австрии и России. Германия и Австрия отдадут желаемые Францией и Италией куски, если будут иметь «компенсации» на счет России. Вот эта кошмарная мысль давит меня.

5 июня

На всех театрах войны — почти никаких успехов. На нашем фронте немцы даже немножко одолевают даже по нашим официальным сведениям. Грусть читать. Теперь развертываешь газету с уверенностью, что — лучшее, что найдешь, это если нет больших поражений.

Наш Коля телеграфирует о прибытии в Омск. Отсюда ему предстоит еще путь — 600 верст по Иртышу.

7 июня

Н. А. Маклаков[114] оставил пост мин[истра] внутр[енних] дел. На его место — кн. Щербатов[115] (из госуд[арственного] коннозавод[ства]). Последнего хвалят либеральные люди. Вероятно, это «уступка» так назв. общественному мнению. Я лично ничего не знаю о кн. Щербатове. Теперь, конечно, нужен не столько идейный теоретически, как деловой человек. С идеями нынче нечего делать. Худо или хорошо сложились обстоятельства, но теперь есть только один вопрос: борьба с немцами вне и внутри государства.

А военные вести — плохие. Еле держимся, и понемногу отступаем. Похоже, что не нынче завтра отдадут и Львов. Негодяи союзники ничего не делают, а у нас нет орудий, нет снарядов. Земский союз начинает организацию для снабжения армии снарядами, и Государь прислал благодарность. Кажется, отличился А. И. Гучков[116]: выбран

---

* Apparences — приличий (*франц.*).

** Имеется в виду итальянская провинция Триест и ее административный центр — город Триест.

в центральное объединенное земство. Это хорошо для России, но едва ли для монархии. Несчастный Государь! Сознает ли он, что монархия сходит на нет? Вероятно, сознает, и говорит «не утешительно», как будто он здесь не причем. А впрочем, кто [?] его обвинит? Это какая-то Воля Божия. А что сказать о России? Национальная сила возродилась — это дело доброе. Но в государстве на место сгнившего крепкого дуба вырастает свежий тополь. Sic transit*. Впрочем, психология народная еще не сказала последнего слова, и мыслимо, что на место сгнившего дуба вырастет новый, здоровый. Конечно, это вряд ли. Не к этому, кажется, идет эволюция мира сего вообще.

«Что предузнал, то и предопределил» Тот, на решения которого нет апелляций.

9 июня

Был у Введенского[117], а Катя — у Корсунской; там и там были гости. Сверкнули настроения общества. Препорядочный упадок духа перед немцами. Все печальные «слухи» и опасения. Кто-то из Москвы привез слух, что Рига уже взята. Другой передает, что из Петрограда вывозят Госуд[арственный] банк и другие учреждения, так как ждут прихода немцев. Нехорошие настроения. Верховный главнокомандующий официально протестует против «трусов», распространяющих тревожные слухи. Но факт в том, что мы отступаем по всем фронтам. Львов, вероятно, уже отдан немцам, в Шавлехе еле держимся, в Подольской губр[ернии] мы уже отступили за «государственную границу». Это не слухи, а официальные известия. Долго ли мы удержим Варшаву? Вероятно, до тех пор, пока немцы не порешат взять ее. Дела всесторонне скверны. Недостаток снарядов признан официально, а без снарядов — какая же война?

Можно, конечно, отступать и по расчетам. Но какие ж у нас расчеты? Конечно, тот, что без орудий и снарядов попытки удержаться во что бы то ни стало — означали бы только беспощадное истребление нашего войска немецкими снарядами. Разумеется, лучше отступить, чем быть истребленным. Но при таком положении — выходит у нас не война, а медленное завоевание России неприятелем.

И вот смотришь на свой дом, сад, на железную дорогу вдали, и думаешь: а что если увидишь на всем этом — немцев, истребляющих, распоряжающихся и надругающихся над тобой? Скверно на душе становится. И что же тут невозможного? Без снарядов — что можно сделать?

За последнее время я было двинул наконец вперед вторую часть своего сочинения. Путь изложения, долго остававшийся для меня не-

---

* Так происходят изменения (*лат.*).

обозримо темным, прояснился, и работа двинулась складно и быстро. Но отвратительный ход войны опустил мои руки. Перед воображением развертываются такие картины, что мирная работа представляется какой-то бессмыслицей. Теперь бы нужно было помогать России. Но как, где, чем? Если бы я был здоров и силен — мог бы хоть на войну идти. Но куда я гожусь? Я не могу пройти пешком даже верст двух, я не могу поднять одного пуда. А здесь — я не знаю, что делать, ибо я вне всяких связей общественных или правительственных. Я гожусь еще только для кабинетной работы, в той или иной канцелярии. Но нет такой канцелярии, куда бы меня пустили.

10 июня

Ездили к Черниговской Божьей Матери — Мама, я, Надя и Вера.

Ожидал прочесть в газетах о взятии Львова. Однако еще нет.

Мимо нас, кажется, ежедневно проходят воинские поезда, иногда с орудиями.

Погода жаркая. На солнце до 30°. Сегодня рубили в саду деревья, прочищали, одну засохшую большую березу, три тополя, четыре лиственницы, одну сосенку, одну липу. Огород начинает принимать немного лучший вид, но огурцы пропали, приходится пересеивать (хотя поздно уже). Вообще весна очень плохая, и дождей мало и холодно. Одна трава всюду хороша.

11 июня

Львов занят неприятелем еще 9 числа. И до сих пор молчали! Очень все скверно. Бьют на всех пунктах.

12 июня

Опять у меня «заколодило» с работаю. Отчасти эта злополучная война отвлекает мысли от всего, несмотря на бессмысленность думанья о доме, в отношении чего совершенно бессилен. А потом, оказывается, что мои выписки о гностицизме из Амелино совершенно недостаточны.

Вчера у нас настроили пианино. Настройщик Николай Васильевич Давыдов, адрес — Солянка, Николаевский институт. Я рад, что теперь Надя может «мурлыкать» на пианино. Это пианино куплено еще на Страстном бульваре[118], а перевезли его Наде в Посад только при переборке на Молчановку. Надя любит развлечься музыкой, хотя и плохо играет.

От Коли нет известий, а кажется, пора бы приехать в Семипалатинск.

13 июня

От Коли — телеграмма. Приехал. Завтра собираюсь поехать в Зосимову Пустынь.

Из газет известно: все министры, кроме Сухомлинова и Щегловитова[119], поехали в ставку Верховн[ого] главнокомандующего, где уже находился Государь. Что означает это необычайное собрание всего Правительства у Великого князя? Какие события оно кроет в себе? Интересно, что поехал и Поливанов[120], бывший соперник Сухомлинова. Да, может быть, и сам Сухомлинов там же?

Уж не собираются ли, как были слухи, сместить Великого князя? Весьма возможно, что он и не на высоте положения. Дела идут скверно, а из чего — нам нельзя судить. Но до сих пор — один Вел[икий] князь Николай Николаевич поднимал престиж Царской фамилии. Если он окажется непригодным — это совсем уронит династию. Все ужасно скверно. Тяжело думать о положении Государя с такими тысячепудовыми тягостями на плечах. Что только выйдет из этих вечных неудач и ударов? Жалко Его до боли. Прямо какой-то мученик. Конечно, Его жалеют и любят. Но это ли нужно в таких испытаниях страны?

Не знаю, конечно, но мне давно, давно кажется, что война ведется без умного плана, по-маньчжурски. Все какая-то оборона, а когда являются наступления — как в Карпатах, то не поймешь и смысла. Нам нужно разбивать Пруссию, а мы идем куда-то в Венгрию. Нужно бить Турцию, а мы идем в Армению. Не война, а бессмыслица. И так проваландали целый год, истратив, наверное, гораздо больше сил, чем истратили бы при ударе в сердце неприятеля. Совсем не видно ни искры военного гения. Конечно, не зная условий — трудно судить, однако!

14 июня

Собираюсь через два часа ехать в Зосимову Пустынь. Газетные известия: Сухомлинов уже сдал должность Верховному, и по слухам на его место назначен Поливанов. Слухи о ряде перемен Кабинета. Вместо Горемыкина будто Кривошеин[121], будто бы сменяется и Щегловитов, в финансы — Алексеенко[122] из Думы, в промышл[енность] — Н. Гучков[123], на место Саблера — либо Самарин, либо А. А. Тихомиров[124].

15 июня

Вчера уехал в Зосимову, а сегодня приехал. Пробыл там мало, но почти сплошь в Церкви, или в домашней молитве, исповедовался, приобщился Св. Тайн, беседовал со старцем, был немножко и у о. Германа. Это краткий срок так полон впечатлениями и переживаниями,

что кажется очень долгим. Уже через часа 1 ½ по прибытии, я был в какой-то «нездешней» сфере существования, в которой ушло куда-то в туман все «мирское», как будто и нет его, а есть только Бог, душа, молитва, вопрос о вечной жизни. Жалко, что не могу этого выразить. Атмосфера Зосимовой Пустыни всегда такого характера, но на этот раз она как-то особенно распахнулась и засветилась. Не зная этого, я поехал сюда на день памяти отца иеромонаха Зосимы[125], и эта память насквозь пронизывала все службы.

Отец Алексий и Настоятель (о. Герман) — оба здоровы и бодры. О. Герман, слава Богу, хорошо видит, так что сразу узнал меня на дворе, когда я, в числе прочих, подошел под благословение.

Там встретился с о. Ильей Четверухиным[126], и познакомился с о. Сергием Кожуховым. Это — монах, какой-то бывший генерал. Отец Четверухин — из молодых «деятельных» священников.

Там же встретился с Никол[аем] Михайловичем Соловьевым, который обычно приезжая к нам в Посад, останавливался у меня.

17 июня

У нас сегодня начали покос. Скосили лужок, клевер пока не трогали, п[отому] ч[то] еще не хорошо зацвел. Трава великолепная, ждем пудов 70 сена. Лишь бы Бог дал ведро, пока кончим.

На театре войны немцы наступают всей линией от Виндавы до Румынии, и мы везде отступаем. Мне кажется, что наши готовы отдать и Варшаву... Не понимаю нашей стратегии. А французы и англичане ничего не делают. Даже и в Дарданеллах никакого успеха. Итальянцы тоже ничего не делают. Вообще война брошена на плечи одной России.

В числе разных Комиссий — Правительство организовало также комиссию по Польскому вопросу. Приглашены 6 русских и 6 поляков. В числе русских — Ф.Д. Самарин. В эту Комиссию самаринский кружок препроводил и свою записку, которую мы вырабатывали. За подписями. Значит, придется фигурировать и моей подписи. Ну что же делать? Сказал Федору Дмитриевичу — что пусть дает и мою подпись.

Сегодня О.А. Новикова[127] прислала просьбу — разрешить ей напечатать мое письмо о московских немецких погромах. Я сегодня же ответил категорическим отказом по трем причинам: 1) В печати, каждое слово должно быть более обдуманно, чем в частном письме. 2) Я нахожу, что об этих погромах лучше не говорить, ибо народ и без того не спокоен. 3) При отношении ко мне суда, которое я испытал, я решил не выступать в печати ни с чем публицистическим.

18 июня

Сегодня едва успел превосходно просушить и убрать лучшую часть сена, как начался дождь. Худшая часть сена (вероятно, ¼ или 1 / 3 всего) теперь мокнет в маленьких копенках. Но приходится очень благодарить Бога за такую удачную уборку лучшей и большей части. Что касается дождя, то он тоже очень нужен для огорода. Огород только что пропололи, картошка вся, да и прочие овощи за мелкими исключениями. Теперь самое время полить их хорошенько. У нас по степени важности — дороже всего сено, а затем картофель. Из остальных фасоль, земляная груша, репа. Огурцы у нас пропали, репа и брюква тоже. Морковь, очень важная, может быть, и уродится. Тыква — почти пропала, но кабачки, пожалуй, и удадутся. Помидоры, впрямую, ничего не дадут. Дождь нужен для картошки, фасоли, кабачков и разной мелочи, вроде порея, да и для земляной груши. Долгие засухи высушили все наши водоемы, и их налить тоже очень не мешает. Для скошенного луга это тоже благодать, а отава дает нам пудов 20 сена. Вообще, все это очень удачно и хорошо. Только худшая часть сена, пудов 15–20 рискует погибнуть. Но это все же пустяк в сравнении с прочим.

19 июня

С сеном почти убрались, только самое плохое пудов 5–6, намокшее лежит в копенках. Но возможно, что и оно не пропадет. Остальное, пудов, пожалуй, 40, — совсем не пострадало и сложено на сеновале.

Погода — жара. Лучше дожди с громом. Был и сегодня. Все превосходно промочено, огород ожил.

А наши войска все отступают... Союзники абсолютно ничего не делают. В Дарданеллах никакого толку. Все, на всех фронтах, сражаются необычайно мужественно и наносят немцам страшные потери, а немцы преспокойно всех колотят. «Великая мировая война» получает необычайно печальный вид.

Моя работа подвигается черепашьими шагами. За все лето переделал две главы первой части, да кое-как написал четыре главы второй части. Жара одолевает. На день вряд ли выходит часа 4 работы. Положим, спешить некуда: все равно печатать негде.

20 июня

Вера уехала в Зосимову Пустынь. Заходил к нам Пылоев, ныне учительствующий в Старой Руссе. Он оказывается, здесь уже три недели, работал над печатанием своего сочинения.

С покосом покончили. С полкой огорода и ягод — тоже.

21 июня

Был и обедал у архиепископа Никона[128], у него были о. Ионафан[129], инспектор Академии, и двое монастырских иеромонаха. С о. Ионафаном нужно возобновить знакомство. Не видел его лет 15, кажется. Но завтра собираюсь ехать в Москву.

24 июня. Среда

В понедельник 22 июня поехал в Москву, сегодня возвратился оттуда в Посад. Вчера перевез из ломбарда свои конторские книги, которые кое-как уместили в ясеневом шкафу, а пакеты кассовых документов пришлось сложить в сундук.

Сегодня взял денег из Госуд[арственного] банка.

В день приезда видел Сидорова. Он просидел у меня несколько часов, рассказывал мне, провинциалу, столичные новости. Новый Начальник Главного управления, Катенин[130], — вытащен Маклаковым, и, по-видимому, милая и симпатичная ничтожность. Когда Сидоров явился к нему в Петроград, он с первого же слова заявил ему, что министр им, Сидоровым, недоволен, и ставит ему в вину: 1) публицистические выходки [«]Моск[овских] вед[омостей»] (против Саблера), 2) вредное направление «Русских ведомостей», 3) публикацию Моск[овским] отд[елом] Национального союза[131] списков немецких фирм, и еще какое-то жуткое преступление. На основании этого министр предлагает ему подать в отставку. Сидоров ответил, что подумает, а сам отправился к Джунковскому[132] и сообщил о своем неожиданном горе. Джунковский обещал переговорить с министром, а Сидоров отправил Маклакову просьбу о приеме для объяснения, поехал в Москву запастись кое-какими оправдательными документами. Между этим в газетах пошли слухи о падении Маклакова, хотя Сидорову все-таки был назначен прием в пятницу. Когда Сидоров снова приехал в Петроград — в пятницу, то Маклаков уже слетел с места. Он этого, очевидно, совсем не ожидал.

Как же быть с приемом? Сидоров обратился к младшему Яблонскому (еще Озолгтинскому [?], который, оказывается и по сейчас при министре внутр[енних] дел), и тот сказал, что доложит новому министру, Щербатову, — нужно ли Сидорову являться на прием? Щербатов пожелал принять, и Сидоров был у него, но конечно, дело шло уже не об отставке, а министр расспрашивал о делах печати. С Катениным у Сидорова тоже пошла дружба, причем Катенин объявил ему, по поручению бывшего министра (Маклакова), что он изменил свое мнение о виновности Сидорова. Истинный шут гороховый, каким и был во все время своего министерства.

Незадолго до падения Маклаков выпалил «высоко правую» фразу, а именно на указание о необходимости разных мер против печати он ответил: «Теперь из всех статей закона действует только одна: здравый смысл». Что можно сказать глупее? Во-первых, такой статьи нет в законе, а, во-вторых, за все время его правления именно и не было нигде «здравого смысла».

Катенин, по-видимому, «милый мальчик». Ничего в делах не смыслит, конечно. Идей не имеет. Вздумал здесь, в Москве, «распять» Назаревского, но тот принял высокий пост, и заявил, что таковы его убеждения! Катенин был сражен.

У него не хватило пороха даже сказать, что ему нет дела до убеждений Назаревского, а он ему давал дилемму: или изменить свое поведение или быть уничтоженным. Ведь и у анархистов есть свои убеждения. Вопрос не в них, а в требовании закона. Но отвергая сам закон, власть, разумеется, погружается в ничтожество. Назаревский (Борис) держал себя смело, говорил горячо, и этого было достаточно, чтобы сразить «милого мальчика».

Вероятно, и Катенин не долго просидит на месте.

Щербатов произвел на Сидорова хорошее впечатление, по-видимому, не глуп и вникает в дела.

Из других новостей сообщил, что полиция распускает слухи об участии в немецком разгроме общества «За Россию»! Вот почему заподозрили в этом же знаменитого Ваську Орлова[133], и даже спрашивали его, но он, во-первых, доказал, что даже не был в Москве, а проживал на Южном Берегу, а, во-вторых, со своим великолепным нахальством заявил, что погром потому и был, что он, Василий Орлов, отсутствовал: «Если бы я был в Москве, я бы не допустил беспорядков!». Удивительные нынче власти. Что только с ним не делают ловкие нахалы. Urbem stupidam et mature perituram!*

Интересно знать, к каким заключениям о причинах беспорядков (т. е. погромов) придет Крашенинников?[134] Наверное, тоже «найдет» какую-нибудь чепуху. А по мне причина основная — это полное падение доверия народа к власти, которая (по его всеобщему мнению) не хочет действовать против немцев. Вторая причина, т. е. организация погромов, конечно, во вмешательстве революционеров. Тут организованной силой были рабочие. А рабочих не может двинуть ни Васька Орлов, ни Восторгов, ни общество «За Россию», и вообще никто, кроме революционеров. Для последних же погром был, конечно, прекрасным поводом мобилизации рабочих, причем допускалась возможность антидинастической агитации. Вести агитацию на социальной почве — теперь неудобно, попадешь в изменники и немецкие

---

* Город глупый, готовый погибнуть (*лат.*).

шпионы. А агитировать против династии за якобы пособничество немцам — очень удобно, с видом патриотизма. Все это представляет для революционеров очень благодарное использование времени, неудобное для другой революционной работы.

По моему мнению — организационный толчок должен был принадлежать революционерам. Это ясно и без всяких расследований.

*25 ноября**

Сегодня был у о. Наместника Лавры Кронида[135]. Там встретил архиепископа Никона, и с ним поехал в Черниговский; потом в Киновию[136], где он служил панихиду по отцу своему (бывший послушник Киновии, чтец Иоанн Рождественский). Служил новый настоятель, иером. Алексий. Потом пили чай у протоиерея Архангельского[137] в гостинице. Этот Архангельский (чуть ли не о. Петр) — с Ильинки, очень деятельный московский священник. У него был еще священник Гусев. Так прогуляли до половины 5 часа.

Кронид был столь же любезен и прост, как в скромной должности эконома Петроградского Троицкого Подворья.

Теперь еще нужно побывать у о. Ионафана.

27 июня

Послал телеграмму Коле на удачу, почти, наверное, неверный адрес.

Получены письма от Тихона.

Сегодня в Посаде говорили, что схвачен прилично одетый немец, хотевший бросить мышьяк в колодец Преподобного Сергия. Может ли быть правда? От немцев всего ожидают.

В народе упорные слухи о приходе японских войск, которые будто бы везут прямо через Вологду в Петроград.

А мимо нас почти ежедневно идут воинские поезда в Москву, все везут войско (наше). Провожают с криками «ура», с песнями, публика тоже провожает отчаянными «ура». Все это хорошо, но не мешало бы иметь хоть один успех против немцев. Мы иногда побеждаем австрийцев, у которых половина солдат не умеют драться, но при каждой встрече с немцами, нас неукоснительно разбивают. Боюсь, что в армии пропадет всякая вера в возможность побеждать немцев. Прямо — позор. И что ни говори о недостатке снарядов, а факт остается фактом. Я думаю, что наш генеральский состав очень плох.

28 июня

Мама приобщилась Св. Тайн (в Общине Красного Креста).

---

* Описка в тексте дневника.

29 июня

Вера уехала в Москву.

Я был у Нейдгардта.

30 июня

Получил письмо от Коли. Он работает на станции Рубцовка, но письменный адрес: Томская губерния, почтовая станция Локозь, Контора начальника VII участка Алтайской железной дороги.

1 июля

Сегодня всю ночь и отчасти днем был сильный дождь. Огород заметно поправляется, м[ожет] б[ыть], что-нибудь и выйдет из него.

Я занимаюсь довольно много. Теперь читаю Спасского[138] «Историю догматических движений». Но одолевает внутренняя вялость. Очень трудно работать не по требованию общества. Холодное непонимание, безразличие — страшно сковывает всякую энергию. Легко работать самую очевидную пустяковину, если люди вокруг желают ее, требуют, возражают, интересуются. Это затягивает, и чувствуешь себя в каком-то реальном созидании. Но когда работаешь один, работаешь то, потребности чего никто не чувствует и не сознает — это ужасно. И это положение — моя судьба!

2 июля

Уехал в Москву.

3 июля

Взял бумаги из стального ящика и ликвидировал его.

4 июля

Возвратился в Сергиев Посад. Я ездил в Москву совершенно экстренно. Мне понездоровилось, и я подумал, какая трудность для семьи будет, в случае моей смерти, — если я не устрою вовремя документов из стальной комнаты! Решил немедленно поехать и взять на квартиру, что и исполнил.

В Москве никого не видал, ничего не слыхал, и только по газетам видел подтверждение печального факта нашего медленного неуклонного отступления перед неприятелем на всех пунктах. Чем, однако, это кончится?

Германия дерется с дикой свирепостью своих лесных предков, отрешившись от всего нравственного и человеческого. Но они дерутся также с изумительным самоотвержением всей нации, и с неистощимыми средствами научной и технической культуры. Это фанатичное одушевление, эта борьба насмерть — есть результат нашей глупости. Вильгельм сделал страшную ошибку, начав войну с неправильным

подсчетом условий. Нам бы нужно было быть умными и справедливыми, т.е. объявить, что мы, будучи атакованы, принуждены защищаться, но ведем войну против правительств Германии и Австрии, и апеллируем к народам обоих стран, с которыми желали и желаем жить в мире. Возможно, что народы, при первых же неудачах, принудили бы свои правительства к миру. Вместо этого мы объявили, что желаем стереть Германию и Австрию с лица земли. И вот результат! Теперь нет ничего невозможного, что мы будем биты и... до какой степени? Кто осмелится сказать?

Если воодушевление России, народа, и выручит, и сколь[ко]-нибудь уравняет страшную разницу в наших культурно-технических средствах со средствами Германии, то все же война сведется на ничью. О большем — мы не имеем оснований мечтать. И это было бы еще не очень плохо. Тогда, вероятно, немцы прогнали бы Вильгельма, но и наше правительство было бы весьма скомпрометировано. В общей сложности, мы бы проиграли все-таки меньше, а выиграли бы то расширение самосознания, что перестали бы возлагать глупые надежды на Англию, Францию, да и на славянство. В начале этой войны мы показали себя наивными ребятами в знаменитых Воззваниях Главнокомандующего и в очевидном преувеличении сил своих «союзников». Прояснение сознания чего-нибудь все-таки стоит.

То, что я думаю — тяжко пессимистично. Но вот первая моя мысль при «воззваниях» была именно такова. Я говорил о страшной силе Германии, об опасности доводить ее до крайности. И вот — к несчастью — факты показали уже, что я был прав. Я вообще редко ошибаюсь в общих оценках положения, и ужасно боюсь теперь, что не ошибусь в своем пессимизме.

А в нашей местности — тоже неприятное обстоятельство: Заболел отец Алексий Зосимовой Пустыни[139]. Это уже довольно давно, дней десять. Сердечные припадки. Был здешний доктор Успенский; прописал спокойствие. У него, т.е. о. Алексия, страшно напряженная работа старца и духовника, а ему уже чуть ли не за 70 лет.

Отец Герман еще старше и ему изменяет зрение. Что станется с пустынью, выбудут эти два ее столпа? Вера заставляет сказать, что Господь найдет Сего человека, если ему будет угодно. Но в нашем кругозоре таких людей — нет.

5 июля

День Сергия Преподобного[140], а также вторая годовщина удара молнии в наш дом. Служили на дому молебен Преподобному, а вечером я с Надей ездил приложиться к мощам в Лавру.

7 июля

От Тихона нет известий, а если бы архиерей дал ему отпуск, то он прислал бы телеграмму. Неужели Арсений будет — не то что нелюбезен, но даже прямо недобр?

Зато завтра приезжают в Москву, к нам, Писаревы. А нас никого нет, кроме Веры, которой от 9 час[ов] утра до 9 вечера дежурить в лазарете. Не решаюсь ехать в Москву, хотя и рад бы повидаться. Жара — нестерпимая. Да Писаревы без сомнения с утра до ночи будут бегать по Москве и за Москвой, жуировать по случаю командировки. Выходит — ехать для приличия! Уж не знаю, как подумаю. А 11 числа здесь будет Новикова, и тоже хочет меня видеть. Того же, кого я хочу видеть, нет. Конечно, я и Ольгу Алексеевну охотно повидал бы. Но нужно сказать, что говорить нам не о чем. Оба мы выброшены из жизни, но я — покорился судьбе, а она упорно хватается за жалчайшие подобия «деятельности» и этим мне надоедает. Меня это раздражает. Теперь происходят величайшие события России, может быть, наиболее роковые за всю мою жизнь. Я же выброшен за борт, ничего не могу делать, никому не нужен, и вдобавок болен. Этот глаз, при котором нельзя ни работать энергично, ни волноваться — окончательно меня пришибает. Разумеется, мне тяжело «болтать» о деятельности. Я бы хотел все забыть. А она будет болтать о своих статьях, о том, почему я не пишу и т. п.

Военные дела идут отвратительно. Я теперь боюсь и спрашивать себя, где пределы успехов немцев? Будут ли они в Москве? Не поручишься. Каковы бы ни были причины, но мы не в состоянии им противиться. Они бьют, бьют и бьют систематически, при каждой возможности, и наши «успехи» вот уже более месяца состоят только в благополучном отступлении.

8 июля

Писаревы приехали и остановились у нас в Москве. Маруся завтра приедет к нам в Посад.

Сегодня был в церкви (в Общине). Ныне всенародное молебствование о даровании Победы. Был весь Посад. Сорокаградусный палящий жар заставил несколько сократить крестный ход, который, однако, все же обошел большую часть Посада.

Рассказывали (извозчик Николай), что немцы отравили колодцы пяти деревень. Крестьяне гнались на лошадях за отравителем, который убегал на велосипеде, и не догнали. Павел уже сообщил об отравлении двух колодцев в Посаде. В одном случае жители увидели человека, бросившего в колодец бутылку, и не догнали человека, но

бутылку успели вынуть, она не разбилась, и будто бы врачи признали, что в бутылке — яд. Что тут правда — не знаю.

А сенатор Крашенинников ежедневно фигурирует в газетах: все допрашивает, и по-видимому, сведения ему поставляют больше пострадавшие, т.е. немцы. Что-то страшное рисуется по газетам. Неужто правительство будет преследовать русских? Если даже при этом будет соблюдена справедливость и не будет ошибок (что немыслимо представить), то это такая колоссальная глупость, что потомство диву дастся. Теперь, когда нужно народ держать около власти, в единении, государственные учреждения будут вызывать в народе подозрения о пособничестве немцам! Это нечто недопустимо нелепое.

Щегловитов, видно, родился в сорочке: ушел до этого скандала. Правда, расследование сенаторское назначено им, но он всегда будет иметь возможность сказать, что он бы дал делу совсем иное направление.

9 июля

Приехали Писаревы, и Маруся приехала в Посад, сегодня ночует у нас. Получено письмо Тихона: ему разрешен отпуск. Приедет около 12 июля.

11 июля

Писаревы к вечеру уехали из Посада прямо в Петроград.

О.А. Новиковой должен был отправить телеграмму о невозможности ехать сегодня в Москву. Сегодня о. Тихон мог выехать из Новгорода. Но выехал ли?

Ник[олай] Степ[анович] Писарев вполне одобряет нашу систему войны, находя, что она наисильнее истощает немцев. Говорит об их страшной численной убыли в беспрерывных атаках на новые и новые укрепленные позиции. Он говорит, что и снарядами мы уже обзавелись, и что начинают прибывать заказанные орудия, — из Англии и Америки. Японские орудия он не одобряет. Японцы продают нам устаревшие образцы, которые у себя заменяют новыми, лучшими. Мы же их орудия размещаем по второстепенным крепостям, из которых берем свои, лучшие, на фронт. Хвалит также действия московских заводов (электрических) на потребности армии. Он их-то и осматривал.

Я, однако, не могу согласиться с ним, что наша система войны наилучшая. Она, м[ожет] б[ыть], и хороша для армии, которая сама по себе хуже немецкой, но для равной по качествам была бы очень плоха.

Он не имеет ни малейшего сомнения в конечной нашей победе. Дай Бог, конечно.

Очень интересны его рассказы о некоторых новых боевых снарядах, у нас изобретенных (Вороновым и Ладыгиным) — и которые (когда будут готовы) заменят все существующие. Но это было бы еще интереснее узнать по действию... А то все может оказаться одними «гениальными идеями». Впрочем Н[иколай] С[тепанович] говорил, что у нас изготовляют уже и обыкновенные немецкие удушливые газы[141].

Еще рассказывал, что у нас теперь почти не берут немцев в плен, а убивают, когда это мало-мальски допускают военные причины. Правду сказать, в отношении этих бешеных тигров можно бы было и совсем не думать о приличиях, а бить всех, без разбора. С этим рассуждением трудно не согласиться. Драться можно только равным оружием.

16 июля

Я уехал в Москву 12 июля, на другой день, 13 июля, приехал Тихон, уехал в Посад и возвратился в Москву 14 июля.

16 июля, сегодня, я был у д-ра Снегирева, и возвратился с о. Тихоном в Посад.

17 июля

В [«]Русск[ом] инвалиде[»] говорится о возможности отдачи Варшавы, Новогеоргиевска и Ивангорода, и рекомендуется нам, русскому обществу, «выдержать экзамен стратегической зрелости», и «стоически» отнестись к этим подвигам нашей стратегии...

Это прямо черт знает что, и русское общество имеет полное право сказать, что наше военное начальство уже не выдержало экзамена «стратегической зрелости». Отвратительно ведется война.

Печально, но приходится, кажется, признать, что мы имеем только солдат, но не армию.

21 июля

Открылась Гос[ударственная] дума. В общем, настроение весьма патриотичное, и выражается твердая решимость вести войну до победы. Вместе с тем — положение власти очень печально. Обвинений против нее масса, и к сожалению, справедливых. Власть берется под надзор и опеку, и конечно — для спасения России это необходимо. Горе только в том, что фактически это относится и к Царю. Против его личности никто, кажется, искренне ничего не имеет. Но как правитель, как Царь, — его авторитет исчез. В 1612 [г.] тяжкая война привела к воскресению Монархии; здесь, по-видимому, война приведет к падению Самодержавия.

Ни в Думе, ни в России, о Царе, как личности, даже не говорят. Слова Государь, Император, произносят как символ. Но власть ищут и стараются видеть не в нем, а в разных других лицах, в Великом князе, в министрах, в Думе.

Ну а чем кончится война? Все говорят твердо, все утверждают, что будут драться до победы.

Но будет ли когда-нибудь победа? Не знаю. Мы отступаем систематически, и с потерею областей уменьшаются наши силы и средства. Германия, без сомнения, также ослабевает, но в завоевываемых областях все же значительно пополняет свои средства материальные, и — заставляя покоренных работать на себя, — заглаживает в значительной степени убыль людей. Ход войны очень плох, ослабляет нас больше, чем немцев. Если этот ход войны мы не в состоянии будем изменить довольно скоро, то страшно сказать, да нельзя не опасаться, что самый лучший исход, о котором можно будет мечтать — это розыгрыш вничью. Но и этого нам не позволят сделать наши союзники, которые делают крайне мало и все тяготы войны обрушивают на нас, но, конечно, не позволят нам выскочить из их эксплуатации.

Я молюсь Богу спасти нас от наших могущественных врагов, и правду сказать — моя единственная надежда на Бога. Сама по себе Россия не представляет сколько-нибудь достаточных умственных сил. Все средне ординарны, ни единого исключения ни в правительстве, ни в «парламентском» мире, ни в общественных кругах, ни, увы, даже в армии. При этом масса полуизменников и, вероятно, даже действительных изменников; немцами Россия пронизана насквозь, и ни во власти, ни в обществе, ни тем паче в Думе — нет сознания немецкой опасности и решимости с нею энергично бороться.

22 июля

Моя «Борьба за Царствие Божие» идет медленно и вяло. Не мудрено! Идет борьба за существование России, да не в отвлечении, не в гаданиях разума, а конкретно, в несомнительной зримой реальности. Моя участь — в это время, требующее всех русских сил — сидеть в стороне, в положении самого скромного обывателя. Это — Воля Божия. Меня никто никуда не призывает, и сам я не вижу никакого места, на котором мог бы начать работу. Требуют все разных пожертвований, которые и делаю кое-как. Ведь много все равно я не могу дать. И вот — ничего не делаю и только смотрю на эту страшную картину. Это очень тяжело. Легче было бы участвовать на каком-либо посту... Но, видно, Воля Божия.

Должен по совести сознаться, что в качестве публициста я вряд ли был бы полезен. Может быть, больше мог бы сделать на службе, да и то не знаю, п[отому] ч[то] то, что я думаю, почти всегда расходится с

мотивами власти. Россия идет куда-то в неведомое будущее, по воле стихийных, внутренних сил, а не по какому-либо плану разума. Я же не могу идти стихийно, не гожусь и не хочу. Я могу идти только сознательно. Значит не гожусь и не нужен при данных условиях.

24 июля

День маминых именин. Но все довольно скверно. Павел вчера заболел, не то жаба, не то инфлюэнция, жар и пр[очее], лечим кое-как. Я тоже с ночи заболел — вроде поноса, с болью кишок, не знаю чем лечиться.

В довершение — Варшава и Ивангород отданы немцам!

Катя уехала с Верой (приехавшей на именины бабушки) в Москву. Буду пытаться найти прислугу. Мы в самом опасном положении. Павел заболел, Дуняша беременна — и близко к родам. Здесь живут у них: их бабушка (80 лет, еле движется) и трое малолетних детей. Т. е. прислуга такая, что **мы** должны на нее работать. А я заболел, Надя слаба, да и уже не вполне, кажется, здорова.

Ну что Господь даст!

25 июля

Тихон уехал в Москву. У нас — гнуснейшая осень. Термометр не поднимается выше 10°. Дождь и ветер.

26 июля

От Коли письмо. Место мерзкое, и боюсь, что очень мало практики. Незадача!

Сегодня решили (по телефону) взять беженцев во флигель. Нестерпимо слушать этих несчастных. А между тем если взять хоть семью из 5 человек, то их нужно и содержать. А это не меньше 8–10 р[ублей] в месяц на человека, т. е. около 50 р[ублей] в месяц. Да на дрова больше 10 р[ублей], итого 60 р[ублей] в месяц. Все дорожает и дорожает. Работать некому, а возьмешь баб с детьми, да и их не заставлять же работать. Конечно, беженцев нанимают и прямо на работу. Но мы берем не на работу, а в качестве пристанища им. Завтра Катя поедет в Комитет выбирать кого-нибудь. Желательно: 1) чтобы, не больные; 2) непременно с документами; 3) либо русские, либо поляки, но не латыши, чтобы можно было говорить с ними; 4) если можно — поменьше детей. Посмотрим, что-то выйдет в действительности.

27 июля

Возвратился Тихон.

28 июля

У меня были Новоселов с о. Флоренским.

29 июля

26 числа немцы штурмовали Ковно, и хотя в общем отбили, однако часть передовых укреплений у них осталась, т. е. взяты (у Пипле [?]).

Это весьма знаменательный шаг. Движение на Вильну, а дальше? Москва? Действительная угроза России — не Петроград, а Москва, и в настоящее время значение (военное) Москвы без всякого сравнения выше чем в 1812 году. Теперь — взятие Москвы было бы почти равносильно взятию России. Теперь Москва — не «древняя священная столица», и прочие сентиментальности, а — центр национальной обороны, совершенно ничем не заменимый. Если бы немцы взяли Петроград — это немногим больше взятия Варшавы. А взять Москву — это захватить в кулак центр мускулов и нервов обороны России.

Правительство страшно виновато в нашей неподготовленности. Особенно непростительно было держать Сухомлинова целый год после объявления войны. По-видимому, этот год прошел почти бездеятельно для подготовки материальной и технической части, из слабости которой мы теперь погибаем.

Сегодня едем с Тихоном в Харьков.

30 июля

У меня опять скверны кишки.

Приехала Катя с горничной.

31 июля

Рождественский[142] и Успенский приняты в Академию и ликуют.

1 августа

Военные известия чуть-чуть получше, т. е. — что немцы немного отодвинулись от Риги и от Свенр, отошли к Невяжу. Но это, конечно, значит, что они отступают на подкрепления? Настоящая схватка еще в будущем.

Частные известия (Успенский, Федор) гласят, что Вел[икий] кн[язь] Н[иколай] Н[иколаевич] был в Пскове, что из Пскова многие эвакуируются, и что там строят окопы. Это показывает, что ничтожные успехи на р[еках] Йа и Свенр нимало не упраздняют опасности.

Возможно, что немцы будут оперировать на Москву через Вильну. Весь наш вопрос в вооружениях, снаряжениях... Ну а это не легкая вещь. Мобилизация промышленности дело доброе. Но приспособление промышленности (да еще слабо развитой) к нуждам такой колоссальной войны делают не месяцами, а годами.

Англичане честно говорят, что употребляют все усилия для снабжения своей 2-миллионной армии, и то не могут справиться. Это

Англия. А нам нужно снабдить 10 миллионов, на фронтах в несколько тысяч верст!

Не обманываю себя никакими иллюзиями.

Сегодня Тихон уехал в Зосимову Пустынь.

У нас необычно холодная погода. Это единственный год, когда огурцы не успели вырасти. То холода мешали им развиться. Потом было пошли, собрали около сотни, может быть, а теперь — опять прекратили развитие, даже желтеет зелень. Тыквы не будет ни одной. Только кабачки выдерживают такую неблагоприятную погоду. Огород вообще отвратительный.

Но самое ужасное — эта злополучная война. Прямо гнетет к земле.

Мы, конечно, не знаем ресурсов Германии. Нельзя решить насколько она способна развивать напряжение сил. Но слабость наших сил видна как на ладони. Мы не только отступаем, но нельзя, по мне, даже надеяться на движение вперед... если только Германия не истекает кровью. Но и этого не видно. Из нынешних известий видно, что Новогеоргиевск обложен со всех сторон, отрезан от армий. Немцы сейчас уже перед Брест-Литовском. Это последняя крепость на их пути в глубь России. Придется скоро Главному командованию уходить из Барановичей, если еще не ушли оттуда.

Сегодня кричат о нескольких казнях изменников, все какая-то дрянь и мелочь. Все пустяки — жертва, брошенная «общественному мнению». Конечно, этих негодяев нужно казнить, но толку из этого немного. Нам надо иметь тысячи две-три новых орудий со снарядами, а не трупы предателей. Этой сволочи, наверное, у нас числится не одна тысяча. Жену казненного Мясоедова сослали в Сибирь. Ну а ее приятельница, г-жа Сухомлинова? Впрочем, повторяю, все это вздор. Нам нужны снаряды и вооружение. Остальное не поможет!

Наши отступления создали еще новое бедствие: сотни тысяч разоренных, голодных, истощенных беженцев. Их насчитывают 600 000, и число их растет. Ужасно! А теперь еще вопрос — сколько немецких шпионов идет к нам в толпах этих несчастных? Между ними масса евреев и немецких колонистов. Всю эту гниль и плесень распространяют по всей России. А что станешь делать?

Положение вообще отвратительное. Власть, чувствуя свою скомпрометированность, сдается на капитуляцию «обществу», т. е. либеральным элементам. Что они окажутся не хуже «охранителей твердой власти» — это более чем вероятно. Но каково перестраивать все управление страны под напором немецких армий? Ведь каждый начальник в течение минимум нескольких месяцев — ничего не понимает. А в течение нескольких месяцев неприятель может взять и Москву, и Петроград со всеми «обновленными» деятелями.

Вообще — все скверно, одно огорчение.
Одна надежда: не ослабли ли немцы?
Только это и может спасти положение.

4 августа

Сегодня возвратился из Москвы, куда поехал с Надей 2 авг[уста]. По ее денежным делам и по своим лекарствам. Дела устроили, но узнал, печальные вести о деятельности ревизионного сенатора Крашенинникова. Чушь какая-то. Он сделал обыски в обществе «За Россию» и «Экономическое возрождение России» и у их председателей, т. е. между прочим у Лашкова. Обыск у Лашкова был ночной, с обычной грубостью, не позволяли одеваться, пока не обыщут, перетревожили также и его жену, наделали скандала не то что на весь околоток, а на всю Москву. Непостижимо! Неужто же Крашенинников можно серьезно думать, что Лашков и Орлов устраивали погром или же участвовали? В каком зловредном тумане живут эти правительственные лица, и до какой степени они обойдены немецким влияниями!

За что и для чего? Неужто Крашенинников не понимает причины погрома? Неужели он не понимает, что подстрекательство состоит в полном недоверии народа к власти, во всеобщем убеждении массы народа в том, что правительственные деятели предают и продают Россию немцам? Ведь ужас именно в этом; в этом мнении народа. А секира обрушивается на патриотические общества, т. е. только укрепляет это народное мнение. Неужто он может этого не понимать?

Вчера, 3 августа, в Госуд[арственной] думе это было ярко высказано депутатами, Хвостовым[143] и кн. Мансыревым[144]. Почему же они понимают, а сенатор не понимает?

А Думское заседание 3 августа составляет страшное обвинение Правительства в небрежении, равносильном предательству страны. Не знаю, что нас ждет. Тут валят всеми силами неприятельские орды, а в правительстве полный развал. Ужасно подумать. Нужно единение и доверие, а явилось разъединение и хуже, тем недоверие.

5 августа

Немцы штурмуют Ковно. Один форт взяли. Да, они не теряют времени по месяцам, а держатся настоящего военного правила — затрата сразу огромной силы для получения немедленного результата. Все это отвратительно мерзко. Я почти не верю в возможность победы нашей. Слишком слабо вели войну, потеряли год зря, а немцы все время готовятся и развивают силу.

Война — всегда есть страшная проверка национальной работы за долгий период. Вспышки энергий — не помогут, если за плечами этих вспышек лежат десятилетия гнилого бездействия или разно-

калиберной толчеи. А у нас именно это и было, и настолько было, что остается по сию минуту. В Германии полвека идет работа хотя и различных партий, но в одном направлении. Партии разрабатывали разные стороны одной идеи: всесильного государства. Бисмарк[145] и социал-демократы различаются только терминами, а не сущностью идеи. И даже капиталисты и социал-демократы не отличаются по существу идеалов: это две стороны одной и той же организации общества. Вся Германия работала над созданием могучего государства, опекающего личность всеми средствами могучей технической культуры. Вся Германия работала под влиянием культа силы. И считая это — высшей идеей, немцы тем самым считали себя господствующим на земле народом, народом, которого господство ведет ко благу прочие низшие народы. Это делается насильно, но этот культ силы, там нынче представляется не злом, а естественным фактором, необходимым и законным.

Этот культ силы — идея чисто сатанинская, но это идея, и идея всенародная, создающая силу.

А у нас? У нас множество противоположных точек зрения, сосуществующих, взаимно подрывающих; каждая идея создает то, что другие подрывают, и в общей сложности получается бессилие анархии, и отсутствие национального единения. Партии не дополняют одна другую, а исключают. В общем получается бессилие.

Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношерстную нацию. П. Н. Дурново[146] прав, что теперь нужно уметь приказать, но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого — являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения. Немцы же вооружают армию за армией, собирают тысячи орудий, забирают одну провинцию за другой, идут упорно и систематично.

Это такое неравенство сил, что исход столкновения кажется неизбежным. Боюсь, что нас может спасти только чудо, т. е. или какое-то внутреннее, от нас независящее крушение Германии, или появление у нас человека, способного «приказать». Но в такой анархии, как у нас, такому человеку негде и явиться.

6 августа

Был в церкви; впрочем, я за последнее время бывал в церкви необычно для меня часто. Сегодня — Преображение. Тихон служил тут всенощную, а нынче литургию в Академии.

После обеда выехали гуртом, на двух парных извозчиках, были у Новоселова.

Военные известия отвратительны. Мы везде отступаем. Ковно уже наполовину взята. «Твердыня», нечего сказать!

Частное известие (приезжий священник) сообщает, что Ставка Верховн[ого] Главнокомандующего переносится в Смоленск! Там для сего приспособляется одно имение (кажется, Вонларского)... Дело, значит, подходит и к Москве. А у нас в губернии (по слухам) немцы всяких подданных уже давненько готовят нужное для будущей германской армии. Народное «варварское» выступление, способное их сколько-нибудь застращать, а кое-что из их планов и уничтожить, благополучно раздавлено правительством, т. е. Джунковскими и Крашенинниковыми.

Кстати, частный же слух говорит о предстоящем уходе Джунковского. Все это — гекатомбы разгневанной Думы. Что толку! Посадят кого-нибудь еще хуже, и хорошо еще если не немецкого прислужника.

Ужасное положение — в такую минуту быть без правительства, с какой-то кучей ежедневно сменяемых «министров», которых назначают не по своей пригодности, а для предполагаемого учреждения Гос[ударственной] думы.

И как быстро начался наш развал на фронте и в тылу.

7 августа

Ковна взята немцами. Участь гарнизона не сообщается. Новогеоргиевск уже наполовину взят, вероятно завтра будет известие о сдаче. Мы рассыпаемся с поразительной быстротой.

Не правительство, а черт знает что. Официозные известия утешают, будто Ковно был «устарелой крепостью». Раньше ее называли «первоклассной крепостью». Но если бы она и была «устарелой», то, как эти люди моги допустить, что в течение года войны она не была поставлена на высоту современных требований? Сами себе подписывают осуждение.

11 июля взят Львов; потребовалось 43 дня, чтобы нас выгнали из Варшавы. После этого через 2 недели взята Ковна. Итого, в 2 месяца (57 дней) произошел такой переворот, после которого можно ждать движения на Вильно, и м[ожет] б[ыть], Смоленск и Москву. До осени и зимы остается еще 2–3 месяца. Сумеют ли наши войска сопротивляться еще два месяца? Сила сопротивления их, видимо, очень ослабла.

Теперь серьезно приходится думать — что мне делать лично с семьей, если немцы подойдут к Москве? Придумать, однако, что-нибудь трудно. Тихон тоже думает, что возможно взятие Новгорода. Ну, он человек казенный, и их куда-нибудь ткнут. А вот нам, частным лицам, — «куда бечь»?

Взятие Ковно, насколько я могу понять, пробивает брешь между армиями к северу от Янова и к югу (Осовец, Брест). Есть ли армия, способная заслонить Вильну? Очевидно, нет, ибо если бы она была, то поддержала бы Ковну. По моему мнению, намедни опять разгромили наши войска, которые, значит, по нашей манере воевать, теперь будут «отходить», чтобы «выровнять фронт». Это все наше искусство... Другого не имеем. И вот поэтому-то я и спрашиваю себя: сколько времени наши будут «отходить» и «выравнивать фронт», — пока, наконец, не отдадут Москву, чтобы «выровнять фронт» у Владимира и Рязани.

Конечно, только история разберет причины наших отвратительных действий. Но я думаю теперь то, что думал в начале войны: наш роковой шаг был тот, что мы пошли за Карпаты вместо того, чтобы бить во что бы то ни стало в центр, т. е. на Варту, за Варту и так до Берлина. Говорят — «сил не было». Но если не было сил, то как же было мечтать раздавить Германию? Была сила или ее не было, но мы в полгода еще не расстреляли своих снарядов и могли бить всеми силами, чтобы вынудить Германию, конечно, к миру, а не к уступке Пруссии и Познани, что — как теперь ясно видно — было жалкой фантазией. Вероятно, мы имели глупость считать сильными своих союзников, которые, конечно, думали только ослабить немцев об Россию, бить их нашими быками. Впрочем, и Англия, и Франция оказались гораздо слабее, чем, вероятно, сами о себе думали. Дарданеллы прекрасно это показали.

Что же будет дальше? Мы как были без снарядов, так и останемся без них, ибо наши средства их производить не хватает даже на пополнение истраченного. Но мы сверх того стали деморализованы и дезорганизованы. Правительство растеряно. В народе исчезло всякое к нему доверие, что хотя и справедливо, но в высшей степени вредно для нас, отнимая у нас самую возможность стать сильными... Что же выйдет? Перед нами какая-то черная пропасть, и ничто не может нас спасти, если только Германия не рухнет сама, внутри себя. Если бы Германии передалась хоть часть того безумия, которое охватывает нас, то еще возможно спасение. Но что мы знаем о внутреннем состоянии Германии? Ничего. Вот должен собраться их рейхстаг... Не обнаружит ли он и у немцев разлада между властью и народом? Это давало бы луч спасения и в непроглядный мрак нашей погибели.

8 августа

Ковна взята. Часть гарнизона отступила. Но по смутным сведениям, какие даются, я почти убежден, что войска в Новогеоргиевске — будут взяты в плен. Там все разрушено, а отступать некуда.

Вильна энергично эвакуируется «ввиду возможного занятия города неприятелем», как сказано в официальном объявлении.

Это какой-то разгром.

Завтра Тихон собирается уже уезжать, пробудет несколько часов в Москве, и вечером — в Новгород, куда должен явиться 10 августа. Что ждет его там? Успеют ли начать учение, и сколько времени будут его продолжать, не начнется ли и там очень скоро «эвакуация»? Про все это выдает на земле один император Вильгельм.

А на небесах знает Господь Бог. Но вот нет нам Его милости, Его помощи. Молимся и не получаем, может быть, потому, что просим «не на добро», как выразился Апостол. Но право, кажется, будто молимся с чистым сердцем, желая только мирного жития. А впрочем, кто, кроме Бога, знает сердца человеческие?

9 августа. Воскресенье

Тихон уехал в Москву, а затем к ночи дальше в Новгород. Благослови Господь путь его, и пребывание.

Катя поехала проводить его, и останется в Москве по своим делам. Вероятно, не больше недели...

Меня гнетет тоска. И причины далеко не личные, хотя тяжко в такое время не иметь никаких способов помочь всенародной борьбе, тяжко думать и о том, куда деваться если наши отступления отдадут немцам Москву... Я везде обложен этими проклятыми документами [«]Моск[овских] вед[омостей»], которые обязан хранить еще 8 ½ лет, и которые весят не менее пудов 30... Что я сделаю с этими кандалами? Но все это — личные условия? Помимо их — страшную тоску нагоняет невообразимое народное разочарование во власти, при котором борьба с неприятелем усложняется до крайности, а в конце концов может стать невозможной. Правительство не слышит народного голоса, властям никто не сказал того, что в народе толкуют промеж себя. Вот, например, болтают бабы, крестьянки, привезшие на продажу разные продукты. Она громко говорит, что везде во власти изменники. На возражение, что не нужно верить этому вздору, — она говорит: «Какой там вздор, царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся на наш счет, и побеждают нас». Напрасны возражения, что это нелепость, и что физически невозможно посылать поезда... Баба отвечает: «Ну уж там они найдут, как посылать»... Как ultimo ratio* ей говорят, неужто она, дура, не понимает, что Государь ничего подобного не допустит? Она отвечает: «Что говорить о Царе, его уже давно нет в России». — «Да куда же он девался?». — «Известно, в Германию уехал». — «Да, глупая баба,

* Последний довод (*лат.*).

разве Царь может отдать свое царство немцам?». — Она с апломбом отвечает: «Да ведь он уехал на время — только переждать войну»...

Кто распространяет такие чудовищные бессмыслицы? Это вопрос неважный. Могут распространять не только наши революционеры, но даже сами немцы. Но дело не в этом, что распространяют, а в том, что верят. Вот ужас. Конечно, баба дура, и, вероятно, даже перевирает то, что в менее бессмысленных формах толкуют мужики. Мужик и более молчалив, он осторожен, а баба — что на уме, то и на языке. И вот наибольший ужас, что в народе верят басням такого характера. Нужно сказать, что даже и эта смиряется перед Николаем Николаевичем. Ей говорят: «Ну а Великий князь разве может допустить помощь неприятелю!» Она тотчас меняет тон, и говорит, что «Великий князь за всем смотрит, на него надежда, да разве за всем усмотришь? Он и то уж измаялся, постарел, весь седой стал»...

Великого князя народ облюбовал, на него смотрит с надеждой. Значит в этих печальных легендах не все сочиняется революционерами. Они бы не стали щадить и Великого князя. Горе в том, что в народе мысль работает в таком направлении, что клеветы революционеров могут вызывать доверие.

Большое счастье, что в народе расходится масса газет. Их известия все-таки значительно расширяют реальный горизонт народа, и должны, думаю, очень парализовывать по крайней мере слишком нелепые легенды. Однако они все-таки живут. Сверх того — немецкие симпатии, и немецкое влияние — факт реальный, который виден и из газет, а еще лучше виден народу по ежедневному опыту.

В результате — недоверие к власти — укрепилось в народе как-то необоримо. Говорить против этого — почти бесполезно и возбуждает только подозрения против говорящего.

Если у нас не будет в скором времени успехов военных, — то Россия придет к немыслимой деморализации. Хвостов в Думе очень хорошо очертил различие «петроградской» психологии и народной, но и сам поддался петроградской психологии в своих странных обличениях «самосуда». Никто в народе, я думаю, «самосуда» не защищает, а все наполнены лишь потребностью «обуздать» и «застращать» немцев внутри страны. Чтобы не было «самосуда» — нужно действие власти в смысле обуздания внутренних немцев. Тогда вся масса будет против самосуда. Но когда народ имеет перед собой дилемму — «самосуд» или «предоставление немцам свободы разрушать Россию», то **народная** психология решает в пользу «самосуда». «Петроградская» психология, кажется, неспособна этого понять, как видно и по характеру расследования сенатора Крашенинникова. Петроград рассуждает по нормам обычного, благополучного времени. А народ — по нормам

salus populi suprema lex*, чувствуя, что Россия находится не в момент «благополучия», а в момент крайней «национальной опасности».

10 августа

Наконец-то хоть один луч света. В рижском заливе наш флот (слабейший) растрепал немцев так, что они совсем ушли из залива. У немцев потоплено и выведено из строя: лучший дредноут (взорвали англичане), 2 крейсера и 8 миноносцев. У нас по измене геройски погиб «Сивуч» (канонерка). Десант в Перново [?] уничтожен ополченцами. Слава Богу! Слава и воскресшему Балтийскому флоту.

Ночь. Сейчас слухи о будто бы взятии Дарданелл. Телеграфировал в Москву, но ничего не мог узнать. Наверное, вранье, как уже было десяток раз.

11 августа

Разумеется никаких Дарданелл не взяли. Это выдумала какая-то поганая газета (вечерняя), которая всполошила Москву, вызвала демонстрации, столкновения с полицией, аресты и т. п. Вот тебе и военная цензура! Как могут выходить такие скандалы?

Я крайне плохо сплю. Вот эти вести и раздражают и угнетают. Нестерпимо сидеть в бездействии. Написал кой-кому из знакомых. Хочу искать какого-нибудь места, где можно бы было работать. Не важно — какая работа, лишь бы не стоять в стороне. Разумеется — не публицистика. Это — ни на что не нужно. Да при нынешнем отношении к печати и нельзя работать. В любой канцелярии больше смысла. Боюсь только, что никуда не возьмут. Все связи пропали. А мне уже не о том думать, чтобы польза была от работы, но хоть бы душу свою чем-нибудь заткнуть, чтобы некогда было думать ни о чем из этих угрюмых обстоятельств.

Невольно ропщу на покойника Петра Аркадьевича, что принудил меня запрячься в эти проклятые «Московские ведомости», и через это оставить службу. Теперь бы вертел какое-нибудь колесо общего механизма, и уж конечно, не хуже других, а главное — не стоял бы вне рядов общей службы России.

12 августа

Кончил жизнь и «Осовец». Каждый день новые трофеи немцам. Но «Осовец» по крайней мере взорвал свои укрепления, и гарнизон ушел. А Новогеоргиевск? О его гарнизоне не звука. Очевидно, сдался?

Германский парламент держится дружно вокруг правительства. Сдача Варшавы, Ивангорода, Новогеоргиевска, Ковны, «Осовца»,

* Благо народа — высший закон (*лат.*).

конечно, подлинно подарок Вильгельму в момент созыва парламента. Наши военные действия не сообразуются с вопросами «политики».

А вот в нашем парламенте грызня партий начинается во вся*.

«Вечерние новости», написавшие о взятии Дарданелл — приостановлены до конца чрезвычайной охраны. Интересно знать, через сколько времени юркие издатели этой дрянной газетенки начнут выходить под другим названием? Наверное, разрешат. Да сказать правду — хотя такая газетная мразь мне отвратительна по существу — но в данном случае — коль скоро военная цензура не вычеркнула — то нельзя считать редактора особенно виновным. И конечно — если бы не вышла сумятица по Москве — то никто не сделал бы газете даже простого выговора.

Но толпа патриотических, хотя и глупых, демонстрантов не только не повиновалась полиции, а еще ходила всем гуртом к сенатору Крашенинникову жаловаться на полицию и даже просила об освобождении арестованных. Судя по газетам, сенатор отвечал толпе со всем тактом и достоинством: твердо, умно. Кто его знает: может он и свое расследование ведет умно, хотя обыски имеют вид крайней необходимости. Но что касается населения Москвы, то эти события (т. е. демонстрации в данном их виде) показывают крайне демагогическое настроение. Пожалуй, даже хуже немецкого погрома, где толпа все же верила, что действует чуть не с согласия властей, и что полиция ей все-таки ничего не возбраняла. Это был самосуд, но не было сопротивления власти.

А Госуд[арственная] дума начинает быть вредной. Она не объединяет страну, а только разжигает население. Ох плохо, если у нас не будет военных успехов! Без них власть, столь слабая, не посмеет стать на ноги и всех привести в порядок.

Паршивые эти наши союзники. Только вяжут нам руки, а толку из них ни малейшего. О Господи, дай помощь! Идем на дно.

13 августа

Сегодня именинник наш Тихон (священник Тихон). Телеграмма послана вчера.

Утром получена от Коли из Омска, от 12 авг[уста], телеграмма: «Еду в Москву». Значит, должен быть 16 или 17 августа. Но что значит столь ранний отпуск с работ — недоумеваю.

Катя возвратилась из Москвы. Там мало видела людей, но достаточно, чтобы чувствовать общее мерзкое настроение. Надо полагать, что «работает» масса немецких шпионов. На вокзале какой-то артиллерист при Кате ругался, что «шныряют повсюду и смотрят какие-то

---

* Так в тексте.

в солдатской форме, а черт их знает, солдаты они или нет»... На улицах часто какие-то личности ругают не только правительство, а неприлично поносят самого Государя. Всюду толки об измене, выходит, будто чуть не все начальство — изменники. Огромную опасность составляет масса наших немцев всяких подданств. Огромную глупость, мне кажется, составляет набивание Москвы беженцами. Они неизбежно деморализуют население, а сверх того, как не подумать, что под видом беженцев, в числе их, немцы непременно двинут тысячи своих шпионов, которым мы теперь будем давать денежные пособия и отыскивать места.

Тошно жить! И нет никакой надежды на улучшение положения. Я боюсь, что англичане уже выродились, как заявляют немцы. Ничего не умеют сделать. Немцы целят создать грозную силу из Турции. Казалось бы, из России можно бы сделать просто вдесятеро более грозное. Но англичане — ослы. Они не обращают на Россию внимания, не знают по-русски, не имеют здесь связей, и настолько глупы, что не умеют даже дать нам оружие, которое им самим ни на что не нужно, п[отому] ч[то] они все равно не будут воевать.

Вооружают (будто бы) 2 миллиона войска у себя. Для чего? Не умнее было бы вооружить 2 миллиона русских? А уж эти их Дарданеллы — прямо один срам. Даже на таком пункте не могут выдвинуть достаточных сил. Такой же срам и Америка: не умеют парализовать немецкого влияния. Совсем пропал куда-то их былой ум.

14 августа

Был у Введенских. Скверная атмосфера. Толки об измене, о неизбежности взятия Москвы и т.д. Это не их толки, а окружающего общества. Между прочим Введенский рассказывал о деморализации слабосильной команды. Около Киновии была попытка изнасилования женщины, которую у солдат едва отбили проходящие гимназисты. Здесь у самой Лавры трое, кажется, солдаты сняли штаны и показывали свои члены проходившим женщинам. Видимо, надзору нет. Должно быть, Сондецкий-то был прав, требуя строгости. Катя говорит, что «в Москве солдаты себя держат скверно[»]. Между прочим где-то умудряются напиваться.

Этот упадок духа и деморализация наводят прямо страх. Приезжие беженцы рассказывают, что солдаты не «отступают», а «бегут». Последний раз и Сидоров говорил мне, что мы теряем массу пленных. То же передавал сегодня Введенский — что солдаты сдаются кучами.

Прямо какие-то отравленные годы безумия охватывают злополучную Россию*.

---

* Далее зачеркнуто 5 строк.

15 августа

Брест-Литовск отдан немцам. Они подошли к ночи к самому Фридрихшату (на Двине).

В Госуд[арственной] думе какая-то безумная оргия ругани и подрыва всякого народного духа. Впервые узнал из думской ругани о забастовке в Иваново-Вознесенске, и усмирении толпы силой с ранеными и убитыми.

Известия о Германии: вся страна превращена в фабрику снарядов, в лагерь обучения населения военному делу. Вся нация — как один человек.

А Россия рассыпается. Не понимаю, что может нас спасти!

Сегодня, по случаю Успения, такая масса народа, что никуда в церковь не мог попасть. А вчера на всенощной был в Пятницкой церкви у о. Ионафана. Церковь мне понравилась.

Сегодня мы видели пять поездов с войсками, идущими в Москву. О них заранее давали знать отчаянные крики «ура» с вокзала, вдоль всей линии, где только попадался народ. Из окон вагонов солдаты беспрерывно махали платками, а с Посада — жители махали платками им. Все это хорошо, но, Господи, где нам взять хоть чуть-чуть сносное правительство? Теперь бы нужен был диктатор, который бы заставил работать, и, особенно, обуздал бы немцев внутри и показал бы стране, что власть не за немцев, не изменники. Вся масса народа стала бы за него горой. Но нет человека! Уж хоть бы Кривошеина назначили! Все же не знаю никого крупнее его. Напихали ничтожностей хуже прежних.

Сейчас, когда пишу эти строки, прибежала наша Маня (беженка) и объявила, что прошел еще воинский поезд, среди «ура». Она, бедная, тоже интересуется этим: не поможет ли Бог нашей несчастной армии. Видно, откуда-то стали подтягивать войска (это все новобранцы разного рода).

16 августа

Приехал Коля. Я его встретил на вокзале, и он проследовал пока в Москву. Слава Богу, здоров, благополучно.

17 августа

Недавно получил из Саратова (от 12 авг[уста]) за неразборчивой подписью приглашение местного Союза Михаила Архангела[147] — приглашение способствовать съезду «монархистов» для принятия мер в защиту самодержавия. Затем другое письмо (без даты) уже от какой-то «Комиссии по созыву съезда» — приглашение приехать в Саратов 27 авг[уста] на предварительный съезд. Все это глупо до такой степени, что читать тошно. Думал было оставить эту чепуху без отве-

та, да побоялся, что явятся известия о приглашении меня на съезд, и сопричислят меня к этим оболтусам. Посему сегодня отправил в редакцию «Волги»[148] (Саратов) на имя Н. П. Тихменева[149] свой отказ:

17 авг[уста] 1915 г. Николаю Петровичу Тихменеву

«Уважаемый Николай Петрович. Я получил из Саратова приглашение на проектируемый там монархический съезд. Под приглашением подготовительной Комиссии стоит Ваша подпись. Будьте поэтому любезны передать Комитету и местному отделу Союза Михаила Архангела, что я стою вне политической деятельности и в политических выступлениях участия не принимаю. Если бы я имел возможность работать, то единственным местом работы считал бы защиту России от неприятельского нашествия. Желаю Вам всего доброго. Л. Тихомиров».

* * *

А это проклятое нашествие неуклонно надвигается.

У союзников — ничего отрадного.

Соед[иненные] Штаты — примиряются с Германией.

Болгария вступила с Турцией в соглашение. И как знать — эти болгарские Иуды не ударят ли на нас открыто?

Вообще, по-видимому, мы сломаны.

Я думаю, что тут вступилось в дело масонство. Вильгельм — масон. А каковы силы масонства у нас, в России? Кто это ведает? По мнению аббата Турмантена[150] — масоны приобрели в России огромную силу. А покойный Столыпин, вступивший (по словам покойного Евг[ения] Эмил[ьевича] Маттерна) по этому поводу в полемику с Турмантеном, через несколько месяцев после этого был убит.

Введенский говорил, будто бы по делу Мясоедова обнаружилась причастность С. Ю. Витте к убийству Столыпина. Это и прежде думали. Но не знаю, откуда у Введенского его сведения. Впрочем, я теперь читаю Дешампа и Клодио Жане[151] о масонах, и исторические примеры их страшного могущества невольно обволакивают воображение какими-то мрачными привидениями. Турмантен говорил Маттерну, что Витте — масон 33 степени.

* * *

Приехала к нам Нина Фудель.

18 августа

Приехал в Посад Коля.

19 августа

Замечательно скверно проходит время. От утра до утра ждешь газетных известий, хотя заранее знаешь, в чем они будут состоять: будут — занятие Вильно, сдача Гродно, переход немцев на правый берег Двины. Проходить в Бессарабию, вероятно, еще пока не будут... Конечно, и Вильно и Гродно еще не были сданы, но это вопрос дня или нескольких дней... Ощущение du dernier jour de condamné*, не имеющего часов, но знающего неизбежный исход. Задаешь себе лишь вопросы — дойдут ли до Москвы? И что тогда делать? Заниматься чем-либо мало-мальски серьезно — немыслимо. Проволакиваешь время как-нибудь. В успех — уже совсем нет веры. О мире не только не думаешь, но и не хочешь его: это все равно гибель, и еще более постыдная. Да он и невозможен нравственно. Правительство не только связано договором, но сверх того понимает, что если бы это было даже нужно для России, то для него и для династии — это все равно гибель... И вот сидишь — и ждешь гибели России и своей... Бессильно ругаешься, да уже и ругаться недолго...

Как могли эти люди истратить все свои снаряды и оружие, не приняв давным-давно меры к пополнению? На что они рассчитывали? Что обмануло их ожидания? Но как бы ни решались эти вопросы — положение от этого не изменится.

Московская Городская дума решила просить Государя о назначении главой правительства человека, пользующегося доверием страны. Это недурной комплимент для Государя. Но где этот человек? Кого разумеет Дума? Не знаю. Может тут Великий князь Николай Николаевич? Одновременно с этим Дума послала ему выражение доверия. Оба эти предложения приняли единогласно, а ведь в Моск[овской] думе все же не одни кадеты, а есть и октябристы и даже правые.

Очень бы хотел знать, кого разумела Дума?

20 августа

Коля уехал в Москву... Вечер. Час от часу не легче: оказывается, что Московск[ая] дума под человеком, пользующимся доверием страны, подразумевала князя Львова! Затем не менее достопримечательно: по городу (Москва) говорят, что на днях будет опубликовано, что Государь Император принимает личное командование армией!

Боже, что с нами делается! Одно и тоже сверху и снизу. Finis Russiae**...

Впрочем, возможно предположить, что это номинальное командование. М[ожет] б[ыть], Государь думает ободрить войска, что, к

---

* Последнего дня приговоренного к смерти (*франц.*).

** Конец России (*лат.*).

сожалению, весьма сомнительно. Может быть, он просто не хочет оставаться в Петербурге, где, действительно, Дума делает его положение крайне неприятным, почти унизительным. Вообще нельзя не чувствовать глубокого сожаления к этому Монарху, которому выпадают на долю все тяжкие испытания и несчастья, какие только могут выпадать человеку, и которым не видно и конца. Но если его жалко, то ведь и Россия при нем систематически разрушается, а в настоящей войне дошла до вопроса о своем существовании.

И в такую минуту — телеграмма Тихановича-Савицкого[152], упорно зовущая меня на их дурацкий съезд «правых». Несчастные! Насколько нужно быть политическими тупицами для таких затей в такие минуты!

21 августа

Собираюсь сегодня в Москву хоть запастись деньгами. Дела совсем дрянь. От Тихона письмо. Псков эвакуирован, и там будет ставка Рузского. Новгороду тоже угрожает опасность.

В Посад пришли какие-то войска, а в Лавре строят какие-то подозрительные подмостки, похоже, для снятия колоколов!..

25 августа

Возвратился из Москвы в Посад. Прибыл 22, 23, 24 августа, и часть 21 и 25 августа.

Уплатил за квартиру (465 р[ублей]); взял 3 ½ из Гос[ударственного] банка.

Был в «Союзе 17 октября»[153], у Бекина и у Сидорова.

Возвратясь, нашел Надю совсем больною, с 39° температуры и даже 39,5°. Вызвал немедленно Кочергина, но он не нашел в легких ничего опасного. Лежит, однако, в постели и лечится. Помоги, Господи!

В Москве, в общем, настроение скверное. Я попал как раз на эту исконно русскую бессмыслицу исчезновение разменной монеты. Вчера или три недели — ее было, как обычно, вполне достаточно; сегодня исчезла! Все меняют бумажки на это ржавое серебро и позеленевшую мелочь...

В лавочках отказывают в сдаче, даже и в крупных магазинах, п[отому] ч[то] все только берут мелочь и не дают ее. Госуд[арственный] банк — осажден толпой, принесшей свои трехрублевики для размена на мелочь. Там пустили для выдачи этой дурацкой монеты один ряд касс. Я был в субботу в банке и видел эту безумную толпу. Она толпилась еще во дворе банка, заполняла сплошь сени, лестницы и залы. Рожи психопатические, рассерженные. Ждут очереди по долгим часам, чтобы получить свою горстку мелочи. Противно смотреть. Эта нелепая штука выдумана, как слышно, немцами чтобы уронить курс бумажек. К нам эта подлинная эпидемия пришла с

беженцами, среди которых, конечно, явились и евреи — немецкие шпионы. Еще на Западе распространили слухи, что немцы не будут брать русских бумажек, а только звонкую монету. И эти обезумевшие люди стали сбывать бумажки. Жидам предстала прекрасная спекуляция. Мне сегодня говорили в Московск[ом] куп[еческом] банке, что спекулянты жиды скупали бумажные рубли за 25 коп[еек]. Безумная толпа теряет 75%. Госуд[арственный] банк усиленно разменивает, и в один только день выдал 120 000 р[ублей] мелкой монетой. Думаю, что это не принесло никакой пользы. Смотря на эту гнусную толпу, видно, что множество меняет не свои деньги, а конечно, присланы этими же жидами. Сегодня, как слыхал в этом же Банке, на Ярославской дороге арестовано два жида со шкатулками мелкой монеты. Они, конечно, ехали на дальнейшую спекуляцию. В конце концов, психоз как будто стал слабеть в Москве. Умную меру представляла выдача трамваями рублевых книжек с билетами на проезд. Эти билеты выпущено на 50 000 руб., т. е. на такую же сумму уменьшено количество разменной мелочи. Банк стал уже выдавать мелочь по преимуществу промышленным заведениям для возможности размена, а администрация издала обязательные правила размена. Авось, Бог даст, опомнятся наши оподлевшие и безумные толпы.

Самое бы главное было — это ловить и жестоко карать спекулянтов, скупщиков, но это делается, кажется, в очень слабой степени, хотя, полагаю, из Банка легко было бы выследить их по этим мерзавцам, которые ими посылаются для размена денег. Правда, градоначальник грозит карами тем, кто скупает мелкие деньги, но было бы умнее карать не мелких людишек, которые стараются набрать мелочи ввиду трудности получить сдачу на рынках и в лавочках, а крупных спекулянтов, которые являются без сомнения немецкими агентами.

Впрочем, кажется, эта мерзость немножко проходит. Однако в Посаде она тоже началась.

Эта гнусность между прочим показывает большое, огромное падение веры масс в силу России. Да и немудрено, когда мы отдаем каждую неделю немцам по одной губернии, а то и больше!

Чрезвычайно нужно, хотя крайне тягостно было собрание в Клубе [«]17 октября[»], но не имею времени записать. Нужно спать.

26 августа

Мы еще не получили газет, но Новоселов по телефону сообщил совершенно невероятное известие, напечатанное в газетах: Манифест высочайший о том, что Николай Николаевич отчислен из армии и назначен на Кавказ, а командование армией принимает лично Государь Император...

Все кончено... Мысль отказывается работать при таких событиях...

Получено «Русское слово»[154]. Факт верен, только не Манифест, а простой приказ по армии государя и два рескрипта: Великому князю и Воронцову-Дашкову[155], причем последнему — рескрипт преисполнен похвалами, а Великому князю довольно сух и наполнен как бы мотивировками принятия меры личного командования.

Конечно, чудеса бывают и Господь может все направить ко благу. Но сам по себе совершившийся факт содержит все данные для того, чтобы окончательно деморализовать Россию и, вероятно, армию.

В некоторых газетах вчера было напечатано такое известие*:

ПЕТРОГРАД. VIII, Из Цюриха корреспондент «Веч[ернего] вр[емени]» со слов лица, находящегося в Германии и поддерживающего с корреспондентом переписку, сообщает следующее:

«В Германии говорят, что немцы помышляют о мире, который будет заключен вследствие предательского акта.

В заговоре будто бы участвуют директор одного из известных германских банков и трое русских подданных, которых будто бы подкупили для того, чтобы они произвели террористический акт.

В конце концов были найдены трое русских, в том числе одна женщина, которые получили поручение совершить покушение на величайшего врага немцев и противника сепаратного и преждевременного мира — Августейшего Верховного главнокомандующего. Лица эти будто бы отправились в Варшаву, но по прибытии туда были немедленно арестованы».

Корреспондент обещает в удобный момент сообщить имена этих предателей и убийц.

(«Утро России»[156] № 234.)

Немцы, вероятно, боятся только Вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича, действительно, единственное лицо, пользующееся доверием армии и России. Теперь он удален иначе, и с гораздо большим вредом для России. Но кому может принадлежать инициатива таких мер у нас?

Теперь нужно ожидать нового отчаянного натиска немецких армий, которые используют благоприятный момент деморализации нашей.

* * *

Рассказывают, что дня два назад протоиерей Восторгов говорил, что слышал от Вас[илия] Мих[айловича] Скворцова[157], что Григорий Распутин, уезжая из Петербурга в Тюмень, сказал ему, Скворцову: «Еще я не доеду до Тюмени, как Вел[икий] князь Николай Николае-

---

* Вклеена вырезка из газеты.

вич будет отправлен на Кавказ, а армией командовать будет Сам Государь». Выходит, что Распутин знал это, по крайней мере, за неделю до опубликования.

* * *

Этот зловещий Распутин — прямо гибель Царского Дома. Какое непостижимое колдовство оковало разумное на высотах власти?

Впрочем — это грех очень широких слоев и самого населения.

* * *

Ночь. Впечатления улеглись, и более чем когда-либо мне кажется, что мы — погибли. Не знаю, конечно, возможных закулисных сил, нас подрывающих, но и ясные наружные условия — вполне отчаянные. Наша гибель — не в одних ошибках правительства, а еще больше во внутренней разложенности русского так называемого образованного общества. Теперь в передовых (т. е. «кадетских») слоях идет безумная политическая спекуляция в целях упразднить Самодержавие и добиться либеральной конституции (с ответственным министерством). Под влиянием страшно компрометированной власти теперь бесчисленные общественные управления поддались агитации конституционалистов демократов и осыпают Государя требованиями о назначении министров по желанию якобы «общества» или «страны», а в действительности нескольких тысяч человек передовых партий. «Страна» и понятия не имеет о людях, которых те хотят провести во власть, но поддерживает их агитацию своими постановлениями разных самоуправлений и корпораций. Этим окончательно подрывается власть, а стало быть и оборона страны.

Теперь нам нужен диктатор, а мы вместо этого создаем анархию.

«Страна» охвачена каким-то безумным психозом.

Без сомнения, Германия всячески его раздувает и поддерживает.

Нравственное падение русских чрезвычайно. Изменников у нас, несомненно, много, и вряд ли только немецкой или еврейской национальности, а также и русской. Мясоедов — русский. Мне за верное сообщали, что комендант Ковно, генерал Григорьев[158] (русский) судим военным судом и расстрелян за преднамеренную сдачу крепости. Частные слухи гласят, что крепость не оборонялась, и что «Ковна продана».

Конечно, у нас вспыхивает патриотизм, но толку из этого за недостатком объединяющего центра не получается. На докладе, напр[имер], Бекина в Клубе [«]17 октября[»] выяснилось, что военно-промышленные комитеты ничего не сделали. За все время их шумной работы, всеми вместе, изготовлено доселе 500 штук снарядов. Пятьсот штук! Это смехотворно. Причем, во-первых, неоргани-

зованность, во-вторых, отсутствие власти, принуждения, в-третьих, явное нежелание работать со стороны крупнейших заводов, которые все немецкие, как Кнопа[159], Литгарда, Вогау, «Гужон»[160] (хотя и француз, но двойной изменник, немецкий запроданец) и т.д.

По мнению Л.А. Сахарнова (инспектора Мин[истерства] торг[овли] и пром[ышленности]), если бы только одна Москва была организована правильно, дисциплинированно и принудительно, она могла бы производить 15 000 снарядов в день. Вместо того она, вместе с рядом «мобилизованных» провинциальных предприятий, за несколько месяцев сделала пятьсот штук!

Правительство не умеет взять в свои руки власть и распоряжаться, даже не смеет, и только изворачивается в проволочках времени. Теперь, насколько я вижу, есть только два человека, которых можно бы было поставить во главе правительства: В[еликий] к[нязь] Николай Николаевич и А.И. Гучков. Оба они имеют доверие страны, и около них могли бы сомкнуться как армия, так и народ. Но А.И. Гучкова держат упорно на задворках. Он стоит во главе лишь военно-промышленных организаций. Что они ничего не делают — он знает очень хорошо (сам сказал Сахарнову), но, не имея власти — молчит, вероятно, видя, что если он рассорится с промышленными комитетами, то потеряет уж и малейшее влияние на правительство и отойдет в политическое небытие. Почему его так упорно не призывают к участию во власти? Это обстоятельство роковое. Что касается Николая Николаевича — то вот он отослан на Кавказ... еще бы не доставало — в Туркестан!

Как Государь будет командовать и армиями и управлять государством — это непостижимо. Говорят, что командование будет фактически у ген[ерала] Рузского. Но, во-первых, Рузский вовсе не так популярен, как Великий князь, во-вторых, присутствие Государя будет связывать ему руки. Присутствие Монарха хорошо только тогда, когда он и действительно командует, как Наполеон[161], Петр I[162], Фридрих Великий[163] и т.д.

Что же может получиться из создавшегося положения? Внутри — можно ждать беспорядков, м[ожет] б[ыть], бунтов, извне — разгрома армии.

Если бы Государь был даже первоклассным полководцем, то все-таки нужно было бы это доказать войску и стране какими-нибудь блестящими победами. Тогда, конечно, около него сомкнулись бы... Но ведь это невозможное предположение. Пока у нас нет снарядов, никакой Наполеон не может одержать блестящих побед.

Напротив, теперь скорее можно ждать дальнейших побед немцев, и ответственность за это будет падать уже лично на Государя.

Положение прямо ужасное, из которого нельзя предвидеть никакого спасения. Может быть, надежда на Бога, но если бы Господь имел Волю нас спасти, то, конечно, не допустил бы создания стольких условий государственной катастрофы...

27 августа

Сегодня хорошие известия из армии. Немцы нигде не имели успехов, а наши нанесли в Галиции 25 августа поражение немцам и австрийцам, причем взяли в общем больше 14 000 пленных (в том числе около 9000 немцев), 33 орудия, множество пулеметов. Государь вступил в командование 23 авг[уста], а 25 августа уже такой успех!

Мне приходит в голову утешительное предположение, что, может быть, сам же Ник. Никол. для поднятия, наконец, престижа Государя, составил этот план: подкрепив достаточно снабжение армии, — уступил место Государю, чтобы при Нем начались успехи. Возможно также, что Государь Император и обладает способностями генерала. А конечно, если бы военные успехи начались при личном командовании Государя — это подняло бы его в глазах народа и дало бы России то, о чем все теперь кричат — власть, пользующуюся доверием страны, но не в лице «кадетских» избранников, а в лице самого Царя, что именно и нужно.

Дай Бог, если план именно таков, и если он осуществится.

А что Государь может иметь талант военачальника — это очень возможно. Он запутывается во внутренних делах, но они гораздо сложнее военных. Сверх того, на войне есть твердо установленные правила, принципы, которые хорошо известны Государю, тогда как во внутренних делах у нас, в России, принципы страшно запутаны, и нужно исключительное личное вдохновение, чтобы заметить глазомером отсутствие ясных принципов. Посему очень возможно, что Государь как главнокомандующий окажется даже и лучше Николая Николаевича. Собственно, ведь и Николай Николаевич во внутренних делах далеко не зарекомендовал себя глубоким политиком. Посмотрим... Никто не решает судьбы, как Господь.

А у нас Надя больна и больна. Я думал, нет ли чего в легких, но приходил Кочергин, ничего не нашел. А между тем температура не спадает, и колющие боли скачут на разных частях груди — не дают ей покоя. Теперь боли перешли на горло и ей не дают лечь на подушку. Просто горе. Извелась совсем. Тоже — вроде того, как наша несчастная Россия.

Между прочим и погода — также. Стоит самая скверная осень. Сыро, холодно, ветер то справа, то слева. Во всех отношениях неприятности.

Сегодня второй день поста, назначенного Св. Синодом. Не выходя, не знаю, как постится народ. Но сам тоже пощусь (только скоромное масло). Как постят не знаю, но все что слышал, к сожалению, выражает горестное впечатление от вести об удалении Великого князя. Это принято, как новое несчастье, и — горе будет если Господь не даст Государю быстрых лавров военных. Тогда на него обрушится прямо негодование народное. Я, вчера, также горестно пораженный, принял систему говорить, что Государь должен быть хорошим генералом, и что новая комбинация, без сомнения, создана согласно с мыслью Великого князя. Нужно поддерживать дух... Но горе, если случится военное несчастье... Из слов Павла вижу, что в народе поражены уходом Великого князя. В Государя не верят. В обществе (слышу кое-какие отклики) совершенно то же самое. Одна надежда на Бога.

28 августа

Сегодня опять был Кочергин, и склоняется почти к несомненному заключению, что у Нади малярия, может быть, взбудораженная инфекцией. Завтра делаем пробное лечение хинином.

По городу все гадают о смысле отчисления Николая Николаевича и личном принятии Государем командования. Кочергин передавал такую версию. Вел. кн. Николай Николаевич будто бы человек очень «правых» убеждений, и не хочет «уступок» требованиям «реформ». Государь же, напротив; очень склонен к уступкам, и потому решил удалить Великого князя, для чего и принял командование на себя... Мне кажется, что версия эта небезвыгодна для Государя, хотя все пункты ее без сомнения совершенно противоположны действительности. Впрочем возможно, что обладая здравым смыслом, и понимая, что теперь вредно толковать о реформах, отклоняясь от единственно важной мысли о войне, — Великий князь и желал бы упразднить неуместные занятия внутренними реформами... Но я сомневаюсь, что Государь уж по крайней мере не меньше понимает всю вредоносность этих требований «реформ» теперь. Да и вряд ли есть хоть один зрелый государственный человек, который бы не понимал этого. Если кто либо кокетничает с этими требованиями или даже готов «угождать» им, то только по нужде, из-за боязни революционных движений, ставших возможными вследствие компрометирования правительства нашей неподготовленностью к войне.

Думаю, однако, что и такая «уступчивость» недостойна серьезного государственного человека, ибо ясно, что «реформы» в такое время будут проведены неизбежно глупо, бестолково.

Может быть, принятие Государем личного командования даст ему удобную возможность не подписывать никаких таких реформаторских законопроектов, не давать им осуществления. Вообще Россия

показывает себя замечательно незрелой политически страной, и править ею весьма мудрено.

29 августа

Был в церкви (в Общине Красн[ого] Кр[еста]), у Литургии и Молебствования о победе. Потом заходил к Киселевой, где познакомился с Елизаветой Аркадьевной... как ее фамилия? Говорят — немецкая фамилия, и она не ее любит называть.

Военные известия безразличные но, по крайней мере, без неудач. Зато Гос[ударственная] дума шумит, опять, выдвигает «реформы», вообще все больше превращаясь в представительство какой-то умственной черни. Противно писать.

Вечером уехал в Москву вследствие телефона о приезде графа Олсуфьева[164].

31 августа

Возвратился из Москвы. Там у меня вчера был Д.А. Олсуфьев, а вечером я был у Ф.П. Степанова[165]. Очень много узнал о положении дел, которое вообще крайне мерзостно.

Сам граф Дмитрий Адамович предстал мне в совершенно необычном виде. Он — левый, т.е. сошелся с «кадетами», относится с ожесточением к самодержавию, почти отчаялся в отношении России, преисполнен глубокого уважения к немцам. Положим, он и всегда их уважал, как и я сам, за их высокую культурность, за их превосходную государственность, за их дисциплину. Во всем этом, в сущности, граф совершенно расходится со своими друзьями «кадетами», точно так же, как в высокой степени недемократ. Вообще, он хотя и состоит в знаменитом «блоке», но несомненно, что в частностях будет расходиться с товарищами своими, да и вообще их блок очень пестрый. Как бы то ни было, граф сейчас стоит за 1) еврейское равноправие, 2) амнистию, 3) введение в Министерство партийных деятелей, в том числе Милюкова[166] в Мин[истерство] иностр[анных] дел, а А.И. Гучкова в Торговлю и Промышленность. Однако сохраняет Поливанова, Кривошеина, кн. Щербатова...

Ну да все это вздор. Это такой человек, который по существу оппортунист и еще двадцать раз будет менять программу, и я отмечаю только данный момент. У него суть фонд убеждений, и даже очень недурной, но программы бывают разные и иногда весьма неожиданные, глядя по «конъюнктурным» обстоятельствам. А теперь эти конъюнктуры таковы, что можно прямо свихнуться с ума, гораздо интереснее общее положение вещей, весьма печальное.

1) Прежде всего: кто нами правит? Где правящие силы?

Есть, конечно, кабинет. Есть Дума, государство. Но надо всем этим думает вознестись блок членов Думы и Совета, и он уже имеет влияние.

Затем огромное влияние имеет Яхт-клуб. Его сила в придворных сферах, а влиятельные лица — великие князья и высшая аристократия. Попасть в это высокое учреждение «простецу» очень трудно, туда не принимают даже министров.

Затем Государыня Императрица имеет огромное влияние на дела, а также и Григорий Распутин. Роль последнего огромна.

Затем дальше добавим таинственную неизвестную организацию, в обширном смысле шпионскую, проникшую в самые важные сферы и служащую Германии. С ней теперь возится, и, вероятно, — довольно тщетно, Комиссия по расследованию, дела которой уже выросли в почтительный холм, если не гору бумаг. Но об этом потом.

Я бы поставил себе еще вопрос? Какова роль масонства? Но об этом никто не думает и никто ничего не знает.

Само собою разумеется, что правит Россией Государь Император, но Он правит и действует в известной обстановке, которая, понятно, не может не влиять на его действия.

2) Как совершилось снятие Великого князя Николая Николаевича, и принятие Государем личного командования?

Государь с самого начала имел желание принять на себя высшее командование военными силами и даже возражал, что у него есть упреки совести за то, что не сделал этого в Японскую войну. Однако все министры единодушно отговаривали его от этого шага всякими аргументами, какие кто решался высказать. Между прочим приводят «умильную» речь Н. Маклакова: «Ваше Величество, простите меня, я привык резать правду-матку, хотите — казните, хотите — милуйте... Невозможно Вам ехать, как же мы без Вас справимся? Мы без Вас сиротеем»... Однако желание ехать усиливалось. Успехи и популярность Великого князя бросали этим на Верховного Вождя, и — на эту тему падали все больше упреки и уязвления Высочайшей Супруги. Она постоянно напоминала Супругу, что над ним высится всевластный Диктатор, второй Самодержец, который затмевает действительного царя. В этом смысле действия Григория Распутина, который терпеть не может В. к. Николая Николаевича, и влиял на Государыню — чтобы добиться низвержения его, в свою очередь презиравшего и ненавидящего этого безграмотного временщика. Есть люди, подозревающие Григория Распутина в том, что он помогает Вильгельму. Сама Императрица, говорят, совсем чужда какого-либо пособничества Германии, и столь распространенное в народе обвинения ее — совершенно не справедливы. Но она больна, истерична, и находится

всецело в руках Распутина. Ей нетрудно внушить подозрения против Великого князя, как якобы возможного соперника Царю...

Наоборот, Императрица Мария Федоровна употребила все усилия, чтобы не допустить Государя сменить Великого князя. Эта борьба длилась недели четыре, причем опасались совершенно серьезно, что если Государь сменит Великого князя, то в стране вспыхнет революция, также как в армии. Этого боялись министры, боялись в Думе и Гос[ударственном] Совете, и при дворе. И однако, в конце-концов, Государь решился на этот шаг. Говорят, Гришка валялся у него в ногах, умоляя: «прогони Николашку»... Уже не знаю, что тут верного. Но на Государя влияло также, полагают, желание удалиться из Петрограда, от Думы, от требований ответственного министерства и т. п. Между тем дела в армии приняли плохой оборот, и сменить Велик[ого] князя среди отступления армий, потери крепостей и провинций и т. п., конечно, было легче, чем в момент славы, в момент, — когда снова началось бы наступление на немцев.

К этому должно добавить, что против Великого князя раздавались уже и серьезные упреки военных. Собственно «Ставка», как уверяют, фактически представлена тремя лицами: Великого князя и генералов Янушкевича[167] и Данилова[168]. Из них деятельным Главнокомандующим будто бы был Янушкевич, которому Великий князь, безусловно, доверял, делая все по указаниям его, тогда как генерал Янушкевич будто бы очень плохой генерал, и его вся стратегия сводилась к непрерывному «выравниванию фронта», обрекавшему нашу армию на вечные военные поражения и общие отступления.

И вот, наконец судьба решилась. Государь потребовал смены Янушкевича, готов был лишь фиктивно принять командование, оставив при армии Велик[ого] князя, но с другим начальником штаба. Николай Николаевич — очень упрямый, уперся, категорически отказав иметь других лиц, а не этих, кому он доверяет. Потому, когда Государь отправил Янушкевича на Кавказ — это был ясный знак, что участь Великого князя решена бесповоротно.

Государь послал лично Поливанова в Ставку объявить Великому князю, что он направляется на Кавказ, а Верховное командование Государь принимает на себя. Когда Поливанов объявил Великому князю эту Высочайшую Волю, Николай Николаевич будто бы бросился ему на шею и разрыдался. Говорят, он тоже сильно истрепал нервы...

Так совершился переворот, которого столь ожидали в Петрограде. Ждать революции из-за Великого князя было смешно. Но теперь вопрос — что принесет с собою эта перемена? Не упал ли дух войска, не внес ли Государь (практически никогда не знавший войны) каких-либо ошибок?

Все это покажет будущее. Но ситуацию замены Янушкевича генералом Алексеевым[169] вообще считаю удачною. Генерал Алексеев, уже командовавший армией, считается высоко талантливым, но собственно как исполнитель даваемых ему планов. Это — хорошо. Теперь ему нужно давать директивы другим. Сделает ли он это хорошо?

Что касается главнокомандующих армиями, то все они недурны: Рузский — на севере, Эверт — в центре и Иванов — на юге. Особенно хвалят Эверта.

Как себя покажет сам Государь — увидим на фронте. Остается положиться на милость Божью.

3) Каково положение армий? Рассказы об этом гр. Олсуфьева в высшей степени пессимистичные. У нас (по формулировке самого Поливанова) недостает: 1) солдат, 2) ружей, 3) орудий, 4) снарядов. Куда девались солдаты? 1 500 000 — будто бы в плену, 300 000 — убито, затем сколько-то ранено, в строю на Западном фронте стоит около 2 млн человек. Потери у нас гораздо больше, чем у немцев. Ружей производится всего около 100 000 в месяц. Пушек было 100 000; из них взято неприятелем 5000, и остается в наличности только 5000. Ввиду такого недостатка оружия — количество свободных снарядов не очень мало. Качество солдат новых призывов, обучаемых около месяца — никуда не годно. «На них можно смотреть только как на передатчиков ружей неприятелю», т[ак] к[ак] они сдаются при первой возможности. Поливанов даже решил увеличить срок обучения, и нынешний набор пустят на войну только в декабре. Ему нужно для них 1 200 000 ружей, которых, однако, нет.

Правда, что деморализация заметна с обеих сторон. Немцы тоже стали сдаваться, и есть даже выражение, что теперь солдаты «воюют в поддавки», т. е. и немцы и русские одинаково стремятся сдаваться друг другу. Велика усталость и отвращение к войне. Немцы и русские сходятся в окопах и вместе пьянствуют. Немцы держатся пулеметами и артиллерийским огнем. Ставят самые слабые линии солдат, но с огромным количеством пулеметов, и громят нас артиллерией. А у нас этого ресурса нет.

Нужно сказать, что эти характеристики очень разнятся от сведений Фил[иппа] Петр[овича] Сутанова (от знакомых военных с фронта). Так, о ружьях знакомый командир говорил ему, что в них нет недостатка, и даже есть большие запасы, п[отому] ч[то] мы действительно собираем ружья раненых и убитых. О настроении войска тоже пишут, что оно бодрое и у всех есть уверенность в победе.

Я думаю, что есть и то, и другое, есть и хорошее и плохое. Смердов когда-то мне сообщал, что именно новые солдаты, еще не бывшие в огне — дерутся с наибольшей храбростью; потом, повидавши этот ад

и смерть — начинают бояться, а затем привыкают и снова делаются храбрыми. Его Козельский полк был сформирован из «дядей», и заслужил название «железного полка».

Фил. Петрович тоже имеет сведения о том, что теперь произведено снарядов огромно — на заводах организованных Правительством.

Вывод гр. Олсуфьева тот, что война проиграна.

4) Каково общее положение военных действий? Англичане стоят за войну до крайности. Во Франции очень сильна партия мира, и во главе ее стоит генералиссимус Жоффр![170] То-то он и воюет так, что все равно как бы вовсе не воевал. Насколько утомлена Германия — Олсуфьев не имеет сведений, но указывает, что с захватом Бельгии и Польши — Германия приобрела огромные ресурсы по добыче и обработке железа и каменного угля. Равно — огромные источники хлеба в отнятых у нас областях.

5) Мир или война? Олсуфьев «пацифист», считает необходимым завязать переговоры о мире, и выпутаться хотя бы сепаратно, с наименьшими потерями. Я сказал: «значит, нарушат слово и навеки останутся без союзников?». Он ответил, что, возможно, что Россия кончила свою историческую карьеру... Словом, — он совершенно разочарован, и я бы сказал «пал духом», если бы он не переносил это «падение духа» с такой «элегантностью», которая показывает, что он также легко снова воспрянет с надеждой на будущее.

Со своей стороны, я вспоминаю римский триумф, данный разбитому полководцу за то, что он «не отчаялся в спасении Отечества». Если в России есть еще русский дух, то, конечно, она может выйти победительницей. Жаль только, что русский дух страшно разложен самими нынешними друзьями гр. Олсуфьева, гг. Милюковыми и К°. На веру же анархия и пассивность... Наша гибель или спасение всецело зависят от того, преодолеет ли здоровый дух народа влияние сгнившего духа?

Если же Германия победит, то конечно — песня России спета, и она будет быстро клониться **к смерти** — или долгой эпохе упадка.

6) Наше положение материальное и духовное еще не решает дела. Важен вопрос, насколько измучена материально и духовно Германия? Но об этом нет сведений.

В газетах было сообщение, будто бы Гинденбург[171] не верит в победу и стоит за мир. Если это правда, то признак истощения Германии не малый. Гинденбург — крупный представитель германской энергии.

7) Каков у нас немецкий шпионаж? Это обстоятельство важнейшее, ибо важнее всяких пушек и снарядов. Работы комиссии по расследованию этого раскрывают такую страшную картину, что ужас берет. Комиссия почти не решается доводить расследования до конца.

Есть у ней документ, письмо г-жи Мясоедовой к Сухомлинову. Она пишет: «Дорогой Владимир Александрович, Вы знаете, что мой муж мерзавец, но...» и затем просит для него какого-то одолжения. И вот этого-то человека, которого он знает как «мерзавца», Сухомлинов обязан поручителем отвести в ставку Великого князя пяти военных дивизий. Что же такое сам Сухомлинов? Есть еще документ одного немецкого шпиона, осужденного и уже теперь казненного: он пишет Великой княгине Виктории (жена Ве[ликого] к[нязя] Кирилла Владимировича), письмо, в котором делают ей каким-то подобием шифра какие-то таинственные напоминания о чем-то... Что это значит? Не знаю. Но сеть немецкого шпионажа громадна, охватывает какие-то широчайшие круги. Есть данные, что Император Вильгельм рекомендует своим друзьям в России употребить все усилия, чтобы удержать на фронте генералов Ренненкампфа[172] и Сиверса. Оба эти господина погубили дважды русское наступление на Пруссию. Сиверс выдал на погибель корпус Булгакова. Ренненкампф после своих прусских подвигов был отправлен в Польшу, и именно он упустил немцев из западни, в которую они, было, попали под Лодзью.

В настоящее время оба эти господина отчислены из военных частей, но пребывают в безопасности и на свободе.

Эта армия Императора Вильгельма, действующая в недрах русского управления, русской военной силы и вообще в недрах народа — самая страшная из всех германских армий — остается, по-видимому, незыблемой, и действия наши против нее робки и нерешительны. Весьма возможно, что она воздействует и на Гришку Распутина.

7)* О Распутине и Джунковском. Действительная причина падения Джунковского состоит в том, что он сделал доклад Государю о безобразии Гришки в ресторане «Яр» в Москве. Говорили, будто он не сделал доклада; что неверно. Напротив, он его сделал. И вот ждали два месяца до благоприятного случая и придрались к Московским погромам. Этот Гришка вообще необычайно ловок и влиятелен. В погибели Вел. кн. он имеет огромную роль.

* * *

От Степанова узнал, что кн. Ширинский (Алексей Алекс[еевич]) был два месяца при смерти: воспаление легких и околосердечной сумки. Даже уже приобщился. Однако выздоровел, хотя слаб, раздражителен и находится в полном унынии. «Все священное и дорогое для меня, — пишет он, — погибло в России безвозвратно».

Я спрашиваю себя: в России ли только? Сдается, что на земле.

---

* Так в тексте. Тихомиров дважды ошибочно указывает пункт 7.

И это всего через 20 лет после Александра III![173] Двадцати лет было достаточно, чтобы все уничтожить, чем жила Россия 1000 лет! Конечно, Людовик XVI[174] уничтожил ее быстрее, но перед ним был долгий период ничтожного правления. А у нас? Вспомнить только эпоху Александра III: ведь это все не миф, не сказка, не сон, все это был факт. И какое страшное крушение. Боже, Боже! Никакое ничтожество, никакая злонамеренность не могли бы этого сделать, если бы не было на это Твоей Воли... Но что же дальше?

Ширинский еще недавно крепился, думал что-то делать, и даже мне говорил: «Однако надо же верить»... Вот тебе и вера! Вероятно, его добил русский позор в войне и позорное разложение власти. Признаюсь, и я, в начале войны начал было воскресать душой, явилась вера, разумеется, не в этот гнилой и оподливший механизм, а в Русский народ, Русскую нацию... И вот эта последняя вера крушится в позоре армии, в зрелище подлости, глупости, измены, в неспособности нации выдвинуть хоть несколько крупных людей.

Как мы были «маньчжурцы», так и остались «маньчжурцы», куропаткинцы[175], бездарные, малодушные, отступленцы. А уж если военная доблесть иссякла, то что же остается? Ума не было, культуры не было, даже простой порядочности было очень мало, даже простого патриотизма было мало. Да и какой может быть патриотизм у страны, которая не знает сама зачем живет, и каков смысл ее жизни для мира и человечества?

Казалось, что мы вспомнили при Александре III, но видно все держалось личностью царя. Умер Царь, и оказалась в стране гнилая пустышка.

А теперь, — если бы и явился Царь, то ничего уже не сделает и он. Да и не будет уже его. Неоткуда ему явиться. Династия не имеет ни одного человека. О бедном больном мальчике, Цесаревиче, — воспитавшемся в такой патологической обстановке, — трудно и говорить. Суждено ли ему даже быть Царем?

Что еще будет после войны, если только Россия сохранит независимость?

Ужасная жизнь. Не хватает никаких сил.

2 сент[ября]

Сегодня рано утром опять было потемнение левого глаза, какой-то удар и черные клочковатые пятна.

Мне нужно спокойствие, а где его взять? Сверх того, 31 авг[уста] не только пришел пешком с вокзала, но притащил тяжелый (для меня) дорожный мешок. Это напряжение, вредное для глаза. Только немножко отдохнул — смотрю, ночью, стук, шум: приехал Рождественский (в Академию) и прямо к нам. Разозлил меня ужасно, а

тут еще Катя стала меня ругать «за жестокость к маленьким людям». Уж женщина, когда рассердится, сумеет найти колющие слова!

И так они меня злили весь день.

В результате — удар в глазу.

От Веры письмо: она принята в Фельдшерскую школу. Ну слава Богу.

В середине дня меня неожиданно посетил А. А. Нейдгардт. Погода была чудная, теплый и светлый осенний день. Нейдгардт непременно захотел сидеть на террасе, и конечно, разговор моментально сошел на политику, и опять меня разволновал самым антимедицинским образом. А что толку? Он уже совсем плохо видит, еле ходит. Читать уже не может, и ему все утро читает газеты наемный чтец... Я тоже с подбитым глазом, полунеспособный к труду, и уже не мог бы даже умереть за Отечество с какой-либо для него прибылью. И вот — сидим, волнуемся, призываем никому неведомого и, вероятно, не существующего «человека», спасающего Россию. Глупо!

Если Господь не за нас, то всякий может быть против нас.

Наши нынешние «люди» — это Милюков, с одной стороны, и Гришка Распутин, с другой, а середина заполнена нулями и битыми горшками вроде нас, слепые, глухие, сухорукие и колченогие!

С театра войны известия неутешительные. Несмотря на успехи левого фланга — в общем мы медленно отступаем. Перемена Верховного командования, кажется, ничего не переменила, и стратегия Янушкевича, по-видимому, продолжает считаться единственно возможной. Из-за чего же, однако, бранили Янушкевича?

Моя работа, можно сказать, стала на мель. Сердце пусто, празден ум, нет ни сил, ни желания работать, и кажется мне, что уже нет для меня пробуждения. Не для чего работать, не для кого работать... Одна тоска не умолкает, не устает точить душу.

И кажется, что это настроение весьма распространено. Вот и у Филиппа Степанова, всегда очень жизненного — то же самое. Он даже похудел. Сам он отстранился от всякой политики, и горячо одобрил меня за мое устранение от политики и от партий. Кого поддерживать и что поддерживать? Что нынче лучше? Нет ничего лучшего, а есть только разные виды плохого. Это почти подлинные его выражения. Но он счастливее меня тем, что имеет служебное дело, которое хотя никому не нужно, но занимает время, некоторой якобы деловой суетой.

Между прочим он передавал, что Самарин (Александр) быстро упал духом. Он, видимо, не знал действительности церковного управления, и относился и к Св. Синоду, к архиереям и т. п., как к чему-то священному. Но вошел в святилище, увидал абсолютную пустоту за покрывалом Изиды[176] и ужаснулся, как юноша в Саисе. Руки опус-

тились. Явилась мысль, что нет ничего, к чему их можно приложить. Весь сонм иерархии — не заключает ни одного служителя Божия дела, в наилучших случаях, не возвышались дальше личного благочестия. Сам Ф. Степанов утверждает это, с какой-то ожесточенностью бередя язву своего сердца...

Да, если Господу Богу угодно, чтобы мы работали, то Он должен нам указать, что и как, и должен послать человека Своего. Без этого все будет пусто и мертво даже у тех, кто мучится пустотой и мертвенностью своего существования.

И среди такого-то настроения в России разыгрываются события, в которых стоит на карте все ее существование.

3 сентября

Вера приехала в Посад.

Получил письмо от С. И. Матвеева.

4 сентября

Госуд[арственная] дума распущена до ноября.

Это само по себе было бы неважно. Но скверно то, что Гинденбург опять нас бьет, и немецкая конница уже в Молодечно! Шутка сказать — недалеко уже до Борисова. Самое же скверное — это то, что значит наши отдадут Вильну и опять начнут «выравнивать фронт» уже на Березань и Днестр. Увы, кажется, война безвозвратно проиграна.

Что-то теперь будет делать Государь? Судьба смеется над ним, но, к сожалению, также и над нами.

5 сентября

С раннего утра Павел принес слух, что в Москве забастовка: не ходят будто бы трамваи, не работают заводы. Неужели правда? Неужели не преувеличено? Неужели мы таки действительно вполне обезумели, чтобы поднять революцию в тылу армии, и без того изнемогающей?

Уж тут и на судьбу нечего жаловаться.

Сами себе делаем судьбу.

9 часов

Миша по телефону сообщил, что «готовится забастовка», и что трамваи не будут ходить три дня.

Пришли газеты. Действительно, забастовка и черт их знает, на сколько времени, и чем это еще осложнится при помощи немецких шпионов.

А военные известия очень подозрительны. По-видимому, Гинденбург надул наших стратегов и, отвлекши наши силы на север и на юг, так трахнул в центр, в обход Вильны, что, сдается, дело уже непоправимо. А наши здесь, осужденные на рабство немецкое, «бастуют» —

«в честь Думы». Еще хуже: тут распространяются слухи, что-де забастовка направлена против созыва ратников 2 призыва! Какое право на существование может иметь столь глупая и оподлившаяся страна? Быть бычку на немецкой веревочке!

Под вечер неожиданно телефон от Н.Н. Сучкова[177], приглашающего завтра в Москву к С.Н. Кологривову[178], у которого какие-то лица соберутся обсуждать «современную конъюнктуру»! Я ответил, что политикой не занимаюсь.

Что тут обсуждать «конъюнктуру»? Вся конъюнктура состоит из комбинации глупости и слабости всех действующих сил. Это не требует обсуждения. Ясен и неизбежный результат. Единственно кто может спасти — это Господь Бог, но путей, которыми может это быть достигнуто, — невозможно себе представить. По человеческому рассуждению — нет спасения, кроме одного: если надломится Германия. Ее сила есть икс, а потому можно представить, что арифметическая его величина невелика, хотя, конечно, и это невероятно. Но что у нас нет сил — это уже стало очевидно. То есть, она всюду подгнила.

6 сентября

Сегодня служили (в Красном Кресте) панихиду по Столыпине. Собственно, день его кончины 5 сентября, но вчера неудобно было служить.

Вечером приходил некий Онуфрий Федорович, кажется, Антончук*, начальник Калишской учительской семинарии, эвакуированной в Сергиев Посад. Он просил приютить беженцев из Гродненской губернии, семь душ: две женщины, 5 детей, это две семьи, соединенные общим бедствием. Они тут ютятся на вокзале в толпе других таких несчастных. Я, конечно, даю им помещение, но дрова берется доставлять сам Антосюк.

Военные известия еще хуже: немцы, перейдя Вилию, нападают на Вильну. Совершенно ясно, что они ее возьмут... может быть, уже взяли. А наши армии разрезаны. Немцы не боятся быть захвачены в клещи, и, конечно, не будут захвачены. Наши армии будут отступать, и еще слава Богу, если в порядке и медленно. Несчастная Россия! Погибшая страна. Никуда не годна.

Эти забастовки нас окончательно губят, и, конечно, так же поднимут дух немцев, как деморализуют и без того упавшие духом наши войска. Теперь исчезает даже и надежда на ослабление внутренней силы Германии. Мы ее ободряем, и последний удар Гинденбурга (на линию Полоцк — Молодечно) — с тем, чтобы завернуть потом на Вильно — показывает столько же уверенности в себе, как полного

* Антосюк. — *Прим. авт.*

презрения к русским войскам. И этот план удался как по писаному. Немцы играют нашими дураками-генералами как пешками.

7 сентября

Существование самое тоскливое. Еще пока с кем-нибудь видишься — куда ни шло. Вот пришло двое из беженцев, да себе Антосюк взял одну комнату, нужно было переносить вещи, потом очистить помещение. Но вот к концу дня кончается эта суета, и опять — смертельная тоска. Опять вспоминаются эти ужасные рабочие с их забастовкой, с их идиотской глупостью, с их заглохшим нравственным чувством, с их холопским подчинением горсти безобразников. Ведь вот говорят, что ничтожное меньшинство рабочих требует забастовки. Остальная толпа — не сможет встать и сбросить иго. С таким сволочным народом десять тысяч человек делают переворот, а в данном случае покоряет Россию Германия.

Сегодня газет не снесли, кроме одних [«]Моск[овских] вед[омостей»], из которых я и узнал, что немцы переправляются через Вилию в окрестностях Вильны. Значит, Вильна в данный момент уже взята.

Становится весьма вероятно, что немцы дойдут и до Москвы... и тогда — конец России! Как это странно звучит... как-то не можешь поверить, а между тем... Уж если немцы завоюют эту несчастную страну, — они сумеют использовать удачу до конца...

Ночь. Этих беженцев явилось не 7, как говорил Антосюк, а чуть не вдвое больше, да сам он с 2 детьми. Я послал ему лист бумаги с просьбой переписать всех, а завтра нужно послать с паспортами в полицию прописать. Среди них есть и мужики. Меня беспокоит мысль, нет ли удравших военнообязанных? Сейчас Антосюк прислал список своего населения: всего 17 душ обоего пола и всех возрастов. Это бы не беда, но бедные собаки остались на ночь на цепи из опасения, чтобы не порвали выходящих в отхожее место. Что делать, люди важнее собак.

8 сентября

С утра опять узорчатые мелькания, и впервые не в одном левом, а и в правом глазе. Вот тебе и прогресс лечения.

Военные известия, как обычно, мерзки. Вильна, оказывается, занята уже несколько дней назад, и наши защищают фронт Молодечно — Полоцк...

Прямо ужас. Так немцы дойдут и до Москвы.

Забастовка (по крайней мере трамвайная) стихла. Но что толку? Уж раз рабочие одурели, то можно ли быть спокойным на будущее? Вообще, эти судорожные движения интеллигенции и масс, — вероятно, отражают и влияния каких-то тайных сил — показывают, что мы уже не в силах бороться против Германии, не можем создать необ-

ходимого для этого национального правительства. Я разумею правительство, какого бы то ни было партийного направления, но — русское, думающее об интересах России (а не своих программ или своих господ, вроде масонов).

Что монархия погибла — это вне сомнения. Но теперь важно, чтобы Россия не погибла. О победе над немцами я уже не мечтаю.... да и кто мечтает? Хотелось бы хоть выпутаться с наименьшими потерями и с сохранением независимости. Большего вряд ли можно ожидать.

9 сент[ября]

Вера уехала в Москву. Я был у Круглова (Александра Васильевича). Он болен, имеет очень плохой вид. Начал было поправляться, но выгнали из Новой Гостиницы, и хотя он нашел комнату в Старой Гостинице, но перевозка подорвала его силы, да и беспокоится, не выгнали бы и отсюда. Новую Гостиницу взяли под военный лазарет. Выдворили оттуда и бедного Нейдгарта, которому дали в Старой Гостинице маленькую угарную комнату, где он не может жить. Племянник собирается взять его в Петербург к себе. Вот они — наши беженцы. Козлову тоже изгнали, и она временно приютилась у знакомых, которых хозяин, однако, тоже изгоняет. Не сдать ли квартиру под беженцев? Теперь Комиссия о беженцах нанимает для них всюду квартиры, которые будут оплачиваться из казны, и вероятно, казны-матушки щадить не будут. В результате — природные жители Посада остаются на улице...

Я уже говорил Кочергину, чтобы Комиссия положила какой-нибудь предел, наплыву беженцев в Посад. Это, наконец, выходит бессмыслица: давать приз одним на казенный счет, а других превращать в гораздо более злополучных изгнанников, уже не получающих пособия и лишающихся за отсутствием квартир возможности работать. У нас вечно создают ерунду по всякому возможному случаю.

Сегодня был на вокзале, и никогда не слышал таких страшных рыданий: это провожали новых рекрутов. Бабы голосили отчаянно, крича во всю глотку. Это совсем молодые люди, последние отпрыски, отрываемые у матерей, сестер и невест. Видно истощается сила переносить эти нескончаемые скорби. Ужасны становятся бедствия войны.

Теперь угрожает нам и голод и холод. На зиму не хватает дров. Закупили в громадном количестве и с огромными льготами для Москвы, Петрограда и прочих привилегированных мест, и для нас ничего не остается. Стараемся запастись и получаем по горсти? Уж не знаю, что-то будет. Каменного угля тоже нет совсем. Угрожает и недостаток нефти и керосина.

Спрашивал у Кочергина, что Комиссия будет делать для санитарного надзора за беженцами. Он сказал: «Ровно ничего», даже и думать не хотят за бесплодностью. Все равно некуда девать их, на улицу не выгонишь. А для медицинской помощи открыты все амбулатории Посада, и в случае крайности можно дать какую-нибудь койку в лазарете... Оно и действительно: положение не дозволяет устраивать надзор хорошо, приходится действовать кое-как.

10 сентября

Наши союзы с поддержкой целой массы городов и заводов стремятся произвести фактический государственный переворот, задавить Царя, созвать Думу и составить правительство, не им назначенное. Уж не знаю, что сделает он! Теперь к нему отправили депутацию, в которую не пустили даже А. И. Гучкова (как поддержавшего Думу на основах 3 июня, и как не пустившего левых в Ком[итет] госуд[арственной] обороны). Круг [?] ненависти и лица чисто революционных. Выбрали в депутацию Челнокова[179], Рябушинского[180] и Астрова[181]. Рябушинский имел здравый смысл, стараясь увильнуть от этой чести, но его задавили.

Примет ли их Государь? И что он сделает? Мудреная вещь.

Я бы на его месте — объявил им, что с такими подданными жить не могу, отказываюсь от престола и назначаю регентом Николая Николаевича, и оповестил бы это Манифестом. По-моему, это единственный достойный исход, раз уже невозможно для него (и для него это невозможно) отправить их в тюрьму.

У нас предстоит пренеприятная вещь. Козлова, изгнанная отовсюду, — не находит пристанища. Приходится сдать ей комнату, если ей понравится. Но иметь чужого человека тут же, на своей шее, среди семьи — это ужасная вещь. А между тем как быть? Боюсь только, что при моем характере скоро наделаю ей каких-нибудь грубостей и расстройств.

Правда, что теперь не время ссориться с кем бы то ни было. Мы находимся в катастрофе, как рыбаки, втянутые в водоворот Мальштромом. Между прочим еще недавно немцы были на 600 верст от Москвы, а теперь уже в 560, и не видно силы, способной их остановить. Можно ли не думать ни о чем, кроме гибели. Но характер есть характер, и его трудно изменить.

Что касается России, то она имеет вид погибшей страны, и несмотря на все вины свыше — прямая и непосредственная вина лежит в этом на «кадетах». Они наносят нам теперь окончательный удар — перед неприятельским нашествием раздавливают власть... Правда, это власть ужасна, но она власть, и на ее место не поставить другой так быстро. А без власти — как противиться немецкому завоеванию?

11 сентября

Приехала Козлова и сообщила, что нашла себе помещение. Ну тем лучше...

Сегодня в «Русск[ом] сл[ове]» статья Михайловского (в конце концов, все-таки самого умного и осведомленного военного обозревателя) выясняется, положение на фронте — как раз то самое, что я и предполагал. На Двине и в Галиции силы неприятеля совершенно незначительны. Там — лишь демонстрации и заслоны. Две же трети сил (семь армий) собраны в центре и в общем идут Старой Московской дорогой, путем Наполеона! Я так и думал... Тут, вероятно, скоплено не менее 2 миллионов, пробивающихся на Восток. Куда? Думают ли идти до Москвы? Мне кажется, ответ бесспорен. Конечно, идут на Москву, если окажется возможность. От Варшавы до Москвы свыше тысячи верст, из которых немцы прошли уже 400 верст, перешагнув знаменитую «линию крепостей». Теперь осталось 600 верст — совершенно неукрепленных. Конечно, наши крепости имели лишь то значение, что мы с них отдавали немцам последние свои пушки. Но все уж, вероятно, легче идти по совсем неукрепленным местам.

Положение очень скверное. Хуже всего то, что придут в Москву не с жалкими 150 000, как Наполеон, а с minimum 1 500 000, и что теперь, со временем, Москва действительно обессиливает всю Россию.

Если немцы займут Москву — то Россия не в состоянии уже сопротивляться.

Но какие мерзавцы все наши «союзники». Я не совсем понимаю англичан. Возможно, они считали нас сильнее, но раз теперь видят наше жалкое падение, то, казалось бы, должны были выручать нас. А они и пальцем не шевелят. О французах я и не думаю, — народ слабый и погибший. Но англичане? Неужто они думают нас выдать совсем в расчете, что завоевавши Россию, Германия на очень долгое время будет обессилена перевариванием огромных новых территорий? А потом? Но ведь англичанам надо же как-нибудь выпутаться теперь? Если мечта разгрома Германии оказалась мечтою, то полная выдача России все же на время может спасти Англию. Эти «образованные люди» и «мореплаватели» способны, пожалуй, и на такую «практичность». А что будет потом? Там, мол, видно будет.

Бедная, бедная «большая Федура» Российская! Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена, да сочинял бы умные пословицы!

Теперь, вдобавок, мобилизовалась Болгария. На бедного Макара все шишки валятся. Да, можно сказать, что не только военные силы знаменитых союзников России, Англии и Франции никуда не годятся, но и дипломаты их круглые дураки в сравнении с немецкими.

Отдали немцам Турцию, отдали и Болгарию... А Италия? Это такая стерва, что и сказать трудно. Она, в сущности, и войны не ведет. Забава одна. А с Германией она даже и не находится в войне, и может, через Швейцарию, что угодно поставлять немцам. Может быть, положение Италии составляет верх искусства германской дипломатии. А наши ослы торжествовали, воображая, что «привлекли» Италию на свою сторону. Хорошо «привлекли»!

12 сентября

Катя уехала в Москву.

На театре войны несколько успехов. Не Бог весть что, забрали у немцев 10 орудий.

Скончался Петр Николаевич Дурново. Царство ему небесное*.

Кончина П. Н. Дурново

ПЕТРОГРАД, 11 сентября. По сообщению «В[ечернего] вр[емени]», сегодня в 12 часов дня, от паралича сердца у себя на квартире скончался бывший министр внутрен[них] дел, член Государственного Совета П. Н. Дурново. Еще утром, проснувшись, покойный почувствовал себя дурно. Немедленно были приглашены врачи. Несколько оправившись, Дурново попросил перенести его в кресле в кабинет. Во время чтения газет с ним произошел припадок, и когда явился проживавший в соседнем доме врач, то Дурново уже был мертв. (Соб. телеф.)

П. Н. Дурново.*

11 сентября скончался известный государственный деятель Петр Николаевич Дурново.

Почивший, происходя из старинной дворянской фамилии, родился в 1845 году и получил первоначальное образование в Морском корпусе. По окончании курса гардемаринов в 1862 году он провел восемь лет в дальних плаваниях по Тихому и Атлантическому океанам, а также в Средиземном море. Молодым лейтенантом покойный с 1870 года поступил в Военно-Юридическую академию, причислился к главному военно-морскому судному управлению и вскоре был назначен помощником прокурора Кронштадтского военно-морского суда, но с 1872 года навсегда расстался с военно-морской службой и перешел в Министерство юстиции. Здесь ему пришлось в течение девяти лет (1872–1881 гг.) последовательно занимать должности товарища прокурора Владимирского и Московского окружных судов, прокурора в Рыбинском и Владимирском судах, товарища прокурора Киевской судебной палаты. В это-то время он хорошо ознакомился с русскою провинциальною жизнью и приобрел большой практический опыт.

---

* В дневник вклеено две заметки из газеты.

С 1881 года П. Н. перенес свою служебную деятельность в Министерство внутренних дел, где сначала занял место управляющего судебным отделом Департамента государственной полиции и скоро сделался известным тогдашнему министру гр. Д. А. Толстому, который назначил его на должность вице-директора, а с 1884г. — директором того же Департамента. На этом посту покойный деятельно принялся за лучшее устройство полиции по образцу западноевропейских государств и в то же время привлекался к работе в разнообразных комиссиях законодательного характера. После же смерти гр. Толстого (1889г.) он явился одним из ближайших сотрудников нового министра внутренних дел — И. Н. Дурново[182] *и продолжал свою службу до 1893 года, когда был назначен сенатором, присутствующим в пятом и первом департаментах. Но через семь лет ему пришлось снова вернуться в Министерство внутренних дел: с 1900г. он занял место товарища министра, причем с 1903г. в его непосредственном ведении находились почта и телеграф, а с ноября 1905г. ему был поручен портфель министра внутренних дел. Тогда-то на его долю выпала ответственная и тяжелая задача подавления смуты, охватившей всю Россию, но покойный, не смущаясь, заявил себя деятелем твердой воли и необычайной энергии: он принял решительные меры для водворения спокойствия, нарушенного так называемым «освободительным движением», а затем, перед собранием Первой Государственной думы в 1906 году, вместе с кабинетом гр. Витте оставил этот боевой пост и был назначен членом Государственного Совета, где до кончины, в течение почти десяти лет, принимал живое участие в деятельности этого высшего учреждения России.*

М. Б.

Эти вырезки взяты из [«]Моск[овских] вед[омостей»].

[«]Русское слово[»] настолько партийно оподлилось, что в огромной статье обливает труп только что скончавшегося всяческими помоями, вынося все, что только можно найти предосудительного в жизни этого врага революции, и без сомнения даже сочиняя (насчет какой-то поставки овса из своего имения). Разумеется, не упускает из виду и известной истории с бразильским посланником, упуская только один эпизод из нее: что Дурново лично исколотил этого посланника из-за этой прелестницы, которую «Русское слово» называет балериной Евреиновой. Не знаю, балерина она или нет, и как ее фамилия. Я слыхал, что это была жена какого-то частного пристава (что, конечно, не мешает быть ей и балериной)...

Я не знал личной жизни покойного, но виделся с ним много раз, много говорил с ним, и — много ему обязан. Именно он выручил меня из нелепой административной ссылки в Новороссийск, в которой я прямо чахнул, нажил там начало болезни, меня изнурявшей много

лет, и был поставлен в тяжкую необходимость объедать со всей семьей свою мать... Не говорю уже о том, что не мог почти заниматься публицистикой. После бесчисленных оскорблений, нанесенных мне болваном екатеринодарским приставом, я не выдержал и обратился к П. Н. Дурново с письмом, прося избавить меня от этого бессмысленного тяжкого положения. И он чутко отозвался и быстро снял с меня надзор, так что я стал свободен ехать куда угодно.

С тех пор я ежедневно не упускал молиться о нем, и могу сказать, что не было дня, когда бы я его не помянул в молитве. Пошли ему Господь Царство Небесное, оставляя все его прегрешения вольные и невольные!

Этот добрый и также умный поступок, спасший меня от 3 ½ лет мучительного подрыва сил (1 ½ года из назначенных мне 5 лет я все-таки отбыл) — тем лучше рисует гуманность П. Н. Дурново, что я в это время был с ним едва знаком. А познакомился я с ним на чисто официальной почве: я должен был явиться к нему по амнистировании меня из-за границы, ибо амнистия была не полная, а с отдачей под гласный надзор полиции на пять лет. Дурново же был только что назначен Директором Деп[артамента] полиции, на место В. К. Плеве[183]. Следовательно, я должен был явиться к Дурново и получить от него дальнейшее направление моих судеб. А так как я в это же время должен был хлопотать о признании законным моего брака (совершенного мною под фальшивым паспортом), то нужно было испросить разрешения на некоторую отсрочку моей высылки, а также испросить из Департамента полиции свидетельство, что венчавшийся был именно я, ибо полиция агентурными путями скоро узнала это, так что мне пришлось скоро после свадьбы снова менять один фальшивый паспорт на другой...

Вот я и должен был явиться к этому грозному Директору полиции. На мое счастье меня захотел видеть сам министр (Д. А. Толстой)[184], и проговорив со мной очень долго, — вынес от меня самые лучшие впечатления, нашел, что я умен, талантлив и, очевидно, бесповоротно осудил революцию, по тщательному изучению общественных наук, и по глубокому убеждению перешел на путь мирного развития. Все это он сказал Дурново, а Дурново передал мне, сказавши, что я имел у графа «огромный успех». Потом мне пришлось ходить также к Победоносцеву, а от него к протоиерею Желобовскому[185], протопресвитеру армии и флота, ибо брак имел место в военной гвардейской церкви. Потом опять от них приходилось идти к Дурново, ибо идея полицейского удостоверения моей тождественности с венчавшимся под фальшивым паспортом изошла от духовного ведомства. Таким образом, по этой куче дел мне пришлось несколько раз быть у Дур-

ново, тем более, что на мои вопросы и просьбы он мне не мог давать ответов без справок, так что приходилось испрашивать новые аудиенции. Вероятно, он не прочь был и лично присмотреться ко мне, ибо в «консервативных» слоях Петербурга многие были уверены, что я фальшивлю, и что меня нужно не амнистировать, а скорее — повесить, и во всяком случае нельзя мне доверять. Эти консервативные деревянные башки и были причиною того, что меня все-таки отдали под гласный надзор. Все это были какие-то близкие к Государю лица, имен которых граф Толстой мне не сказал, ну а расспрашивать Дурново или Победоносцева, конечно, я не мог и подумать.

Дурново, человек замечательно умный и проницательный (равных ему я в этом отношении не видал в жизни), конечно, скоро убедился в моей полной искренности, так что стал обращаться со мной чуть не по-дружески. На меня произвело превосходное впечатление то, что он даже не пытался о чем-нибудь «допрашивать» меня, что-нибудь выпытывать о революционерах. Один только был случай, уже чуть не на последнем свидании. «Вы видите, — сказал он, — как мы себя держали корректно в отношении Вас, веря Вам, забывая прошлое, я ни одного факта из революционных дел не спрашивал, не старался выпытать... Но вот еще маленький пустяк. Это дело не пользы, п[отому] ч[то] все эти лица давно поарестованы и дела их покончены. Но это дело самолюбия. Мы не могли разобрать одного шифра. Дело небывалое, обидно. И что это за шифр, такой неразрешаемый? Вы бы могли это сказать, потому что никого этим не выдадите».

Тяжкая была для меня эта минута. Полиция была действительно рыцарски щепетильна, безусловно, благородна. И в то же время я ее обременял просьбами об услугах мне. Однако я, — благодарю Господа — помявшись в тяжелом молчании, сказал...

«Ваше Превосходительство, позвольте мне остаться честным человеком»!

Его всего передернуло, но он сдержал себя, и сухо и торопливо сказал:

«Ах, пожалуйста, как хотите, оставим это»...

Так вот при каком поверхностном знакомстве я решился обратиться к нему с просьбой избавить меня от ограничений гласного надзора, назначенного по Высочайшему Повелению, а следовательно не так легко отменяемому.

Конечно, я хлопотал и у других, как у А. А. Киреева[186], О. А. Новиковой и у Победоносцева. Нужно сказать, что сам граф Толстой мне сказал: «Ну Вы так долго не останетесь под надзором»... Но к огорчению для меня, граф очень скоро умер, не успев исполнить этого своего обещания.

После этого я видел Дурново в 1893 г. в момент его «падения», т. е. назначения в Сенат, из-за истории бразильского посланника. История, как мне тогда рассказывали, была такова. У Дурново была любовница, Евреинова или какая другая балерина или жена Трепова[187], — не знаю в точности. Она завела шуры-муры с бразильским посланником. Дурново, желая их выследить, пустил в ход своих шпионов, выследил, накрыл бразильца у этой дамы и исколотил его... Бразилец пожаловался Государю Александру III, уж, вероятно, не за то, что его Дурново исколотил, и не за соперничество у общей любовницы, а вероятно, за слежение. Было ли нарушение тайны дипломатической переписки или нет — все равно было легко на это сослаться, хотя, конечно интересовали не тайны бразильской дипломатии, а тайны ее любовных похождений. Однако мне передавали, что Государь Император узнал всю историю именно такой, какова она была. А Он этих безобразий не любил и моментально сместил Дурново — отправил его в «склад» в Сенат.

Хотя я должен сказать, что личной жизни Дурново непосредственно не знал, однако, конечно, кое-что со стороны видел, а еще больше слыхал. Он, конечно, препровождал жизнь далеко не добродетельную. Организм ему был дан могучий. Небольшого роста, коренастый, П. Н. Дурново дышал нервной силой и энергией. Физическую крепость он сохранил до поздней старости. Развивать нервную энергию мог в громадных размерах, и говорят, был страшен в порывах своих. Натуру он имел властную. Полагаю, что у него должны были быть пылкие страсти. Он мог быть добр, и даже старался быть добр, например, к политическим преступникам, уже пойманным и обезвреженным. Он легко давал льготы ссыльным, и с этой стороны его многие хвалили и благодарили. Но когда нужно было сломать человека, — он не останавливался перед этим. Это была натура бойца. Между тем, думаю, что не погрешу против памяти покойного, сказавши, что в это старое время он не имел никаких великих целей жизни. Потом он переменился, но в том времени, конечно, не был религиозным. Он был очень либеральных взглядов. Едва ли он тогда сколько-нибудь понимал монархию. Но он служил монархам, был Директором полиции (и превосходным), и всегда деяния либералов пресекал. Он, как натура, м[ожет] б[ыть], полубезразличная, но глубоко государственная, был человеком порядка, и это, конечно, было его м[ожет] б[ыть], единственное глубокое убеждение. Ничего идеалистического у него, мне кажется, не было. И так — будучи гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой трудоспособности, и почти чудесной проницательности, — он большую часть жизни провел, не совершивши ничего, сколько-нибудь достойного его удивительных дарований.

Это возможно себе объяснить только отсутствием каких-либо великих целей.

В первое мое знакомство Дурново был приятелем князя Владимира Петровича Мещерского[188], у которого — полагаю — были убеждения, в круг которых входила и религия. Но все-таки это был человек крайне грязный, — все говорили, что он педераст. Его называли продажным. Конечно, враги на всех клевещут. Но Победоносцев служил тому же делу консерватизма, а относился к кн. Мещерскому с величайшим отвращением, и меня предупреждал настойчиво быть от него подальше. Между тем Дурново навязывал мне знакомство с Мещерским, и я не мог в своем положении отказать Дурново, и посетил Мещерского. Мещерский старался меня завербовать в свой «Гражданин»[189], и сначала обращался со мной очень дружелюбно, а потом, когда я со всякими экивоками, уклонился, весьма на меня рассердился. Но все это отклоняет меня от П. Н. Дурново.

Как бы то ни было, Дурново, насколько мне известно, любил-таки наслаждаться жизнью. Может быть, я даже видел у него эту даму, из-за которой он пал.

Мои визиты к нему сначала были строго официальны, в момент его служебных приемов, но потом он сказал: «Заходите на квартиру, тут дела мешают», и я раза два был уже на квартире его (на Владимирской). Это было огромное помещение, которое меня поражало своей пустынностью. Множество комнат, меблировка прекрасная, и — ни души, ни звука. «Есть ли у него семья»? Спрашивал я себя. Я уже тогда слыхал о том, что у него есть какая-то любовница. И вот, когда мы с ним сидели и пили чай, — вошла какая-то особа. Замечательно стройная, высокая, в полном смысле красавица, совсем молодая, она вошла с какими-то пустячными вопросами к нему. Он меня представил ей, но так неясно пробурчал, кто она такая, что я не мог разобрать ровно ничего. Через минуту — это видение исчезло. Я тогда объяснил себе это появление так, что, вероятно, эта особа полюбопытствовала взглянуть на столь редкого зверя, каким в это время был я.

Возможно, что это была именно она.

...Прошло после 1893 г. много лет, и я не видал Дурново. Даже о нем мало и говорили, когда он был в своем Сенате. Потом начались ускоренные земством революционные штурмы и мало-помалу Влад[имир] Андр[еевич] Грингмут[190], который держал себя монархистом а outrance* растерял все связи с Петербургом. Одни из его приятелей были выброшены за борт, другие умерли (как Гессе), сам Государь был недоволен им за отчаянную агитацию, за осаждение его правыми депутациями, делавшими почти скандалы на Высочайших

* До крайности (*франц.*).

приемах... С Витте Грингмут был в яростной ссоре, даже с Треповым разошелся... Дошло до того, что ему некуда было в Петербурге носа показать, негде было осведомиться. А в то же время он говорил нам, что он почти банкрот в денежном смысле, так что даже нам всем сократил жалованье. Уж не знаю, что правда в этом, его банкротстве, причиною которого называли неудачные хозяйственные операции брата его, Дмитрия Грингмута. Я не очень верил этим рассказам... Однако, во всяком случае, начисто отказавшись от какого-либо участия в «Монархической партии», образованной Грингмутом (мне противно было участвовать в явно дутом политиканском шарлатанстве*), я помогал ему добросовестно во всем другом, что не касалось его партии. Так как он своим «черносотенством» оттолкнул от себя все более развитое общество и подорвал все связи с Петербургом, то я предложил ему, что поеду в СПб. и посмотрю, нельзя ли ему восстановить какие-нибудь знакомства. Между прочим он был совершенно чужд П. Н. Дурново, который в это время начинал выплывать из своего Сенатского «небытия». Без справки с моим Дневником не могу вспомнить, когда это было. Дурново был уже Тов[арищ] мин[истра] внутр[енних] дел. Будучи во вражде с кн. Мещерским, Грингмут, хотя лично не ссорился с Дурново, но никогда не знался, и имел все основания думать, что Дурново его просто не примет. Я взял деликатное поручение попытаться сблизить его с Дурново.

И вот снова пришлось повидаться с П. Н. Дурново. Тут опять пришлось о многом говорить, и Дурново явился передо мной в новом свете. Это уже не был поверхностный «человек порядка». Страшные развивающиеся события, грозившие разрушить не только монархию, но и Россию, как будто пробудили в нем дремавшего русского человека. Он уже не был ни весел, ни разговорчив, ни остроумен, а серьезен и вдумчив. Он увидел не простой «порядок», а основы русского бытия и почувствовал их родными себе. Я видел ту же могучую волю и энергию; он был полон сил; но это был государственный русский человек, проникавший в самую глубину нашего отчаянного положения. Он был проникнут стремлением восстановить власть во всем ее могучем величии.

К непосредственной моей задаче — связать его с Грингмутом — он отнесся очень просто и сочувственно. Ни одной искры о каких-нибудь неудовольствиях прошлого не блеснуло в нем. Он увидел в Грингмуте только человека своего дела, дела восстановления власти, и охотно пригласил его к себе.

---

* Что «Монархическая партия» осуждена на бессилие, что это только декорации, предназначенные только для ободрения Государя к сопротивлению — все это понимал Грингмут. — *Прим. авт.*

Каково было их знакомство, что Грингмут получил от него, делали ли они что-нибудь вместе, — ничего этого я уже не знаю. В партийные дела Грингмута я не входил, и он уже мне о них не рассказывал.

Моя миссия ограничилась доставлением Грингмуту этого pied-à-terre* в правительственных сферах.

Затем мне пришлось снова повидать Дурново во время выборов в I Государственную думу.

В это время Дурново был в апогее своей славы: он усмирил революцию, как тогда выражались. Его энергичные действия, его успех восхвалялись всеми сторонниками Самодержавия. Дурново впервые за свою жизнь совершил крупное дело, которого до него никто не мог совершить. Но он, хотя довольный собой, едва ли считал свою миссию законченной. Он, полагаю, считал необходимым совершенно упразднить Государственную думу или, во всяком случае, радикально (в консервативном смысле) переделать ее. Но с[о] своей обычной практичностью, терпел факт, которого нельзя уничтожить.

Начались выборы в Государственную думу. Закон, весьма подленький (иначе нельзя назвать), стремился не допустить в избиратели и в Думу известный слой людей; явных и энергичных революционеров, и придумал трюк, которым избавляли по крайней мере от 500–600 человек. Не допускались в избиратели лица, обвинявшиеся в преступлениях, влекущих лишение некоторых прав, и по суду неоправданные. Таким образом, амнистированные политические преступники выбрасывались за борт. При этом закон толковался с обратной силой, хотя в законе это и не было сказано. Я попадал в эту категорию лиц, ибо 20 лет назад был амнистирован. Поэтому меня не пускали в избиратели. Я вел дело по всем инстанциям, дошел и до Сената, но это весьма-таки гнусное ныне учреждение, меня также провалило незначительным большинством голосов. Сенат теперь совершенно утратил былую свою юридическую идею, и превратился в слугу власти, видя в этом свою гордость и заслугу. Я не хотел сдаться и поехал в СПб. искать способы бороться с Сенатом. Пошел, конечно, к Дурново, бывшему сенатору, и мудрейшему на свете дельцу.

Он отнесся к моему делу сочувственно, но мои главные интересы — т. е. безобразие и подленький характер этого законе, его не озабочивали. Я думал, какими способами отменить решение Сената по существу и создать разумное толкование подлого закона, думал не столько о себе (ибо, в сущности, мне не нужно быть избираемым, и только лишение права редакторства меня несколько озадачивало), я думал о самом законе и об общей пользе. Но Дурново, прослушавши меня минуты две-три, — отбросил все эти рассуждения,

---

* Временного пристанища (*франц.*).

и принял практическую меру: «Дайте мне прошение о допущении Вас в избиратели. Я обращусь к Государю». Итак все свелось на почву чисто личную... А времени было уже очень мало. Государь еще был неограниченной Верховной Властью, которую должны были урезать через месяц, как только опубликуют закон о новых государственных учреждениях. Государь мог бы еще изменить закон, но Дурново на эту почву не становился. Итак, я подал прошение, Дурново чуть ли не на следующий день испросил Высочайшее решение, и через несколько времени Сенат должен был дать Указ о том, что я, Тихомиров, пользуюсь всеми правами избирателя, редактора и всеми вообще правами, какие имеют русские подданные или будут иметь впредь. В Сенате дела идут медленно, и хотя Указ был дан еще до потери Государем неограниченной Верховной Власти, но выборы в Думу уже были кончены, так что я мог выступить избирателем только во 2-ю Думу.

После этого я виделся с Дурново еще раза три во время моей службы у Столыпина и во время редакторства [«]Московских ведомостей[»]. Тут уже у меня никаких дел не было, а ходил к нему просто для беседы.

Будучи ему обязан, я считал недостойным не зайти к нему, попав на службу к Столыпину, тем более, что в это время Дурново уже был выброшен из власти, и оставался только членом Государственного Совета. Впрочем, он тут стал выдвигаться в «лидеры» и продолжал оставаться надеждою консервативной партии.

Я не был ни консерватором, ни радикалом. Я очень любил и высоко уважал Столыпина, и по типу своему он мне виделся именно таким госуд[арственным] человеком, какой нужен. Это был человек идейный, человек, думавший об общественном благе. Все остальное — он сам, его карьера, Царь, народное представительство — все у него подчинялось высшему критериуму — благо России. Но он многого не знал, и особенно много сравнительно с величием своих целей. Поэтому я не могу считаться «столыпинцем», ибо я постоянно не соглашался с ним и старался его перетянуть, переубедить. Однако это был мой человек, никого другого я не видел, и в этом смысле я был «столыпинцем». У меня было два любимца: Столыпин и кн. Ширинский, два непримиримых врага, два единственных абсолютно честных и преданных только делу человека. Я мечтал их примирить и привести к союзу.

Что касается Дурново — то, конечно, это был уже совсем «не мой» человек. Я уважал его громадные способности и его преданность делу, ибо в это время он служил делу. Он стал истинно государственным человеком. Но то, чему он служил, — было, по моему, лишь частично верным, а в других частях уже совершено неверным.

Его идея состояла в великой государственной власти, проникнутой высоким государственным разумом. Этому-то разуму он и служил больше всего. Не знаю, был ли он в принципе против народного представительства. Думаю, что он бы признал умное народное представительство более или менее аристократизированное. Но наличное представительство Госуд[арственной] думы он презирал и, пожалуй, ненавидел, как голос ничтожества, искажавшего смысл государства и закона. Он считал ее язвой России, и находил необходимым ее уничтожить. Отсюда его нелюбовь к Столыпину, к которому он относился с пренебрежением.

«Это — негосударственный человек, — сказал он мне. — Человек, который не воспользовался безобразиями I Думы для того, чтобы совершенно упразднить это учреждение — не имеет государственного разума».

Очень трудно провести сравнение между Дурново и Столыпиным. Собственно как ум, как умственный аппарат, Дурново был несомненно выше. В этом отношении ему помогала безусловная самоуверенность, безапелляционная уверенность, что он все понимает, все знает, и что то, что он думает, — есть бесспорная истина. Столыпин — тоже умный — но неизмеримо более искренний, честный, дорожащий более всего общественным благом, — наоборот часто колебался, допускал охотно, что другие знают или понимают какое-нибудь дело лучше, чем он. Поэтому он и расспрашивал и спорил, и колебался, и терял время.

Только вполне убедившись, он проявлял громадную энергию, пожалуй, не меньше Дурново, ломил как бешеный бык напролом.

Бывало, говоришь, что-нибудь Дурново... Не успеешь сказать первых основ своей мысли, как Дурново, сначала молчавший и внимательно слушавший, через 3–4 минуты прерывает: «Значит — Ваша мысль такая», и он образно, в ярких словах, формулирует совершенно верно то, чего я еще не успел сказать. Понимает необычайно проницательно, с двух слов. Затем столь же быстро следовал его приговор: «Нет, из этого ничего не выйдет», или «Да, это совершенно верно!»... И если — «ничего не выйдет», то разговору конец: не станет спорить, не будет ничего доказывать, не будет слушать возражений. Если же «совершенно верно», то значит нужно сейчас же приводить в исполнение, не теряя слов, не теряя времени.

Потому-то у него, как все говорили, все дела решались моментально, и все делалось необычайно быстро.

Не то у Столыпина. Бывало, делаешь доклад или высказываешь соображения, приведешь массу данных. Он слушает, спрашивает и делает очень умные возражения. В ответ на них исчерпываешь до са-

мого дна все доводы и фразы, какие только у тебя были. Он как будто склоняется на твою сторону. Потом оказывается, однако, что он спрашивал еще других, значит, проверял тебя, и сам думал, а в результате иногда — месяца через два ничего не сделано, и снова приходится начинать доказывать сначала. Впрочем, иногда, оказывается, кое-какие части доклада приняты во внимание где-нибудь в законопроекте. Так было с церковными законопроектами.

Столыпин нередко замечал, что он не знает предмета, и начинал стараться узнать, на что, конечно, тратилось много времени. Совсем не то у Дурново. Раз как-то я указал ему литературу предмета. Но он прервал меня: «Неужто Вы думаете, что я стану читать этих господ? На что мне их мнение. Государственный человек должен сам все знать и понимать». Он, безусловно, полагался на какую-то интуицию своего государственного ума. И нужно сказать, что это интуитивное знание у него было поразительным. Это был ум с характером гениальности. Конечно, нужно принять во внимание, что он имел громадный житейский и деловой опыт, бесконечное число фактов, наблюдений, соображений, слышал множество разных мнений. Так что с таким запасом давно продуманных фактов и мнений, пожалуй, и мог уже «все сам знать и понимать», не нуждаясь больше ни в каких доказательствах, и просто кладя представляющие новые явления на какие-то внутренние весы своей души, и ум его только смотрел на стрелку — и произносил тотчас безапелляционное решение.

Эту разницу лет и опыта у Столыпина и Дурново необходимо принять во внимание для того, чтобы их сравнивать. Конечно, Столыпин, проживи он еще десять лет, уже обладал бы тоже огромным накопленным знанием, которое точно так же подсказывало бы ему более быстрые решения. Но, во всяком случае, Дурново был не прав, называя его человеком «негосударственным». У Столыпина были огромные способности именно «государственного человека», и он, будучи еще недостаточно опытным, сделал все-таки гораздо больше, чем Дурново за вдвое более долгую жизнь и за в семь раз более продолжительную службу государству.

За последние годы своей жизни, т.е. за те, в которые он являлся государственным человеком, Дурново сделал собственно вот что: 1) усмирил революцию, 2) организовал консервативную партию Гос[ударственного] Совета, 3) старался (но тактично) низвергнуть Столыпина, т.е. потрясти конституцию, 4) учил Гос[ударственный] Совет и Гос[ударственную] думу умно законодательствовать, учил их законодательной технике. Последнему Дурново придавал огромное значение, и — как сам мне высказывал — считал эту деятельность достойной траты своих сил. «Это было, — говорил он, — очень важно».

Тут вопрос не в направлении, а в правильной технике, соображении всех обстоятельств, предохранения закона от противоречий и т. п.

Он сохранил свой тонкий ум и работоспособность до смерти. Но конечно — он уже давно стал «несовременным». «Нужно уметь приказать», — сказал он в своей последней речи... Да, конечно, — «нужно уметь». Но как этому научить? И сверх того — для успешности приказания нужно, чтобы оно соответствовало обстоятельствам. Значит нужно не только «уметь приказать», но «знать, что должно и что можно приказать».

Сверх того, и главнее всего, нужно, чтобы приказывающий — не подорвал своего авторитета раньше, и чтобы его приказу страна и сами органы власти верили, как слову серьезному и безоговорочному.

13 сент[ября]

Все запасаюсь дровами. Есть в наличности сажень 12, а когда кончат подводу двое мужиков, уже начавших ее, то будет 15 сажень. Думаю приостановиться на этом до санного пути: авось дешевле станет. А всего следовало бы иметь 25 сажень. Но думается: а что как немцы придут? Для кого я запасаю?

Посад завален беженцами и эвакуацией. В Общину Красн[ого] Креста прислали киевских сестер, 25 душ, да еще пришлют откуда-то, так что здесь создали амбулаторию, и хотят очищать даже столовую. Набито повыше меры. Ждут еще присылки тучи священников из захваченных неприятелем губерний. Лезут и прочие беженцы. Солдатами заполнены весь Посад, как ранеными, так и «слабосильными».

Надоело все это. Дело в том, что на фронте мы хотя иногда отбрасываем неприятеля, продвигаясь немножко вперед, но все это для облегчения отступления, и в общем, регулярно отдаем немцам ежедневно десятки верст русской земли. Что это за война? Какой ее смысл?

Германия одержала новую победу: Болгария мобилизовалась. Новый союзник для немцев. Конечно, болгары — мерзавцы. 96 пробы и истинные Иуды — предатели, но — ругай, не ругай, а это все же новые 500 000 штыков в помощь Германии, и сверх того теперь о Дарданеллах и Константинополе нечего и думать.

И эти мерзавцы, которые допустили, чтобы Русская армия осталась без оружия к весне 1915 г., когда предполагалось наступление на Германию, эти люди, конечно, заслуживают виселицы без различия степени вины. Но опять же — ругай, не ругай, вешай, не вешай — а дела не поправишь.

А П. Н. Дурново еще говорил: «Нужно уметь приказать»... Да кто же это будет приказывать? Разве имеют силу приказания тех, кто погубил страну? Ведь весь народ кричит об измене. Какое же тут приказание? Даже и сам Государь потерял доверие оттого, что просмотрел

всю эту «измену», всю небрежность, все воровство — в такой области, где он один имел власть и наблюдение. Увы, некому приказать!

Верили неизменно Николаю Николаевичу. Но он сменен, его нет. И правильно это, или неправильно, а мы лишились единственного человека, который мог приказать.

14 сентября

Воздвиженье Креста. Был в Академической церкви, где встретился с Ив[аном] Вас[ильевичем] Поповым[191], и условились побывать друг у друга.

15 сентября

По телефону сообщают, что Катя больна, жаль. Она считает это инфлюэнцей. Конечно, там с ней Вера, Коля и Маша. Однако все же неприятно и тревожно.

А у нас Дуняша лежит в 40° жару. Она рожала в деревне, и не выдержав даже трех дней непременно вздумала приехать сюда. Что-нибудь и схватила. Горе с ними! Я думаю, что это из боязни за нежное сердце супруга (Павла). Она ревнива до глупости и уверена, что только спусти его с глаз — будет за кем-нибудь ухаживать. Вот и добилась, что вовсе свалилась.

16 сентября

Был сегодня у Ивана Васильевича Попова. Все та же Дворянская улица, д. Антонова; та же обстановка холостяка, и чуть ли не та же самая кухарка... Но он мне нравится, старый «рационалист», погруженный в свою науку, и, кажется очень честный человек.

* * *

Утомляют военные действия. Бесконечный напор немцев. Наши только отбиваются, ничтожные переходы вперед имеют только облегчить или отступление или оборону. О серьезном наступлении даже воображение отказывается думать. Но — что хуже — в общем наши все же отступают. До каких пределов это дойдет — страшно думать. Значит немчцы — сильнее нас. Что же может нас выручить? Таких сил не видно. Французы и англичане попробовали нечто вроде наступления и со страшными усилиями продвинулись в одном месте на 4–5 верст, прорвав одну линию окопов, за которой остаются еще две линии. В сущности, пустяк. На всем фронте взято 70 орудий и 20 000 пленных... Это, конечно, урон достаточный для наград и в войсках и шума в публике. Но в военном отношении это не меняет ничего ни на волос.

Шумная радость по поводу этой Грошевой победы лишь показывает, до какой степени французы и англичане утратили всякую на-

дежду на победу. А уж о нас — нечего и говорить. Наши «успехи» все в том, что немцы не очень быстро завоевывают Россию.

17 сентября

Веры, Надежды, Любви и Софьи. Встретили праздник здесь и в Москве. Мы с Надей — были у обедни (в Троицком) и на молебствовании.

У меня был Леонид Альбер[тович] Сахарнов.

Глаза изменяют. Сегодня был опять припадок, уже третий в сентябре. И потом уже в обоих глазах. Плохи дела! Помилуй, Господи.

А кабы не глаза, — сказал бы, что Господь послал хороший день...

Катя все больна. А Дуняша хотела уже завтра стать на работу, да я ее пугнул: «Довольно наглупили один раз, не глупи второго».

В Посаде сегодня обежали все лавки, чтобы купить хоть фунт сахару. В Москве — такая же скудость. Дрова — не везут. В Москве тоже, если не хуже. Но самое скверное — нередко бунтливое настроение. В Москве из-за мерзавца пьяного солдата, за хулиганство высаженного из конки и закричавшего «караул», — началось уже целое побоище, вызвавшее вмешательство вооруженной силы; стреляли и из рядов публики. Дикое безобразие продолжалось до 2-х часов ночи. Множество убиты и ранены.

Ясно, что народ уже обезумел, уже нервно пьян. Новобранцы, как слышно, разгромили лавочку у нас на вокзале (в Сергиевом Посаде). Впрочем, это рассказывали мне, вечные рассказчики всех обескураживающих историй. Но надо полагать, — не совсем уж наврали?

18 сентября

Надя опять заболела (сейчас ночь, 38,2). Катя — больная в Москве. У меня глазные припадки. Катя собирается «убегать» из Москвы от грядущих, по ее ожиданию, немцев, и зовет в город связываться по этому поводу, и для принятия разных необходимых для этого мер. Здесь приходила Козлова: ее гонят, и ей нужна наша комната. Вопрос: что с ней будет? Отопление, долг... И вот — начинаются высчитывания. Катя по телефону дает зряшные большие цифры. Надя высчитывает грошовые цифры. Я ничего не могу сообразить.

Прямо ужасное время. Мне предписано: не волноваться. Господи Праведный!

19 сентября

Мать Дуняши принесла из деревни весть, что их староста объявил, что призывается 2 резерв 1909 года, т. е. и наш Павел. Общие трудности охватывают все жестче.

Ну, конечно, я сказал Павлу, что Дуняша с детьми останется у нас. А в дворники можно взять брата Дуняши, 18-летнего парня, — который однако будет забран в первый же набор. Значит, это опять временно. Теперь приходится уже так, что день мой — век мой.

Теперь Павел занят обеспечением семьи. В Моск[овской] губ[ернии] выдаются пособия 4 р[убля] 80 на жену, да на детей не менее 2 р[убля] 40. У него 4 детей. Это составит не менее 14 р[ублей] 40 к. в месяц. А Павел получал жалованье 15 р[ублей]. Значит в материальном отношении его семья обеспечена не хуже, чем при нем.

20 сен[тября]

Надино нездоровье не позволит поехать в Москву, хотя было бы очень нужно.

Козлова успокоилась, и к нам не переселяется.

Наши военные дела идут, по-моему, очень нехорошо, несмотря на некоторою хвастливость Штаба. Двинск в явной опасности, которая не уменьшается, а возрастает. А против Свенцон [?] мы продвигаемся крайне медленно, хотя имеем против себя, по-видимому, очень небольшие силы немцев.

Между тем уже на границе Московской губернии, в Гжатске сосредоточиваются значительные силы армий. Войска стоят по деревням. У И. В. Попова в деревне заняли дом, отвели ему, хозяину, одну комнату. Все остальные взяли под солдат. И это — бесплатно, и даже обязав его три первых дня давать солдатам дрова и освещение. Такие порядки бывают в завоеванных землях, да и то не всегда... Эти же «права» наступят в городе Гжатске, когда число войск там дойдет до 30 000 чел. В Гжатске числится 9700 жителей обоего пола. И в такую деревню начальство хочет поместить 30 000 войска! В одном ли Гжатске такая «реквизиция» жилищ, равносильная насильственному изгнанию местного населения? Вероятно, то же и в других городах Смоленской губернии? Но чем же вызваны такие чрезвычайные меры?

Ничего подобного не слышно было раньше, с Польши, например.

Похоже, что наши армии имеют в виду отступать до Москвы, а может и дальше...

21 сент[ября]

У нас прибавка несчастья. Степка Павла заболел скарлатиной. Его повез Павел в больницу — осмотреть, там его и оставили. Мальчик плачет, зовет маму... Павел вернулся сам не свой. Дуняша ходит, как сумасшедшая. Я вызвал Кочергина. Осмотрел, а у них уже и маленький Миша заболел. Остается еще Ваня.

А во флигеле человек 8 беженских детей... Кричи караул. Павел с Дуняшей задумали вести всех детей (больных — здоровых) в деревню. Кочергин отговаривал, а они согласны на больницу только в случае, если туда примут и бабушку. Этого не может быть. Однако условились, что завтра повезут Мишу и будут просить принять для надзора бабушку.

У нас необходимо сделать дезинфекцию и немыслимо делать, пока зараженные не удалены. Голова идет кругом. Я думал, нельзя ли во флигеле сделать изоляционную комнату, но Кочергин ответил, что бесполезно: не предохранит ни от чего.

Ночь

Я так и думал — прошло часа два после всех уговоров Кочергина и моих о необходимости поместить детей в больницу, — и у Дуняши вспыхнула реакция: «Ни за что не оставлю детей в больнице!». Павел, не зная, что делать, страшась, что и Дуняша свалится, решил идти в Высокое, к матери, советоваться, что делать. Пошел ночью, захватив фонарь. Придет туда к 12 часам ночи. О, Господи! И что же с ним делать? Положим, погода исключительно хорошая днем на солнце было 20°, в тени — 15°. Только темно. Ему конечно не впервые. Сейчас (11 часов ночи) посмотрел хронометр: около 9° тепла. Может быть, ему даже полезно, в дороге, на свободе от Дуняши, подумать более спокойно. А мать его имеет репутацию умнейшей женщины, и правит всем домом. Ее голос — большой авторитет для окружающих.

Положение ужасное. Эти беженцы боком выходят. Не будь их — с их детьми — все можно бы устроить во флигеле. Но с ними — не пускает Кочергин: распустят де заразу по Посаду. Стращает, что и взрослые (молодые) могут заболеть. А у нас молоденькая, 17 лет, горничная, да и Надя не застрахована. Да и невозможно предотвратить сношений детей. Ведь Ваня — еще здоровый, всюду бегал.

Конечно — единственно умное решение — в больницу, а у нас в их помещении сделать дезинфекцию. Но сердце матери говорит громче всякого рассуждения. Да Павел сказал, что и бабушка не согласна жить в больнице 6 недель. А возможно, что ее бы и пустили как-нибудь обходным путем, вроде жилички у сиделки. Я конечно заплатил бы за это, как и Павлу сказал.

Впрочем, у него еще и другие мысли. Он говорит, что через 10 дней его потянут на военную службу. Все одно к одному! Ему, говорит, нужно собираться, всякие устройства, белье и пр. Нужно устроить в кассе книжку для Дуняши. Нужно выправить свидетельство на пособие ей... Как все это делать с больными детьми и с Дуняшей вне себя? Действительно, все страшно сложно.

22 сентября

Сегодня Миша отправлен в лазерь*, куда приняли для надзора за Степой и Мишей также бабушку (Наталью), а Ваню (еще здорового) увезла в деревню Мария (мать Павла).

Завтра у нас предполагается дезинфекция (формально), идет суета ужасная, а завтра будет еще хуже...

Подозревают, что все вышло от беженцев... Завтра попрошу их осмотреть и допросить фельдшера (производящего дезинфекцию).

Слава Богу, что Кате в городе получше. А уж здесь — очень тяжко. Пронес бы Господь Милостивый эти испытания.

Мать Павла, Мария, — действительно очень умная женщина: я с ней беседовал, и все ее поступки очень умны.

Ночь

Очень я утомлен за эти дни. А назавтра предстоит дезинфекция. Трудно, сложно, и в довершение всего, в сущности, все это вздор. Как ни старайся, хоть перервись, но столько прорех в этой борьбе с невидимыми бактериями (или кто там есть у скарлатины) — что все равно не будут истреблены ее бесчисленные ячейки.

Ах, скучная вещь наша жизнь, с ее вечной борьбой. Вот теперь передралась вся Европа. Миллионы людей гибнут. Это, говорят, великие исторические события... А все одна чепуха... И что такое «великие исторические события». Все исходы этой всемирной бойни, какие только могут быть, — одинаково не дадут ничего великого, в смысле высокого, идеального, осуществленного блага. Ничего высокого не заключает жизнь Германии, Австрии, России, Англии, Франции. Победа Германии была бы победой облеченного в силу культуры варварства. Победа наша не дала бы ровно ничего, ни плюса, ни минуса. Пожалуй, защита от варварства, но во имя чего? Ничего вместо германского культурного варварства мы не можем дать...

23 сент[ября]

Сегодня проводится дезинфекция. Напустили формалин. Завтра утром помещения будут откупорены. Мы здесь дышим как можем. Дезинфектор, фельдшер Налетов (Константин Никифорович), на вид бойкий и разбитной. Он ходил даже к беженцам, и уверяет, что у них ничего нет и не было.

Дуняша ходила проведать Степу и Мишу, и слава Богу, нашла, что их содержат прекрасно, и уход внимательный, так что успокоилась и повеселела. Ну хоть она не будет ныть! Ведь коли Бог даст — завтра

* Так в тексте.

окончатся наши злоключения по этой части, начнется подготовка Павла к военной службе. Тоже печальная история.

.... Дело к ночи. Все позаперто. И начинаются, вероятно, иллюзорные ощущения — будто просачивается формалин. Возможно, что немножко и правда. Прошло более 8 часов, как напущена эта гадость, сначала могло не просачиваться, а потом постепенно начала... А одеваться нужно еще до утра, до 8 часов утра, когда должен отворить сам фельдшер. Ждать еще 12 часов.

24 сентября

Дезинфекция кончилась, началась уборка.

У меня разболелась кишка — в правом боку, значит — слепая. Вот уж это горе!

Наутро в газетах — известие о падении Венизело [?]!.. Так и слетается нечисть со всех сторон. Ясно, что германская дипломатия умнее всех.

В таких мерзостях — и еще свалиться — прямо не знаю, где же пределы упорным бедам?

Ночь

Вся уборка кончена, и дом приведен в обычный порядок. Надя поехала в общину, в церковь. Думаю, что это нехорошо, ибо о. Павел может беспокоиться за своего сынишку... Конечно, мы очищены, но лучше бы сначала навести справки. Однако Надя так измучена, что мне не хотелось очень спорить с ней. Надо же хоть чуть-чуть отдохнуть душой. Авось о. Павел и его жена не забунтуют.

Наде в церкви стало известно от Маруси Фудель[192], что глаза о. Иосифа плохи, и что Головин решил делать операцию, не ручаясь, однако, за ее исход. Это страшно грустная весть. Жаль не только о. Иосифа, но и его семью, совсем не обеспеченную. Кругом все рушится, друзья, отечество, даже и над верой и церковью собираются грозные тучи. Если немцы нас захватят, то и говорить нечего; если отобьемся от них — у нас будут владычествовать «кадеты» — от которых вере и церкви придется солонее, чем от немцев. Тяжко жить, но и умирать в такое время нелегко.

25 сентября

Приехала Катя. Но привезла с собою только гадко-тревожную Московскую атмосферу. Дела действительно дрянь. Штаб — в Вязьме. В Можайске строят укрепления. Войска скапливается около Москвы — масса. В Филях уже реквизированы дачи. По Ярославской дороге то же самое (уже с Тарасовской). Все знакомые рассуждают

только: куда убежать? И в общем — некуда. Везде уже все занято. Нигде нет квартир. Даже в Сибири уже укрылась масса людей.

Послал Каменеву и Ник[олаю] Ник[олаевичу] Соловьеву запросы, есть ли квартиры в Туле и Костроме.

26 сентября

Вечером приехала Вера, завтра хочет ехать в Зосимову.

Городовой говорил Павлу, что в Посаде смотрят помещения для большой кавалерийской части (12 или 20 тысяч).

Эти дни читал Муретова[193] о Филоновском Логосе[194]. Превосходная книга. Сегодня закончил выписки.

27 сентября

Был у меня Ив[ан] Вас[ильевич] Попов. Оказывается, что в Смоленске уже кое-что эвакуируется. Совсем скандал! Его сестра в Смоленске просит его снять ей комнату в Чебоксарах, где у него есть знакомая вдова священника.

А у нас (точнее во Владимирской губ.) волости обязаны ставить по жребию рабочих для рытья окопов в Смоленской губернии, впрочем с платой 2 р[убля] в день на казенных харчах. Жребий придется тянуть и Павлу... Что тут станешь делать? А главное: значит правительство предвидит возможность проникновения неприятеля до Москвы... и значит, что Россия пропала. Где же мы будем воевать, если возьмут и Москву?

Катя думает, что уехать лучше всего в Новороссийск. Это может быть. Но возможно ли туда доехать? И потом: что делать с Колей и Верой?

Еще страшный вопрос: что мне делать с моими конторскими бумагами, которые я должен хранить до 1923 года?

Положение умопомрачительное.

28 сентября

Собрался ехать в Москву. Звонил, чтобы предупредить об этом, но оказывается — наш телефон в М[оскве] поврежден и не действует.

Страшного смысла событий не чувствуешь, пока они не коснулись тебя лично. Беспокоишься за Россию, сожалеешь о других, и все это очень тяжело, но не в полной мере. Но вот когда тебе самому некуда деваться, когда твое состояние угрожает лопнуть, когда не знаешь — как сохранить торговые оправдательные документы (которые для меня и для моих наследников почти равны состоянию), — когда не знаешь, что будет с твоей матерью, женой, детьми — тогда только весь ужас положения является во весь рост, тогда только понимаешь, что идет Смерть, сама Смерть, посреди грохота бомб, в дыму удушаю-

щих газов, во всей своей адской мерзости... И все не можешь понять и поверить, чтобы Россия, эта хотя и глупая, но колоссальная сила — могла погибнуть... Знаешь, что

Все великое земное
Разлетается как дым,
Нынче жребий выпал Трое
Завтра выпадет другим[195],

Но мысль о том, что это «завтра» пришло для нас — она тем ужаснее, что, в сущности, неожиданна. Знал, что скверно, но чтобы до такой степени, — этого не думал, не мог допустить...

А вот приходится допустить.

4 октября[196]

Возвратился в Посад из Москвы, где пробыл с 28 сентября. Видел множество знакомых: Хомякова, Сидорова, Колесникова, Монякова, Кологривова, Н. Сучкова, Новоселова, Кожевникова, о. Иосифа и т. п. Хорошего — мало, а интересного — достаточно. Впрочем, относительно денежных дел собрал успокоительные справки.

5 октября

Москва, конечно, полна толками об отставке А. Д. Самарина[197]. Эта отставка, понятно, эксплуатируется всеми антиправительственными элементами, о чем многие крайне сокрушаются, готовы даже упрекать Самарина. Но он, во-первых, употребляет теперь все усилия, чтобы воздержать московское дворянство (единственно, где он имеет влияние) от всяких демонстраций за него, во-вторых, он не ушел, а уволен без всякого прошения.

Самый случай этот раскрывается так (из безусловно достоверных источников). Св. Синод постановил уволить епископа Варнаву на покой за самовольное прославление святителя Иоанна Тобольского. Об этом Варнава не спрашивал Синод, а отправляя Государю Императору разные благопожелания на войне, присовокупил, что и Государь не должен забыть святителя Иоанна, ожидающего прославления. Государь ответил Варнаве телеграммой, в которой сказал, что величание петь над мощами святителя можно, а с прославлением следует подождать. На основании этого Варнава и произвел нечто вроде прославления, где пели величание, и даже пели молебен святому Иоанну. По поводу последнего Варнава объяснил Синоду, что молебен у мощей святителя Иоанна Тобольского пели не ему, а св. Иоанну Златоусту[198], икона которого висит около мощей...

Когда Синод вызвал Варнаву для объяснений по поводу этого самоволия, — понятно в присутствии обер-прокурора, то Варнава между прочим заявил, что действовал не самовольно, а по разреше-

нию Государя Императора, который суть глава Церкви. При этом он предъявил митрополиту Владимиру[199] телеграмму Государя, но Митрополит отстранил телеграмму рукой с каким-то резким выражением и начал разъяснять Варнаве превратность его понятий о том, что Царь есть Глава Церкви. Решение Синода свелось к удалению Варнавы на покой.

Варнава (рассказывают) тотчас же отправился к Государыне Александре Федоровне[200] и пожаловался ей, что с ним дурно обращались в Синоде, заставили его стоять (его, говорят, действительно — лишь после допроса пригласили сесть), тогда как светский чин (обер-прокурор) сидел, и что, когда он, Варнава, предъявил телеграмму Государя Императора, то митрополит Владимир оттолкнул ее рукой со словами: «Оставьте, пожалуйста, в покое эту дурацкую телеграмму»; а око Государя обер-прокурор Самарин, быв при этом, ничем не протестовал против такого оскорбления Величества.

Государыня (рассказывают) крайне разгневалась и сказала, что она никогда не могла выносить митрополита Владимира; что касается Самарина, то она его всегда считала глубоким иезуитом, так что его присутствие делало для Нее крайне тяжелыми сношения с московским дворянством. Засим Государыня обо всем немедленно сообщила Государю с выражением своего мнения о возмутительности всего дела об увольнении еп. Варнавы на покой.

Все это рассказывают, и, конечно, нужно взять во внимание трудность знать кому-нибудь конфиденциальную беседу Государыни с Варнавой, и затем — с Государем Императором. Конечно, есть придворные чины, которые все это могут знать в точности, но кому они говорили? В какой степени точности эти конфиденциальные беседы перешли в публику? Все это мне неизвестно.

Но дальше — начинается уже точный рассказ, а именно:

Когда Самарин отправился с докладом к Государю, то был принят в высшей степени любезно. Государь сказал в заключение, чтобы Самарин оставил Ему принесенные документы, которые Он просмотрит лично. Затем Самарин ушел — без малейших подозрений о каком-либо неудовольствии Государя, а через 10 минут получил от Горемыкина уведомление, по Высочайшему повелению, что Государь не нуждается более в услугах Самарина и увольняет его от должности обер-прокурора. Прошения об отставке ему не было предложено подать, и — два дня назад — «ни о каком прошении об отставке не могло быть и речи», как мне передавали.

Таким образом, увольнение от должности было самое резкое: Самарин — прогнан. Для полной оценки происшествия нужно было бы знать с точностью, какие именно слова произнес митрополит Вла-

димир при отстранении телеграммы, поданной Варнавой. Было ли в них что-либо оскорбительное для Государя, или еп. Варнава оклеветал митрополита и Самарина?

Мне, хорошо знающему митрополита Владимира, очень трудно допустить, чтобы он назвал телеграмму, исходящую от Государя, столь оскорбительным эпитетом. Но, говорят, Государю могло показаться недопустимым уже и отрицание Его качества Главы Русской церкви, и наименование «превратными» мыслей о том, что Глава Русской церкви есть именно Он, Русский Император. Говорят, что при Дворе вполне господствует протестантское учение о Главенстве Императора в церкви. Говорят, будто Ее Императорское высочество Ольга Николаевна именно высказывала своему законоучителю, что Глава церкви — ее Отец, и законоучителю пришлось разъяснять Великой княжне, что это учение неправославно.

Как бы то ни было, ходят слухи, что не только Самарин уволен, но что будет целое передвижение высшей иерархии: Владимира[201] — в Киев, Флавиана[202] — в Москву, Макария[203] — в Петербург*. Дальнейшие слухи гласят, что будто впоследствии прочат Варнаву в петроградские митрополиты, и что Григорий Распутин уже развелся с женой, чтобы принять монашество и получить дальнейшую иерархическую карьеру.

Легко понять, как подрывают все эти события и слухи авторитет Государя Императора. Как всегда, враги Царя пользуются всем для подрыва Его.

Так рассказывают, будто бы принятие Государем верховного командования и удаление Вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича были поняты в Англии и Франции, как признак того, что Государь хочет иметь свободные руки для заключения сепаратного мира. В силу этого, будто бы правительства Англии и Франции конфиденциально осведомили Государя, что в случае заключения им сепаратного мира Япония немедленно нападет на Россию (ныне беззащитную на Дальнем Востоке), а личные капиталы Государя, хранящиеся в Англии, будут конфискованы. Все это будто бы рассказывал Амод во французской колонии в Москве.

Словом, кредит Государю подрывается страшно. А Он — поддерживая этих Распутиных и Варнав — отталкивает от себя даже и дворянство и духовенство.

Не знаю, чем кончится война, но после нее революция кажется совершенно неизбежной. Дело идет быстрыми шагами к тому, что преданными династии останутся только лично заинтересованные

* Так в тексте. Имеется в виду Петроград.

люди, но эти продажные лица, конечно, сделаются первыми изменниками в случае наступления грозного часа.

Что такое Варнава? Сидоров, раз его видевший, вынес впечатление, что он, хотя не воспитан, но умен. То же самое сказал мне Кологривов, который с ним знаком. Да, вероятно, без ума нельзя бы было так завоевать общественное положение. Он друг и единомышленник Григория Распутина, и им выведен в люди.

О нем рассказывают, с нравственной стороны, вещи похуже распутинских. Говорят, что он педераст. Востоков[204] рассказывал, со слов каких-то коломенских жителей, что у него в монастыре (в Коломне) был мальчик — служка, который служил его страсти, а потом таинственно погиб, именно был найден в мельничном омуте. Молва считала это убийством. Об этом производилось судебное следствие, которое будто бы бросало подозрение на Варнаву (тогда настоятеля монастыря), но было прекращено по приказанию свыше. Что здесь правда — не знаю. Но в той же Коломне есть восторженные почитатели Варнавы.

Родом он — огородник в Каргополе, и, по рассказам, был тогда еще известным развратником. Потом пошел в монахи и с помощью Распутина достиг высшего положения. Пользуется, как говорят, благоволением Императрицы.

Кологривов не рассказывает подробности, но хорошо знает григорианско-дворцовые отношения. У него какая-то племянница — фрейлина и «распутинка», друг Вырубовой[205]. Кологривов, не говоря ничего фактического, только вздыхает, что там идет тяжкая драма, и порицает тех, которые не жалеют растравлять раны Государя. Это, конечно, и мне самому страшно жалко Государя. Но жалко и Россию, и Церковь, которые страдают от этой драмы. Да страшно мне и будущее за самого же Государя. Никто не подготовляет Царствующей династии таких бедствий, как этот трижды проклятый Распутин.

Но есть на свете какой-то Рок, какие-то судьбы, которые свершаются неотвратимо. Впрочем, конечно, только будущее покажет куда ведут эти судьбы, эти суды Божии, и благом или гибелью они разрешаются.

В этот приезд в Москву я наконец послал в Совет общества «За Россию», 28 сентября, заявление, что не могу оставаться членом общества, и прошу исключить меня из списков, а равно заявляю то же самое от имени Надежды Львовны Тихомировой[206] по ее поручению.

Я давно хотел бросить это общество, но пока на нем тяготело подозрение в участии в немецких погромах — неловко было бы своим выходом показывать будто бы я разделяю это подозрение. Но теперь — можно выйти, и я вышел. Это общество — совсем не по мне, и

занимается довольно дутыми пустяками. С тем, что меня интересует, оно не имеет ничего общего*.

Тула
29 сент[ября] 1915

Многоуважаемый
Лев Александрович!

Моя прабабушка, дьяконица из с[ела] Камышина и сестра проф[ессора] А. Ф. Аболенского, учившего Пушкина[207] в лицее, рассказывала, что в [19]12-м году она скрывалась от Наполеона, в дер[евне] Бохино, это верст за 5 от ее села, через два оврага. Простите, но Вы напоминаете мне мою прабабушку, если серьезно думаете скрыться в Тулу от нашествия австро-германцев на Московскую область. Конечно, квартиру в Туле пока найти оч[ень] трудно, и каждый день мы читаем публикации ищущих квартиры, но с тем вместе [?] в Туле сосредоточивается див[изия]. Значит[ельное] число войск, — говорят до 100 тыс[яч], и сегодня на нашей улице по домам мещан уже ставят на постой солдат — по 5 на дом (верно 8–9-й арм[ии]) мещан, где, понятно, образуется толчея «тыла».

*Сейчас только я видел «учения» призванных солдат на арсенальной площади, производимое**, amici!***) почти без ружей, т. е. по 1 ружью на 4–5 «солдат-чудо-богатырей» (якобы!**** выраженной [?] нам теперь «никак не возможно»). Мой***** при этом, зрелище стоит «воинственной» пошлости у семи дворов один топор. Но это зрелище на этой соседней арсенальной площади, если хотите, еще язвительней, если взглянуть на разваливающееся здание арсенала, подпертого деревянными бревнами дабы не отвалились каменные брусья «древней» стройки, — на ремонт коих наши местные военные чины «более 10 лет» многими бумагами просят ареопаг центрально-столичных песочно-артиллерийских верных (но ослабевших разумом и совестью) генералов. Приезжайте, пожалуйста, взгляните на эти картины, — родные картины! К Вашим услугам также комната, где Вы — давно этому — были.*

Смоленск, как точно известно, эвакуируется и на всякий случай (ради 800 душевно-больных) я уже просил наше земство узнать у

* Далее вклеено письмо.

** Неразборчиво.

*** ... друзья (*итал.*).

**** Одно слово неразборчиво.

***** Одно слово неразборчиво.

г. мин[истра] вн[утренних] дел, куда он прикажет этот** полк умалишенных, — как наша губерния окажется в опасности. Несомненно, что для немцев важнее Смоленска и Калуги — овладение Тулой и поскорее прекратить работу оружейного и патронного заводов, [(]а кстати, и овладение див[ным] большим арсеналом, хотя бы и с его трещинами). Несомненно, что все «наши моровые язвы» немцами давно обследованы, и, по слухам, они уже пошучивают: вот скоро придем взглянуть в Туле на памятник Петру 1-му (сооруженный на оруж[ейном] заводе). И начнут они сбрасывать с «голубей» на Тулу свои 15 пудовые разрывные снаряды, один из первых угодит в нашу больницу, стоящую на горке почти около арсенала и близь «несчастных» для нас названных заводов. Я не имею чиха [?] даже конфиденциальных указаний о выселении, но слухи неизвестно откуда идущие, говорят, что нас — туляков — направят (т. е. выгонят скорым маршем — неожиданно — как баранов) в Пензу, либо в Тамбов. Во всяком случае, на свои запросы в Земскую управу о моменте, куда, в крайнем случае, девать 850 умалишенных, ответа я никакого не получил. Это наши***, за которую теперь мы расплачиваемся миллиардами и миллионами людей. В нашей загородной колонии — из 600 больных — я года два назад вдруг встречаю на автомобилях неск[ольких] иностранцев, плохо говорящих по-французски, и спрашивающих не пустят ли их на этой фабрике или заводе (за каковые они будто бы сочли здания б[ольни]цы) новейшие машины. Я им сказал, что здесь не завод, а убежище для умалишенных, на что они явно удивились — и уехали. Но, конечно, немцы теперь эти наши здания уже нанесли на планы свои по расквартированию своих войск, с точным расписанием частей. А нас с больными, кто может заставлять копать траншеи для**** (немецко-тульск[их]) завоеваний Фатерланда. Заметьте, в это самое время масса наших солдат служат денщиками у гг. офицеров, нянчат их детей, ездят на козлах кучерами офицеров и посыльными по бесконечно-хозяйств[енным] мнимо надобностям. Наш бывший столяр — низший чин обучает столярному делу г. подполковника... О Господи — Никола милостивый!*

Ваш Н. К.

Заклеиваю небезынтересное письмо Калянева Ник[олая] Петр[овича], ответ на мой запрос — можно ли в Туле найти помещение на случай прибытия немцев в Москву.

---

* Одно слово неразборчиво.

** Одно слово неразборчиво.

*** Неразборчиво.

**** Одно слово неразборчиво.

Ну кажется, все мои московские дела отмечены. Да, я теряю доброго приятеля в Москве, Сидорова, который почти, наверное, переводится председателем Петроградского комитета. Желаю ему всяческого успеха, но самому жалко будет доброго знакомца многих лет.

Одна из главнейших причин моей поездки в Москву — была та, что д-р Снегирев назначил мне явиться «около Покрова» для осмотра глаз. Они у меня были, по очевидности, в плохом состоянии, так как за сентябрь, были четыре раза узорчатые мелькания, совсем было затихшие в первые месяцы лечения, и притом, как мне казалось, уже ни в одном левом, а в обоих глазах. Однако Снегирев после осмотра заявил, что глаза в хорошем состоянии, и что в правом будто бы не могло быть этого мелькания. Не знаю уж, кто из нас прав, но он временно отменил йод, назначил трехнедельный прием эрготин с стрихнином, и следующий прием назначил через три месяца. Это значит, в начале 1916 года. Уж не знаю, где мы со Снегиревым будем в это время, и не попадем ли в руки немцев... Ну конечно, увидим — кто доживет.

6 октября

Был у о. Кронида.

В Посад приехало 1 ½ кавалерии. Это — первая ласточка. Два дня не могу увидеть полицмейстера, чтобы поговорить об угрожающем потоке войск.

У нас — борьба за существование. Нет в продаже ржаной муки. Бегали, покупали пшеничную. Купили 4 пуда.

Уже не дают керосин. Бегаем, чтобы как-нибудь запастись.

Совсем нет сахара.

Кажется, хуже, чем в Германии. Там есть порядок и власть, пресекающие бестолочь и беспощадную спекуляцию. У нас же создают голод при обилии в стране продуктов.

Торговцы бессовестно наживаются на общем бедствии и создают искусственный недостаток продуктов, чтобы брать дороже. У нас, например, сегодня достали ржаной муки, но за тот сорт, который стоил 9 руб[лей] торговец взял 11 р[ублей]. И что же делать? Не брать? И вот, из-за этого мошенничества, приходится делать запасы и переплачивать. А возможно, что завтра наш дом займут солдаты, и вот эти запасы, во-первых, и спрятать будет некуда, во-вторых же, раскрадут солдаты. Соединение бессовестности личной и анархии правительственной. В результате — положение, которое может стать тяжелей, чем в Германии.

Правду сказать, я теперь уже не имею никакого сомнения в победе Германии. Вопросы могут быть лишь частные: возьмут ли немцы Москву? Возьмут ли они Петербург? Но они, конечно, победят, и наши союзники сами на мир согласятся. Немцы умны, патриотичны, име-

ют превосходное государство. А у нас — все скверно, и подданные, и правительство, нет ни ума, ни знаний, ни порядка, ни даже совести. Из всех же наших зол — самое ужасное — это власть, которая, вероятно, погубила бы нас даже и в том случае, если бы мы были порядочным народом.

А отставка Самарина служит злобою дня даже за стенами Лавры. О. Ионафан никуда не выходил в Посад, живет уединенно, занят только своим послушанием. Однако тотчас заговорил о Самарине, о Варавве, о «Гришке», ахает, охает, жалеет о Государе. Да, истинно можно пожалеть.

7 октября

Был у полицмейстера спросить о порядках расквартирования войск. Он объяснил, что пока о частных квартирах нет речи. Сейчас будут постоялые дворы, затем перейдут к трактирам и харчевням, и лишь после этого к частным квартирам. Порядок такой: сначала осматривают помещения* — Городской голова, полицмейстер и чин военного ведомства), и пригодные реквизируют. Но тут можно вести переговоры, чтобы не вполне стеснили и хозяина.

Получил письмо от Мих[аила] Еремина. Он был выписан в Комиссию, но заболел брюшным тифом, пролежал несколько времени, а теперь выписан в Покровские казармы (I Команда выздоравливающих, I-й взвод). Пишет: «живем плохо, холодно и голодно, теснота. Паразиты заели, и порядка нет никакого». Самая подходящая обстановка для поправки после брюшного тифа!

Это называется: «Все для войны». Вот уже несколько месяцев человек, дважды раненный, валяется по лазаретам, заражается в них брюшным тифом, и, пожалуй все-таки не годен, так как пальцы у него почти не действуют. Какой вред германской армии от злоключений этого человека?

А тут же читаешь корреспонденцию о меню пленных: суп, жаренные цыплята и бланманже... Честное слово, противно думать о таких порядках с громким девизом «все для войны».

Когда я говорил с полицмейстером, то упомянул, что слышал в Москве, что в Московской губернии расквартировывается 250 000 человек. Он ни слова не озвучил, но как-то многозначительно улыбнулся. Вероятно, не 250 т[ысяч], а миллион... «Все для войны».

Еще сказал он, что беженцев в Посад больше не направляют. Это хоть хорошо, а то прямо тяжко становится жить.

Всех обуяла спекуляция и дух живодерства. Лавочник вместо 6 фунтов керосину дает 5 (не довесил), и еще в виде благодеяния. Са-

* Одно слово неразборчиво.

хару нет. Мужик, выгружавший уголь сегодня взял 1 р[убль] 20 к[опеек] за мешок, вместо 90 к[опеек], и объявил, что потом будет брать по 1 р[ублю] 50 к[опеек]. «Уголь нынче дороже»... Почему дороже? Какое отношение к войне? Никакого, но все дерут, вот торговцы говорят, что все дороже. Почему же и мужику не драть дороже?

Всех обуял дух обирания ближнего. Каждый старается набить карман. «Все для войны!» Собственно говоря — прескверный народ наш.

Завтра собираюсь переезжать в Москву совсем. Укладываю необходимейшие книги. К сожалению, все немыслимо забрать. И без того много багажу.

Кончилось лето. В саду облетели все листья. Огород гол, земля безобразно чернеет, кое-где вихрами торчат засохшие кусты помидоров. Трава как-то побурела в тон земле, да и какая трава? В вершок вышины. Настоящего снега нет, но иней сереет в тени весь день. Прудик замерз. Холодно, мертво. Какие-то похороны природы, уже лежащей в гробу и только еще не покрытой саваном...

Да лета почти и не было. А на душе все время было нудно, и чем дальше, тем больше. Вместе с природой близилась к концу, казалось, вся Россия, а с ней и сам, и все близкие, для которых только и живешь. Ужасное время послала Воля Божия, время, которое напоминает Апокалипсические страницы. Неужели так и не будет нам милости свыше? Ни луча света впереди, и если бы даже не попали мы прямо в руки звеовидного неприятеля, то ничего светлого все-таки нельзя ожидать от будущих внутренних междоусобий! Мне кажется все более вероятным, что Россия уже стала игрушкой масонства, ведущего штурм против последнего оплота христианства[208].

Конечно, христианство в нашем государстве уже стало лишь стертой и выцветшей вывеской прошлого, но пока висит эта заржавелая вывеска, все еще теплится какая-то надежда на возрождение. Думается, масонство взялось содрать ее и у нас, как содрало во Франции и в Италии. Эта мысль крайне мучительна. Неужели конец всему светлому и дорогому — темная могила всей жизни?

Выходишь в опустелый, безжизненный сад и переносишься как будто в эту смерть всего светлого. Чувствуешь не эмблему, а как будто саму атмосферу этого Аида.

8 октября

Переехал в Москву, забрав черный мешок и книги, т.е. с намерением оставаться здесь долго. Что выйдет в действительности — это, конечно, неизвестно.

9 октября

Был у Георгиевского в Румянцевском музее; условился на подготовление мне книг на понедельник.

Получил из Посада известия о смерти Александра Васильевича Круглова. Сердечно жалко. Был чудный писатель, и очень не без таланта. Послал письмо с соболезнованиями его жене (Анне Никитичне[209]).

Вечером был у Кисловского, где был и Сучков. Подготовили план для первого смотра лиц, способных войти в Социологическое общество. Надумали реферат Кисловского, подводящий к этому вопросу, в салоне Кологривова, а затем пригласить подходящих лиц, уже на особое совещание.

10 октября

Заходил ко мне Михаил Еремин. У него рука совсем исковеркана, и доктора даже советуют ампутацию кисти почти по локоть. Совершенно непостижимо, как его не отпускают в отставку и зря держат в казарме якобы «выздоравливающих».

11 октября

Окончательно узнал, что мать Новоселова[210] больна нервным расстройством, и посему переезжает в Посад, на ферму. Понятно, что и он должен выехать туда же. Значит — Москва лишается Новоселова. Мне это лично жаль, а для него самого может быть и лучше. Он тоже нервно истрепан. Только вряд ли хорошо, что он там будет в одностороннем обществе — все одни «мужики». А впрочем, может быть, это не совсем точно. Есть, конечно, и другого сорта знакомцы. Во всяком случае, такой беготни, как в Москве, не будет.

12 октября

Начал занятия в Публичной библиотеке.

14 октября

Вот три дня хожу пешком. В Публичную библиотеку, туда и обратно, и пока выдерживаю. Полчаса ходу в один конец. Я думал, что такая ходьба мне не по силам. Посмотрим. Там занимаюсь около трех часов, с половины 11 до половины 2-го, и правду сказать, на одну порцию это достаточный «урок». Но следовало бы два раза.

Это время читаю «Историю хасидизма» Дубнова[211] (в «Восходе»). Три года [«]Восхода[»] перечитал, да еще два осталось. А на столе лежит еще Грец («История евреев»)[212]. Да и дома читаю евреев же, что есть (Копена Альбанселии)[213]. Вообще необходимо определиться потверже в [«]Истории евреев[»]... если только она существует в литературе. К сожалению, я все больше сомневаюсь в полноте ее. Меж-

дународная связь их страшно не ясна. Гипотезу Копена трудно же назвать историей.

Сегодня слыхал, будто Новоселовы снова в Москве. Но звонил и не получил ответа. Странные переезжания с больной.

15 октября

Сегодня в «Русских ведомостях» (№ 234) напечатано*:

Среди правых.

За последнее время среди правых наблюдается оживление. Один из руководителей московских союзников В. Г. Орлов, приехавший в Петроград, был принят министром путей сообщения, которому он представил доклад о настроении в железнодорожном мире.

В. Г. Орлов предпринял также шаги к получению аудиенции у нового министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Шаги эти пока не увенчались успехом. Испрашивая приема у А. Н. Хвостова, В. Г. Орлов заявил директору канцелярии министра, что он командирован специально с этой целью в Петроград московскими правыми организациями, которые желают таким образом ознакомить министра внутренних дел с настроениями и ближайшими задачами московских союзников. В. Г. Орлов был принят товарищем министра Белецким, с которым он имел продолжительную беседу.

*Затем В. Г. Орловым был вызван в Петроград протоиерей Восторгов, который и участвовал в совещании В. Г. Орлова с Григорием Распутиным**. На этом совещании решено было возбудить перед правительством ходатайство о разрешении созвать в ноябре в Москве всероссийский съезд правых организаций. Было также решено приступить в ближайшее время в Москве к изданию правой копеечной газеты для народа. Издателями этой газеты будут протоиерей Восторгов, Распутин и Орлов. Как передают, денежная сторона газеты вполне обеспечена, благодаря получению крупной субсидии, которая уже обещана.*

Интересно бы знать, есть ли какая-либо доля правды в отношении Распутина? Ведь это [«]Русские ведомости[»] со всей своей «левой» компанией — лжецы совершенно бесстыдные. Но известия не кажутся невероятными.

16 октября

Сегодня созвонился наконец с Новоселовым. Его мать сама захотела в Москву «домой». Она как-то нервно больна, то спокойна, то места себе не находит.

---

* Вклеена вырезка из газеты.

** Все подчеркивания в тексте газетной заметки сделаны Тихомировым.

Епископ Феодор[214] получил анонимное письмо, в котором его ругают «дуриком» за дарование Самарину почетного членства Академии.

«Русское знамя»[215], по словам Новоселова, ругает А. Самарина за будто бы покровительство сектантам! Совершенно не понимаю откуда такое обвинение.

А я что-то хворо чувствую себя. Кишки.

17 октября

Был у Сергея Николаевича Кологривова. Он задумал собрать в своем салоне все образованное, сознательное общество для обмена мыслей о великих текущих и общих вопросов России, а отчасти и просто для приятного времяпровождения. На сей раз общество было, однако, невелико, мужчин и дам около 20. Многих приглашенных не было случайно, многих не было по случаю трамвайной забастовки. Это безобразное бастование все еще продолжается, несмотря на то, что на электрической станции военными чинами пущен ток. И это военное положение!

По части разговоров у Сергея Николаевича отличились лишь молодые люди — Кисловский и Сучков. Впрочем, было не скучно.

18 окт[ября]

Приходил Михаил Еремин уже в гражданском костюме. Он уволен от службы и сегодня же уехал. Левая рука пропала, кисть и пальцы не действуют, скрючены и даже с локтя почти нет движения. Он, впрочем, весел. Дал ему на прощание пять рублей, которые, однако, пришлось мне же вкладывать ему в портмоне, где увидел еще трешницу (мою же) и несколько жалкой мелочи. Прибавил по этому случаю 40 к. на чай в дороге, положил в карман, из которого он может достать правой рукой. Плохо жить с одной рукой. Ему, впрочем, ехать недалеко, в Покров, часа три езды, а со станции 6 верст до Покрова, да потом еще 6 верст до деревни своей. Из команды отпустили даже без перевязки для парализованной руки. Маша смастерила перевязку из большой тряпки, накормили его, напоили и отпустили домой... Конечно, бывает и хуже. Все-таки жив и только без одной руки...

А у Новоселова совсем горе. Оказывается, что его мать (Капитолину Михайловну) советуют поместить в психиатрическую лечебницу. Она расстроилась, оказывается, из-за Григория Распутина! Мерещится ей, что он может или должен чем-то повредить ее сыну (Михаилу Александровичу)... Говорят, впрочем, что у нее уже было раз аналогичное расстройство, из-за которого она лечилась в психиатрической лечебнице.

Сколько на свете несчастья, прямо счету нет!

22 октября

Были у меня Кисловский и Сучков.

У Новоселова очень нехорошо.

Здоровье матери не улучшается, а ухудшается. Боятся даже, что расстройство примет буйный характер. Нужно бы поместить в санаторию, а сам Новоселов заболел и лежит в постели. Сильная инфлюэнция, с ангиной.

На театре военных действий полная безотрадность. Мы стоим на месте, еле отбиваясь от немцев. Французы и англичане на своем фронте — в таком же положении.

Немцы и болгары завоевывают Сербию, и союзники не в силах подать помощь. Пожалуй, кончится тем, что уничтожив сербов, немцы с болгарами уничтожат и англо-французов. На Дарданеллах, по-видимому, оставлены всякие попытки форсирования. Мы абсолютно ничего не можем сделать болгарам... Чем это кончится? Победа Вильгельма с каждой неделей становится все более несомненной. Весь вопрос лишь в том, насколько Германия обессилена досель войной?

24 октября

Сегодня заходил Букртев (Николай Владимирович), приехавший в Москву по ликвидации интендантства Брест-Литовска из Орла, где находится по этому же делу. Жаль, что не застал Катю, свою приятельницу давних лет. Она была дружна с детства с Букртевыми.

Читаю теперь по еврейству в Библиотеке Греца, а дома разные дополнения (Флавия[216] и т. п.). Какая то тоска охватывает. Сила страшная, и в то же время чужая, какая-то нечеловеческая психология, весь склад душевный — не наш. И глубочайшее, убежденное презрение ко всем не евреям, глубочайшее убеждение в своем неминуемом господстве[217]. Что за удивительный народ, без всякой аналогии в истории человечества!

25 октября

Сильный холод — от — 6° до — 9°. В первый раз надел шубу, и тяжело ходить.

Приехала по делам Надя.

Коля, простудившись, уже три дня не выходит, и боится выйти еще и завтра.

26 октября

Ужасное состояние: кашель несколько дней + полный запор. Клизмы не действуют.

Какое-то прекращение движения экскрементов. Даже страх берет. Слабительное (Cesar) принимал 22 окт[ября], и очень плохо подейст-

вовало. Давно не испытывал ничего подобного. Уж не конец ли мой приходит? Но это очень неприятный конец...

29 окт[ября]

Надя уехала в Посад.

Я отправил письма 1) С. И. Матвееву, 2) Рухлову[218], 3) Кривошеину.

31 окт[ября]

Сегодня приглашал на чай Кологривова, но погода ужасная: туман, дождь моросит, вода от талого снега. Не пошел, тем более, что, вероятно, скучища.

Замучили меня кишки. Уж и не знаю, что будет.

Дороговизна донимает. Скоро нельзя будет жить. А тут новое горе. Павел Павловский попал в плен, и просит у матери 50 рублей. Ну, конечно, какие у ней 50 рублей? Пришлось сказать Наде, чтобы послала. Нельзя оставить пленного, и вот — такой непредвиденный серьезный расход...

Вообще — невеселая жизнь.

В библиотеку ходил все же. Читаю Греца, [«]Историю евреев[»]. Скверно написана и еще хуже переведена.

1 ноября. Воскресенье

Заходил кн. Ширинский. Вообще, поправился, хотя все же похудел. Занят только текущими делами — собором в Бари, Палестинским обществом[219], Обществом возрождения русского искусства. От политики устраняется... нынче чуть не все порядочные люди отходят от нее. Не привлекательна.

Вечером был у Сидорова. Там был также председатель Сидлецк[ого] окр[ужного] суда, который рассказывал весьма печальные воспоминания от наших военных действий, к которым присмотрелся за годовое пребывание при Главной квартире. Он говорит, что нашел — военные власти за неделю вперед не предвидят крупнейших событий и планов неприятеля. Он практически видел то, что я здесь усматривал теоретически, по газетам, т. е. что ход военных действий зависит всецело от неприятеля (немцев). Так, например, будет ли взят Двинск? Будет, если это в планах Вильгельма, а если нет, то и не будет взят. Мы лишь следуем за движением неприятеля.

Рассказывает также, что наши войска сдаются бессовестно. Бывало, что целые части, рота, две — самовольно уходят к неприятелю и сдаются. Он прямо отказывается давать деньги на пленных, и заявил барышне с кружкой: «Пленные получили то, чего хотели. Я берегу свои деньги для солдат на фронте».

Быть может, это несколько пессимистично, но ход войны показывает, что тут много вопросов.

А в Петрограде делается какая-то слякоть. Роль Распутина огромна. Волжин[220] знается с ним. Хвостов (внутр[енних] дел) тоже знается. Без Распутина не проживешь. Странны некоторые назначения Хвостова, напр[имер], Неверова (департ[амент] земских дел), «очень неустойчивый нравственно», как выражаются (в денежном отношении).

2 ноября

Приехали Мама, Катя и Надя с горничной. Надя — чтобы способствовать переезду Мамы. При нынешнем ослаблении Мамы — перевести ее — нелегкая задача. Пришлось выслать ландо, 10 р[ублей], а всего перевозка обошлась 20 р[ублей] с лишним. Ну все же, кажется, переехали благополучно.

3 ноября

Надя уехала в Посад. Приезжала — кто бы мог подумать? — Маша Разумовская! Свалилась будто с Луны. Оказалось, что по неприятному обстоятельству едет в СПб. Ее внука, пошедшего из Корпуса в строй, раненого и получившего Георгия, теперь не хотят принимать обратно в корпус. Маша теперь хлопочет в Петрограде.

При всем сожалении к ней, было, конечно, в высшей степени приятно повидаться. Она пробыла у нас часов 8–9.

4 ноября

Опять неожиданный гость: Александр Андреевич Андреев. Он получил отпуск на 2 недели под видом командировки. Уезжает уже через день, но вот спасибо ему, зашел. Вид очень хороший! Он (Самогитский полк) стоит под Барановичами, куда отошли от Ченстохова. Рассказы его не очень-то веселы. Крайне неблаговидное поведение «опытных» офицеров, крайне несправедливое назначение наград. Множество солдат сдаются: уходят партиями (на разведку, например) и сдаются. Орудий мало и недальнобойны. Ружей не хватает. Снарядов теперь достаточно.

Печальную известность получил пехотный полк Киевский. Убегают систематически при всех атаках неприятеля. Их так и зовут «беглецами». Один только раз не убежали, потому что сзади были орудия, чтобы их расстрелять в случае бегства.

Общий дух в армии (это армия Эверта), однако, бодрый.

Сам Андреев находится все время при обозе, и развозит пищу фронту полка. Положение относительно безопасное, но зато до сих

пор не произведен. Все остается кандидатом. Впрочем, имеет на георгиевской ленте медаль за уничтожение фуража.

Вообще при отступлениях уничтожается бесчисленное множество продовольствия и всяких предметов. Вполне маньчжурская картина.

8 ноября

Коля уехал в Посад. Я тоже собираюсь навестить Надю, которая конечно скучает. Но — как поехал Коля, то могу сначала попытаться закончить чтение «Истории евреев».

9 ноября

Отец Иосиф теперь в глазной больнице. Вчера (воскресенье) ему Гальвин делал операцию глаза. Кажется, слава Богу, операция удачна, но все-таки положение в высокой степени тяжелое. Несколько дней он должен лежать в полутемной комнате, с завязанными глазами, не шевелясь и даже не разговаривать. Потом, в несколько смягченном режиме, оставаться еще около 10 дней в больнице, и еще 12 дней в темной комнате — дома.

Евгения Сергеевна пока совсем живет с ними, это, конечно, все же нравственно должно ободрять. Уж хоть бы Господь спас его глаз.

Кругом бедствия: у Новоселова мать все не поправляется, и он живет у знакомых, потому что в его присутствии она становится более беспокойна. С ней живет Маруся Фудель. Вряд ли ей-то самой же полезно. Новоселов, по-видимому, в очень удрученном настроении... По-моему, было бы правильнее ее поместить в Санаторию, чем его изгонять. Но вмешиваться в чужие дела, роль деликатная, весьма трудно.

Что делается на войне? Не разберешь. Ни вперед, ни назад. Видно, наступление не входит в наши планы. Государь зачем-то поехал в Одессу.

Но ведь там собирается какая-то армия (7-я) для Болгарии. В Одессе ли, или где-то близко — не знаю. Непонятно, как она может идти? Неужели же через Румынию? В десант мне совершенно не верится, да еще в период морских штормов... А в то же время по газетам Вильгельм Немецкий едет в Константинополь... Уж неужто он поехал бы, если бы верил в русское вторжение в Болгарию? Да притом я совсем перестал ждать от нас смелых планов... а в случае смелости у нас выходят жестокие разгромы. Неприятное время какой-то тяготы, беспросветности.

Не посылает нам Господь человека, спасающего, и настроение как-то увядает. В успешность борьбы нет никакой веры.

Рассказывали, что в митрополиты Киевские, на место Флавиана, назначается Антоний Храповицкий[221]... Я обрадовался: «значит не будет передвижки столичных»...

— «Погоди радоваться, говорят мне: еще Волулин не ездил в Ставку»... Что-то скажет Ставка?

В публике ходят слухи, что Владимира двинут в Киев, Макария — в Питер, а в злополучную Москву — распутинского Варнаву.. прямо — святотатство!

13 ноября

Был у о. Иосифа в глазной больнице. Операция левого глаза сделана очень удачно. Он лежит полусидя. Правым глазом смотрит; левый забинтован. Вполне бодр и даже весел. Слава Богу!

Может быть испытания его и семьи кончились. Впрочем, он еще дней пять должен пробыть в больнице, да потом еще и дома дней десять глаз должен быть завешен. Но это уже все пустое.

14 ноября

Вера уехала в Зосимову Пустынь.

Вечером был у Кологривова. Народу было на сей раз очень много, но мы с Фил[иппом] Петр[овичем] Степановым убежали до сообщения проф. Байкова о Балканском вопросе... Просидел все-таки два часа... Нужно сказать, впрочем, что неприятно нынче и ходить в публику. Непременно слышишь что-нибудь мерзкое. Так говорят, — что румыны согласны пропустить нашу армию в Болгарию, и что им за это уже обещали отдать Бессарабию! Растрачиваем все, что собирали деды... Несчастная наша Россия. Еще рассказывали, что немцы нарочно заражают наших пленных, прививают туберкулез. А пленных наших у них 2 миллиона! Не мерзавцы ли... Так бесстыдно сдаваться... У нас пленных только 1 мил[лион] 300 тысяч, да и то огромное большинство австрийцы. Немцы не сдаются. Прогнила Россия, и народ совсем плох стал. Сидишь дома, по крайней мере не слышишь этих подлостей.

18 ноября

В воскресенье 15 ноября я уехал в Посад, где застал Колю, который уехал в Москву 16-го утром. Вера приехала в Посад из Зосимовой тоже 15-го к вечеру, так что вечером мы были все — Надя, Вера, Коля и я. Вера уехала в Москву 16 к вечеру. Я оставался в Посаде до нынешнего вечера, и приехал обратно в Москву в 7 часов вечера.

В Посаде я был на 40-дневной панихиде по А. В. Круглову, был также у Преподобного, т. е. только прикладывались, а уже молебна не служили. Был с Надей. Теперь значит она осталась одна. Но я рад,

что при мне все-таки поставили в доме новую стойку, и перенесли из флигеля несколько сотен книжек [«]Русской старины[»], [«]Истор[ического] вестника[»][222], [«]Revue de deux Mondes[»]. Так что ей есть хоть что читать. Впрочем, она рассчитывает заняться также варкой варенья.

19 ноября

Приехал Шечков, был у меня. Вечером первое собрание у Новоселова[223]. Читал Дурылин[224], был и Шечков. Вечер очень интересный.

20 ноября

Сегодня — к своему неудовольствию обедал в [«]Праге[»]. Кологривов просил познакомить его с Шечковым, и назначил для этого свидание в неизбежной [«]Праге[»]. Пришлось пойти. Там были Кологривов с Кисловским и я с Шечковым. Они остались все очень довольны друг-другом. Но за это удовольствие я оставил в ресторане пять рублей.

Шечков оттуда отправился домой, чтобы забрать вещи и проследовать на Николаевский вокзал.

Впрочем, сегодня были в газетах слухи, что открытие Думы будет отложено до января.

Теперь идет агитация «монархических организаций» для съезда в Нижнем Новгороде, вероятно, под сенью воспоминаний о Минине[225] и Пожарском[226], — в целях спасения России от «левых». Орудует этим неутомимый Тиханович-Савицкий. Оказывается, что приглашение получил и Кологривов с просьбой набрать членов для съезда. Получил приглащение и я, — несмотря на то, что уже раз ответил им о своем полном отстранении от политики. Понятно, приглашают и Шечкова. Но Кологривов приходит в ужас от одной мысли спутываться с этими господами. Шечков тоже, конечно, не поедет. Ну само собою разумеется, что я не только не поеду, но и говорить-то с ними не хочу...

Несомненно, что «левые» эксплуатируют военные затруднения правительства для новых политических завоеваний в области русской государственности. Но я, во всяком случае, в политику больше не намерен вмешиваться. С гг. Дубровиными[227], Востоковыми, Орловыми, и пр. и пр. я не могу иметь дела, да и со всеми прочими точно так же. Правительство таково, что с ним уже вовсе немыслимо иметь дело. И наконец, я физически не в состоянии участвовать в какой бы то ни было жгучей, напряженной деятельности. Потерять зрение неизвестно зачем — это слишком нелепо. Мое сочинение — поглощает все мои силы и работоспособность, и я ни в чем не могу быть полезным, кроме разве этой работы. Может быть, и из нее не выйдет никакого

толку, но во всем остальном уже не «может быть», а наверняка я не могу ничего нужного сделать.

Впрочем, с этой распущенной толпой всевозможных «союзников», полагаю, не только я, но и гениальнейший человек ничего бы не мог сделать.

Бог с ними...

Ведь какое свинство сделал тоже в своем роде «правый», Вас[илий] Мих[айлович] Скворцов. Ни с того, ни с сего опубликовал в своем «Колоколе»[228], что истинным виновником отлучения Л. Н. Толстого[229] от церкви был священник Иосиф Фудель, который об этом написал ему, Скворцову, а Скворцов доложил о настояниях Фуделя Победоносцеву. Победоносцев, дескать, сначала не хотел, но потом поддался фуделевской идее...

Разумеется, такой «донос» подхвачен газетами, и на Фуделя посыпались ругательства. А он только что выдержал операцию глаза и нуждается в полном спокойствии. Вместо того — в доме у них тревога, волнение. Сегодня уже приходил какой-то интервьюер из [«]Утра России[»], которому Фудель давал почти что «показания» по сему делу. Он, несчастный, привык к общему уважению, и влачение в уличной грязи для него — нечто ужасное... Вот, пожалуй, все труды проф. Гальвина, по операции глаза, пойдут прахом.

Интересно бы знать, зачем Скворцов выкинул эту пакостную штуку? Неужто в «оправдание» Победоносцеву? Но какое же это оправдание? Ведь Фудель был очень маленький молодой священник, и Победоносцев конечно не мог действовать под его влиянием. Да притом, в чем и «преступление»? Ведь Толстой, яростный ругатель Церкви и совершенно нехристианин, совершенно сам ушел из Церкви, и его отлучение было простым констатированием факта.

Ужасна наша интеллигентная толпа со своими газетными представлениями. Шум, скандал, гонорар — вот «собственное мнение». **Несчастный** отец Иосиф.

Приписка. Оказывается, что о. Иосиф нисколько не несчастный, и отнесся к этому делу совершенно спокойно. Вполне умно. А гвалт подняла собственно Евгения Сергеевна, да и то скоро стихла.

22 ноября

Приехала Надя к Катиным именинам, и даже привезла с собой своего Руську[230].

От Тихона письмо. Неприятные известия. Все время жил очень скверно. Сначала были волнения в семинарии, а потом умер почти скоропостижно семинарист от поноса и рвоты, а инспектор не послал за вольным доктором, и Тихону не доложили до самой смерти

воспитанника (несколько часов). Семинарский же врач не явился на зов. Бактериологического расследования трупа не сделано.

За все это доктора прогнали, а о. Тихону и инспектору дан строжайший выговор, хотя в сущности Тихон не виноват, ибо ему инспектор не донес о болезни. Теперь говорят, что причина смерти — холера.

Очень неприятная история. Вообще бедняге Тихону очень плохо живется.

24 ноября

Именины Кати. Служили молебен с водосвятием. Молебен — очень хороший, без пропусков около часа.

Были у нас Евг[ения] Сер[геевна] Фудель, Алек. Павл[ович] Георгиевский, И.М. Мичурина, Ольга Ивановна из Посадского Красн[ого] Креста, — совершенно неожиданно — барон Нольде[231], Антонина Георгиевна Георгиевская. К вечеру пришли З.И. Лаврова и Григ[орий] Петр[ович] Георгиевский. Так что, слава Богу, день Катина Ангела прошел по-праздничному, по-христиански, и со светлыми впечатлениями.

Помоги, Господь, тоже нашему бедному Тихону.

25 ноября

Надя уехала в Посад. Был у меня Турбин, Владимир Михайлович. Через него я надеялся добыть знакомства с евреями для проверки тех соображений, которые у меня составились из чтения о еврействе. Ну кажется, ничего из этого не выйдет.

Ну, а что сказать о русских делах?

Думу не собирают. Отложена на неопределенный срок.

Зато идут «монархические» съезды. В Петрограде, уже и кончился. Его «резолюции», пожалуй, и недурны. Но он возглавлен «бывшими министрами», Щегловитовым, Маклаковым, Макаровым[232]. Чего они желают? Макаров, вероятно, ничего. Щегловитов, вероятно, видит тут путь к власти. [«]Русское слово[»] сообщает, что на частном совещании президиума съезда, т.е. при председательстве Щегловитова, признано желательным возвращение к портфелям прежних министров (т. е. Щегловитова и Маклакова), и что это решено довести до сведения высшей власти. Это, если не ошибаюсь, беспримерное в Истории выдвигание самого себя.

Даже, вообще, глупо. Но правда ли?

Как бы то ни было — в государственном отношении мы живем «усмотрением». Если бы оно было в руках крупных людей, то это было бы еще не худо. Но в данных условиях — странновато. А впрочем, это не важно, как все не относящееся к войне.

А на войне — на фронте все без движения, и все мысли правительства, по-видимому, направлены на Болгарию. Тут происходит нечто мне не нравящееся.

По-видимому, 350 000 армия уже проходит в Румынию, и к концу ноября должна быть в Болгарии. За это, говорят, Румынии отдается Измаильский уезд, а румыны требуют еще и Хотинский. Это свинство! Растрачивают государственную территорию, как свое частное достояние! Это, во-первых. Во-вторых, я думаю, что самое движение армий туда — без смысла.

Армия попадет, допустим, в северную Болгарию. Что дальше? Что она может делать? На Константинополь, через Балканы, ее не пропустят, и на этом пути нужно будет еще 350 000, и бесчисленное множество снарядов, — и это все в обессиление русского фронта. На Сербию ударить тоже нельзя: не пустят. Значит, мы только создаем себе новое место траты сил, без вреда для немцев.

А к весне немцы снова ударят внутри России и — не отберут ли еще новый десяток губерний?

И в этом новом театре войны мы следуем желаниям немцев. Это не своя идея, это не удар неприятелю. Это ослабление себя, чего, может быть, только и хотели немцы достичь своим движением на Сербию. У них везде инициатива. У нас везде действие, сообразованное с немецким. Маньчжуризма чистой крови. А для этой, боюсь, бесцельной, ничего не обещающей войны в Болгарии, мы отдаем Бессарабию, оставляем во власти немцев 17 своих губерний, и обесславливаем себя на фронте единственно важном.

Мне все это представляется самым печальным проявлением нашей неспособности, военной, дипломатической и вообще политической.

Конечно, положение Сербии ужасно. Но энергическое движение на Варшаву сделало бы для отвлечения немцев от Сербии гораздо больше, чем бесполезное пребывание наших войск в северной Болгарии.

26 ноября

Катя уехала в Посад с намерением вместе с Надей, съездить в Зосимову Пустынь.

30 ноября

Заезжал Шечков из Петрограда. Новостей особенных никаких. Полагает, что в январе Думу все-таки соберут. В отношении войны в Петрограде от уныния перешли к уверенности, что весной будет успешное наступление на немцев. Почему? Никаких особенных оснований.

Для Болгарии по слухам уже сформировано 500 000. Но когда пустит Румыния? И потом — за это отдавать значительную часть Бессарабии. Вспоминать даже тошно и досадно. Сербия же уже погибла, и башибузукски вырезана болгарами.

Думаю, что ничего не выйдет из этой экспедиции, кроме ослабления нашего фронта в пользу не нашего, а немецкого наступления весной. Шутка сказать — 500 000 снабженческой армии! Да ведь если бы это двинуть на Вильну и Варшаву, в дополнение к имеющимся силам, так всю Германию бы всполошило. Обидно, как умен этот негодяй Вильгельм, и как глупы мы с французами и англичанами.

1 декабря

У меня уже больше месяца не было припадков в жару, и я было стал надеяться... но сегодня опять появились удары. Катя с Надей возвратились в Посад из Зосимовой, но, к сожалению, Катя застудила горло. Ну авось, Господь поможет. У бедняги Новоселова — худо. Мать все ухудшается. Все ей шпионы мерещатся. Говорят, бегала с ножом за котом, в котором должно быть заподозрила шпионство. Новоселов, по мне, неосторожно поступил, не поместив ее в больницу. Он, говорят, боится, что это на нее тяжело подействует. Но, во-первых, это еще вопрос, она, может быть, и сейчас подозревает себя вроде как в больнице, а во-вторых, худо будет, если руки на себя наложит или кого-нибудь пырнет ножом. Страшное испытание для несчастного Михаила Александровича. Уж хуже ничего и не может быть.

Зато у отца Иосифа все прошло благополучно.

Сегодня у меня тяжелый финансовый день. Платим за квартиру, да прочие платежи, всего и вышло 600 рублей. Да еще у Кати с Надей платежи в Посаде, не знаю еще кому, а пожалуй, даже не меньше 100 р[ублей]. Довольно тяжело изворачиваться.

2 декабря

Был у Гр[игория] Александр[овича] Рачинского[233]. Он имеет большие знакомства с евреями, и вообще занимается еврейством. Поэтому мне хотелось проверить свои взгляды, и узнать у него что-либо новое. Но разговор и характеристики его очень интересны, а нового — ничего. Никакое глубокое сближение с ними, очевидно, невозможно.

Катя откладывает свой приезд, потому что ее простуда не проходит. Но у них там и тепло, и удобно. Пусть посидит. А я вот сам чувствую нечто вроде простуды.

3 декабря

После долгого перерыва, сегодня был в библиотеке, заказал книги и читал. Строго говоря, следовало бы сначала доделать начисто

последнюю главу «Языческой эпохи»... Но истощился в писании... Если Бог даст, то м[ожет] б[ыть], в воскресенье это сделаю, а тогда полезно почитать перед предстоящей скоро потом эпохой гнозиса. Да и для Ветхозаветной церкви не худо еще раз подумать, почитать. Заказал себе евреев, Платона[234], историю. Нужно будет также почитать Философумена.

Казалось бы, никому не нужна эта моя работа. Но я ею занимаюсь охотно, как если бы в ней был смысл. А вот наши общественные дела, и политические, в которых стоит на карте не только жизнь десятков миллионов людей, но и судьбы всех стран, в том числе России, — все это едва просматриваю в газетах. Не хочется ни говорить, ни думать. Все это начинает принимать вид какой-то неслыханной и невиданной всемирной международной кровавой бессмыслицы. Невозможно себе даже представить, что выйдет из этой бойни, и кажется наиболее вероятным, что ничего не выйдет. Нечто непостижимо глупое со стороны всех держав, кроме может быть Германии, которая по крайней мере умно исполняет безумное дело. Но что сказать о **нас**? Теперь я уже ясно вижу, что мы с самого начала были нелепы и бездарны, как в смысле правительственном, так и в смысле военачальственном. Все эти нелепые походы за Карпаты, неумение составить план активного действия (т. е. через Польшу на Берлин) — все это, окончившееся позорной сдачей 8 крепостей и 15 губерний — это testimonium paupertatis*. Что будет с такими способностями во всем? Наши опять говорят глупости о наступлении. Я буду считать счастьем, если на весну германское наступление не возьмет у нас еще 10—15 губерний.

А все эти не менее глупые экспедиции в Дарданеллы, в Салоники! Исход показывает, что все было скверно распутски. Теперь — такая же чушь будет наш поход на болгарскую границу. Вильгельм, вероятно, рад стянуть туда 500 000 русских, к которым придется потом прибавить еще 500 000, чтобы не допустить хоть отрезать себя от России. Румыния тянет переговоры, пока Болгария (т. е. Германия) не превратит Добрушинскую границу в сильнейшую крепость. И вот мы засядем в Добруши в «позиционную войну», и к весне Вильгельм ахнет нас в Двинск, в Минск, в Житомир, где у нас не будет хватать миллиона войска, завязнувшего в Добруши...

Какое бы было счастье, если бы Румыния отказалась пропустить нас! Но, наверное, Вильгельм разрешит после подготовки болгарской границы.

Ведь все это нечто фантасмагорическое, похожее на сон, не реально. И что об этом думать? Ведь нельзя помочь, нельзя глупых сделать умными, малодушных великими духом. И если бы это мог сделать

---

* Свидетельство обнищания (*лат.*).

какой-нибудь провиденциальный гигант, Петр Великий, то я-то что могу? Я могу только видеть, как Кассандра[235], и как Кассандра ничего не могу сделать.

И вот почему — стараюсь как можно меньше думать об этом.

Вижу, вижу — окрылена
Мчится гибель на Пергам...
...
Все великое земное
Разлетается как дым,
Нынче жребий выпал Трое —
Завтра выпадет другим...[236]

Он выпадет, м. б., и немцам. Но что мне в этом, когда Россия уже будет сброшена в ничтожество.

О Русь, забудь былую славу!
Орел двуглавый сокрушен,
И детям немцев на забаву
Взяты клочки твоих знамен[237].

Я был слеп. Я не видел страшной внутренней гнилости России. И она — и теперь — не воспрянет в покаянии, как было в 1612 г., а еще дальше уйдет от Бога.

Что же думать об этом? Только мука, которой уже не выдерживает сердце. Молиться, чтобы Господь помог, вразумил, одухотворил, спас нас. И ничего больше не могу сделать.

5 дек[абря]

Катя приехала из Посада. Завтра Колины именины. Надя не приехала по хозяйственным заботам. Там опять дрова нужно покупать, а дровяная спекуляция захватила и мужиков. Можно и вовсе остаться без дров. Это возрастание расходов нагоняет, наконец, страх, тем более, что и правительство дерет шкуру... А из-за чего? Какие результаты? Все, что с нас сдирается идет в карманы тем же спекулянтам русским и иностранным. Очень боюсь, что мы истощимся гораздо раньше Германии. На войне же немцы всех бьют, и становятся все сильнее.

6 декабря

Колины именины. Прошли тихо, конечно были Еленевы и молодой Мичурин. Теперь (ночь) Коля с Верой отправились в театр.

Катя только теперь сообщила, что отец Алексей Зосимовский с большим интересом относится к моей работе (о борьбе за Царствие Божие), и сам ее стал расспрашивать о ней, как мол идет? Это, конечно, очень приятно... Но есть ли мне Божье благословение на эту

работу? Если да, то мне кажется мой авторский путь должен бы быть для меня более ясным, чем он есть. Никак не могу свести концы с концами и уловить с ясностью то движение мировое, которое мне чуется. Чуется: этого вовсе недостаточно для того, чтобы писать для людей, хотя, м[ожет] б[ыть], и достаточно для своего личного обихода. И вот это бессилие выяснить историческую идею — меня приводит в уныние и сомнение.

Я поражен этим же маразмом, как и Россия. У меня, допустим, от старости, а у ней?

Теперь у меня еще есть одна проба для России: как решат вопрос о суде над Юсуповым и Адриановым? По-моему, политически-национальный гений требовал бы решения, так сказать, вне юридического, а именно:

1) Посмотреть на майские погромы, как на явление психически-стихийное, вызванное войной, а следовательно, признать происшедшие от них бедствия, как несчастье.

2) Вопрос о возмещении убытков, в связи с этим, решить принятием на счет казны расходов, имеющих задачей не возместить убытки, а помочь пострадавшим стать на ноги.

3) Юсупова и Адрианова признать не подлежащими суду (особенно потому, что прибегнуть к военной силе и пальбе было очень опасно до тех пор, пока движение антинемецкое не превратилось в хулиганское; войска могли отказаться стрелять в защиту немцев. А против хулиганства войска были выдвинуты)

4) В исках отказать.

5) Назначить комиссию по помощи пострадавшим.

Так, по-моему, должна бы поступить власть, способная стоять во главе народа и на защите России от Германии.

Как поступит Сенат и наша власть? Вероятно, по всем пунктам наоборот, нарушив истинную справедливость, деморализовавши администрацию, и воодушевивши немцев сознанием бессилия России выбиться из-под их господства.

Я не защищаю безобразий и даже не защищаю, так сказать, «регулярных» погромщиков. Но юридическая норма приспособлена к обычному, среднему состоянию умов, а не к такому вулканическому извержению народного негодования и отчаяния, как было в майские погромы.

Как рассудит Сенат и наша власть? Я думаю — совершенно наоборот, и еще раз подорвет себя в народном чувстве.

7 дек[абря]

Сегодня был у Мичурина, чтобы составить лист заявления в город. Присутствие в госуд. налоги. Видел его самого, и это хорошо что я

был, — в первый раз за все знакомство. Но скверно то, что вышел в ватном пальто, а ударили морозы с сильным ветром, я же вынужден был ехать на извозчике и насквозь промерз. Не знаю, что из этого выйдет.

8 декабря

Был Сергей Иванович Матвеев. Поздоровел, смотрит прямо гренадером, с истинно военной выправкой. Очень много он передумал на войне, созрел в развитии. Много, конечно, интересного рассказал, но вообще не веселый.

9 дек[абря]

Сегодня звонился Ювачов Иван Павлович. Он приехал по делам службы (сберегательные кассы) и вспомнил обо мне. Говорит с удивлением, что ничего обо мне не слышит, ничего моего не читает нигде, вообще, что я куда-то скрылся, хотя «в такое время» мой голос «был бы нужен России». Голос, можно сказать, с того света. Я его просил заходить. «Помимо всякой России, хотел бы Вас повидать», — говорю ему. Он обещал, но вот сегодня так и не зашел. Жаль, с удовольствием бы повидал, хотя фраза насчет моего голоса — «нужного России» — «в такое время» — совсем не похожа на него, прежнего. Пахнет петроградской пошлостью. Разве настоящий Ювачов может не понимать, что не только мой, но и какой угодно голос, и именно «в такое время» — никакого значения не имеет?

России нужна Божия помощь, и если бы Господь пожелал ее дать, — то послал бы России власть. Никаких «голосов» не требуется, и ничего кроме вреда они не могут принести — пока нет власти честной, твердой и несколько умной.

Вот вчера Сергей Иванович и не подумал сожалеть, что я ничего «не делаю», а только мельком, дружественно заметил: «Ну я рад, что Вы немного отдохнули, а то уж очень замотались за редакцией». Совершенно правильная точка зрения. Теперь люди нужны — на работе — на фронте, на обслуживании ли фронта. Газеты, конечно, нужны, но они и ведутся худо ли, хорошо ли, а вообще патриотично. Я тут не нужен, а на работу по большей части не гожусь по дряхлости. Распорядительного места не имею, и никто не даст. На них много желающих. В общей сложности — мне нечего делать, и оттого, что я «ничего не делаю» Россия не малейшего ущерба не имеет.

Скорей можно бы пожалеть, что у меня плохо идет моя «Мировая борьба». Но, кажется, я (мой «голос») и тут не очень состоятелен. А с другой стороны, будущее неизвестно. Как знать? Может быть, в весеннее наступление немцы заберут Москву и всех нас, и вся моя «Мировая борьба» сгорит или разлетится по листочкам, так

что может быть и стараться не из чего. Ах время, время, ужасное время. Думал ли я когда-нибудь о возможности завоевания России немцами? А теперь не поручишься. Уж не говоря о генералах — даже и просто ружей нет. На фронте и по сейчас много солдат не имеют ружей...

Рузский вторично уволен от командования. Репортеры пишут, что действительно болен[238]. Вот наши военачальники — не хватает даже простой органической силы. У немцев не заболевают и не истощаются.

Да, только Бог и мог бы помочь нам.

10 декабря

Наступили неприятные морозы. Сегодня — 18° — и довольно сильный ветер. В Посаде, сообщает Надя, сегодня — 25°. И не похоже, чтобы погода намеревалась переходить к теплу. А дом наш отапливается скверно. Как нарочно, недавно неопытный новый истопник испортил трубу, и стали топить скверно.

Я не отметил отзыва Матвеева о пленных, сдающихся. Он вообще вовсе не идеализирует солдат. «Они и порядочные люди, говорит он, они и мерзавцы: у них это как-то вместе соединяется. Все зависит от начальника». Но что касается отдающихся в плен, то надо принять во внимание, что это люди, изнемогшие от усталости, голода, бессонницы, потерявшие действие всех чувств, одуревшие. Ему хоть умереть сейчас, хоть в плен, единственное желание упасть и заснуть. Вот каких больше забирают в плен, или какие «сдаются».

Думаю, что Матвеев слишком обобщает это явление, и что есть, к сожалению, гораздо худшие сдачи в плен. Но во всяком случае, то, на что он упирает, конечно, должно принять во внимание. Матвеев и наблюдателен, и правдив. Он ничего, самого даже печального не скрывает ни от себя, ни от меня.

Как он смотрит на будущее? Сам не знает. Допускает, что немцы и опять погонят, и до самой Москвы дойдут. А может быть, надорвались и мы возьмем верх. Одним словом так же ничего не предвидит, как и мы здесь. Должен, впрочем, заметить, что он уже 2 недели в командировке, так что «фронтовой» дух уже утратил, и обонялся здешним духом. Тем не менее я сомневаюсь, по его рассказам, чтобы на фронте была особая уверенность в победе. Да и не с чего ей быть. Я же считаю победу даже совершенно невозможною, — если, конечно, Господь не совершит чуда. В пределах человеческих сил немцы сильнее всех союзников вместе взятых. Они и умны, и более энергичны, и более обильны средствами.

Теперь наши министры, по крайней мере Горемыкин, Барк[239] и Хвостов внутр[енних] дел — в своих объяснениях держатся тона силь-

ной власти. Что очень хорошо, как формула. Но в смысле дела, этой сильной власти очень часто нет. Хвостов говорит — «трудно управлять голодными», но урегулировать продовольствие он не может, п[отому] ч[то] этим занято другое учреждение... Допустим. Но где же сильная власть? У нас не вооружена армия. Конечно, это стараются исправить, но в какой мере успевают? Мы этого не знаем, а видим только толпы солдат без оружия. И пока мы это видим, до тех пор не видим сильной власти. Хвостов говорит: «Все для войны, и ничего другого я не допущу». Это превосходная формула. Но как же идет война? Он говорит: «Все для войны», а я скажу — «все от войны». Какова война — таково и все в стране. При слабой войне — нет сильной власти. Что станется от этих пышных формул, если немцы захватят весной еще ряд губерний и даже... это «нервную», как он выражается Москву?

Конечно, Хвостов все-таки хорошо делает, что произносит фразы о сильной власти. Но они меня бы утешили только тогда, если бы у нас была сильная власть.

Кстати сказать, Шечков передавал петроградские слухи, что поворот к «твердой власти» идет не от Горемыкина или Хвостова, а от Государя, который почерпнул это настроение на фронте. Это было бы, конечно, очень хорошо, только под условием прочности настроения. А эта прочность, вероятно, всецело зависит от успешности военных действий. Все зависит от войны.

11 декабря

Коля уехал в Посад заниматься.

От Шечкова получил по почте важную книгу S. Karppe Etude sur les origines et la nature du Zohar*[240]. Но зато — разочарование: в присланном о. З. И. Соловьевым экземпляре [«]Правосл[авного] обозр[ения»] за 1871 г. — именно приложений и не оказалось. А я хлопотал только из-за приложений св. Ипполита Философумена.

Я уже было так обрадовался, что нашел их, и вот опять остаюсь ни с чем.

Мною опять овладела хандра. Отчасти этому способствуют морозы, мешающие выходить. В библиотеке нельзя заниматься поэтому. Дома, конечно, можно, но мне нужно именно те книги, которых дома нет. Притом — нельзя же читать целый день, глаза болят, а механических дел нет.

12 декабря

В нынешнем [«]Русском слове[»] (от 12 дек[абря]) читаю:

---

* Учение о происхождении и природе Зогар (*франц.*).

*АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕЙДГАРДТ**

волею Божией скончался в субботу, 5-го декабря, в 5 ½ час. утра в Петрограде, Кирочная, дом Алексея Борисовича Нейдгардта. Погребение в селе Кленове, Подольского уезда, Московской губернии.

Жалкое объявление на 6 строк, и с таким опозданием: умер 5, объявление 12. Не подогнано ли к похоронам. Что за Кленово? Не знаю. Не имение ли других Нейдгардтов? У покойного, кажется, не было недвижимости, да и вообще ничего, кроме пенсии.

Хотя я никогда в глаза не видел Алексея Бор[исовича] Нейдгардта[241], однако послал ему просьбу — ознакомить меня с обстоятельствами кончины моего старого, дорогого Алексея Александровича. Он, конечно, еще старше меня, но мы с ним постепенно сошлись до дружбы.

Еще одна могила. Уже давно мир для меня похож на кладбище. Почти нет живых, почти все умерли, и... почти все умерло, что любил, чем дорожил, чем жил. Теперь еще одна могила.

Вероятно, его смерть ускорена изгнанием из Новой Лаврской гостиницы. Он тут поселился с незапамятных времен, при старом Лаврском начальстве, при покойной Кротковой, богатой благотворительнице. Она была его другом много лет до самой смерти. Церковь в основанном ее приюте на** стала церковью Нейдгардта. Лавра была его родным центром. Его квартира в гостинице постепенно приспособилась к нему, как и он к ней, и для него была очень удобна. Комнат было, кажется, две, но большие, с огромной прихожей, да еще комната для прислуги. Питался тут же из ресторана. Вообще обжился, врос в свою квартиру и в Сергиев Посад. И вдруг Новую гостиницу берут под военный лазарет. Всех обитателей изгоняют. Так изгнали и Круглова, который был болен, и которого надорвал переезд в Старую Лаврскую гостиницу. Расстояние, конечно, шагов 100, но дело в укладке и раскладке. Болезнь его ухудшилась, и он умер с месяц спустя.

Алексею же Александровичу Нейдгардту сверх того дали, говорят, плохую комнату, с угаром, доносившимся из самоваров. Там, в комнате прислуги, действительно вечно пышут штук 20 самоваров. Я не был у него в Старой Лаврской гостинице, так как поздно узнал, что его перевели из Новой гостиницы в Старую. А когда сунулся к нему, то оказалось, что он переехал в Петроград к племяннику. Ну вероятно, это метание и лишение привычной обстановки — окончательно его надорвали.

---

* Вклеена вырезка из газеты.

** Одно слово неразборчиво.

Когда я услыхал, что жильцам Новой гостиницы угрожает выселение, то на минуту приходило в голову — предложить Алексею Александровичу поселиться у меня. Но это было немыслимо. Он, даже бывая у меня в гостях, жаловался на холод. Да, у меня немыслимы никакие удобства. Комнаты — маленькие, даже и отхожие места довольно первобытные, много мышей, которых он страшно боялся, мужицкая прислуга, вообще — невозможно, гораздо хуже гостиницы. Флигель уже холоден, да сверх того его бы пришлось вновь наново приспособлять. В общей сложности у нас ему было бы невозможно жить. Даже мысль об этом могла явиться только на минуту, и немедленно была отброшена. Впрочем, его очень скоро взял племянник в Петроград, что конечно было наилучшим исходом.

Надо еще заметить, что это было время, когда все себя спрашивали, не придется ли нам удирать из Посада и превращаться в беженцев? Я тоже наводил справки — нельзя ли найти квартиры в Костроме или в Туле.

При таких условиях Нейдгардту конечно было всего спокойнее в Петрограде, у племянника, который даже в случае сдачи Петрограда имел средства вывести старика куда-нибудь, хотя бы даже в Швецию... Но вот, оказывается, он выжил в Петрограде не больше 2 ½ месяцев. Бедный, бедный, в какое ужасное время крушения пришлось ему умирать!

Правда, он имел какое-то предчувствие страшных катастроф в России. Я, говорил он не раз, так <u>вижу</u> крушение всего в России, что мне кажется, будто бы все это уже <u>произошло</u>... Но именно в начале войны, при кажущихся успехах наших, он приободрился. «Что же, Бог может помиловать. Он увидел, что Государь смирился, и — сменил гнев на милость». Увы, ненадолго. Скоро опять начался наш военный! крах, стало казаться возможным взятие даже Москвы, и самому Алексею Александровичу пришлось превратиться в «беженца»...

Нейдгардт любил Россию, Царя и Церковь глубокой, органической любовью. Надо сказать, что их род, хотя и выходил из Австрии, но — очень давно. Первый Нейдгардт пришел чуть ли не при Алексее Михайловиче специально для обучения наших ратников военному строю. Первый же Нейдгардт женился на знаменитой боярышне, чуть не Милославской, и по каким-то брачным связям Нейдгардты стали даже дальними свойственниками царскому дому. Все это Алексей Александрович любил рассказывать, но я уже не помню в подробностях. Рассказывал, что его русского предка Царь однажды за какую-то провинность <u>пинками</u> вытолкал за дверь... В общем Нейдгардты вышли петербургским дворянством, чиновными и отчасти придворными. К настоящему времени были уже разные Нейдгард-

ты. Один тут был — какой-то позор фамилии, ничего не имеющий и, помнится, неисправимый скандалист... Он шлялся при Грингмуте, и в [«]Московские ведомости[»]; Грингмут допускал из-за фамилии, но все же держали на благородной дистанции. Потом он умер. Алексей Александрович о нем избегал упоминания, и раз как-то заметил: «да, это был несчастный человек».

Сам Алексей Александрович, как полагается, начал с военной службы, и молоденьким офицером дежурил в карауле в Зимнем дворце еще при Николае Павловиче. Он вспоминал о страшной разнице обстановки Зимнего дворца тогда и теперь. Тогда это было грозное величие, все в струнку, надо всем парила тень Императора, всех наполнявшая страхом и благоговением. Теперь полная ко всему небрежность, развязность, «свобода». Потом А. А. перешел в гражданскую службу и наконец в ведомство Св. Синода, где дошел до места прокурора Синодальной конторы в Москве. Дальше он вышел в отставку, но знаю, что он был очень болен, какие-то кишечные болезни, лечился всякими штуками, между прочим новым тогда массажем. Это мне рассказывал покойный хирург Зеренин, который тогда еще занимался (молодой совсем) по внутренним болезням и самолично ухаживал за Нейдгардтом.

Вышел он в отставку Тайным советником.

Не только по службе, а по своей религиозности, ну и конечно по видным связям во всяких «сферах» — он имел огромные знакомства в ведомстве Св. Синода. Он хорошо знал Победоносцева. Знаком был еще с митрополита* Филарета[242], перед которым благоговел, считая его и мудрецом и святым... Правда, что Филарет Дроздов был, по всем отзывам, гигант, достойный член ряда великих сил, выдвинутых у нас в середине XIX века на всех поприщах жизни.

Саблер был и остался близким приятелем Нейдгардта, но, конечно, он относился к Саблеру сверху вниз и постоянно давал ему разные наставления. В церковной иерархии все современные деятели прошли на глазах Нейдгардта, и огромное число их он лично знал. Из государственных деятелей последнего времени ему, по женской линии, приходились племянниками: Петр Аркадьевич Столыпин и Сазонов (мин[истр] иностр[анных] дел). Его родные племянники — Нейдгардт — всегда его повторяли и относились с большим почтением.

С президентом Прокуратуры Синодальной конторы, с связями давними в иерархии и правительстве, с дружбой всесильной в Посаде Кротковой, Алексей Александрович жил в Посаде крупным кораблем, всегда величался «Высокопревосходительством», постоянно соблюдая все свои христианские обязанности, всегда почетный гость

---

* Так в тексте.

на Лаврских торжествах, и к нему постоянно заезжали разные почтенные гости гражданского и духовного звания, навещавшие Сергиеву Лавру. Он, кажется, не имел состояния, но имел хорошую пенсию и при своих скромных потребностях жил в полном довольстве, многим помогая. Вообще, его квартира в Новой гостинице была светлым и симпатичным уголком, каждый визит к Нейдгардту оставлял в душе какое-то успокоение. Там к нему даже прислуга гостиничная относилась, как к своему «барину», называли его не иначе, как «генерал»: «генерал у себя», «генерал вышли». Конечно, «чаев» с него получали достаточно.

Он был очень благотворителен, помогал многим, но об этом всегда молчал, так что лишь случайно обнаруживалось. Так, однажды имея надобность прибегнуть к моим хлопотам (нужно было его познакомить с попечителем Учебного округа), он рассказал, что нужно пристроить на казенный счет в ремесленную школу одного мальчика. Он его, оказывается, содержал несколько лет, и учил на свой счет, а теперь ввиду возможной своей смерти, хочет устроить на казенный счет. Не знаю, успел ли он в этом. Один раз — когда его изгоняли — извозчик, на котором я ехал, заметил по поводу военного лазарета: «Вот и генерала Нейдгардта выселили», и начал о нем рассказывать, что какой это «хороший человек», никогда никого не обидел, всем помогал, «что прямо можно сказать, святой человек». Подлинное выражение.

Мое знакомство с ним захватило ряд лет, в которые происходили всевозможные перевороты в России, а также ряд крупных личных событий, ознаменовавших «закат» моей собственной жизни. Мы вместе с Алексеем Александровичем работали в Предсоборном Присутствии, при нем я поступил на службу к Столыпину, при нем сделался издателем «Московских ведомостей» и перестал быть им, при нем же произошло ужасное судебное надругательство надо мной, при нем, наконец, я вышел из деятельной жизни. Какие массы бесед, обмена мыслей с ним проносятся передо мной за это время, которое текло, событий полно, волнуясь как море океан... Увы, теперь оно — наше время — безмолвно и спокойно. Он уже в могиле; я — на кануне, на пороге такой же могилы...

Вначале Алексей Александрович, уже конечно почтенный старик, был еще полон сил, не физических, а умственных. Он их сохранял долго, в полной степени. Следил за газетами и литературой, следил за всеми событиями, превосходно и глубоко знал внешнюю политику. Целая библиотека воспоминаний освящала его суждения. Ум у него был здравый, положительный, дисциплинированный. По взглядам и выправке Нейдгардт был хорошим типом доброго старого времени. Везде должны быть порядок и дисциплина. Везде должна быть власть,

но власть одухотворенная, исполняющая свои обязанности. Предсоборное присутствие было, вероятно, лучшим моментом его жизни. Вот, наконец, все чины церкви, от мирян до архиереев, совместно работают над возрождением церкви. Созыв Собора — был его лучшей мечтой. Он напоминал всем знакомым архиереям и государственным лицам, — благовременно и безвременно — о необходимости созвать Собор, он несколько раз писал это и у меня в [«]Московских ведомостях[»]. Задачей Собора для него было восстановление Патриарха, независимой церковной власти, единения верующих. Он, конечно, не был демократом в церкви, а представлял себе — как и должно — иерархически организованное целое. Бедный, бедный, так и не дождался своей мечты, но жизнь порадовала его хоть Предсоборным Присутствием, и дала несколько лет иллюзий, тем более светлых, что для него, внутренне Церковь была важнее государства, хотя он и был большим государственником. И вот воскресение Церковной жизни светило перед ним маяком почти до самого конца.

Наоборот, в государственном отношении — для него был источник одних огорчений. Он не был против Думы в смысле народного представительства, но был за Царское самодержавие, в смысле неограниченной власти, он был против парламентаризма. А жизнь все время тянула к парламентаризму. Конечно, деятельность Государя постоянно его огорчала, но это дело временное, а если явится парламентаризм, то уже никакой царь не будет возможен. Эти точки зрения, вполне мною разделяемые, и были причиною его особенных симпатий ко мне. Он думал, что я не только могу что-то сделать для восстановления Самодержавия, но даже что я как бы являюсь некоторым орудием Промысла в этом отношении. Эта идея у него явилась вследствие действительно очень странного призыва меня на службу Столыпиным.

Дело было после роспуска Второй думы. Столыпин, кое-как изменивши избирательный закон, и решившись принять все меры для избрания нереволюционной Думы — все-таки думаю теперь ретроспективно — не знал, удастся ли, и что вообще выйдет, и следовательно, какую линию ему окончательно придется принять, чтобы поставить государство на путь сколько-нибудь правильного развития и выйти из полосы смут. Между тем я еще до неизвестного мне роспуска Думы и закона 3 июня, составил чтение «О недостатках нашей конституции», которое должно было быть прочитано в Клубе умеренных и правых как раз 3 июня. Происшедший в этот день «государственный переворот», хотя и имел результатом то, что в Клубе собралось видимо-невидимо народа, но им уже было не до моего чтения.

Все время толковали о событии дня и читали корректуры нового закона (кое-кто раздобыли и принесли), обсуждая его достоинства

и недостатки, а в конце концов порешили бросить все дела и закатиться куда-то в ресторан — устроить «банкет», ибо роспуском этой действительно нелепейшей Думы все были очень довольны. Однако человек 30–40 не захотели уходить и решили, чтобы я все-таки прочел свой реферат. Он возбудил внимание, и я решил его печатать в Москве. Вот этот-то реферат в гранках был взят у меня гр. Олсуфьевым, который и показал его Столыпину. В это время он находился со Столыпиным в самых дружеских отношениях.

Столыпин, прочтя гранки, был почти восхищен одной частью реферата (именно о национальных аспектах конституций), и вероятно, подумал, что я ему могу пригодиться в случае, если бы понадобились более глубокие изменения конституции). Немедленно, телеграммой, он вызвал меня к себе в СПб.

Я был в это время в Посаде, и конечно, тотчас пошел к Нейдгардту, который был столь же удивлен, как и я, и решил, что тут действительно Рука Промысла. Когда Столыпин, в результате свидания со мной, предложил мне перейти к нему на службу — мнение Алексея Александровича еще более утвердилось и держалось до тех пор, пока я не был совершенно выброшен за борт какой бы то ни было деятельности.

Конечно, теперь я уже не осмеливаюсь рассуждать о целях и путях Промысла, который действует не только в великих политических делах, но и наших маленьких делах личной жизни. Посему совершенно не размышляю о том, для чего вышла эта все-таки очень странная история. Но, естественно, что тогда и Нейдгардт и я придавали ей более глубокий смысл, нежели он оказался в действительности.

Нужно сказать, что Алексей Александрович вообще был недоволен своим «племянником», т.е. Столыпиным. Он его считал человеком очень хорошим и вообще умным, но совершенно бесхарактерным, а также без глубокого глазомера. Какая доля правды в этом мнении — все равно. Но в некоторых отношениях Нейдгардт уже совершенно не переваривал Столыпина, а именно в его духовных взглядах и политике. В этом Нейдгардт был безусловно прав. У Столыпина, при личной религиозности, были такие же поверхностные взгляды на Церковь, как и у большей части наших дворян и интеллигентов. Самостоятельности церковной он не понимал, и не то, чтобы боялся, а так сказать, его, как министра, оскорбляла эта независимость, казалась какой-то узурпацией. Психологически — это, думаю, нечто вроде отношения политика к приходскому своему «попу». В государственном же смысле, тут, думаю, были только обрывки протестантских идей, да традиционный страх Петербурга перед всякой независимостью. Это последнее было особенно не к лицу Столыпину, который в принципе был за всякое самоуправление. Но у него вообще не было ясно сло-

женного политического миросозерцания, и он до него доходил лишь постепенно на практике Главы государственного управления.

Судьба Российская! Потеряна государственная традиция — и не чиня «усовершенствования» государственного строя, идем ощупью, сослепу, опытами, in anima vili*.

И вот, Алексей Александрович неукоснительно долбил своего «племянника», внушая ему церковно-государственную мудрость, но тщетно. Петр Аркадьевич почтительно общался с «дядей» (он собственно дядя его жены), кормил его обедами, показывал ему Госуд[арственную] думу, прогуливался с ним по панели Зимнего дворца, слушая, вероятно, его воспоминания, — но ни одной йоты из его наставлений не исполнял. А жена Столыпина**[243] даже не любила «дядюшку», и все его идеи считала вздорными. Она, кажется, вообще глуповата и среднеинтеллигентных либеральных взглядов, но вполне проникнута «нейдгардтовским упрямством». Настойчивость, упорство, даже упрямство, говорят, характеризует весь род Нейдгардтов, и в полной мере были и у самого Алексея Александровича.

Вероятно, говоря о «бесхарактерности» Петра Аркадьевича, он именно подразумевал подчинение влиянию жены. Между прочим из рассказов его я видел, что г-жа Столыпина и меня вовсе не любит, хотя я ее никогда в глаза не видал. Вероятно, просто по типу не любила, как я не терплю «среднеинтеллигентных» либералов.

Зато Алексей Александрович очень сердечно любил Алексея Борисовича Нейдгардта, несмотря на различие политических взглядов, и в свою очередь этот племянник постоянно выражал ему свое уважение и откровенно говорил о политике. Вероятно, как умный человек, Алексей Борисович находил, что многие частности полезно заимствовать у умного старика, а старик, вероятно, видел у него серьезную мотивировку его поведения. Этого, т. е. именно серьезной мотивировки не мог дать Столыпин ни для своей церковной политики, ни для своего отношения к парламентским замашкам Думы. Впрочем, м[ожет] б[ыть], он и не хотел бы признаться ни себе, ни ему, что есть один серьезный мотив: возможность влиять на Государя, ибо если бы в Думе исчезли тенденции парламентаризма — Государь мог бы вступить на путь упразднения всякого представительства. Угрозы смуты — могли сдерживать такие тенденции. Впрочем, не знаю: это мысль, которая мне иногда являлась в голову, но не ручаюсь, чтобы у Столыпина были такие соображения.

---

* Как неразумные существа (*лат.*).

** Столыпин мне сказал последний раз по поводу нежелания Государя видеть меня: «Да неужто же Вы не знаете, что Государь разгневан на Вас за статьи о Распутине? Это был с Вашей стороны подвиг, но он очень дорого Вам обошелся». — *Прим. авт.*

Очень хорошо относился Нейдгардт и к Сазонову. Жена Сазонова была положительно его любимица, и самого Сазонова он очень любил, между прочим за его религиозность, но старался всегда уверить себя, что он способный министр иностранных дел. В этом он разочаровался только в последнюю фазу войны, когда увидел, что Сазонов многого не досмотрел, и много прозевал.

Нейдгардт превосходно следил за европейской политикой, и война с Германией ожидалась им уже несколько лет. Он говорил (уже несколько лет), что Германия вложила в военную организацию такие огромные миллиарды, что их необходимо окупить. Этот капитал должен дать прибыль: иначе государство лопнет. И он ждал войны постоянно, едва ли предвидя, что мы в такой малой степени подготовлены к ней. Но кто это и предвидел? В этом отношении он не мог иметь сведений больших, чем имели его «племянники».

Политика Столыпина все время возбуждала в нем горечь. Он тратил время; вместо того, чтобы обратиться к поднятию народного духа, к возрождению народных сил — он работает над тем, что их дезорганизует. Нужно восстановить Царскую власть, нужно собрать Поместный Собор, произвести церковную реформу и ввести народное представительство непосредственное... Не знаю, передает ли этот термин его мысль, но кажется так. По крайней мере, он вполне одобрял мои проекты государственного устройства. Вместо этого, Столыпин насаждает партии и политиканство. Это неизбежно кончится крахом, страшным крахом. Когда Столыпин был убит, он, конечно, очень жалел его, но прибавлял: «Господь послал ему эту смерть в награду за его честность и искреннюю веру в Бога. Не говорите, что он кончил несчастливо. Он был счастлив до конца. Бог послал ему славную смерть в апогее его славы. Если бы он прожил дольше, он бы дожил до краха, до позора и умер бы среди общих порицаний». Это было его необоримое убеждение.

Но это не значит, что Нейдгардт видел причины грядущей катастрофы именно в самой по себе конституции или в том, что не организуют Церкви. Нет, он считал болезнь глубже — и во всем Русском народе. Россия изменила вере, Богу, она вследствие этого развратилась, и вследствие этого делает то, что ее еще более развращает, и не делает того, что может служить ее духовному возрождению. Он относился к Государю с жалостью и с любовью: это та кровная дворянская любовь, которая характеризовала и Столыпина. Он не в состоянии был не любить Царя и всегда радовался, когда мог найти в нем что-нибудь хорошее. Но в общем — он был убежден, что такой Царь послан Богом для наказания России, на ее кару. Такого Царя страна получила за всеобщую народную измену Богу.

Разумеется — одно из величайших нравственных мучений Алексея Александровича — составлял Григорий Распутин. Это — конец. Выше в грехе, ниже в падении нельзя дойти. А за Григорием Распутиным ухаживают, от него ищут протекций, перед ним склонянют[ся] архиереи, и этот позорный человек решает судьбы Церкви. Это было вечное мучение Нейдгардта.

Он, конечно, укорял иерархию в недопустимом сервилизме. Он говорил, что прямо спросит Никона, каков же был его голос при хиротонии[244] Варнавы? Не знаю, спросил ли. Они должны были тогда видеться. Саблера он и спрашивал, как он держится в отношении Варнавы, и тот уверил его (не знаю, правду ли говорил), что уволен от должности обер-прокурора из-за доклада об Варнаве, так как будто заявил Государю, что если Варнава не будет предан суду, то он Саблер (ныне Десятовский) не может оставаться обер-прокурором. Нейдгардт поверил ему, и за это с ним примирился и даже обнялся и расцеловался. До этого он почти уже рассорился с Саблером за его виляние хвостом.

Пока Нейдгардт еще верил в созыв Собора и не потерял надежды, что Столыпин прозреет и произведет реформу Думы, — он еще был философски спокоен. Между прочим он постоянно и мне внушал (даже надоедал), чтобы я подал записку Государю об этих двух реформах. Но я ему долго не говорил, что я это и без него сделал, и что сверх того — из-за статей о Григории Распутине — потерял даже и ту небольшую дозу благоволения, которой, по-видимому, пользовался. Это мне положительно заявил сам Столыпин. Впоследствии я должен был открыть Нейдгардту эту тайну, чтобы он не докучал мне бесполезными настояниями. Ну конечно, мой личный эпизод дело маленькое. Мое мнение для Государя Императора, при благоволении или неблаговолении, во всяком случае, не могло иметь заметного значения. Есть куча лиц, которым он неизменно благоволит и которых мнение, совершенно справедливо, оставляет без внимания. И дело не во мне, а в общем ходе событий, который для Нейдгардта все более сгущал сумрак нашей эволюции и погашал всякие лучи надежд на лучшее, с его точки зрения. В результате — в 1913–1914 году Нейдгардт проникся полным пессимизмом и стал быстро дряхлеть даже физически. Он несколько раз говорил мне: «Нас ждет страшная катастрофа. Я даже не знаю, в чем именно она выразится, но Россия рухнет. Я это так ясно вижу, что мне кажется, как будто эта гибель уже совершилась». Он говорил как будто в каком-то созерцании, с такой уверенностью, что невольно пугал меня.

Он в это время уже плохо стал видеть, перестал читать сам газеты, а ему читал нанятой человек. Когда я был у него, он и меня заставлял

раскрывать газетные новости. Да и физически очень слабел и погрузился более во внутреннюю свою жизнь, Постепенно он даже негодовать переставал и только видел эту «гибель».

Он всегда любил ко мне заходить. Помню это особенно в последние годы. Летом — если зайдет — непременно хочет быть на террасе или даже спуститься в цветник. Хотя он и плоховато видел, но все же ходил сам. А у нас в цветнике действительно иногда, прямо царство Небесное, масса цветов всевозможной окраски, благоухание... «Тут у вас — маленький Рай», сказал он в первый раз. Ему, бедняге, уже трудно было пользоваться природой, и здесь конечно было приятно посидеть. Он даже любил Надиного кота Руську.

Если же дело было зимой или в непогоду (он иногда ездил в отвратительную погоду), то усядется, бывало, в нашей крохотной гостиной, которую он тоже любил: «очень, очень мило». Непременно нужно закрывать двери, чтобы не откуда ветерок не пахнул: придет по холодному дождю, а воздуха из коридора боится. Я уже бывало, если знаю, по телефону, что он придет, всегда держал заранее несколько керосиновых ламп, чтобы согреть воздух. У него на квартире была такая страшная жара и духота, что я несколько раз, уходя от него, схватывал насморк.

Когда у нас на войне начались было успехи, Нейдгардт ожил. Ему так хотелось поверить, что есть милость Божия к России. Он заговорил и о Государе: «Когда он — добрый, он и смирный. Смирился перед Богом, — Бог и послал милость». В это время я уже даже не решался, жалел его, — пускаться в изложение своих сомнений насчет прочности наших успехов. Он ужасно не хотел расстаться с этими успехами, и когда нас уже давно прогнали от Кракова, он все же повторял: «Нет, наша армия в 60 верстах от Кракова, вот она двинется, и тогда будет наступление в Германию с юга». Но уже я только молчал. Жалко было. Однако скоро нельзя было даже и цепляться за какие-нибудь «успехи». Начался страшный разгром армий, крепостей, губерний, являлась мысль о беспомощности самой Москвы... Бедный, бедный мой Алексей Александрович! Все шло счастливо, пока наконец его и самого не выгнали из его насиженного гнезда, в обители Преподобного Сергия, где каждый уголок говорил ему двадцатилетние-тридцатилетние воспоминания. Бедный Алексей Александрович, почему он не умер среди грома наших эфемерных побед, когда умер Богданович[245].

Зачем ему пришлось выпить до дна всю горькую чашу разочарований во всем, чем он жил, что любил.., впрочем, кроме Господа Бога...

В последнее мы с ним свидание он говорил об Апокалипсических предсказаниях, просил доставить ему мою брошюру об Апокалипсисе, расспрашивал о предмете эсхатологии. Раньше этих интересов я у него не замечал.

Между прочим он интересовался и начатой мною работой «Мировая борьба за Царствие Божие», часто расспрашивал о ней, о том, как продвигается, давал даже свои советы, как всегда умные, но большей частью не «осведомленные», ибо этими предметами он в течение жизни литературно не занимался.

13 декабря

Сегодня у нас стал мороз до 10 и даже 8 градусов. В Посаде вчера было — 27°. Не мешало бы поменьше. Но зато поднялась сильная вьюга. Хотел идти к Васнецову смотреть новую картину — и возвратился немедленно домой.

Был, однако же, в Церкви. Подавали на частичку за упокой Алексея Александровича.

А Ювачов так и скрылся, не зашел ко мне. Жаль, если только он остался прежним. Но велика сила Петрограда, и всякого может лишить духа. Если же он в общий ранжир, то конечно, не беда и не видится. Этим я не хочу сказать, чтобы по части «духа» я лучше сохранился. Но именно потому, что я «выдохся» — мне интересно видеть лишь тех, от кого можно набраться духа.

14 дек[абря]

Был у Васнецова. Видел новую картину, эскиз, очень большой, — поражение Михаилом Архангелом[246] Дракона, сбросившего с неба третью часть звезд. Очень сильная картина. Хороши обе рати — небесная и адская. Хорош и город, видный под этой борьбой, очевидно, без малейшего внимания к ней, даже без подозрения о ней[247].

15 дек[абря]

Ездил к о. Иоанну Ильину за сочинениями св. Ипполита, его не застал, проездил 80 копеек, и получил две книги из десяти... остальное, оказывается, не переведено. Да и 1-я книга, знаменитая «Философумена» — оказывается совершенная дрянь. Как только могли раздуть «славу» Философумены! Сейчас же главное — о гностиках пишет в тех книгах, которые не переведены. Разочарование полное. Остался не причем. А я уже было возмечтал, что добыл этот документ гностицизма.

18 дек[абря]

Сегодня был сильный глазной припадок. Горе мое.

Вчера и третьего дня — сильные морозы. У нас — 23°, и даже, говорят, 25°. Уверяют, что за городом было свыше — 35°.

Эти дни я сильно, и м[ожет] б[ыть], в ущерб глазам занимался книгой Karppe — «Etude sur les origines et la nature du Zohar». Книга крайне важная, п[отому] ч[то] дает подробное рассмотрение, как выражается автор, еврейского мистицизма... Выражение не точное. Но все равно. Полкниги заняты еврейским языческим мистицизмом до Зогара. Это очень интересно и важно, но к сожалению, заставит меня переделать снова весь отдел Каббалы в моей работе. Нечто бесконечное. Никогда ни одна работа не шла у меня с таким трудом и помехами. Стар стал, плох, рассыпается голова, трещат глаза. В старые-то времена не так работалось!

19 декабря

Катя что-то совсем расхворалась. Выходила по этим страшным морозам, и сама чувствовала, что «лоб промерз», — и вот свалилась. С каждым днем хуже. Теперь потеплело, а она только что одета, а проводит дни в постели.

20 декабря

Вчера был вечер у Кологривова, и довольно оживленный. Между прочим я его aparté* расспрашивал об инциденте княжны Васильчиковой[248], которую как и всю семью их, он хорошо знает. Княжна Васильчикова, кажется Мария Александровна, не молода, но девица; они — богаты. Она — фрейлина Императрицы Александры Федоровны. Княжна Васильчикова давно связалась с немцами, с Лихтенштейнами и т. п., купила даже имение в Австрии. Она, кажется, двоюродная сестра гр. Дмитрия Адамовича Олсуфьева, ибо старая Васильчикова — графиня Олсуфьева.

Так вот эта-то фрейлина — оставалась за границей, а потом приехала или, может быть, была прислана — и начала агитацию в пользу заключения сепаратного мира с Германией. Между прочим писала об этом и председателю Гос[ударственной] думы Родзянко[249], тоже своему родственнику. Но это лишь между прочим, ибо она вела агитацию вообще. И вот — за это ее выслали в южное имение Васильчиковых.

Обстоятельств высылки, т. е. кто именно нашел нужным принять эту меру — Кологривов не говорит. Он вообще всегда очень сдержан.

История очень странная. По другим слухам — в это дело замешан и Григорий Распутин, не знаю, правда ли.

На этом вечере познакомился с Николаем Николаевичем Ридманом (кажется, так фамилия) председателем Ковенского окружного

---

* По секрету (*франц.*).

суда. Очень, по-видимому, умный человек, и весьма православный. Я не удержался — спросил его о его национальности. Он сказал, что их род шведский, и 200 лет уже в России, уроженец же он псковский, Опочского уезда. Очень меня заинтересовал...

Сегодня слыхал, что Григорий Распутин нисколько не замешан в агитации Васильчиковой. Сверх того говорят, что эта агитация встретила всюду, куда совалась эта Васильчикова, негодующий отпор, так что она ходила «как оплеванная». Это делает честь обществу. Подтверждают, что Васильчикова приехала из-за границы прямо по поручению австрийского, кажется, правительства (а м[ожет] б[ыть], и германского).

Сегодня уже заготовил поздравительные письма. Вместо нескольких сотен карточек и писем, как бывало во времена оны, всего несколько десятков 1914-го года, теперь посылаю лишь десяток писем. Карточек совсем не посылаю, и тем паче телеграмм.

Это сокращает расходы, но отнимает часть праздничного характера конца года. Это, конечно, не беда. Ни мне лично, ни мне, как русскому, нечего праздновать, кроме чисто религиозного воспоминания. Однако не хотелось бы лишаться — даже и обрядовой стороны православного праздника.

О военных делах ничего не слышно. Наши стоят, немцы не делают наступления. И так как немыслимо ожидать хороших случаев, то, конечно, приятнее было бы, чтобы это затишье продолжалось на праздниках...

Кстати, пришлось слышать, будто бы и в договоре с Англией и Францией о незаключении сепаратного мира — наши предусмотрели одно исключение: именно, в случае занятия немцами Петрограда и Москвы — Россия имеет право на сепаратный мир. Ну правду сказать, при занятии немцами Петрограда и Москвы — не станут уже заключать мира, а лучше погибать до конца...

О нашей 7[-й] армии — ни звука. Оттуда даже писем не допускают. Что за секрет? Я бы хотел думать, что эта затея будет оставлена. Эта армия лучше бы пригодилась для защиты России. Сербия погибла. В Константинополь не пройдешь. Да и вообще глупо вести войну за тридевять земель от Германии. Каждый клочок войска нужно бы употреблять для наступления на Германию, т.е. в первую голову на освобождение своих 17 губерний. Но безыдейность нашего военного командования так беспредельна, что нас могут спасти только неодолимые препятствия идти к гибели. Может быть, Бог даст, румыны не пропустят, и десант окажется невозможным. Тогда поневоле сохраним полмиллиона войска для борьбы с немцами.

24 декабря

Сочельник.

Был в приходе на Царских часах и обедни, и в Красн[ом] Кресте у всенощной.

25 декабря

Рождество Христово.

У обедни был в приходе.

Вечером был у Сидорова.

26 декабря

Приехала Надя.

У нас никого не было, да и писем, два-три. Сам я был у о. Иосифа, который сегодня именинник. Слава Богу, от Тихона получено письмо, хотя и не веселое. Все у него не хорошо. Семинаристы делают скандалы (даже окно ему выбили) от недоедания; стол скверный, ибо невозможно доставить порядочного. Преподаватели безобразничают на почве пренебрежения к молитве. Да, и Арсений хорош: приказал о. Тихону постричь в монахи надзирателя белобилетника, но сказал, что в случае чего, отвечать будет о. Тихон. Он, дескать, дал разрешение и желает, чтобы надзирателя постричь, но не приказывает, если есть препятствия. Это значит — вооружить надзирателя против о. Тихона. Свинство ужасное. Плохая полоса жизни настала у бедного Тихона. Чем только все кончится? Все хуже и хуже.

Вечером был у Хомякова, и — неожиданно для меня — явились сначала Новоселов, а потом Мансуров и Колемин (Юрий Александрович). Очевидно, у них было условлено сделать этот набег на Хомякова. Впервые увидел Колемина, и очень заинтересован: почему он действует, каковы его **цели**? Он не глуп, обходителен, с приемами ловкого пропагандиста, склонного подействовать на каждого слушателя способами, — особенно приноровленными к его субъективным интересам, между прочим и польстить. Таковы мои впечатления. Не похож на «пророка», действующего без частной цели, по общему порыву духа.

27 дек[абря]

Ездил к о. Соловьеву и не застал дома.

Вечером был у Мансурова, где Колемин рассказывал об испанских православных, 19 чел[овек] и Гарсия Рюи Перез во главе. Очень интересно. Были Булгаков, Новоселов, Дружинин[250] и Дурылин (Серг[ей] Никол[аевич]).

На этот раз Колемин мне более понравился.

28 дек[абря]

Был с визитом у Ф.Д. Самарина, оказался в деревне. Оставил карточку.

Вечером на реферат Колемина — о «Вселенский Первосвященник» (у Корнилова). Величайшая путаница, и самая вычурная манера речи, с повышением и понижением голоса, выкрикиваниями, стучанием по столу и т.п. Отвратительно. И опять являются мысли о каких-то задних целях этого господина.

29 дек[абря]

Был (с Надей и Верой) в Румянцевской картинной галереи, и потом (с Надей и Катей — у Георгиевских). Таким образом на этих праздниках я посетил довольно много знакомых: Фудель, Сидоров, о. Соловьев, Хомяков, Мансуров, Корнилов, Георгиевский... Зато уже у нас, можно сказать, никого не было, кроме Лавровой, и Кати Мичуриной... да еще о. Соловьева, который, однако, меня не застал дома. Писем и карточек тоже не наберешь и десятка.

Корнилов между прочим сказал мне, что не надеется на выздоровление матери Новоселова, хотя проживет она, вероятно, долго. Какое тяжкое испытание Новоселову, ужас.

30 декабря

Подходит Новый год. Последний сюрприз к нему составила полная эвакуация Дарданелл. Турки и немцы могут двинуть куда угодно лишние сотни две тысяч войска. Боюсь, как бы не явилось к Новому году и еще сюрприза — перехода Греции на сторону Германии — это становится очень вероятным. Постепенно Австро-Германский союз делается даже по количеству жителей сильнее Англо-Франко-Русского. Теперь уже в России приходится считать миллионов на 15–20 меньше жителей (Польша, Литва, Курляндия, часть Белоруссии), не считая убитых, раненых и пленных. А у немцев прибавилась Болгария, да они, пожалуй, и наших «забранного края» скоро заберут в солдаты. Нестроевые работы они и без того делают на немцев. Если еще Греция даст Вильгельму хоть 200–300 тысяч человек, то хоть караул кричи. А ведь есть в запасе и еще сюрприз: переход Румынии на сторону Германии.

Я этого давно боюсь, и удивляюсь, как это еще не совершилось. Это казалось более возможным, чем «измена» Греции. Не могу постигнуть, откуда может явиться нам спасение. Прежде я считал возможным истощение сил Германии. Но теперь очевидно, что ничего подобного нет и не будет. Солдат немцы берут у других народов. Припасы получают даром в завоеванных русских областях. Никакого истощения нет нигде, кроме России, да, может быть, Англии.

Очень возможно, что весна принесет нам окончательную гибель. Как-то странно и дико это думать, а между тем объективное взвешивание фактов ничего другого не обещает. Спасение относится уже к области «чудесного».

31 декабря

Через четыре часа канет в вечность 1915 г. Конечно, прожили, благодаря Бога, — вот почти до самого конца его, до самого преддверия 1916 года. И как знать, может быть, пережившие будут вспоминать о нем с завистью. Нет пределов бедствиям человеческим. Но если сравнивать с прежними, хорошими годами, то 1915 г. был страшно тяжел. Дай, Господи, чтобы не было еще чего хуже. Я сижу с какой-то ноющей тревогой на сердце. Так и кажется, что сгущаются какие-то несчастья.

Наступающий 1916 г. — високосный. Их считают несчастливыми, но у нас теперь все годы вроде високосных...

Одиннадцатый час. Через час собираемся на Новогодний молебен... Раздается звонок телефона. Подхожу: «Кто у телефона?» — Тоненький голосок отвечает: «Скажите, пожалуйста, Ваше имя»... Я сначала не догадался: «Да кого Вам нужно»... «Имя Ваше, пожалуйста»... «Да вы гадаете что ли?» — «Да». — «Ну ладно. Имя — Лев». «Очень Вам благодарна»...

Барышни гадают! Они не ноют, вероятно, и не стонут, а веселятся. Ну дай вам Бог, неведомые барышни, видеть поменьше горя, и побольше радости, и понаходить себе женихов в 1916 году.

Курьезно. Гадание и телефон! Прежде выходили мерзнуть на улицу и спрашивать имя прохожего. Теперь звонят наугад в телефон. Во всем прогресс. А все-таки хорошо, что барышни веселятся.

1 час ночи, уже в 1916 г.

Год Новый встретили в церкви Красного Креста — все вместе, кроме — увы — нашего Тихона.

Благослови всех нас Господи!

1916 год

Январь

1 января 1916 года

Вчера у нас, вернувшись с новогоднего молебна, засиделись часов до 2–3, сегодня попросыпались поздно. Однако я все-таки был у обедни, в приходе. Надя отложила отъезд в Посад до завтра.

Получил письмо от митрополита Владимира из Киева. Я ему послал поздравление с праздником — весьма сердечное, имея в виду, что он в опале, следовательно огорчен. И вероятно, мое письмо его порадовало, так как ответил очень быстро и тоже сердечно.

Получил письмо от Павла Семеновича Боброва: не забывает.

Никого у нас конечно не было, кроме Еленева, да молодого Мичурина, да еще Зинаиды Лавровой.

Подвел свои счета за прошлый год. Несмотря на безобразные цены и экстренные расходы, все-таки прожили благополучно, с остатком. Но меня больше всего порадовало, что годовой счет сошелся вполне правильно — по приходу и расходу. В отдельных месяцах это не всегда бывало, и меня больше всего беспокоит неправильность счетов. Всякий факт нужно знать с точностью.

2 января

Надя со своим Руськой отправилась на вокзал в Посад.

Продавцы [«]Петроградского телефона[»] на улице кричат: «Импер[атор] Вильгельм при смерти»... Это — вечный враль, этот [«]Телефон[»]. Конечно, вздор. Ну а если бы этот человек умер, — конечно, это имело бы полезное значение.

Вильгельм-то жив, и на нашу погибель, конечно, долго будет жить. А вот Ловчен взят, и Черногории приходит конец! Не помогли несчастной стране, как не помогли Сербии. Да и нам это плохо. Теперь с развязанными руками начнут опять нас бить.

Государь дал очень энергичный новогодний приказ по армии. Конечно, так и нужно говорить. Но насколько он сам верит своему оптимизму — вопрос иной. Я думаю, он получше нас знает, что наше положение весьма ненадежное.

Вот чего он, вероятно, не знает — как громко стали, говорить о его Августейшей супруге. Рассказывал Н. недавно как, ехавши по траму[251]

(в Петрограде), его знакомый слыхал слова одного из публики: «А уж нашу Матушку Царицу давно бы пора заключить в монастырь». Рассказами о Гришке полна Россия. Так, еще недавно слыхал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкою. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами Самодержавия, но это не изменяет результатов. Как прежде — очень давно, в начале Царствования — общий голос был, что Царица держится в стороне от государственных дел, так теперь все и всюду говорят, что она беспрерывно и всюду мешается и проводит будто бы именно то, чего хочет Григорий Распутин. Этот злой гений Царской Фамилии сам постоянно направо и налево рассказывает о своем влиянии. Это такая язва, такая погибель, что и выразить невозможно...

Сейчас, в одиннадцатом часу ночи, распространяются два слуха: 1) будто бы умер Вильгельм; этот слух биржевой, а следовательно, очень ненадежный; 2) будто бы перед Новым годом взят нами Львов, что будто бы оттуда привезли раненого в этом бою офицера, который и сообщает о взятии Львова.

Вероятно, в этих слухах сказывается просто народная потребность в каком-нибудь успехе. Что касается смерти Вильгельма, то, конечно, сочинить такое известие весьма натурально для спекуляций.

3 янв[аря]

Сидел дома, был только у обедни. Никто у нас тоже не был. Вчерашние слухи, конечно, оказались вздором.

Дочитывал у Карппа* каббаллистов — Нахманида, Елеазара Вормского, Ибн Эзру[252], начал Абульфаса [?], да глаза заболели, бросил до завтра, если Богу угодно.

4 янв[аря]

Послано 10 р[ублей] Соловниной, 3 р[убля] Еремину, 15 р[ублей] Извековой.

Вера уехала в Посад, готовится к экзамену.

Сидел дома, занимался переделкой XVIII главы; работа идет трудно, множество новых данных, которые узнал после ее написания. Приходится почти заново писать.

Глаза устают. Боишься работать долго, а работать по часу, по два — это не работа, а насмешка. Можно читать понемногу, а писать хорошо — мыслимо лишь не ставя работе никаких сроков. В [конце] концов оказывается — приходится ничего не делать значительную часть дня, что, конечно, скучно. Идти некуда и незачем, в результате — скука овладевает. Вот до чего дожил — скучно. Прежде знал только уста-

* Karppe.

лость, а о скуке не приходилось заботиться. Теперь мне бы следовало иметь какое-либо занятие не письменное. Но где его взять? Теперь около войны заняты все такие места охоткой. Надобности нет, кроме, конечно, медицинской работы.

Вот праздники приходят к концу. Скоро можно будет начать занятия в Публичной библиотеке, но сначала надо побывать у доктора (Снегирева). Что то он скажет о глазах моих?

Немецкий Вильгельм уже завтракал у своего министра. Живехонек, значит. А у нас умирает один порядочный человек — А. И. Гучков. Сердце не выдерживает. Судя по газетным известиям, — близка вероятность смерти. Очень, очень жаль. Все порядочные люди умирают. Конечно, Александр Иванович Гучков пользуется симпатией высших сфер, а в Думу его не выбрали болваны московские избиратели. Широкого применения своих сил он не мог находить. Но когда есть человек, то все думаешь: в случае надобности может выдвинуться. Ну а как умрет, так уже ни при какой надобности не воскресишь.

Я сам в числе выброшенных жизнью, но я и не имею серьезных общественных способностей, так что мое бездействие прискорбно только для меня лично. А Гучков — один из немногих способных к этой деятельности. Так уж его очень жаль.

5 января

Я несколько простудился, и побоялся выходить. Посему в церкви не был, хотя сегодня Сочельник. Провели его в одиночестве, впрочем, Коля еще был с нами во время традиционной кутьи.

Хороша эта обрядовая сторона наших праздников, но нам становится все труднее ее поддерживать. Для нее, в сущности, требуется полная семья, а мы — уже семья хиреющая, отживающая в коллективном смысле. Да и в личном — мы, старики, — совсем уже плохи становимся. Друзей, знакомых — тоже почти нет. Говорю «почти» из деликатности, п[отому] ч[то] можно бы сказать и прямо «нет». Вспоминаю нашу «дореволюционную» жизнь на Страстном бульваре. Это было самое лучшее время наше, за исключением моей тяжкой кишечной болезни. Но даже и при этом семье было хорошо, а когда семье хорошо, то как бы ни был сам болен — светлее на душе. А теперь торчишь одинокий на свете, как гнилой пень... Оно, конечно, пора помирать, пора и не думать о радостях жизни.

6 января

Крещение. Побоялся выходить в церковь, п[отому] ч[то] немного простудился.

Заходил Шечков прямо с Двинских позиций, куда возил подарки от Курской губернии. Он возвращается завтра в Курск делать от-

чет о поручении своем. Говорит, что на позициях все прекрасно. Дух бодрый, веселый, содержание превосходное, полки в полном составе (нет меньше 4500 чел. в полку). Все вооружено. Снаряды в изобилии; пулеметов столько, что больше некуда девать.

Вообще из Японии доставлено, говорят, 4 500 000 ружей. К сожалению, ружья японские, пули малого калибра, штыки ножом. Для того чтобы в доставке патронов не выходило путаницы, целые армии вооружаются однообразно; одни — японскими ружьями, другие — нашими. Но я думаю, что при наших порядках (а иногда и по измене) путаница все-таки возможна, и тогда в целых армиях могут оказаться патроны, не подходящие к ружьям. По мне эта двойственность оружия — очень опасная у нас штука.

Качества японского ружья офицеры хвалят. Я этому тоже плохо верю. Во всяком случае, солдат приучают к новому ружью. Я думаю, что дрянной ножевой штык — не важный в Японии, где не любят штыкового боя, — у нас окажется огромным недостатком, ибо у нас сплошь и рядом только и выезжают на штыке.

Итак, на позициях все обстоит благополучно. Но в наступление наше там не верится, потому что теперь слишком сильны снега, а когда пойдет таяние, то разлив Двины помешает. Значит, только после марта можно наступать.

Вопрос лишь в том, что, может быть, ни снега, ни разливы не помешают наступлению немцев. Они до сих пор были менее чувствительны к погоде.

Ну дальше. Говорят, что на Южном фронте, против Ковеля немцы сосредоточили 1½ миллиона войска. Наступление в Галиции офицеры считают в военном отношении безуспешным. Думаю, что, м[ожет] б[ыть], начальством руководили политические причины — т. е. желание воздействовать на Румынию разбитием австро-германской армии у ее границ. Серьезное значение имело бы лишь наступление на Ковель. Но будет ли оно? Аллах ведает.

Относительно поражения австро-германцев близ Черновиц — офицеры смотрят скептически. Точно ли уничтожено 100 000 неприятеля? Да и 100 000 не очень велико дело. Да еще нужно бы знать сколько потеряли мы сами?

Вижу изо всего этого, что я верно оценивал (т. е. как довольно пустяковое дело) это столь рекламируемое наступление. Но думается мне, что и на Двине нечему особенно радоваться. Сидя в окопах против неподвижного неприятеля, — не мудрено быть «бодрыми».

Относительно Рузского Шечков говорил, что его рекламируют больше за либерализм, и это заставляет быть в недоумении относительно его действительных военных способностей. Быть может, это и

очень верное замечание. Но Шечков сказал также, что он тоже слыхал, что на месте Рузского теперь Плеве, т.е. наш Павел Адамович. Каковы же его военные способности и заслуги? Рузский все же коечто сделал. Еще рассказывал, что у немцев в стране считается только 1 миллион, годный для набора и больше ничего.

Это, кажется, и все его рассказы. Остальное — военно-бытовая мелочь. Несмотря на бодрое настроение самого Шечкова не вижу ничего особенно отрадного в самих фактах. Ничего, конечно, печального, но и ничего, способного внушить надежды на будущее. Выходит, кажется, что все надежды могут быть только на истощение Германии, и никак не на свои военные силы и способности.

Но зато вот чем порадовал меня Шечков: подарил мне книгу Karppe «Etude sur les origines et la nature du Zohar»*, которую раньше дал мне на прочтение. Вот уж спасибо. При нынешней трудности (из-за войны) получить книги — это прямо спасибо. А я-то над ней сидел, сколько выписок наделал — целых три тетрадки. Выходит — зря трудился. Впрочем, не совсем зря, п[отому] ч[то] при чтении с выписками книга всегда хорошо изучается. А для меня самый Зогар довольно известен, но целая половина книги — 306 страниц из 592, о еврейском мистицизме — была почти terra incognita**. Так не мешало повнимательнее проштудировать.

7 января

Конец еще одной трагедии. Черногория сдалась на полный произвол победителей.

Что бы ни случилось впредь, но славянство потеряно для России, а может быть, и вообще для себя. В 1905 г. мы потеряли Дальний Восток. В 1915–16 — потеряли Запад. Да, впрочем, не только славянский, а и свой собственный. Что нам в конце-концов останется? Несчастная, погибшая страна! А ведь если бы наш правительственный слой и выращенный им командный состав армии стоили бы хоть ломаный грош, то мы могли бы быть теперь в Берлине.

Вечером мы с Катей были у Сидорова. У них были оба Тихомировы[253] (попечитель с женой), Иловайский, Ваганов (Ник[олай] Ан[дреевич]), проф[ессор] Цветаев, да еще дамы.

8 янв[аря]

Сидел дома, только выходил к переплетчику Левкину отдать в переплет Зогар Karppe. Отдал со страхом: а вдруг пропадет? Уж очень трудно нынче с книгами.

---

* «Учение о происхождении и природе Зогар» *(франц.)*.

** Неизвестная земля *(лат.)*.

Ужасная вещь эта Каббала! Пришлось во множестве мест переделывать мою рукопись, которую я уже считал готовою. И даже теперь — хотя вообще я уверен в точности моего изложения, — но есть места, где я недоумеваю: о точном отношении «Сефиротов» к «мирам» разного бытия. Конечно, сами каббалисты толкуют различно, так что бесспорного, пожалуй, и нет в этой области. Но — самое главное — это страшная скудость данных о практической Каббале.

Вчера Ваганов — который дружески с детства близок с Павлом Адамовичем Плеве — рассказывал, подробно описывая ряд операций, что Плеве очень хороший генерал. Кстати, он не немец, а литовец, и не протестант, а кальвинист. В Литве когда-то горячо распространял кальвинизм всемогущий князь Радзивилл[254]. Этот Плеве — двоюродный брат Вячеславу Константиновичу Плеве, который того же литовского происхождения, и не «фон Плеве», а просто «Плеве». Но есть родственная фамилия фон Плеве в Пруссии, конечно, тоже из литовцев. И вот когда В. К. Плеве сделался министром, его отец желал сделать свой род более «аристократичным» и выхлопотал себе прибавку «фона». О Россия! Чтобы быть «аристократом», нужно записаться в немцы! Но когда отец умер, Вячесл[ав] Константинович стал снова подписываться просто «Плеве».

Доселе никто не знает назначен ли Пав[ел] Ад[амович] Плеве главнокомандующим Северной армией. Но достоверно, что он исправлял должность за Рузского.

Рассказывали вчера также о письме Родзянко к Горемыкину. Он говорит об увеличивающемся расстройстве путей сообщения, указывает, что столицы сидят без необходимых продуктов, и что всего ужаснее (его выражение) — заводы по выделке снарядов и оружия не работают по недостатку материала и топлива, которых не подвозят. Указывая на необходимость для правительства встать со всей энергией для борьбы с этой страшной опасностью, Родзянко просит Горемыкина уйти и дать место человеку более молодому и энергичному. Это письмо запрещено печатать, что даже, пожалуй, разумно. Но если верен факт бездействия заводов по обороне страны, то что же будет? Повторений прошлогодней истории — отдача немцам еще половины России?

Голова идет кругом, когда думаешь о никуда негодности нашего правительства. Конечно, Горемыкин не на месте. Но вот, вероятно, свыше боятся, что нет другого столь же «благонамеренного». Однако есть же Кривошеин, да, пожалуй, и Коковцов[255]...

9 января

Я начинаю постепенно распростуживаться. Очень неприятно. Сегодня был у всенощной. Конечно — как в приходских церк-

вях всегда — и везде ходил, и с одной стороны жарко, с другой холодно, нельзя раздеться, жарко стоять в шубе... И как-то нехорошо себя чувствую.

Занимался своей досадной Каббалой. Она занимает 4 главы. Две — отделал, кажется, окончательно. Но на «практическую Каббалу» так ничтожен материал, что и сделать сколько-нибудь сносно не из чего.

11 января

Заходил П. Б. Мансуров, прочел свою заметку о покойном А.А. Нейдгардте к 40 дню кончины. Интересная заметка и притом чуть ли не единственная в печати.

Может быть, следовало бы мне написать. Но я сам не могу дать себе отчета в том, почему я не сделал этого? Отчасти — негде. Конечно, в [«]Моск[овских] вед[омостях[»], вероятно, поместили бы, но не хочется заваривать с ними связи. А больше и нет у меня «органов». Значит, — к чему писать, для кого и для чего это нужно? И наконец, под псевдонимом не хочу писать, а под своим именем — тоже не хочу. Это значит — не о Нейдгардте говорить, а о самом себе, наполовину, на треть. Ну это уже совсем противно. А Нейдгардт теперь перед Богом, и ему все равно, будут о нем говорить, или не будут.

13 янв[аря]

Сегодня Мансуров служил панихиду по случаю 40 дней кончины Алекс[ея] Ал[ексан]дровича Нейдгардта, и я... забыл это и не пошел... Нехорошо.

Прислал С. И. Матвеев письмо из Орла, извещает, что лежал больной брюшным тифом — в Сводном эвакуационном № 52 госпитале, 2-е отделение. «Сожгите это письмо», прибавляет он, очевидно, боясь заразы.

Сегодня — худо ли, хорошо — кончил исправление всего моего отдела о Каббале (три главы). И теперь стал перед безбрежностью V отдела. Мысль не работает, теряясь в сложности задачи...

Нет, пожалуй, не от Бога мне эта работа! Запутался совсем, не свожу концов с концами. Для такой темы нужно иметь веру горячую, бестрепетную... Не по мне, не по моим силам.

14 января

Маруся извещает о назначении Еремину ежемесячного пособия, из капитала Электрической школы, по 8 р. впредь до получения казенной пенсии или окончания войны. Ну слава Богу!

В этой стороне хлопоты не прошли даром. Немедленно, конечно, известил Еремина.

Сегодня был у Сучкова. Это в первый раз. Давно собирался сделать визит. Получил от него тезисы Никанорова[256] и Папкова[257] о приходе. Не*.

Приглашаю кое-кого из знакомых для прочтения и обсуждения их. Имею целью — не перенесся ли этот вопрос (о приходе) — ну хоть в Братство святителей Московских. Я, конечно, не придаю особенно большого значения приходскому вопросу, но некоторое — он имеет.

Прихожу в истинное уныние от совершенно непосильных расходов. Нам не хватает денег, а недоумеваю, что сокращать, на чем экономить? Экстренных расходов было мало, а будет гораздо больше. Пойдут всякие налоги им же буквально нет числа... Как мы будем жить? Из чего? В прошлом году мы не прожили всего, что имели, даже в прошлом, уже очень дорогом. Теперь же — даже со сбережениями прошлого года, на январь не хватает дохода. Чем это кончится? Понять не могу. За ½ месяца издержано на 108 р. больше, чем за ту же половину января 1915 года. Как жить? И прямо не знаешь что сокращать?

Теперь у всех выросли расходы, но зато у всех вырастают доходы. Только и слышишь о прибавках всех жалований. У меня же нет ни на грошь прибавки дохода, а расход растет как безумный.

Я нигде не имею заработка, и не могу иметь. Даже моя работа, в сущности весьма усиленная, создает нечто коммерчески грошовое. Все что мною вполне окончено — содержит около 400 страниц, т. е. при гонораре — могло бы дать около 1000 рублей за два года, т. е. по 500 р. в год. Но я и этого не получаю и не получу, п[отому] ч[то] негде печатать. Моя работа ни к чему. Ее даже не увидишь сам, п[отому] ч[то] сам я уже никак не могу издать, и нет журнала, который бы поместил. Это еще хуже чем «Монархическая государственность», которая, во-первых, издана (хотя и ни на что не нужна, как и эта), во-вторых, дала мне за несколько лет труда все же рублей 300 дохода.

Удивляюсь себе: ни на что и никому не нужен! Редко можно встретить такого человека. А ведь не ленив, не без знаний, говорят, не дурак... И — ни к чему. Прекурьезное явление природы, но только быть таким явлением совершенно неприятно, особенно когда начинаешь бояться, что не хватит средств к жизни.

15 января

Получил письмо от барона Дельвига Андрея Александровича. Говорит, что давно потерял меня из виду и все искал. Приятно было услышать о нем: человек душевный. Тотчас же ответил, послал ему свой адрес.

---

* Далее неразборчиво.

16 января

Сейчас Екатерина Петровна Матасова телеграфирует о смерти Сергея Ивановича Матвеева, в Орле, в госпитале. Скончался в полном сознании, после принятия Св. Тайн. Говорил, что переходит в лучший мир, и что — это лучший конец его жизни. Просил передать всем знавшим его, его прощальный привет.

Скончался он 14 января утром, через три часа по принятии Св. Тайн. По большей части в последние дни жизни он был в забытьи, а иногда — сознание прояснялось. Последние пять дней с ним была его сестра (Зинаида, кажется), на руках которой он и скончался. Он раньше очень желал, чтобы его перевезли в Москву, но когда сестра приехала, он был уже так слаб, что о перевозке нельзя было и думать. Он утешал сестру, говорил, что не нужно горевать о нем, что он переходит в лучший мир, что теперь перед ним откроется светлая жизнь. Сестре же поручил передать всем знающим его прощальный привет.

Священника он потребовал сам, исповедался. В лазаретах принято давать полную ложицу. Он сказал: «Почему Вы мне даете так много Христа»? Священник ответил: «Так Вам нужно для души Вашей», и Матвеев приобщился с благоговением. Скоро после того он впал в забытье, что-то командовал, предупреждал солдат, что летит бомба, может перебить их. Потом скончался.

Скончался он от слабости сердца.

Умер он 14 января, а я получил от него краткое письмецо 13 янв[аря]. Значит он его писал за 3–4 дня до смерти. Записка была краткая, написанная слабым почерком, одного слова я даже не разобрал. Писал он только извещая, что лежит больной тифом в Орле в 72 госпитале (на самом деле это не 72, а 52 госпиталь), что пробыл в полку всего две недели, что очень тяжкие боли испытал при перевозке в Орел. Прибавил «сожгите это письмо». Вот и все.

Я немедленно ответил ему, и послал письмо Носковой, прося ее, если у них в земской больнице есть заразное отделение — похлопотать о переводе к ним Матвеева.

Но значит, когда мое письмо двинулось в Орел — Сергей Иванович уже переходил в лучший мир.

Матвеев также сообщал, что перевозка от Минска до Орла чрезвычайно замучила Матвеева, и особенно ужасна была перевозка с вокзала до госпиталя в самом Орле.

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Сергея.

Приезжавшие с фронта солдаты его роты называли его «святым» и «преподобным». Любили его чрезвычайно. Вообще он был общим любимцем в полку.

Уезжая, он говорил и Матвеевой, что не долго ему жить. Это он высказывал и мне. Но вот сколько был под пулями и бомбами и уцелел, а умер от тифа, при сложении истинно богатырском. Что такое все наши предвидения?

Царство ему Небесное.

* * *

Сегодня же во всех газетах телеграмма о смерти Воронцова-Дашкова, 79 лет, в собственном имении на Южном берегу. Все умирают — и молодые, и старые и баловни знатности, и неведомые разночинцы. А что их встретит там? О Господи, вразуми и дай прежде конца покаяние.

17 янв[аря]. Воскресенье

Были гости — специально для прочтения текста доклада Папкова-Никанорова о приходе. Были: 1) А.А. Тихомиров, 2) Ник[олай] Ник[олаевич] Ридман, 3) П. Б. Мансуров, 4) Ник[олай] Дм[итриевич] Кузнецов, 5) Гр[игорий] Петр[ович] Георгиевский, 6) о. Фудель, 7) Сучков, 8) Новоселов.

Обещали быть профессора — Гидулянов (Пав[ел] Вас[ильевич]) и Ал[ексан]др Ив[анович] Алеозов [?] и оба не пришли, задержанные какими-то посещениями. Кожевников не пришел, п[отому] ч[то] был на лекции Булгакова. Но несмотря на отсутствие таких крупных сил, вечер был весьма интересный и содержательный.

19 января

День моего рождения. Мне исполнилось 64 года. Никогда я не думал, чтобы Господь мне дал прожить так долго, а между этим — все еще не хочется умирать. Благодарение Богу за все. Не пошли, Господи, конца прежде покаяния.

Был сегодня у врача, у Снегирева Константина Владимировича. Он остался доволен моими глазами, сказал, что нет ничего угрожающего, и прописал продолжение лечения (эрготином) на целые 50 дней, с десятью днями перерыва. Слава Богу за снятие с меня угрозы такой тяжелой.

Вечером у Д.А. Хомякова было заседание Совета Братства 4-х Святителей[258]. Я пришел послушать, как они будут решать вопрос об отношении Братства к докладу Папкова и Никанорова. Решили очень умно: попросить у них самый реферат, составить в Общество свой доклад и на чтение этого доклада пригласить гг. Попкова и Никанорова, если угодно, для защиты своих идей.

Совет Братства был в составе Д. А. Хомякова, Корнилова, И. А. Лебедева, Мансурова, Дружинина и еще неизвестного мне...

Из прошлых членов были, кроме меня, Новоселов и Дурылин. Последний — для предложения Совету своего нового доклада в Общество.

20 января

В газетах известие: Горемыкин уволен от председательства, на место его — Борис Владим[ирович] Штюрмер[259]. Помоложе Ивана Логгиновича, однако, все же 67 лет. Возраст почтенный. Помню, когда-то считался очень правым, и в консервативных кругах — в очень старое время — считался годным в мин[истры] внутр[енних] дел, по предполагаемой твердости своего характера. Однако все же не показал себя на деле, кажется, нигде, кроме должности губернатора (в Твери, помнится).

В общем, думаю, вопросительный знак. Но вызывается в Царское Село Коковцов. Этот же куда?

Съездил с Мамой к нотариусу Плевако[260] (новому — Сергею Федоровичу) — делает доверенность на получение пенсии (С. М. Пенчулу) и контракт с Когутом. К сожалению, не мог, конечно, продержать там маму долго, так что придется съездить завтра за изготовленными документами.

Хочу также изменить завещание, так как новый закон позволяет распоряжаться и родовым имуществом в Новороссийске.

Валериан Доримедонович Плевако, с которым я имел так много лет дела, умер с полгода назад, и его контора перешла к С. Ф. Плевако, бывшему Присяжному поверенному.

21 янв[аря]

Совершен мой договор с Когутом об арене хутора. Заключен мной (от моего имени). Засвидетельствован в конторе нотариуса Сергея Федоровича Плевако, Театр[альная] площадь, д. гостиницы Метрополь, 21 янв[аря] 1916 г., по реестру № 605.

Сегодня же получил мамину доверенность Пенчулу на получение пенсии, — доверенность выдана вчера, у него же Плевако (т. е. 20 янв[аря]).

Получил ответ от Константина Федоровича Федорова, командира 16 роты Выборгского полка, что в конце этого месяца Лаврентий будет отпущен в отпуск. Капитан очень лестно отзывается о нем («прекрасный солдат»). Очень отрадное известие. Но как ходят письма! Я ему писал свое ходатайство о Лаврентии около 23 или 22 декабря. Конверт мой помечен от 13 января, т. е. через 20 дней, а его письмо ко мне шло 8 дней. Полк же уже где-то под Двинском.

22 янв[аря]

Приехал Измаил Рождественский[261] из Новгорода, привез письма Тихона и подарки разные. У него, слава Богу, все благополучно. Сегодня же Измаил уехал в Академию.

Наде ужасно хочется, чтобы я приехал в Посад. И как не хотеть: страшно скучно одной! И у меня здесь руки опускаются на всякое дело, когда думаю о ней. Какие мои дела! Кому они нужны? Чушь, конечно. А тут все-таки человеческое существо. Но вот не вырвешься. Во-первых, почти немыслимо не прослушать доклада Папкова и Никанорова, а они все откладывают. Во-вторых, хочу переделать заключение, и для этого нужно дождаться приезда Кузнецова из Петрограда. Так и сижу, и тоска меня одолевает. Вот, ввязываюсь в обсуждение реформ прихода, важнейшего вопроса[262]. А не умеешь устроиться так, чтобы даже нескольким душам своего семейства помочь жить...

А с этим приходом ничего, кроме чепухи, не может выйти. Какие реформы при нынешнем положении России? Говорю не о войне, а о внутреннем состоянии умов и качестве деятелей. Да ведь и война — страшный вопрос. Уверен ли я, например, что ближайшим летом немцы не захватят Москвы? По правде сказать, — нисколько не уверен. А уж об окончании войны — сколько-нибудь приличном — даже и думать не могу. Мысль отказывается работать на эту тему. Непроницаемо густой туман скрывает будущее. Конечно, Господу все возможно. Но каковы суды Его? Как это проникнуть?

23 января. Суббота

Сегодня я составил новое духовное завещание, взамен прежнего, составленного в 1909 г. 26 ноября, в конторе нотариуса Валериана Доримедоновича Плевако. Выпись из 2 части актовой книги за 1909 г. Лист 20, стр. 1 и 2 № 37; подлинный акт в реестре 1909 года под № 8930. Ныне, за смертью Вал[ериана] Д[оримедоновича] Плевако, находится у старшего нотариуса.

Новое духовное завещание составлено в конторе нотариуса Сергея Федоровича Плевако (в доме гостиницы Метрополь, Театральная площадь), сегодня 23 января 1916 года, по реестру 1916 г. за № 720. Выпись из первой части актовой книги за 1916 г. Лист 3, стр. 1 и 2, № 4[263].

* * *

Собираюсь завтра поехать к Наде в Посад. Уже сказал ей по телефону.

* * *

Доклад Папкова с Никаноровым оттягивается, так как авторы не могли достать билетов жел[езной] дороги. Предполагают быть от 26 до 28 янв[аря]. Но я не верю этому.

Дело в том, что явились слухи о назначении Папкова обер-прокурором в Синод. Волжин будто бы совершенно «подорван»... Там в Петрограде какие-то «чудеса в решете». Митрополит Питирим[264] играет величайшую, неслыханную в его сане, политическую роль. Объезжал членов партий, советуясь кого лучше назначить вместо Горемыкина, и когда Родзянко назвал Манухина[265], Питирим сказал, что этот не пройдет. Синод, который был подобран применительно к Питириму, оказывается недостаточно единомыслен, и, говорят, будет опять перетасован. Называют ряд предстоящих перемен: будто бы Хвостов — внутр[енних] дел* — тоже отдал и уходит. Уходит будто бы Харитонов[266]. На этом общем фоне перетасовок всюду мелькает Питирим. Он ездит к министрам, министры навещают его. Не то граф Сен-Жермен[267], не то маркиз Карабас[268]. Эта необычайно оживленная деятельность Петроградского митрополита общеизвестными слухами объясняется его интимными отношениями к Григорию Распутину.

Все это прекрасно, или прескверно, но если Волжин не годится, то почему же стал годен Папков? Это любопытно. В отношении же Московского реферата — мыслимо ли, чтобы обер-прокурор Св. Синода сам читал реферат? Это может быть в духе нынешнего политического водевиля, но все-таки сомнительно. Чересчур смешно, чтобы обер-прокурор, имеющий возможность проводить свои просьбы через Св. Синод, Госуд[арственную] думу, Госуд[арственный] Совет и личным докладом у Государя Императора, прибегнул к «салону» Кологривова... Если это непомерная честь для «салона», то крайнее унижение для государственных учреждений. Вообще — невозможно даже для современной России.

Думаю, что если Папков хоть близок к обер-прокурорству, то не приедет совсем. А посему и мне откладывать поездку в Сергиев Посад нет резона.

24 янв[аря]

Был у Алекс[андра] Андр[еевича] Тихомирова. В Посад не уехал, п[отому] ч[то] меня очень обеспокоил Ридман, сказавший что завещание мое составлено незаконно, и может быть не признано действительным. Меня это удивляет, но и беспокоит. Надо посоветоваться, и если правда, то переписать его. Прямо скандал. А ведь Ридман — председатель окружного суда.

* Так в тексте.

25 января

Кузнецов, наконец возвратившийся из Петрограда, назначает консультацию о завещании на 27 янв[аря] вечером. Ридман, желающий проверить свое мнение у своих цивилистов[269] (сам он криминалист), надеется, что сможет окончательно высказать мне свой совет 28 янв[аря]. Значит я до этого времени прикован к Москве. Значит, вероятно, нужно будет снова переписать завещание, на что есть время только 29 и 30 января. Январь 31 — это уже воскресенье.

Значит моя поездка в Посад разрушена. 1 февраля Папков с Никаноровым приедут читать свой доклад. Но это выходит канун Сретения. Петроградцы упустили из виду. Значит, вероятно, не состоится, Если мне идти надолго — то когда же я наконец вырвусь в Посад? Удивительно все складывается вопреки моим желаниям, и именно то, что я не хотел выждать возвращения Кузнецова и составил завещание с одним Плевако, теперь мне обойдется вдвое большей тратой времени и денег.

Сегодня было чествование 25[-летия] юбилея Г. П. Георгиевского. Я тоже послал телеграмму. Что ж! Он эти 25 лет провел полезно и потому умно. И сам работал и другим помогал. Стоит почтить.

26 января

Моя работа совершенно «заколодила». Сердце пусто, празден ум. Впрочем, сердце не пусто, а наполнено каким-то давящим чувством. Россия меня убивает. Ну каждый день — какая-нибудь чепуха в государственной и общественной жизни. Разнузданная алчность аппетитов становится все наглее и своим видом развращает всех. Уже, кажется, лучше бы газеты молчали, а то все привыкают к мысли мошенничать и грабить. Из разоблачений не получается ничего, кроме доказательства безнаказанности спекуляций. Расправа судебная — медленная, вялая — не имеет никакого оздоровляющего действия. Распоряжения администрации постоянно неудачны, нередко просто глупы. Да и какими им быть, когда правящий персонал тасуется чуть не ежемесячно. Не понимаю, как можно это не сознавать.

И этакое внутреннее разрыхление, распадание, деморализация — во время страшной, опаснейшей войны. Я очень опасаюсь, что немцы весной опять нас будут также бить, как в прошлом году. И что выход? Его нет. Нужно правительство. И нет никакой надежды, что оно будет когда-нибудь составлено. Разве после войны... Но тогда уже поздно.

9 февраля собирается Дума. Но что она может сделать? Ее необходимо собрать потому, что власть совершенно дискредитирована. Но Дума не может изменить состава власти, да и не сделала бы, и

непременно войдет в принципиальную политику. Господь нас отдал на расхищение всем злым силам, и только силам добра нет доступа к власти.

Вот Штюрмер... может быть, он и недурен, но долго ли и он усидит? О нем близко знающий А. А. Тихомирова говорит, что он очень православный человек и вполне понимает значение твердых социальных устоев. И, однако, он знаком с Распутиным и угощал его у себя завтраками, значит — отношения интимные. Без этого Распутина никакое дело не обходится. Питирим — его ставленник и протеже — пустился в высшую государственную политику. Того гляди — Варнаву привлекут в Синод... Чего тут ждать? Гнетущие впечатления и настроение такое, как сказано в Писании: «Будут издыхать в ожидании грядущих бедствий»[270]. Какая тут работа пойдет на ум?

А тут еще и личное положение не без неприятностей, все кругом делается не так, как бы хотелось. Расходы такие, что жить невозможно, и трудно их сократить, не уехав совсем в Посад, и нельзя уехать, когда Николай все учится, да и Вера стала учиться. Не хватает ума, как со всем этим сладить, и нет никаких благоприятных обстоятельств. Обыкновенно у всех людей бывает, да и у меня всегда бывало, что вместе с неблагоприятными условиями попадают и какие-нибудь благоприятные. Теперь уже давно — ни одной счастливой случайности. Это приводит к унынию. Все окрашивается цветом мрачности и безнадежности. Очень неприятно и тяжело. В себе совсем разочаровался, кажусь себе какой-то бездарностью и, должно быть, грешником, и это еще больше ослабляет силы. Я, пожалуй, и не печалюсь этим, что я бездарность. Мне этих дарований теперь уже не нужно. Но мне бы хотелось милости Божией, хотелось бы чувствовать, что Господь не гневается слишком, и вот этого чувства нет. А через это пропадает чувство безопасности жизни. Очень, очень неприятное состояние души.

27 января

Я уже давно писал В. Н. Львову[271] (на Госуд[арственную] думу), прося его речь в бюджетной комиссии о положении Церкви. Он не отвечает. Что значит? Не знаю. Но ввиду его молчания заклеиваю заметку [«]Русского слова[»] (кажется, 20 декабря).*

А. С. Суханов[272] дал яркую характеристику деятельности епископа Варнавы, приведя ряд выдержек из его речей и проповедей. В заключение тобольский депутат спросил обер-прокурора о судьбе

* Вклеена вырезка из газеты.

ревизии тобольской епархии, произведенной архиепископом Серафимом[273].

А. Н. Волжин, отвечая А. С. Суханову, заявил, что отчет о ревизии тобольской епархии только что поступил в Синод и никакого отношения к увольнению архиепископа Серафима не имеет.

М.А. Караулов[274], *в связи с делом ходатая Арцыбашева, настаивал на необходимости скорейшей реформы бракоразводного процесса и просил обер-прокурора выяснить, действительно ли в Персии и Греции православную церковь покровительствуют не только лица немецкого происхождения, но и явно германофильствующие.*

Двухчасовая речь В. П. Шеина носила до некоторой степени покаянный характер: депутату прежде всегда приходилось восставать против вмешательства Думы в церковные дела, но теперь, когда не видно никакого просвета, молчать нельзя, — иначе камни возопиют.

В целях исцеления церкви от всяких ее теперешних недугов, необходимы скорейший созыв церковного собора и правильная подготовка к нему, а не те мертворожденные комиссии, которые создавались до сих пор, но ничего не давали.

Закончил свою речь В. П. Шеин указанием, что перемещение петроградского митрополита в Киев без всяких видимых причин и оснований церковного характера не может не вызвать общих размышлений.

Огромное впечатление произвела речь В. Н. Львова.

— Коренная причина всех наших церковных болезней лежит в том, что наша православная церковь лишена свободы совести. Имея право исповедовать веру, она лишена права свободно организовывать свою жизнь согласно своим уставам и требованиям. Из православных епископов один Андрей Уфимский[275] *бьет сейчас в набат на всю Россию. Я надеялся, что Дума сумеет дать церкви свободу. Дума дала все, что могла, но двери оказались перед нами закрытыми. С Думой не считались. Я стучался в другие двери, может быть, недоступные другим, но нашел и эти двери закрытыми. Неужели же мы доживем до того времени, когда наши иерархи, окруженные верующими православными, отделяясь от Синода, объявят свою каноническую независимость от константинопольского патриарха и тем положат начало внутреннему разделению православной церкви?! В церковном управлении у нас, несомненно, царит хаос, и для того, чтобы выяснить его причину, я прошу присутствующего здесь обер-прокурора ответить на следующие два вопроса:*

1) Каким уставом руководится обер-прокурор в деятельности Синода?

2) Какие правила определяют отношения обер-прокурора к Святейшему Синоду?

А. Н. Волжин на эти вопросы не ответил и в частной беседе во время перерыва заметил В. Н. Львову:

«Снимите ваши запросы. Я спрашивал всех чиновников Синода, и никто мне не мог указать на какие-нибудь правила» (в таком роде)*.

29 янв[аря]

Вчера и третьего дня у меня происходили консультации с Кружилиным, а потом с Ридманом о правильности моего завещания. Ридман (бывший вчера) окончательно убедил меня, что завещание правильно, и переписывать его не нужно. Это очень приятно.

Теперь, 2 февраля, предстоит еще побывать на докладе Папкова и Никанорова о приходе, и затем, может быть, Бог даст наконец побывать в Посаде.

Слыхал за это время много любопытного об общественных делах. Кузнецов в Питере два раза виделся с митрополитом Питиримом, и уже написал ему две высоко хвалебных статьи в «Биржев[ых] ведомостях», где превозносил его выше всех иерархов за его стремление к реформам. Увлекается и политиканствует. Его собственные впечатления таковы, что Питирим — натура «жертвенная», «очень пылкий» и увлекающийся, но без упорства и энергии. Что можно ожидать от такой натуры? Но самое главное, что эту «жертвенную» натуру обвиняют в противоестественном грехе, что для реформатора церкви довольно не удобно, и, во-вторых, — он все-таки выдвинут Гришкой. Кузнецов возражает, что теперь в Петрограде все знаются с Гришкой. Но легче ли это для церковной реформы? Что может быть доброго от этой грязи?

Сверх того — если впечатления Кузнецова правильны, то эта «жертвенная» натура никак не выскочит из рук Гришки.

Выбор — мерзость запустения, среди которой немыслимо воздвигнуть церковное здание.

Правда, есть слухи, будто бы влияние Гришкино вызывается влиянием Питирима. Если и так, то, et cela vaut bien cela**, да и сомнительно.

Очень разные слухи ходят о Волжине. Одни говорят, что он подорвал Питирима, доложив Государю, что Питирим печатает в газетах ([«]Новое время[»]) возражения на законопроект Св. Синода, внесенный в Гос[ударственную] думу. Поступок действительно мальчишеский и неприличный для члена Св. Синода. Но другие говорят, что зато Волжин сделал Питириму, от имени Государя, выговор за это, более резкий, чем сделал Государь, и будто Штюрмер доложил

* Приписка Л. А. Тихомирова.

** Это того стоит (*франц.*).

это Государю, вследствие чего Государь разочаровался в Волжине. Потому будто бы положение не Питирима, а Волжина пошатнулось. Что правда? Не знаю. Но о шатком положении Волжина говорят шибко, и преемником его прочат А. А. Папкова.

Тоже будет недурная пара — Папков и Питирим. Разорят Церковь. Прямо какое-то повальное царство легкомыслия.

Слыхал еще подробности о знаменитой просьбе министров (Кривошеина и прочих) к Государю. Я до сих пор не знал этой версии. Министры будто бы доложили Государю о желательности: 1) оставления им звания Верховного главнокомандующего, 2) о желательности созыва Гос[ударственной] думы, 3) о желательности назначения министров из среды лиц, пользующихся общественным доверием.

Кривошеин на коленях умолял одобрить эти пункты. Государь отвечал очень сурово и категорично. Он сказал, что сами они знают, что Николая Николаевича было необходимо сместить вследствие наделанных им ошибок, и что все высшие командующие армии просили* Государя принять Верховное командование армиями. Зная это, каким образом эти министры осмеливаются делать ему свое представление? Дальше о Думе сказал, что с 1905 г. наделали с Думой достаточно ошибок и повторять их он не намерен.

Тон ответа был так суров, что Кривошеин спросил, не должен ли он подать в отставку? Государь сказал, что он назначает и увольняет министров не по их желанию, а по собственным своим соображениям, что Кривошеин должен возвратиться в Петроград и там ожидать, что Государю угодно будет сделать.

Когда Государь проявил свой явный гнев, Кривошеин, говорят, пытался смягчить его, выставляя ему на вид, что они, министры, не могут в его отсутствие вести управление, и что его присутствие необходимо.

Разумеется, аргумент весьма мало утешительный.

Еще слыхал (в первый раз) о том, что происходили какие-то противоцарские совещания у Контина [?] — тоже крупных государственных лиц — не знаю кого, и не знаю зачем, но будто бы и такие замыслы, за которые тяжко карает закон... Неужто и в этом замешан Кривошеин? Говорят, будто в это замешан Джунковский. Надо будет все это разузнать как-нибудь.

Скверные дела у нас творятся. И отчасти жаль, что я теперь стою вне всяких знакомств, через которые можно бы сколько-нибудь знать все это, чтобы хоть уметь оценить происходящее. А то считаешь так, а в дальнейшем, надо же оказывается совершенно обратное. Конечно,

---

* Далее зачеркнуто — «об этом».

я стою вне всякой деятельности, но неприятно и в мыслях обвинять людей несправедливо.

30 января

Мечтаю опять о поездке в Посад, чего нельзя сделать работая 3 февраля. Не знаю только, развею ли я там свою хандру. Наверное, и там такая же давящая атмосфера зловонных слухов, недовольства, сплетен и ругани. Здесь — очень тоскливо. И ничто впереди не ожидаешь светлого.

Одно из самых опасных обстоятельств нашего времени, или скорее — момента, — это неспособность властей поддерживать внутренний порядок, не допускать голода или равносильной ему дороговизны, наконец — я думаю — даже просто уследить за махинациями Германии внутри России. Наверное, Вильгельм спит и бредит беспорядками в России, наверное, для возбуждения их пускаются все средства. А мы не видим ни административных, ни судебных обнаружений этих махинаций. Нельзя допустить, чтобы махинаций не было. А если они не обнаруживаются — это можно приписать только неумелости администрации. Между тем горючего материала у нас — масса. Особенно подпитывается он дороговизной и спекуляцией.

Дороговизна такая, что не хватает средств жить. У меня январский расход превысил доходы. Чем же это кончится? Как же могут жить бедные, недостаточные люди? Конечно, масса людей теперь получает пособия — у кого ушли на войну; да и жалованья, говорят, всюду увеличиваются. Но вряд ли это уравновешивает страшную дороговизну жизни.

Не знаю, мой ли это субъективный пессимизм, или правильное показание глазомера, но я — так и чую какие-то бедствия — и вспоминаю слова покойного Алексея Александровича Нейдгардта: «Россию ждет какая-то страшная катастрофа, я ее чувствую так ясно, что мне кажется, как будто она уже наступила». Вот в этаком роде и мои ощущения. Ах если бы Бог дал, чтобы я ошибся!..

Уж хоть бы дожить с внутренним спокойствием до возобновления военных действий. Они бы быстро показали — чего нам ждать: гибели или воскресения? Но до этого очень далеко, не меньше двух месяцев.

31 января

Был Михаил Гаврилович Киселев, служивший уполномоченным Земского союза. Много интересного, хотя весьма печального. Премерзкое известие. Павел 4 февр[аля] должен явиться в Дмитров — в солдаты. Теперь открывается очень неприятная перспектива. Вся его семья — Дуняша (работница), 80-летняя бабушка Наталья, и четверо

малых детей — т. е. одни рты — остаются на наш счет. Вместе с этим нужно искать дворника. Помещение дворника занято семьей Павла, и сверх того Дуняша взбаламошная и нервная, может любую прислугу выжить. А как ее прогнать, когда муж в солдатах? Это Павел сыграл всякому безобразию. Будет эксплуатировать то чувство гуманности, которого не имеет сам.

Конечно, это не неожиданно. Но мы все-таки не подготовились, т. е. человека — кандидата — нет. Да когда он и явится — то все прочие элементы положения не изменяются. Наваливается на шею новый камень. Страшно трудная жизнь.

1 февраля

Рассказы, как об армии, так и о деятельности Земского союза, — сплошь одна грусть. Внутренняя несолидарность частей иногда превосходит все допустимое. Образчик. В кавалерийском корпусе возникает холера такой силы, что за пять дней умерло три тысячи человек, в том числе и генерал. Киселев, приехавший для осмотра своего личного отряда, застал начальство корпуса растерявшимся, п[отому] ч[то] у него не было средств бороться с эпидемией. Выделив кое-какой персонал из своего отряда, Киселев обратился в соседний пехотный корпус, у которого был избыток врачей. Но главный врач сказал: «Кавалеристам? Ничего не дам!». Военное начальство проявило такую же антипатию к «кавалерии», и Киселев ничего не добился.

Рассказывал он также о дряннейшем поведении последних призывов. Сдавались бессовестно. Дисциплины никакой. Последние призывы прапорщиков запаса тоже крайне плохи. О сдачах рассказывал ему один полковой командир, что у него прямо из окопов поднялись две роты и в полном составе ушли к неприятелю. «Почему же их не расстреляли вдогонку», — спрашиваю я. «В другом случае роту и расстреляли сзади из пулеметов»... Нижние чины распропагандированы революцией, но, конечно, мудреных программ не понимают, а думают о бунте и грабеже. Между прочим Царский престиж страшно подорван широчайше распространенными рассказами и легендами о Распутине.

Киселев считает страшной ошибкой удаление Вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича. Это был единственный вождь, которого любили и которому верили даже после всех неудач. В армии была значительная часть, которая ожидала, что Великий князь откажется уйти, проявив более заботливости о России, нежели о Царской фамилии. И все таковые не одобряют великого князя за то, что он подчинился Воле Государя. Вот каковы настроения! В армии ходят рассказы, что под великого князя подкапывались Распутин и Сухомлинов: Распу-

тин за то, что Великий князь его выдворил из армии, а Сухомлинов* потому, чтобы не быть уничтоженным за свои гнусности. Рассказывают, что, уезжая куда-то, Сухомлинов (тогда еще министр) просил Государя позволить проститься с Наследником Цесаревичем[276] и разыграл такую сцену: став на колени перед Цесаревичем, в сердцах воскликнул: «И этого невинного отрока он (Великий Князь) хочет погубить!» Дело, конечно, не в том, сколько правды во всех этих толках, а в том, что они существуют широко, и постоянно связывают личность Государя с самыми ненавидимыми людьми.

Относительно будущих военных столкновений передавал очень пессимистические мысли разных генералов и полковников. Дело в том, что у нас ничего не подготовляется, особенно плохо оборудован тыл армий. Дорог не устраивают, укрепления — кое-как, тогда как у немцев везде уже понаделано множество подвозных путей. Мы, вероятно, опять останемся без снарядов, не потому чтобы их не было, а потому, что их нельзя подвозить. Он убежден, что если мы и не будем погнаны по прошлогоднему, то ни в каком случае не отберем взятых неприятелем своих крепостей.

Вот каковы его впечатления. О генералах он очень невысокого мнения. Лучше всех считает Эверта, но он непопулярен за свою требовательность и поддержание дисциплины.

Может быть, конечно, здесь на много % действует пессимизм человека очень идеалистичного, а потому всегда разочарованного всякой действительностью. Однако много % приходится предположить верным.

Отношение к будущему в армии, говорит он, легкомысленное. Настроение бодрое, но по легкомыслию; к борьбе не готовятся серьезно так, как готовятся немцы.

О Земском союзе рассказывает также нехорошие вещи. Хищения невероятные, от больших до малых людей. Вся эта масса интеллигентов нахватывает денег, где только попадутся. Один, ехавший для раздачи подарков, выговорил себе 25 рублей суточных, так что даже князь Львов[277] не выдержал и протестовал. Двухколески в Москве заказывались по 400 и 500 рублей, тогда как Киселев, освоившись с делом, нашел возможности получать их по 210 рублей.

Все деятели кутят и шикарят, останавливаются в лучших гостиницах, расхаживают и расшвыривают деньги возмутительным образом. Именно борьба против этого и поссорила, наконец, Киселева с Земским союзом.

Сам кн. Львов, по его убеждению, личность чистая и даже светлая, но не имеет энергии бороться со злом и, из-за необходимости попу-

---

* Далее зачеркнуто — «за то, что».

лярности, все терпит и допускает. Во всем ходе дела у него величайший беспорядок. А. И. Гучков без всякого сравнения выше, и даже вообще очень крупен, но требуя порядка — лишается популярности.

Я, конечно, лишь в беглых и приблизительных чертах записываю долгое повествование Киселева.

Теперь он уже разошел[ся] с Земским союзом и доканчивает только ликвидационные счета Северо-Западного отдела. Отчетные документы, говорит, нередко совершенно скандальные, но «придется принять», чтобы не позорить Земский союз.

Вот каковы рассказы человека, работавшего на фронте и в тылу целый год, а я знаю Киселева за человека весьма честного и правдивого, хотя, конечно, всегда подходящего к жизни с идеальными требованиями, которых никакая жизнь никогда не вмещает. Поэтому его осуждения всегда несколько преувеличены.

Впрочем, о безобразном расхищении денег в Земском союзе я слыхал со всех сторон. Да и в отношении прочего — отзывы по большей части в таком же роде. Я не ожидал только такого широкого распространения распутинской легенды. Это человек — истинно рок для Государя. Конечно, революционеры пользуются возможностью расшатать Царскую власть и, без сомнения, сочиняют, может быть, на 99 %, но ведь результат не легче оттого, что слухи на сколько бы то ни было % ложны, раз им верят.

Конечный вывод Киселева — что только появление огромной власти может нас спасти. Но где эта власть? Уж, конечно, не Штюрмер. Не видать ее ни в земстве, ни в Думе.

2 февраля

Приехал Лаврентий. Вид совсем хороший, сытый, и даже добрый. Но рассказы об армии нехороши. Лучшие войска — погибли. Присылаемые теперь солдаты — мальчишки, невыученные, дрянь. Офицеры тоже никуда не годятся. Прапорщики — ничего не смыслят, и только пьянствуют. Старые офицеры, которых очень немного, не идут в бой, берегут жизнь: «Ни по чем его не двинешь в бой». У пехоты мало ружей, штук 75 на роту. Ружья до сих пор разнокалиберные: в одной и той же роте есть русские, французские и японские. Немцев очень хвалят, особенно офицеров. «Если бы нам таких офицеров, — давно была бы кончена война».

Говорят много о прямой измене, между прочим в Гродно. На весну ждут больших боев. Но у него скорее предположение, что мы будем отступать до Пскова. Вообще — не отрадные рассказы.

Вечером был доклад Папкова и Никанорова у Кологривова. Никаноров (Иосиф Всеволодович) — человек, по-видимому, умный и, пожалуй, даже верующий.

Практическое предложение: чтобы Гос[ударственная] дума взяла проект IV Отд[еления] Предсоборного присутствия и двинула его. Докладчики (в том числе Кузнецов, который тоже присоединил свой доклад) полагают, что тогда все выйдет церковно. Ибо, думают они, Предсоборное присутствие — церковное учреждение. Власть Государственная одобряет этот проект и Государь утвердит. Значит, все пойдет церковно. Беда в том только, что Предсоборное присутствие не было учреждением по Церковному управлению. Какое же церковное управление дает этот проект Думы? Никакое. Да и Предсоборное присутствие вовсе не предлагало этот проект Думе. Народа было человек, пожалуй, до сотни.

26 февраля

Приехал с Надей из Посада, куда уехал 3 февраля, и где прожил более 3 недель. Нужно было быть там при отбытии дворника Павла (Старостина) на военную службу, и водворить там нового дворника (Андрея Грибкова). Павел уехал 4 февраля в Александров, потом вернулся, на несколько часов, и окончательно отбыл в Воронеж. Там он зачислен в 58-[й] земский батальон, 1 рота, 3 взвод.

Новый дворник приехал лишь 11 февраля. Нужно было понаблюдать его и установить modus vivendi* с Дуняшей.

Жил там очень уединенно. Никто у нас не был, кроме Скворцова. Сам был только раз у епископа Федора. Погода мерзкая, холод, метель. Было бы скучно, если бы не работа. Кое-что все-таки написал.

Приезжала к нам Верочка, которая ездила в Зосимову, но день пробыла у нас, да и на обратном пути заехала на несколько часов.

Теперь приехал что-то очень усталый; правда, ехали неудачно: просидели на станции в вагоне почти 1 ½ часа из-за какого-то несчастного товарного поезда, застрявшего на пути перед нами. Вышло, что вместо 2 ч. 30 м. дня — прибыли в Москву около 4 ч. Всего ехали (с простоем) более трех часов.

Дома застал письма о. Тихона и Вл[адимира] Ник[олаевича] Львова.

27 февраля

Надя уехала обратно в Посад.

Отправил письма Львову и Марусе.

Сегодня опять звонил Бурцев[278]. Пристал, как банный лист! Какое-то шпионское нахальство. На сей раз разговор по телефону был краток:

Я: «Кто у телефона?»

---

* Образ жизни, условия существования (*лат.*).

Он: «Бурцев».

Я: «Я не могу с Вами видеться».

Он: «Жаль. Я уезжаю».

Я: «Желаю Вам всяких благ...»

Он: «Я хотел сказать, чтобы Вы писали свои воспоминания...»

Я ничего не ответил и повесил трубку.

Удивительно недогадливое существо.

* * *

Мне даже надоело размышлять и беседовать с самим собой об одном и том же безысходном вопросе — о войне и о судьбах России. Но что делать? Как избавиться от этого кошмара, давящего тебя днем и ночью? Нет сил примириться с гибелью родины, а между тем перед всеми умами стоят самые грозные предвидения.

Во-первых, исход войны.

Теперь, кажется, уже нет ни единого человека, верующего в возможность победы. Наше положение на войне решительно всем кажется безнадежным. Совершенно ясно бессилие армии. Отсутствие военных дарований видно ясно. Невозможно не видеть бесталанности генералов, скверного качества офицеров и, наконец, даже солдат. Хотя солдаты при хороших офицерах могли бы быть хороши, но при таких начальниках — плохи. Масса сдающихся в плен поражает всех. Итак, даже полная военная катастрофа не удивила бы, а успех возможен только при какой-нибудь не от нас зависящей и непредвиденной случайности.

Еще хуже дело внутри. Неуменье устроиться грозит голодом и истощением сил не Германии, а нам. Наглая спекуляция, общее мошенничество, какие-то непонятные скупки всего — от хлеба до железа, — проводимые евреями, наполняют тревогой. Черви и бактерии разъедают все тело России.

Но что будет, когда кончится война, со средним благополучием, без разгрома России?

Тогда, по общему ожиданию, произойдет внутренний разгром в форме некоторой пугачевщины. Настроение солдат в этом отношении тревожное. Они после войны будут «бить господ», как они выражаются, забирать землю и имущество. Крайне распространено мнение (вероятно, распространенное немецкими пособниками и нашими революционерами), будто бы Россия объявила войну, а не Германия, и что война нужна собственно «господам», которые теперь и наживаются... Вот, после войны, с ними-то и будет расправа. А усмирять пугачевщину нечем, солдаты — это сами же «мужики», своих стрелять не станут. Это разговоры солдат в больницах.

Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный, — ловкий на всякое хищничество — лишен идеи, самосознания, идеалов. Энергии нигде нет. Бороться энергично не может ни с кем. При опасности каждый будет спасаться сам, не заботясь о гибели других, а потому все составляют легкую добычу каждого свирепого и энергичного врага.

Авторитета не существует. Духовный провален и опозорен, и все больше падает в глазах народа.

Авторитет Царский, конечно, все-таки еще крепче, но подорван и он. Особенно помрачен он Гришкой.

Говорят, Государя непосредственно предостерегали, что Распутин губит Династию. Он отвечает: «Ах, это такие глупости; его значение страшно преувеличивают». Совершенно непонятная точка зрения. Ведь оттого и гибель, что преувеличивают. Ведь дело не в том, каково влияние Гришки у Государя, а в том, каким его весь народ считает. Авторитет Царя и Династии подрывается именно этим.

Кстати сказать. Этот Гришка, столь себя рекламирующий как необычайная влиятельная сила, говорят, сам находится на службе у достойной компании — кн. Андроникова[279], еврея Мануса[280], и еврея Рубинштейна[281]. Эта компания дает директивы Гришке, дает ему задания, и он ей докладывает о своих действиях. Само собою разумеется, что эта деятельность имеет цели прежде всего грабительские, спекулятивные; но — засим — вполне возможным считают, что через них может действовать и Вильгельм. Мануса и Рубинштейна называют первейшими мошенниками, а Андроникова — грязнейшею личностью. Утверждают еще, будто бы секретарем этой компании является Волынский[282], писатель (настоящая фамилия — Флексер), еврей, конечно, проповедовавший философию Канта[283]...

3 марта

Вот уже несколько дней мучаюсь с домохозяином. При уплате за эту последнюю четверть нужно заключить новый контракт. Он просил прибавки. В сущности, это не предосудительно, ибо расходы на топливо возросли на 200 и 300 %. Но у меня тоже нет денег. Торговались, торговались. К несчастью, я сразу не решился, и только на другой день сказал по телефону, что согласен. Условились, что сегодня, в четверг заключим контракт. Сейчас утром звоню, чтобы условиться, я ли к нему поеду, он ли ко мне, и оказывается, что он вчера экстренно уехал в Петроград. И вот я без контракта! Опять жди неизвестно сколько времени... Замучил, хотя, в сущности, я сам виноват. Нужно было сразу делать. Мой глупейший характер, что я никогда не умею быстро соображать и решать.

* * *

Политические новости. Распространился слух о будто бы самоубийстве Сухомлинова. Вероятно, выдумка.

Утверждают (и это кажется факт), что Мин[истерство] внутр[енних] дел переходит к Штюрмеру, а Хвостов уходит в свою Госуд[арственную] думу.

Адрианова решено предать суду, а Юсупова — нет, и даже едет просить назначить его Московским генерал-губернатором после войны... Смахивает на шутку, но все может быть.

Наиболее прочными государственными людьми ныне считаются — Штюрмер и митрополит Питирим. Волжин, кажется, упрочился. Варнава говорит, что он лично убеждал Питирима помириться с Волжиным. А Варнава, хотя теперь и уехал на открытие мощей, но потом переедет в Новый Иерусалим, который давно желает взять в свое владение. Куда только идет Россия со всеми такими деятелями.

Говорят еще, что Куропаткина в Петрограде начали считать опять хорошим главнокомандующим, так как он будто бы оказался хорошим корпусным командиром. Не понимаю, как можно судить о том, хороший он или плохой корпусный командир, когда при нем не было совершенно ничего, кроме «позиционной войны». Вообще, есть слух, что Рузский, уже поправившийся, будет назначен помощником Верховного Главнокомандующего.

5 марта

Ушел с поста Хвостов. Эти министры мелькают, как тени. Впрочем — все нынче вздор, кроме войны. А о ней-то и нельзя делать никаких предположений.

По-видимому, штурмы Вердена окончательно не удались. Последние вести гласят, что Дуамон[284] опять в руках французов. Если так, то немцы уложили 200 000 человек впустую. Это, конечно, позволяет думать, что они ослабли, но отсюда еще далеко до поражения. Наши кавказцы движутся все вперед, приближаются к Малой Азии, но какой в этом смысл и какая цель — неизвестно. Двигаться до самого Босфора — нужно иметь громадную армию, какой у Николая Николаевича конечно не будет. А если так, то и значения это движение вперед не имеет. Да и, во всяком случае, война решится на нашем Западном фронте, а не в Малой Азии. В общей сложности — темна вода во облацах.

6 марта

Вот уже дня два газеты толкуют о какой-то истории, из-за которой слетел Хвостов. Пишут в [«]Русск[их] вед[омостях»], в [«]Утре России[»], в [«]Раннем утре[»], и все разно. Частные слухи тоже разные. А история была.

Сводя воедино, получаем одни и те же имена: Хвостов, Распутин, Ржевский[285], бывший Илиодор (Труфанов)[286]. К ним присоединяется князь Туманов[287], начальник Петроградского военного округа.

Итог — одна версия гласит, что Хвостов посылал Ржевского (это есть такой прохвост, строчат в газетах, а также, говорят, шпион) — к Илиодору, чтобы купить у него бумаги, компрометирующие, в связи с Распутиным, какие-то важные лица. Ржевский же деньги, ему данные, прокутил. Теперь он выслан. Но какое же это имеет отношение к отставке Хвостова? Нельзя найти связи.

Другая версия более драматична. Хвостов решил убить Распутина, и послал Ржевского к Илиодору для того, чтобы Илиодор это сделал. На такой предмет Ржевский получил 60 000 р., и уже сговаривался с Илиодором, (Илиодор — в Швеции или Норвегии), как произошел скандал. Жена Ржевского проболталась об этом деле какому-то гражданскому инженеру, а тот — махнул к Распутину и донес ему. Затем Ржевского арестовали, и он объяснил, что действовал по приказанию своего высшего начальника — министра (Хвостова), ибо Ржевский состоял агентом тайной полиции. Тогда Ржевского выслали, Хвостова выгнали со службы.

К этому же делу причастен будто бы и кн. Туманов, тоже смещенный с должности.

Что тут правда — должен разбирать Шерлок Холмс. Но уверяют и частные слухи, что была какая-то история именно при комбинации этих лиц, и что именно по поводу этой истории уволены Хвостов и кн. Туманов, и выслан Ржевский.

Частные слухи прибавляют, будто бы родные Хвостова уверяют, что он пал потому, что начал борьбу против Распутина. Милюков в Думе заявил, будто Хвостов «вывез из Вологды нового старца “Мартемьяна”»... Выходит вроде как для замены Распутина? А Мартемьян точно есть в Вологодской епархии, монах. О нем писал Носилов, как о необычайно прозорливом.

Рассказывают, будто Моск[овский] градоначальник Климович[288], переведенный Хвостовым начальник Департамента полиции, и по этому случаю, натурально, возбудивший раздражение Белецкого, — явился к должности как раз в ту минуту, когда разразилась эта «история», и Хвостов слетел. Говорят, будто злополучный Климович получил какой-то нервный удар, от которого ослеп, и в одну ночь волосы его поседели. Впрочем, глаза отошли, и он сохранил зрение. Конечно, недолго он там усидел, да и как знать была ли эта «история», с которой начальнику полиции конечно придется принимать те или иные меры? Мы ее не знаем и слышим лишь разноречивые сплетни, а он-то в Департаменте, конечно, знает.

Какое время у нас. Голова кругом идет.

8 марта

Сегодня, наконец, слава Богу, заключил квартальный контракт на следующий год, т.е. от 1 июня сего года по 1 июня 1917 года. Заключили мы «на прежних условиях». Но в действительности я должен уплатить вместо 1860 р. — 2000 р. Но так как Новиков боится штрафа за повышение цены, то и сказал, что «заключаем на прежних условиях», а Вы уплатите мне теперь же 140 р. дополнительно. Так я и сделал, и уплатил эти 140 р. Собственно говоря, я не в претензии. Цена отопления действительно поднял[ась] на 200–300%. Возвышение цены со стороны Михаила Емельяновича умеренное. Но он чудак. Я ему предлагал прямо заключить контракт на 2000 р. по добровольному соглашению. Это допускается градоначальником. Но вот не хочет, боится. Лучше теперь получит 140 р[ублей] вне контракта, в виде какой-то дополнительной премии.

Ну мне, конечно, все равно. Слава Богу, что обеспечен квартирой на 18 месяцев.

Сегодня стараюсь начать говеть. Но в приходе не было службы, а всенощная, говорят, будет.

Читаю, в ожидании, епископа Феофана[289]. Страшно подумать, какие от нас требования для жизни с Богом. Немыслимо для такого человека, как я, их исполнить. Не хватает ни одной способности для этого — ни разума, ни сердца, ни воли.

* * *

Какие совпадения бывают! Сейчас Надя телефонирует, что продала газетной бумаги, загромоздившей наш флигель, 30 с чем-то пудов на 143 рубля. О продаже этих [«]Московск[их»] [«]вед[омостей»], которые я держал на складе, я уже раньше стал подумывать, ибо лежит без дела, а флигель нужно очистить. Но не знали мы с Надей, как продать. Ни Беляков, ни Елов не покупают, а только продают. И вот теперь какая-то женщина у ней купила, может быть, и от них же, но это все равно. Любопытно совпадение: я заплатил 140 р. Новикову и плакал на потрясение своего бюджета; да извозчику туда — обратно (к Новикову) с пополнением — 3 р., всего 143 р. И вот Надя получает рубль — и рубль возмещение этой суммы. Как будто от Господа голос: «Не плачь, пожалуйста, из [-за] пустяков, вот тебе твои 143 р.». Но я и так благодарю Бога, что с квартирой устроился.

Переходя к делу, нужно сказать, что Надя продала хорошо — по 4 р. 50 к. пуд. Конечно, Елов продает по 6 р., но нам за ними не угоняться. Он сидит на месте и торгует по профессии, а нам нужно

очиститься, так сказать, «от хлама», который нечего держать. Цена 4 р. 50 к. — очень хорошая.

Вечер

Начал свое говенье.

12 марта. Суббота

Удостоился приобщиться Св. Тайн.
Говели и сегодня же приобщились Мама и Маша.
Слава и благодарение Господу.

13 марта

Завтра собираюсь поехать в Посад, очистить флигель для сдачи квартиранту. Очень много хлопот и разных поправок. Неприятно. Литературная работа моя опять должна застопориться.

31 марта

Возвратился из Посада, где пробыл с 14 марта в хозяйственных хлопотах. Устал очень. Впрочем, там почти все устроено. Флигель очищен. В нашем доме помещение для книг устроено лучше чем я ожидал, так что есть даже свободное место. Беда с Малашкиным (Леонид Леонидович) — податным инспектором, облагает налогами прямо вроде того, как делали бы немцы, если бы завладели Посадом. Квартирный налог сначала был 16 р., потом назначили на 1912–1916 годы по 24 р. 75 к. Теперь они в этом же 1916 г. повысили до 81 р., уверяя будто бы цены на квартиры пришлось повысить и наша будто бы стоит 1200 р. в год. Бедными просто нельзя быть. Я ездил с Надей объясняться. Встретил его иным, чем думаю (вижу его в первый раз). Толстый, жирный и с видом какого-то добродушия. А между тем прямо грабитель, который, конечно, усердием в деле хочет добиться перевода в Москву или вообще на лучшее место.

Жить невозможно с этими налогами и с грабительской торговлей.

Надечка у меня что-то слаба. Смотреть на нее жалко и тошно. Молюсь, молюсь, не помогает.

1 апреля

Сегодня подвел счета за март. Несмотря на всевозможную экономию, лишение себя всего не безусловно необходимого, — все-таки 818 рублей. Прямо хоть караул кричи. Да какой там «Караул»! Не пройдет никакой караул, п[отому] ч[то] теперь мы в руках рыцарей «военной прибыли», считая в том числе массу деятелей, кричащих «все для войны» и наживающих на «служении родине» громадные жалованья, суточные и.., м[ожет] б[ыть], что-либо прямо воровское.

Да, пора бы войне кончиться. Боюсь, что Россия вконец измошенничается за это время «священной войны», как выражаются еврейчики печати.

Вечер

Сегодня (т. е. 1 апреля) был у Мих[аила] Петр[овича] Степанова[290]. Дело очень интересное: Павел Борисович Мансуров подал Великой княгине записку об устроении отношений между Константинопольским патриархом и Русской церковью по присоединении Константинополя к России. Великой княгине записка очень понравилась, но из осторожности она ее дала на рассмотрение генералу Степанову. Тот переслал ее кн. Ширинскому. Ширинский, оставшись неудовлетворенным запиской (и совершенно основательно), дал вопрос на рассмотрение проф[ессору] Дмитриевскому[291], который и написал свою записку, раз в 8–10 более обширную. Но князь Ширинский и ею остался недоволен (тоже основательно) и прислал обе записки генералу Степанову с критическими замечаниями, посоветовав ему спросить моего мнения. Вот мы и беседовали. Я имел две идеи об этих отношениях: Патриарха и России, из которых одну сам считаю неосуществимой практически, другая же, по мне, осуществима и тоже правильна. Она-то и понравилась Степанову.

Пробеседовали с ним и решили совместно развить эту схему. Я теперь составляю записку, потом вместе ее еще раз обсудим и затем я составлю окончательную редакцию.

Великая княгиня представит ту записку, которая ей понравится, Государю. Мы хотим достигнуть того, чтобы была представлена наша, которая, во всяком случае, без сравнения лучше этих двух, а быть может, и превосходна. По крайней мере, идея мне кажется вполне правильной теоретически и вполне практичной, а вместе с тем чрезвычайно ясной и простой. Она, безусловно, оригинальна.

Теперь поздно, нужно спать, и не хочется записывать сути дела.

Между прочим Степанов передает, что наши власти вполне уверены в победе над Германией. Дай Бог! А на Софийский храм Государь даже уже заказал Крест[292]. Конечно, сделать Крест легче, чем забрать Константинополь, но все это показывает степень уверенности Государя, который знает положение наше и немецкое, во всяком случае, получше нас, простой публики. Ну дай Бог!

2 апреля

Завтра — Вербное Воскресенье. Был у всенощной в Красном Кресте. Уж не знаю, удастся ли слышать Страстные службы, а тем паче Пасхальную. Даже и здесь — масса народа, а уж в приход и сунуться нельзя. И нужно сказать правду — молятся, явно искренне. А ведь

сплошь «интеллигенция». Спаси их Господи, и помоги мне у них учиться молитве.

3 апреля

Эти дни вожусь с запиской «Константинопольская церковь в Русском государстве». Перечитав записку Дмитриевского, вижу, что особой оригинальности в идее моей и генерала Степанова нет. Дмитриевский говорит то же самое, т. е., что Константинопольская Патриархия должна остаться отдельной и независимой от Русской церкви. Но у него это выражено ужасным языком, не явственно, не понятно сразу... Ну это отсутствие оригинальности в основной идее, конечно, не важно. Даже приятно, что значит — эта идея у нас не одинока и, следовательно, имеет больше шансов быть принятой. Но составить Записку все-таки трудно. Напрашивается масса частностей, и в то же время очевидно, что нужно избегать их, чтобы не утопить в них основных черт устройства. Сверх этой редакционной трудности мне приходится пересмотреть кучу книг, и не для того, чтобы из них что-нибудь взять, а для избежания фактических ошибок. Уже не знаю, когда я выйду на торную дорогу в составлении записки.

5 апреля

Кончил свою записку и послал извещение об этом Михаилу Петровичу.

Вчера был у Новоселова, которого застал в довольно хорошем состоянии, хотя все еще больного.

7 апреля

Посещаю богослужения довольно аккуратно, но, к сожалению, чувствую себя простуженным. Готовлю чтение Новоселову на четверг Пасхи.

А записку о Константинополе предложено читать, вероятно, во вторник у меня, в присутствии меня, генерала Степанова и князя Шихматова[293]. Моя редакция записки понравилась Степанову, но князь, вероятно, будет более строг.

Великий князь Николай Николаевич снова порадовал доброй вестью: 5-го апреля взят Трапезунд! Опять штурмом! Вот где у нас настоящие военные люди. А на главном фронте кисляки сидят без движения, и скорее защищаются, чем наступают. Им все мешает. В мороз нельзя драться, в слякоть нельзя, м[ожет] б[ыть], немец [?] будет с наступлением*. Кормят их на отвал, осыпают подарками, и похвалами их геройства, проявляющегося в ничего неделании.

* Одно слово неразборчиво.

9 апр[еля]. Великая суббота

Вот с какими предупреждениями встречаем Пасху:*

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Московского градоначальника

В последнее время в городе все больше распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то поляков, то евреев, то просто людей состоятельных и разносе магазинов.

Полная необоснованность подобных слухов наводит на мысль, что распространяются они людьми злонамеренными, с целью сеять тревогу, раздражать возбужденное настроение масс и обострить восприимчивость к действительным противозаконным выступлениям. Свидетельствуя, что меры к сохранению порядка и к мгновенному прекращению всяких попыток к его нарушению мною приняты, напоминаю, что распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу в населении, обязательным постановлением командующего войсками Московского военного округа карается заключением в тюрьме на срок до 3 месяцев или денежным штрафом до 3000 рублей и что впредь взыскания эти будут мною наложены в высшей мере.

Московский градоначальник,
Свиты Его Величества генерал-майор В. ШЕБЕКО[294].
1 апреля 8 дня 1916 года.
Москва.

Доведет ли Бог пережить без смуты и кровопролития? Настроение, в массе народа премерзкое. Недели две назад кухарка слышала в лавке (нашей же), что будут бить «правых», так как именно от них идет дороговизна! Этой несчастной темной массе можно внушить самую нелепую чепуху. И что такое «правые»? Что эти злополучные идиоты представляют себе под этим словом, как будут разбирать этих «правых»? Да, тяжка стала жизнь в России. Какая-то сатанинская тьма заполонила и умы, и совести.

И, с другой стороны, церкви набиты битком. Говеющих всюду массы. Мечутся несчастные русские люди, ищут помощи. Когда же сжалится, наконец, Господь, когда даст нам человека, который бы внушил доверие в измученные души?

К вечеру

Слава Богу, приехала и Надечка. Собрались все, кроме нашего Тихона. Такая уж его участь одиночествовать. Но Господь может и его утешит.

---

* Вклеена вырезка из газеты.

Ночь

Скоро пора идти в церковь... Тут все устали и доделывают последние Пасхальные приготовления. В конце-концов все достали. Стоят куличи, пасха, даже половина окорока. Надя привезла петуха и несколько фунтов мяса, да здесь и в последний момент достали 10 фунтов. Добыли и молока; яйца — окрашены. Вообще — приличный Пасхальный стол, хотя и менее обильный, чем прежде. Но до последних часов нельзя было знать, достанешь ли молока и мяса. Поэтому — петуха зарезали, хотя можно бы и подождать, если бы знали, что достанем мяса. Ну — словом — Пасхальный стол вполне приличен.

Г-жа Щепкина-Куперник недавно призывала всех в газетах, — для бойкота живоглотов-торговцев — совсем ничего не покупать для Пасхи, а деньги эти отправить пленным. Интересно знать, единоверцы Куперников (евреи) отказались ли от <u>своей</u> Пасхи? Какое глупейшее рассуждение. Ведь Пасхальный стол вошел в бытовой обряд. Это делается не для обжорства, а — так сказать — Праздник почтить. Недоставало бы для наказания епархиальных заводов перестать ставить свечи в церкви! Кто не имеет <u>личной</u> потребности почтить праздник, выделить его из обычных дней в некоторое <u>торжество</u>, тот может, в ущерб своей религиозной (ибо это входит в число религиозных побуждений) потребности бойкотировать торговцев. Но кому Пасха дорога — тот будет поневоле терпеть эксплуатацию, а все-таки посильно разукрасит Праздник. И пленные тут не причем. Им, правда, мало посылают, но по другим причинам, именно потому, что среди них слишком много недостойных, не заслуживающих помощи, людей добровольно сдавшихся, не желавших защищать Отечество. Это роковая сторона в положении честных военнопленных, но публика не может позабыть, что у нас чуть не 2 миллиона — попали в плен... Это — ужас. Это отнимает у нас веру в свой народ. И, конечно, в результате пленным помогают очень мало и неохотно.

* * *

Пасху встретили все вместе в[церкви] Красного Креста. Я простоял утреню.

10 апреля. Пасха

Крайне неприятное известие Дуняши по телефону: фельдшер Степан признал Буйку <u>сбесившейся</u>... Я телефонировал — <u>убить ее.</u> Через несколько времени Дуняша телефонирует, что ветеринарный врач сказал, что не нужно убивать, а заколотил ее в конуре до ветеринарного приема; если сдохнет, ее будут анатомировать.

Как обошлось дело теперь — не знаю. Страшно неприятно.

Был у меня Олсуфьев. Насказал конечно всякого «пессимизма». Вероятно, он прав, но и без того так тошно, что, кажется, лучше бы и не заходил.

Ночь

Заехал к нам Измаил Рождественский, едущий домой, и вместе с тем призываемый тянуть жребий на военную службу. Значит, может быть, придется ему больше не возвращаться... Тоскливое чувство. Вспоминаю Цубко, вспоминаю С. И. Мазаева. Тоже были молоды, также ехали с преданностью делу... И где они? И за что умерли? Хоть бы с пользой для России. Но какая тут польза, если мы будем биты, обобраны, вступим на путь умирания страны? Конечно, в умирающей стране и жить не представляет большой радости...

Моление пролию ко Господу и Тому возвещу печали моя, иако юдоль душа моя исполнится и живот мой аду приблизится... Страшна эта жальная песнь даже и тогда, когда звучит над сердцем одного человека, но когда она носится плачущей нотой над нацией; такой великой, еще так недавно казавшейся полной живой силы, — это прямо невыносимая тоска.

Господи, спаси меня, дай мне хоть не замечать этого угасания России!

И, однако, сегодня вспоминается Воскресение Христа, победа над адом и смертью, и в этот-то день наслали мне только тяжелые чувства и думы.

11 апреля

У меня был Владим[ир] Никол[аевич] Львов.

Сейчас в 3 часа Надя с Верой уехали в Посад. Там Наде придется решать дело о бешеной Буйке. Мне до боли жалко несчастную Надю, принужденную улаживать эту историю, которая, конечно, ее беспокоит и нервирует. Но у меня, как нарочно, завтра свидание со Степановым и Ширинским. Злость берет! Не могу дочери помочь, из-за чего? Из-за никому не нужных переговоров о деле, столь же никому не нужном, п[отому] ч[то] Константинополя нам не видать, как своих ушей. Так и рвусь поехать в Посад.

О, Господи, помоги ради Христа Спасителя!

* * *

Львов говорил о своих спорах в Думской комиссии о церкви (по поводу приходского законопроекта). Впервые узнал, что против него очень яростно выступал Шечков. Не могу понять причин этого. По существу Львов совершенно прав. Он требует церковной автономии, доказывая, что ныне церковь управляется даже не через Св. Синод,

а через обер-прокурора, т.е. даже противно 65 ст[атье] Осн[овных] законов. Но, вероятно, есть какие-нибудь частности в постановках вопросов, которые вызывают протест Шечкова. О других «правых» не говорю. Они, в сущности, думают не о церкви, а о порядке, т.е. незыблемости всякого существующего ведомства.

Во всем прочем Львов рисует положение так же, как и Олсуфьев, и смотрит также пессимистически. Впрочем, мне тоже не нужно слушать «осведомленных людей», п[отому] ч[то] и без них я вижу положение вполне таким, как рисуют они. К несчастью, впечатления и глазомер не обманули меня. Война кончится если не позорно, то бесславно, и с потерями территорий, м[ожет] б[ыть], с получением ни на что не нужной Армении и кусочка вредной антирусской Галиции, проливов не получим. Сербию отдадим Австрии. Германия получит новые территории России и Австрии. Польшу восстановим самостоятельной державой не мы. В общей сложности обнаружим наше бессилие даже себя отстоять, а значит — начнется внутренняя российская резня. Это положение — не худшее, а лучшее. Но может выйти и хуже.

* * *

Наверху — прежнее положение. Всесильный Распутин. Безусловное подчинение Царя его Супруге. Влиятельнейшие лица — триумвират: Распутин, Штюрмер и Питирим. Штюрмер, говорят, ловкий человек, и, вероятно, сумеет балансировать с Думой. Думе продлятся полномочия. Это единственно умная черта положения, тогда как все же это Дума с некоторым опытом и спевшаяся, а на предстоящую, вероятно, революционную пугачевщину все же лучше иметь такую Думу, чем новую — не опытную и не сложившуюся внутренне.

Такова наша «конъюнктура». Когда-то говорили, «Рука Всевышнего Отечество спасла». Теперь придется сказать, «Рука Всевышнего на нас отяготела».

12 апреля

Сегодня у меня собрались — ген[ералы] Степанов, Ширинский и Дмитриевский — обсуждать вопрос Константинопольской патриархии. Кажется, мало изменяется моя записка. Толковали 2 ½ часа. Но дело в том, что это простое времяпровождение, ибо никакого Константинополя у нас не будет. Это — полное убеждение и князя.

* * *

Из Посада — телефон, что Буйка издохла, и фельдшер Степан в сумерки выволок ее труп в ветеринарный пункт, где его завтра будут исследовать. После этого решался вопрос Томки. Бедное животное. Надя пишет, что она, видимо, скучает по Буйке.

* * *

Ну вот за Пасху видел много народа, много слышал, и в общем — ничего у нас нет кроме печального. Сами военные (сверху) не ждут нашего наступления (которым газеты втирают очки публике), думают, что будут наступать немцы, а мы будем обороняться. Войска разбрасываем нелепо. Не менее 60 000 — послали во Францию. Возможно, что пойдем все-таки в Болгарию. Победы над Германией уже не ждут в Правительстве, и уже теперь думают об условиях мира, приемлемого Германией. Такими условиями у нас считают: 1) Независимая Польша из нашего Царства и Западной Галиции; 2) «Исправление границ» с уступкой Германии — части Курляндии и Ковенской губернии; 3) Нам отдают Восточную Галицию; 4) Нам же — Армению и часть Киликии; 5) Константинополь — вольный город, нейтральный, без войска; 6) Проливы — нейтральны и безоружны; 7) Румынии — Южную Буковину; 8) Болгарии — Адрианополь; 9) Сербия и Черногория — вассальные кол* Австрии; 10) Албания — независимая; 11) Валлона и Триест — Италии; 12) Триест — вольный город; 13) Франции — Мец и Лотарингию, но Эльзас опять у Германии; 14) В пользу Германии — часть нашей «исправленной границы»; часть Австрии (к Баварии), возвращаются колонии в Западной Африке и отдается Конго (Бельгийское); 15) Бельгия восстанавливается в прежнем виде (кроме Конго); 16) Франция получает Сирию; 17) Греции — Смирну. Кажется, это все... Да, еще: 18) Аравия независима под протекторатом Англии; 19) Турции отдается середина Малой Азии со столицей в Конго**.

Таковыми изображают размышления «Петрограда». В общем — союзники совершают по этим планам две подлости: обчищают воевавшую за них Бельгию, и уничтожают самостоятельность Сербии и Черногории. Эта последняя подлость особенно падает на Россию.

Германии предлагают также подлость — выдать и отчасти предать своих союзников — Австрию и Турцию.

Специально Россия — остается навсегда беззащитной с Черного моря, и утрачивает навсегда свои «миссии» по Славянскому делу и по Ближнему востоку, как уже погубила свои виды на будущее на Дальнем Востоке.

Выигрывает много Англия, и отчасти даже Франция. Германии предоставляется готовиться к новой войне. Россия, как всегда, — остается в дураках, и в сущности, последний раз в жизни, так как после этого ей, конечно, уже остается только постепенно разлагаться и стать новой Турцией — «больным человеком».

---

* Далее — неразборчиво.

** Салоники — вольный город; Македония — самостоятельна. — *Прим. авт.*

Какое чудо может нас спасти, если в Петрограде уже начинаются такие размышления об условиях мира? Вероятно, такого чуда и не будет — ниоткуда его даже немыслимо ожидать. Посему, вероятно, мне в ничтожных остатках моей жизни суждено было дожить до начала конца России.

У меня было предчувствие: если мы будем биты в Японскую войну, то значит — начнется конец России! Это, предчувствие, по-видимому, должно оправдаться.

Мог ли кто-нибудь, самый отчаянный пессимист, вообразить этот ужас при Императоре Александре Третьем? Это — кошмар, но это действительность. А почему? Потому что Александр III объединил элементы жизни России и этим повысил жизненность нации. Но после него наверху стали объединять элементы разложения, и в 20 лет жизненные элементы заглохли и иссякли. Что они действительно иссякли — это ясно каждому. Почему произошла эта перемена? Потому что тогда старались в стране дать силу и влияние умнейшим, сильнейшим, а после Александра силу и влияние стали получать элементы толпы, конечно, «интеллигентной», но от этого еще более зловредной в смысле разложения страны.

И вдобавок — что самое ужасное — во всем этом ясно видна Рука Промысла, допускавшая все ничтожное, устранявшая все умное и сильное. Что поделаешь, если над нами тяготеет такое осуждение, уж именно Высочайшее?

13 апр[еля]

Сегодня Томку застрелили. Несчастная собака. Она была здорова, но ветеринар признал Буйку бешеной, а потому Томку велено было держать в прочном помещении, на испытании, 4 месяца (120 дней). Конечно, немыслимо! На ветеринарном пункте помещений нет. У себя — вечная опасность, что вырвется, вечный вой и самые горькие мысли взаперти от одного этого общения.

Я спрашивал у Тоболкина: у него содержание не менее 1 ½ р. в день. Да еще как провезут собаку, находящую[ся] в подозрении заразы бешенством?

Бедный Томка. Может быть, остался бы и здоровым. Еще жальче Надю, которая его очень любила...

Ну, во всяком случае, все кончено с бедными животными.

14 апреля
Четверг

Вечером читал у Новоселова сообщение о «Самобытности христианского учения». Я отрицал генетическую связь христианского учения о Слове с Логосом греков и логосом Филона[295]. Филона кри-

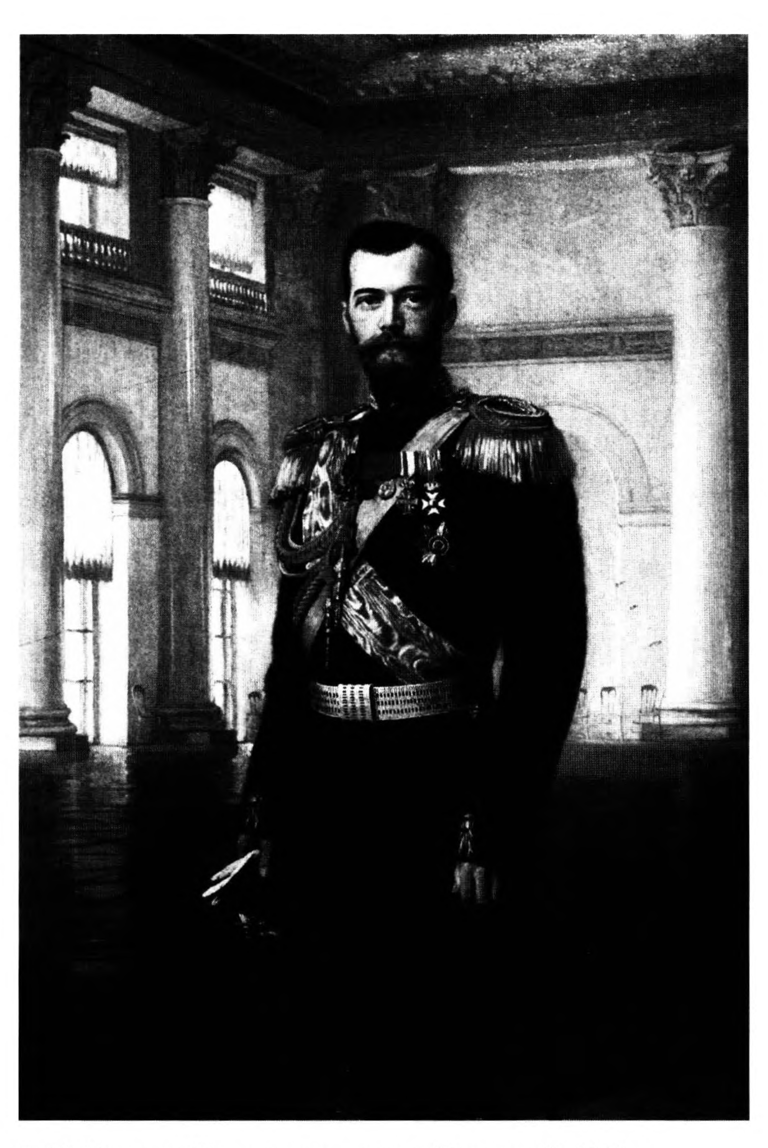
тиковал как ум неглубокий и влияния вовсе не оказавший. Мне очень горячо возражали Рачинский и Кожевников, защищая заслуги греческой философии и пытаясь (хотя это слабовато) отстоять Филона, и не решаясь в то же время сказать или думать, что откровение св. Иоанна[296] навеяно (хоть косвенно) ими. В сущности, они только не решались сказать, что вдохновение — Греко-еврейское дошло самостоятельно до того же самого, что сказал св. Иоанн Богослов. Если бы они это сказали, то явился бы вопрос: для чего же нужно открывать Бога, если люди и без него способны были дойти до того же, что оно открыло?

Прослушав их долгие речи, я нахожу, что только недостаток религиозной смелости удерживает их от мысли, что, в сущности, Откровение Христианское ничем не отличается от интуиций нехристианских. Моя точка зрения, по мне, вполне правильна. Их — слаба и противоречива. Но думаю, что большинство аудитории — на их стороне и их лучше понимает и одобряет.

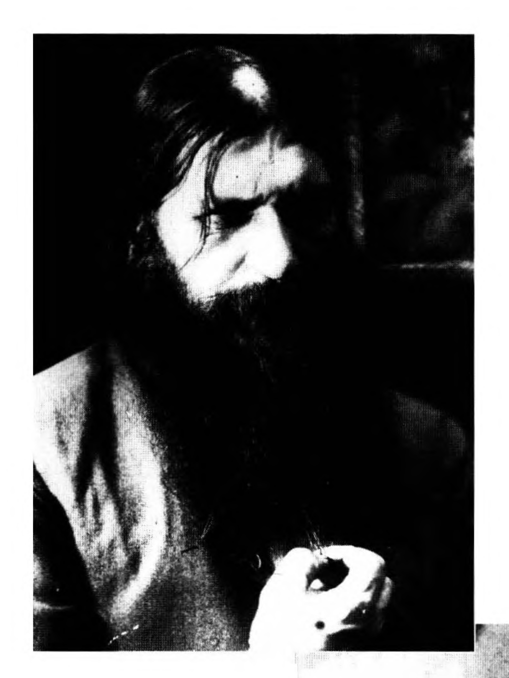
16 апреля

Сегодня хотел поехать в Посад, и опять оставил все из-за собак. Новоселов обещал, что, м[ожет] б[ыть], достанет. Тут один жилец обещал двух щенков. Оба вчера соврали, а сегодня опять же обещали. Не хочется ехать, не узнав — имеются ли у него собаки. А м[ожет] б[ыть], можно и провести их в Посад, хотя по наибольшей вероятности собак не будет, или будет такая дрянь, что сами не захотели брать.

Странный у нас национальный характер. Приехал сюда Биркбек и говорит Георгиевскому: «В Лондоне чувствуешь, что происходит война. Приехал в Петроград — и ничего не заметно, как будто ничего нет». Тоже можно сказать о Москве. Конечно — война чувствуется: множество (несколько сот) лазаретов, множество раненых на улицах, всюду мелькают военные, ходят патрули. Но в настроении обывателей — прямо ничего. И не только война идет, а вообще ни у кого нет уже мысли или надежды «разгромить» неприятеля. Сверх того — отчаянная дороговизна, а то время от времени отсутствие необходимых продуктов. Воровство и грабежи. Слухи о погромах, и даже вероятность погромов. Словом, кажется все скверно, и ничего хорошего ни теперь, ни в будущем. Но публика весела, беззаботна, ни о чем не думает. Легкомыслие — удивительное. Невольно вспоминаешь гамму изречений, рисующих эту национальную беззаботность, все эти «авось», «небось», «как-нибудь», «кривая вывезет», «где наша ни пропадала» и — к переходу в более возвышенное настроение — «Бог не выдаст, свинья не съест», «Бог милостив», или фаталистически беззаботное: «ничего не поделаешь». Ведь это целый лексикон, таких выражений можно подобрать еще сколько угодно. Так и теперь.

Э. К. Липгарт. Портрет императора Николая II. 1900 г.

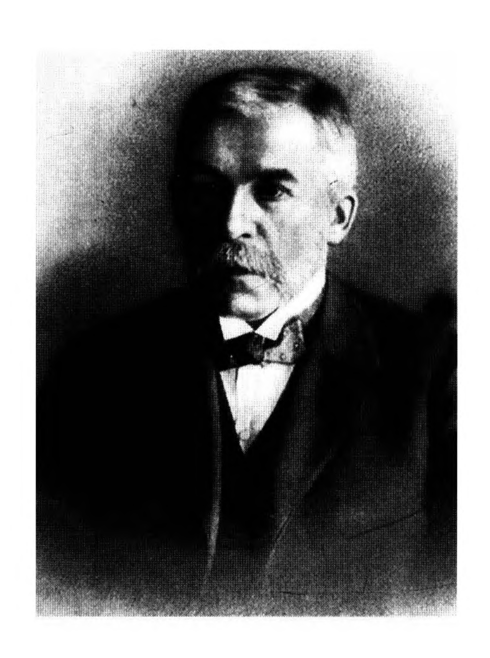

Г. Е. Распутин

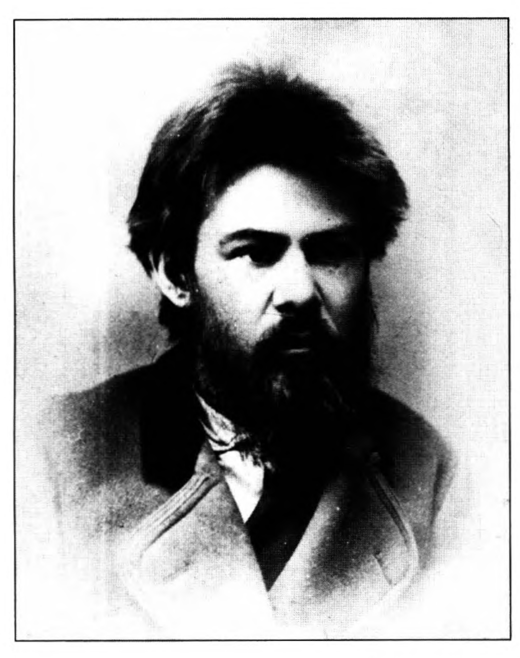
Великие княжны
Мария, Татьяна,
Анастасия и Ольга
(слева направо)

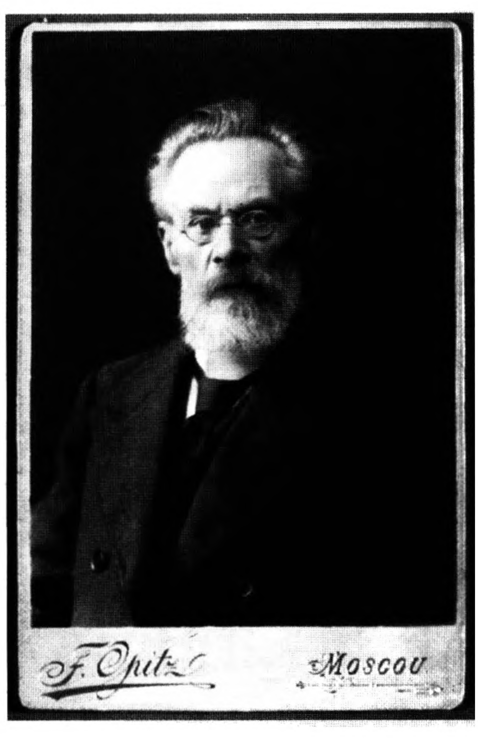
Великий князь Николай Николаевич. 1913–1914 гг.

П. Н. Дурново

П. А. Столыпин

Л. А. Тихомиров

Л. А. Тихомиров.
Начало XX в.

Тихомиров Л. А.

Дневник

Тихомиров Л. А.

сент. – декабрь 1915,

11 [illegible] +2

Дневникъ

Л. А. Тихомирова

Съ 8 Сентября 1915 г.
По 31 Декабря 1915 года.

Февраль 1915 г.

Новоселов о [illegible], того нужно было подтвердить [illegible] главы. [illegible] у меня и написал, но не [illegible], [illegible]!
На [illegible] [illegible] был [illegible] и говорил, что он тоже самое написал в своей брошюре. Я наконец достал эту брошюру в магазине Суворина, и правда – [illegible]. Ну [illegible] – ничего ~~[illegible]~~ особого. Не понимаю, что хотел выразить [illegible], и где он усмотрел сходство.
Щечков расспрашивал меня о чтении 30 Января. Ему В. Д. Самарин сказал, что оно было очень интересно. Это приятно слышать.

Февраль 1915

9 Февр. Был у Нейдгарта... И вернулся с насморком. [illegible] [illegible] у него.

10 Февр. Приехал в Москву.
Очень печальные вести с Прусской границы. Штаб от 8 Февр. сообщает:

Усиленіе германцевъ въ Восточной Пруссіи начало обнаруживаться уже съ 22-го января, но размѣръ его могъ быть выясненъ лишь нѣсколькими днями позднѣе. Не имѣя возможности въ виду недостатка желѣзнодорожныхъ линій съ необходимой быстротой собрать на фронтѣ Восточной Пруссіи силы, необходимыя для должнаго отпора, соотвѣтствующимъ начальствомъ было принято рѣшеніе отвести упомянутую выше армію изъ Восточной Пруссіи въ направленіи къ пограничной полосѣ и далѣе къ рѣкамъ Нѣману и Бобру.

При означенномъ движеніи правое крыло десятой арміи, тѣснимое весьма большими силами и угрожаемое обходомъ съ праваго фланга, принуждено было къ весьма спѣшному отходу въ направленіи на Ковно. Своимъ быстрымъ движеніемъ оно обнажило флангъ слѣдующаго корпуса, который этимъ былъ поставленъ въ исключительно тяжелое положеніе, выйти изъ котораго удалось лишь отдѣльнымъ его частямъ. Остальные корпуса десятой арміи, ведя непрерывные упорные бои, медленно отходили по назначеннымъ имъ направленіямъ, доблестно отбиваясь отъ наступавшаго противника, нанося ему жестокія потери и преодолѣвая тѣ неимовѣрныя трудности, которыя создалъ глубокій снѣгъ, занесшій всѣ дороги.

8

Страницы из «Дневника» Л. А. Тихомирова

В. А. Сухомлинов. 1910-е гг.

А. А. Поливанов. 1910-е гг.

М. А. Беляев. 1914 г.

М. В. Алексеев. 1915 г.

А. А. Брусилов. 1914—1915 гг.

А. Н. Куропаткин. 1916 г.

А. Е. Эверт. 1916 г.

А. И. Гучков и А. А. Брусилов. 1917 г.

А. И. Дубровин

В. М. Пуришкевич

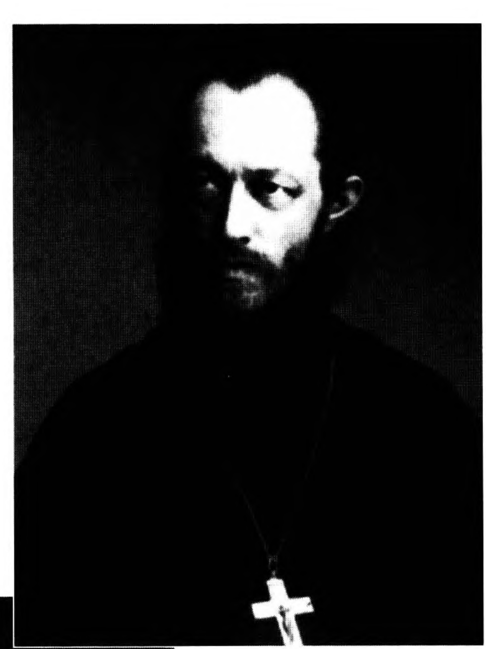
Несторъ Николаевичъ

Тихановичъ-Савицкій.

Основатель и Предсѣдатель Астраханской Монархической Партіи. Почетный Членъ Кіевскаго Союза Русскаго Народа.

Н. Н. Тиханович-Савицкий

Протоиерей
Иосиф Фудель

Архиепископ
Николай Японский,
основатель
русской Православной
миссии в Японии

Священник
Илья Четверухин

Антоний
Храповицкий

Троице-Сергиева лавра. Фото начала XX в.

Троице-Сергиева лавра. Фото конца XIX в.

1912 г. Посещение Троице-Сергиевой лавры императором Николаем II по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 г.

Набежит гроза, немцы, грабеж, голод — испугаются, заорут. Но если сейчас, сию минуту никто не режет — гуляют, хохочут, и ни о чем не думают.

...Ну вот и 10 часов ночи. Новоселов не застал дома хозяев собак, а жилец нашего двора — тоже не привел. Мы потратили только время. Завтра собираюсь поехать в Посад «сам один», без всяких животных.

18 апреля

Вчера планировал уехать в Посад, но — воскресенье — такие толпы заполняли поезд [?], что и даже на площадке трудно уместиться. Так и не уехал. А сегодня — что-то кишки раздраены. Не решился ехать.

Читал с горя разные материалы, относящиеся к Логосу, и вообще, к вопросу: что античная философия вкупе с Филоном могла приготовить для Христианского Откровения. По-моему, как ни смотрю, ничего они не приготовили, кроме разочарования людей в своих силах. Но дело и тогда, и теперь в том, что к Царствию Божию много званных, да мало избранных. Суть Христианского Откровения — жизнь со Христом. А кто хочет этой жизни? И тогда — не многие, а уж теперь и того меньше... Я это не о других говорю, но и о себе. Разве же это настоящее желание, хоть у меня? Ведь в наилучших случаях я желал бы, чтобы Христос породил во мне такое желание, и много ли случаев, чтобы я пожертвовал для Христа другими своими желаниями? Горе одно!

N. B.

Мой дневник с 19 апреля, по 18 мая, т.е. за время пребывания в Посаде, находится в другой тетради (№ 23).

18 мая

Приехал в Москву из Посада, где пробыл ровно месяц. К сожалению, простудился.

19 мая

В [«]Русск[ом] слове[»] (1916 г. 18 мая, № 114) читаю следующую мерзость*:

Под Икскюлем

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ, 14, V. ***На днях около полудня на передовых германских линиях под Икскюлем появились толпы рабочих, пытавшихся производить саперные работы.***

По ним тотчас же был открыт огонь, заставивший рабочих поспешно уйти в окопы.

* Вклеена вырезка из газеты.

Непосредственно за тем из окопов раздалось хоровое пение на чистом русском языке, причем исполнялись исключительно солдатские и простонародные песни.

Как выяснилось позже, немцы согнали для работ под нашим огнем большую партию наших же пленных, специально доставленную из Германии.

Итак, эта сволочь не только воздвигает окопы против своих, но еще поет песни. Немцы приказали строить укрепления против русских, а эти мерзкие рабы — строят; приказали петь — поют. И со стороны русского командного состава нет даже объявления о смертной казни всем изменникам во время войны или по заключении мира!

Прямо охватывает чувство позора за то, что принадлежишь к такой нации. И что тут воображать о победе? Ведь немцы честно стоят за Отечество, они ему нигде не изменяют. Как же могут их победить такие люди, которые сдаются сотнями тысяч и миллионами, и потом, за пищу, худшую чем у свиней, не только обрабатывают немецкие поля, но помогают немцам истреблять русских на фронте.

По правде сказать, я обвиняю больше всего не самую эту сволочь, а русскую власть и русскую интеллигенцию, которые не способны чувствовать негодование против негодяев и проявлять его соответствующими действиями. Если бы у немцев был такой же дряблый высший класс, как у нас, масса их народа и армии точно так же оподлилась бы, как у нас.

19 мая. Вознесение

По случаю простуды не пошел в церковь. Сегодня ночью был мороз, вода замерзла. Днем хотя и солнце, но тот же ледяной ветер. Было холодно. Завтра должно быть у Мансурова сообщение В. Н. Львова. Желал бы, чтобы здоровье позволило пойти; не хочется совершенно отрываться от знакомств, хотя самый предмет чтения (о незаконности церковного управления) меня мало интересует. Ну — незаконно: что из того? Лучше не станет. Да и вообще теперь никакие общественные вопросы меня, право, не задевают, потому что эти «вопросы» все равно никакого толкового решения не обещают.

Сегодня читал ряд книг, способных разъяснить пресловутое «влияние» Филона: апологетов, мужей*, Гермеса Трисмегиста[297] и т. п. Этот «вопрос» меня интересует гораздо больше. Для моей работы о Царствии Божием он весьма важен, а эта работа — хотя я ее и не могу уже довести до конца — нужна мне просто лично, для меня, для моей веры, для состояния моей души к концу жизни, уже конечно близкому.

* Имя неразборчиво.

20 мая

Мне все хуже — температура растет, кашель, сильный насморк. Поэтому я не мог пойти к Мансурову на сообщение Львова. Жаль, конечно, хотя все же это не важно, а вот болезнь, неприятна, тем более, что не знаешь, чем это кончится. А впрочем, да будет во всем Воля Божия.

21 мая. 1916г.

Спаси Господь Новоселова: прислал мне врача, своего приятеля, Василия Николаевича Дункеля. Осмотрел, прописал лечение. Очень мне понравился.

Приехала Надя.

23 мая

Уехала обратно Надя, увезя с собою купленного вчера щенка Марсика. Щенок — песик, очень мил, но вряд ли будет крупным. Странно, что ему дали имя Марса.

Сейчас снова был Дункель, и подтвердил, что легкие у меня не затронуты; значит — «типичный грипп». Ну, конечно, нужно беречься.

24 мая

У меня температура поменьше, но к норме не приходит. Мне начинает делаться очень скучно. Положим, доктор объясняет состояние головы отравлением крови разными продуктами разложения. Может быть. Но это не легче. Мне бы следовало встряхнуться, сбросить с себя все «продукты разложения» — и вот нет на это сил. Думается, что мне нужно что-нибудь ободряющее извне, что-нибудь радостное... Но где нынче найдешь такой товар?

Сегодня известие о каком-то наступательном движении армии Брусилова[298]. Захватили 13 000 пленных... Но что толку? Разве есть малейшее сомнение, что это малейшее и эфемернейшее движение, которое тотчас сменится полный бездействием... если только не чем-нибудь хуже?

25 мая

Нынешние известия показывают наступление Брусилова в несравненно более серьезном виде. Пленных всего 25 000, да 400 офицеров; пушек 25. Похоже на настоящее сражение. Но что это: серьезное наступление, или нынешний излюбленный «коронный удар»? Годовое стояние на позициях убило всякую веру в наступление. Да, говорят, что изготовление снарядов у нас слишком недостаточно для серьезного наступления. Посмотрим, коли Бог даст, что скажут дальнейшие известия.

Сегодня известие, что Лавр Корнилов утонул на пути в Россию. Судно наскочило на мину у Ориниских о-в. Это очень большая потеря, тем более неприятная, что имеет характер несчастья, случайного несчастья. Нехорошо, когда не везет. Для этих проклятых немцев — это шанс, удача, счастье. Но когда же, наконец, улыбнется Фортуна и нам?

Рассказывают, что французы, посещавшие Россию, приходят в уныние оттого, как плохо поставлено у нас производство снарядов и все обслуживание войны. Говорят, Тома[299] решился выяснить это Государю и сделал это посредством описания того, какими способами действуют во Франции, и будто бы по выслушании этого Государь заметил: «Le Gouvernement chez vous est plus despotique, que chez Moi»*. Не слыхал, что ответил Тома. Но ведь вопрос тут вовсе не в «деспотизме», а в том, что необходимую для войны «сильную власть» — во Франции создали, а у нас не создали. А по существующим формам власти — у нас это сделать гораздо легче, чем во Франции. Вопрос настоящего момента для Франции, и для России, вопрос существования обеих стран, состоит не в свободном управлении, а в сильной, возможно, более диктаторской власти... Кто в такие моменты не желает этого создать, тот рискует всем будущим.

Но, к сожалению, теперь у нас можно лишь совершать акты произвола, но невозможно создать сильную власть, ибо власть не может быть сильной, если ее будут беспрерывно ниспровергать, смещать министров, тасовать** и т. п. Наша власть деспотичнее французской, но без сравнения менее сильна. В этом все горе наше.

Говорят, в Москве был вчера или сегодня Григорий Распутин. Останавливался у своей Решетниковой[300]. Едет из Петрограда в свое сибирское село.

26 мая

Продолжаются благоприятные известия от Брусилова. Уже 40 000 пленных. Но что будет, когда мы истратим снаряды? Не к тому ли времени будет приурочено немецкое наступление?

Французы говорят, что у нас снарядов газовых мало, недостаточно для наступления, так что приходится оставить надежду на русское наступление, и, возможно, надежду на французский фронт. И вот после этого начинается наступление Брусилова. Что же думать об этой операции? Неужели только для выручки этих негодных итальянцев?

---

* Ваше правительство более деспотично, чем Мое (*франц.*).

** Одно слово неразборчиво.

27 мая

Сегодня, несмотря на то что температура у меня не пришла в норму, я решился выйти. Спросил по телефону Дункеля: он разрешил. Я прошел ровно 20 минут, очень плохо, было жарко, ветру почти не было. И все-таки немедленно после этого поднялась температура и продолжает оставаться выше вчерашней! Прямо мочи нет терпеть этого тюремного заключения.

*

Эти дни у нас порядочная толчея — были у своей сестры оба Петровских, заходила к Вере — Т. Маркович (очень симпатичная), приехала Мария Дмитриевна Носкова, приводившая обеих своих дочерей (Таню и Ксению), наконец был сегодня Новоселов. У нас такое «многолюдство» необычно, и не скажу, чтобы мне нравилось.

Мне скучно в одиночестве, но все-таки лучше, чем среди людей не вполне моего настроения.

У нас вот уже около месяца живет Елена Петровская. С этой легко быть, как и с Новоселовым. Но хотя я и люблю М.Д. Носкову, а все-таки — не одного мы настроения. А она очень хороший человек и давно достигла такого отношения к жизни, какого я еще лишь должен достигнуть, и, вероятно, не достигну.

28 мая. Канун Троицы

У меня весь день повышенная температура, достигающая 37,5. Само по себе это немного, но скверно систематическое повышение. Почему повышается? И вот я сижу в душной комнате, что вредно, и не имею никакого просвета: что со мной будет? Уже всем пора ехать в Посад. Я не в состоянии. Больному и тут трудно остаться одному... Мучение. Такое неприятное положение, что трудно выразить.

29 мая. День Пятидесятницы

Вчера в середине дня внезапно прекратилась вода в водопроводе. Оказывается, что лопнула какая-то городская труба. Обещали, что в 11 часов ночи исправят и пустят воду. Сегодня просыпаемся — ни капли воды. Полное бедствие. Я звонил в полицейский участок, спрашиваю дежурного: «Куда обращаться?». Отвечает честь честью: «в городовую управу». Я звоню в управу. Не сразу подошел, какой-то мужской голос. Я говорю: «Мы второй день без воды, куда мне обратиться?». Голос сердито восклицает: «Вот еще о чем вздумали спрашивать!», и трубка брошена.

* Далее вымарано 12 строк.

Я невольно рассмеялся. До какого откровенного свинства дошла управа. Я сижу без воды — и «вздумал спрашивать» о своей участи. Прямо не придумаешь такой сатиры.

Пошел искать других телефонов.

Ну, слава Богу, отдел «водоснабжения» удостоил ответом, что труба была испорчена, но «скоро» подадут воду. Дадут или не дадут, но, по крайней мере, не отрицают моего права интересоваться своей участью. И то — слава Богу. Но все же, что делать, если не дадут воды?

Вечер

Так и сидим без воды, но виновато уже не Городское управление, а наш хозяин. Вероятно, в погоне за каждым углом, он поместил главное соединение с водопроводом в лавке Паршина, а Паршин уехал на дачу, и в лавку нельзя войти. Городские водопроводчики пришли зря и ушли, ничего не сделавши.

А моя гнусная температура — ни с места. Заколодила на одном — 38,8, да 37,4, а то и 37,5. Немыслимо выскочить в Посад. Тоска, как в тюрьме.

* * *

Что сказать о наступлении армии Брусилова? Успех очень большой, и продвинулись довольно далеко. По частным сведениям — наши даже в Ковеле. Но по сопоставлению дней — кажется, что движение уже замедляется, и сопротивление австрийцев уже снова увеличивается. Не станем ли снова, хоть и на новых позициях? Очень похоже. Ясно до очевидности, что идти дальше Ковеля нельзя, если не начнет наступление хотя бы левый фланг армии Эверта. Без этого Брусилов оторвется от Эверта и обнажит свой правый фланг. Итак, если Эверт не перейдет в наступление, — это ясная примета, что Брусилов остановится скоро. А это будет значить, что имелось в виду не наступление, не «изгнание врага», как было сказано у Государя, а только весьма внушительная демонстрация для оттяжки австрийских войск из Италии и немецких от Вердена.

Но если окажется, что наступление не имелось в виду, то это ясно укажет, что у нас для серьезного «изгнания врага» нет достаточного количества снарядов. Таково, впрочем, и было мнение французов по осмотре России. Я думаю, что у нас вообще пропала вера в наступление. Замечательно, что победа Брусилова совершенно не производит в публике никакого особенного впечатления. Прежде каждый успех вызывал восторги, энтузиазм, возбуждал подарки на победу. Теперь, хотя в газетах описываются беспримерность атак и успехов Брусилова, но публика просто не решается радоваться. У нас радовались бы признакам окончательной победы, но частным успехам, не влекущим

за собой победы над Германией и Австрией, явно не радуются, т. е. не очень радуются, не считают таких частных побед заслуживающими серьезной Русской радости.

Сверх того — победы над австрийцами не возбуждают и сознания нашей мощи. Если бы мы разбили **немецкие армии,** хотя бы с половинным успехом, — это, конечно, возбудило бы восторг, т. е. сознание нашей воскресшей мощи. Но бить австрийцев, бить турок — это ничего не значит. У нас страх и сознание бессилия существует только в отношении немцев. В головы народа проникло тяжкое мнение, что мы не способны разбить немцев. Это подавляющее чувство может быть уничтожено только победами над немцами. А нас угощают поражениями турок да австрийцев. Это недостаточно для поднятия духа страны.

30 мая

По известиям видно, что успех Брусилова вовсе неглубок. Эффекта много, но места расположения австрийцев захвачены только клочками, неполно, так что наше положение далеко непрочно. Даже* не закрепили. Если бы к австрийцам подоспели подкрепления, то, возможно, что нашим пришлось бы отступить. К сожалению, это мне напоминает наше наступление на Пруссию, столь же шумное и эффектное, и столь же поверхностное. Становится все вероятнее, что наступление Брусилова есть простая демонстрация для оттяжки австро-немецких войск из Италии и от Вердена. Остается пожелать, чтобы эта выручка союзников обошлась нам не так страшно, как наступление Ренненкампфа и Самсонова[301].

* * *

А мое здоровье — все ни то, ни се. Сегодня я снова выходил, два раза понемногу. Убедился, что очень ослабел. Мечтал завтра попробовать уехать в Посад. Но, похоже, что завтра будет дождь. Барометр сильно упал. Ветер порядочный. Уж не знаю, что из этого выйдет...

* * *

Есть (недавно вышла) книга «Из переписки г-жи Шмидт»[302]. Это крайнее умопомрачение девицы — истерички, вообразившей себя Святым Духом, а В. Соловьева[303] — снова вочеловечившимся Христом. Эта Шмидт принесла человечеству новое откровение. Ничего замечательного, ничего талантливого... Я книжку едва перелистал, п[отому] ч[то] не станешь читать всякую ерунду, не имеющую за себя даже какой-нибудь оригинальности и в каком-либо отношении талантливости.

---

* Одно слово неразборчиво.

Кто издал эту книгу? Я подозревал по некоторым данным Булгакова. Теперь Розанов[304] в «Колокол» пишет фельетон о книге и выражает мнение, что анонимные издатели суть Эрн[305], Новоселов, С. Н. Булгаков и пр.

Новоселов мне сказал сегодня по телефону, что он посылает в «Колокол[е]» заявление, что изданию рукописи г-жи Шмидт не сочувствовал и не сочувствует. Это он хорошо сделал, п[отому] ч[то] должна же быть, наконец, граница религиозным безобразиям, религиозному сумасшествию, доходящему до надругательства над Богом.

31 мая

Хотел приехать в Посад, но вдруг наступила такая прохлада, такой холод, что побоялся. Оставил на завтра.

1 июня

Сегодня решился поехать в Сергиев Посад. Не переждав [?] простуды. Авось на свежем воздухе пройдет. Ждать дальше невозможно, ибо все разъезжаются. Не одному же оставаться, да и других не задерживать, и наконец, если я буду долго сидеть в московской летней гадости, то как бы не явились опять хрипы в легких.

Итак — переехал — с Колей. Здесь в Посаде застал прекрасный воздух, ну и, конечно, все зелено. Но цветов нет, огород самый жалкий, сирень засохла, черемуха съедена червем, клубника — жалкая. Сухость и мороз все перепортили. Даже трава вдвое хуже прошлогоднего.

Еще оказывается, что у домашних с Кузьмиными самые скверные отношения из-за хозяйственных мелочей.

Еще застал письмо Тихона о постоянных неприятностях с архиепископом Арсением. Он прямо самодурствует. Удивительны эти архиереи: перед владыками падали до ног, над подчиненными же самодурствует. Жаль мне бедного Тихона. А как помочь?

2 июня

В Москве я пересматривал старые свои Дневники, и с грустью подивился, до какой степени бесплодно для моего духовного развития проходят годы, целый десяток лет. Я уже тогда, десять лет назад сознал, что не гожусь более для жизни общественной. Тогда уже вполне увидел, что моей России — пришел конец, а новой — я не умею служить, п[отому] ч[то] не согласен с ее планами самоуничижения.

Поэтому я уже тогда просил у Бога, чтобы мне кончить жизнь — хоть не оставляя семьи в нищете. Хорошо. Мне это мое прошение — удовлетворено. Значит — сиди покойно и жди смерти. И, однако, у меня нет покоя. Я все хочу что-то делать, не умею жить в бездействии, и тоскую. Глупо. Конечно, надо сознаться, что все члены моей

семьи, все, кого мне дал Бог, не имеют счастья теперь, как и тогда... Но ведь много людей, гораздо больше несчастливых, и многие из них остаются покойны и мирятся с судьбой, с Божией волей. Я же не умею мириться, не умею покориться, принять с доверием данную мне долю — ни за себя, ни за других. Отсюда мое неспокойство, уныние, раздражение. И все оттого, конечно, что плоха моя вера в Бога. Это тянется годы и годы, без конца. Как не подивиться на себя, на неспособность свою к духовному развитию!..

* * *

Сегодня приехали Мама с Верочкой. Народу набралось много. Гостит Мария Дмитриевна со своей Ксенией. Погода жаркая, и для гулящих людей прекрасная, но тяжкая для хозяйства. Сена у нас, по-видимому, пропали, посохли. А ведь как было роскошно пошли сначала. Влаги нет. У нас даже водоемы иссякли. Нельзя поливать цветов. На огород берут из прудика, но из него много не натаскаешь...

Сейчас, в ½ девятого, только что написал эти строки — «посыпался» крупный дождь, но, вероятно, ненадолго, если только не будет грозы ночью. Теперь — даже землю не смочит.

Сегодня я, слава Богу, был у Преподобного.

Ходил пешком.

Сегодняшние известия с театра войны сообщают новые сведения о пленных, орудиях и т. п. Пленных всего уже набралось 120 тысяч. Это хорошо, хотя теперь эти 120 тысяч ртов будут нас объедать... Во достукались! Все-таки люди. Нехорошо лишь то, что территориальный захват ничтожен. Не взяты даже Черновицы. Продвинулись за более 10 дней на ширину от 20 до 50 верст. Если не идти дальше, то это пустяки. Ни Эверт, ни Куропаткин не двигаются. Наверное, немцы на них наседают задорно, хотя слабо: видно, что это демонстрация, что мы не вздумали наступать всеми фронтами. Господь их ведает, только очень похоже, что движение Брусилова имело целью только отвлечь австро-немцев из Италии и Франции. А почему же это не серьезное наступление? Конечно, нет других причин, кроме недостаточного количества снарядов и орудий. Это очень печально, п[отому] ч[то] затяжная война — «на истощение» — по-моему — страшна больше для нас, чем для Германии.

3 июня

Слава Богу, утром прошел прекрасный летний дождь. Авось теперь огород сколько-нибудь оживет. Теперь огород — серьезный вопрос. Своей картошкой питались до весны. Фасоль еще и до сих пор не съедена. Да авось трава хоть немножко поправится. Следовало бы, конечно, побольше дождя. Но слава Богу и за то...

Дождь шел долго, и полил все прекрасно. К вечеру, однако, захолодало.

Странные известия с фронта. Брусилов набрал уже 150 000 пленных и 2700 офицеров. Количества огромны. Между этим территориальный захват остался очень невелик. Даже Черновицы не взяты еще. Откуда же берутся пленные?

А на немецком фронте — никакого движения.

Впрочем, бой Брусилова продолжается лишь немногим более 10 дней. Судить о результатах рано. Но замечательно, что где нам приходится иметь дело с немцами — победа не дается. Под Барановичами наши успели захватить немецкие окопы, но были выбиты назад — атакой и отступили на прежние позиции. Это очень нехорошее явление, вероятно, не без связи со страхом перед немцами. Нам необходимо было бы разрушить это очарование, во что бы то ни стало разбивши где-нибудь немцев. На это было бы не жаль уложить хоть вдвое больше народа. Иначе, пока не разрушен страх перед немцами, немыслимо вести серьезную войну. По-видимому, этого Эверта зря хвалили. Он должен бы понять, что непозволительно отдать немцам взятые окопы. Уж о Куропаткине — нечего и толковать. Его дело отступать, а не побеждать. Но Эверта называли хорошим генералом.

А назначение Куропаткина — это прямо непостижимая мера. Перепортить всю свою армию, как деморализовали маньчжурскую.

Эта война меня страшно расстраивает. Ни французы, ни англичане явно не способны к наступлению. Если и мы окажемся также бессильны побеждать немцев — чего же ожидать? Что толку от побед над австрийцами, которые всегда были дряннейшей в Европе армией? Расстреляли все снаряды за эти дешевые лавры. Не приводящие ни к каким последствиям. Лучше бы эти снаряды употребить на немцев, ибо одна крупная победа над немцами могла бы перевернуть вверх дном все положение. Стоит потрясти престиж германской армии, чтобы и австрийцы и турки сразу пали духом.

Или мы вправду так ниже немцев, что неспособны к победе хотя бы с огромными жертвами? Не могу допустить. Сажаем такую ничтожность, как Куропаткин — вот причина. Да, может быть, и Эверт не лучше.

4 июня. Суббота

Вера уехала в Зосимову Пустынь. Мария Дмитриевна с девочкой — в Москву.

Завтра должен уехать Коля в Москву, а затем — на работу. Потом через несколько дней предполагается отъезд Мамы в Новороссийск... Все разъезжаются, сокращая наше семейное население. Скучно, все скучно.

5 июня

Сейчас (в 2 часа) уехал Коля в Москву и затем на работы.

Надя тоже хочет экстренно, сегодня ехать в Зосимову Пустынь. Явилось известие, что о. Алексий совсем уходит в затвор[306]. Итак богомольцы лишатся его. Это произойдет завтра, и Надя хочет попытаться — не успеет ли простится с ним.

Все кругом уходит, умирает, исчезает. Для меня — кругом все расширяется кладбище. А новая жизнь? Для других, конечно, и она нарождается, но для других, а уже не для меня.

Вечер

Надя уехала в половину 7 вечера. Вопрос — найдет ли экипаж? Пешком по лесу, ночью, пять верст — это страшновато...

Сегодня я был в Академической церкви, где неожиданно служил епископ Федор (он нынче исправляет должность уехавшего митрополита). Пригласил к себе чайку попить. Были — Введенский, Глаголев[307], какой-то петербургский профессор, и человек 7–8 академического духовенства. Радовались занятию нами Почаева. Это, конечно, приятно. Но, по известиям, битва, ставшая генеральной, — не заканчивается, а вступает в какой-то критический момент. В общей сложности — у нас масса успехов, и доселе продвигаемся вперед. Но неприятель не разбит. К нему, видимо, стягиваются громадные подкрепления из Австрии и Германии. Он отвечает контратаками. Беда, если Брусилов не получает таких же подкреплений... Но, вероятно, наши посылают их по возможности. А самое драматическое — то, что этот страшный удар на юге может всколыхнуть и центр, и север... и тогда возможен критический момент всей войны. Не думал и не ожидал, а теперь начинает очень походить на такой исход. Величайший вопрос составляет то, есть ли у нас достаточно снарядов для этого критического, беспримерного боя от Двины до Румынии?

Дух захватывает. Но несчастье до того придавило, что сердце отказывается верить в успех.

Но наши союзники до сих пор ничего не делают. Ждут ли чего-нибудь, или эта страшная схватка десятков миллионов ляжет на плечи одной России?

Было очень лаконичное известие штаба, что «на Двинском фронте продолжается обстрел неприятельских позиций». Что это значит? Не подготовка ли наступления Куропаткина? Брусилова нельзя поддержать сильнее, как наступлением на других частях фронта. Но как жаль, что командир Куропаткин, символ и знамя несчастья. Опять что-нибудь напакостит.

Как бы то ни было, похоже, на то, что в течение месяца совершен какой-то большой переворот положения.

6 июня

Вера и Надя приехали из Зосимовой Пустыни. Обстоятельства таковы. Отец Алексий послал в Собор Лавры прошение о разрешении ему полного затвора. Это прошение о. Герман препроводил с объяснением, что по состоянию здоровья о. Алексия прием духовных детей представляется опасным. В эту пятницу (сегодня понедельник) приехал в Зосимову архимандрит Кронид с членами Собора, и дали о. Алексию благословение идти в затвор, с тем, чтобы эти дни — суббота — понедельник были последним его приемом духовных детей. Такая быстрота очень неудобна (и даже непонятна), п[отому] ч[то] о. Алексию, конечно, следовало бы попрощаться с духовными детьми и дать им последние наставления. Теперь же — даже самые близкие люди (вроде Билевских, Киселевых) — даже и не знали об утрате старца. Кое-кому успели разослать телеграммы, или телеграфировать наскоро (как нам, например). Кто мог — поскакали, как угорелые, вроде Нади, или о. Ильи Четверухина с семьей из Москвы. Примчались Маруся и Нина Фудели из Москвы, Лидия Фудель[308] из Ярославля, и пр. Были лица и случайно прибывшие. Вообще набралась человек сотня. Гостиницы были порядком набиты. В комнате Нади и Веры обедало 7 человек. Отец Алексий успел всех принять и беседовать хоть по несколько минут. Конечно, все спрашивали — к какому духовному отцу идти теперь? Он назвал разным лицам — разных. В Лавре указал оо. Ипполита[309] и Порфирия (Лаврского) [310], и Ефросина; в Москве Вере рекомендовал отца Алексея Мечова[311] (на Маросейке, на Кленниках). Еще указывал о. Филиппа в Чудовом монастыре.

Потом было общее прощание; служили молебен, очень хорошо. Духовные дети поднесли о. Алексию образ Смоленской Божией Матери, маленький, какой могли найти в лавке Зосимовой Пустыни. Отец Алексий отвечал словом, благодарил и т. п. Это слово записано о. Ильей Четверухинным, который тоже произнес речь о. Алексию.

В частности, нашей семье о. Алексий прислал поименно всем благословение и обещание молиться за нас, сказал, что все у него записаны. Вере, на ее вопрос о Наде, даже без вопроса, подтвердил, чтобы мы устроили у себя в Посаде лазарет для нуждающихся паломниц к Преподобному. Теперь это дело, как говорится, «затянуто». Изменить его немыслимо, п[отому] ч[то] о. Алексия больше не увидишь.

Ему в затворе разрешено принимать:

1) братию Пустыни, 2) архиереев, 3) Царствующих Особ, и — 4) о. Игнатия Садковского[312] (его постриженика)*. Для всего прочего мира — он не существует. Писать ему разрешено, но отвечать он не может.

Здоровье его плохо. Может быть, снятие старчества для мирян — облегчит его, а — как знать? — может быть, и отяготит, п[отому] ч[то] он очень любил своих духовных детей и со многими связан многолетним духовным общением. Он может беспокоиться о них, о невозможности поддержать их духовно.

Теперь в Зосимовой остались для богомольцев духовники: Дионисий[313] и Досифей[314], — немножко и о. Митрофан[315], и, конечно, сам о. Герман, который, впрочем, слишком слаб, чтобы принимать многих, но из старых кое-кого принимает (как Новоселова).

Странное дело: о. Алексий снова говорил дочерям, — как хорошо было бы, если бы я сделался священником... Не понимаю. Какой я священник? Ни физически, ни нравственно, ни даже по состоянию веры своей — и близко не гожусь подойти к священству. Допускаю, что у многих священников некоторые отдельные качества могут быть хуже моих. Но у них всегда есть хоть что-нибудь годное, а у меня — ничего. Не говорю уже о том, что мне 64 года, что я даже службы церковной не знаю, и теперь уже не могу выучить. Один соблазн для богомольцев. Не понимаю я о. Алексия.

7 июня

Приезжала Ольга Семеновна Тирютина, по делам прибыла в Москву из Пятигорска. Она дама в Общине (Хомяковской) и сюда приехала искать двух монахинь.

Сегодняшние известия с фронта неблагоприятны. Хотя Черновцы и заняты, но на путях ко Львову (от Луцка) неприятель оказывает такое сопротивление, что в одном месте даже прорвал наш фронт и взял два орудия... Это нехороший признак. Значит, нашему наступлению успели уже противопоставить очень серьезные препятствия. Между тем хотя Радзивилов и занят, но в сущности наступление Брусилова получило бы законченный смысл только при взятии Владимира Волынского и Ковеля. Удар удался, видно, только наполовину, и притом менее важную (Черновцы — Радзивилов). Владимир Волынский и Ковель остаются пока недоступны, и здесь, очевидно, требуется новое громадное напряжение сил, уже во всяком случае поистраченных в предыдущее две недели.

---

* Еще 5) разрешено принимать к себе сына; у него есть сын, очень больной. — *Прим. авт.*

Всего пленных взято 176 000 рядовых и 2900 офицеров. Это, конечно, очень много, но вопрос в том, какие силы неприятель успел сосредоточить теперь.

Когда Надя поехала в Зосимову, на вокзал поезд привез огромную партию пленных австрийцев. Они заполнили весь буфетный зал, набросились на буфетные прилавки, покупали газеты (русские). Вся эта толпа была необычайно весела и оживлена. Видно, очень рады, что попали в плен. Таких воинов, вероятно, нимало не желающих защищать Австрию, не мудрено забирать в плен десятками тысяч. Но теперь пришли немецкие подкрепления, и с этими господами потруднее справляться. А между тем наши войска все же утомлены и конечно тоже понесли немалый урон за свыше[чем] двухнедельные отчаянные бои по всему фронту Брусилова.

8 июня

Известия с фронта неприятные. Немцы не пускают к Ковно и Владимиру Волынскому. На Львов тоже не пускают. На фронтах Эверта и Куропаткина — без движения. Наступление Брусилова только помазало по усам, а в рот не попадает. Видно нет нашей силы и Брусилов взял только внезапностью нападения на беспечных австрийцев. А союзники наши кричат нам «ура», а сами ни с места. Ни французы, ни англичане. Ни тем паче эти подлые итальянцы — ни с места.

Ну как тут воевать, имея таких союзников? Премерзкое положение. Сдается, что не будет решительного наступления.

Я все более убеждаюсь, что нам глупо было тратить силы на австрийцев. Войну кончить можно только удачным ударом на немцев. Но видно — на это у нас нет надлежащих воинских качеств, средств и способностей.

9 июня

Коля должен уехать на работы, в Сарапул[316], в субботу, 11 июня.

На фронте — ничего утешительного. Бесплодные бои. Немцы не пускают дальше. Злость берет на наше бессилие тягаться с немцами.

Павел наконец прислал свой адрес: 25[-й] пехотный Смоленский полк, 13 рота, 1 взвод. Это где-то близ Лаврентия, поюжней, очевидно, тоже между озерами. Место, значит, сравнительно безопасное, «позиционное». За Павла сердечно рад, но бездействие Эверта и Куропаткина удручает. По известиям штаба — немцы даже наступают кое-где: это, конечно, не более, как активная оборона, но достаточная, чтобы мы не наступали. Впрочем, мы, видимо, и не думаем наступать. Но если так, то немцы, конечно, и Брусилова осадят на старые позиции...

А уж погода — одно огорчение. Дождей много, но холодно. Огород Надя кое-чем засаживает на погибших местах, но что из этого выйдет — Бог весть. Травы, слышно, у мужиков сколько-нибудь поправятся от дождей, но отсутствие тепла так долго, до Петровского поста конечно отразится на урожае, а стало быть, и на дороговизне. Ах как бы пора была кончить войну! А что станешь делать с этими проклятыми немцами, которые так непобедимо сопротивляются? Уж и не знаю, что сказать: они ли молодцы, мы ли дрянь, или то и другое, а только надежды на мир улетучиваются каждый раз.

И какие последствия нашего бессилия выгнать немцев хоть из своих пределов? Теперь Англия соглашается пропустить американский хлеб в Польшу с дурацким условием, чтобы он шел только на питание польского населения! Комедия! Уж понятно, что будут есть немцы, или отберут у поляков польский урожай? Не понимаю, как можно заключать такие явно дурацкие условия. Сами же будем проклинать немцев, которые через месяц соберут и свой урожай, и тогда, пожалуй, перейдут и в наступление. Так они сделали и в первый год войны. Собрали урожай, а затем направили работников в армию, и объявили войну. Впрочем, теперь у них есть 2 000 000 наших пленных, если не 3 миллиона, для полевых работ. Страшно подумать, насколько они умнее нас и наших союзников. На всех пунктах умнее, организованнее, материально культурнее, наконец, — патриотичнее.

Нам необходимо победить их, и, однако, я недоумеваю, каким способом мы можем их победить, когда мы во всех отношениях оказываемся в такой степени ниже их. Только Божья помощь могла бы дать победу, да — сказать правду — не за что нам помогать, и если бы нам Бог помог, то наши дураки ни за что не признали бы помощи Божией, а все приписали бы себе, своим «доблестям».

10 июня

«Без перемен», как иногда выражаются военные бюллетени. У нас — холодные с градом дожди, солнце светит на гривенник в день. На фронте — с австрийцами — кое-какие успехи, но с немцами — ни шагу. Дерутся отчаянно, того гляди, что погонят Каледина[317] назад. Каледин, Щербачев[318], Лечицкий[319] — командующие армиями Брусилова, даже Каледин командует той армией, которой командовал Брусилов до назначения Главнокомандующим. Теперь Каледин выдвинулся как знаменитость, но его репутация составлена на битве с австрийцами. Теперь же против него вышли немцы и даже, говорят, сам Макензен[320], явившийся исправлять положение. С тех пор генерал Каледин не мог сделать ни шагу вперед.

12 июня

Насколько суха была весна, настолько дождливо лето. Дня не проходит без дождя. Носу высунуть нельзя. Да еще налетает холодный ветер и град. Сегодня я решил идти в Лавру в церковь, и приходится надевать калоши, драповое пальто и идти в такой тяжести по солнцу. Тяжело, весь вспотел. А между тем действительно, когда выходил из церкви, уже начался дождь. Теперь же, во вторую половину дня, уже все обложило тяжелыми тучами и вода льет с неба. Крайне неприятное лето.

От этой мерзкой погоды Надя, наконец, заболела. Было уже 38°.

Покупаем дрова, дрянь, сырые, тонкие, хотя березовые, по 18 р. сажень. В прошлом еще году не дали бы и 10 р. Это страшное вздорожание произведено земствами, которые платят за вязанку дров по 13 рублей за сажень (прежде платили вдвое меньше).

Соответственно, и этим крестьяне и стали расценивать.

Мужик, привозивший дрова, рассказывал со страхом, что как бы у крестьян не отобрали весь склад. Теперь отбирают (реквизируют) склад, но не заготовили ни помещений, ни корму. Молочные коровы остаются недоенными и заболевают. На станции Арсоки так уже пало 15 штук коров. Ну, значит, переморивши скот, нужно будет снова реквизировать остатки у крестьян.

Вообще наша бесшабашность, небрежность, неспособность к устройству дел — поразительна. Только от этого и происходят все наши бедствия. Эти «регуляции», воспрещения вывоза и перевозки из разных местностей, псевдотаксы и т.п. именно и составляют причину страшной спекуляции, вздорожания цен и недостатка продуктов. Может быть, лучше бы было, если бы все власти, а особенно земско-городские, совсем ни во что не вмешивались. Но на беду — все стремятся вмешиваться, п[отому] ч[то] эти «регуляции» и «надзоры» требуют персонала, т.е. жалованья и прочих расходов, которые почерпаются у щедрой казны. А казна щедра, п[отому] ч[то] набрала долгов уже на десятки миллиардов, так что бросать деньги есть из чего. Вообще — эта война представляет картину страшного хищения, в котором алчность соединяется с безнравственностью, легкомыслием и недальновидностью.

Только полное незнание России союзниками и обычное легкомыслие русских могли подсказать идею войны на истощение. Россия, конечно, первая истощится, а без России что могут сделать Англия и Франция?

А с фронта известия — все те же. Если в них нет фальши, то значит Макензен не пускает нас. А как знать, может и назад отгоняет? Иногда уже бывало, что не извещали о наших отступлениях. Во вся-

ком случае, называют Радзивилов и Луцк нашими. От реки Стохода нас не отбросили. По этим точкам можно думать, что мы сохраняем свои позиции. Лечицкий в Буковине продвигается, но это в настоящее время очень второстепенный фронт. У Щербачева же и Каледина не видно никаких успехов, особенно у Каледина... Замаривает это ожидание и неизвестность. Всю душу выматывает и приводит в нервное состояние.

Я боюсь, что Россия не выдержит еще года войны по страшной политической запутанности и расшатанности. Есть нечего будет. Привели страну в экономическую анархию, которая идет все возрастающим темпом.

Необходима победа, до зарезу необходима. А победа не дается — как клад.

В этакой обстановке читаю своего проклятого Филона. Разумеется, редки моменты чтения с увлечением. Голова не работает. Не можешь уйти в свою тему, и беспрерывно отвлекаешься тяжелыми ощущениями реальности.

13 июня

Сегодня заплатили за 2 сажени дров 36 рублей. Мужик сам говорит: «Год назад такие дрова продал Кумачеву по 5 р[ублей] сажень». И дрянь дрова, вполне гадость, тонкая, сырая, только что срубленные. Жить невозможно.

Дождь способен привести в отчаяние. Льет каждый день по несколько раз, всюду потоки воды, грязь, лужи, и нет этому конца. Вообще — такая неприятная жизнь, что выразить трудно. На фронте, конечно, по-прежнему застопорка... Кстати сказать, и там дожди. Макензен действует и помогает немцам собрать подкрепления.

Завтра Мама (с Верой) собирается ехать в Москву, чтобы далее — 16 июня — попасть на поезд в Новороссийск. Уж не знаю, как это осуществят.

А Коля до сих пор не уехал на работы: опять горло заболело. Он стал очень подвержен именно горловым заболеваниям. Раз даже я его выпроводил к горловому врачу — но тот не нашел ничего, кроме простуды.

14 июня

Сейчас, в 2 часа, Мама с Верой поехали на вокзал. 16 июня Мама должна ехать в Новороссийск. Благослови Господь путь, и пребывание и благополучное возвращение.

Суждено ли еще свидеться? Господи, дай милость Твою.

К вечеру ветеринарный Степан привел собаку «Боб», сходную с нашим первым Томом... Оставил пока на подержание, чтобы рас-

смотреть ее и ее характер. А о цене упорно не хочет говорить. Крупная, сильная собака, по его словам — полутора лет.

16 июня

Оказывается, что Мама сегодня не уехала. Поезд приходит лишь завтра, 17 июня. Коля тоже не уехал, п[отому] ч[то] хочет ее проводить. Это правильно.

Сегодня опять пришлось делать запасы. Вчера была Скворцова и рассказывала, что[по] каким-то достоверным сведениям скоро почти никаких продуктов не будет. Нужно сказать, что будущее, по всем толкам публики, представляется в очень мрачном виде. Мы задыхаемся экономически.

Между прочим, кое-где крестьяне перестали возить навоз на поля, п[отому] ч[то] своих лошадей нет, а за наем берут 10 рублей в день. Ну, конечно, немыслимо. Вообще алчность, сдирание шкуры с ближнего охватило всех, и крестьяне так же пожирают друг друга, как и прочие сословия.

Необходимо было бы восстановить сколько-нибудь экономику страны. Но о мире и думать нечего. На фронте наступление наше совершенно прекратилось. Не пускает неприятель. Буковина занята, а движение из нее в Галицию — не допускается неприятелем. Говорят, что Макензен, остановив наше движение на Владимир Волынский и Ковель, уже уехал в Трансильванию — поправлять тамошние дела. Да уже, по-видимому, и поправил в значительной мере.

Я почти безусловно убежден, что наше наступление оказывается невозможным из-за недостаточного количества орудий и снарядов. Для наступления, очевидно, нужен непрерывный «ураганный» огонь на фронте в тысячу верст и в течение долгого времени. На это, конечно, нет ни орудий, ни снарядов. Но если так, то наступления серьезного, решающего войну, <u>никогда</u> не может быть, ибо мы не в состоянии так развить техническое производство. «Никогда» — это значит ни в год, ни в два, ни в три. А трех лет еще мы не выдержим войны. Истощимся.

Сегодня опять был проливной дождь, впрочем весьма летнего характера. Да что толку? Сегодня — «летнего» характера, а завтра опять свернет на холод. Земля до того насыщена влагой, что уже не впитывает ее, и лужи стоят долго. На огороде и в цветнике все мерзко. Трава с каждым днем валится все больше, а косить ее немыслимо при таких дождях. Нет нам благословения Божия!

17 июня
Пятница

Мама, слава Богу, благополучно выехала в Новороссийск. Билет ей привезла сама Маруся Писарева, и хорошо устроила ее в вагон. Вот умница!

Завтра должен приехать и Николай Степанович. Они пробудут несколько дней. Авось, навестят и нас в Посаде.

Сегодня мы окончательно купили нашего Баба за 4 рубля. Кажется, должен выйти хорошей собакой.

К сожалению, очень скучает, сидя день и ночь на цепи, а спускать на ночь — опасно: пожалуй, сбежит, тем более что старый хозяин тут же в Посаде, и даже недалеко.

Лечицкий опять нанес сильный удар австрийцам в районе Коломыи[321] (более 10 тысяч пленных). Всего с 22 мая набрано 205 000 пленных. Но беда в том, что ни Щербачева, ни Каледина немцы не пускают и на шаг вперед. Если бы Лечицкий имел две армии (одна — не допускающая австрийцев наступать на Черновцы, а другая — для наступления на Коломыю — Львов), тогда, конечно, можно бы ударить во фланг австро-немцам, преграждающим путь Щербачеву... Но это какая-то кружная дорога, вроде прошлого наступления на Карпаты. Полная нелепость. Уж если у нас есть силы, то проще бы было Куропаткину и Эверту перейти в наступление, а если нет сил, то сколько ни ходи кругом да около — толку в результате никакого не будет. Зря растрачивать снаряды. Для победы нам нужна не Галиция и не Сандвичевы острова[322], а освобождение своих провинций и угроза нашествия в Германию.

Но, вероятно, силы у нас нет, и потому мы пробавляемся бесплодными «успехами» по линиям наименьшего сопротивления. Никакого толка из этого не будет. И все-таки сдается мне, что наши генералы в стратегическом отношении очень плохи. Сдается мне, что крупный стратег собрал бы все силы и, оставив в покое второстепенные пункты, вроде Буковины, бил бы во что бы то ни стало в центр. По-моему, нужно было бы бить на Курляндию и на Восточную Пруссию. У нас делают принципиально наоборот, принципиально, потому что поставили на Рижском фронте человека, который никогда, ни при каких благоприятных условиях не способен к наступлению. Впрочем, Куропаткин одинаково негоден и как стратег, и как тактик. Его назначение в Главнокомандующие уже само по себе доказывает, что о серьезном наступлении у нас не смогли и думать...

Эх-ма! Никак не разучусь я рассуждать о наших планах. А что толку думать и рассуждать, когда нет у нас людей с крупной организующей мыслью. Чепуху делаем в государственном строении, чепуху в

экономике, чепуху и в стратегии. Ведь ум стратегии — это ум государственного человека. Там где иссяк государственный ум — не может быть и стратегов.

18 июня

Сегодня дворник Андрей опять сказал Кате, что он хочет прибавки жалованья... Он поступил в середине февраля на 15 р. (наши, конечно, харчи), с тех пор уже 2 раза требовал прибавки, грозя уйти, теперь получает 23 р. в месяц и последний раз обещал, что больше не будет требовать. Но вот его добросовестности хватило ровно на месяц. А я между тем упустил человека, просившегося на место дворника.

Добро бы не хватало Андрею. Но он тратит деньги на глупости, купил за 10 рублей гармонию, заказывает фотографии, покупает дорогие рамки для глупейших картин и т. п. Дело не в том, чтобы не хватало, а в обуявшем всех хищничестве. Мужики еще хуже других. Огромные деньги, на глазах у всех загребаемые по всей стране на войне и по поводу войны, разожгли вкусы. Все только и думают, как бы с кого «слупить». Везде одно. Извозчики здесь наживают по 20 рублей в день. Крестьянки продают яйца по 60 к. десяток, тогда как в Москве цена 40 коп. Всех обуяла одна мысль — драть с живого и с мертвого. На беду, та же война создала массу людей, прямо сорящих деньгами, так что есть с кого драть. Все что состоит «при войне», нахватывает кучи шалых денег... Все это из тех десятков миллиардов, которые государство заняло по всему свету в счет будущих поколений. Это превращается в какую-то вакханалию, и чем это кончится — представить невозможно. После войны, когда не с кого будет «драть» легально, начнутся, вероятно, отчаянные грабежи насильственные. Кажется, придется куда-нибудь уехать из России, в какую-нибудь «честную» страну... если таковые еще окажутся на свете.

А на фронте, кажется, окончательно выясняется наша «стратегия»: заход левого фланга (т. е. армии Лечицкого) для охвата левого фланга австро-немцев, не пускающих Щербачева и Каледина. Чепуха, мне кажется. Военное времяпровождение...

Японцы перед Маньчжурской войной говорили, что они позволяют себе не соглашаться с высоким мнением европейцев о русской армии. Мне кажется, они правы. Наши армии были хороши очень редко и только в небольших войнах. В XIX веке все войны наши очень плохи. В 1812 г. мы в военном отношении были бесконечно ниже французов, а это была единственная компания, которая, по милости Божией, кончилась блестяще. Все остальные — или несчастны (Крымская и Японская), или еле приличны. И во всех один и тот[же] страшный недостаток: отсутствие умного распоряжения сверху, отсутствие плана, отсутствие подготовки. Наши национальные средст-

ва, по условиям всех прежних войн, были однако так громадны, что их нельзя было истощить даже при самом бездарном ведении войны. Но нынешняя война, при сохранившихся слабых сторонах собственно вооруженной силы, страшна тем, что она способна истощить самую нацию. Эта особенность нынешней войны именно и пугает меня.

19 июня

Были с Надей у обедни в Красном Кресте, пили чай у Киселевой[323]. На обратном пути заходили к больной Анне Александровне Козловой (бывшей моей сотруднице), но не были впущены сиделкой, которая объяснила, что она в полной бессознательности, и умрет если не нынче, то завтра. У нее саркома. Жаль очень. Хороший человек был, и по возрасту могла бы жить. Ей вряд ли больше 50 лет с небольшим.

Сегодня воскресенье. Мама должна была прибыть в Новороссийск утром, и по условию — немедленно телеграфировать. Но вот уже половина десятого ночи, а телеграммы все нет.

Погода жаркая. Скосили и убрали половину лужка. Хотим завтра косить вторую половину, если будет в*е*дро. Но сено, по урожаю, вдвое хуже прошлого года. А у нас куча едоков. Не считая кроликов, 7 овец и барашков, да трое козликов. Не легко прокормить такую ораву, хотя мы, впрочем, к осени 4 барашков или продадим или будем есть. Но все-таки на зиму предполагается кормить 6 штук...

Половина 12-го ночи. Слава Богу! Пришла телеграмма: «Благополучно. Здорова. Целую. Тихомирова». Благодарение Господу.

20 июня

К нам приезжали Писаревы оба, он и она. Пробыли недолго, часов 6. Оба — очень хорошо выглядят, особенно Николай Степанович. Маруся же была несколько нездорова. Живут хорошо, у Писаревых много работы, и следовательно — хороши и денежные дела. Впрочем, он всегда получал очень много денег от отца или точнее от матери (Пелагеи Григорьевны[324]). А по службе — разные экстренные, дополнительные поручения, командировки и т. п. большей частью и оплачиваются особо. Что касается жалованья, то в Петрограде оно ныне по военному времени, усилено.

Из новостей рассказывал очень странную историю Ипполита Гофштера. Там, в Питере появился один изобретатель, по-видимому, просто шарлатан, которого взрывное вещество все не удалось. Ипполит Гофштер, связавшийся с этим изобретателем, сделал прямой донос министру (военному) — что будто бы офицеры, работающие с этим изобретателем, — нарочно мешают успеху опытов, и этот двусмысленный донос содержал намек чуть не на измену. Впрочем, на-

мек сделан так ловко, что по суду дело нельзя направить в смысле клеветы. Министр (Шуваев[325]) поручил военному прокурору произвести следствие, в результате которого обнаружилась полная несостоятельность доноса Ипполита Гофштера.

Очень странная история. Не могу, конечно, судить по рассказу одного лица, и притом враждебного Гофштеру.

Другой, более интересный рассказ, касается войны. Брусилов, прежде своего наступления, три месяца изучал (не сообщая об этом в штаб) расположение австрийской армии, до мельчайших подробностей, и сообразно добытым результатам составил план наступления, тщательно и систематично определявший роль всех частей его войск, всех родов оружия. Покончив все, Брусилов известил Ставку о своем плане. Но в Ставке после всякого изучения, ответили приказанием — не начинать наступления. Брусилов послал извещение, что теперь уже поздно, так как он, будучи убежден в одобрении его плана, уже начал наступление.

Итог — этот единственный подвиг за все время с нашего злополучного отступления 1915 года, имел место только потому, что Брусилов* секретно выработал план и самовольно, вопреки формальному воспрещению Высшего Штаба, — привел его в исполнение. Николай Степанович говорил, что знает это из вполне осведомленных источников. Уж не знаю.

Он же говорит, что наступление с Двины у нас не предполагается. А относительно снарядов уверяет, что их запасены огромные количества. Так что наступление не предполагается не по недостатку снарядов. Ну если это правда, то могу только скорбеть о малодушии и бесталантности наших стратегов. Писарев, однако, за них заступается, и находит нашу стратегию очень хорошей. Мне кажется, что будучи умным и дельным в частности своей специальности, он в общем воинском понимании стоит на уровне петроградской стратегии. Это плохая школа, школа не Суворовых[326] и Скобелевых[327], а Куропаткина. Крупных задач эта школа не привыкла ставить, не имеет веры в свои силы и не рвется ни к чему крупному.

Рассказывал еще, что у нас довольно широко применяются теперь ядовитые газы, которые отчасти гуманнее немецких, так как не уродуют людей, а наповал их моментально убивают. Это зависит от примеси синильной кислоты. Действие этих газов, по рассказам наблюдавших, — ужасно.

21 июня

Вторник. Послал письмо в Новороссийск Маме.

---

* Начал тот план еще Иванов, а Брусилов кончил. — *Прим. авт.*

Надя, по сильному дождю, поехала в Москву. Этот дождь решил испортить нам сено. Два раза он мочил скошенную траву. Сегодня — если бы солнце дало нам хоть три-четыре часа сроку — сено было бы убрано. Но набежал дождь. Мы едва успели сложить сырое сено в копенки, и вот оно снова поливается дождем. Должно быть погниет.

На фронте — прежняя неопределенность. Каледина немцы даже оттеснили верст на 5—10. Болтают о наступлении англичан и французов, но ничего убедительного в известиях нет. Газетные раздуватели патриотизма говорят даже о «доблестях» итальянцев, воскрешающих память древнего Рима. Можно ли до такой степени бесстыдно врать! Уж не знаю, может быть, это и нужно для публики, но как у людей хватает совести? А верное, что можно было бы не врать, или по крайней мере соблюдать пропорцию. Ну например, для чего лгать об итальянцах, заведомых жуликах, играющих только видимость войны, для получения барышей при разделе добычи, и преднамеренно погубивших Сербию и Черногорию, чтобы ослабить или уничтожить их влияние в будущем?

Ночь. Проливной дождь шумит не переставая. В доме пусто. Я да Катя. Довольно тоскливо. Желал бы думать, что нашим в Москве веселее. Хотел спросить по телефону, благополучно ли доехала Надя, но телефон, оказалось, совсем не звонит, испорчен. Недоумеваю. Неужели от бывшей сегодня грозы?

22 июня

Погода вне конкурса. Дождь лил вчера, лил потоками всю ночь, льет без перерыва сегодня. Впрочем, был перерыв на час. Сено, разумеется, пропало. У меня отчаянный кашель, что очень скверно для глаза. Никуда нельзя носа высунуть. Нечто, способное привести в отчаянье.

С фронта известие о сражении под Барановичами... Это нечто интригующее. Неужто Эверт наступает? Я уже и надежду на это потерял, да и сейчас не верится. Пожалуй, простые шалости «короткого удара»... который впрочем прорвал две линии неприятельских окопов, а их здесь четыре линии.

23 июня

Приезжала Нина Фудель.

Были оба Введенских.

Кончил главу о «Самобытности Христианского учения». Однако продолжаю читать Heinisch'a[328], и собираюсь прочесть Иваницкого и Смирнова[329]. Сомневаюсь, чтобы это вызвало новые переделки этой главы.

К изумлению моему сено не испорчено дождем, успело сегодня просохнуть и уже убрано. Всего у нас, на глаз, пудов 30. Но должно прибавить и еще сколько-нибудь.

Сегодня не было дождя, и день стоял жаркий.

24 июня

Сегодня рискнули скосить два следующих участка, и через час после того, как трава была перетащена на большую поляну, начался дождь без перерыва до сих пор (ночь). На этот раз уже вряд ли можно спасти покос.

Пренеприятная погода.

Я за это время частично читаю «Русский архив»[330] (прежней редакции), которого у меня наберется десяток книг. Удивительно много записок людей опальных, неудачников, выброшенных из деятельной жизни. Эти рассказы привлекают меня, принадлежащего к этой категории существ. Как они разнообразны — Чичагов[331], Панин[332], Пущин[333], Порфирий Успенский...[334] А много черт общих, основных: неумение бороться с интригою особенно. Это неумение происходит всегда из смеси хороших и дурных качеств. Есть честность, преданность своему делу, но от этого еще какая-то гордость, чрезмерное презрение к противникам (большею частью*). Затем — какая-то неосновательная самоуверенность. Никогда нет решимости смириться, но есть гордая готовность бросить людям: не хотите умнеть, так и ну вас... В результате человек вылетел за борт, и при означенных способностях ушел бесплодно для людей, мучаясь и сам. Панин, выброшенный из жизни в 32 года, — всю вторую половину жизни провел в «мучениях покоя», как он выражается.

Я, конечно, не имел таких высоких способностей, и сверх того имел множество недостатков, и наконец выброшен в этот «покой» уже в старости.

Но основная аналогия — остается в достаточной степени, чтобы я понимал всю эту «нашу братию». Крупные или мелкие они отличаются тем, что хотят и согласны делать лишь то, что сами считают полезным для людей; но не то, чего от них люди требуют. Между тем люди дают простор, похвалы, деньги только тем, которые им служат, как им приказано. «Делай не так, как умно, а как я приказал». И вот самовольный человек для того, чтобы «служить делу, а не лицам», имеет на это право лишь при страшной силе, способной подчинить ему окружающее. Если же сего не получается — то вышвыривается за двери, выбрасывается за борт. Бесполезно рассуждать — справедливо это, или несправедливо, ибо это «закон» внутренний, «логос» вещей.

* Одно слово неразборчиво.

Однако я думаю, что это даже справедливо, ибо для самовластия требуется сила. Если всякая ничтожность вздумает самовольничать — из этого способна родиться только анархия, хаос. Честные стремления могут приводить к общественному вреду, сами не имея силы побеждать общество. Поэтому общество (взятое в целом) право, требуя службы как приказано. Однако и эти побежденные и выпотрошенные люди нравственно правы, и могут утешиться тем, что их пример все же поддерживает в обществе сознание, что нужно служить «делу, а не лицам». Если это сознание совсем исчезает, и люди начинают служить «воле народа», «воле государства», «воле общества», то люди способны окончательно утратить совесть, сделаться поголовными мерзавцами.

Значит «наша братия», крупные и мелкие «выброшенцы» общества, могут утешать себя тем, что их «мучения покоя» все же не остаются без пользы. Трагедия их жизни состоит в том, что размеры их сил не соответствуют неуступчивости в решении служить делу, а не приказу (общества или власти — безразлично).

Июнь 25

Надя и Вера возвратились из Москвы. Писаревы уехали в Петроград вчера ([в] пятницу), а Коля только завтра думает уехать.

Вера привезла мне, по моему поручению, две справки:

1) Доверенность, выданная мною Маме на управление Новороссийским имуществом, выдана в 1912 г. 18 мая; в Конторе Валер[иана] Доримедон[овича] Плевако, по реестру № 4777.

2) Контракт мой с Когутом на аренду хутора заключен 21 янв[аря] 1915 г. (срок аренды 12 окт. 1917 г.) у нового Плевако, и находится в моих бумагах.

Георгий Алексеевич Шечков прислал письмо и целую тетрадь своих замечаний на Проект Тиханович-Савицкого... Оказывается, неутомимый и неугомонный астраханец[335] и к нему обращался. Замечания Шечкова вообще дельны и интересны в отвлеченном смысле. Но в практическом — и умное, и глупое одинаково «ни к чему». Может быть, даже «глупое» практичнее, так как есть некоторое количество глупых людей и также некоторое количество умных жуликов, которые не прочь восстановить абсолютизм со всевластием бюрократии. А для «умного» совсем не найдется сторонников, ибо идеал почти никого не привлекает и для обделки своих делишек не обещает почвы.

Все это — праздные разговоры, быть может, навсегда, даже вероятно навсегда. Если же не навсегда, то до какого-то необычайного гения, великого человека, вроде Петра Первого, и, конечно, более развитого, чем был Петр. Но говорить о таком человеке, это почти

все равно, что говорить о непосредственном вмешательстве Самого Господа Бога. Нация сама по себе не может уже его породить.

26 июня

Воскресенье.

Был у обедни в Академической церкви.

Погода «весенняя». Никак не можем высушить Сеня. Систематически смачивается дождем.

Странное положение на фронте. Собственно успехов серьезных у нас нет, но чувствуется как будто бессилие немцев получить успех. Это как бы равновесие заставляет ожидать, что может быть и успех. Мне сдается, что если бы мы были способны еще к одному энергичному усилию, то немцам пришлось бы отступать по всему фронту. Но такого энергического усилия у нас не проявляется. У Эверта под Барановичами, пока, — скорее угроза наступления, чем действительное наступление. А у англичан и французов — то же самое.

27 июня

Сегодня был с архиепископом Никоном в* [?] у Елизаветы Аркадьевны, и осматривал ее приют. Дети имеют хороший вид, веселый, умненькие мордочки, и примерно себя держат. Пели недурно некоторые молитвы перед Никоном.

После того были у самого Никона, куда заходил также о. Ионафан. Никон читал мне свое «Братское слово к епископам». Писано по поводу решения приходского вопроса светскими учреждениями (Гос[ударственной] думой), взывает к восстановлению власти епископов. Но, конечно, ничего из этого не выйдет. Он ничего не упоминает о том, что церковное управление ведется в высшей инстанции таким «светским учреждением», как Григорий Распутин. Достаточно было бы упомянуть об этом, чтобы понять невозможность восстановления власти епископов... иным путем, как через единение с мирянами. А последнее также нелегко, ибо, конечно, множество мирян (те же Папков, Ник. Дм. Кузнецов) пойдут лишь на такое единение, при котором епископы будут плясать по их дудке.

Сказать по правде, я не могу себе представить никакого пути действия для церкви спасительного. Все скверно, куда ни повернись. «Братское слово» Никона не бесполезно, потому что будет шевелить души епископов, но и только. Плана действий он и сам не дает, кроме, может быть, обращ[ен]ия к Государю Императору; и дружного единения, взаимной поддержки.

---

* Два слова неразборчиво.

29 июня

Петра и Павла. Был в трех церквях, и можно сказать, что у литургии не был. Все это пешком. Изморился, чуть жив. Зашел к Никону, который в это время служил, но его келейник Амвросий пригласил меня посидеть, и я целый час сидел, читал корректуру его «Братского слова» и делал свои заметки. После того пришел и Никон, а потом Введенский. Пообедали. После обеда Введенский ушел, а я высказал архиепископу свои критические замечания, числом 17. Он отнесся внимательно, и вероятно, хоть что-нибудь исправит. Некоторые мои замечания очень серьезные, как, например, о необходимости требовать самостоятельности церковного управления и противодействовать «недостойным» влияниям (какой-нибудь намек на Гришку). Никон просил, чтобы потом, по исправлении корректуры, еще раз вместе перечитать. Я, конечно, согласился. Звал он проехать в Крючково (или Крючки, не помню) — прогуляться и чаю напиться. Но я с ½ десятого часа до трех — так устал, что отказался и отправился домой.

На фронте — ничего хорошего нынче. Отчаянное сопротивление немцев на Стоходе. У нас нет успеха. В Барановичах тоже ничего хорошего. Публикуется, что армия Брусилова всего забрала 270 000 пленных. Что толку? Нам самим есть нечего, а теперь корми еще этих лодырей. В общем наше наступление идет очень медленно, и никаких решающих результатов целый месяц не дает. Даже Ковель и Владимир Волынский не достигнуты. Даже Барановичи не даются, как клад. Когда же можно мечтать об изгнании неприятеля? С таким темпом и в десять лет не вернешь того, что у нас отнято в 2 месяца. Нет, не блистательны наши действия.

Прочие — союзники, французы, англичане — почти уже вовсе ничего не достигают. Об этой макаронной дряни итальянцах — нечего и говорить. Эти ужасные немцы — страшная сила, можно сказать — единственная сила в Европе. Может быть, и мы могли бы составить силу, если бы имели сносную власть, но при наличных условиях — нет — неважная сила.

Теперь ясно, что сильный удар немцам мог бы произвести полную панику в Германии, и этим вызвать крушение и армии немецкой. Но только удара мы не наносим, не решаемся, что ли? — толчемся Бог знает где — в Галиции, под Ковелем... Так и все лето пройдет в пустяках, если только сами немцы — храни Бог — не шарахнут этого теленка Куропаткина. У них на смелый «ва-банк» хватит решимости, не то что у нас. А это, может быть, опять перевернуть войну вверх дном.

30 июня

Скончалась Анна Александровна Козлова. Царство ей Небесное. Страшно мучилась от саркомы. Ныне отпустил ее Господь. В субботу, после заупокойной обедни, ее увезут в Москву, где похоронят, кажется, в Донском монастыре. Это сообщила Анна Никитична Круглова по телефону.

1 июля

Был на панихиде по Анне Александровне. Она так страшно изменилась, что не узнал бы ее в гробу.

С панихиды зашел к Никону, а он увез меня «прогуляться».

Эта прогулка вышла долгая, до 6 часов вечера. Ездили на Пасеку, около озера за Пораклитом [?]. Было холодно, ветер, беспрерывно набегал дождь. На Пасеке застали казначея, архимандрита Досифея. Попили чайку с очень скромным угощением — мятные пряники, мед, да черный хлеб. Прошли к озеру, которое очень разлилось. Оно гораздо меньше, чем я думал, но кое-где глубоко, на несколько сажень. Я здесь в первый раз в жизни.

Уже собирались уходить, как встретили оборванного и босого о. иеромонаха Ионафана с 3 школьниками. Он пришел из Лавры пешком, проехаться по озеру и поудить рыбки. Босиком — потому что, говорит, ноги болят — так разминает их. Недурное средство — по холодной грязи! Но вся эта проза монашеского быта мне очень нравится. У них — тут, в глуши — такая демократия, как нигде. За простым деревянным столом сидят: архиепископ, архимандрит — казначей, и двое послушников, один, впрочем, пострижен в монахи, — пьют вместе чай и беседуют, как равные. А ведь Никон — член Синода и Государственного Совета...

И этот Ионафан, в рваной рясе и босиком — тоже типичная фигура. Между прочим, он не только заведует Типографией Лавры, но сверх того — весьма уважаемый духовник.

Это мне напоминает, как в Зосимовой Пустыни о. Иннокентий[336], иеромонах, заведующий гостиницей, собственноручно принес к нам в номер ночной горшок, и поставил под кровать.

2 июля

Сегодня был опять у Никона, отнес взятую у него вчера фуфайку, да поболтали часок. Ходил туда обратно пешком. Заходил и к Преподобному.

Последние дни переправлял свою главу о Самобытности Христианского учения, и кажется, покончил вполне. Вот разве еще Иваницкий со Смирновым заставят возвращаться. Между этим недалеко до крайности.

3 июля

Ходил пешком в Академическую церковь. Жара нестерпимая. Назад приехал.

Купил газету. Не стоит и копейки. На фронте — полная застопорка. Противно читать и думать. Наши сами играют в руку немцам. Немцы скоро соберут хлеб у себя и в захваченных у нас областях, и — тогда, вероятно, сами перейдут в наступление. Противно мне даже думать о нелепом нашем поведении. Меня мучит мысль более страшная: нелепо ли это поведение или, в каких-нибудь германофильских кругах, — преднамеренно?

Если бы была задача — не сокрушить Германию, довести до мира по всеобщему истощению, — то нужно было именно так действовать. Дать немцам отдохнуть, собрать урожай, запастись продовольствием; затем — перейти на оборону против их наступления. Вот будет потерян еще один год, и Россия ослабнет еще на 30–40%. В следующем году — за невозможностью войны — наступит мир, понятно, очень льготный для Германии. Будут ли охранены при этом интересы России?

Достойно замечания, что даже наступление Брусило[ва] произошло, как говорят, вопреки приказу из Штаба... Блестяще проведенное сначала, оно не поддержано именно на том пункте, где имело бы серьезное и страшное для немцев значение (завладение Ковелем). Демонстрация Эверта под Барановичами так слаба, что не могла помочь Каледину.

Какой же смысл всего этого? Недостатком сил это необъяснимо. Трудно объяснять и простой глупостью. Наконец — не может быть при этом и простой банальной измены. Она у кого-нибудь, в частности, может быть, но ведь общую директиву дают учреждения — которые, даже из собственных интересов, не могут быть изменническими... Нет, мне тут скорее чуется какой-то политический расчет, который не желает допускать разгрома Германии (т. е. конечно Пруссии) не из любви к самой Пруссии, а вследствие мнения, что разгром Пруссии был бы невыгоден для России. Такой оборот мысли, мне кажется, возможен при известных тенденциях внутренней политики.

Разумеется, можно сказать, что это была бы во всяком случае измена **России**. Но люди, которые считают, что существование Прусской монархии нужно для России, конечно не согласятся с тем, чтобы их поведение было изменнеческое. Они, конечно, чувствуют себя патриотами. Людей же такого рода у нас, конечно есть некоторое число. Разумеется, фрейлина Васильчикова находит, что она действовала в интересах России. А фрейлина (бывшая) Васильчикова, без сомнения, не одиночка.

Вот мысли, которые меня более всего мучат. Ибо если имеется подобная влиятельная сила, — то значит мы не захотим победить. Кровь льется реками, Россия входит в неоплатные долги, развращается «военными прибылями» и всеобщим хищничеством, и все это впустую!

Мало того. Если есть такие «патриоты», то даже и их расчет окажется в конце-концов безумен, ибо сохраненная в целости прусская монархия, даже при всем желании, не в состоянии будет спасти Россию от революции... Наоборот, весьма вероятно, что она воспользовалась бы нашей внутренней резней для аннексии разных наших областей и возможно большего расчленения России, ибо мировое господство Германии мыслимо лишь при уничтожении Русской силы. Эта война ясно показала всему миру, и яснее всего Гогенцоллернам, что не Англия страшна, и никто вообще — кроме России. Мы находимся теперь в таком моменте, когда Германия, если бы только Россия захотела воевать по-настоящему, была бы раздавлена к осени.

Да и в первый фазис войны, если бы у нас был план настоящий, т. е. бить прямо на Берлин, а не ходить неизвестно зачем на Карпаты и в Восточную Пруссию (где все равно мы уперлись бы в Вислу) — то, думаю, что в 7 месяцев (на которые у нас имелись снаряды), — мы могли бы раздавить Пруссию, т. е. кончить войну.

4 июля

Коле приходится идти на военную службу.

Кстати, приехал Николай Степанович[337], и мы решили совместно похлопотать, нельзя ли Коле поступить в Электротехнический батальон, который образовался вместо роты, состоящей при Электротехнической школе.

5 июля

Николай Степанович уехал в СПб. Мы с Колей — пока в Москве. Ему нужно добыть всякие бумаги. Потом нужно будет поехать проститься в Посад. Но пока не до того, приходится бегать по канцеляриям. Вообще масса хлопот.

Приходится подумать и о его снаряжении всем потребным. Конечно, это уже касается больше Кати и сестер.

Но и мне приходится о многом позаботиться, особенно по финансовой части. И я притом в особенно нервном состоянии. Это отзывается на моем несчастном дневнике, который я то рву, то пачкаю. Постоянно путаешь то фразы, то даты.

8 июля

Пятница. Приехал Тихон в отпуск.

Пришло письмо Николая Степановича о действиях для поступления в Электротехнич[еский] батальон. Предыдущие дни Коля проводил в канцелярии института, добывая потребные свидетельства. Из письма Писарева обнаружилось, что необходимо еще одно. Придется завтра опять идти в институт.

Если получим, то придется немедленно ехать в Петроград — испрашивать в Батальоне ходатайства о зачислении. Потом с этим ходатайством — идти к Московскому воинскому командиру. Сложность и суета огромная.

9 июля

В институте сегодня не было присутствия. Завтра — воскресенье. В понедельник, вероятно, не будет директора. Следовательно, можно получить только во вторник. Просто разбой. А Писарев уезжает во вторник на Кавказ.

Послал телеграмму ему с вопросом: что делать? Послал о том же и письмо. Ибо неизвестно, что придет быстрее.

Тихон уехал в Посад.

11 июля

Телеграмма от Писарева. Все благополучно. Через два дня будет проезжать через Москву.

...Коля вернулся в 2 часа. Опять ничего! Сказали, что завтра...

13 июля

Утром виделся с Писаревым на Курском вокзале. В 2 часа дня Коля телефоном сообщил, что получил наконец удостоверение, и сейчас же едет на вокзал. Послал ему чемоданчик и деньги с Машей. Если все устроится, и будет билет, то сегодня же уедет в Питер. Благослови, Господи!

Около 4 без ¼ возвратилась Маша. Все передала. Коля взял билет на почтовый поезд (3 ½ ч.), и пошел закусить (он вряд ли что ел до этого). Если не опоздает через закуску, то теперь он должен уже быть на пути в Петроград. Благослови Господь его путь и дела, внешние и внутренние.

Завтра собираюсь приехать на один день в Посад, по случаю денежных дел, а также уговориться насчет прощания Колиного на службу.

Оказывается, что наш Павел (Старостин) тяжело ранен, и теперь нужно искать — нет ли его в Москве. Принял кое-какие меры к этому при помощи этой добрейшей Маруси Фудель. Ну — если вернусь в пятницу — будем продолжать розыски.

14 июля

Собрался поехать в Посад через 1 ½ часа.

15 июля

Пятница. Возвратился из Посада с Тихоном.

Здесь известий от Николая не нашел.

...В ½ второго письмо от Коли. Удостоверение батальона получено. Благодарение Господу! Завтра должен быть в Москве. Тогда начнется новый, довольно решительный фазис его жизни.

Приехала Надя. Привезла письмо от Павла (от 8 июля). Оказывается, жив, находится в 306 Полевом подвижном госпитале (неизвестно где). А я уже собрал (от Маруси Фудель) списки всех 8 распределительных пунктов Москвы, и спрашивал «гонца» — сколько возьмет за обход и опрос их. Оказывается, что это стоило бы очень солидную сумму: 1 рубль за час. Их же не обойдешь, вероятно, и в 20 часов. Но вот оказывается не нужно. Теперь придется хлопотать о переводе его в какой-нибудь Московский лазарет. Слава Богу, что жив, хотя рана, очевидно, опасная: в живот (да другая в руку).

16 июля

Коля приехал, с большим опозданием по случаю крушения одного поезда в Ховрино. К вечеру уехал в Посад, так как к Воинскому начальнику уже было поздно являться.

Удостоверение, выданное ему из батальона, гласит, что его назначение к ним желательно.

Сегодня же мы с Надей возобновили ее срочный вклад.

18 июля

Коля в субботу (16 числа) уехал в Посад, и возвратился вчера вечером.

Сегодня хлопочут в Воинском присутствии, и по разным местам. Оказывается, что нужно еще свидетельство о благонадежности.

Я не могу надивиться невероятной канцелярщине, расплодившейся у нас. Уж кажется в Военном ведомстве, и особенно, во время войны, могли бы вести дела быстро, без бесконечных входящих и исходящих... Какое там! Еще хуже, чем в гражданских ведомствах.

Время, посвящаемое на работу в канцеляриях, сокращено до крайности самовольными опозданиями служащих, и таким же самовольным уходом до окончания присутствия.

Писаря — это главные силы всего механизма, и делают, что им вздумается, в том числе, конечно, берут взятки.

21 июля

Надя уехала в Посад. Потом к вечеру уехал Тихон с Фомой. Остались мы с Николаем — ожидать повестки явиться на медицинский осмотр. Может бы[ть], осмотр будет 28 июля, а впрочем, кто их знает.

Зря время идет, а его и без того много пропало. Что будет после медицинского осмотра, когда отправят в Петроград — Господь ведает.

23 июля

Сидим вдвоем с Колей. Погода — холод и дождь. Повестки нет и нет. Тоска ужасная. Время идет бессмысленно и бесплодно.

Вчера у меня был Ф.А. Преображенский[338]. Он взят редактором новой газеты в Екатеринославль. Очень рад, и я рад за него. Говорит, что в [«]Моск[овских] Вед[омостях»] ему плохо было, и всех их очень ругает. Ну вот теперь будет сам себе господин. Просил сотрудничать. А мне противно даже подумать о публицистике.

Ночь

День прошел: повестки нет. Завтра — воскресенье, так что и завтра не будет. Замучили этим ожиданием.

На фронте — противно читать, какое-то полное бездействие. На Стоходе даже успехи немцев. Ни Куропаткин, [н]и Эверт ничего не делают, не поддерживают Брусилова. Кажется, общего командования Западным фронтом нет. Но почему, когда при Государе находится и Алексеев, и — кажется — Иванов? Могло бы быть согласование действий и особенно нужно теперь, когда у неприятеля Гинденбург получил командование всем фронтом от Риги до Румынии.

За это время сделал кое-какие серьезные перестановки частей в своем сочинении, причем много пришлось дописывать для согласования. Но вот все, что было ясно и обдумано, — сделано, и я остановился на пятом отделе... Его перестройка требует нового «вдохновения», порыва мысли.., а где их взять при таком пакостном настроении?

Всего у меня можно считать готовыми четыре отдела, примерно на 350 печатных страниц. Подлежит переделке страниц сотня. Дальше — наберется отдельно же в простых набросках. А еще дальше — кое-какие материалы и заметки, отдела на 2 — даже и материалов не собрано... Мыслимо ли при таком темпе работы окончить ее в небольшой остаток моей жизни? Ужасно боюсь, что нет мне благословения Божия на этот труд. Не чувствую я его. Беспрерывные помехи, беспрерывные испытания, и как только начинаешь серьезно входить в работу, так сейчас же начинаются какие-нибудь пакости, мелкие или крупные, которые пресекают едва зародившееся вдохновение.

24 июля

Коля все еще не получал повестки.

Сегодня заучился, искал лазарета для перевозки из Киева Павла. Найти лазарет оказалось не трудно, но трудно иметь дело с Павлами, Дуняшами и т. п. народом. Он должен сам проситься в Киев, но упор-

но требует, чтобы отсюда о нем просили, в то время, когда никто на мою просьбу не обращает внимания, правильно же такое, что раненый сам должен просить об эвакуации.

26 июля

Сегодня Коля уже сам ходил в Военное присутствие, и секретарь сказал, что неизвестно, когда пришлют повестку. Как ужасно, нестерпимо небрежно, медленно все у нас делается, решительно везде.

Сегодня же видел чудо: в [«]Русск[ом] слове[»] помещена умная записка какого-то члена Гос[ударственного] Совета — по Штюрмеру — по поводу нелепого закона о «мясопустных днях». Разносит этот закон вдребезги. Я был поистине поражен, что нашелся умный человек среди этого бесчисленного стада идиотов, которые разоряют русские силы на радость немцам. Кажется, имя этого странного человека — Охотников.

Но что толку? Закон проведен, исполняется, наделал новую массу зла... Вообще для меня несомненно, что величайшая язва России — это деятельность власти со всеми этими регламентациями, воспрещениями, регулировками, таксами и т. д. Нет ни одной умной меры, одна глупее другой. В применении они еще глупее. Если Россия экономически рухнет и потеряет силу бороться, то причина будет в этой деятельности.

И нельзя говорить об армии. Закон о «мясопустных днях» разрабатывался в особом совещании Мин[истерства] земледелия, обсуждался в Думе и Совете, т. е. — минимум 700 человек. Это продукт национальной глупости. Никакие изменники тут не виноваты. Мы обезьянничаем немцев. Но то, что немцы могут делать умно — у нас выходит глупо, ибо у немцев готовая организация, а у нас кое-как сменяемое «на тот час»...

27 июля

Приехали Катя, Вера и Тихон с Фомой.

28 июля

Вот уже недели две мучаюсь с зубами. И лечиться не у кого, все врачи — на каникулярном отдыхе.

29 июля

Получена повестка — Коле явиться на осмотр 2 августа.

Мы теперь на прощание проводим чуть не все время с Николаем. Никогда, кажется, не говорили так много о всевозможных предметах, и — никогда так сердечно и задушевно.

Замечательно богатые способности у Коли, и не менее замечательная начитанность. По многим вопросам мне приходится получать от

него известия, мне бывшие неведомыми*. А ведь и я имею знания очень разносторонние. Рассуждающий ум у него тоже очень силен.

Одно несчастье. Он совершенно ошибся в призвании, пойдя в инженеры. Он совсем не любит математики. Он любит все, где жизнь. Естественные науки, историю, даже отчасти философию и т. п.

Мне очень тяжело с ним расставаться, и я не могу наговориться с ним.

Эх жизнь наша! И право, кажется, не было еще эпохи худшей чем наша. Вся она как-то пахнет смертью.

Тихон уехал в Новгород на день.

Август 1916 [г.]

1-го [августа]

Подводим счет: расходы невозможные, затрагивающие капитал... Этак я не выдержу войны и разделю участь России в общем крахе.

А на фронте — не нравится мне. Заходим с юга, длиннейшим путем, через Галицию. Своих губерний не в силах освободить. Не поддаются немцы. Но через Галицию мы едва ли и к осени можем, при величайших даже успехах, добраться до германского правого фланга, стоящего скалой перед нашей армией. Союзники движутся, но еще более черепашьими шагами, почти неощутимыми. У Сарайля отвоевано два квадратных километра сербской территории! Смешно сказать. И это не против немцев, а против болгар.

2 августа

Колю по осмотру приняли на военную службу. Завтра идет на сборный пункт к Воинскому начальнику. В 7 часов утра! Для этого, от нас, нужно выйти в 5 часов. Но самое главное: беспокоит, что выйдет из его назначения в Электротехнический батальон?

Сегодня приезжают Писаревы в 10 ½ час[а] ночи. Коля отправился их встречать.

Сегодня неожиданно перевели в Москву Павла Старостина. Мое письмо в Киев разошлось с ним. Много пришлось хлопотать по телефону, однако**. Распр[еделительный] пункт обещал сегодня перевести его в лазарет лицея.

---

* Так в тексте.

** Одно слово неразборчиво.

У меня зубы все болят потихоньку, не усмиряются. Не выхожу. В доме не весело, и голодно. Не знаю, что только нас ждет с этой войной и с распоряжениями власти. Прямо голод угрожает. Ничего нет. Мясо, овощи, молоко — даже крупы, даже картофель — всего не хватает, а цены страшные.

Оказывается, что в Берлине дешевле, чем в Москве, или точнее: цены подняли менее сильно. Не знаю, что только нас ждет!

3 августа

Утро. Ну слава Богу, телефонируют из лицейского лазарета, что Павел там. Немножко ходит. Одной заботой меньше. Теперь вопрос о Коле, который пошел на сборный пункт к Воинскому начальнику. Как-то решится его судьба? Замучился этим беспокойствами...

Коля возвратился. Приказано явиться в понедельник, 8 авг[уста], когда объявят — куда ему явиться. Его прошение отправлено в здешний Главный штаб, и Воинский начальник лишь исполнит решение Штаба. Итак пребываю в прежней тревоге.

Вечер. Был с Верой у Павла. Просидели с ним целый час. Он был очень обрадован. О состоянии здоровья судить не берусь. Жару не было. Но его еще только раз смотрел врач. А о своей ране он мне рассказывал такие ужасные подробности, что отказываешься верить в возможность выздоровления. При нас он все время лежал, но говорил, что немножко встает и ходит. Может быть, этого бы не следовало позволять.

Я жалею, что завтра у него должна быть Дуняша, да еще, кажется, с матерью. Вероятно, лучше бы было не беспокоить его.

5 авг[уста]

Кажется, плохо смотрят в лазарете за ранеными. Приезжали Дуняша и Мария (мать Павла). Привезли крутых яиц Павлу, и он сам не стал есть, но передать-то передали. Потом он их ходил провожать до ворот. Это безумие! И, однако, он мог это сделать. Боюсь, что все это кончится плохо.

6 августа

Приехала из Посада Надя. Вчера о. Тихона потребовали в Новгород к 9 августу, так что он должен уехать в понедельник 8 августа, в тот самый день, когда решится судьба Коли у Воинского начальника.

Тихон только съездил в Новгород на праздник, и возвратился доживать свой отпуск. И вот оказывается, что моментально зовут назад.

8 августа

Понедельник.

Тихон уехал на вокзал — в Новгород. Бедный, у него даже слезы градом потекли, при прощании. Бедный, бедный. У него сердце мягкое, любящее, требующее любви, а там — вечно один, никого близкого, сухо и формально...

И придется ли еще увидеться? Боже, Боже, как бедна наша жизнь радостью.

А Коля с утра пошел к Воинскому начальнику, узнавать свою судьбу. И доселе нет, так и не попрощался с Тихоном.

* * *

Коля вернулся от Воинского[начальника]. Нет решения. Сказали — приходите денька через два-три... Мучение.

Однако Коля успел съездить на вокзал и захватить Тихона, хотя поезд уже двигался, так что он только на ходу, через окно, поговорил и пожал руку. И то ладно.

Сегодня я написал статью «Смысл нашей войны» для Преображенского. Это за два года с лишним первый раз: не хочется не поддержать его, точнее — не исполнить его просьбы, п[отому] ч[то], конечно, это не составит никакой поддержки, кроме нравственной, ему лично. Ну м[ожет] б[ыть], губернатор из этого заключит, что он успешно находит сотрудников. А отношение к губернатору очень важно для провинциального редактора.

Я уже и писать статьи разучился, и потерял охоту. Слишком убедился в том, что я не подхожу к нынешней публике. Почему? Это безразлично. Важно то, что она не читает меня и не интересуется. Я — уже отжившего поколения.

9 августа

Был на похоронах Ивана Алексеевича Лебедева. Похороны парадные. Много народа, городского управления, школ, купечества, даже несколько генералов. Был и Челноков, ведший себя очень неприлично: все время службы и панихиды болтал, ни разу не перекрестился. Служил еписк[оп] Арсений Чудовской, и протопресвитер Любимов, с собором: человек 16 духовенства. Из кружка Самарина был, кажется, один я. Самарин Александр, говорят, был на панихиде, но на похоронах не был. Из Братства Святителей был о. Фудель и Дружинин, а вероятно, и другие, которых я не знаю. Был зачем-то барон Нольде, вероятно, от «Моск[овских] вед[омостей]».

Итак, умирает старая Россия. Уже почти никого и не осталось. Лебедев был хороший ее представитель, умный, честный, замечательно трудолюбивый и здравомыслящий. Обладал вообще большими знаниями, а по Истории был даже ученым.

Отправлена Преображенскому в Екатеринославль статья «Смысл нашей войны». Первая и, конечно, последняя.

Самаринский кружок, со смертью Ивана Алексеевича Лебедева, можно считать окончательно прекратившимся. Сам Федор Самарин — только что жив, но вполне нетрудоспособен. Александр Дмитриевич, конечно, деятелен, но в кружке держался только для брата. Затем остается Дм. Ал. Хомяков, тоже весьма мало трудоспособный. Людей здоровых и крепких остается два: Корнилов, да Кожевников. Ну пожалуй, и я еще не умер, хотя я «молодой» член кружка, далеко не вошедший в его дух. Затем — глухой Голицын, да другой Голицын[339]. Замечательно, что Кружок не мог привлечь никого больше из дворянства, хотя в дворянстве есть дельные и умные. Вообще, Кружок можно считать несуществующим. Его последняя лебединая песнь была записка о Польше, где в подписях значился и И.А. Лебедев. Нужно сказать, что в редакционном отношении этой записки я играл значительную роль, так как Федор Самарин внес и развил множество моих поправок. По основной же мысли эта записка была главнейшим образом Федора Самарина. Роль Лебедева была не очень велика, хотя больше, чем остальных подписавших (кроме меня).

10 августа

Надя, Вера и Коля поехали в Посад. Коля должен 12 августа возвратиться и прямо с поезда ехать к Воинскому начальнику за справкой о своей судьбе.

Вечером заходил Киселев. Как всегда — очень интересные и очень печальные рассказы. Он прямо ужасается продовольственным вопросом, боится, что мы будем побеждены именно полным истощением и дезорганизацией страны, убеждает меня выступить с какими-нибудь представлениями к Правительственным лицам и в печати... Но мне негде выступать в печати, и в правящих сферах у меня нет ни души. Коковцов — вне власти. Макаров — в юстиции, т.е. вне продовольственного дела. А больше и нет знакомых. Пожалуй, еще Плеве, но он не станет впутываться вне своей непосредственной сферы. Он, т.е. Киселев, еще полон беспокойства относительно чисто бунтовских движений толпы народной. Это, конечно, тоже очень вероятно. Но что можно делать? Правительство плохо, общество плохо, народ неразумен, все пропитано массой хищников. Вдобавок, сверху руководство слабое. Что же тут могу сделать я, выброшенный из каких бы то ни было связей с жизнью?

11 августа

Меня разбирает ужасная тоска. Вчера Киселев совсем расстроил своими пессимистическими речами. Между прочим рассказывал, что

Куропаткин во время своего «наступления» потерял очень много орудий, а на Огинском канале [?] два полка из корпуса Мищенко (т. е. из наилучшего корпуса) отказались переходить в наступление, мотивируя это тем, что сын полкового командира служит в немецкой армии, и стоит против них. Вывод ясен: значит будет измена, и их подведут. Последнему рассказу трудно не верить, п[отому] ч[то] Киселев находится в некоторой переписке с Мищенко и хорошо знает его корпус.

Как вести наступление при таких условиях? Вот и стоим на месте. А стоять на месте, вести в бесконечную затяжку — это значит погибнуть, п[отому] ч[то] страна долго не выдержит экономической неурядицы, начнет голодные бунты. Тогда немцы шутя перейдут сами в наступление, и нельзя предвидеть даже конца их успехам.

Это ужасно. И в личной жизни все скверно, и Россия в какой-то агонии.

Между прочим на фронте — даже и в Галиции движение прекратилось.

Сегодня известие, что митрополит Владимир будет уволен на покой, и тогда Первенствующим в Синоде будет Питирим. Все неприятели Гришкины буквально искореняются. Какое-то сатанинское владычество носится над несчастной страной.

Кстати сказать: опять начинают шибко пьянствовать. Множество арестованных за появление на улицах в пьяном виде. Множество протоколов за неисполнение предписаний о продаже спиртных напитков.

12 августа

Коля приезжал к Воинскому начальнику: никакого решения нет. Уехал обратно в Посад.

В Посад куплены за 25 р[ублей] «Четьи Минеи»[340] славянские, и сегодня должны быть отправлены: мой подарок Тихону ко дню Ангела (завтра — святителя Тихона).

Был в лазарете у Павла. Он смотрит много лучше и живей. Но делает глупости: выходил в сад, чуть не упал там, и насилу вернулся. Вот-таки плох надзор.

15 августа

Успение. Погода позволила быть у обедни, но потом опять пошел дождь. Какие-то неистощимые запасы влаги. Не было лета. Никогда еще не видал такой беды.

Сегодня известие, что Румыния объявила войну — не сказано кому. Австрии? Германии? Обеим? Но все равно. Конечно, это все-таки выгодно в чисто военном отношении, хотя, нет сомнения, эти негодяи будут воевать по-измаильски и даже хуже. Но оскорбительно и гибельно для

нравственности народов, что такие безгранично бессовестные твари, как Италия и Румыния будут усиливаться трудами и кровью порядочных наций. Вступление Румынии — интересно только как признак. Значит, эти гнусные люди находят, что шансы Германии ослабли. А я думаю, что румыны, живущие политическим мошенничеством, должны выработать в себе некоторый нюх относительно того — кого выгоднее продать, где сила и кто слабее. Как жаль, что судьба (или Бог) не может наказать этих презренных людей, не наказывая нас. Ведь наказать их могла бы только победа Германии, от чего да избавит нас Бог.

Может быть, только одна Болгария подлее Румынии и Италии. И вот опять обидно: если будет наша победа, то мы не сумеем наказать эту расу Искариотов так, как она заслуживает. Ничего ей не будет, разве только получит от нас. Вот что оскорбительно. Мы же отдадим — не только южную Буковину, а наверное, и Бессарабию, хоть часть... И этаким негодяям, шакалам и гиенам. Это ужасно.

Этот Вильгельм и немцы — как сами лишились образа человеческого, так и в куче прочих народов развили все мерзкие чувства, конечно, по силам каждого. Германия попыталась быть тигром, а мелкая дрянь — Италия, Болгария, Румыния играют роль шакалов и гиен — стервоедных хищников.

17 авг[уста]

Коля вчера приехал и был у Воинского начальника. Нет никакого ответа. Сегодня поехал на Ходынку в Штаб. Там объяснили, что рапорт Воинского начальника еще не получили в Штабе. Это из Крутицких казарм до Ходынки не может дойти в 17 (семнадцать) дней. Сказали прийти снова в понедельник (сегодня среда). Ужас что такое. Самое же скверное то, что, вероятно, откажут, ибо есть распоряжение всех зачислять в пехоту. Единственный маленький шанс — это желание Электротехнического батальона.

Прямо замучила вся эта история несчастного Николая, к сожалению, не очень-то сознающего свое несчастье. Он опять и уехал в Посад. Тут, положим, тоже абсолютно нечего делать, как и там.

Как это начальство все губит «вольно и невольно, ведением и неведением». Что такое в нем вселилось злотворное...

А уже на фронте — круглый нуль. Как только пришли немцы и забрали в свои руки австрийцев — так все наше наступление сразу прекратилось. Это замечательно. Мы, по-видимому, совершенно неспособны побеждать немцев. Я был лучшего все-таки мнения о нас. Да и англичане с французами в таком же положении. Вообще, ясно, что немцы по организации, культурным средствам, и очевидно, по страстному патриотизму — выше всех народов Европы. Это обидно. И надо же было этим болванам сойти с ума и начать всемирную рез-

ню! Теперь безвыходное положение для всех. Нельзя же не победить их, хотя бы дойдя до полного истощения. Да и им нельзя не сопротивляться. Вот и истощили всю Европу, вроде как 30-летняя война Германию. А по-видимому, если не 30 лет, то еще года 2–3 придется резаться. Хватит ли сил у нас на это? С другой стороны — что делать? Этого проклятого Вильгельма решительно сам Сатана свел с ума. Да, впрочем, — он не один. Тут какой-то национальный психоз. Но только нам от этого не легче. Каков бы ни был исход войны, а мы — кроме истощения, да разведения внутренних Польш, Армений и т. п. — ничего не получим. Замечательно разрушительная эпоха.

18 августа

Был в лазарете у Павла, и говорил с сестрой Пелагеей Памфиловной[341]. Здоровье Павла очень хорошо, но скверно, что в лазарет явилась рожа. Уже трех или четырех эвакуировали в заразную больницу, одну палату дезинфицировали (как раз там Павел лежал), а заразу доселе не могут выкурить.

Проездом заходил Ник[олай] Степ[анович] Писарев. Он командирован в Нижний Новгород на несколько дней.

19 августа

Сегодня пожертвовал в Комитет в 66 книг (повести).

Время идет весьма тоскливо. Еще немного спасаюсь в своей работе. Заканчиваю IV Отдел (Новозаветный Израиль). Изменил его заглавие. Всего теперь написано 580 страниц. Увидит ли эта работа когда-нибудь свет?*

Квитанция № 18003
Принято от Г. Тихомирова ____________
Для передачи в Комитет по снабжению
Раненых произведениями печати книг:
в переп.: ______________________
без переп.: ______________________
журналов: ______________________
____
____
Итого шт: 66 кн.
г. 1916 г. мес. Августа чис. 19-го
Принял С. Д. Воробьев.

---

* Далее вклеена квитанция. Поверх квитанции надпись чернилами: «Номинальная их стоимость около 75 рублей».

20 августа

Коля приехал из Посада. Дождь льет, как безумный. Ночью — целое наводнение, днем несколько раз. Откуда эта масса воды?

22 августа

Коле в Штабе объявили, что он назначен а Электротехнический батальон в Петроград. Слава Тебе, Господи! Назначение должен получить от Воинского начальника для через четыре.

23 августа

Коля уехал в Посад. Рассчитывал воротиться в пятницу (с сестрами). А затем — каково будет распоряжение Воинского начальника. Ко мне на днях заходил Никитин Евг[ений] Ал[ександрович], которого не видал уже что-то с год. Его тоже берут на военную службу.

24 августа

Был в музее. Прочел Филона «De vita contemplativa»*. Достал процесс тамплиеров, но, увы, сплошь латынь, два громадных тома! Попробую читать со словарем.

25 августа

Довольно тоскливо. Обыкновенно я спасаюсь от мыслей об окружающем в работу. Но теперь работа зашла в тупик. Новый отдел не укладывается в систему. Я думал самостоятельно изучить процесс тамплиеров, но это немыслимо. Латынь читать трудно даже со словарем. В лучшем случае успею кое-как просмотреть важнейшие показания, которые, однако, не могу понять в тонкостях, а только в общих чертах. Об изучении и думать нечего. Это самая общая проверка того, что пишут Дешмп, Шустер[342], Финдель[343], и не более того. Нужно сказать, что Мишле[344] скверно издал процесс. Необходимо было бы порядочное предисловие о том предварительном следствии, которое произвел король Филипп IV**[345]. Необходимо было бы разбить процесс по заседаниям. Наконец, необходимо было послесловие.

26 августа

Сегодня должен был приехать Коля с сестрами, и отложил до завтра. Это мне не нравится.

А чтение Мишле у меня идет получше. Язык латинский как-то воскресает в голове при чтении. Но конечно, изучить процесс в тонкостях я не буду в состоянии. Не хватит даже времени. С этим нужно бы провозиться, пожалуй, целый месяц, если задаться целью взвесить

* «О жизни созерцательной» (*лат.*).

** Это неверно, я его нашел во II-м томе. — *Прим. авт.*

качество свидетелей — за и против обвинения. Какая нелепость (не говоря о бесчеловечности) были все эти пытки. Через этот сатанинский способ узнавать истину теперь решительно невозможно судить, была ли хоть искра правды в показаниях обвиняемых. Это все равно, как в процессах о колдовствах и ритуальных убийствах.

27 авг[уста]

Надя, Вера и Коля приехали в Москву. У воинского нач[альника] Колино назначение написано, но не подписано еще. Завтра обещали дать (хоть завтра воскресенье).

28 авг[уста]

Коля получил предписание отправляться в Электротех[нический] батальон. Должен выходить завтра.

Вечером служили в Церкви напутственный молебен.

Сегодня приходил в гости Павел Старостин из лазарета. Правду сказать, почти калека. Правая рука не действует. Кишки плохи, задыхается при ходьбе.

29 августа

1 час дня. Коля выехал на станцию для следования в Петроград. Благослови Господь его путь и жизнь, и сохрани его от врагов видимых и невидимых, соблюдая его в жизни честной, трудовой.

Но что кроет для него будущее?

Ведь в конце концов — на войну, на фронт... Может быть, на смерть, и еще хуже — калечество. Он едет бодро, а у меня сердце сжимается, и стараешься ожидать чего-нибудь хорошего, и осаждаешь мысли об опасностях и несчастьях.

30 августа

Только сегодня покончил с разборкой и уборкой вещей Николая. Чувствую себя как-то ослабевшим, размяк, нервы обвисли.

31 августа

От Коли с Петроградского вокзала получена открытка о благополучном прибытии. Слава Богу. Что-то дальше? Где он теперь?

1 сентября

Кончил «Procès de Templiers» Мишле. Два тома около 1200 страниц каждый. Не легкое чтение, и я конечно не изучил этих томов. Однако для ознакомления сделал все, что нужно. А изучать пока даже не стал, п[отому] ч[то] я увидел, что изучать тамплиеров по процессу нельзя. Слишком многого не достает. Придется почитать серьезных исследователей и посмотреть их источники.

Жду известий от Коли. Мне как-то ужасно тоскливо без него. И все думаю: что с ним теперь, что будет с ним дальше? Бесплодно думать, и немыслимо отгонять эти думы.

2 сентября

Сегодня уже начал ждать письма от Николая, хотя в сущности рано. Он приехал только 30 августа. Итого — сегодня всего четвертый день, если его немедленно в тот же день отправили в команду молодых солдат. А отправили, вероятно, немедленно же. Едва ли успел осмотреться достаточно, чтобы написать письмо. Могла бы и Маруся что-нибудь написать, да она довольно ленива на письма, тем больше, что вряд ли есть что писать... А как бы хотелось поскорее что-нибудь узнать!

4 сентября

Сегодня Катя уехала в Посад.

Вчера начал лечить зубы у Лавровой (Марии Александровны) [346]. Но пока — мне что-то не нравится.

Не совсем здоровится и очень скучно. От Коли известий нет.

5 сент[ября]

Послал Марусе письмо: прошу сообщить о Коле.

6 сент[ября]

Получено письмо Николая из батальона. Слава Богу. У него все благополучно, кроме того, что шестинедельный курс молодых солдат начнется лишь при комплекте роты (200 ч.), а у них теперь всего 80 чел. Поэтому занятия идут кое-как, и в зачет не принимаются. Это образец очень плохой. Бездельничал он и здесь достаточно. Ну авось Господь как-нибудь поможет.

Сегодня был у Снегирева. Нашел глаз в хорошем состоянии; лекарства не дал, а в н[ачале] января явится на осмотр.

Сегодня же Вера выдержала свой экзамен, и перешла на 2 курс.

Я все-таки не понимаю, почему при 80 человеках в роте нельзя учиться? В мирное время, полагаю, бывают такие роты — и учатся. Во всяком случае, для Николая это обстоятельство неудачное.

Получено 6 сент[ября] 1916 г.*

Дорогой мой папочка!

Наконец-то приехала ко мне мама и мне будет повеселее, да и так много мне брать на себя ответственности; а то я было пришла совсем

---

* Далее вклеено письмо Надежды Тихомировой.

в отчаяние, приходят каждую минуту смотреть квартиру, а я не знаю толком что и сказать нанимателям.

Приходила между прочим опять и жидовка уже при мама, но только ей отказано окончательно.

Вообще дел здесь ужасно много, но это и слава Богу: за делом некогда скучать и некогда размышлять о нашем тяжелом времени, отчего оно понятно, нисколько не делается легче.

Была я на день своего рождения в церкви, собираемся с мамой и завтра, отслужить панихиду по Петру Аркадьевичу и узнать подробности какого-то случая с мощами Преподобного, говорят что когда 1 сентября пришли служить утреню, то, открыв[Троицкую] церковь, монахи увидали ее полную дыма и гари, а когда открыли раку, то оказалось, что вата, которою были обложены мощи, вся сгорела дотла, сами же мощи лежат целы и невредимы! Как все это случилось неизвестно, но только, услыхав об этом чуде, народ кинулся служить молебны, и я очень интересуюсь узнать подробнее, что там случилось[347]*.*

Пожалуйста, дорогой папочка, как только получится от Коли письмо, перешли его нам, а главное его адрес, чтобы можно было ему написать. Ослика его я конечно оставила себе, я его очень люблю и удивляюсь как он до сих пор сохранился и даже пищит до сих пор. Как долго от него нет известий! А между тем как хочется поскорее узнать о нем!

Все думается и то и другое, и как бы хотелось его утешить, что он не один, что наши молитвы с ним, и что Господь ему и всем нам Помощник!

Я хочу написать отцу Алексию, чтобы он помолился о Коле чтобы благословил Господь его на новом трудном пути. Отец Алексий говорил, прощаясь, что не оставит нас своих духовных детей, и чтобы обращаться к нему письменно со своими нуждами.

До свидания. Крепко тебя целую дорогой, папочка; приезжай хоть на немножко в Посад, погода, кажется, установилась и делается хорошо. Вчера видела на базаре Введенского, он тебе кланяется. Попов тоже здесь.

Целую тебя и Веру.

Твоя Н. Т.

7 сент[ября]

Получил письмо от Маруси о Николае. У него был Ник[олай] Степан[ович] и застал его уже в форме. Сегодня же пишу Марусе, между прочим спрашиваю — есть ли у него деньги? Он оставил ей свои деньги — но сколько? Я дал ему немного, и уже пришлось делать расходы.

Теперь с деньгами плохо. Вижу, что Маме не хватает. Она мне была должна рублей 100 и я сам просил ее не возвращать (что она обычно делает необычайно щепетильно). Теперь же не возвращает их, т. е. доехав

до Новороссийска на мой счет, и даже привезя туда рублей 25, она уже без денег, и просила выслать ей 40 р. Я это сегодня же сделал. Но показание это очень плохое. Она, кроме своей пенсии, т.е. 85 р. в месяц, имела 40 рублей за пшеницу от арендатора, да упомянутые 25 р. и — все-таки не хватило. Это немудрено, когда цены на все вдвое, но все-таки плохо.

8 сент[ября]

Был у нас Павел (Старостин). Обсуждали, как его перевести в Посадский лазарет.

Сегодня послано об этом письмо Кочергину.

Сегодня послал письма 1) Николаю, 2) Марусе.

12 сент[ября]

Был у Павла в лазарете, возил свидетельство Посадского лазарета о согласии его принять. Хлопотали мы (и Катя в Посаде) достаточно, а будет ли толк — неизвестно. Павел ужасно беспокоится. Меня нерешенность этого дела связывает. Нужно бы Наде доставить удовольствие — быть в Посаде 17, в день именин ее и Веры... Вообще у меня все идет не то что скверно, а неудовлетворительно, неприятно. Между прочим и в Посаде флигель не только не сдал, но даже перестали ходить наниматели. Это очень скверно: 480 рублей потерять в год при нынешних условиях — неприятно. Вообще все нехорошо...

Сегодня я просмотрел сборник «Памяти К. Н. Леонтьева»[348] 1912 г., который своевременно не мог прочитать из-за журнальной работы. Теперь я взялся за эту книгу из-за того, что скоро тут, не знаю кто, м[ожет] б[ыть], Новоселов, м[ожет] б[ыть], Фудель собираются устраивать что-то такое в день его кончины (12 ноября 1891 г.)[349]... У меня мелькнула мысль что-нибудь сказать или написать о нем, и эта мысль быстро погасла. Зачем? Мое ли это дело? Мне нужно самому готовиться к концу. Мне нужно найти милость Божию, а не проповедовать что-либо другим, которые меня об этом не спрашивают и которым я вряд ли могу сказать что-либо полезное для них. Это последнее — самое главное, конечно.

Правда, я копаюсь в своей «Борьбе за Царствие Божие», но это отчасти для собственного поучения, да и то, конечно, не будет завершено, и я об этом не сожалею. Мне нужно теперь не то, не других учить, а себя спасти, дойти до милости Божией. Человек чувствует, что ему положено. И я чувствую, что публицистика уже не для меня, и я не для нее. Мне нужно бы кое-что сделать еще для детей своих, для Коли и остальных. Нужно также и себе не теоретически, а сердцем прийти к Богу, что зависит от Его милости.

Вот «Четьи Минеи» это время я читаю с вниманием, а на прочее чтение даже и охоты нет. Ах, если бы мне только дойти до Божией милости.

О Кате, о Маме — я думаю очень много. Но Катя, как и Мама, — гораздо ближе к Богу, чем я. Я им в этом не нужен. А вот для детей еще кое-что кажется нужным сделать, если бы мне самому для этого дойти до милости Божией.

13 сент[ября]

Получено письмо от Коли. Писано от 11 сент[ября]. У него более или менее благополучно.

Теперь, вопрос о переводе Павла, затем о дворнике в Посаде, и о злополучном флигеле, остающемся без жильцов... Это последнее обстоятельство ужасно нехорошо. Дело не только в деньгах, но еще в том, что в безлюдном доме прямо страшно жить. Очень нехорошо. Ходят жильцы неподходящие. Как бы хорошему человеку, то в полцены не жаль отдать. Эта бедняжка Надя. Так ее жаль. Она любит свое хозяйство и вся светлеет, когда дает нам хоть маленький доход. Уходить оттуда не хочет и в городе пропадает с тоски. А жить одной на таком пустыре — это очень страшно. Это одна из больших язв моих.

Сейчас я из церкви. Завтра Воздвиженье. Теперь, здесь, в Москве, я все-таки довольно часто бываю в церкви. Это большая радость. В Посаде это гораздо трудней.

14 сентября

Воздвижение. С Павлом одно огорчение. Звонил я в лазарет к сестре Паршутиной (Пелагея Памфиловна): спрашиваю — как решено со Старостиным? Ничего не выяснено еще. Почему? По телефону трудно объясниться. Горе одно. Я говорю: «Мне нужно ехать в Посад». — «Ну и поезжайте. Вам тут нечего и делать. Если отпустят, то единичным порядком»... Не знаю, что делать...

Дневник

1) Дополнительный с 30 апр[еля] 1916 г. по 17 мая 1916 г.
2) Общий — с 14 сентября 1916 по*

Дополнительный Дневник Л. А. Тихомирова
С 30 апр[еля] 1916 года по 17 мая 1916 года**.

1916 г.

30 апреля

Я уже десять дней как уехал из Москвы и нахожусь в Сергиевом Посаде. Теперь, приезжая в Посад, должен всегда ожидать, что придется идти с вокзала пешком. Извозчики дерут просто бессовестно, и отчасти приходится беречь деньги, отчасти — просто возмутительно подчиняться этому грабежу. И действительно, на этот раз снова пришлось идти пешком. В предвидении этого, я стараюсь брать возможно меньше вещей в сумку, чтобы хватило силы дотащить. Поэтому не взял и тетради своего «Дневника» — не той, в которой пишу сейчас, а обычной, очередной, так сказать.

Здесь, роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далекое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна — упражнения по японскому языку[350], другая — вот эта самая — по китайскому. Уничтожить первую — не поднялась рука. Но теперь нет бумаги. Такой тетради, как эта, не найдешь ни в одном магазине. Теперь бумага — протекающая, переплеты — дряннейшие... и страшные цены. Это — война. У нас ничего не оказывается, в том числе и бумаги. И вот я соблазнился: выдрал из тетради все упражнения, кое-как заклеил эту огромную рану в книге, перевернул книгу задней стороной к переду — и готова. Имею тетрадь, какой не найдешь, может быть, у иного министра. Сколько ей лет? Не упомню. Я занимался китайским языком еще до боксерского восстания. А эту тетрадь

* Надпись на обложке тетради. Далее зачеркнуто — «8 мая 1917 года. Июль» 1917 г.

** Надпись на первой странице тетради дневника.

пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий[351] был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную китайскую церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью.

Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! Спрашиваешь себя: в какой степени уцелеет Православие в России? Пожалуй, и у самого Иннокентия опустились руки. А я — даже уже и не годен никуда, и мне не до Китая[352]. Вырвал свои «упражнения», бросил в печку и превратил книгу в «Дневник»...

Многое так уже вырвал я из своего сердца. Пускай пропадает заодно с прочим и Китай.

А ведь сколько было светлых и бодрых надежд, зародившихся в царствование Императора Александра III, когда, казалось, воскресала русская духовная сила и ежегодно быстро возрастала русская мощь. Я тогда еще более старался для Японии и японский язык почти изучил. Еще немного — и я стал бы уже читать по-японски. Я мечтал сделать, сколько сил хватит, для епископа Николая[353], с которым находился в постоянных сношениях, и для епископа Иннокентия. Цвет русского епископства. Двое таких, подобных которым не оставалось в России. Я мечтал, что Россия дружески сойдется и с Японией, и с Китаем, и что мы на Дальнем Востоке сыграем великую и славную роль... Все смело и уничтожило проклятое время безумной политики, в которой глупость, алчность и бессовестное попирание чужих прав привели к позору и разгрому России и к уничтожению всех надежд на Тихом океане. После же того пошли удары за ударами. Теперь мы изгнаны и из славянского мира, изгнаны и с Ближнего Востока. Война не кончена, но ее исход не возбуждает сомнений. Что тут думать о Тихом океане, когда и на Западе, и на Юге мы проиграли все свое значение, погубили все дела веков.

А внутри! Что будет? Разве это будет возрождение? Ничего нельзя ожидать, кроме разложения и постепенного (если только «постепенного») упадка...

Много всколыхнула в душе моей эта книга «упражнений» в китайском языке и поставила передо мной такую страшную картину прогрессивного паралича родины, что непереносимо даже смотреть на нее. Прочь все эти воспоминания, пусть они пропадут, как без следа пропали надежды, как уже пропали все люди, бывшие способными их иметь. И вправду: сколько теперь в России осталось людей, ко-

торые могли бы если не разделить, то хоть понять мое настроение? Почти никого. А какие десятки и сотни тысяч людей думают даже, что Россия двинулась «вперед»! Идти вперед, потерявши свою национальную душу, — недурная идея.

3 мая

Неугомонный Тиханович-Савицкий не дает мне покоя. Несмотря на мой категорический отказ заниматься их «монархическими» программами, снова пишет письмо и прилагает свой проект изменения нашей конституции с просьбой сделать свои замечания.

Отвечаю ему новым категорическим отказом и даже не возвращаю проекта, выражая мнение, что у него, конечно, много копий, а мне трудно посылать на почту заказные отправления[354].

Он хороший, честный человек, но неужто он не понимает, что занимается безусловно пустопорожными делами? И это теперь, когда долголетняя глупая политика привела Россию к одному из страшных кризисов ее Истории. Это — если не начало конца России, то, конечно, начало огромных внутренних переворотов, орудием которых уже не может быть монархический принцип за неимением в стране доверия к его носителям. И в такое время — заниматься выработкой «монархических программ». Как будто вопрос в программах!

Эта «война» становится чистой загадкой. В сущности, войны мы не ведем. Нагоняем миллионы солдат за миллионами — и ни с места. Немцы беспрестанно делают нападения, но пустячные, как будто ровно настолько, чтобы дать нам предлог не идти вперед, а обороняться. Какой смысл всего этого? У нас страна истощается все больше. Нравственно утомляется.

Лучше ли в войсках? Не имею сведений! Лаврентий пишет: «Я не дождусь, когда война кончится; очень надоела». Никогда раньше он не позволял себе таких признаний. А между тем, действительно, наш способ ведения войны делает ее чем-то абсолютно бессмысленным. Даже хуже: он рождает мысль, что мы не можем победить немцев. Но это мысль страшно деморализующая, способная отнять все силы, заставить опуститься все руки.

Может быть, армию настолько деморализовали, что она уже и не может двинуться вперед? Что же, однако, тогда ждет нас?

Похоже, что Румыния открыто станет на сторону Германии. Это будет логичный результат нашего способа действий. При нем можно дождаться и выступления Швеции.

А Тиханович-Савицкий сочиняет «монархические программы»!

5 мая

Вожусь с квартирантами... Он — один собственно, но и то уже захватил часть нашего сарая. А другой — начальник тюрьмы — приходил снимать чуть не все... Ужасная вещь. Не умею, да и никогда не умел у нас вести эти житейские дела. Пользы — на грошь, неприятностей и стеснения — по горло. Покой, которого единственно жаждешь, именно жаждешь — исчезает. Тяжкое время. Война так увеличила все расходы, что не хватает средств на жизнь. Ищешь — добыть хоть грош. А уже именно грош. Сдали квартиру на лето, на 4 месяца, по 40 р. в месяц, да теперь еще и сарай захватил Александрова[355], свой дом меньше нашего сдала за лето за 600 р. Мы этого не умеем. У нас 160 р. Правда, что он (Кузьмин[356]) оклеил несколько комнат, но и мы затратили на ремонт 18 рублей, так что получаем собственно 142 р. за лето.

Не умею жить. Не могу даже жить по своим болезням. Катя тоже больна. Надя — больна и слаба. Думал, что получил возможность остаток дней прожить в покое и без нужды. И вот — и эта мечта разрушена. Что ни дальше, то жизнь становится тяжелее и безрадостнее. Нравственно — пустота, и материально все более тяжело.

У меня даже моя теоретическая работа стоит без движения. И в голове дремлет всякая мысль, и становится все назойливее вопрос: для чего, для кого нужна эта работа? Замечательно бессмысленный конец приготовила мне моя жизнь.

Все это, конечно, связано с жизнью России. Куда идет Россия, чем она кончит? Этот вопрос мучительно затягивается бесконечной бесплодной войной. А как мне жить, когда я не знаю, как будет жить Россия! Я не мог никогда жить иначе, как с ней, и теперь мне это столь же невозможно. А что если Россия действительно идет к разложению? Тогда совершенно нечем жить. В довершение исчезает и материальная возможность даже просто растительной жизни.

Теперь все трудно, самые даже пустяки. Нужно быть в кассе, но дождь мешает идти пешком, а извозчика совсем нет. Так и не пошел никто. Мама хотела поехать в Новороссийск. Нельзя. Нет плацкарты. Катя должна ехать в Москву к доктору, и это целая задача — достать извозчика здесь, достать можно на трамке в Москве. Здесь со страхом: как добраться до дому с вокзала. Мяса мы уже почти не едим: дорого. Сахару не могли достать. Молоко воспрещено возить в Посад из Владимирской губернии, а у нас — почти все деревни Владимирские. Московских очень мало. Никакого костюма нельзя обновить. Обувь недоступна. Прямо жить тошно.

Есть огромная категория людей, получающих благодаря войне бешеные деньги. Они их тратят, вздувая цены и делая этим положение

прочих еще тяжелее. Учреждения казенные и общественные увеличивают служащим жалованья, черпая средства из займов, в счет будущих поколений. Дороговизна этим также поддерживается. Крестьяне, вообще говоря, богатеют. Им платят громадные деньги за солдат, их труд повысился в цене вдвое, все их продукты сбываются по ценам втрое и чуть не вдесятеро дороже. Это обогащение крестьян — единственная отрадная экономическая черта. Но что будут делать эти же крестьяне, когда кончится война, и они перестанут получать пособия, а взамен того получат массу калек с грошовыми пенсиями и еще большую массу избездельничавшихся солдат, привыкших есть по два фунта мяса в день, лакомиться конфетами и покупать разный вздор вроде одеколона? А страшные долги государства, уже возросшие на 24 миллиарда нужно уплачивать и оплачивать. На это нужны громадные деньги, налоги и т. п. Вдобавок природные ресурсы, вроде лесов, расхищены. Скот сократился, лошади тоже, земля ухудшена плохой обработкой.

Время после войны мне представляется еще более страшным, чем война; теперь государству дают в долг — потому что нужны наши армии. Настанет мир — и новых долгов нельзя будет делать... Придется стране идти в кабалу иностранным капиталам и расплачиваться и «недрами» и поверхностью. Перспективы самые мрачные. А между тем войне не предвидится еще и конца, и кто знает, до какого истощения она еще доведет нас? И на всем этом мрачном фоне черным пятном рисуется личная жизнь моя и семьи моей. Тоска и одурь берут при мысли о будущем.

А еще вопрос — не только когда кончится война, но и чем она кончится? Хорошо еще, если «вничью»... А если похуже?

6 мая

Катя уехала в Москву к доктору.

Павел (Старостин) прислал извещение, что их двинули на Германский фронт; проедут через Москву в Гжатск, а дальше — неизвестно. Так как он в маршевой части, то адрес его неизвестен. Вероятно, в Гжатске определят уже в какую-нибудь постоянную воинскую часть, и тогда можно будет писать ему.

Судя по нашим «военным действиям», он, вероятно, не подвергнется большой опасности на фронте. Думаю, однако, что он и при опасности честно исполнит свой долг. Это человек с правилами и с уважением к себе. К несчастью, этих-то честных воинов и бьют в сражениях, а дрянь спасается. Этой дряни, по-видимому, достаточно. По крайней мере, Дуняша, возвратясь из Воронежа, рассказывала Наде весьма таинственно, как о чем-то неприличном для огласки, что там «есть и такие, которые говорят, что они в бою сейчас же сдадутся

или убегут». Без сомнения — мерзавцы — но нельзя не признать, что бессловный, бессильный, прямо позорный ход этих именуемых «военных действий» — не может не деморализовать войско и народ.

Я очень боюсь, что принятие Государем Верховного командования было шагом очень ошибочным. Он, по характеру, нигде не может развивать энергию и скорее поддерживает — невольно — своими колебаниями, своей способностью принимать одновременно различные точки зрения, — поддерживает бездействие, оттягивание всего решительного. А между тем его присутствие снимает со всех ответственность. Вот и стоим на позициях.

Странное впечатление производят и поездки его Августейшей Супруги в Царскую Ставку. «Место ли женщинам на фронте? Время ли, командуя всеми армиями, — принимать Супругу? Все это не может не мешать командованию и придает воинскому делу какой-то совсем не воинский характер». Такие слышны отзывы.

Старая солдатская песня гласила:

Солдатушки, ребятушки, а где ж
ваши жены?
Наши жены — ружья заряжены,
Вот и наши жены.

На войне нужно думать о войне, а не о семье, нужно жить с армией, иначе не выйдет ничего хорошего.

Получается фиктивное командование, а фиктивное командование дает по армии тон фиктивной службы и фиктивной войны. Недостаточно высшему работать и быть вполне погруженным в дело; нужно еще казаться таким, и «казаться» даже важнее чем быть.

8 мая

В [«]Моск[овских] вед[омостях»] (№ 105 от 7 мая) среди всякой мелочи помещено такое известие*:

*В ночь на 6 мая в д. Павловского, по Б. Лубянке неизвестные злоумышленники разгромили оружейный магазин А.А. Биткова, помещающийся на 2-м этаже. Громилы подставили к окну верхнего этажа лестницу со двора, разбили стекло в окне, взломали предохранительную решетку и, проникнув в магазин, похитили громадное количество разного оружия, патронов, снаряжения и разного товара на весьма значительную сумму***.

Битков — лучший московский оружейный магазин, очень большой. В нем, конечно, должно было находиться громадное количество оружия (всевозможных револьверов, ружей и т. п.) и снарядов. Но кому же нужно оружие и снаряды? Ясно, что не простым ворам.

* Вклеена вырезка из газеты.

** Все подчеркивания в тексте газетной заметки сделаны Тихомировым.

Ограбление магазина Биткова, по мысли, — это не подлежащее никакому сомнению указание на какое-то подготавливающееся бунтовское дело, очевидно, обдуманное и организованное. Это указание страшное, грозное. И как могли унести «громадное» количество оружия? На улице против Биткова — полицейский пост. Во дворе — дворники. Для того что[бы] устроить такую штуку — необходима была очень ловкая организация, подготовка и, конечно, пособничество.

Павел с дороги извещает, что их маршевую часть провезут в Гжатск в объезд Москвы, не заезжая в нее, чтобы солдаты не разбежались по городу. Собственно говоря, это разбежание — не есть дезертирство, а скорее самовольная отлучка. Их часть состоит из жителей Московской губернии, для которых конечно соблазнительно желание повидаться с родными и знакомыми.

Растет новый набор. Это призываются 18-летние. У нас нагоняют страшные массы солдат. В газетах все чаще выражается мнение о новом отчаянном наступлении немцев, для которых (как полагают) становится невыносимой борьба затяжная, и нужно во что бы то ни стало постараться кончить дело решительным ударом. Возможно, может быть, поэтому у нас и отказываются от риска наступления, но стараются собрать возможно большие массы для сопротивления, для отбития немецкого напора.

Трудно судить о чем бы то ни было, потому что нет сведений ни о своих, ни о неприятеле. Что наша армия очень не блестяща, — это, по-видимому, совершенно ясно. Но вопрос — что лучше делать с такой армией: наступать или обороняться? В первое время командования, и очень еще недавно, было слышно, что Государь хотел наступления. Может быть, ближайшее знакомство с положением дела и заставило его примириться с необходимостью обороны. А может быть, это и ошибка. Через 2 месяца в Германии будет проведена жатва хлеба, и следовательно продовольствие будет в некоторой степени обеспечено. Между тем если бы за эти два месяца сломить немецкую армию, то Германия была бы уже буквально без средств к существованию. Может быть этими затяжками мы оказываем немцам новую услугу, как прежними затяжками дали ей* союз турецкий, а потом болгарский...

Но если мы действительно не способны наступать, то как быть? Приходится обороняться, утешаясь воспоминаниями о Фабии Кунктаторе[357].

Трудно, конечно, судить.

* Так в тексте.

9 мая

Вчера ходил пешком в академическую церковь в надежде встретить кого-либо из профессоров. Сегодня пешком же ходил к Андрееву и Попову и ни одного не застал дома. Весь вопрос в том, чтобы на 2–3 дня добыть «Логос» Трубецкого[358], без просмотра которого не могу продолжить работу. И вот — сижу на мели. Как трудно здесь работать! Хорошо еще, что эта моя работа ни на что никому не нужна.

10 мая

Приехала Надя. Погода — гнуснее не может быть, и все мерзко вокруг и у нас. В Москве — только и разговора о предстоящих бунтах и грабежах.

У нас издыхает Надин любимец — кот Руська. Она плачет.

11 мая

Руська издох. Закопал его. И у самого крайне неприятное чувство. Но особенно тяжело смотреть на Надю. Она этого кота любила, как друга, как дитя. Десять лет назад взяла его котенком, возила его в Петербург и никогда доселе не расставалась. Кот был замечательно умный, кроткий, ни разу в жизни ничего не своровал и любил Надю — прямо трогательно. Это для нее ужасная потеря. Жалко смотреть на нее.

И то сказать, в сфере личных привязанностей, ей — исключая семью — только и был дан на свете один друг — этот кот. Бедная, бедная моя Надя. И это в такое время, когда вокруг повсюду ни одной радости, ни одного светлого впечатления, ничего кроме тяготы и мрака и без всякой надежды в будущем. Не в чем даже забыться. Горе, одно горе кругом у всех.

Оставляя в стороне Руську, — время какое-то апокалипсическое, что-то сходное тяжким мраком «последних времен». И самое подавляющее то, что никакой надежды на будущее. Как будто попали под какое-то проклятье.

13 мая

Был у меня Ив[ан] Вас[ильевич] Попов. Спасибо, дал мне несколько книг о Филоне. Но — судя по его разговору — я начинаю думать, что ошибся в своем мнении о незначительности влияния Филона. А впрочем, надо рассмотреть.

14 мая

Сегодня день Коронации Их Величеств, и какой день — двадцатилетняя годовщина.

Живо помню вечер 14 мая 1896 года. Мы тогда всей семьей были в Румянцевском музее, и с вышки смотрели чудную панораму москов-

ской иллюминации. Все было весело и шумно. Никто не ожидал через два, кажется, дня, а впрочем, может быть, 18 мая — страшной Ходынской катастрофы, сразу превратившей народное веселье в рыдание и ожидание грядущих бед, предвещаемых этим ужасным событием. Официальные торжества шли своим порядком, но всенародная душа покрылась трауром. Тогда все говорили, что это страшное предзнаменование. Образованные вспоминали коронацию Людовика XVI.

Благодаря Богу, до такой аналогии дело не дошло. Но сколько бедствий внутренней смуты, резни и кровопролития пришлось пережить через 10 лет после этого! Не говорю уже о неслыханном доселе японском разгроме. Прошло еще 10 лет, и ныне мы в настроении, сильно напоминающем после-Ходынское. Ужасное время, и чем оно кончится?

* * *

Мы живем здесь вполне захолустно. В кои веки увидишь человека. Газеты перестали выписывать, получаем лишь [«]Моск[овские] вед[омости»], даром, по традиционной издательской вежливости. Но газета получается сплошь и рядом на следующий день. Теперь, сегодня, так холодно, что и выходить неприятно: среди дня 2–3 % тепла. Падают крупинки снега. В доме топим две печи. Между собою все переговорили. Хорошего ничего. Строить планы какие-нибудь на будущее — язык не поворачивается.

Сегодня уехал в Москву дворник, и Катя послала своим гостинцы: большое количество шампиньонов, которые у нас к счастью уродили эти дни, еще — несколько фунтов мяса, сметаны, сырную пасху. И вот — скромно радуемся при мысли, что Коля с Верой обрадуются грибам, а Мама — мясу (она его любит). Но радуемся скромненько, ибо теперь носится над всем постоянное опасение: а вдруг что-нибудь случится? Что? Кто его знает, ну Андрея спихнут с трамки[359], и все рассыплется или мало ли что! Настроение такое, что все плохое кажется вероятным, все хорошее самое скромное — невероятным.

Теперь даже проехать по Москве — это нечто недостоверное. В прошлый раз Маня везла в Москву молоко отсюда, упала с трамки, молоко разбилось, еще спасибо, что сама осталась жива.

Странное время. У знакомых — кого ни спроси — скверности. Корова умерла от рака. Зашла к нам Корсунская, и рассказала целый ряд бедствий, ее преследующих уже несколько месяцев. Зашел к Введенским: Марья Михайловна[360] жалуется что голодно, приходится иметь только мясной суп, а дети как нарочно просят мяса. Была Катя в Москве. Новоселов измучился, п[отому] ч[то] его мать — все больше впадает в безумие, с буйным характером. У Фуделей — сам о. Иосиф опять плохо себя чувствует, а Евгения Сергеевна жалуется, что с этой

дороговизной страшно надоело выгадывать каждый грош. Ну прямо куда ни сунься — везде слышишь какие-то горести.

Когда был в Москве, зашла к нам И. М. Мичурина, и слышу — рассказывает как у них неприятно, отец болен и т. п. Я говорю: «Думал хоть от Вас услышать что-нибудь приятное, а Вы рассказываете про несчастья»... Она так серьезно и печально заметила: «Видно теперь все в рубашках ходим» (намекая на известный рассказ, как персидский шах искал для своего исцеления рубашку счастливого человека, и когда нашел наконец его, то оказалось, что он ходит без рубашки). Заходила к нам Скворцова[361], и говорит: «Слава Богу, что мужу прибавили жалованье», но все-таки теперь трудно справляться с дороговизной, что «жутко становится, когда думаешь о будущем»... Это какие-то общие неприятности, бытовые — надоело видеть, надоело слышать. О Господи, Господи, хоть бы немножко чего-нибудь радостного!

15 мая

Сегодня Андрей привез из Москвы собачку. К сожалению, вполне неудачно. Самое скверное — сучонка. Порода — дворняжка, но с примесью таксы. Будет кур душить и приманивать во двор собак. Вера говорит, что не было других на рынке, а упустить случай отправить с Андреем — не хотела. Все как-то неудачно выходит. Теперь, если не достанут кобелька, то хуже, чем ничего. Да и далеко не щенок, месяцев 4 должно быть.

N. B. Звал Степана, он сказал, что собачке 2 ½ месяца.

17 мая

Завтра собираюсь уезжать в Москву. Сегодня, кажется, окончательно переехали жильцы (Кузьмины), что-то много народа, чуть ли не 4 прислуги. При всех прочих неудобствах — не страшно оставлять своих.

Вчера приехала Ел[ена] Серг[еевна] Петровская. Ее обкормили грибами, она всю ночь не спала и встала совсем слабая. Завтра хочет, однако, поехать в Москву.

ДНЕВНИК
Л. А. ТИХОМИРОВА

С 14 сентября 1916 г. по 16 октября 1917 г.*

14 сентября

Сегодня мы с Верою приехали в Сергиев Посад, чтобы провести здесь день именин Нади и Веры (17 сентября).

Я здесь не был с 4 июля, т. е. 2 месяца и 10 дней, весь период поступления Коли на военную службу.

Здесь нашел его письмо Кате. По-видимому, он начинает втягиваться в службу. Тогда было, хотя и мерзкое, лето. Теперь застал осень. Впрочем, в доме тепло и уютно. Приехал в 7 ч. вечера, еще не видал ничего наружу. Только когда ехал, казалось, что на улицах очень грязно.

15 сентября

Осмотрел хозяйство. Погода хорошая и довольно сухо. Холодно, утром ниже нуля, но хорошо. Неурожай полный. Картошки почти ничего. Земляной груши и совершенно ничего. Все съел слизняк. Кур нечем кормить. В Посаде нет зерна. Теперь по этому случаю хлопоты отчаянные. Вообще в смысле хозяйства хлопотно, беспокойно и трудно. Но зато — довольны овощами, запасли 18 сажень дров, сена — около 230–250 пудов, хотя этого и мало. Сейчас сообщили по телефону, что Павла отпускают в Посадский лазарет, и что его должна вести жена. Дуняша сейчас поедет.

Вечер. Приехал Павел, конечно сияющий, тем более, что переночует здесь, у нас, и только утром поедет в лазарет.

Но, к сожалению, очень, по-видимому, хороший наниматель, который должен был прийти сегодня — не явился. Досадно.

16 сентября

Так и пропал наш наниматель. Между тем по расходам этот месяц представляет наичудовищное, и уже теперь превзошел бюджет. Налоги ужасные и все повышаются. Дороговизна невероятная. Не знаю,

* Надпись на обложке тетради.

как жить и как прожить. Затянули войну на нашу погибель. Я не понимаю, как мы в состоянии будем пережить это подавляющее время.

17 сент[ября]

Веры, Надежды, Любви, Софьи. Был в Троицком Соборе и даже на молебне. Но едва ли не простудился. Ветер — ледяной. А со второй половины дня — холодный дождь.

День был ознаменован только нашим богомольем, да обедом гораздо лучше обыкновенного. Приветствий именинницам только три: от Бабушки, от Николая, от Новоселова. Даже[от] Тихона почему-то нет. Он меня прямо беспокоит своим невероятным молчанием. В гостях был только Измаил Рождественский. Да еще приходил из лазарета Павел. Новоселов обещал прийти 17 сент[ября], но ограничился присылкой открытки.

Сегодня послал 5 р. Коле и 3 р. Лаврентию. Уплатил 46 р. налогов, а через день нужно платить еще 77. Налоги растут страшно, хотя все же не так, как дороговизна. Вследствие этой дороговизны и налогов, мы сделались приблизительно вдвое беднее, чем были, и никаким сокращением расходов невозможно парализовать этого процесса обеднения. Увеличивать доход — нет способов. Места я нигде не могу иметь. Литературная работа для меня тоже не существует. Мне негде писать.

Положение исключительное: в «левые» органы мне нет доступа, в «правые» тоже. Да притом я и не гожусь ни для тех, ни для других, п[отому] ч[то] у них одинаковая партийность, в которую я не могу запрягаться. В отношении мысли я полный одиночка.

Впрочем, я и не жалею о своем полном выбытии из журналистики. Я имею свои убеждения, но в данных условиях они, мне кажется, неприложимы к действительности. Современных людей я не могу учить даже в отношении того, в чем считаю себя не ошибающимся, не могу учить, потому что современные люди не захотят принять моих уроков и не смогли бы их осуществлять.

Я, следовательно, мог бы только вести проповедь чего-то будущего. Но за такие проповеди люди не платят денег, и я мог бы печатать только на свой счет и в убыток себе, а на это у меня нет средств. Можно бы было подготовить кружок, который когда-нибудь способен бы был повести такую проповедь. Но я стар и физически слаб для той деятельности, какая понадобилась бы при этом. Вообще я кончаю жизнь, и кончаю одиночкой. Это давно ясно, давно я с этим примирился. О невозможности действия я уже и не жалею. Мои желания совсем другие. Я желал бы — для себя лично — стать действительно верующим христианином, а затем — для семьи — увидеть детей, устроенными в жизни, и жену, спокойно провожающую свою

старость. Ничего больше я не хочу, но, увы, и в этом круге желаний не получаю Божьего соизволения, по крайней мере в той степени, которой желаю.

18 сент[ября]

Вера уехала в Москву. Я был у Ив[ана] Вас[ильевича] Попова, отнес ему его книги, поболтал часок-другой. Ходил пешком и туда и обратно. С отдыхом — это не очень трудно. А вот пешком идти в церковь, да стоять в церкви часа 1½– 2, да назад пешком — это весьма тяжко, до изнеможения. Между тем ездить теперь невозможно. Дорого, и денег нет. В этом месяце я предвижу у себя дефецит рублей 200. Это первый месяц, когда я уже не мог свести концы с концами, но в следующие месяцы — это будет продолжаться, и если эта тяжкая война не кончится, то я даже не могу предвидать, насколько я буду разорен.

Флигель так никто и не снимает.

Это ужасный скандал.

19 сент[ября]

Наш флигель все пустует. А расходы — ужасающие. Конечно наем флигеля, можно сказать, не спасет. Но мало-мальски сносные жильцы позволили бы мне не беспокоиться о Наде зимой. Да все-таки 480 рублей в год — не шутка, а очень серьезная сумма.

Мы сидим почти без газет. «Моск[овские] вед[омости]» присылаются крайне неаккуратно. Сегодня, например, не получены. Сами же мы не выписываем больше ничего. «Моск[овские] вед[омости]» присылают бесплатно, как бывшему издателю. Покупать газеты трудно: для этого нужно идти «на гору», к Лавре, или на железную дорогу. Между тем все события таковы, что не стоит их и читать: одна неприятность. Да и без чтения заранее все известно: на войне — ничего, внутри — недостаток продовольствия, в высших сферах перемены каких-нибудь министров без цели и без последствий.

Кстати, есть слух, что Раева[362] назначили обер-прокурором на 1 ½ месяца специально для проведения какой-то меры, а там — уволят. Si novi e vero*... Вполне в духе времени. Тоже недурна фраза, приписываемая Родзянко, по поводу слуха о каком-то его «высоком назначении»: «Я не настолько глуп, чтобы при нынешних условиях принять какую-нибудь правительственную должность». Нестерпимо нелепое время.

Сегодня срубили у себя штук 6 деревьев отчасти на дрова, отчасти для того, чтобы во флигиле стало посветлее.

---

* Если эта новость верна (искаж. *итал.*).

Ночью был мороз — 5°. Даже прудик подернулся льдом, но днем растаял.

20 сентября

Сегодня ездил с Владыкой Никоном к Кресту, а оттуда — к нему, куда пришли оба Нилуса[363], а вечером он и она, т.е. Сергей Александрович и Елена Александровна[364] были у нас. Рассказывали, между прочим, курьезную историю об Иконникове Николае Николаевиче. Поздно записывать, пора спать, а история очень странная.

21 сентября

Вчера отправил Ширинскому письмо с вопросом: не знает ли чего о проектируемом «Русском обществе правоведения и государственных знаний»? Мне написал о нем профессор Казанский[365] (из Одессы), предлагая поступить членом-учредителем и явиться в декабре в Петроград на учредительный съезд. Если бы, как пишет Казанский, это было действительно ученое общество, то, конечно, я бы не прочь поступить, хотя, живя в Москве, очень трудно что-нибудь делать для Общества, 9 / 10 членов которого будут, без сомнения, в Петрограде. Но я боюсь, что это Общество ничуть не ученое, а политиканское, с теми же «союзниками» правых направлений. Что же мне делать с этим народом, с которым я, слава Богу, вполне разошелся?

* * *

Вчера Нилус рассказал мне «чудо», как он выразился. И вправду чудо, хотя я сомневаюсь, чтобы оно было в действительности. Узнал он от какого-то человека (имени которого не открыл), который слышал это будто бы от Антония Храповицкого, лично участвовавшего в деле. В то время, когда возник вопрос о восстановлении патриаршества и созвании Церковного Собора, архиереи, как известно, собрались у Государя, и он, выразив свое сочувствие этому, спросил владык, намечали ли они между собою кандидата на Патриарший престол? Владыки (среди которых чуть не каждый мечтал быть Патриархом) — молчали. После тщетных попыток добиться у них какого-нибудь мнения, Государь будто бы сказал: «Тогда, владыки, выслушайте мое мнение, и скажите, согласны ли вы на мое предложение». И затем он будто бы сообщил им такой неожиданный план: он, Государь, отказывается от престола в пользу сына, разводится с женой, поступает в монахи — и его выбирают в Патриархи. Одобрят ли владыки такой план?

Ошарашенные владыки хранили глубокое молчание. Государь переспросил, но у них языки не могли пошевельнуться... Тогда Государь, помолчав, повернулся и ушел, оставив владык в их оцепенении.

Антоний, будто бы, потом рвал на себе волосы от досады, что они пропустили такой случай получить для Церкви такого Патриарха, который бы имел даже большее значение, чем Филарет Романов[366]. Но момент был упущен.

Никогда ничего подобного я доселе не слыхал, и, признаюсь, не верю. Мысль Государя, — если это имело место, — это была бы единственная комбинация, при которой Патриаршество восстало бы из могилы в небывалом величии. Однако нельзя не сказать, что Михаил Романов[367], при всей юности своей, все-таки уже имел царский возраст, тогда как Наследник Цесаревич Алексей — тогда был еще совсем ребенком, и стало быть Россия должна была иметь регента. Это значительно изменяло бы положение Патриарха.

Впрочем, повторяю, я совершенно не верю этому рассказу. Если бы что-либо подобное произошло, то я бы, конечно, слыхал от кого-либо[368].

22 сентября

Уехал из Посада в Москву повидаться с Ник[олаем] Степ[ановичем] Писаревым. Они с женой ездили в Саров; она, Маруся, вернулись в СПб. Вчера и на вокзале виделись с Верой, Николай же Степанович приехал сегодня и ночевал у нас.

Получил также письмо от Коли с подробным счетом его издержек. Дело не в издержках, а в том, что хватит ли у него пороха выдержать через 6 месяцев экзамен на подпоручика в Инженерн[ое] училище?

23 сен[тября]

Ночь. Николай Степанович уехал в Петроград, взяв для Николая посылочку (гостинцы), письмо и десять рублей денег.

24 сентября

Приехал из Москвы в Сергиев Посад.

Был у всенощной в приходе. Грязь по дороге, в темноте — особенно невероятная. Но служили недурно. Разумеется, акафист[369] Преподобному Сергию. Завтра — день Преподобного.

25 сентября

Ходил в Лавру пешком, постоял немного (п[отому] ч[то] опоздал) в академической церкви, попытался войти в Троицкий собор (и конечно не мог) — и также пешком возвратился домой. Два часа в ходьбе, и на ногах, без передышки: пришел в изнеможении, думал, что не дойду. А между тем, в сущности, и молитвы никакой не было. Обычная судьба больших праздников.

Я могу только завидовать крепким людям, способным стоять в этой страшной давке, — и молиться. Для меня это недоступно. У бо-

гомольцев — особая способность. Многие даже вовсе не крепки, многие больны, но они выносливы.

И все-таки немножко молился о нашем Николае.

Сегодня день был теплый, от + 9% до + 11. Но дождь шел, и грязь ужасная.

В Москве увидал «Русское дело»[370] Преображенского. Там и моя статья. Газета бледноватая.

27 сент[ября]

Холодно, снег идет и тает. Грязь. Ветер. Отвратительно. Ниоткуда ничего хорошего, и даже вообще ничего. Сегодня было воодушевился, начал писать свою 44 главу, о тамплиерах, но скоро совсем смерз, и лучшее время дня пропало, пока протопил печь, которая, впрочем, также не греет.

Как скучна жизнь! Только и разговора: купят ли сегодня хлеба, есть ли сахар или картошка? Теперь булочники придумали печь «двойные хлебцы» по 12 коп. Они и теперь меньше, а вовсе не двойные. Но ясно, что будут все более уменьшаться, дойдут до величины простого хлеба, и будем мы покупать те же прежние хлебцы, только не по 6 коп., а по 12 коп.

Вообще русские показывают себя теперь совершенными грабителями, не одни торговцы, а весь народ. Совесть пропала бесследно. Наш бывший жилец, Кузьмин, дворянин, помещик, офицер и богатый человек, — купил весной где-то по знакомству дрова по 8 руб. сажень и остатки этих дров, в сентябре, продал нам по 25 р. Всего 3 сажени, сам заплатил 24 р., нам продал за 75 р., «нажил» 50 рублей! Общее барышничество. От этого Россия теперь изнемогает в борьбе с немцами. Все — мошенники, душат друг друга и все государство. Правду сказать, — не за что иметь Божией помощи. Немцы — звери к чужим; наши — шакалы и гиены к своим. Не знаю, что грешнее, но гнуснее, конечно, у нас. Вот уж вправду — urbem venalem et mature perituram!*.

Вчера знающий мужик сказал Наде: «Если хотите, для Вас, привезу картошки по 5 рублей мешок». Повернется же язык! В прошлом году покупали мешок за 90 коп. и даже теперь на базаре, если бывает, то по 2 рубля... Жаль только, что почти не бывает. И этот сын святой Руси предлагает по 5 рублей. А уж, конечно, ругает других, особенно «господ», живодерами.

* «Город продажный, готовый погибнуть [, если б нашелся покупщик]» (Салюстий, *лат.*).

Никогда не думал я, что мне приятно было бы уехать из России. А теперь, в годину «великой войны» — я очень охотно уехал бы куда угодно, к какому-нибудь честному народу, вроде японцев.

28 сент[ября]

Получено письмо от Коли от 25 сентября. Получил все от Писарева, а посланных мною 17 сент[ября] 5 р. — не получил. Безобразие.

29 сент[ября]

Отправил письма: 1) Коле — насчет экзамена на подпоручика, 2) пр[офессору] Казанскому — по поводу «Русск[ого] общ[ества] госуд[арственных] знаний»: почти начисто отказываюсь ввиду того, что Общество вряд ли может выйти «ученым», а непременно втянется в текущую политику; я же ею не хочу заниматься.

30 сентября

Отвратительная грязь. Дождь льет без милосердия. Вода напитана водой, луг превратился в какое-то болото, где вода хлюпает под ногами. На дворе калоши стаскиваются с ног. Вдобавок начал осыпаться запущенный колодец в сарае. Кое-как завалили бревнами, не знаю, надолго ли. Его нужно засыпать. Когда-то я высчитывал, что это обойдется в 300 рублей. Теперь же это и совсем невозможно.

Все гадко и неприятно, и ничто не радует. Катя валяется полубольная. Для нее эта ужасная мокрота вредна.

Расходы за сентябрь превзошли все мыслимое. Как я и предвидел — рублей на 200 больше дохода.

Завтра — Покров. Но по такому дождю не мог и подумать о церкви. Да и никто не пошел.

Эти дни у нас гостит Зинаида Лаврова. Неудачно попала для себя, но для нас все же немножко веселее.

1-е октября

Покров. Но у нас, кроме лампадок, нет и тени праздника. Непрестающий дождь, ветер, переходящий иногда в какую-то воющую бурю, невыносимая грусть, невозможность куда-нибудь нос высунуть, — и одиночество. Сегодня уехала и злополучная Зинаида Ивановна, схватившая себе здесь насморк. Несмотря на то что у меня не истощилась еще работа — буквально одолевает тоска.

2 октября

Сегодня день был с солнцем и без дождя. Я был у Преподобного, первый раз после пожара раки. Затем был у Попова, посидел, и по-

лучил книгу Прутца «Kulturgeschichte der Kreuzzuge»*. Там изложена и организация и ереси тамплиеров. Хотя язык немецкий мне крайне тяжел, но уж нечего делать: надо прочесть. Это автор первостепенного авторитета. С прочтением его — храмовничество будет у меня солидно закончено.

3 окт[ября]

Я был в городском лазарете, справлялся о Павле. Кочергин говорит, что рука его будет вылечена, и что он до тех пор должен пробыть в лазарете.

Сегодня уходит от нас дворник Андрей (Грибков) — на осмотре по призыву. Поехал для этого на родину. Одноглазый и плохо слышит. Конечно, не возьмут, хотя Бог весть. Во всяком случае мы остались[с] бабами и детьми.

Сегодня же замазывали крышу на доме, вся в щелочках. Нужно бы ремонтировать... да теперь никто ничего не ремонтирует. Обмазка, часа 4 работы, обошлась в 8 рублей (его замазка, впрочем). Работал Камилявкин.

4 окт[ября]

У меня «схватило» кишки. Уж не знаю, какие причины; немало можно набрать. А только дело нехорошее. Теперь лечиться трудно. Пища плохая и трудно устроить хорошую диету. Прислуга занята. Теперь у нас две женщины, на которых упала и дворницкая работа. Катя и Надя тоже работают, печи топят сами. На доктора жаль тратить деньги. За лекарствами некому ходить. Даже так вышло, что я остался без клизмы — или почти. Теперь болеть крайне несвоевременно и неудобно. Меня Господь долго сохранял, но вот, может быть, за мой вечный ропот и недовольство — как бы не пришлось вспомнить, что без сохранения Божия я бы давно свалился, и что если меня Бог хоть на минуту оставит, то я и скручусь. Очень, очень боюсь. Хоть бы Господь помиловал, хотя бы не из-за меня, а из-за Веры и Нади, на которых свалится новая тяжесть.

5 окт[ября]

Мне как будто получше. Впрочем, будет видно.

Дождь нестерпимо однообразный. Откуда только берется эта масса воды? Лил все лето, льет теперь. Грязь невозможная. В довершение оказалось, что Камилявкин плохо замазал крышу.

Эти дни читаю Прутца[371] о тамплиерах. Очень интересное, полное описание. Весьма полезная оказалась книга для меня. Только читать крайне трудно. Обидно, что я так запустил немецкий язык. Словаря

* История культуры времен Крестовых походов *(нем.)*.

из рук не выпускаю, а у Прутца, вдобавок, отвратительный немецкий слог, с бесконечными периодами и со множеством неясных по смыслу союзов, предлогов и прочих частиц.

Но нужно сказать, что с этим Прутцом придется порядочно переделывать всю мою главу о тамплиерах.

6 октября

Сегодня Надя хотела поехать в Москву, но помешала погода: сильный ветер со снегом, почти вьюга целый день. Но снег таял, потому что термометр стоял на 0°. К ночи небо прояснилось. Не будет ли мороза?

Сегодня кончил своего Прутца о тамплиерах. Всего 36 страниц, а возился с ним три дня. Во всяком случае, хорошо что познакомился с повествованием ученого специалиста. Вместе с процессом тамплиеров Мишле — это мне дает довольно солидную основу.

Каждый раз, когда читаю этих ученых специалистов по какой бы то ни было части, вижу вместе с ученостью неисправимую слабость науки. Удивительно, прискорбно и непоправимо — до чего мало человечество знает свою историю. Предположения ученейших специалистов постоянно основываются на ряде самых бедных и шатких данных. И хорошо еще, когда они обрабатываются без предвзятости и тенденций! А и это — редкость.

И потому-то для понимания событий нужны более интуиция и прозрение вдохновения, чем огромные знания. Дело в том, что в так называемых огромных знаниях заключается гораздо меньше фактов, чем мыслей, догадок и мнений людей о фактах. Поэтому, в сущности, огромных знаний не существует вообще на свете и негде их взять. Миллионы обрывков фактов, намеков на факты, и бесчисленное множество утверждений, доказывающих, что таких фактов совсем не было, или что они имели иной характер. Вот тут и изволь разобраться, в чем состоит капитал действительного знания! А между тем — не вникая в этот капитал — нельзя принять и вдохновения, иначе оно поведет к простым фантастическим сказкам. Ars longa est, vita brevis, brevissima*, и в конце концов, век учись, а умрешь невеждой.

7 окт[ября]

Ночью был легкий мороз, все подмерзло, день вышел солнечный. Легкий снежок кое-где. Все было обрадовались. Но к вечеру — опять дождь и идет до сей (ночь).

* Наука необъятна, а жизнь слишком коротка (*лат.*, *итал.*, искаж.).

Сегодня — великое событие: выдали 7 фунтов сахару. А то уже мы сидели на строгой эко[но]мии. Надя злополучная, имеющая большую потребность в сахаре, получала в день 6 ложек сахарного песку.

Мяса, понятно, нет. А у меня испортились кишки. Молока тоже нет. Как я буду есть щи с капустой и грибы? Зарезали кролика. И их-то немного у нас. Эта вечная мысль о том, что есть, как-то принижает, обращает в дикарство. Картофли* тоже нет. А я именно ее переношу хорошо. Рыбы, понятно, тоже нет. У меня кишки, вероятно, испортились от капусты. Но надо же что-нибудь есть? Кашицу гречнивую ел, но крупа сорная, так что Катя каждый день отбирает ее, руками, конечно, вроде того, как женщины сидят с чулком. Так целый день только и мысли, что есть, что дать прислуге? Горничной Мане не в чем выходить по холодной грязи. Понятно — надо бы ей купить ботинки. Да попробуй купить! И вот, вероятно, из-за этого отойдет от нас. Вместо нее думаем опять взять дворника, искалеченного маньчжурского солдата, Воронина. Его достоинство в том, что он настоящий мужик, может жить по-свински, Бог знает чем питаться и выносить всякие неудобства. Обращаемся в дикарей. «Все для войны». А войны никакой не ведут, торчат на месте, деморализуют солдат, а наконец даже их стали плохо кормить. Я положительно не понимаю глупость ли это начальства и бездарность, или в огромном % что-нибудь еще хуже? Ведь заморят Россию в конце-концов. Как Лаврентий пишет с фронта: «<u>Эта война всем надоела, все стало дорого, нету возможности чего-нибудь купить, на все цены стали сумасшедшие, и народ весь стал растерянный, никто ничего не делает, ходят и охают, и ждут кончины этой тяжелой войны</u>». Это такие настроения в армии Эверта. Достоялись в «позиционной войне» до того, что дух армии загубили. Если бы было у кого-нибудь задание — довести Россию до того, чтобы она приняла какой угодно дрянной мир, то нельзя было бы действовать более целесообразно. Не могу поверить, чтобы нельзя было наступать и кончить войну натиском в сердце Пруссии, не мотаясь Бог знает где в Добруджи, в Салониках, по беспредельной периферии, оставляя саму Германию в безопасности. Если мало орудий и снарядов, то немало их растрачивается в Добруджи и на Карпатах, а нужно бить на Курляндию и Восточную Пруссию. Три года позволяя немцам дурить нас войнами на чужих территориях. Это не война, а testimonium paupertatis** нашего командного состава.

* Так в тексте.

** Свидетельство обнищания (*лат.*).

9 окт[ября]

Надя поехала в Москву. Пусть прогуляется. Кое-какие есть покупки, но главное, может быть, отдохнет. Здесь такая тяжелая обстановка. Работы (у ней) масса, а толку в сущности никакого. Я бы желал знать: многим ли так теперь скверно жить, как нам? Думаю, что большинству все-таки лучше, только нам от этого не легче.

Здесь о войне все в народе толкуют об измене. Это общее убеждение, которое усматривает измену, как в военных действиях, так и в продовольственном вопросе. Хлеба нет — в момент после жатвы: это, говорят, измена. Невольно вспоминаешь знаменитых affameurs du peuple* Французской революции. В действительности — имеется дезорганизация власти, как ни странно это сказать о нас. Но у нас дезорганизация не во внешнем механизме, а в головах. Эти знаменитые «твердые цены», оставившие нас без хлеба и муки, — результат глупости власти, сующей свой нос туда, где она явно не может совершить умного действия. Мне кажется, что все наши экономические бедствия произведены попытками власти «регулировать» экономические отношения без обладания необходимыми для этого знаниями, умом и выработанным механизмом действия. В этом деле власть совершенно солидарна с интеллигенцией, действует в ее духе самоуверенного невежества, не способного узнать того, что оно ничего не знает. В результате — получается такая чертовщина, что народ начинает кричать об «измене».

Положение отвратительное, хотя, нужно сказать правду, самые горькие из моих тягот зависят не от этих внешних бедствий, а от обстоятельств внутренних, где уже нет других причин, кроме Божеского наказания и испытания.

11 окт[ября]

Была Зин[аида] Ив[ановна] Лаврова, и сейчас уехала. Она сегодня именинница, и погода сделала ей редкий подарок — солнечный день.

Ниоткуда никаких известий. Хуже всего — Коля молчит. Мама из Новороссийска третьего дня просила прислать ей 30 руб. Видно, плохо ей приходится. Поручил Вере послать ей 30 р., и Коле — 5 рубл[ей]. Плохо всем. Правительство всем чиновникам прибавляет жалованье. По общественным учреждениям делают то же самое. Все это идет в карманы торговцам. Было бы недурно жить крестьянам, да и то — им очень недурно. Только трудно то, что рабочих позабирали. Конечно — за солдат платят много. Но без рабочей силы все-таки трудно.

---

* Спекулянтов. Дословно: «люди, заставляющие голодать народ», «обиратели народа» (*франц.*).

В народе широко ходит слух о новом огромном наборе: «всех остальных позабирают»... А на фронте — гнусно. На Двине и по озерам — неподвижность. На австрийском фронте безуспешные бои. В Добрудже нас опять погнали. Наше высшее командование очень плохо, ужасно плохо. Ну хотя бы в Добрудже: немцы послали туда Макензена, а наши бездарнейшего и совсем не боевого Зайончковского[372]. А румыны, как я и полагал, оказываются плохими военными. Только хвастать умеют.

Правду сказать, положение наше такое скверное, что я очень боюсь 1917 года. Мы к весне ослабеем совсем, и не знаю, сохраним ли хоть внутреннее спокойствие. Что же выйдет, если немцы весной 1917 года перейдут в наступление? Чем мы будем оборонять хоть Петроград и Москву? Даже самые мрачные предвидения не кажутся недопустимыми.

Сейчас известие от Павла: заболел вчера, сегодня стало хуже. Что-то такое в животе случилось, и жар усиливается. Доктор велел лежать в постели. К ним на днях привезли 14 раненых с австрийского фронта. Не завезли ли какой болезни?

13 октября

Приехала Надя.

Известия из Добруджи отвратительные. Сумеет ли армия хоть отступить за Дунай, очистив совершенно Добруджу?

Или она осуждена будет на гибель или капитуляцию на берегах Дуная?

Послали никуда негодного Зайончковского бороться с Макензеном. Что только у нас делается, ужас! Прямо погибает Россия. И не видно ни одной светлой головы, которая бы вывела нас из заколдованного круга фатальной глупости. Почему стоят, как приклеенные армии Двинская и озерная?*... Конечно, немцы действуют блестяще. Но ведь у нас на одно что-нибудь умное приходится сто идиотов. Мы сами создаем почву для немецких успехов. И вот нет ни единой души, которая вывела бы нас из этого ничтожества.

У меня опять разболелись зубы.

Надо бы уехать в Москву и вырвать один зуб. Но боюсь оставлять тут Надю и Катю чуть не в пустом дворе. Сегодня приходил с женой новый начальник тюрьмы, Шабельский[373], — смотреть флигель. Но ничего не решили.

* * *

* Так в тексте.

Я в эти дни прочитывал записки Сегюра[374] о походе 1812 года. Замечательно талантливая обрисовка. Но она сделана после войны. Поэтому Сегюру легко проследить роль Наполеона.

Но кто может теперь усмотреть и понять роль нынешней войны, бесконечно, или во сто раз более страшной? Кому теперь готовит гибель этот «рок»? Прежде я думал, что Вильгельма ждет судьба Наполеона. Теперь я сомневаюсь в этом и недоумеваю... Самое главное различие — в средствах России. Тогда они были еле затронуты, и в резерве оставалось 99 / 100 их. Теперь у нас все пущено в ход, все поставлено на карту. А Германия со своими вассалами-союзниками? Конечно, не может не быть истощения и у них. Но Германия все же проявляет способность делать новые и новые усилия... Кому же рок предназначает надорваться? Я не в состоянии составить себе предположения и догадки.

Мне ясным кажется одно, что в этой войне, в основе представляющей, как и при Наполеоне, борьбу Германии (как тогда Франции) — с Англией — выиграет, как и тогда; **Англия**. Но меня интересует не участь Англии, а участь России. Что будет с **нами**? Если мы рухнем, то хотя бы истощенная Германия уже должна была уступить первенство Англии — что нам пользы, какое нам утешение?

А положение такое, что если Россия теперь рухнет, то уже навсегда, безвозвратно. Не видно никаких сил, способных ее воскресить. Это не татарский погром, в котором победитель не умел уничтожить внутренней нашей организации. Тут уж если нас захватят, то за все жилы и нервы. Ужасны все эти мысли.

16 окт[ября]

У меня разбаливаются зубы. Уехать бы в Москву, а как я тут брошу своих в таком безлюдье? Страшно. Этот несчастный флигель не сдан. Дворника — если бы и нашли, то негде держать из-за Дуняши с ее 4 детьми. Эта семья Старостиных для нас — страшная тяжесть, которую несли уже целый год, и Бог весть сколько времени еще придется нести.

Очень тяжело жить. Конечно, все это связано с тяжким положением России, о котором тошно и думать. Надвигается на нас какая-то смерть, вроде облака ядовитых газов. А уж в правительстве собралась компания, какой еще за всю Историю не было. Этот Протопопов[375] производит впечатление какой-то самодовольной болтушки. Не было еще министра, которого бы меньше уважали. Что-то плохо аттестует себя Штюрмер.

На фронте — одна грусть. В Добрудже совсем загнали армию к Дунаю. На Австрийском фронте — сегодня наши потеряли какие-то окопы. На озерах и на Двине — полное бездействие. Не понимаю, что

делается в Главном штабе, и на что надеются Алексеев с товарищами? Полная «прострация». Неужели армии так-таки совсем никуда не годятся?

Почти невыносимо сидеть и ждать гибели. Нас задушает внутри «продовольственный вопрос», а извне обнаружилась явная наша неспособность воевать с немцами. Армию — деморализовали вконец. Она уже не верит в себя. А уж здесь, в тылу, кажется — нет ни единой души, которая бы верила в какой-нибудь добрый исход войны. Собственно, я не слышу ни единого слова о том, чтобы заключить мир. Этого, думаю, никто не хочет и, вероятно, на заключение мира (уж, конечно, неизбежно постыдного) Россия ответила бы отчаянной, гибельной революцией. Но, не допуская мысли о мире, никто не верит в победу, плохо верят даже в безопасность от немецкого завоевания. Так и оцепенели в какой-то безнадежности.

Если бы Бог послал человека, которому бы народ поверил — вся Россия бы воскресла. Но такого спасающего человека — нет, явно и очевидно нет.

Как когда-то, по другому совсем поводу, писал Якубович[376]:

И рвется стон из сердца, стон безумный,

Кто проклял нас? Кто проклял нас?

17 окт[ября]

День основания нашей «конституции». Прежде много шума бывало в эту годовщину. Громадное большинство теперь, вероятно, и не думает об этих пустяках, когда стоит на карте существование России.

Деревенские жители рассказывают, что у них, по деревням, очень «большое баловство», т.е. другими словами — грабежи. Очень плохой признак. Бабы говорят, что жить стало страшно. У меня большая тревога в этом отношении и за наш безлюдный дом. Господи, даже понять не могу, что за бедствие с нашим флигелем: никто не снял. У меня сердце не на месте.

19 окт[ября]. Среда

Вчера начал лечить зубы у Быковской[377]. Собственно, это опять неудачно сделал. У меня легкое зимнее пальто (на вате), а зима угрожает ударить настоящая. Надо бы ехать в Москву шубу оттуда взять, а то застряну здесь. Что не сделаешь, все выходит глупо.

20 окт[ября]

Приехала Вера.

22 окт[ября]

Сегодня я докончил три первые главы VII отдела о тайных обществах в религиозной борьбе. Еще осталось несколько глав — не ме-

нее 2–3, — но путь мой уже уяснился. А вместе с тем мне уясняется и остальной состав сочинения, рисуется последовательное развитие частей его. Думается, что если Бог пошлет еще год работы, то оно будет кончено.

Кончено... А зачем! Что бы я сделал с ним? Напечатать этих 800–900 страниц — нет средств. Это въехало бы, по нынешним ценам, около 10 тысяч рублей.

И если бы оно было напечатано, то кто бы его читал? И для чего его читали бы?

Я — какой-то могильщик. Написал «Монархическую государственность», в которой, право, как никто до меня на свете, изложил ее философию. И это явилось в дни смерти монархического принципа. Какая-то эпитафия или надгробное слово на могиле некогда великого покойника. Теперь, пожалуй, напишу такую надгробную речь над человеческой борьбой за Царствие Божие в такой момент, когда уже люди прекращают борьбу за него, и когда оно явится только с пришествием Христа. Зачем тогда нужны мои сочинения? Разве для того, чтобы представить их Судии мира в доказательство, что каков я ни есть недостойный Царствия Божия, но в своей работе ума и чувства все же думал — и в политике, и в религии — не о чем ином, как о Царствии Единого Истинного Бога. Но зачем Ему эти «оправдательные документы»? Он и без них знает о чем я думал, знает лучше, чем мой ум и сердце, и что если скажет: «Это все словесные формулы, а вспомни-ка, о чем действительно заботился твой ум и твое сердечное чувство. О Моем ли Царствии или о своей собственной славе и доказательствах честности своей жизни?»

Что отвечу я? Что могу сказать, кроме: «Господи, не оправдается перед Тобой никакая плоть. Брось в огонь все мои сочинения и сотвори со мной по милости Твоей, а не по моему достоинству, которого не имел и не имею, и не в силах иметь, если Ты Сам не облечешь меня в одежду брачную».

Толкнул ли я хоть единого человека к Богу?

Не знаю, и вероятно, нет. Но что же мне делать? Ведь я хотел делать именно это, а если не мог, то виноват ли я? Нищ есмь и окаянен[378], и что же мне делать с собою?

23 окт[ября]

Вера уехала в Москву.

Коля с 9 октября не пишет. А между тем он напутал свой адрес, так что я даже не знаю, как ему писать; он почему-то не получал присылаемых ему денег, и вне сомнения сидит без гроша. Обращался к Марусе, и тоже нет ни малейшего ответа.

24 октября

Объявление в газетах: скоропостижно скончался 23 окт[ября] Федор Дмитриевич Самарин. Послал выражение соболезнования Александру Дмитриевичу.

Умирают все мои современники, все люди национальной России. Федор Самарин был по уму краса Самариных. Теперь, значит, Самаринский кружок исчез совершенно. Уж он и то на ладан дышал и держался только Федором Дмитриевичем. Александр Самарин бывал только из любви к брату, а сам по себе он больше тянется к общественным делам. Кожевников сам по себе поддерживает охотно только Новоселовский кружок. Корнилов — весь в делах Красного Креста, да и помимо того — инициативной силой никакого кружка не захочет быть. Впрочем, все это неважно. Нынешнее время не принимает ни таких людей, как Федор Дмитриевич, ни таких кружков, как Самаринский. Этот кружок имел целью быть вольным центром свободного общественного мнения умственной аристократии Русского направления. Все это уже — нечто отжившее, прошлое, последний отблеск Самаринско-Аксаковской Москвы, которой уже нет. Теперь есть Москва кадетская, Москва социалистическая, Москва промышленная, но Русской Москвы уже давно нет. Хомяков Дмитр[ий] Алексеевич живет только как антикварный, драгоценный сосуд, разбитый, но склеенный — и тоже ненадолго.

25 окт[ября]

От Коли ни полслова. А между тем уж по малой мере о деньгах он должен бы известить.

26 окт[ября]

Павла выписывают из лазарета на комиссию. Что там будет? В хорошем случае дадут отпуск на поправку. В плохом — положат в военный госпиталь в Москве. Тогда конец его дням, не красным, но хоть сносным, которые он имел в Сергиевском Посаде. Его заранее раздражает мысль, что могут уложить в лазарет, в чем действительно не было бы ни малейшего смысла. Ему теперь не лечиться нужно, а в сущности — отставка, или на худой случай продолжительный отдых при хорошем настроении.

Но теперь какое-то несчастное время, когда очень редко делают что-нибудь умное и удачное.

Между солдатами (ранеными) — как слышишь от всех — ужасное раздражение против начальства и властей. Они возвращаются с фронта только с разговорами об «измене». Не приходилось слышать о войсках, не бывших на фронте: лучше ли их настроение.

В народе и вообще — раздражение страшное. О Москве слышал от нескольких, будто полиция вооружена пулеметами на случай волнений, которые, вероятно, очень возможны. Вообще, положение самое тревожное.

Беда в том, что у нас все распоряжения крайне глупы. Особенно ужасны меры по «продовольственному» делу. Я уверен, что мы никогда бы не дошли до такого тяжкого положения, если бы правительство не принимало никаких мер, а предоставило все естественному течению. И представляю еще — как являются эти мероприятия? Выдумает какую-нибудь мыслишку мелкий чинушка, и сейчас для отлички бежит к начальнику; начальник — для той же отлички — к высшему начальнику. И — смотришь — сляпали «регуляцию». Никто ничего не понимает, да и не очень-то надеется чем-либо, кроме того, чтобы была «принята мера». Тут, в сущности, виновата высшая власть, которая не стоит на высоте положения и не умеет руководить низшими.

Как слышно, Дума хочет, по созыве, требовать ответственности министров. Полнейшая чепуха! Тут бы нужна была крупная личность — диктатор, да, разумеется, с характером и здравым смыслом. Большого ума не требуется, а именно здравый практический смысл. Но Дума не знает такого человека, и я не знаю, и где его искать во время такой страшной внешней опасности? Дума уже показала свою глупость на законе о «мясопустных днях», и сама помешана на «мероприятиях». Положение, в сущности, безвыходное. Может быть, самое лучшее, за неимением ничего другого, было бы снова отдать Командование Николаю Николаевичу... Не блестящий исход, а все-таки... Но это, безусловно, невозможно. А пока военные дела стоят так скверно — внутри ничего путного нельзя сделать.

Удивительно, что такая война не могла выдвинуть ни одного крупного человека среди генералов. Неужто же в России действительно нет ни одного человека?

27 окт[ября]

Вчера или третьего дня в Архангельске загорелся порт[379]. Пожар продолжается и до сих пор. Сгорели военные снаряды, привезенные туда. Поехали какие-то власти.

Работали в порту — пленные!

А немножко раньше загорелся и затоплен в Севастополе первоклассный броненосец «Императрица Мария». И тоже «расследование производится».

Нечто невообразимое. Совершенно погибшая страна. Немцы действуют с энергией миллиона дьяволов, а у нас — рохли, глупцы и, вероятно, — изменники. В этаком грозном испытании — и не иметь правительства. Гибель.

Еще новость. Германия и Австрия провозгласили независимость Польского королевства, составленного, однако, исключительно из русских владений. Своего — ни из Галиции, ни из Познани — ничего не дают. Вместе с тем будут производить набор в этой Польше. Пожалуй, окажется, что поляки, не пожелавшие убежать в Россию, прогадали... Несчастная нация! Тяжко ей обошлось русское подданство. Не смогла их защитить Россия. Впрочем, она и себя не умеет уже защищать.

Замечательно, что в этой войне совсем нет так называемого «счастья». Действует один расчет, а так как у немцев его много, а у нас ни на грош, то нас и бьют систематически. Правда, что у немцев есть очень сильный элемент «счастья» — это именно бездарность нашего правительства. Ну хоть бы взять архангельское истребление наших снарядов. Каким глупцом нужно быть, чтобы на таком порту держать рабочими военнопленных? А ведь, наверное, это находится в ведении Шуваева.

1 ноября

Мама должна бы сегодня приехать, если Господь донесет.

Надя отправилась в Москву ее встречать.

У меня отвратительное состояние кишок. Все бедствия.

В официальном сообщении об взрывах Архангельского порта сказано, что его произвели немцы. Ну а где же был наш надзор?[380] Сказано, что не все снаряды погибли, ибо многое уже было вывезено в город... Эти немцы служат своему отечеству с неистощимой энергией, ну а вот мы — истинно жалкие твари... из них же первая есмь аз, конечно. Но ведь дело не во мне. Один бессильный и ничтожный найдется и у немцев. Но остальные миллионы. В офиц[иальном] сообщении не упомянуто, чтобы на порту работали пленные. Однако здесь это говорили, как факт.

Ночь

Приходил Шабельский (начальник тюрьмы), и заключил проект найма нашего флигеля. Катя подписала, но вопрос — согласится ли Катя, и когда.

Телефонил в Москву. Оказывается, что Мама может прибыть только в 11 часов ночи. Значит сегодня уже не узнаю. Теперь почти 11 часов.

2 ноября

По телефону узнал, что Мама приехала и здорова. Слава Богу.

К вечеру по телефону же сообщили о письме от Маруси мне, пишет, что Коля у ней бывает в отпуске, был 21 окт[ября], 23 окт[ября] и 30 окт[ября]. Вид имеет здоровый, говорит, что чувствует себя хоро-

шо. Условился, что будет брать у ней деньги, а она будет записывать. Все это очень хорошо, и слава Богу.

Эти два известия снимают с меня большую тяжесть, а то было уже совсем в уныние пришел.

3 ноября

Утром мороз — 10°, не понижавшийся меньше — 8°, и сильный снег с ветром. Слой снега довольно глубокий. Форменная зима. В комнатах холодно 10–11°, несмотря на топку.

К вечеру письмо Павла: он получил трехмесячный отпуск, но остается в Москве для богомолья, да и вообще посмотрит город. Искренне рад за него, да и за себя. А впрочем — за себя — это будет видно из его отношений к нам.

Прослужил Павел недолго — 9 месяцев, считая 4 месяца лазаретов. Но был месяца три в настоящих боях. Сделал блестящее наступление под Ковель. В последний день русского счастья, в 10–15 верстах от Ковеля — получил две пули — одна разбила правую руку, другая — в живот. Рукой он теперь владеет примерно на третью долю. А рана в живот, очевидно, навеки сделала его больным. Не может, например, работать, ходит много. Сейчас отзывается разнообразными расстройствами. Выпадает оттуда нечто вроде грыжи. Одним словом — искалечен, не работник. При деньгах мог бы еще быть хозяином, п[отому] ч[то] учен и многое знает по всякому хозяйству. Но денег у него нет. Сотни какие-нибудь, не могу представить больше тысячи рублей. Что с этим сделаешь?

Если бы у меня были какие-нибудь дела, я бы его оставил охотно, как годного для присмотра.

4 ноября

Приехал Павел, который ныне же поедет к Александровскому к Воинскому нач[альнику] и очень трепещет, что тут его не оставят. Но это может случиться только разве потому, что у нас возможна всякая глупая мерзость. А в здоровом состоянии ума, Начальник это сделать не может, ибо Павел уволен Комиссией в трехмесячный отпуск.

Мне он привез письмо Маруси, из которого вчерне узнал, что у бедной Пелагеи Григорьевны (мачехи Ник[олая] Степ[ановича] Писарева) рана прямой кишки; должна быть операция. Да и после того — нельзя быть спокойными.

Послал Марусе сейчас же письмо.

Меня Быковская задерживает с зубами еще на две недели. Это ужасно. Но мне необходимо быть в Москве.

Читаю газеты и не могу понять положения Правительства и Думы. Ясен резкий конфликт, но в чем упреки Думы или подозрения и ка-

ковы требования! Речи депутатов в газетах не пропускают. Печатают пустые фразы, а все существенное воспрещается. Можно предполагать, что в Думе есть подозрения о желании Правительства заключить сепаратный мир. Но на чем основаны подозрения? Сидя здесь, ничего не знаешь. Знаю и понимаю тенденциозность Гос[ударственной] думы. В ней могут фантазировать и преднамеренно лгать. Но беда в том, что я и Правительству не верю ни на грош.

Макаров — честный человек. Об остальных я этого не знаю. Относительно же ординарности их способностей кажется, нельзя иметь никаких сомнений. Но все это было бы не особенно еще страшно, если бы не вопрос о сознательной измене России. Этот вопрос у меня связан с вопросом о силе у нас масонства. Таинственный, никому неизвестный пункт... Однако же Турмантен писал Столыпину об опасном значении масонства в России, и то, что он писал, было достаточно убедительно, чтобы Столыпин отвечал ему, хотел завязать с ним сношения и заявил свое намерение серьезно заняться этим вопросом... Вместе с тем через немного месяцев после того Столыпин был убит странным образом, без мотивов, и убит не революционерами. Вместе с тем убийцу, Богрова[381], повесили с непонятной поспешностью, абсолютно ничего не расследовавши. Этот эпизод глубочайше подозрительный. Витте называл масоном даже Гурлянд[382], который его видел за границей на масонском съезде. Нет сомнения, что если масоны у нас действуют, то они есть и в самом высшем круге. О мартинистах в армии, и именно в Петербурге, приходилось слышать. Но чего не сделает эта земная сила в среде ничтожества, недальновидности, своекорыстия?

С другой стороны, что могут сделать злополучные «герои», даже не подозревающие об этой земной силе и если чувствующие «измену», то подозревающие ее только в «немцах» и людях «продажных»? Да и что вообще можно делать в России, не имея понятия о таком враге, не зная его планов, целей и средств действия?

5 ноября

Наконец письмо от Коли (по дате от 31 окт[ября]). Он выдержал экзамен «на отдание чести», почему и пользуется отпусками, даже может каждый день, и даже с ночевкой. Это все же — «успех». Была 25 окт[ября] первая учебная стрельба боевыми патронами, на Семеновском плацу, на 200 и 400 шагов. На 200 шагов попал 3 пули в мишень, 2 — в щит. Это, кажется, неплохо. На 400 шагов — много хуже: 1 пуля в мишень, 2 — в щит, 2 — чистый промах. Выучился также неписаному уставу: как обходить военно-полицейские посты на улицах... Ну это хотя не добродетель, но и небольшой порок, лишь бы не попадался, а то сведут в комендантское управление, а там какая-нибудь неприятность. По тону видно, как будто доволен своим

положением. Но денег тратит довольно много. За 22 дня — 28 рублей. Их кормят плохо.

6 ноября. Воскресенье

Приехал в Москву. Конечно, рад был увидеть Маму здоровою.

7 ноября

Был только в Моск[овском] куп[еческом] банке. Ни хозяина, ни управляющего не видел. Они прячутся, очевидно, потому, что в доме крайне холодно. У них нет нефти.

Хозяина зовут — Дмитрий Иванович Соколов. Где живет — не говорят, но думаю, что в Большом Власьевском д. 11 / 15; а впрочем, кто его знает.

Управляющий — Дубовицкий Николай Алексеевич, на Шаболовке дом 53. Скрываются, прячутся. Очень неприлично, какое-то мошенническое поведение. Разве нельзя прямо сказать: «Не можем добыть нефти».

Говорил по телефону с митр[ополитом] Петр[ом] Лукиным, который через неделю должен поступить в санаторию Майкова.

Не знаю, может быть, завтра уеду. Маша передает слух будто бы завтра приедет Государь, а Сидорова говорит, что по слухам ждут между 8–12. Мне конечно очень опасно застрять, п[отому] ч[то] я 11 ноября должен быть в Посаде у зубной врачихи. М[ожет] б[ыть], завтра и уеду, а то все эти встречи и толпы народные могут потом задержать.

Впрочем, говоря откровенно, не могу одобрить лиц, посоветовавших Государю поездку в Москву в такое серое и безотрадное время. Нужно было бы выбрать момент какой-нибудь удачи военной: а то теперь у всех холодно, голодно, всех людей забрали на войну, а на войне не выходит никакого толку, да еще скандалы вроде архангельского пожара, и затопление броненосца в Севастополе, да еще скандалы в Гос[ударственной] думе. Хорошо ли ехать? Для чего? Конечно, всегда наберется народ кричать «ура», но все же легко не обнаружить энтузиазма, а при этом — лучше бы не ехать до более счастливого момента.

8 ноября

Возвратился в Посад. Хотя считаю невероятным приезд Государя, но все же лучше не рисковать, что трудно будет выехать. Сидоров говорит, что действительно ждали от 8 до 12 ноября, но подтверждений нет. Во всяком случае, спокойствие, чтобы не пропустить Быковской. К сожалению, зуб побаливает так, что вряд ли она решится его пломбировать. Опять пойдет в задержку. Никогда еще не было такой канители с зубами.

9 ноября

Зима стала, по-видимому, окончательно. Морозы небольшие, но с ветром, так что неприятно. Без меня Катя купила бочку керосина — номинально 12 п[удов]. Это конечно нас сильно обеспечивает, п[отому] ч[то] теперь мы согреваемся лампами не меньше чем печками. Допуская мошенничество, все же можно считать 10 пудов.

У нас в доме холодно — 10°, 11°. Только с лампами к ночи набирается до 13 и даже 14°. Заниматься целый день очень трудно. Зябнешь.

10 ноября

Павел спрашивает сегодня: правда ли, что Государь приедет в Москву? Отвечаю: «Не знаю, а думаю, что вряд ли, п[отому] ч[то] как будто нет причин приезжать». Он говорит: «Рассказывают, что Государь приедет советоваться с народом — воевать ли или заключить мир? А если народ хочет воевать, то Государь скажет — что тогда он должен всех забрать в солдаты». Я ему сказал кратко, что все это пустое. Как же Государь будет советоваться? Как говорить со 100 000 человек? Да притом Москва — не Россия, в России есть еще 100 миллионов народу. А Госуд[арственная] дума уже сказала, что нужно воевать, значит с кем же еще советоваться?

Кто это распускает такие слухи, и с какой целью?

Насколько замечаю, в народе пропадает всякая вера в победу, но в то же время ему стыдно сознаться, что хочется мира. Да сверх того все чувствуют, что мир без победы — это значит кабала русских у немцев. Печально вообще состояние духа народа, и конечно — он несчастный народ. Самое же главное его несчастье — это то, что он не знает причины своего несчастья. Всех охватывает что-то таинственное, непонятное, кошмарное, подавляющее дух. Все говорят об измене, а где она — не разберешь.

11 ноября

Нет конца с зубами. Сегодня был у Быковской. Один зуб доделала, а другой — все еще только положила лекарство, и когда его, наконец, можно будет пломбировать — неизвестно. Что-то неслыханно долгое.

Ну, Государь не приехал. Тут о его предполагаемом приезде говорили ужасные глупости, конечно московской фабрикации: будто бы Он объявил о своем разводе с Супругой. Нарочно сочиняют какие-то* смут. Нужно сказать, что Она страшно непопулярна, как теперь и В[еликая] к[нягиня] Елизавета Федоровна. Обоих обвиняют в германофильстве.

* Одно слово неразборчиво.

О самой Императрице рассказывают фантастические вещи: будто бы она постоянно сносится с Вильгельмом, и посылает ему сообщения о военных делах. Разумеется, по поводу Григория Распутина толков еще больше.

Но каким образом непопулярность охватила Елизавету Федоровну? Она ничем не давала оснований для этого. Слухи о ней могут распространяться только преднамеренно клеветой врагов, не ея, а вообще династии.

13 ноября

Час от часу не легче. Надя заболела. К вечеру — не встает с постели. Температура 39°.

14 ноября

Марусе для Коли отправлено 30 рублей. Извещательные письма ей и ему послали вчера (13 ноября). Да ему непосредственно выслано 20 р. Всего — 50 р.

15 ноября

У меня был вечером Иван Васильевич Попов, и поднес свою новую книгу «Личность и учение блаженного Августина»[383].

16 ноября

Положение военных дел возбуждает почти ужас. Несчастная Румыния с юга (из Зимницы) уже завоевана Макензеном на одну четверть. Макензен загнал этого дурака Зайончковского в крайний угол Добруджи, и в то время, как наши стратеги утешают себя «бесцельностью» такого образа действий, — он перебрался в Румынию (безопасней от нашей атаки в тыл), — не иначе завтра возьмет Бухарест. А с севера наваливается Фалькенгайн[384].

В это самое время мы на своем фронте абсолютно ничего не делаем, не препятствуем немцам брать свои войска для завоевания Румынии. Мне кажется, что никогда ни одна война на свете не проявляла еще такого идиотства, как нынешняя наша. Даже разгром Наполеоном Австрии и Пруссии не дает таких позорных картин. Идиотство ли это? Я почти не допускаю возможности такой глупости. Тут прямо преднамеренная измена. Если даже у нас мало снарядов, то хотя и это ненормально и страшно, — все же лучше тратить их в наступлении, чем в глупой «перестрелке», да еще допущении немцев взрывать их, как в Архангельске и на «Императрице Марии». Наше бездействие, позорное, ужасное — ничем не объяснимо, как какой-то изменой, опутавшей очень высокие сферы управления... Или же это простое идиотство! Гофкригсратство, над которым когда-то потешался Суво-

ров. Несчастная Россия! У австрийцев была тогда хоть умная дипломатия, а у нас — букет всех идиотств.

Я постоянно колеблюсь: идиоты? изменники? Или смесь того и другого? Собственно в публике ведь теперь говорят об измене, о том, что наше собственное Правительство хочет истощить страну и измучить, чтобы она запросила мира. Но ведь это уж чудовищно. Перебираешь лиц Правительства и все же ни в одном не можешь предположить такой подлости. Публика больше всего подозревала Штюрмера, но без других оснований, кроме его немецкой фамилии. Я же и Штюрмера ни в чем подобном не могу подозревать. Да, наконец эти несчастные эфемериды — министры сменяются каждый месяц, так что не могут ни изменять Отечеству, ни служить ему. В результате — только разводишь руками, ничего не понимая. А положение дел неслыханное, невообразимое, ничем не объяснимое.

Шустер в своей книге «Тайные общества, союзы и Ордена» пишет, что Орден Иллюминатов (Вейсгауптовских) восстановлен в Германии (несколькими франк-масонскими мастерами) еще в 80-х годах XIX века, и окончательно (каким-то Энгельсом) — в 1896 г., и что последователи его имеются и в России. Но иллюминатство — один из высших масонских капитулов. Не действуют ли немцы-масоны у нас через них?

17 ноября

Был у арх[иепископа] Никона — поздравил его с днем Ангела. У него было очень скромно: застал какого-то генерала Погожева, да польского епископа, да о. Евгения из Харькова. Видел десяток поздравительных телеграмм. Трапеза его была тоже высоко скромна. Военное время. Зато генерал — это, по-видимому, отставной, пошедший по Красному Кресту, преисполнен довольства жизнью, расхваливал, что у них на фронте (где-то на озерах) все превосходно и дух хорош и т. п. «Годика через два будет победоносно кончена война», — заявил он с полным самодовольством... Никто, конечно, не стал ничего говорить этому «типу», но как только он вышел — мы, конечно, обменялись впечатлениями. Годика через два! Ах, разбойники! Да что же мы есть будем через два годика?

Это простой жизненный ответ на все толки об «измене», «масонах» и т. п. Всем этим генералам в такой войне — не житье, а масленица. Денег получат кучу, во всем продовольствии катаются, как сыр в масле, имеют массу слуг, денщиков, войсковых, даровых рабочих. Им бы не то, что годика два, а хоть всю жизнь так «воевать», сидя на «позициях», да из скуки перестреливаясь изредка. А что страна погибает, — кому это нужно, кого это заботит? Никакой «измены», никаких «масонов» тут не нужно для того, чтобы давать немцам успе-

хи. Беда в том, что подтянуть всю эту саранчу, объявить: «исполнение долга — или под суд, под расстрел!». Большое несчастье было смещение Николая Николаевича и личное командование Государя. При характере Государя, чуждого активности и воли, все «начальство» погружается в бездействие, которое так приятно и выгодно для генералов и всех командующих. Государь не может подтянуть «фронт», а сидя там — лишаешься возможности следить за «тылом», за тем, как его заморачивают бестолковые распоряжения по всяким «регуляциям» продовольствия.

Архиепископ Никон сказал, что он не впервые слышит от военных об этих «двух годиках». Они, стало быть, так уже и отвели себе побольше времени блаженства. Но ведь Россия не выдержит еще двух лет истощения!

Пришел домой, и в газете вижу — в Казенной палате рассуждают, как взыскивать подоходный налог. Сами предвидят, что по сложности правил мы, публика, будем путать, и за это нас будут штрафовать. Тошно. Не налог даже страшен, а именно то, что эти ослы будут мучить по поводу этого. Да и деньги пойдут другим ослам, которые не умеют делать России ничего полезного. Ну просто сбежал бы куда-нибудь за границу, если бы эти «заграницы» существовали.

Отдавали ботинки в починку солдатам. Там говорят, что недавно призванных ратников — четыре роты (части?) — распустили по домам. Что это значит? Солдаты выводят, что значит мир будет: «Заключат потихоньку, так что и не заметишь»... Какие выражения! Вот как нынче разговаривают.

20 ноября

Коле отправили штиблеты и подарки. Получено его письмо бабушке.

В Госуд[арственной] думе — шумные намеки на какое-то «зло», а какое — неизвестно. Один оратор заявляет: «Нужно, чтобы не было никаких Андрониковых, Мардариев [?], Варнав»... Допустим. Но ведь эта тля не есть коренное зло. Так коренное зло и осталось неизвестным. Почему? Если он не знает его, то почему же он знает, что оно есть? Если знает, то почему не называет?

В публике называют это таинственное зло, и даже уверяют, что оно названо в речи Милюкова (которую не позволено напечатать) [385]. По рукам ходит эта речь, напечатанная нелегально. Но я ее не видал, да если бы увидел, то где же ручательство, что это действительно речь Милюкова, а не подделка?

Впрочем, это только первое заседание Думы, и возможно, что она еще reviendra à ses moutons...* Во всяком случае, и речь Пуришкевича составляет[386] страшный обвинительный акт против правительства, и значение его ослабляется только тем, что правительство постоянно меняется, так что Трепов может справедливо сказать, что это к нему не относится. В сущности, на легальной почве Думе почти ничего и невозможно делать. Ясно, что нужна не критика сменяющихся, никуда не годных правителей, а назначение годного и притом прочного. Другими словами, нужно требование какого-то (имя рек) Наместника. Но такое требование было бы актом революционным, ибо на него (даже в смысле самого скромного ходатайства) закон Гос[ударственной] думы не дает права.

Положение буквально безвыходное, а между тем происходит такое историческое событие, в котором стоит на карте существование России.

21 ноября

Сегодня опять слухи о том, будто бы Государь приедет сюда 25 ноября. Это было бы для меня большим неудобством, так как 25 я должен ехать в Москву. 24 — Колины именины, упустить неловко. А 1 ноября я обязан платить в Москве за квартиру, да еще сначала оттискать хозяина. А не заплатишь — могут быть неприятности.

Значит мне уже обязательно 25–26 быть в Москве.

Одна моя надежда, что авось это слухи ложные. В сущности, зачем бы ехать Государю? Совершенно не время. Все идет плохо, все недовольны, всюду разливаются самые антиправительственные слухи. Зачем ехать?

А слухи — прямо нестерпимые. Они, конечно, касаются не Государя, а Его Супруги: будто бы именно **Она** настаивает на сепаратном мире. Но все равно — нехорошо. Болтают, будто жена Фридерикса[387] находится в постоянной переписке с Германией. Болтают, будто сепаратного мира хотят Григорий Распутин и Питирим. Словом — выдвигают все непопулярные имена. Все эти слухи опираются на думские речи, недозволенные к печати, и вообще на якобы известия из Думы. Настроение публики (и народа) самое вообще скверное. Рассеять его и просветлить можно только радостными фактами, а не какими бы то ни было словами.

Сегодня, кстати, известия из Румынии и Трансильвании чуточку получше. Наши войска подошли к Бухаресту и помогли несколько отбросить армию Макензена. Но этого еще очень мало, и завтра же могут быть известия об успехах Макензена.

* Вернется к своим баранам *(франц.)*.

22 ноября

Завтра св. Митрофана Воронежского[388] — мой второй патрон. Значит, вроде, именин.

И к «именинам» — очень приятный «подарок»: выпал зуб, который мне не давал возможности жевать и отравлял последнее время мое существование. Осталось еще достаточно зубов — которые ноют, но этот особенно беспокоил. Вот уже истинно — слава Богу.

Я теперь читаю Deschamps'a — Les societes secretes[389], о влиянии франк-масонов на политику XIX века. Правду сказать, страшно делается. Очень похоже, что и мы в их руках. Как изумительно, что никто в России не читает этих книг, не подозревает о их существовании. Старые[книги] Бутми[390] и других антисемитов слишком грубы, и их развитой человек, особенно несколько либеральный, может только отшвырнуть. Но вот бы Deschamps'a стоило перевести на русский язык.

Жаль, что я не знаю книги Деласю[391]. Остальные — вроде Дасте[392] — слабы. Копен Альбанселли слишком гипотетичен. Вот еще аббат Барбье[393] очень серьезен, очень фактичен.

23 ноября

Сегодня были с Катей у вечерни в приходе. Завтра — св[ятой] великом[ученицы] Екатерины.

24 ноября

Св[ятой] великом[ученицы] Екатерины, Катин день Ангела. Слава Богу, день прошел в тишине и «безбедно». Катя была у обедни. Вечером было немножко и гостей — Скворцова и Александровы[394]. Анатолий Александрович даже поднес Кате хорошенькое поздравительное четверостишие.

25 ноября

Я приехал в Москву. Вечером был у меня Бекин, и рассказывал, что купил в Замоскворечье дом, который дает доходу 20 000 р. Дом, конечно, заложенный. Но он считает, что купил выгодно. Думаю, что недорого.

Он вышел из общества «За Россию», которое стало получать субсидию от правительства. Вышел он из [«]Союза 17 окт[ября»]. Все ж то очень умно. Сообщил, что депутаты в Гос[ударственной] думе разумеют под изменой то же самое, что и народ. Ну это, правду сказать, прямо ужасно по возможным последствиям. Как можно довести себя до возможности таких подозрений!

На поезде прочел телеграмму, что Бухарест взят немцами. Это ужас! Выдали Румынию, как выдали Сербию и в десять раз хуже.

26 ноября

Вот несчастье! По телефону сообщает (Надя), что Катя — больна: понос и рвота! Что такое?

...Позвонила Надя сказала, что ей лучше. Вечером познакомился с очень интеллигентным офицером, Вас[илием] Никол[аевичем] Никольским, — у Бекина, к которому ходил спросить о правилах подоходного налога. Но он и сам не понимает применения правил, и думает, что еще разошлют разъяснения.

27 ноября

Был у обедни в своем приходе. Давно уже не бывал! А приход наш очень симпатичен. Разумеется о. диакон, Алексей Николаевич, увидав меня — немедленно заявил, что явится взыскать с меня в пользу больницы обычную пятирублевку. «Милости просим», говорю. Ну, разумеется, пришел; заплатил, поболтали. А вечером был я у о. Фуделя...

Ну вот — я, захолустный человек, вижу понемногу московских обывателей. Что же? То же недовольство и негодование, что в нашем захолустье. Между прочим, оказывается, что Милюков в своей речи действительно цитировал имя Императрицы — <u>в виде выдержки из немецкой газеты</u>.

В этом странность. Как могла немецкая газета вредить Германии, открывая русским это имя? Это объяснимо разве предположением, что статья внушена со стороны Pouvoir occulte*, которой на немецкие интересы наплевать, а важно подлить масла в огонь русской революции. И подлили основательно! Все горит с треском и огненными брызгами. Не понимаю, что будет в России.

Мы, вероятно, представляем некоторую игрушку в руках той же <u>Pouvoir occulte</u>, которая работала во Франции при Людовике XVI. Но это не мешает признанию крайней нетактичности действий и самих Высоких особ. Утверждают, что Императрица присутствует на военных советах Верховного главнокомандующего[395]. Зачем? На какой предмет? Для возбуждения подозрений что ли? Утверждают, что, кажется, 11 ноября должен был быть военный совет с участием В[еликого] к[нязя] Николая Николаевича. Императрица будто бы хотела также ехать в Ставку, и ей помешали только искусственно, именно сослались на крайнюю загроможденность дороги и подали ей поезд только 11 числа, так что она опоздала на Совет. Все это <u>рассказы</u>. Но понятно, какое действие они производят. Всех рассказов не упишешь. Они доходят даже до сообщения материально невозможных вещей и рисуют только <u>психологию</u> не общества, а я скажу — <u>насе-</u>

---

* Скрытой силы (*франц.*).

ления России, ибо и народные низы ими пропитаны. И все на тему об измене.

Теперь в газетах еще сведения о каком-то предстоящем приеме Государем членов Гос[ударственного] Совета и Гос[ударственной] думы. Что им скажет Государь? И что они ему скажут? Это будет какой-то решительный пункт Истории. Ломаю голову и не могу себе представить, что мог бы сказать Государь такого, что было бы способно восстановить доверие и успокоить нервы.

В числе рассказов есть также один весьма замысловат: будто бы существовало трио министров, ведших к тому, чтобы армия наша отступила (при Николае Николаевиче), и это именно Сухомлинов, Н. Маклаков и И. Г. Щегловитов. Для чего это было нужно? Для того, говорят, чтобы заставить нас заключить мир. Точно такого же рода изменником называют — Штюрмера. Но для чего же им это? На это отвечают, что падение Германии считается невыгодным для монархических интересов России. Ведь как все подводится прямо против Верховной Власти. Говорят даже, что генер[ал] Сухомлинов уже освобожден по личному приказанию Императора, и будто бы именно вследствие этого Хвостов (бывший министр юстиции) подал в отставку, не желая брать на себя ответственности за подобный факт. Повторяю — все подводится под самую Верховную Власть, и еще никогда — ни в одной стране (кроме разве Людовика XVI) не подрывалось до такой степени доверие к личности Самого Монарха... И вот потому-то трудно себе представить, что может сказать Государь членам [Государственного] Совета и Думы, способного всех успокоить. Тут нужны не слова, а громкие факты. А по части фактов у нас только и есть то, что мы прямо сказать погубили Румынию и разрушили всю пользу, которую могло принести ее выступление против Германии...

Положение истинно ужасное, умопомрачительное, погибельное.

28 ноября

Был у Кожевникова. О нем говорили, будто бы он «тает с каждым днем». Я этого не заметил, и наружность его скорее лучше, чем прежде. Впрочем, и врачи разного мнения, одни говорят, будто бы у него рак, другие это отрицают.

Влад[имир] Александрович доволен успехом своей книги «Буддизм в сравнении с христианством». Имеет кучу похвальных писем, — от Н. Глубоковского[396], Муретова, Глаголева, И. В. Попова, Флоренского, Васнецова, не говоря о множестве людей меньшего калибра. Книга (два тома) действительно выдающаяся. Я ее теперь читаю.

29 ноября

Послано 13 р. Коле (подарок к именинам), и 3 руб. Лаврентию.

Сегодня в [«]Русск[ом] слове[»] напечатана речь Милюкова (1 ноября) и прочие непроизнесенные тогда речи Гос[ударственной] думы. При всей резкости речи Милюкова, нельзя, однако, найти в ней (она все-таки с пропусками) такого места, где он мог бы упоминать об Императрице — о чем кричат все. Кричат, будто Милюков упоминал о ней. Но положительно нельзя даже представить, в каком же месте речи это могло быть! Еще о Распутине — можно предположить в некоторых беглых пропущенных строках, но о ней — нет. Я начинаю думать, что это выдумка, и что Милюков совсем ее не называл. Говорил он о разных дамах, но таких, которые были за границей.

Вообще, получается странное впечатление. Все фразы кричат о Штюрмере и о Протопопове. Ну ладно! Теперь нет ни того, ни другого. Значит — все обошлось благополучно? Нет, этого не находят. В чем же беда? Где еще «измена»? Никаких намеков, ничего неизвестно. Это совершенно не то, о чем кричит вся публика, ссылаясь на Думу и особенно на Милюкова.

Непонятно также, за каких высоких лиц, оскорбляемых Думою, — Марков 2[-й][397] оскорбил Думу в лице председателя. Неужто же за Штюрмера? Это было бы слишком нелепо. Читаешь эти речи — и решительно ничего не понимаешь. Или речи опять совершенно искажены, или публика живет в фантасмагориях. Туман кругом. Ужасно нелепое и страшное время, и нельзя сомневаться, что нас водит по трущобам тот же бес, который привел в состояние невменяемости предреволюционную Францию XVIII века.

Сегодня в той же газете сообщается, что в дек[абре] Государь примет членов Гос[ударственного] Сов[ета] и Гос[ударственной] думы, и что последние уже совещаются — что им говорить в случае, если будут иметь место разговоры. Замечательно, что Марков 2[-й] себя уничтожил из-за глупейшей выходки, — как раз перед таким моментом, когда его присутствие могло бы получить гораздо более важное значение. Все оказывается одно к одному.

30 ноября

Был у Сидорова, и наконец дошел до правды в отношении речи Милюкова. У него была лишь такая цитата из [«]Neue Freie Presse[»]: «Штюрмер, Распутин, Манасевич-Мануйлов[398], Андроников — вот партия молодой царицы». Это, конечно, достаточно прискорбная фраза, но во всяком случае, ни о каких «изменах» или «германофильстве» ничего не было. Значит, рассеиваемые в публике слухи, сознательные выдумки подстрекателей революции. Величайшее несчастье — эта клеветническая тактика, которая имеет такой страшный успех. Немудрено, что Марков 2[-й] взбеленился до такого самозабвения.

Еще узнал весьма неутешительную вещь. Генерал Алексеев, оказывается, заболел, и его место занимает Гурко[399]. Значит опытные и талантливые генералы — Рузский, Брусилов — ничего не могут сделать без Гурко, который ничем себя не заявил, кроме того, что он сын своего отца.

Зайончковский в Добрудже тоже отозван, и это не беда, но на его место послан тоже сын знаменитого отца — Драгомиров[400], ничем себя не зарекомендовавший. Но замечательно, что решительно никто не знает, куда девался генерал Корнилов. По-видимому, остается без улучшений.

Румынский же фронт подчинен Брусилову... когда дело уже испорчено.

1 декабря

Сегодня я виделся с управляющим нашим домом — Дубовицким, и 1) уплатил за квартиру, 2) заключил (т. е. условился заключить) контракт и на следующий год (по 1 авг[уста] 1918 г.). Заключить контракт должен в понедельник. Это очень тяжко для моего кармана, но куда деваться? Без большой подготовки нельзя перебраться даже в Посад.

Вечером был кн. Шихматов. Он категорически отвергает все слухи об Императрице, т. е. говорит, что она не стремится к миру и не любит немцев (ее симпатии — английские). Он считает неизбежным — парламентаризм, если не полное ниспровержение: за левыми партиями ухаживает В[еликий] к[нязь] Николай Михайлович[401], проявляющий самые радикальные мысли, наш Филипп Эгалите[402]. Это любимец левых. Положение крайне мрачное, и Государь весьма удручен. Да и есть от чего. Поистине несчастнейший из Монархов.

Главный предмет, озабочивающий теперь князя, по самым служебным обязанностям — это выработка desiderata* России в отношении Святых мест по окончании войны. Кое-какие соображения по этому предмету он уже выработал, и мне их должен прислать, ибо и меня предполагает вызвать на имеющие быть по этому вопросу совещания.

4 декабря

Эти дни все готовил квартирный контракт, но, наверное, Дубовицкий не исполнит своего обещания прийти завтра для заключения его. Очень уж он деловой и рыщет по городу и даже вне Москвы.

Сегодня получил от Мих[аила] Петровича Степанова те соображения о Святых местах, о которых говорил князь. Мудреная штука...

* Притязания *(франц.)*.

Заклеиваю (из № 279 [«]Русского слова[»]) резолюцию XII съезда соединенного дворянства. Правая группа съезда составила особую резолюцию, из которой, однако, в газете приведены лишь клочки*.

Резолюция съезда

«12-й съезд Объединенных дворянских обществ, искони преданных своим Самодержцам, с великой скорбью усматривает, что в переживаемый Россией грозный исторический час, когда для крепости и единства государства является особенно важным монархическое начало, эта вековая основа государства претерпевает колебания в своих собственных устоях. В государственное управление внедряются чуждые законной власти безответственные темные силы. Силы эти подчиняют влияниям верхи власти и посягают даже на управление церковное. Достойнейшие святители церкви смущены происходящим на глазах у всех соблазном. Церковь, хранительница Христовой правды, не слышит свободного голоса своих епископов и видит их угнетенными. Необходимо обеспечить церкви установленное канонами внутреннее управление.

Не менее потрясено и гражданское управление страны. Подверженное тем же пагубным влияниям, оно, кроме того, не обладает необходимой сплоченностью, единством мысли и воли, и не пользуется доверием народа.

Такое положение, пагубное во всякое время, особенно гибельно в годину мировой разрухи, — оно породило разруху во всех отраслях народной жизни.

Необходимо решительно устранить влияние темных сил на дела государственные.

Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, однако ответственное только перед Монархом. Оно должно быть вооружено, в лице председателя Совета министров, полнотой власти и сплочено единством общей программы.

Только такое правительство может довести войну до полной победы, без которой народная мысль не допускает мира».

По моему мнению, эта резолюция дворянского съезда производит гораздо более сильное впечатление, чем соответственные заявления Гос[ударственной] думы и Госуд[арственного] Совета. Страшно подумать, из-за какой ничтожной и гнусной личности поднимаются все эти черные тучи над Монархией. Ведь собственно, что это за «темные силы»? В основе всего только Григорий Распутин. Тут, которые около

* Вклеена вырезка из газеты. Все подчеркивания в тексте газетной заметки сделаны Тихомировым.

него налипают, — мелочь и не важны. И вот только из-за этого ничтожного и гнусного человека потрясаются самые основы Монархии. Беспримерно в Истории. Готовы жертвовать Штюрмерами, Курловыми[403], кем угодно, но Григорий, от которого и идет гибель, остается незыблем. Нечто роковое и мистическое.

5 дек[абря]

Газетное (придворное) известие — что Государь с Наследником отбыл к действующей армии. Значит никаких объяснений с членами законодательных учреждений не будет. Это вполне благоразумно. Что может им сказать Государь? Ничего. Значит, кроме лишних неприятностей и, может быть, скандалов, ничего не могло бы получиться.

Теперь успокаивающее действие могло бы иметь одно — победа. Но ничего подобного, говорят, даже не может быть по недостатку дальнобойной артиллерии. Значит положение наше — безвыходно. А в народе назревают самые бесшабашные бунтовские инстинкты, и грозят реками крови. Мы находимся в положении рыбачьей лодки, попавшей в водоворот Мальштрома: медленное опускание к горлу страшной воронки, которая должна нас поглотить.

Интересно знать: видит ли это положение Государь и на что он надеется? Или ни на что, и просто пассивно идет к роковому исходу? Эта несчастная война не создала даже ни одного популярного генерала, который бы мог вытащить Россию из пропасти. Кажется, общенародный психоз может разрешиться только в кровавом безумии. А впрочем, на все Воля Божия, которая властна спасти и каждого из нас, и Россию, и самого Царя: нужно только не прогневлять Его или исправиться в своих грехах.

* * *

Сегодня я заключил новый договор на эту же квартиру — с 1 июня 1917 г. по 1 августа 1918 г. Договор заключал доверенный Д. И. Соколова, Николай Алексеевич Дубовицкий; его доверенность явлена у нотариуса Казакова, в 1916 г. № по реестру 7787 (Леонид Платон[ович] Казаков, Контора Варварка. Средн[ие] торг[овые] ряды, телефон 15–96). Условия остались прежние. Следовательно, квартира в общем законтрактована на 21 месяц. Проживешь ли столько?

7 декабря

Вчера я уехал в Посад, а сегодня возвратился. Ездил взять бумаги, которые нужно будет представить в Гос[ударственный] банк.

Возвратившись сюда, застал очень скверную историю. Дом не топлен, п[отому] ч[то] не нефти, не дров. Управляющий Дубовицкий, не приняв никаких мер, уехал на фабрику в Калужскую губ[ернию].

Хозяин же дома не входит ни в какие сношения ни с жильцами, ни с дворником и швейцаром.

Не знаю, что из этого выйдет. Скандал отчаянный.

9 дек[абря]

Вчера был по приглашению у Новоселова, где были: Рачинский, Булгаков, отец и сын[404] Мансуровы, Трубецкой[405], инспектор Академии о. Иларион[406], Сергей Самарин, еще кто-то, сам Новоселов, конечно. Рассуждали по поводу статьи о. Павла Флоренского «Около Хомякова». Статья довольно предосудительная и вдобавок слабая[407]. Она бросает на о. Флоренского очень странный свет. Я ушел раньше всех [...] и был дома только в начале второго часа ночи.

Сегодня к Маме заходил Новороссийский городской голова Полунов [?], прибывший в Москву на съезд Городских управлений. Но этот съезд не разрешен. Потом, вечером, я спрашивал Сидорова, разве разрешили съезд? Оказывается, что нет, и что Головы попытались действовать «захватным правом». Однако же полиция сегодня разогнала собравшихся. Интересно знать, кончится ли этим, или головы найдут себе какую-нибудь «Jeu de pommes»* и начнут свои совещания? Я думаю, что для вожаков вовсе не нужны совещания о продовольственном деле, а требуется только послать какую-нибудь телеграмму оппозиционного характера, постановить какие-нибудь «резолюции» о «темной силе», о «министерстве народного доверия» и т. п. Для этого достаточно двух-трех часов, а потом можно без ущерба разъехаться «уступая насилию».

Да, революция назревает и надвигается. Теперь ее проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне. Кто тут останется в живых, один Господь ведает. Но можно весьма думать, что сама виновница зла, «темная сила», в лице Гришки Распутина, благополучно удерет в критический момент куда-нибудь за границу.

11 декабря

Ну кажется, мы идем на дно Мальштрома. Внутри все более заваривается каша. Земский и городской съезды хотели собраться «захватным порядком». Полиция успела разогнать городских голов, но земцы, пока полиция составляла протокол по поводу незаконного сборища, успели составить и подписать резолюцию, а речь Львова[408], хотя и не произнесенная, напечатана... Это — большое столкнове-

* Аллюзия на события Французской революции, когда разогнанные депутаты Генеральных штатов собрались в Зале для игры в мяч (jeu de pommes) для продолжения своей деятельности.

ние, прямой переход на противозаконную почву! По слухам, Трепов уходит, и на его место назначается Протопопов!

Так дело стоит внутри. А извне — Вильсон[409] выступает с посредничеством, предлагая высказаться по условиям мира. По слухам, Германия готова всем все уступить, кроме России, у которой отбирают Польшу, Литву, Курляндию, вообще делают Россию козлом отпущения. Словом — перед нами какая-то мрачная бездна. Уж не решил ли Pouvoir occulte* разгромить Россию и захватить ее своими 5 миллионами евреев? Возможно. Теперь вопрос: выдадут ли нас «союзники»? Я, правду сказать, мало верю даже Франции, а уж тем паче Англии и Италии.

А на войне — немцы бьют нас и в Румынии, и в Добрудже.

Какое ужасное царствование! И ниоткуда ни одного проблеска света, ниоткуда ни искры надежды, потому что все эти общественные протезы способны только ослаблять, но не могут создать силы, которая могла бы взять Россию в руки. Да уже, пожалуй, и поздно что-нибудь поправлять. Уже не хватит силы.

Господь покидает нас.

12 декабря

Madame Мичурина (Иранда Матвеевна) сообщила по телефону, что они с дочерью (не спросил, был ли сын) были в Петрограде, и через Писаревых вызвонили к себе Колю. Он был у них, даже, кажется, два раза. Вид имеет, говорит, здоровый, свежий, и смотрит бодро, хотя «выправки» нет: сутуловатый; как был. Рассказывал, что в марте месяце думает держать на подпоручика при инженерном училище, и надеется выдержать. Дай-то Бог!... Это было бы так хорошо, что даже не верится.

Но, думаю, — это очень хорошо, что он повидался с Мичуриными.

Сегодня ко мне заходил Киселев, Мих[аил] Гавр[илович], и занес резолюцию земского съезда и речь кн. Львова (несказанную). Чепуха все это, напрасно съезжались, если запрещено. Какая польза от скандалов? Только лишнее шатание умов. Киселев, очевидно, под влиянием своей среды, говорит: «А что же делать? Ведь положение ужасно»... Я ему отвечаю: «Что же делать? Ничего не делать. Ничего изменить не можете, значит ничего и не нужно делать». И резолюция и речь — простая революционная болтовня. А сколько было съезжено. Отвечает — человек 60. Вот она великая земская сила... Все ерунда кадетская!

---

* Скрытая сила (*франц.*).

13 дек[абря]

Послал Коле (на адрес Маруси) 20 руб[лей] декабрьского содержания.

14 дек[абря]

Получено письмо от Коли, от 8-го дек[абря], очень хорошее. 3 дек[абря] у них был экзамен роты молод[ых] солдат, сошел благополучно, 8 дек[абря] было распределение по специальным ротам и Коля назначен в телеграфно-телефонную. Помещается она в самом здании Офиц[ерской] школы близ Писаревых. Он здоров и очень весел, что и понятно. Благодарение Богу.

Эта Телефонно-телеграфная рота — есть Вторая рота батальона.

Коля описывает батальонный праздник, бывший 6 декабря. Очень мило и интересно было. Коля несколько удивлен приличием солдатской публики. Это от его незнакомства с народом. Очень полезна для него солдатская служба, и даже несколько жаль, что она непродолжительна. Впрочем, конечно, избави Бог ей продолжиться. Другие, слишком важные причины заставляют желать, чтобы он возможно скорее выдержал экзамен на подпоручика* и идти на настоящую службу.

15 дек[абря]

Послано Лаврентию письмо и три рубля к Празднику.

Я — не понимаю где — простудился, так что в субботу нельзя ехать в Посад.

Шабельский 15 декабря перебрался во флигель. Приятно, что двор не безлюден, но все жильцы до сих пор нам делали массу неприятностей. Что сделает Шабельский?

16 декабря

Я окончательно решил, что не могу завтра ехать в Посад. Значит, можно только в понедельник, если Богу будет угодно.

Газеты принесли известие о прекращении дела Манасевича-Мануйлова, по какому-то «распоряжению», о котором министр юстиции был уведомлен поздно ночью накануне заседания суда по этому делу. Ясно, что это Высочайшее распоряжение. Газета («Русское слово») сообщает, что министр (Алек[сандр] Алек[сандрович] Макаров) хочет уходить в отставку... Хватит ли характера? У Хвостова хватило.

Министр известил суд о прекращении дела. Но суд не рассудил объявить это, а предпочел придраться к разным обстоятельствам, чтобы отложить слушание. О прекращении дела, говорят, будет объявлено особо, помимо суда. Суд, я думаю, не объявил потому, что бо-

---

* Далее зачеркнуто несколько слов.

ялся каких-нибудь демонстраций, да и вообще его положение весьма щекотливое. Ведь суд должен был объявить по чьему распоряжению и на каких законных основаниях дело прекращено? Если это распоряжение формально мин[истра] юстиции, то заинтересованные (там были гражданские истцы) могли подать жалобу — окончательный скандал. Посему суд поступил премудро, устранив себя от всяких обвинений.

Кстати сказать, гражданский иск, между прочим, представляет* мой Овчинников.

Но истинно огорчительно все это.

Манасевича-Мануйлова газеты пронесли, как величайшего мошенника и шантажника, приводили подробно факты. Если бы суд, разобравши дело, обелил его — это другое дело.

Но прекратить в самый день судебного разбирательства — это умопомрачительно.

Почему не прекратить хоть за день, за два раньше? Суд мог хоть снять дело с повестки. Прямо будто нарочно для возможно большего размаха скандала.

А впрочем, в конце концов, я допускаю, что, может быть, дело Манасевича не прекращено уже, а что имеются лишь намерения прекратить, ввиду чего суд и принял решение — оттянуть, пока выяснится, — примут ли решение прекратить дело или рассудят, что не стоит этого делать. Ведь в конце-концов можно даже попытаться оправдать. Конечно, не Макарову такие дела обделывать, а Щегловитов, пожалуй, мог бы.

Ну а если «распоряжение» не принято? Что сказать о газетах, которые распространяют неверный слух, относящийся явно к Государю? Как это юридически квалифицируется?

Но у нас нынче истинная анархия, океан мути болотной. И это во время войны и «военного положения».

Полное безлюдье. Эти земцы и городские головы не имеют ни искры государственного чутья и склада ума. Они ничего не понимают кроме оппозиции, агитации, революции. Организующей мысли нет ни на один грош. И все это ведет нас к гибели, не к либеральному устройству, а к гибели.

17 дек[абря]

Вечер. Сейчас узнал по телефону, что Гришка Распутин **убит**. Подробности разноречивы. Известие напечатано в вечерних [«]Биржевых ведомостях[»] и имеется во всех редакциях. Завтра будет в нынешних

* Далее зачеркнуто одно слово.

газетах. По слухам убит, или найден убитым в 6 часов утра. Слухи называют убийцей молодого кн. Юсупова.

Известие, можно сказать, феноменальное, и даже не верится, чтобы такой воплощенный Сатана мог быть убитым, хотя, с другой стороны, удивительно, что его до сих пор никто не убил.

Завтра, 18 дек[абря], собираемся все переезжать в посад на Праздники.

10 час. 30м. ночи.

Сидоров сейчас получил по телефону из Петрограда от Нач[альника] глав[ного] упр[авления]: «Распространяются слухи о том, что Григорий Распутин убит. По сведениям Главного Управления этот слух неверен, а посему воспрещается сообщать о нем в печати»...

Итак: 1) в газетах ничего не будет, 2) мы остаемся в полной неизвестности, жив ли Гришка, и даже было ли на него какое-нибудь покушение.

Главное управление не говорит категорически о неверности факта, а с дипломатической оговоркой «по сведениям». Какое мерзкое положение печати, что даже простого факта нельзя узнать. Но неужто начальство решится совсем «замолчать» факт, если Гришка действительно умер?

Здешние слухи (не одни газетные, а и от частных лиц) гласили, что Гришка найден не то около дома Юсуповых, не то в доме их, и что он — одни говорят отравлен, другие — убит четырьмя пулями. Это, конечно и не ясно, и причудливо. Во всяком случае, убийство приписывалось молодому князю Феликсу Юсупову (т. е. мужу В[ел.] к[н.] Ирины Александровны[410]). Без сомнения такая высокопоставленность его делает довольно затруднительной публикацию происшествия. Но, с другой стороны, молчание газет послужит только распространению устных легенд.

В результате — жив ли этот Гришка, или отправлен в Ад, — он делается опять новым поводом для скандальных и компрометирующих толков.

Это какое-то орудие гибели.

(Записано 3 янв[аря] 1917 г.)

18 дек[абря]

Я, Вера и Мама (бабушка) приехали в Посад для встречи Праздников. 18 же дек[абря] подписан контракт с тюрем[ным] вед[омством] на квартиру Шабельскому.

19 дек[абря]

Рассчитался с Соф[ьей] Ив[ановной] Быковской за лечение зубов. Был с Надей в Городс[ком] упр[авлении], взяли листки по подоходному налогу.

20 дек[абря]

Сданы в Казначейство сведения о подоходном налоге (о числе имеющих доход), и в Управу о квартирном налоге. Был у Преподобного.

21 дек[абря]

Поздрав[ительные] письма Арсению Новгородскому и митр[ополиту] Владимиру Киевскому. Сильный мороз — 16°.

22 дек[абря]

Мороз — 18°.

24 дек[абря]

Мороз стал до — 4°. Был у всенощной в приходе. Рождество встретили семейно.

25 дек[абря]

Получено письмо Коли от 22 дек[абря]. Он — во 2[-й] роте (унтерофицерской) на Инженерной улице д. 6.

Был с визитами у Шабельского, Введенского и арх[иепископа] Никона.

26 дек[абря]

Был у обедни в Троицком соборе. Был у о Ионафана. У нас были оба Введенские и Скворцова с дочерью.

29 дек[абря]

Надя и Вера уехали в Зосимову Пустынь.

30 дек[абря]

Надя и Вера возвратились. Я был у Преподобного и у епископа Федора.

31 дек[абря] был у всенощной в Гимназической церкви. Новый год встретили семейно, из напитков была бутылка ситро и чай.

* * *

Из «животрепещущих тем» общих разговоров — все, конечно, поглотило убийство Григория Распутина[411]. Газеты («Русск[ое] слово», «Русск[ие] вед[омости]»[412], «Утро России») три дня были полны описаний, за что потом поплатились штрафами и смолкли. Да и пора

было, ибо договорились до Великих князей. Частные разговоры были еще более обильны разными слухами. Должно сказать, что вообще убийство Распутина возбуждало решительно всеобщую радость. Я не видал еще никогда, чтобы убийство, во всяком случае, дело трагическое, возбуждало такую радость и — прямо сказать — сочувствие.

Из других событий порадовало было наступление армии Радко-Дмитриева. Но недолго было торжество его, скоро операции остановились, и радость сменилась прежним скептицизмом в отношении победы над немцами.

* * *

Дневник Л. Тихомирова с 1 января 1917 года

3 января

Сегодня я с Верой возвратился из Посада в Москву. Первые дни Нового года ничем не были отмечены. В самый день Нового года был у нас Вас[илий] Вас[ильевич] Шабельский, а вечером — оба Александрова, что со стороны Анатолия Александровича при его больной ноге — большой подвиг, за который я ему сердечно признателен.

2 января к нам приехала Мария Дмитриевна Носкова (она приехала из Орла в Москву навестить больную Адель). Она ночевала у них и мы ее оставили в Посаде не знаю на сколько времени.

Здесь нашел всего поздравительные карточки от Преображенского и письмо П. С. Боброва[413]. Если прибавить посадские поздравления Соковниной, да еще Ермолаева, то это и весь мой багаж поздравлений. Это рисует, до какой абсолютной степени я забыт всеми сотнями и даже тысячами знакомых.

Зато нашел здесь счет Электрического общества — требование об уплате 18 рублей за якобы неуплаченные счета* на Петровке в доме Самарина и на Старой Басманной; значит минимум за 4 и 2 года назад, с угрозой, что если я не уплачу до 29 декабря, то юрисконсульт Общества будет взыскивать судебным порядком. Я же приехал лишь сегодня, 3 января! Отравляют мою жизнь этими пакостями. Я не понимаю, как могло быть не уплачено.

4 января

Рассмотревшись в квитанциях, и переговоривши по телефону с Электр[ическим] общ[еством], убедился, что они правы, и обещал им прислать деньги с «гонцом». Но «гонец» надул. Обещал прислать человека, и не прислал. У них тоже крайний недостаток рабочих.

5 янв[аря]

Сочельник. Крещение. Приходил «гонец» — девчонка лет 16. Нет нынче рабочих. Но все равно — послал деньги и за телефон — 73 р. 75 к., и в «Элект[рическое] освещ[ение]» 18 р. 56 [к.], да еще «гонцу» уплатил 1 р. 50 к. Благодетельное учреждение этот гонец.

---

* Далее зачеркнуто — «1913 года».

Я получил два ответа на мои поздравления: от митрополита Владимира и от архиепископа Арсения Новгородского, Последний пишет: «Если судить о будущем по-настоящему, то едва ли, согласно с великим апостолом Павлом[414], мы можем радоваться упованиями»... Еще бы! Какие тут «упования»! Кроме пакостей ничего нельзя ожидать.

Между прочим опять новый министр военный — какой-то Беляев[415]. Шуваев отпущен. Частные известия говорят, что жители Одессы находятся в тревоге. Немцы, действительно, все ближе приближаются! Не нынче завтра могут быть в Бессарабии. Плохи наши дела.

В то время, когда я был в Посаде — я не захватил своего Дневника. Поэтому у меня остались на записанными толки о Распутине, а теперь уже не хочется записывать. В общем, эти толки, как отчасти и газетные сведения рисуют какую-то странную картину. Говорят, что в убийстве, кроме Феликса Юсупова младшего, участвовали два Великих князя, из которых называют Дмитрия Павловича[416]. Это, как известно, воспитанник В[еликой] к[нягини] Елизаветы Федоровны. Она была 30 ноября в Петрограде у сестры, и говорила с ней снова о Распутине, но Государыня будто бы заявила, что он святой человек, и чтобы больше не поднимать о нем разговора. В[еликая] к[нягиня] Елизавета Фед[оровна] будто бы 1 декабря возвратилась в Москву.

В газетах сообщалось, будто бы заговор против Распутина продолжался две недели, пока он не был убит 16 декабря.

В газетах же сообщалось, будто бы сестра В[еликого] к[нязя] Дмитрия Павловича получила обязательное место жительства в Киеве. А сам Дмитрий Павлович будто бы отправлен в Персию по частным толкам, а [«]Русское слово[»] напечатало о его проезде через Москву на Кавказ, за что газета была оштрафована.

Относительно тела Распутина в газетах было сказано, будто его отправили в Сибирь, в Покровское. Частные же слухи утверждают очень упорно, что тело увезено на автомобиле в Царское Село, и похоронено даже будто бы в Федоровском соборе. О церемонии же похорон даже и частные слухи ничего не говорят.

Что тут правда и неправда — не знаю, а только нельзя не пожалеть, что тело убитого вытащено из-под льда. Если бы оно было вынесено водой в Финский залив, то не возникло бы многих дальнейших соблазнов. Но видно уж такая Воля Божия.

6 янв[аря]. Крещение

Сегодня получил офиц[иальное] приглашение на совещание Палестинск[ого] общества. Отвечаю согласием, но уже написал Ширинскому и Писаревым — нельзя ли приискать в Петрограде комнату, ибо теперь где же ее найти?

Получил письмо от Коли от 1 января.

7 января

Тихон извещает о получении отпуска с 9 янв[аря]. Вероятно, 10 приедет. А Катя что-то расхворалась, и вряд ли может перепутать. Между тем у них Маня ушла (будто бы по болезни матери), а здесь пришли Маме (бабушке) деньги, которых нельзя было без нее получить. Мы назначили почте срок — 15 янв[аря]. Ну как же тут быть? Ее перевозить? Как? Вера экзамен держит. Надя? Значит Катю одну бросить... Какой неприятный переплет усложнений. Вот она — наша жизнь человеческая... А Катя стала что-то очень часто хворать, и очень ослабла... Тяжелые мысли. Она что-то и духовно как бы созревает, стала тиха, кротка, хладнокровна к бедствиям и неудачам. О, Господи, сохрани ее все-таки для нас, для детей. Она еще нужна им.

Да, вот теперь на совещании в Петрограде говорят иногда о политике... я вожусь со своим «сочинением»... А какие тут совещания да сочинения! Жизнь-то вот уже при конце стоит. Эх-ма, а не хочется этого конца. Ой потерпи еще, Господи, грехам...

Тихон очень любит Катю, трогательно любит, как и она его. Ты это знаешь, Господи... Дай им радость безбедного свидания. Немного радости у Тихона, и он так мечтал об отпуске, так боялся его не получить. И Катя так ждала его...

Как-то сразу заволоклось каким-то туманом. Развей, Господи, дай луч светлого счастья.

8 января

В Москве рассказывают, будто бы по сведениям хорошо знающих местных жителей, что труп Григория Распутина похоронен в Федоровском государевом соборе (в Царском Селе) и притом в алтаре. Отпевал и хоронил известный епископ Исидор (Колоколов) [417]. Господи, сколько греха и скандала. Конца нет с этим Гришкой: вот и умер, а зло плодит как при жизни.

9 января

Был о. Иосиф и рассказывал, что одна знакомая барыня видела сегодня в Охотном Ряду толпу мальчишек с красными знаменами с надписью: «Долой войну, нет хлеба»... Вот мерзость, которой я даже не ожидал. Он говорит, что вчера ждали и вообще ждут забастовки, всеобщей... тоже будто бы на мотив «мира». Он этому не верит. Да, и конечно, это может быть только немецкой провокацией. Но как печально, что на это могут поддаваться, и особенно потому еще, что огромное большинство рабочих совсем не бедствует, и не сидит без хлеба.

А относительно Распутина, оказывается, что слухи разные. Говорят, что похоронен не в Соборе, а в саду, и что отпевал, может быть, и не Исидор... Другими словами, может быть, и все это неправда, и публика болтает сама не знает что.

В хронике [«]Русс[кого] слова[»] сегодня сообщается об аресте 33 рабочих в помещении рабочей группы Моск[овского] Военно-промышл[енного] комитета. Арестованы были вчера; сегодня 6 человек — члены комитета освобождены, а 27 чел[овек] осталось в участке «для выяснения личности». Очень странное происшествие.

10 января

Жду приезда Тихона. Между тем Маша говорит, что в Москве «бастуют», т. е. будто бы разбили магазин Чичкина, выливши все молоко, и будто бы то же безобразие по другим магазинам. Теперь 9 час[ов] утра. Спросил по телефону. Маруся Фудель говорит, что «в малом количестве» «какие-то малыши» ходят с флягами, а о магазинах не слыхала.

Ночь

Тихон не приехал. Что-то Бог даст завтра?

Относительно каких-либо беспорядков ничего больше не было слышно. Я сомневаюсь и относительно Чичкина, п[отому] ч[то] проходил днем мимо, и никаких следов какого-либо «разбития» не было: торговали как обычно. Но около булочных — хвосты очень длинные. С хлебом творится что-то неладное. Мука должна, по статистике, быть, а между тем ее, кажется, нет, и говорят, что хлеба не будет.

Когда министры меняются чуть не каждый месяц — какой может быть порядок?

Рассказывают (вероятно, враки, но рисует настроение), будто Государыня просит, чтобы Государь предоставил ей все внутреннее управление, а сам был при армии... Это выдумано, вероятно, для возбуждения народа, п[отому] ч[то] к Государыне относятся ужасно нехорошо, и такое про нее рассказывают, что страх берет. Обвиняют ее даже в сношениях с Вильгельмом.

По поводу Распутина говорят, что она надела траур и семью также нарядила в траур, исключая Ольги Николаевны[418], которая-де решительно отказалась. О Государе болтают, что он в Ставке отнесся к смерти Распутина очень безразлично, но прибыв в Царское Село, подпал настроению супруги. Вообще говорят, будто бы он безусловно под ее влиянием.

Катя пишет, что ей, слава Богу, не очень худо: это ее «прострел», но не очень сильный. Нашли они себе и прислугу — Аксюшу, сестру Павла. Временно... да теперь все временное.

11 января

Приехал утром Тихон (с Фомой). Отпустили до 27 января. Сегодня же был у зубного врача (Лавровой).

12 января

Тихон с Фомой уехали в Посад. Очень отрадно было повидаться, но беда в том, что он должен в Москве лечить зубы — все время, две недели; Катя же по болезни не может приехать в Москву. Да она, очевидно, боится и беспорядков, которые могут захватить ее неспособною к движению. Этот ее «прострел» — такая скверная болезнь, что она иногда не может повернуться с боку на бок на кровати. Заклеиваю ее письмо*...

Какое мерзкое время переживает Россия! Оставляя всякие преувеличения, — едва ли кто поручится, чтобы какая бы то ни было смута, была невозможна в любой день. Народ вообще находится в последней степени нервности и отчаяния в чем-либо хорошем. О победе пишут в газетах, но в нее, право, никто не верит. К правительству нет ни искры доверия, не говоря уже об уважении. Наконец не верят и друг в друга, каждый считая всех других мошенниками. Конечно, масса людей загребают деньги, но вряд ли многие доверяют прочности своих приобретений. Крайне гнусное время.

На фронте все скверно. Даже на речке Аа немцы оттеснили наших на 2—3 версты. Как бы и эта наша эфемерная победа не была ликвидирована. Вялости и бессистемности наших действий не могу понять. Какая «темная сила» держит нас в бездействии и дает немцам время усиливаться и нападать?

Брусилов говорил какому-то корреспонденту: «Я не пророк, но могу сказать, что в 1917 г. мы победим немцев»... Откуда такая зрящая болтовня у генерала, без сомнения, умного? Для чего они врут? Ведь все равно никто не верит, да и как можно верить, когда доказано фактами, что наша армия неспособна побеждать немцев. И разве можно победить жалкими разрозненными ударами, каждый раз давая немцам возможность концентрировать свои силы? Командование никуда не годится. Какая же может быть победа?

Позднейшая приписка

Это бессилие армии все время объясняли «темной силой», т. е., прямо изменой. Так, говорили, что план наступления в Румынии,

* Письма в тексте дневника не обнаружено.

подобно другим таким случаям, был выдан немцам. Слухи народные обвиняли в таких действиях императрицу. Это настолько невероятно, что я не верил в непосредственное ее участие в таких делах. Впоследствии, уже после переворота, [«]Время[»] сообщало слух, что каким-то офицерам стало документально известно, что в среде лиц, окружающих Императрицу, велись переговоры с Берлином об отступлении наших войск от Риги. Эти офицеры сообщили документы Родзянке, который, не сообщая Госуд[арственной] думе, сообщил Императору. В ответ на это воспоследовал Указ о роспуске Думы. С этого и началась история восстания.

[«]Время[»] оговаривается, впрочем, что это лишь слухи. Однако, казалось бы, можно было теперь узнать, наверное, от депутатов.

Конечно, при таких условиях, — если это правда — командование не может быть обвиняемо. Императрицу обвиняют и в худшем, но, конечно, немыслимо было разобраться. Если она была бессознательно в руках немцев, то и этого император не должен был допускать, ибо результат одинаков.

13 янв[аря]

Верочка поехала в Посад, чтобы завтра утром перевести сюда Маму.

14 янв[аря]

Вера приехала с Мамой в Москву.

У меня был опять прежний, давно не бывший припадок в глазу. Это м[ожет] б[ыть] по вине табака... Никак не заставлю себя бросить курить, хотя это глупо и позорно.

16 янв[аря]

Приехали в Москву Тихон с Колей. Я получил приглашение на совещание в Петроград на 19 января, причем проф[ессор] Дмитриевский предложил поместиться у него. Это высоко любезно, но я не могу поспеть к 19 янв[аря], и попытаюсь приехать 21 января. Известил об этом Ширинского, Дмитриевского, Марусю и Колю.

17 января

Ну не пришлось поехать в Петербург. Хватила сильная инфлюэнция.

Послал в Совещание извещение, что не могу приехать.

Это, конечно, для меня совершенно не важно. Обойдутся и без меня. Я, конечно, интересуюсь Палестиной, но знаю ее довольно поверхностно.

Жаль одно: не повидаюсь с моим Колей. А очень бы хотелось повидать его вообще и его служебную обстановку. Я по нему очень соскучился.

18 января

Как нарочно: Коля нашел для меня очень удобные меблированные комнаты, недалеко от своей казармы. Ну авось еще пригодится, если соберусь приехать специально к нему, повидать его.

А по письму Коли видно, что и ему хотелось бы повидать меня. Да и по энергическому* исканию для меня комнаты — тоже видно. Ему пришлось порядочно побегать, несмотря на то, что у них идут сильные занятия. Комната, по описанию, очень подходящая, и он ее берется снять заранее, чтобы я мог прямо с вокзала ехать «к себе».

Спасибо, а ничего не поделаешь. Пришлось известить его, что не могу теперь поехать. Авось удастся потом.

19 января

Мой день рождения. Исполнилось 65 лет (шестьдесят пять). Много времени дал Господь, а как я им воспользовался? Увы...

20 янв[аря]

Коле послано на адрес Маруси 21 рубль, именно: 1) от меня 10 р. на экстренные расходы, 2) от Кати 3 р., от Бабушки 3 р., от Тихона 5 р. — вместо подарков.

Маша на днях получила от Лаврентия письмо, в котором он извещает, что находится в Одессе!.. Значит, выборгский полк перегнали из-под Двинска в самую Одессу. Это показывает, как издалека подвозят подкрепления к Румынии. Как у нас глупо ведутся дела. Выступление Румынии, оказывается, только повредило нам, и скорее принесло пользу Германии, перенося войну далеко от ее пределов, и обеспечивая от нашего наступления на опасном для нее фронте. Теперь я уверен, что наступление Радко-Дмитриева было просто демонстрацией. Нельзя же Рузскому серьезно наступать, когда фронт Эверта ослабится** отправкой войска на Румынский фронт (становящийся уже Бессарабским).

А правительство, кажется, опять накануне перемен! Газеты говорят о возможном возвращении к власти Трепова. Значит полетят и Голицын[419], и Протопопов, да и другие конечно. Непостижимое ничтожество политики.

Конечно, наши парламентаристы беспощадно эксплуатируют политическое положение для того, чтобы добиться хотя бы фактически

* Так в тексте.

** Так в тексте.

«ответственного» перед Думой правительства. Но колебания верховной власти, беспрерывные смены планов, беспрерывные переходы от «уступок» к «нажиму» — хоть кого ободрят, и сверх того всю Россию привели к оппозиции. Ведь сменяя министров каждый месяц нельзя не довести все управление до анархии, а в числе мер управления теперь и такой жгучий предмет, как продовольствие.

А нравственно власть подорвана трижды проклятым Гришкою. Это уж такой позор, что и описать нельзя. Уж когда назначения министров могут зависеть от Гришки — то какая искра доверия может сохраниться? Эту подлую тварь, наконец, убили. Но ведь это не восстановляет доверия. Если бы Государь сам прогнал его — это могло бы убедить всех, что он может, наконец, вырывать язвы. Но убийство только закрепило страшный факт — в чьих руках может быть Россия. Это все ужасно.

Сверх того — если уж был случай убийства, как единственного средства снять позор со страны, то ведь это все-таки — ужасный прецедент. Подлый Гришка и после смерти остается угрозой династии.

Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти монархию? И право — не вижу средств. Самое главное в том, что Государь не может, конечно, переродиться и изменить своего характера. С громадным характером, с твердым преследованием одного плана, одной линии поведения, вообще говоря можно спасать все, выходить из самых отчаянных положений. Но ведь именно этого у него не будет и не может быть. Он может только вечно колебаться и постоянно переходить от плана к плану. Ну а при этом — в столь запутанном положении — можно только рухнуть... если не будет какого-нибудь провиденциального вмешательства.

28 января

Я все время проболел. 26 янв[аря] ночью начался жар, который доходил днем до 39,5°. Был Талонов, и сказал, что это инфлюэнция. Принимал уротропон и аспирин три дня. Сегодня температура была ближе[?] нормальной, но конечно никто не воспрещает ей подняться снова...

Тихон уехал как раз 26 января, когда у меня был Талонов.

Надя уехала в Посад 27 янв[аря].

Испугавшись своей болезни, я поторопился взять из Госуд[арственного] банка почти все, что там было — 4 тысячи. Всегда ужасно боюсь, что помрешь и семья останется без денег, которые зря лежат в банке, пока утвердятся в наследстве. Одна мысль о суде и его деяниях наполняет меня трепетом. Медлен, произволен, это какой-то источник зла для граждан.

Но суд, по крайней мере, давно у нас стал плох. А вот что одна страсть — это правительство — это нечто невообразимое, и особенно со времени войны. Анархия полная. Наша нынешняя голодовка — возмутительна. Распоряжения глупые. Полная неспособность обуздать спекуляторов. Цены поднялись — до невозможности жить. У меня за прошлый[год] концы сведены с концами только благодаря распродаже разных вещей. Но в этом году продавать нечего. А между тем расход за январь превысил уже теперь maximum возможного расхода. И не мудрено. Что ни взять — вчетверо и впятеро дороже. Хлеб величиной в прежний 3-копеечный — теперь 7 копеек, грибы — 8 р. фунт. И это все так. Не говорю уже, что нынче Маша ходила покупать мясо к Дорогомиловской заставе. Все мясные кругом не продают. В городской лавке на Арбате хвост покупателей тянулся minimum на полверсты. Прямо мучение. В Сибири же на железной дороге лежат миллионы пудов мяса, которые не позволяли нагружать, и наконец на днях разрешили, как раз перед тем, как жестокие морозы готовы перейти в оттепель (сегодня у нас было всего 2° мороза). Просто как будто сам черт или Вильгельм сговорился с нашим непостижимым начальством.

И вопрос об измене — ничуть не праздный, и все о нем кричат. Есть точные факты. К нам в Архангельск везут орудия, которых нельзя сгрузить теперь без ледокола, и — ледокол «Челюскин» взрывается. В это же самое время немецкая подводная лодка останавливает нейтральное судно и требует «выдать пять русских, идущих в Англию за ледоколом». Их выдали, и немцы отпустили судно продолжать путь. Откуда же немцы узнали так хорошо и точно это обстоятельство?

Об этой измене трубит весь народ, буквально весь. Может быть, в частностях фантазируют. Так, сейчас по поводу прибытия иноземных военных делегатов в публике говорят, что специальная цель их прибытия состоит в расследовании дела об утоплении лорда Киченера[420], выданного немцам будто бы Штюрмером. Говорят, будто бы один только Штюрмер знал точно маршрут Киченера... Но ведь если это знал Штюрмер, то, понятно, не один. Не могли не знать и его покровители. Понятно, что мысль публики идет со Штюрмера дальше,.. выше.

Никто не подвергается таким обвинениям сильнее Императрицы. Против нее говорят ну буквально все. Но этим подрывается доверие и к самому Государю, хотя тут уже полное неверие принимает иную форму, а именно — что он окружен изменой и не умеет этого рассмотреть. Указывают, что «полным доверием» его пользовался Сухомлинов, которого он старается и теперь выручить, точно так же, как он

упорно держится за Штюрмера, сажая его на такие посты, где ему все тайны войны были известны.

В публике ходят слухи, будто бы убийство Распутина не единственное, замышленное каким-то сообществом. Называют, что должны быть убиты также Питирим и Варнава. Рассказывают о заговоре в армии в целях того, что если вздумают заключать сепаратный мир или распустить Государств[енную] думу, то армия, продолжая войну, вышлет отдельные части в Петроград для произведения государственного переворота...[421] Одним словом, страна полна слухов, которые показывают полное падение доверия к управительным способностям Государя и какое-то прямо желание переворота. В перевороте видят единственный способ уничтожить измену. Ничего подобного не было в мире со времен Людовика XVI. Знает ли это положение Государь? Что он думает делать в таком опаснейшем положении? Говорят, будто бы он сказал: «Против меня интеллигенция, но за меня народ и армия: мне нечего бояться». Но если действительно таково его мнение, то оно несколько ошибочно. Пожалуй, и народ и армия в общем за него, но очень условно, а именно не веря его способности управлять и даже вырваться из сетей «измены». Ну при таком настроении весьма возможна мысль — вырвать его силой из рук «измены» и дать ему других «помощников». Этого вполне достаточно для государственного переворота.

И это — вовсе не настроение одних «революционеров», не «интеллигенции даже, а какой-то огромной массы обывателей. Положение это не имеет ничего общего с тем, как было, напр[имер], при Императоре Александре II. Там, действительно, народа против Царя не было. Теперь против Царя — в смысле полного неверия в него — множество самых обычных «обывателей», даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми и самоотверженно стояли против революции[422]. Разумеется, всем этим усердно пользуются революционеры... А Государь, очевидно, не представляет себе ужаса этого положения.

29 янв[аря]

Мне сегодня опять хуже. Повышение температуры...

В Москве — недостаток муки и хлеба. Градоначальник публикует, что и его запасы истощились и советует жителям потерпеть. А давно ли — всего неделю назад — штрафовал хлебопеков за то, что они не требовали муки из его запасов? Чушь какая-то. Хлебопеки его ругательски ругают и говорят, будто он скупил всю муку «в свой лабаз» и теперь «дает по пуду — своим знакомым»! Уши вянут: как будто у градоначальника тысячи знакомых! Истинно столпотворение Вавилонское. А «представители союзных стран» банкетуют с представителями нашей «общественности» и совместно говорят речи о грядущей

победе... Мильнер[423] также уже рисует в речи своей, как англичане будут устраивать нашу промышленность. Конечно будут, как устраивают в Индии! Злополучная страна... Загубила ее эта никуда не годная «интеллигенция», ничего не знающая, кроме «прав человека и гражданина», да жалованья на партийной, общественной и казенной службе. Кто учил труду? Кто учил развитию сил, кто учил вырабатывать мозг страны! Все это — «реакционно». И в завершение 23 года руководительства слабого, полного не идеями, а какими-то мечтами «прекраснодушия»... А наконец, и всемирное крушение неслыханной военной схватки. Я почти не могу представить себе, чтобы эта несчастная страна нашла силы национально сорганизоваться. Не видно этих сил, не видно людей, не видно даже идей, объединяющих и сплачивающих.

Завелся «раз в жизни» человек, способный объединить и сплотить нацию, и создать некоторое подобие творческой политики — и того убили! А кто убил его, Столыпина? Но кто бы ни подстроил этого мерзкого Богрова, а удача выстрела есть все же дело случая, попущения. Все против нас, и нет случайностей в нашу пользу. «Мене, Текел, Упарсин»[424] так и сверкает над Россией.

Неужели так и не сжалится Господь и не призрит на несчастного русского отрока Своего? Правда, что этот отрок отрекается от Отца своего... Но сумеет ли Россия устроиться или нет, а переворот какой-то, кажется, неизбежен.

30 января

Странная история с Рабочей группой Военно-Пром[ышленного]. комитета. По поводу ареста 11 рабочих официально объявляется, что группа вела организацию рабочих с целью учреждения в будущем социально-демократической республики. Но А. И. Гучков и Коновалов[425], собрав разных членов Гос[ударственного] Сов[ета] и Гос[ударственной] думы, объявляют, что это вздор и что если эти рабочие виновны, то одинаково виновны они сами и требуют предания себя суду. Собрание, выслушав объяснения Гучкова и Коновалова, признало, что они правы и к обвинению рабочих нет оснований. На собрании были В. Меллер-Закомельский[426], В. Гурко[427], М. Стахович[428], Милюков, несколько других думских констит[уционных] демократов, а из социалистов только Чхеидзе[429] и Керенский[430].

Что сей сон значит? Правду сказать, я не поверю, чтобы сколько-нибудь развитые рабочие думали теперь о социально-демокр[атической] республике... А вот скорее можно предположить, что рабочие виновны в том же, в чем Гучков с Коноваловым, т. е. в подготовке государственного переворота, не в смысле социальной республики, а в смысле ниспровержения одного Царя и замены его другим, конечно,

с ограничением власти. Это легко себе представить. В публике теперь масса слухов о замыслах переворота с припутыванием к этому и военных, почему-то именно «Преображенского полка». Я не знаю, где теперь Преображенский полк, но понятно, что народная молва, ища имен, должна останавливаться на старейшем полке Гвардии. О былой роли Гвардии в переворотах теперь в публике очень вспоминают.

Вообще, похоже, что у нас действительно не кончится добром. Положение напряжено до крайности.

А хлеба в Москве недостает. В Сергиевом Посаде, как слышно, булочные закрываются. Положение тяжелое и тревожное.

* * *

К вечеру приехала Елена Петровская — вызванная по случаю безнадежной болезни своего отца. У него — рак. Мне это говорил Талонов, его лечащий.

Мне жаль Сергея Александровича[431]. Он, по существу, хороший человек, хотя его отношения к друзьям вызывали невольное порицание. Он был, однако, в этом случае под башмаком жены, нервной и больной, едва ли не душевнобольной. Конечно — умирать — общая участь, но смерть от рака слишком мучительна. А Петровскому скорее можно было ждать смерти от удара, который у него уже был в легкой форме.

31 янв[аря]

Заходил к Петровской ее брат, Борис, рассказывал, что у них делается.

Удивительны судьбы Божии. В этой семье все изменилось. Болезнь Сергея Александровича так повлияла на Ольгу Ивановну, что она сама вызвала Алексея Сергеевича[432], и теперь так привязалась к нему, что не отпускает от себя. Он принужден был взять отпуск от музея, и совсем живет у отца. Борис у них бывает, но Ольга Ивановна теперь ищет опоры не у него, родного сына, а у Алексея, пасынка. Этот Борис за время войны сдал государственный экзамен, и совершенно неожиданно (через Рачинского, только не Гр[игория] Ал[ександровича]) получил место по Мин[истерству] иностр[анных] дел, о чем не смел и мечтать. Пока он, как отбывающий воинскую повинность, только прикомандирован, но уже отправляется в СПб. на должность. Он в восторге. Я шутливо говорю: «Это Вам по молитвам Елены Сергеевны. Сами, наверное, не молитесь». Он только весело смеется. Он, конечно, не молится, и сознательно едва ли верующий. Но сердце у него кроткое и безобидное, и он честнейший малый. О, видно Бог узнает Своих по сердцу, а не по словам и поклонам... Ну, помоги ему Господь. Значит у Петровских полное благосостояние. Старший сын

всем заведует в доме. Вдобавок Алексей получил чистую отставку от воинской службы, и возвратился на свое место в музее. Сам же Сергей Александрович, хотя и умирает, — рак в печени — не может подняться с кровати — но не чувствует никаких болей и не сознает близости смерти.

Теперь остается только еще примириться Елене Сергеевне, и тогда эта семья, представлявшая такую печальную картину разрушения, явится примером мира, согласия и благосостояния, и в этой обстановке Бог пошлет кончину Сергею Александровичу...*

1 февраля

Елена Петровская сегодня благополучно была у родителей, и худо ли, хорошо ли — примирилась с ними. Ну, и слава Богу!

Вчера и сегодня ко мне, по телефону, обещал зайти гр. Д. Олсуфьев, и оба раза надул. Ну не беда. Я делами политическими не занимаюсь, так что болтовня с ним ни на что не нужна мне: одно развлечение, да и то едва ли полезное, п[отому] ч[то], наверное, только ругали бы всех направо и налево.

2 февраля

Сегодня приглашали меня на заседание Совета Братства святителей московских у Мансурова. Расстояние доступное для меня. Температура у меня уже два дня нормальная. Но не решился пойти. Два зуба опять болят от малейшего тепла или холода. Я прямо какой-то осужденный на одиночное заключение. А между тем тоска одолевает ужасная. Сижу со своим знаменитым «сочинением» — ни к чему, и ни для кого. Тяготеет на мне что-то такое. Только вздумаю голову поднять, сейчас же что-нибудь по башке пришибет: лежи, не двигайся. Я и с людьми расхожусь все больше. Те, которые ко мне хорошо относятся — умирают. Другие отходят от меня, от иных и сам отхожу. Образуется пустыня. А ведь так жить страшно тяжело.

4 февраля

От Коли письмо от 1-го февраля.

Завтра начнется Масленица. А ничего нет. Едва добыли молока. Мяса — один раз совсем не добилась Маша. Потом послали Марфушу, и после долгого стояния — она получила 4 фунта (с костями). Ни печь блины не из чего, ни есть не с чем. Мне-то, лично, все равно, нечем. Но прочим? «Широкая Масленица».

Москва — темна, фонарей не зажигают. Разумеется, жулики грабят в темноте. Такое тяжелое время! Не только прислуга живет кое-как, а даже кот Барсик похудел, как скелет. Нечего есть — ест картошку.

* Далее вымарано шесть строк.

Сегодня я пожертвовал ему 40 коп[еек], чтобы Маша поискала ему кишок. Это ее любимец, но когда нет ничего, то нечего и дать. А мышей он уже всех истребил. Жаль бедного кота.

Я уверен, что у немцев меньше лишений, по крайней мере, более равномерно. У нас есть класс, имеющий доступ к военным и административным запасам, и он — излишествует. У офицеров — что угодно! А солдат кормят скверно.

5 февр[аля]

Готовятся ввести карточки на хлеб с воспрещением продажи муки. Это будет очень тяжелый удар, так как булочные пекут затхлый хлеб крайне плохой выпечки... Единственное спасение до сих пор был домашний хлеб, и его у нас отнимают. Не говорю уж о ритуальных хлебных кушаньях, как блины; жаворонки, Пасхальные куличи. Все это уничтожается. Наконец мука необходима для множества кушаний. Мы погружаемся в чистый голод при самых страшных расходах.

Говорят, что у нас вывозится масса хлеба союзникам для расплат за военные снаряды. Эта война истинно ужасна. Говорят, поля очень плохо засеяны. К осени может быть форменный острый голод. А война стоит без движения. О победе могут думать только совершенные фантазеры, и участь наша и немцев решится только тем, кто раньше сдохнет с голоду.

Англичане и французы — те — живут сравнительно припеваючи. Погибает собственно Россия и Германия. Не знаю, как Германия, а мы уже вошли в стадию хронического недоедания, голодания.

Какой приговор вынесет История нам? В лучшем случае мы, ценой нескольких миллионов убитых и втрое большего числа калек, ценой 20–30 миллиардов денег и общего истощения населения, — получим что! Константинополь! Это ирония. Вместе с тем или потеряем Польшу, или посадим ее себе на шею, поставив насмарку 150 лет прежних усилий. Это истинно жалкое зрелище страны, совершенно лишившейся здравого смысла.

Без сомнения, и немцы тоже разыграли совершенно идиотскую игру. Но нам от этого не легче.

Маньчжурская «авантюра» и нынешняя война! Это русская международная, мировая, политика целого 20-летия. Ужасно. Никогда за 1000 лет мы не были в такой степени лишены смысла. Я не говорю о себе. Я — мелкая сошка. Я говорю о государственных людях. Ведь они должны быть умнее меня. Вспоминаю, что умный человек — П.А. Столыпин — боялся сближения с Англией и старался не отталкивать Германию. Не было ли это проявлением здравого смысла. Но сближения пошли иным путем.

Было два умных человека: Александр III и Бисмарк. Бисмарк завещал — не воевать с Россией. Александр III завещал — не связываться ни с Германией, ни с Англией. И немцы, и мы забыли слова умных людей и вот теперь расплачиваемся за это.

6 февраля

На дворе морозы по — 18–20° с сильным ветром, так что я никак не решился выходить, хотя чувствовал себя хорошо. Но вчера температура несколько повысилась, а сегодня уже 37,4. Что-то нескончаемое. Видно, возврат.

7 февраля

Вот как мы теперь живем. Нас восемь человек. Хлеба дают: 2 хлебца (как прежде пятикопеечные, а теперь 14 к. штука) и 3 калачика (как прежде было по 3 коп.). Это истинно голод. И чтобы добыть эту жалкую порцию, нужно стоять в хвосте часа 3–4 на морозе в 18–20°.

Теперь вводят сокращение электричества у частных лиц на 25% под жесткими штрафами. Как же я могу следить за сокращением? Еще нужно прибавить, что свечей совсем нет.

8 февраля

Сегодня заезжал Измаил Рождественский, уже в качестве солдата по дороге в Нижний, в какой-то подготовительный батальон, откуда должен через 2 недели идти в школу прапорщиков. Привез письмо от Тихона.

9 февраля

Я прихожу в полное уныние: мое лихорадочное состояние (инфлюэнция, или кто его знает что такое) упорно не проходит, хотя начал каждый день принимать аспирин. Нет просвета!..

Сегодня у нас делали блины! Я, конечно, не ем, но как-то веселее на сердце, когда видишь иллюзию, будто мы еще живем «по-человечески»...

Ужасное время. Никогда не думал переживать что-либо подобное... Конечно — бельгийцам и сербам еще хуже. Но ведь мы в России, 170 миллионов, «житница Европы»...

Сейчас в 11-м часу ночи Надя телефонировала, что Павел возвратился: дали новый отпуск на два месяца. Немного. Но, конечно, могли сделать что-нибудь хуже.

А с фронта — ничего! Нет войны, кроме стычек разведчиков. Конечно, в такие морозы и трудно быть войне.

10 февраля

Хлеба все меньше, и голодающая публика становится все обозленнее. Рассказывали об одной булочной, где в толпе кричали: «Долой Правительство!», «Долой градоначальника!».

Спекуляция на муку ужасна. Продают огромные количества, но мешками — по 120 р[ублей] (сто двадцать) за мешок. В течение двух месяцев цену раздули с 25 р[ублей] до 120. Это — явный разбой. Но, очевидно, богатые люди покупают. Из числа жителей блаженствуют городские служащие, которых, с их семьями, насчитано 145 000 душ. Собственно, служащих 20 000 высших и 40 000 низших. Одна из низших служащих, молодая работница, рассказывала, что каждый служащий получает бесплатно по 6 французских булок, 2 фунта ситника, и 6 фунтов черного хлеба. Она продала нам несколько булок: превосходная белая мука и прекрасно выпечены. Мы же в булочных получаем за деньги свою жалкую порцию из какого-то темного, невкусного хлеба, иногда из затхлой муки. Городское управление, очевидно, закармливает своих рабочих, чтобы не бунтовали против него. Не могу осудить, ибо вполне понятно, хотя несправедливость получается вопиющая.

Расходы при весьма неказистой жизни прямо ужасающие, ведущие (меня) к разорению.

Правительство у нас, совершенно беспристрастно говоря, никуда не годно. Мне кажется, что хуже не может быть. И все идет к перевороту. Но в таком положении страны, и при войне — переворот составляет страшный риск.

12 февраля

Сегодня Канун Великого Поста. Воскресение Сыропустной недели. Люди начинают говеть. Я доселе еще не выходил, хотя два дня нормальная температура. Впрочем, на первой неделе я и никогда не говел по трудности ее церковных служб. Ну, увидим, что Господь пошлет.

У меня третьего дня было записано о продаже муки по 120 р[ублей] за мешок. Этого торговца арестовали, и лабаз его запечатали. И то хорошо.

Кн. Юсупова, против которого Крашенинников не нашел обвинений, теперь привлекают к суду за майские антинемецкие погромы. Это очевидное мщение (за участие сына в убийстве Гришки).

13 февр[аля]

Ужасные вещи говорятся в народе о высших сферах. Даже записывать как-то неловко. И все против Императрицы. К Государю выражают сожаление. И это говорится в толпе, стоящей в хвостах, говорится без стеснений, не смущаясь даже тут же дежурящих городовых. Не знаешь, что думать о будущем России.

Завтра, наконец, собирается Государств[енная] дума. Но чему она может помочь?

Едва ли Россия была в таком страшном положении даже в Смутное время. Самое страшное в том, что Государь, видимо, не умеет окружить себя людьми благонадежными и любящими Россию.

А я все-таки занимаюсь своим сочинением. Что мне делать? Я не имею никаких способов помочь России, и вдобавок совершенно расслаблен физически... Вот и сижу над работой, которую можно делать полубольному, в своем кабинете, среди не людей, а книг. Правду сказать, и книг-то не хватает. Нужно бы ходить в библиотеку, а я не могу выходить на воздух. Работа идет вяло и медленно. Никак не справлюсь с анализом оккультизма. Спрашивал кое-что у Бекина, но он, хотя, по-видимому, очень хорошо изучал его, но давно бросил чтение и не следит за новыми исследованиями. Впрочем, его указания все-таки всегда очень ценны.

14 февраля

Был у меня М. Г. Киселев. Да, все невеселые рассказы. У них даже и не ждут улучшения продовольствия, а ждут еще худшего. А между тем, напр[имер], в Тамбовской губернии мельницы завалены мукой. Подвоз отвратительный, поездов до абсурда мало. Все развинтилось и материально и нравственно. Приходит конец России...

15 февраля

Был, наконец, Еленев. Очень интересны его рассказы об Александровском училище, где ему пришлось пробыть до 1 апреля. Он говорит о страшной тяжести дисциплины и отрешении от своей личности. Насколько же, однако, должно быть тяжелее положение нашего Коли в казарме, между солдатами, от которых его отдаляет огромная разница культуры?

17 февраля

Положение продовольствия наводит какой-то ужас. Ничего нет. В Москву доставляется 1 / 3 нормального количества муки. Едим ужасный хлеб, даже затхлый, количество — ничтожное. Наш бедный кот, голодный, мучит своими просьбами пищи. Но и сами в таком же роде.

Вдобавок — неумолимый мороз, не прекращающийся. Мы прямо раздавлены испытаниями. Сегодня в булочной выдали два хлебца (нас 8 человек) и сказали, что 19 ф[евраля] совсем не дадут.

Глубокоуважаемый Лев Александрович![*]

Поздравляю Вас со днем Вашего Ангела и желаю всяких милостей Божьих. Всю семью Вашу приветствую и поздравляю с дорогим именинником.

Послала я Вам ко дню Ангела вина собственного изделия[**]*. Не знаю, дойдет ли оно до Вас благополучно и своевременно, теперь и письма идут иногда месяц из Петрограда до нас, а с посылками бывает и того хуже. Я плохой знаток в винах, но те, что имеются теперь в продаже, разбавкою превращены в такую бурду, что пожалуй, и самодельщина лучше, в особенности если бы ее выдержать год, другой.*

Как Вы там поживаете? У нас скоро нечего будет есть, и не потому чтобы не было ничего, а так, коли Господь захочет наказать, то и при урожае будешь без хлеба и, сидя на юге, замерзнешь. Теперь вот наступил пост, а рыба не ловится, какую поймают — есть нельзя: лед толст, снегу много — она и получила вкус затхлой воды. Так и сидим мы над рыбною речкой без рыбы. Масла подсол[нечного] не было совсем, появилось сомнительное — 1 р. фунт. Грибы доходят до 9 руб. фунт. И это все в России, где добра этого всегда бывало вдоволь. Еще милость Божия, что я случайно запаслась дровами более, чем делаю это обыкновенно, и теперь мне не пришлось их покупать, а то и не знали бы что делать: цены на них ужасные — и морозы ужасные, каких и не запомнили в здешних краях.

Здоровье мое пока сносно, только вот появилась какая-то боль в локте правой руки. Прежде думала — не ушиб ли это, незначительный совершенно, но долго уж очень тянется, приходится предполагать ревматизм, хотя до сего времени у меня не было признаков его.

Настроение духа — смущенное: не миновать нам настоящей беды при таком полном отсутствии власти, закона, порядка. Страшно за отечество, а за Церковь Православную еще того страшнее, — страшно, чтобы Господь не отнял у нас этой единственной опоры и святыни и не отдал бы ее другому языку, творящему плоды подобающие.

Вы живете ближе к центру, может быть, и слышите, знаете что-нибудь, а сидя вдали ничего не разберешь.

Будьте все здоровы и Богом хранимы.
Преданная Вам
К. Соковнина.
14 февр[аля]
1917.

---

[*] Далее вклеено письмо Л. А. Тихомирову от К. Д. Соковниной.

[**] Она, конечно, не знает, что я уже много лет не пью ни капли вина. Л. Тих[омиров]. — *Прим. авт.*

18 февраля

Св. Льва Папы Римского. Мои именины. Редкий случай, что в этот день была поздняя обедня, вследствие чего и был в церкви, у обедни. А Катя сегодня удостоилась принятия Св. Тайн.

У нас были Фудели, Новоселов. Прислали поздравления все Савицкие. Но от Тихона и от Николая — ни слова.

20 февр[аля]

Вчера Маруся прислала из Петрограда с оказией — Колин чемодан, набитый продовольственными продуктами: мука, горох, сахар. Очень, очень мила, замечательно отзывчивое сердце, но мне ужасно совестно, что я ее перетревожил письмом, где описывал московскую бедность. Между тем мы лично вовсе не в «безвыходном положении», как она думала, п[отому] ч[то] запасы у нас вовсе не истощились. Я ей послал успокоительное письмо, с просьбой сказать, что стоят эти продукты? Конечно, получение продуктов очень приятно, они пополняют наши запасы. Но нужно же за них заплатить.

Но хорошее сердце у Маруси, и есть активность. Есть нужда, она и нагрузила какого-то генерала, поехавшего в Москву. Молодец.

Получил поздравительное письмо от Тихона. Оно шло 5 суток из Новгорода. Но это еще ничего. А вот тоже письмо от Клевезаля из Рязанской губернии (ст. Тум [?], на железной дороге): так это шло 15 суток! У них ветка железной дороги уж не большая, думаю, верст 60. Так поезд на одной этой ветке запаздывает на семь дней! Значит он идет в день верст 8... Вот подвози продовольствие по таким дорогам.

У меня опять насморк и горло болит. Без конца. Погода холодная и ветреная. В комнатах холодно, скверно топят, из окон дует. Ежедневно мечтал, что прекратятся же, наконец, когда-нибудь холода, а уж теперь даже не мечтаю. Так и кажется, что никогда не будет лучше, что вечно будут мороз, голод, война и болезни.

У нас простудилась Маша, сегодня не выходила, принимала аспирин, но толку нет. А мы, можно сказать, только и живем Машей. Все остальные вместе не стоят 1 / 10 части Маши. Она и простудилась через беготню на рынке, в лавки, стояние по 3–4 часа в «хвостах». Ее болезнь — страшная угроза нам. В нынешнее тяжкое время понимаешь, что такое прислуга.

21 февраля

От Коли сразу два письма. Одно (от 17 февр[аля]) — поздравительное. Ничего у него особенного [?], но ничего и хорошего.

Катя отправилась в Посад.

У меня — насморк, повышается температура. Не видно конца болезни.

Сегодня очень экстренно отправился в Петроград брат нашей жилички, и я воспользовался случаем отправить с ним Коле просимые им вещи (брюки, тужурку, туфли), но впопыхах забыл надписать на посылке имя Коли. Если прапорщик Лавров не окажется внимательнее меня, то боюсь, как бы посылка не завалялась в самом батальоне. Обидно будет. А я так радовался быстрому исполнению надобностей Коли. Он пишет, что его брюки изорвались вдребезги, а тужурка приняла совсем хулиганский вид.

Не понимаю, какое затемнение нашло на меня. Совсем поглупела моя голова.

22 февраля

О. К. Лаврова послала брату открытку, чтобы доставил посылку не в батальон, а Писаревым.

К Маше приходил солдат Выборгского полка, из того же обоза, где Лаврентий. Передал ей его поклоны, а также сообщение, что жить скверно, что кормят плохо, что зря гоняют с места на место, что во всем беспорядок, и что все начальники — немцы.

Это все означает, конечно, что настроение у нас нехорошее. Впрочем, командир полка был действительно с немецкой фамилией, и, по-видимому, не любил давать льготы солдатам. Полк находится в Бессарабии.

Лаврентий и этот солдат жалуются даже на то, что не зависит от начальства, а от климата юга. Днем солнце печет, а ночью мороз!.. Видимо, им опротивела эта бессмысленная война, без цели, без надежды и они в таком настроении, что на все злятся. Недоброе сулит это на весну... И это в армии Брусилова... Что же у Эверта? Слышно было давно, что «железная дивизия» отказывалась ходить в атаку... Не знаю, какими чудесными судьбами можем мы быть не разбиты весной? Немцы тоже устали, и м[ожет] б[ыть] не очень изобильно едят, но у них снаряды, прекрасная артиллерия, — и полная вера в начальников. А у нас все хуже и вдобавок полное неверие в начальников, уверенность в их негодности и изменничестве.

Как слышно, Алексеев назначен помощником Верховн[ого] главнокомандующего, который будет жить в Петрограде, не присутствуя более в армии. Это хорошо, но весьма недостаточно. «Помощник» все-таки не полный Начальник. Гурко, говорят, назначен Начальником штаба, и в хороших отношениях с Алексеевым. Но ведь все же ничего решительного нельзя предпринять без Верховного главнокомандующего и нужно делать ему доклады обо всем. Насколько, при таких условиях, можно сохранить даже военную тайну?

23 февраля

Вот какова «точность» слухов. Сегодня опубликовано, что 22 февр[аля] Государь Император отбыл в армию.

Вечером получено «Заявление» о подоходном налоге — только на меня. Тарабарщина изрядная, и чистая мука с нею справляться.

24 февраля

Утром Маша прибежала с «хвостов» в волнении и объявила, что завтра будет «большая забастовка». Это означает у ней вообще — «возмущение». По какому поводу? За продовольствие. Что же будут делать? Разбивать лавки...

Одни ли лавки? Ведь тут хлынет разный народ. Да и лавки... Какие они ни есть мошенники, а если их разбить, то весь город должен умереть с голоду, кроме тех, которые расхватают себе припасы. Ой, времена тяжкие.

Сегодня был у податного инспектора — Шрамченко. В среднем кое-как разобрался, но материалы для составления Заявления не легко добыть.

Был также у зубной врачихи. Начал прижигать зубы... если не свалюсь опять в инфлюэнции. Мечтаю начать говенье... опять же, если Бог даст.

Этот подоходный налог нанесет опять очень чувствительный удар. Уж и жизнь стала, просто тошно!

25 февраля

Из сообщений газет видно, что генерал Алексеев остается по-прежнему Начальником штаба, а вовсе не помощником Верх[овного] главноком[андующего]. Еще образчик того, что слухи врут постоянно.

С утра сегодня отчаянная метель.

Из думского заседания видно, что в Петрограде были «голодные» уличные беспорядки. В результате — скоропалительнейшим образом — продовольствие столицы отбирается у Правительства и передается Городскому управлению. Кусок по куску у правительства отпадает заведование делами. «Вот злонравия достойные плоды». А ведь Петроградское городское управление и было, и есть — прескверное. Вряд ли народу будет легче.

Сегодня я, кажется, выяснил себе существенную разницу христианского аскетического «созерцания» и разных оккультных погружений в «иные планы», и в том числе индусского «самадхи». Над этим я очень много думал и работал. Однако письменно не успел формулировать. Чувствую себя вялым и уставшим.

26 февраля

Когда выходил к М. А. Лавровой, то попал под вихрь и метель, и снова как будто простудился. Сегодня уже не решился выходить. Надо платить за квартиру, и не дозовусь управляющего. Удивительно беспорядочный человек. Вдобавок не доставляет топлива, и дом захолодал. Сейчас прислал немного дров, но когда-то снова согреет дом? К счастью, на дворе стало теплее.

В Москву приехал зачем-то оптинский старец, о. Анатолий[433]. Остановился у знакомых (Шастовых) и старался быть в секрете от публики. И все-таки, что же выходит? Сейчас Елена Сергеевна пошла на эту квартиру, надеясь благословиться у старца. Оказывается, что там принуждены пускать по билетам, и этих билетных, записавшихся с утра, набито две комнаты. Хозяйка дежурит в передней. О. Анатолий принимает в третьей комнате. Леночке сказали, что так как она не записалась, то она не может быть принята ранее 3 часов ночи. Она не стала ждать.

Вот как жаждут религиозного совета и утешения. И какой труд приняли на себя хозяева квартиры. Много у нас верующих, видно. Завтра о. Анатолий уезжает обратно в Оптину. Он нынче наиболее уважаемый в ней старец.

А у нас в Лавре наиболее ныне почитают иеромонахов Порфирия, Ипполита и Зосиму, да у Черниговской Божией Матери — другого о. Порфирия. Конечно, они не такие «знаменитые», как был о. Варнавва, даже и не равны о. Анатолию, но все же народу много ходит.

27 февраля

Из Петрограда (из двух разных источников) получены удивительные известия. Распущена будто бы Госуд[арственная] дума, но не разошлась Дума, и в защиту ее вспыхнул военный бунт. Три или четыре гвардейских полка захватили «Арсенал» и даже будто бы Петропавловскую крепость, и охраняют Думу. Голицын будто бы отказался от власти, Протопопов бежал в Царское Село. Образовался будто бы какой-то Комитет под председательством Родзянки.

Господами положения будто бы пока являются эти три или четыре возмутившиеся полка.

Страшные вести, если правда, ибо чем кончится? Мне теперь страшно и за нашего Колю. Ведь, кто его знает, может быть, и их либо втянут в бунт, либо заставят драться с бунтовщиками. Что хуже? Одно верно, что положение ужасное.

Безумное Правительство, но и Госуд[арственная] дума тоже хороша. В такое время поднимать междоусобную войну! Конечно, я не знаю кто и что затевает в этом, очевидно, сознательном заговоре.

Но из того, что слышу, не вижу, чтобы этим создавалось нам правительство. А ведь нам нужен не многоглаво-партийный Парламент, а крепкая и не совсем глупая власть.

И как характеристично: 22 февр[аля] Государь уехал на фронт, а 24 уже начинаются «хлебные» демонстрации, и 27 (а, м[ожет] б[ыть], 26) — военный pronunciamiento*. Заговор совершенно очевиден. Поэтому-то и хотелось бы знать цель его. Что хотят сделать?

И только ли «три-четыре полка», да еще гвардейских! Не клочки ли полков? И сколько в Петрограде войска?

Ох, болит у меня сердце за Николашку[434]: какие тяжкие положения ставит перед ним судьба. Вчера принимал присягу. Сегодня разрастается винный бунт. И он — ничтожный низший чин. А между этим, вероятно, их батальон весьма революционного настроения, по самому составу. Да едва ли и сам Коля может не испытывать общего чувства негодования и раздражения.

28 февраля

Газеты в Москве не вышли, и на киосках объявление, что не будут выходить два дня.

Но город тем более охвачен частными слухами о Петроградской революции. Слухи эти столь разнородны и часто несообразны с действительностью, что пришлось мне вырвать лист и снова писать, хотя конечно и теперь они не более точны.

Говорят, будто у Императора два течения: одно за «министерство доверия», другое за «крутые меры». Последнее возобладало, Государственная дума распущена, а Протопопов назначен диктатором. Тогда вспыхнул военный бунт в Семеновском и Волынском полках, к которым присоединились еще два. Восставшие уже захватили «Арсенал», Петропавловскую крепость, Главное управление почты и телеграфа. Восставшие взяли охрану Думы, которая отказалась разойтись.

Щегловитов будто бы арестован и Керенский уже производил ему допрос. Протопопов будто бы бежал в Царское Село.

Разобраться в Слухах невозможно.

Здесь на улицах есть прокламации, но в массе непосвященной публики — полный хаос представления о совершающемся. Общее настроение — за восставших.

Я начал говеть, пошел в церковь, вернулся домой — и тут опять беда. Вода не идет. На улицах прекратилось движение трамвая. Расставлены казаки. Толпы народа. Елена Сергеевна поехала в Страстной, и вернулась уже пешком... А Вера на курсах... что-то с ней будет? Остановка воды — дело страшное. Неужто остановили водопровод?

* Переворот *(итал.)*.

В толпе говорят, будто кто-то (князь будто бы) стрелял в Императрицу, но попал в руку, и сам застрелился.

Вода, слава Богу, пошла, через несколько часов.

* * *

Ночь

В Москве день был шумный. Большие толпы. Небольшие драки. Трамы не ходили. По слухам градоначальник куда-то скрылся. О Петрограде слухи неясные. Говорят, что назначен Диктатор — генерал Алексеев. Говорят, что образовалось Правительство 1) Пред[седатель] Сов[ета] — М. Родзянко, 2) военный мин[истр] — Поливанов, 3) иностр[анных] д[ел] — Милюков, 4) путей сообщ[ения] — Бубликов[435], 5) внутренних дел — или Керенский или князь Львов[436].

Родзянко разослал по железн[ым] дорогам нечто вроде воззвания, в котором говорят, что старое правительство рухнуло, и что Гос[ударственная] дума назначила мин[истром] путей сообщения Бубликова. Приглашает всех служащих оставаться на своих местах и усиленно работать.

И однако воззвание будто бы от имени какого-то Комитета.

Есть ли у нас Правительство? Диктатор Алексеев и новое Министерство — одно и то же или мы остаемся все-таки при двух властях? Это неизвестно.

В народе слухи, что «Алексеев назначен на место Царя, а Царь будет у него помощником»...

Есть еще слухи, будто бы Государь в Ставке заарестован.

В общей сложности все совершенно неясно.

Относительно покушения на Императрицу — слух <u>отрицается</u>. Ни в одном телефонном известии этого эпизода не называют.

Итак, наша Монархия, по крайней мере в самодержавной форме — <u>рухнула</u>. Перевороты у нас бывали, но на место одного Царя немедленно являлся другой. Теперь мы — пока — не знаем, кто правит нами, кто у нас Верховная Власть, и есть ли она. А у нас — страшная война. Вопрос в том, успеют ли лица, произведшие переворот, создать моментально <u>бесспорную</u> власть?

Вчерашняя власть была — невозможна и нестерпима. Если правда, что назначался диктатором Протопопов — то это акт безумия. Если при этом еще распускалась Дума — то это архибезумие. Но надо же вместо этого иметь другую — <u>прочную</u> власть.

И должен же народ получить <u>оповещение</u> о происшедшем. Такой акт должен явиться, <u>моментально</u>. Иначе мы будем в самом страшном положении.

* * *

Об этом Протопопове рассказывают, будто бы он занимался в последнее время спиритизмом, вызывал дух Распутина, и уверил Императрицу, будто дух Распутина вселился в него, Протопопова, вследствие чего Императрица и поверила в него безусловно[437].

* * *

Сейчас, в 11 часов ночи, получил известие по телефону, что Государь едет в Петроград, и по дороге между Ставкой и столицей подписал Указ о назначении следующего министерства:

1) Председ[атель] Св. — Родзянко,

2) Иностр[анных] д[ел] — Милюков,

3) Внутр[енних] д[ел] А. И. Гучков,

4) Военачал[ьник] — ген[ерал] Маниковский[438] (бывший во главе заговора),

5) Флота — неизвестно,

6) Юстиции — Маклаков (думский),

7) Земледелия — Гурко (Влад[имир] Иос[ифович]),

8) Просвещен[ия] — неизвестно,

9) Об[ер]-пр[окурор] Св[ятейшего] Син[ода] — А. Самарин.

Состав в общем весьма недурен.

Об Алексееве ничего неизвестно (т. е. о диктатуре и вообще о его назначении).

Осталось отменить Указ о роспуске Думы, и тогда явится правительство, сохраняется Царь, вообще все обошлось благополучно.

Но когда же это благополучие будет объявлено народу?

1 марта

Спрашивал по телефону «Русское слово», ответили, что газета не выйдет. Значит, никакого объявления о правительстве нет.

Народ волнуется у булочных. Он думает о хлебе. Карточками недовольны, говорят, что мало дают. Да, и действительно, 1 фунтом хлеба сыт не будешь.

Пять часов дня

Ну, мы находимся в полной анархии. В Петрограде — нет Правительства, хотя Государь и приехал туда. Все эти списки министров (разного состава) — выражают лишь планы и намерения разных лиц. Единственно правительствующее учреждение — это Комитет Государственной думы (пред[седатель] — Родзянко, в числе членов — Милюков, Керенский, Чхеидзе, Владим[ир] Львов и другие). Единственный бесспорный министр — это назначенный Думским комитетом Бубликов (путей сообщ[ения]). Остальные — туман. В Москве Го-

родск[ая] дума тоже образовала свой Комитет, а рабочие — Революционный Комитет, заседающий, говорят, там же, рядом с Думским. Рабочие призывают выбрать делегатов — нечто вроде «Коммуны». На улицах висит «Бюллетень революции», содержащий много интересных сведений. Но народ так толпится около этих бюллетеней, что нельзя добраться. Я слушал чтение какого-то обывателя вслух, но тоже плоховато слышно. Впрочем, сведения большей частью те же, что я уже знаю.

Полиция — отсутствует абсолютно. Кто правит городом — никому неизвестно.

Говорят (видевшие лично), что солдаты ходят с красными знаменами. Но это были артиллеристы — не везли ли они просто снаряды? Говорят, будто народ овладел Сокольничими казармами и пороховым погребом. Лавки закрываются.

Вообще положение быстро приходит в полную анархию. Видно, в Петрограде умеют устраивать только возмущения, а не организовать власть.

Сегодня ждали Манифеста. Но его нет. Газеты не выходят, п[отому] ч[то] рабочие отказываются работать; их «снимают»: значит это распоряжение их Комитета.

Говорят, что Царское Село окружено «верными» войсками, в том числе флотским экипажем.

Говорят еще, что Протопопов не застрелился, а находится в Москве.

По всей вероятности, немецкие агенты работают усердно в нашей неразберихе, и когда мы тут передеремся вдрызг, наверное, немцы начнут наступление. Погибнет Россия. Quem vult perdere — dementat*. И кто тут невиновен? Все, кажется, виноваты, особенно эти паршивые «правые», подстрекающие власть к крутым мерам, к так называемой «твердости», которая, при отсутствии ума и силы — приводит только к революции.

* * *

Нужно заметить, что в «Бюллетене революции» помещен призыв Комитета к порядку, и самый выбор делегатов мотивируется интересами порядка. Из сведений приводится, что Щегловитов арестован. Приводятся имена восставших полков, только позабыл некоторые...

Говорится, что руководители военного восстания предлагали Гос[ударственной] думе действовать совместно, но переговоры «еще» не привели к результатам.

---

* Желающий полного крушения — сеет безумие *(франц.)*.

Говорится, что телеграмма Комитета в Ставку призывала Государя в Петроград, указывая, что малейшее промедление угрожает Династии. Вообще, много очень интересных сведений.

Ночь

Ну, ни о каких манифестах очевидно не может быть и речи. В Петрограде никакого Правительства постоянного нет. По слухам есть Временное правительство, и именно Комитет Госуд[арственной] думы. Оно признано войском. Бывшие министры сидят под арестом в Министерском Павильоне Госуд[арственной] думы. Там Щегловитов, и почему-то будто бы Макаров[439]. Если так, то это не «министры», а «сторонники Самодержавия». Сам Государь по этим известиям не доехал до Петрограда, а задержан — кто говорит — в Тосне, а другие — в Бологом. С ним ведутся какие-то переговоры.

По другим слухам — дело идет об отречении.

Что касается Москвы, то народ и войска осаждали, а м[ожет] б[ыть], и по сейчас осаждают арсенал. Требуют сдачи от арсенальной команды и угрожают стрелять.... В данную минуту, это, кажется, еще не окончено. Но очевидно — вопрос очень краткого времени.

2 марта

Сегодня вышли газеты. Все подробности и официальные сведения. Дело кончено. Временное правительство уже организовало все Министерства (в виде Комиссаров). Все ему подчинились. Государь, увидав, как сказано в газете, что всеми оставлен — уехал из Царского Села, но был задержан в Бологом, и будет отправлен в Псков.

Судьба Династии и форма правления, сказано, не решена еще. Гучков предлагает отречение.

Масса арестованных, вероятно, из предосторожности. Это, конечно, понятно. Судя по известиям, можно надеяться, что Временное правительство поддержит порядок и защиту страны. Если это будет так, то нужно будет признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно. Впрочем, ясно, что бесконечно громадное большинство народа за переворот. Видно всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный Царь, может быть, — последний. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему — действиями самого же Царя[440].

Посланники Французский и Английский признали Временное правительство.

Теперь вопрос идет о существовании страны. Угрожает страшная Германия, а мы по уши сидели в измене, самой несомненной. Этот переворот должна бы была сделать сама династия, если бы в ней

сколько-нибудь осталось живой нравственной силы. Но наличность условий привела к иному исходу.

Теперь дай только Бог, чтобы Правительство, раз оно возникло, осталось прочным. Известия как будто обещают это.

Перечитываю газеты, целых три. Крушение рисуется головокружительное. Прямо всеобщее присоединение к Временному правительству. Между прочим вижу, что 28 февр[аля] присоединился и Электрический батальон. Какие-то Сибирские полки прибыли в Петроград и тотчас же прислали делегатов в Думу.

В Москве комиссаром назначен Челноков. Лерозовский и Шебеко арестованы.

Телефонировали в Посад, спросить — не послать ли им газет? Оказывается — есть, и обе, Катя и Надя — в полном восторге. Надя кричит по телефону — «Поздравляю с переворотом». Действительно, — ужасная была власть. Если только Временное правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), — то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели Царя — его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за нее... А он был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели. Я приходил к полному разочарованию в России. С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться. Но мне жаль, что теперь ведут слишком отчаянную смену лиц, даже низших, вроде полиции. Новая организация требует страшной траты сил и времени. Да и где народа набрать? В этом чувствуется неопытность. Отчего же во Франции, при переворотах, меняются почти исключительно верхи, а не масса служащих? Ведь они служат общественной потребности, а не той или иной власти. Во время Парижской Коммуны — рабочий Камелина[441], назначенный заведовать почтой, просто пришел на место Почт Директора и начал управлять. Разве не при всех режимах одинаково должны посылаться письма и телеграммы?

Ночью

В Москве, однако, говорят, немало беспорядков, хотя и мелких. Здесь нет такого авторитета, который в Питере составляет Временное правительство.

Много слухов, но явно сомнительных. Так, говорят, будто Государь подписал конституцию. Это он, конечно, хорошо бы сделал, но не поздно ли? А это все же ускорило бы приведение страны к какой-нибудь норме. Но во «Времени» (вечером) сказано лишь, что он в Бологом, и ведет переговоры, которые затягиваются потому, что в Гос[ударственной] думе не выработаны условия переговоров. Одни будто бы требуют отречения, а другие какого-то «полного осуществления народоправства». Что это значит — не понимаю.

Другой слух еще страннее: будто бы Царица уехала в Швецию. Как это могло бы случиться? Как ее могли пропустить?

Очень томительна эта неизвестность. Уж устраивали бы что-нибудь определенное поскорее. А то раскачается вся масса, — и какова тогда наша участь в сопротивлении немецкому напору? Ведь нужно работать, нужно организовать армию. Родзянко это хорошо говорить, но нужно, чтобы это было сделано.

3 марта

Опубликовано первое Министерство. 1) Председатель — кн. Львов (Тульский), 2) Иностр[анных дел] — Милюков, 3) Юстиции — Керенский, 4) Пут[ей] сообщ[ения] — Некрасов[442], 5) Торг[овли] и пр[едпринимательства] — Коновалов, 6) Нар[одного] просв[ещения] — Мануйлов[443], 7) Военный (и временно Морской) — А. И. Гучков, 8) Земледелия — Шингарев[444], 9) Финансов — Терещенко[445], 10) Государ[ственный] контр[олер] — Годнев[446], 11) Обер-прок[урор] — Влад[имир] Львов.

Министерство установлено по соглашению Исп[олнитепьного] ком[итета] Гос[ударственной] думы и Исп[олнительного] ком[итета] Совета рабочих депутатов. По сообщению речи Милюкова (весьма патриотической) — «старый деспот, доведший Россию до полной разрухи добровольно откажется от Престола или будет низложен». Власть перейдет к Регенту — В[еликому] к[нязю] Михаилу. Наследником — Алексей. Форма госуд[арственного] строя — парламентарная и конституционная монархия. «Когда пройдет опасность и установится прочный мир», будет приступлено к подготовке Учредительного собрания.

Относительно Царской Семьи [«]Русск[ие] ведом[ости»] сообщают, что «Царь находится в настоящее время во Пскове на свободе, но покинутый всеми», «Царица с семейством находится в Царском Селе под сильной охраной войск Госуд[арственной] Думы».

В Москве положение менее определенно. Образовался Временный исп[олнительный] комитет по выборам всего организованного населения (из 15 лиц). Ему пока принадлежит вся власть. Командующий войсками — Грузинов[447]. Высшей властью состоит Комиссар Гос[ударственной] думы Челноков. Общее управление городом в смысле административном, по-видимому, не организовано. А между тем есть случаи самовольных обысков и арестов. Поэтому Исп[олнительный] коми[тет] объяснил, что обыски и аресты могут быть произведены лишь по распоряжению: 1) Комис[сара] Челнокова, 2) Ком[андующего] войск[ами] Грузинова, 3) Пред[седателя] Ком[итета] Обществ[енных] орг[анизаций] Кишкина[448], и 4) Начальника милиции — Никитина[449].

Предписывается немедленно организовать районные комитеты. Для этого председатели санитарных попечительств входят в соглашение с народной милицией.

Тот же Грузинов назначен Комиссаром Московской губернии.

Ночь

Сегодня (т. е. 3 марта) был у исповеди, и завтра должен, коли Бог даст, приобщаться. При самых тревожных условиях идет это говение. Сегодня прихожу от исповеди, беру [«]Время[»], и там, хотя и не официально, сообщается, что Император Николай II отрекся от престола в пользу сына, но Алексей также отрекся в пользу Михаила, а Михаил тоже отрекся «в пользу Русского народа»... Последнее выражение странно, ибо Русский народ не имеет надобности, чтобы получать от кого-либо Верховную Власть: он сам по себе ее имеет и может взять от «доверенного» (т. е. Царя), когда ему это покажется нужным. Но это государственно-правовые тонкости. А практически — что же у нас будет? Принуждать ли Россию быть Республикой или выбирать другого Царя во время тяжкой войны? Это большое усложнение, которое приводит в недоумение. Я даже не знаю, действительно ли юридически отречение несовершеннолетнего?

4 марта

Сегодня я удостоился приобщиться Св. Тайн.

В газетах — отречение Императора за себя и за сына в пользу Михаила. Михаил же объявляет, что не может принять престол без решения Учредительного собрания, и впредь до этого призывает всех повиноваться существующему Временному правительству.

6 марта

Наконец получено письмо от Коли (от 4 числа). Жив, здоров, говорит, что в Петрограде порядок уже полный, и, по-видимому, очень доволен совершившимся переворотом*. Да и не мудрено... Уж очень изгадился прежний строй и принял какой-то антинациональный характер.

Приехала из Посада Надя, и тоже в полном восторге от происшедшего переворота. Говорит, что управление в Посаде наладилось очень успешно. Дай Бог[450].

* Их рота (2-я), и он, конечно, вырвались из казарм и присоединились к восстанию около 5 ч. дня 27 февраля. — *Прим. авт.*

7 марта

Сегодня назначено собрание прислуги, где предполагают определить рабочее время прислуги. Я советовал Маше пойти, но она ни за что не хочет.

8 марта

Письмо от Тихона, но, к сожалению, датировано от 1 марта, когда еще все было не определено, так что нельзя судить о дальнейшем положении Новгорода. Но 1 марта был здоров, и течение дел шло обычным порядком.

Вечер

Сегодня произошло неприятное приключение. Катя телефонировала из Сергиева Посада, что приходили какие-то два молодых человека, спрашивали меня, и, узнав, что я в Москве — грозили моим арестом: «все равно, не уйдет от нас, захватим его и на вокзале».

Я немедленно запросил наш участок милиции, и объяснил помощнику Комиссара по телефону всю историю. Он ответил, что ничего об этом не знает, и рекомендовал обратиться в Градоначальство в Гнездиковский переулок. Оказалось впоследствии, что это есть Штаб милиции. Войти туда было, однако, не легко. У ворот — часовые и какой-то студент, очевидно, начальствующий. Требуют пропуск. У меня нет пропуска (его следовало взять у участкового Комиссара). Так как меня не пускали, то я объяснил этому студенту слегка мое дело, сказав, что оно может иметь только политический оттенок. Тогда он пропустил. В управлении масса народа, но все же я довольно скоро мог говорить с дежурным чиновником (не знаю, как они нынче называются), человеком весьма внимательным и, по-видимому, симпатичным. Я ему рассказал всю историю, прибавив, что естественно беспокоюсь, и особенно тому, что могут подумать, будто я скрываюсь. «Позвольте узнать Вашу фамилию». Я назвал себя. «Да, я Вас знаю». Затем задумался, и пошел совещаться к начальнику. Вернувшись, сказал: «Эти дела относятся — или к Никитину, или к Комиссии Друцкого. К Никитину Вы не доберетесь и до вечера. Идите к Друцкому, Петровка 16, кв. 6».

Отделался. Там такая толпа, что немыслимо шагу ступить. Нужно сначала записаться, потом вызывают. Но и добраться до записи немыслимо: толпа. В канцелярию совсем не пускают. Наконец в публике мне сказали, что и Друцкий уехал. Я долго раздумывал, что мне делать, и опять отправился в Штаб. Там опять получил пропуск только после таких же объяснений. Нашел здесь опять того же дежурного и рассказал ему о невозможности видеть Друцкого. «Ну, Вы бы к помощнику». Я говорю, что и в Канцелярию-то не пускают.

Опять он задумался и пошел к начальству. Сначала возвратился скоро и принес листок с напечатанным текстом: «Я... такой-то... заявляю, что признаю Временное правительство и обязуюсь повиноваться его распоряжениям», дата — 8 марта 1917 г. Ну я конечно подписал. Он прибавил еще, чтобы я тут же написал свой возраст (65 лет). Потом ушел, сказав, чтобы я подождал, и что он мне принесет еще бумагу. На сей раз я ждал очень долго. Наконец, он явился с каким-то другим господином, и вместе опрашивали посетителей. Наконец дошли до меня. Мой симпатичный дежурный вполголоса сказал своему спутнику — «г. Тихомиров». Тот обратил[ся] ко мне, и начал говорить, что нет никакого смысла давать мне пропуск (значит, речь у них шла о пропуске), так как против меня ничего нет, и я могу жить так же свободно, как всякий другой гражданин. «Что ж, я могу и ехать?» — «Да, конечно». Я говорю: «Но ведь вы не имеете никакого отношения ни к Друцкому, ни к Никитину?».

— «К Никитину мы имеем самое прямое отношение, ибо Вы находитесь в Штабе милиции, а с Вами говорит помощник Начальника Штаба». (Помощник оказался этот самый спутник симпатичного дежурного).

Я начал говорить, что ведь, может быть, и против меня имеются какие-нибудь подозрения, основанные на каких-нибудь ложных доносах или вообще ошибочных данных. Он отвечает: «Мы бы тогда знали». Но что значит приключение в Сергиевом Посаде? Симпатичный дежурный заметил, что кто же его знает: «Может быть, какие-нибудь личные враги».

Обращаясь к помощнику Нач[альника] Штаба я сказал, что хотя я совершенно вне политики, но понимаю, что против всякого могут возникнуть подозрения, и для меня важно зарегистрировать, что я во всяком случае не скрываюсь, и что меня нечего разыскивать. Они заверили, что это зарегистрировано тем, что я у них был и дал заявление о подчинении Врем[енному] правительству. «Ну а если бы что случилось со мной?». «Можете дать знать нам по телефону. Вот наш телефон — 5–19».

С этим я и ушел. Не могу сказать, чтобы инцидент был для меня вполне выяснен. Приехав домой, немедленно телефонировал Кате о заявлении Штаба, чтобы она рассказала всю историю Шабельскому, прося его защиты. Сверх того, написал и сам Шабельскому.

Измучился донельзя. Несколько часов, все время в шубе и калошах. Нигде нельзя было присесть, кроме одной минуты, когда писал заявление. Разгорячился, а [с]наружи мороз; ездил исключительно на извозчике и проездил 4 р. 50 к. Будет удивительно, если я не простудился.

В Штабе все более или менее в порядке, настоящее присутственное место. Снаружи — солдаты. Внутри расхаживают самые молоденькие милиционеры в разных студенческих формах с винтовками за плечами.

Но в Комиссии Друцкого — ужас какое неудобство. Это — частная квартира, совершенно недостаточная и плохо приспособленная к такому страшному количеству публики. Я не понимаю, почему ее так много. По-видимому, заарестовано очень много лиц, даже не понимаю, почему их может быть так много?

Можно себе представить, с каким беспокойством ждали меня Мама и Надя! Вера же ушла в школу раньше, чем заварилась вся эта каша.

9 марта

По телефону Катя сообщает, что говорила (по телефону же) с Посадским Комиссаром (кажется, д-р Королев, не разобрал). Это был его приказ, и он сказал, что я — редактор [«]Моск[овских] вед[омостей»], а [«]Моск[овские] вед[омости»] есть опора реакции. Катя сообщила ему, что это ошибка, ибо я уже 4-й год — нередактор. Она сообщила и то, что я был здесь в Штабе милиции. Это его, по-видимому, удовлетворило, и он сказал, что в таком случае «будьте покойны».

Собственно, очень прискорбно. Такими арестами они много могут навредить.

А Шабельский уже не Комиссар, так что я зря ему написал.

10 марта

Надя приехала в Посад.

В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно, и притом всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли первый выдвинул идею созыва Собора, не я ли первый обличил Распутина... Дубровин в своем [«]Русском знамени[»] называл меня революционером. Глинка[451] в [«]Земщине[»][452] писал, что я как был, так и остался радикалом. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и Правительство — сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. И вот меня же поносят, с прибавкой ругатель[ной], реакционером.

Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень.

13 марта

Вчера были большие социалистические, и вообще, народные манифестации, протекавшие, как слышно, в большом порядке.

А сегодня радостное известие о победе на Виленском фронте (около Молодечно). По-видимому, победа крупная, прорыв неприятельского фронта на 75 верст, и взятие 15 000 пленных. Ведь вот, значит, можно было наступать. Какая же злая сила держала войну в неподвижности полтора года?

В Москву привозили раненых в этой битве, которые рассказывают о дружности, явившейся в войсках и выражают уверенность в полной победе. Пожалуй, и у них воодушевление, как было во Франции 1789 года, и также расколотят «кайзерликов». Во всяком случае — слава Богу — первая победа явилась. Бог даст, она повлечет за собою и другие победы.

14 марта

Увы, газеты не подтвердили известия о победе. Это, значит, был ложный слух.

20 марта

Покончил составлять заявление о подоходном налоге. Если успею сегодня сдать в 18 податной участок (Скарятинский пер., д. 8, кв. 6), и если Бог даст, то думаю поехать в Посад*.

8 мая

Давно ничего не записывал, да и охоты нет.

За это время произошло лишь одно приятное событие для меня: очень краткое посещение Коли на Пасху. Он пробыл всего три дня, по краткости отпуска. Но, собственно, и у него не было ничего хорошего, так как он лишь выдержал экзамен на унтер-офицера и следовательно должен был перейти на офицерские классы. По возвращении в Петроград, на Пасху же, — он написал одно письмо, а засим до сих пор не пишет уже ничего.

Сам он несколько апатичен, но скорее оптимистично смотрит на будущее России, а к своей будущности, мне показалось, относится именно довольно равнодушно.

В Петрограде у Писаревых умерла сноха, т. е. Пелагея Георгиевна, которую муж (Степан Иванович) повез хоронить на родину. Больше ничего не знаю и о Писаревых.

Тихон тоже ничего не пишет с Пасхи. Вероятно, не хорошо его положение, как монаха. Теперь на монахов уже начались гонения.

Моя Мама рвется в Новороссийск, а поехать невозможно, п[отому] ч[то] нет плацкарты, в Ростове размыло мост, и сверх того солдаты, наводняющие железные дороги, местами просто бесчинствуют в отношении публики, отнимают у пассажиров места, и, бывали

* Далее в дневнике следует перерыв в записях до 8 мая.

случаи, даже выгоняют их из поезда. Сверх того Мама не получает из Новороссийска известий, не получает и пенсии. Что это значит? Бог весть.

Если пенсии задерживают, то это ужасный удар, потому что я сам не знаю, не стану ли я скоро нищим, и вся моя семья. Предвидения всех деловых людей крайне мрачны. Уцелеют ли банки, не будут ли уничтожены обязательства Правительства и упразднены бумаги — никто ни в чем не уверен.

Вообще — мое личное положение полно только угроз будущего и опасений и нет ни одного проблеска надежд, исключая помощь Божию.

О положении России говорить трудно. Факт в том, что революция укрепляется, и, конечно, с сильным социалистическим характером. Действительную власть составляют Советы солдатских и рабочих депутатов. Временное правительство было вполне бессильно, п[отому] ч[то] солдаты подчиняются не ему, а Совету солдатских и рабочих депутатов. Первые же столкновения показали бессилие Врем[енного] правительства, и оно стало добиваться Коалиционного министерства, которое и учредилось (вошло 4 министра от социалистов). Солдатско-рабочие депутаты согласились на это неохотно, потому что не хотели брать на себя ответственности. Кажется, учреждению Коалиционного министерства помогли угрозы Англии и Франции относительно того, что они, если Россия не восстановит порядка настолько, чтобы воевать с Германией, то наши союзники управятся с Германией сами, без России. Ну, конечно, это угрожало России тем, что все свои компенсации Германия станет искать в России.

По этому поводу у нас сначала были самые тревожные разговоры в публике, в которой иные ожидали чуть не немецкого завоевания. Но все это и было крайне преувеличенно, а с возникновением Коалиционного министерства сила Правительства во всяком случае возросла. Армия же, хотя на основах довольно своеобразных (солдатские советы, выбор офицеров) — все ж упорядочилась, и появившаяся было в ней анархия во всяком случае заменилась некоторым порядком. Я лично думаю что Германия сама крепче ослабла, и вряд ли способна к энергическим усилиям.

Вообще думаю, что в военном отношении нам нет оснований чего-либо опасаться. Так как Правительство уже объявило, что не хочет ни аннексий, ни контрибуций, то приобрести от войны Россия ничего не может. Но возможно, что она и потеряет немного, не считая, конечно, истощения страны и от 40 до 50 миллиардов долгов.

В настоящую минуту у нас таким образом сравнительно благоприятный момент. Удержится ли он и будет ли развиваться, это зависит от того, будет ли прочно Коалиционное министерство.

Так как оно объявило, что само будет, не прекращая войны, стараться о заключении мира, то можно думать; что мир и не далек. Затем открывается неведомый путь внутренней революционной перестройки России. Что нас ждет на этом пути, я отказываюсь предвидеть.

В этом устройстве у нас закладываются две идеи, очень противоположные: демократическая и социалистическая, которые считаются ошибочно совпадающими. В действительности, глубокая демократизация, о которой стараются «кадеты», немыслима без сохранения прав и достояний буржуазии, ибо она существует; социалистическая же идея подрывает буржуазию и в сущности почти уничтожает. Социалистическую идею поэтому можно насаждать только при диктатуре одной лишь части народа, т. е. вообще если не одного пролетариата, то малоимущих классов. При диктатуре же, чьей бы то ни было, демократические учреждения нельзя насаждать. Это в сущности — противоположность. Не знаю, замечают ли это социалисты, или они сознательно под словом «демократия» разумеют пролетариат и малоимущих. Как бы то ни было на этой почве внутреннего устроения; нельзя не ждать большого экономического и социального развала.

Правительство имеет в виду скорейший созыв Учредительного собрания. Но оно, если будет собрано раньше демократической организации народа, может быть только более или менее захватным. Нечто вроде Конвента, который был не народным, а Якобинским. У нас вместо якобинцев могут быть только социалисты, то есть им будет предстоять задача в тысячу раз более трудная и сложная, чем во Франции предстояла Якобинцам. Как они справятся, какими способами, с каким успехом — это загадка, которую едва ли кто может разгадать. Что при этом будут делать другие народы? Произойдут ли у них социальные революции или они соблазнятся мыслью расхватать Россию — это тоже загадка.

Шанс России составляет то, что весь почти мир крайне истощен и утомлен этой беспримерной войной. Это истощение и утомление может дать демократически-социальной России время утроиться. Но насколько велик этот шанс — кто его знает*.

В настоящее время, как слышно, у нас уже заметна эмиграция имущих классов за границу, именно в Швецию. По прекращении войны эта эмиграция может только усилиться. Какое это будет иметь значение предугадать не менее трудно.

* Далее зачеркнуто предложение — «Вообще мне будущее представляется крайне туманным».

Вообще будущее мне представляется очень туманным, и ясно одно, что оно, каков бы ни был окончательный исход, полно болезненных потрясений, полно множества страданий. Увидеть окончательный исход — мне, без сомнения, не суждено, но испытать все горе и страдания и все разорение первого периода — совершенно неизбежно. Конечно, я достаточно объективен, чтобы не судить об интересах России по своим интересам. Но мне страшно за семью. Бедная Мама, зачем она прожила так долго! Неисповедимы судьбы Господни! Да и я сам — почему не умер раньше? Одно можно сказать: против Воли Божией не пойдешь, и да будет Его Воля, как бы тяжко ни было страдание.

А вот относительно Бога — новая Россия проявляет большое отпадение. Трудно и в этом отношении определить степень отпадения народа от Бога, но факт несомненен.

И все это мне пришлось увидеть, пережить, перестрадать, и — это страдание, конечно, находится только вначале. Теперь я вижу цветочки, но придется вкусить и горькие, ядовитые ягодки.

В сущности, не стоит теперь уже вести Дневника. Не зачем записывать, не для чего. Теперь у меня уже кончена жизнь, и если нет еще смерти, то уже началась агония.

Тише, покончен о жизни вопрос,
Больше не нужно ни песен, ни слез.

Мне одно горько: участь семьи. Если бы Господь ее устроил — то личная моя участь не представляет большой важности. Я ухожу с сознанием, что искренне хотел блага народу, России, человечеству. Я служил этому благу честно и старательно. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в идеалах, я не могу отказаться от своих идеалов. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права, им мешать устраиваться как им угодно, хотя бы и гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. В итоге — я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня.

Для меня во всей силе осталась одна задача, единственная: позаботиться о спасении души своей. Да поможет мне Бог в этом, и да будет во всем Его непостижимая Воля. Не остави меня, Господи Боже мой, не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего[453].

20 июля

Сейчас в половину 2-го уехал наш Тихон обратно в Новгород. Он уехал из Москвы, куда приехали проводить его я и Надя. А то больше были в Посаде. Тихон сначала приехал в отпуск. Но начавшийся съезд

ученых монах[ов] заставил его половину отпуска пробыть в Петрограде и на Валааме, ибо он был выбран из Академии в Предсъездную комиссию. Но зато для участия в съезде он получил второй отпуск, так что снова был у нас в Посаде, ибо съезд имел место в Академии.

В общем, очень хорошо провел лето это, благодарения Богу, и мы долго с ним были.

Теперь вот, наконец, уехал окончательно. Давит меня тоска. Жизнь страшно тяжела, и тут расстаться, может быть, навсегда с дорогим человеком — это давит как камень. Благослови Господь путь его, помоги ему жить счастливее меня.

Теперь тревожный и жгучий вопрос о Коле. У него 22 июля должны окончиться экзамены. Как они сойдут? Что дальше? Обычно им давали после экзаменов отпуск, так что мы бы могли повидаться с ним. Но теперь отпуск вообще воспрещен. Дадут ли окончившим экзамены, или двинут сразу на службу, где, с одной стороны, неприятель выбивает не только по 80 %, но и по 100 % офицеров, а с другой, оскорбляют и убивают свои собственные солдаты.

Тяжка жизнь нестерпимо. Я не записываю, что приходится перечувствовать в нашей анархии. Не говорю уже о Галицийском разгроме, о Петроградском восстании большевиков. Но и в обычной жизни — нестерпимо. Только и слышишь о грабежах, насилиях. Ни за один день своей жизни не спокоен.

Теперь, конечно, момент, когда идут толки о создании Правительства независимого и национального, а не «классового», подчиненного «солдатско-рабочим депутатам». Но страшные 6 месяцев анархии отучили от малейшей надежды на какой-нибудь луч света в нашем удушающем мраке.

21 июля

Вчера считалось фактом достижение национального Правительства (а не классового). Сегодня все рушилось. Кадеты отказались войти, п[отому] ч[то] Керенский не хотел или не имел силы добиться от Совета солд[атских] и раб[очих] депут[атов] согласия на объявление, что новое Правительство никому не подчиняется. Вышли [?] кое-какие «программные» разногласия. По-моему, вся суть в первом. Эта неудача сначала чуть не разрешилась полным крахом власти, п[отому] ч[то] даже сам Керенский хотел отказаться от председательства, и с ним целая куча других министров. Эта мысль Керенского для меня доказывает, что ему помешал именно Совет с[олдатских] и р[абочих] депутатов, который, вероятно, не желает выпускать власти из рук. Думаю, что у Керенского это был порыв отчаяния или досады. Но его отговорили, и теперь он будет стараться устроить правительство, скорее, видимость неклассового правительства путем привлече-

ния каких-то «радикалов», хотя такой партии совсем не существует. Не знаю, достигнет ли чего такая видимость. Во всяком случае, положение сразу ухудшилось и, может быть, уже бесповоротно.

По-видимому, у Керенского, при способности развивать нервную силу, далеко нет настоящего характера. Не умеет настоять на своем. Его очевидным утверждением было — необходимость сойтись с кадетами и промышленным классом, и он сначала соглашался с условиями кадетов. Потом вдруг все сразу рухнуло. Не нашел силы преодолеть партийных влияний.

Конечно, я сужу только по газетным сведениям, не зная закулисной стороны событий. Но вряд ли я ошибаюсь. И если мои суждения об этом кризисе верны, то нужно предвидеть, что Керенский недолго сохранит влияние и популярность. Он провалится и у солд[атских] и раб[очих] депутатов, и в других слоях населения, и сойдет на нет.

В сущности, он уже провалился в двух важнейших делах: 1) в наступлении, где полагал воодушевить миллионы солдат своим красноречием, 2) и теперь в попытке создать национальное Правительство. Не подействовало его красноречие ни на армию, ни на Совет депутатов. Вместо наступления получился разгром, вместо национального Правительства пока ничего, а потом, вероятно, тень, ни на что не пригодная.

Нет у него, по-видимому, настоящей силы государственного человека. Жаль. А это был единственный человек, как будто обещавший вывести Россию из тупика.

На фронте теперь вопрос о Корнилове. Чем-то он окажется? Но мое мнение — что в сущности на фронте нам не может угрожать большой опасности. Как бы плохо ни дралась армия — немцы тоже не имеют силы на что-нибудь серьезно угрожающее. Ну даже отодвинут нас верст на сто: что из этого? На завоевание России у них нет силы, п[отому] ч[то] на них давят союзники. Ведь нельзя же завоевать Россию миллионом солдат, а у немцев не найдется и миллиона для движения в глубь страны.

У нас серьезна и страшна внутренняя политика. Если она доведет страну до полного развала и междоусобия, или даже до уничтожения промышленности, — то мы погибнем и без неприятельского нашествия, тем более, что и оно потом может повториться, уже по заключении мира.

Увы, не имею я уже силы помогать родине, не имею и понимания положения, не имею даже достаточно времени жизни. Смотрю только на эту страшную картину развала, и ничего не могу сделать. Лучше бы не думать ни о чем этом, да обстоятельства сами толкают со всех сторон.

Между прочим, продовольствие становится все хуже. Впереди видится голодный призрак полной разрухи средств к жизни и личных и всенародных. Что толку из того, что пролетарии и крестьяне нахватывают неслыханную уйму денег? Деньгами сыт не будешь. Нужен порядок и труд, а для этого нужна национальная власть, и притом сколько-нибудь умная.

Тут нужен гениальный деятель, который бы умел понять идею времени и положения, и осуществить ее, не допуская страну до развала. А такого деятеля нет. Керенский, боюсь, уже доказал, что он не таков, и все его сотоварищи еще в большей степени себя обнаруживают, как самые средние люди. Собственно, по способностям они еще ниже деятелей старого режима, а ведь те были, казалось, ниже всякой критики.

22 июля

У нас события вертятся, как в калейдоскопе. Сегодня в газетах известие, что Керенский снова подал в отставку, мотивируя это тем, что он, очевидно не пользуется достаточным авторитетом. Его стали снова упрашивать и составили совещание из разных партий и Гос[ударственной] думы, чтобы обсудить, что делать. Может быть, Керенский и умен, если он все это проделывает, чтобы все-таки добиться национального Правительства. Во всяком случае, мы пока не в анархии, а только в кризисе, который может разрешиться и благополучно. Уж хоть бы Бог помог достигнуть какого-нибудь общепризнанного Правительства!

Хорошо бы, если бы Керенский оказался настоящим государственным человеком, а то уж больше его не на ком и остановиться в надеждах.

А между тем прошло полгода со времени переворота, и Россия никак не может организоваться. Пора бы!

Августа 14

Приехал в Москву, чтобы взять денег и расплатиться за квартиру. И вот на второй день свалился: воспаление толстой кишки. Один. Доктор дал наставления по телефону, но сам больной не может зайти. Лечился всякими средствами, и слабительными, и клизмами и висмутом [?], и голодом. Лежал в постели. Сегодня как будто полегче.

Здесь теперь великие собрания — Всероссийское совещание, завтра Поместный Собор... Но ничего об этом не знаю, никого не вижу. В первый день со скуки зашел в Собрание Братства святителей, но там только скука. Ничего интересного. Сомневаюсь, чтобы из Собора вышел большой толк. А впрочем — никто как Бог... Относительно Совещания уже и совсем не могу ничего думать. Вопрос как будто и

простой — нужно единение. Да беда в том, что люди разъединены, и в сущности никто не хочет поступаться своим. Старая и вечная история. Люди объединяются около какой-нибудь силы, а силы преобладающей фактически нет. Так и толчемся на месте.

Много я за это время передумал и о себе и о пережитом мной сорокалетии жизни России, — и совершенно не могу сказать ничего другого, кроме того, что приходится сказать о настоящем моменте; нет (или очень мало) единения и безмерно много разъединения. Судить или осуждать — не мог бы никого, потому что тут все были отчасти правы, отчасти виноваты, и общее бедствие состояло из недостатка объединяющей силы. Но никого не обвиняя, я бы теперь мог при помощи своих дневников и воспоминаний написать безусловно беспристрастную картину этого сорокалетия.

Жалко, что раздергивающие нервы события не дают возможности взяться за эту работу. Я бы ее мог сделать в год времени, если бы никто и ничто не мешали. Но теперь наоборот, **все** мешает. Это, конечно, и не важно, п[отому] ч[то] — передо мной стоит другая задача — привести хоть в маленький порядок свою душу. Жизни мне уж, пожалуй, и года не осталось. Так что и с душой своей приходится отдаваться только на милость Божию. Да это и самое благонадежное, п[отому] ч[то] что такое все наши усилия? Жить приходится среди столкновения таких безмерно громадных и почти всегда непонятных сил, что наши усилия сходны с действием дуновения нашего рта во время урагана...

Зазвонили ко всенощной. Завтра Успенье. Завтра же открывается Собор. Для придания ему торжественности и религиозного настроения населения — будут молебны, крестные ходы и особые ектеньи[454]. Я этого ничего не могу ни увидеть, ни услышать, ибо не могу выходить из-за болезни.

Очень мечтал бы уехать в Посад до 20 августа, п[отому] ч[то] около 20 авг[уста] угрожает железнодорожная забастовка. Тогда уж не выскочишь.

Так-то у нас: и молебны, и крестные ходы, и забастовки, и самые разнообразные угрозы. Только и можно сказать: «не отступи от меня, вонми в помощь мою, Господи спасения моего».

15 августа

Успенье. Было «торжественное» по случаю Поместного Собора молебствие на Красной Площади. Я не выходил. Спрашивал по телефону знакомых. Говорят: «очень хорошо». «Сколько народу было на площади?» — «Очень много. — А например, тысяч десять было?» — «Нет, вряд ли десять тысяч»... Ну это для города, в котором теперь

почти 2 миллиона народа, из которых 1 ½ миллиона номинально православных, — очень ничтожная цифра.

В Государственном совещании (конечно, отчет за субботу) тоже немного утешительного. Два — непримиримых направления. Оно, конечно, — у большинства видно желание не ссориться, но готовности хотя бы временно объединиться на едином правительстве — нет.

И в довершение в газетах — объявление стачечного Комитета Московского железнодорожного узла предупреждает публику, что с 12 часов ночи на 20 августа начинается забастовка, прекращается сначала движение пассажирских поездов, а через несколько дней и товарных. Будут пропускать только воинские и санитарные.

Это значит — прекратить доступ продовольствия и топлива.

Я, вероятно, завтра уеду в Посад, а то, пожалуй, застрянешь совсем в городе. Положим, и в Посаде не лучше. Он тоже останется без продовольствия, но там все же гужевой подвоз несколько больше, чем в Москве.

Надо полагать, конечно, что Правительство — уступит и даст рабочим жалованье, ими требуемое. Но это характеристика «единения» и «самоотвержения» в России, а также «всемогущества» и «неограниченности» власти, о которых на все лады говорит Керенский.

Ведь эта власть формально воспретила железнодорожные забастовки. Уже не говорю о требованиях Корнилова «железной дисциплины» на железных дорогах... Корнилов, конечно, не относится к Временному правительству. Но Врем[енное] правительство эвакуирует — и в значительной мере в Москву — Петроград из-за недостатка продовольствия. А железные дороги, номинально правительственные, прекратят Москве подвоз припасов.

Похоже, что мы безысходно погибли. Такого полного отсутствия народного единения — никогда не было, а власть бессильна. Не знаю, зачем собрано Государственное совещание, если у государства нет силы, если его распоряжений не признают организованные силы рабочих и солдат.

16 октября

Девять часов вечера. Сейчас проводили Колю обратно в Петроград. Он этим летом (старшинство, помнится, 3 июля) произведен в прапорщики, и вот получил отпуск. Приехал 4 октября. Провел это время то в Москве, то в Посаде, где все время живут Катя и Надя. Завтра должен явиться на службу. Он пока служит младшим офицером второй роты электротехнического батальона.

Очень утешило нас всех это свидание, пролетевшее, как какое-то мгновение. Коля, благодаря Богу, производит очень хорошее впечатление. Он бодр, даже весел, смотрит на жизнь без нервности, с не-

которым философским спокойствием. С нами всеми, и в Посаде, и здесь, был истинно братом и сыном, и внуком, ну конечно, и здесь все были в радости. По-видимому, ему было тяжело уезжать, хотя он вообще проявил много сдержки и самообладания. Между прочим, мелкая, но характерная черта — действительно бросил курить. Это все же черта характера... Тяжело расставаться с ним. Бог ведает, что будет и увидишься ли?

Я тут с ним делал разные дела по части финансового упорядочения, а также по его личному маленькому хозяйству, и он показал, что за год разлуки приобрел много практичности и деловитости. Вообще он утешил меня, да и всех. Благослови Господь его путь и дальнейшее преуспеяние. Благодарю за него Господа, и славлю Его попечение. Думаю, что он будет добрым братом и сыном. С этой мыслью мне и умирать легче, если судит это Бог. Спаси его Господь!

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Тихомиров Александр Львович** (1882–1955) — иеромонах **Тихон** (1907), сын Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. Закончил Московскую духовную академию (1906), пострижен в монашество; архимандрит (впоследствии епископ), ректор Новгородской духовной семинарии (1913), викарий Новгородской епархии, епископ Череповецкий (1920), Кирилловский (1924). Провел три года (1927–1930) в лагерях, работая на лесозаготовках. Вернулся инвалидом и был уволен по состоянию здоровья. Многие годы провел в затворе в Ярославле, где и скончался. См.: *Фудель С. И. Собр. соч. В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 61, 117, 535, 551, 552.*

[2] **Бобров Павел Семенович** — политический и общественный деятель. Монархист, кандидат в члены Главной палаты «Союза Михаила Архангела». Вел переписку с Л. А. Тихомировым (см.: *Правые партии. 1905—1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Сост., автор введения и комментариев Ю. И. Кирьянов. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 2. С. 604*).

[3] **Тихомирова Екатерина Дмитриевна** (?– 1930-е годы) — урожденная **Сергеева.** Проживала в Орле, училась на фельдшерских курсах. До переезда в Петербург принадлежала к орловскому «якобинскому» кружку П. Г. Зайчневского. На Воронежском съезде была принята в организацию «Земли и воли», после раскола вошла в состав Исполнительного комитета «Народной воли». В 1880 г. обвенчалась с Л. А. Тихомировым.

[4] **Тихомирова Христина Николаевна** — урожденная **Каратаева** (1829 –?) — мать Л. А. Тихомирова. См.: *Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М., 2000. С. 33–42.*

[5] **Тихомирова Надежда Львовна** (1880 –?) дочь Л. А. Тихомирова и Е. Д. Тихомировой. После смерти отца жила в Загорске. См.: *Фудель С. И. Собр. соч. В 3 т. Т. 1. С. 357, 592.*

[6] **Хомяков Дмитрий Алексеевич** (1841–1919) — педагог, церковный деятель, философ славянофильского направления. Старший сын основателя славянофильства А. С. Хомякова. Из старомосковского дворянского рода. Член правых (дворянских) организаций: «Кружок москвичей» и «Союз русских людей» (с 1905 г.). Пользовался авторитетом в церковных кругах (являлся членом Предсоборного присутствия). Его труды оказали влияние на развитие русской консервативной мысли (*Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М., 1903; О классицизме. Харьков, 1904; К истории отечественной бюрократии. Тула, 1904; Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М., 1906; О непротивлении злу. Харьков, 1907; Православие как начало просветительно-бытовое, личное и общественное. М., 1907; Народность. М., 1908; Собор, соборность, приход и пастырь. М., 1917*). Полемизировал с взглядами М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева. Получил поддержку в лице Л. А. Тихомирова, творчески развившего ряд выработанных Хомяковым положений: противопоставление самодержавия и абсолютизма, теорию средостений, представление о необходимости политического «общения» власти и народа, идею русского национализма. См.: *Попов Э. А. Д. А. Хомяков //Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2005. С. 588–589.*

[7] **Кожевников Владимир Александрович** (1852–1917) — историк культуры, философ, публицист. Получил домашнее воспитание, овладел главными европейскими и основными древними языками. Учился в Московском университете в качестве вольнослушателя, к выпускным экзаменам допущен не был и аттестации об окончании

университета не имел. Много путешествовал, совершил паломничество в Святую землю, жил в Западной Европе. В 1874 г. дебютировал книгой «Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке», вызвавшей положительные рецензии в прессе. В 1875 г. познакомился с Н. Ф. Федоровым и стал одним из наиболее близких к нему людей, впоследствии посвятив ему монографию «Н. Ф. Федоров. Опыт изложения его учения...» М., 1908. Ч. 1. Был одним из активных членов «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». Автор трудов: «О добросовестности в вере и неверии» (1909), «Буддизм в сравнении с христианством» (1916) и др. В 1912 г. был избран в почетные члены Московской духовной академии. Скончался от рака желудка. Кожевников завещал свою библиотеку в Московскую духовную академию.

Кожевникова Анна Васильевна — урожденная **Андреева** (1864–1949) — вдова В. А. Кожевникова. Рано осиротела, воспитывалась в сиротском приюте. В 1888 г. окончила «Курс фортепьянной игры по педагогическому отделу» Московской консерватории и получила диплом, подписанный С. И. Танеевым. Преподавала музыку дочерям гр. Шереметьева, вышла замуж за барона Шенгера, который вскоре умер. Кожевников был другом их дома, и барон Шенгер незадолго до смерти говорил, что лучшего мужа ей не найти.

[8] **Лебедев Иван Алексеевич** (?– 1916) — председатель Совета Братства святителей московских Петра, Алексея, Ионы и Филиппа.

[9] **Мансуров Павел Борисович** (1860–1932) — дипломат, духовный писатель; служил в Константинополе секретарем русского посольства. Служил директором Московского главного архива иностранных дел, один из учредителей и участников «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова; член Поместного Собора 1917–1918 гг.; секретарь общины Троице-Сергиевой лавры, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1919 г. в Сергиевом Посаде публично выступал против закрытия Лавры, после чего был вынужден скрываться от ареста. В конце 1922 г. вернулся в Сергиев Посад, где вскоре умерла его жена и жил с семьей сына Сергея Павловича. После отъезда последнего из Посада в 1925 г. жил с семьей В. А. и В. Ф. Комаровских. В 1926 г. арестован и по приговору «минус шесть» отбывал срок, живя в Новгороде. По возвращении в Москву скитался по квартирам, проживая у знакомых. Погиб в столице, сбитый трамваем летом 1932 г. Похоронен на Скорбященском кладбище в Москве (в настоящее время кладбище не существует).

Мансуров Сергей Павлович (1890–1929) — сын П. Б. Мансурова, церковный историк, член «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова, священник (1926), автор незавершенных «Очерков по истории церкви», опубликованных посмертно (*Богословские труды. М., 1971–1972. Сб. 6–7*).

[10] **Самарин Федор Дмитриевич** (1858–1916) — общественный и религиозный деятель. В 1880 г. — предводитель дворянства Богородского уезда, Московской губернии. Член Государственного совета (1906–1907), дважды (при Витте и Столыпине) привлекался в состав правительства и отказался от предлагаемых ему должностей. Друг М. А. Новоселова и один из основателей Новоселовского кружка. Вместе с братьями П. Д. и С. Д. Самариными продолжал после отца издание сочинений Ю. Ф. Самарина. Скончался в Москве. Похоронен на Донском кладбище. (См.: *Шаховская-Шик Н. Д. Мои встречи с С. П. Мансуровым // Надежда. Франкфурт-на-Майне, 1979. Вып. 3*).

Самарин Александр Дмитриевич (1868 / 69–1932) — общественный и церковный деятель, брат Ф. Д. Самарина, дядя М. Ф. Мансуровой. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891). Выступал в качестве церковного публициста. В 1891–1908 гг. — земский начальник в Бронницах (Московская губерния). С 1908 г. — уездный предводитель дворянства. В 1912–17 гг. — член Государственного совета. Был близок к Новоселовскому кружку. С 5 июля по 26 сентября 1915 г. — ис-

полнял обязанности обер-прокурора Святейшего Синода. Выступал против усиления влияния Г. Е. Распутина, за что и был смещен с должности. Сопредседатель Всероссийского Красного Креста (1915–1917). С конца 1916 г. — председатель Постоянного совета объединенного дворянства. В июне 1917 г. — кандидат в митрополиты московские (на выборах Московского митрополита оказался вторым по количеству поданных за него голосов после архиепископа Литовского Тихона (Белавина), будущего патриарха). Член Священного собора Русской православной церкви 1917–18 гг., единственный из мирян кандидат в патриархи. После Октябрьской революции — председатель правления Совета объединенных приходов г. Москвы. Неоднократно арестовывался. Был в числе обвиняемых на процессе Московского совета объединенных приходов 11–16 января 1920 г. (см.: *Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Ч. I–II. М., 1991. Т. 5. С. 232–235*). В 1920 г. приговорен Московским ревтрибуналом к смертной казни, замененной тюремным заключением «до окончания победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом». Вскоре амнистирован. С 1922 г. жил в Абрамцево, экскурсовод в музее-усадьбе, руководил церковным хором в храме. В 1925 г. вновь арестован и сослан в Якутию. В 1929 г. был регентом церковного хора в Костроме, где и скончался. Подробнее см.: *Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных // Мансурова М. Ф. Детские годы. Мансурова М. Ф., Чернышева-Самарина Е. М., Комаровская А. В., Мансуровы; Чернышева-Самарина Е. А. Александр Дмитриевич Самарин. М., 2001.*

[11] **Корнилов Александр Александрович** (1862–1925) — известный в Москве врач-невропатолог, профессор Московского университета, член-учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения»; член-учредитель «Братства Святителей московских» (с 1909), член Совета этого Братства. В его доме на Нижней Кисловке, 6 примерно раз в две недели собирался кружок: «Помню атмосферу этих собраний в светлые зимние вечера в особняке Корнилова. Вдоль стен сидят на стульях гости — больше дамы, молодежь, иногда кое-кто из духовенства [...] Посередине зала, вокруг стола, сидели сами члены кружка — человек 12–15. Вместе с гостями собиралось человек 60–80» // *Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 61.*

[12] **Восторгов Иоанн Иоаннович (Иван Иванович)** (1864–1918) — родился в семье священника. В 1887 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1887–1889 гг. — надзиратель и учитель русского и церковнославянского языков в Ставропольском духовном училище. С августа 1889 г. в священном сане, служил в Ставропольской епархии. С 1894 г. служил в Закавказье. С 1900 г. — епархиальный наблюдатель церковноприходских школ и школ грамоты. С января 1901 г. — протоиерей. Был редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». С августа по октябрь 1901 г. был командирован в г. Урмию (Персия) для обозрения дел Русской православной духовной миссии и ревизии состоящих при миссии школ. С июня 1906 г. служил в Московской епархии в должности проповедника-миссионера с правами противосектантского епархиального миссионера. Член Совета Братства св. Петра митрополита в Москве. Член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде. В августе 1907 г. — участник миссионерского съезда в Нижнем Новгороде. С октября 1907 г. синодальный миссионер-проповедник при Святейшем Синоде. В 1908 г. — участник IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. С 1909 г. — заведующий московскими пастырскими курсами. Настоятель Князе-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме. Основатель Московских высших богословских женских курсов. Подготовил краткое изложение «Монархической государственности» в форме вопросов и ответов, отметив: «В русской литературе имеется прекрасная и обстоятельная работа, выясняющая начала монархического строя, а именно: “Монархическая государственность” Л. А. Тихомирова, в четырех частях. Большой объем книги и высокая ее цена делают ее доступной лишь для немногих. Кроме того, язык книги не приспособлен к пониманию широких народных

масс. Вследствие этого мы даем краткое изложение главных мыслей указанного сочинения в катехизической форме, что значительно облегчает понимание и усвоение предлагаемого материала». См.: *Восторгов И. И. Полн. собр. соч. СПб., 1995. Т. 4. С. 508.* С мая 1913 г. — настоятель Покровского собора (храма Василия Блаженного) в Москве. В начале 1915 г. умерла жена Восторгова — Елена Евпловна (урожденная Маковкина). Смерть супруги тяжело переживалась о. Иоанном, о чем свидетельствуют строки из письма к митрополиту Макарию: «Возлюбленный и незабвенный Владыко, отец мой и архипастырь! От всей души благодарю Вас за слово участия и соболезнование моему горю. Тяжело оно, несказанно тяжело, но да будет и совершится воля Божия. Теперь уже нет у меня ничего на земле, в смысле земных плотских привязанностей: пусть безраздельная любовь в Святой церкви и служение ей совершенно заполнят мою жизнь». См.: *Жития Новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии. Июнь—август. Тверь, 2003. С. 169.* 30 мая 1918 г. арестован ВЧК в Москве. Помещен в московскую внутреннюю тюрьму ВЧК, потом был переведен в Бутырскую тюрьму. Расстрелян в Москве (об обстоятельствах расстрела см.: *Кобяков С. Красный суд // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 4. Т. 7*). Канонизирован. Оставил воспоминания о Февральской революции (см. публ.: *Павликова Л. Ф. Протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов [Воспоминания о Февральской революции в Москве] // Записки Отдела рукописей. М., 2000. Вып. 51. С. 309—317.* Более подробная информация о деятелях Русской православной церкви начала XX в. представлена в работе протоиерея *Владимира Рожкова. Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.*

[13] **Быков Владимир Павлович** — религиозный публицист, участвовал в работе журнала «Итоги жизни» (издавался в 1914 г. с 23 января по 21 августа. № 1–2 — 24–25).

[14] **Тихомирова Вера Львовна** — дочь Л. А. Тихомирова и Е. Д. Тихомировой. Работала в Мариинском убежище для бывших сестер милосердия Красного Креста в Сергиевом Посаде, созданном при покровительстве Великой княгини Елизаветы Федоровны. Публиковала статьи в московских газетах о православной миссии в Японии и Китае. Некоторые сочинения Веры Львовны отложились в личном фонде Л. А. Тихомирова в ГА РФ.

[15] **Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич)** (1862–1936) — митрополит. Окончил Кишиневскую духовную семинарию (1880) и Киевскую духовную академию (1885). Епископ (1899), доктор церковной истории (1904), архиепископ (1907). С 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский. Митрополит (1917). Член Святейшего Синода. Второй из трех кандидатов на Патриарший престол. Привлечен к суду вместе со святителем Тихоном (1922). Сослан в Среднюю Азию. С 1927 г. член Временного Патриаршего Святейшего синода при заместителе Местоблюстителя Патриаршего престола митрополите Сергии (Страгородском). С 1933 по 1936 г. митрополит Ташкентский. Скончался в Ташкенте, был погребен на городском кладбище.

[16] **Флоренский Павел Александрович** (1882–1937) — религиозный философ, математик, искусствовед, православный священник (с 1911). В 1900 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1904 г., одновременно слушал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1904 г. поступил в Московскую духовную академию (окончил в 1908); там же преподавал; был профессором (1912–17). В 1912–17 гг. возглавлял журнал «Богословский вестник»; в 1914 г. издал свой главный труд «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи» (М., 1914). В 1918 г. опубликовал другой фундаментальный труд «У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики)». С середины 1920-х годов работал большей частью в области электротехники. Арестован 22 (9) мая 1928 г. (позднее в том же году освобожден). Вторично арестован в 1933 г. Осужден и 8 января 1937 г. расстрелян. Реабилитирован. В Сергиевом Посаде проживал по адресу Штатная Сергиевская ул., Дом Озерова (*П. А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997*). Помимо общих интересов, существовала еще одна причина для сближения. П. А. Фло-

ренский вспоминал, что когда он был на первом курсе Академии весной 1905 г., вместе с ним в комнате жил «Александр Львович Тихомиров, впоследствии архимандрит Тихон, сын редактора "Московских ведомостей"» (*Флоренский П., священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 300*).

[17] **Новоселов Михаил Александрович** (1864–1938) — духовный писатель, издатель и публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В юные годы — последователь религиозных взглядов Л. Н. Толстого (до 1901), под влиянием которого начал преподавать в сельской школе. В 1888 г. создал одну из первых толстовских земледельческих общин. Печатался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях». Участвовал в религиозно-философских собраниях 1902–03 гг. в Петербурге. Издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902–17) и «Листков Религиозно-философской библиотеки». Противник Г. Е. Распутина. В 1910 г. напечатал в «Московских ведомостях» несколько статей о Распутине (№ 49 — «Духовный гастролер Григорий Распутин», № 72 — «Еще нечто о Григории Распутине» и др.). Был автором брошюры «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), которая несмотря на конфискованный тираж была размножена и широко ходила по рукам (впоследствии В.Д. Бонч-Бруевич отзывался о ней крайне негативно: «многое из сообщенного в брошюре... оказалось ложью, многое крайне преувеличено»). Основатель и руководитель «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой церкви» (организован в 1907), в котором принимали участие о. Иосиф Фудель, о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, В. А. Кожевников, Ф. Д. Самарин и др. В Москве проживал по адресу: Москва, близ храма Христа Спасителя, дом Ковригиной, кв. 12. Был арестован 12 августа 1922 г. и до 19 марта 1923 г. находился под арестом. С 1923 г. и до ареста в 1929 г. жил на нелегальном положении, продолжал свою литературную деятельность. По некоторым данным в 1920 г. тайно принял монашеский постриг с именем Марка, а в 1923 г. в Даниловом монастыре тайно был хиротонисан в епископа Сергиевского и стал деятельным членом «катакомбной» церкви. Один из духовных руководителей движения «непоминающих», прекративших молитвенное общение с заместителем Местоблюстителя Престола Патриаршего митрополитом Сергием (Страгородским) после опубликования последним в 1927 г. «Декларации» о лояльности церкви к советской власти. Был арестован в 1929 г. в Ярославле, как один из организаторов и идеологов оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Приговорен к восьми годам заключения, но 7 февраля 1937 г. был обвинен в «контрреволюционной деятельности» и срок заключения был увеличен. Отбывал заключение в одиночке Ярославского политизолятора. 17 января 1938 г. был приговорен к расстрелу в Вологодской тюрьме. Расстрелян. Канонизирован. Подробнее см.: *Новоселов М. А. Полицейско-врачебный протокол и христианские добродетели. СПб., 1904; Его же. В тихой пристани. (Посвящается братии Зосимовой пустыни). 2-е изд. Сергиев Посад, 1911; Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15; Новоселов М. А. Письма к друзьям. М., 1994; Архив священника Павла Александровича Флоренского. Переписка с М. А. Новоселовым. Томск, 1998. Вып. 2; Переписка священника П. А. Флоренского со священником С. Н. Булгаковым: Архив священника П. А. Флоренского. Томск, 2001. Вып. 4; Арсеньев Н. О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX в. // Современник. Торонто, 1962. № 6; Яковлев А. И. Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX — начала XX века. 2-е изд., испр. М., 2005.*

[18] **Фудель Иосиф Иванович** (1864 / 65–1918) — протоиерей, рукоположен (1889) по благословению преподобного Амвросия Оптинского. С 1892 г. служил в Москве. Настоятель храма свт. Николая в Плотниках. Публицист, издатель Собрания сочинений К. Н. Леонтьева.

[19] Имеется в виду работа Л. А. Тихомирова, получившая в итоге название «Религиозно-философские основы истории». *Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы*

истории. М., 1997. Издано М. Б. Смолиным без ссылки на ГА РФ; см.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 48–58. Последнее известное нам переиздание на момент подготовки данной книги: *Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории / Сост., пред. и прим. М. Б. Смолина. М., 2004.*

[20] **Булгаков Сергей Николаевич** (1871–1944) — русский философ, экономист, богослов. Родился в семье священника. В 1890 г. поступил на юридический факультет Московского университета (окончил в 1894). В 1898–1900 гг. университетом командирован в Германию для подготовки магистерской диссертации о капитализме в земледелии, которую защитил по возвращении в Россию (1900 г.). Увлекался марксизмом, пережив духовный кризис, возвратился к православию. Профессор политэкономии в Киеве (1901–06) и Москве (1906–18). Член II Государственной думы (1907) от кадетской партии. Член Священного собора Русской православной церкви 1917–18. В 1917 г. издал главный философский труд «Свет Невечерний». В 1918 г. рукоположен в иерея. В 1922 г. был арестован и впоследствии выслан из России. С 1923 г. в эмиграции. В 1925–44 гг. профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже.

[21] **Ломакин Игнатий Семенович** (1885–1938) — писатель, журналист, драматург, знакомый С.А. Есенина. Выходец из крестьян. Публиковался в журналах «Лапоть», «Смехач», «Бегемот». В библиотеке этого журнала вышло несколько его книжек. Репрессирован.

[22] **Шечков Георгий Алексеевич** (1856–1920) — землевладелец, юрист, публицист. Окончил юридический факультет Московского университета (1880). Почетный мировой судья и земский гласный. Предводитель дворянства. Помещик, член III и IV Государственных дум. Член Союза Русского народа и Союза Михаила Архангела. В начале 1917 г. — кандидат в члены Совета съездов монархических организаций. Был арестован в Киеве С. Петлюрой и 2 месяца содержался в заключении. После освобождения скрывался, умер в Одессе от сердечного приступа. Похоронен на Преображенском кладбище Одессы.

[23] **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич** (настоящие имя и фамилия — **Радко Русков Дмитриев**) (1859–1918) — окончил Софийское военное училище в Болгарии (1879). Служил в Румелийской милиции и Филиппольской дружине. В 1881 г. окончил одногодичный курс в Константиновском военном училище в России, а в 1884 г. Николаевскую академию Генерального штаба. В 1884–1887 гг. служил в болгарской армии, а с 1887 г. — в русской. В 1888 г. принял русское подданство. С 1898 г. снова в болгарской армии. Во время Балканских войн 1912–1913 гг. командовал 3-й отдельной армией. С октября 1913 г. чрезвычайный посол Болгарии в России. 26 июля 1914 г. вновь поступил на службу в русскую армию. С 3 сентября 1914 г. командующий 3-й армией, с 20 марта 1916 г. — 12-й армией. Генерал-лейтенант (1914). 20 июля 1917 г. снят с командования армией и зачислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. Уехал на Юг России для лечения, в сентябре 1918 г. взят Кавказской Красной армией в число заложников. После мятежа И.Л. Сорокина 18 октября 1918 г. убит большевиками вместе с генералом Н. В. Рузским и другими в Пятигорске.

[24] **Вильгельм (Wilhelm) II Гогенцоллерн** (1859–1941) — последний германский император (1888–1918) и прусский король, двоюродный брат императрицы Александры Федоровны. Свергнут Ноябрьской революцией в Германии в 1918 г.

[25] **Сазонов Сергей Дмитриевич** (1860–1927) — государственный деятель. Землевладелец. Окончил Александровский лицей и с 1883 г. начал службу в МИД. С 1888 г. служил около двадцати лет в заграничных посольствах и миссиях: секретарь посольства, советник и поверенный в делах в Великобритании, чрезвычайный и полномочный посол в Ватикане, посланник в США. Член Государственного совета, гофмейстер. В 1909–1910 гг. товарищ министра иностранных дел. С ноября 1910 г. до июля 1916 г. —

министр иностранных дел. В 1917 г. посол Временного правительства в Великобритании. После Октябрьской революции был министром иностранных дел у А. В. Колчака, член Особого совещания у А. И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции.

[26] **Носкова Мария Дмитриевна** — урожденная **Сергеева** — сестра жены Л. А. Тихомирова — Е. Д. Тихомировой. В молодости участвовала в «хождении в народ». Проживала в Петербурге.

[27] **Говеть** — готовиться к таинству св. причащения.

[28] **Суворин Алексей Сергеевич** (1834–1912) — писатель, драматург, журналист, издатель. Окончил Воронежский Михайловский кадетский корпус (1851), Воронежское саперное Константиновское военное училище (1853), по окончании которого уволен в статскую службу в чине коллежского регистратора. В 1856–1859 гг. преподаватель Бобровского уездного, а в 1859–1861 гг. Воронежского уездного училища. С 1858 г. публикует корреспонденции, рассказы и переводы в столичных и местных изданиях. В 1861 г. переезжает в Москву и увольняется в отставку в чине губернского секретаря. В 1861–1862 гг. секретарь редакции журнала Е. В. Салиас де Турнемир «Русская речь». С 1863 по 1874 г. сотрудник и секретарь редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском инвалиде», «Молве», «Биржевых ведомостях». В 1876 г. вместе с В. И. Лихачевым приобрели газету «Новое время», издателем и фактическим редактором которой Суворин оставался до своей кончины.

[29] **Нейдгардт Алексей Александрович** (1832–1915) — прокурор Московской Синодальной конторы. Не путать с **Нейдгартом Алексеем Борисовичем**.

[30] **«Русский инвалид»** — газета. Основана в 1813 г. как частное благотворительное издание (вся прибыль шла «на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам»). В газете публиковались донесения о действиях армии, приказы и распоряжения по военному ведомству и другая официальная информация. С июля 1917 г. выходила под названием «Армия и флот Свободной России». После Октября 1917 г. закрыта.

[31] **Сухомлинов Владимир Александрович** (1848–1926) — военный деятель. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1867), Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С декабря 1908 г. — начальник Генерального штаба. С марта 1909 по июнь 1915 г. — военный министр. Обвинен в неподготовленности армии к войне. Снят с должности под давлением общественности. В марте 1916 г. арестован. В сентябре 1917 г. приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением, хотя обвинения против него и не подтвердились. Освобожден советской властью в мае 1918 г. в связи с преклонным возрастом (как достигший 70 лет). Эмигрировал за границу. Являлся автором ряда статей и брошюр, посвященных административным, учебным и бытовым вопросам армейской жизни.

[32] **Григорович Иван Константинович** (1853–1930) — военный деятель. Получил образование в Морском корпусе. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–78 гг. и Русско-японской войне. С февраля 1909 г. товарищ морского министра. Русский адмирал (27 сентября 1911). С 19 ноября 1911 г. морской министр. Руководил разработкой Большой и Малой военно-морских программ. Генерал-адъютант (1912). С 1913 г. член Государственного совета. 28 февраля 1917 г. отстранен от должности министра. После Октябрьской революции работал сотрудником Морской исторической комиссии по обобщению опыта мировой войны и боевых действий на море, затем старший архивариус Морского архива. Осенью 1924 г. выехал из России для лечения и остался во Франции.

[33] **Горемыкин Иван Логгинович** (1839–1917) — государственный деятель. Окончив Императорское училище правоведения (1860), начал службу в канцелярии 1-го департамента Сената, затем был чиновником особых поручений в комитете по делам Царст-

ва Польского. В 1866 г. назначен Плоцким вице-губернатором, в 1869 г. перемещен на ту же должность в Келецкую губернию. В 1882 г. назначен исполняющим должность товарища обер-прокурора 1-го департамента Сената, в 1884 г. — обер-прокурором 2-го департамента Сената. В 1891–1894 гг. — товарищ министра юстиции, с 1894 г. — сенатор и управляющий Межевой частью Министерства юстиции на правах товарища министра. В 1895 г. стал товарищем министра внутренних дел и с октября занял пост министра (занимал до 1900). С конца 1899 г. — член Государственного совета. В апреле 1906 г. назначен председателем Совета министров. Пробыл на этом посту до июля 1906 г. Уволен. В январе 1914 г. вновь назначен на пост председателя Совета министров. Выступал противником IV Государственной думы и «Прогрессивного блока». Был связан с кружком Г. Е. Распутина. В январе 1916 г. был заменен Б. В. Штюрмером. После Февральской революции арестован. Давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После освобождения летом 1917 г. получил разрешение выехать с семьей на Кавказ. Уехал в имение близ Сочи, при разгроме которого был убит бандитами.

34 **Зосимова Пустынь** (Смоленская) — мужской монастырь в 25 км. от Троице-Сергиевой Лавры. Основана в XVII в., восстановлена после временного запустения в середине XIX в. Духовного руководства Зосимовских старцев — игумена Германа (Гомзина; 1844–1923), иеросхимонаха Алексея (Соловьева; 1846–1928) — искали в т. ч. и члены Кружка ищущих христианского просвещения: о. Павел Флоренский, С. Н. Булгаков, М. А. Новоселов и др. См.: *Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля Твоя. М.; СПб., 1993. Ч. II. Свято-Смоленско-Зосимова пустынь. История и возрождение. М., 1994.*

35 См.: *Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом // Иллюстрированное приложение к «Вестнику иностранной литературы» 1904 г. СПб., 1904* (репринтное переиздание — М., 1992).

36 **Батайль** (правильное написание — **Батай**) (**Bataille**) — под этим именем выступал **Карл Хакс** — французский исследователь масонства, который вместе с мистификатором Лео Таксилем (псевдоним, настоящее имя — Габриэль Антуан Жоган Пажес) выпустил издание «Дьявол в XIX веке», в котором описывал свои похождения в подземных храмах, участие в тайных мессах, встречи с масонами и дьяволопоклонниками и т. п. (см.: *Парнов Е. Инфернальные связи // Орлов М. А. История сношений человека с дьяволом. М., 1992. С. 350–351).* Ссылки на Батайля использовались многими русскими правыми при описании деятельности тайных обществ, в т. ч. и С. А. Нилусом в работе «Близ есть, при дверех». См.: *Нилус С. А. Полн. собр. соч. М., 2002. Т. 5. С. 357.* Характерна уничижительная оценка работы Батайля, данная С. П. Белецким: «В России масонством занимаются преимущественно деятели крайних правых организаций. Я читал их произведения и не знал, чему более изумляться, абсолютному ли незнакомству их с предметом, или же развязанности, с которой они преподносят русской публике измышления, почерпнутые из нелепейших произведений французских писателей-шантажистов вроде Лео Таксиля (Жоган Пажес), доктора Батайля, Поля Розена и т. п.». См.: *Белецкий С. П. Докладная записка / Публ., вступ. ст. и комм. В. Э. Багдасаряна // Наш современник. 2004. № 8. С. 196.*

37 Последние три главы своей книги М. А. Орлов целиком посвятил пересказу «громадной книги» Батайля «в двух томах» (*Орлов М. А. Указ. соч. С. 264–344*), завершив этот пересказ словами: «Много можно было бы еще позаимствовать диковин подобного рода из книги Батайля, но все эти чудеса в большом количестве начинают, что называется, приедаться, потому что число эффектов в конце концов исчерпывается и они повторяются». *(Там же. С. 344).*

38 **Булгаков Павел Ильич** (1865 –?) — генерал от артиллерии (1914). Получил образование в Михайловском артиллерийском училище и Михайловской артиллерийской академии. С 11 ноября 1902 г. командир 2-й резервной артиллерийской бригады.

15 июля 1907 г. назначен и. д. начальника (с 28 июля 1910 г. инспектор) артиллерии 14-го армейского корпуса (30 июля 1907 г. утвержден). 12 октября 1911 г. получил в командование 25 пехотную дивизию, которая с началом войны вошла в состав III АК 1-й армии генерала П. К. Ренненкампфа. Участвовал в боях в Восточной Пруссии. 6 декабря 1914 г. назначен командиром 20-го армейского корпуса. В январе 1915 г. награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В феврале 1915 г. корпус Булгакова был разгромлен, а сам он попал в плен вместе с штабом корпуса. 12 марта 1915 г. отчислен от должности за нахождением в плену.

[39] **Сиверс Фаддей Васильевич** (1853–1915) — генерал от инфантерии (1912). Окончил академию Генерального штаба (1881). В Первую мировую войну командовал 10-й армией Северо-Западного фронта. После ее поражения в феврале 1915 был отстранен от командования и 15 апреля 1915 г. уволен в отставку. Находясь в состоянии депрессии, тяжело переживая поражение армии, застрелился.

[40] **Эверт Алексей Ермолаевич** (1857–1918, по другим сведениям — 1926) — генерал от инфантерии (1911). Окончил 3-е военное Александровское училище (1876) и Николаевскую академию Генерального штаба (1882). Участник Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской войн. В 1906–1908 гг. начальник Главного штаба Военного министерства, затем командир 13-го армейского корпуса. Генерал-адъютант. С 1912 г. командующий войсками Иркутского военного округа и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. В Первую мировую войну командующий 10-й армией (с 11 августа 1914) и 4-й армией (с 22 августа 1915), главнокомандующий армиями Западного фронта (с 20 августа 1915). Как военачальник проявил чрезмерную осторожность и нерешительность. 22 марта 1917 г. уволен в отставку. Жил в Смоленске и Верее. По некоторым сведениям арестован и убит конвоирами.

[41] **Рузский Николай Владимирович** (1854–1918) — генерал от инфантерии (1909). Окончил Константинопольское военное училище (1872), Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Служил в штабах различных воинских частей. В Русско-японскую войну начальник штаба 2-й Маньчжурской армии. С 1906 г. командир 21-го армейского корпуса. С 1912 г. — помощник командующего войсками Киевского военного округа. В июле 1914 г. назначен командующим 3-й армией, в сентябре 1914 г. — главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. Генерал-адъютант (1914). С 1915 г. член Военного совета Военного министерства. С августа 1915 по апрель 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. Уволен со службы по болезни. В сентябре 1918 г. попал в число заложников, взятых Красной армией, и был расстрелян.

[42] **Романов Николай Николаевич** (1856–1929) — Великий князь, дядя Николая II. Окончил с отличием Академию Генерального штаба. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 20 июля 1914 г. до 23 августа 1915 г. — Верховный главнокомандующий русской армией, затем в 1915–1917 гг. — главнокомандующий Кавказским фронтом. В первые дни Февральской революции объявил, что «сочувствует делу революции». Был вновь назначен главковерхом при отречении Николая II, но был отстранен от этой должности Временным правительством. После Октябрьской революции эмигрировал. Был выдвинут монархическими кругами на императорский престол.

[43] **Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911) — происходил из старинного дворянского рода. Окончил Виленскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета (1885). В 1887–1889 гг. служил в департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. С 1889 г. предводитель дворянства в Ковенском уезде, с 1897 г. ковенский губернский предводитель дворянства. В 1902 г. назначен гродненским, в 1903 г. саратовским губернатором. С апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июня 1906 г. одновременно председатель Совета министров. Гофмейстер (1906), член Государственного совета (1907), статс-секретарь

(1908). 1 сентября 1911 г. смертельно ранен Д. Г. Богровым в Киевском оперном театре.

44 **Козлова Анна Александровна** — бывшая сотрудница газеты «Московские ведомости» в период редакторства Л. А. Тихомирова.

45 Возможно, **Икскуль фон Гильденбрандт Юлий Александрович** (1853–1918) — барон, действительный статский советник (1891), действительный тайный советник (1912). Помощник статс-секретаря Государственного совета (1885), статс-секретарь Государственного совета (1895), товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1899), товарищ государственного секретаря (1899), сенатор (1903, с оставлением в предыдущей должности), государственный секретарь (1904–1909), член Государственного совета по назначению (1909–1917).

46 **Фудель Нина Иосифовна** (?– 1971) — дочь о. И. Фуделя, сестра С. И. Фуделя.

47 **Андреев Федор Константинович** (1887–1929) — священник, преподаватель, богослов. Окончил 3-е реальное училище в Петербурге, затем 2–3 курса Института гражданских инженеров. Познакомился в Петербурге с И. П. Щербовым, который направил его в Москву к М. А. Новоселову. Здесь произошло знакомство и с П. А. Флоренским. По окончании учебы в Московской духовной академии (1903–1913) защитил в июне 1913 г. кандидатскую диссертацию «Ю. Ф. Самарин, как богослов и философ». С августа 1913 г. был и. д. доцента МДА по кафедре Систематической философии и логики. В этот период поддерживал духовное общение со старцем Алексием Зосимовой Пустыни. Около 1920 г. после закрытия в 1919 г. МДА, вернулся в Петроград, где вместе с И. П. Щербовым открыл в башнях Александро-Невской Лавры Пастырские курсы. В 1921 г. открыл на Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке Богословский институт. В декабре 1922 г. рукоположен в священнический сан. Служил в Казанском и Сергиевском соборах, в соборе Воскресения на Крови. Был одним из лидеров движения «иосифлян». Арестовывался по обвинению в контрреволюционной агитации. Умер от воспаления легких, осложненного болезнью сердца.

48 **Ширинский-Шихматов Алексей Александрович** (1862–1930) — князь государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. В 1890 г. назначен помощником юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода, которым состоял до 1894 г. В этом году был назначен прокурором Московской Синодальной конторы и управляющим всеми недвижимыми имуществами, принадлежавшими Синоду в Москве и ее окрестностях. Руководил подготовкой торжеств, связанных с прославлением преподобного Серафима Саровского. С 1903 г. — Тверской губернатор. В октябре 1903 г. — гофмейстер. В мае 1905 г. — товарищ обер-прокурора Синода, в апреле—июле 1906 г. — обер-прокурор. С 1906 г. член Государственного совета. Один из активных деятелей Русского собрания. Вице-председатель императорского православного Палестинского общества. В 1915 г. основал Общество Возрождения художественной Руси. С осени 1916 г. председатель Особого комитета для борьбы с злоупотреблениями, порожденными тыловой обстановкой (уклонение от воинской повинности и пр.). В 1915 — феврале 1917 гг. входил в кружок члена Государственного совета А. А. Римского-Корсакова, подготовившего несколько записок на имя Николая II. После Октябрьской революции переехал в Москву, где участвовал в деятельности подпольных монархических организаций. Эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921 г. Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. В 1924 г. переехал в Париж. В 1928 г. был председателем президиума монархического съезда в Париже.

49 **Саблер Владимир Карлович** (с 20 ноября 1915 — **Десятовский**) (1845–1929) — государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1867), в котором впоследствии читал лекции. С 1881 г. на различных должностях в Святейшем синоде. В 1883 г. назначен управляющим канцелярией Святейшего сино-

да. В 1887 г. состоял личным секретарем Великой княгини Екатерины Михайловны. В 1892–1905 гг. товарищ обер-прокурора Святейшего синода. С 1905 г. в отставке. Член Государственного совета с 1905. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Святейшего синода. Пользовался поддержкой Г.Е. Распутина. Во время Первой мировой войны с разрешения императора сменил фамилию, как похожую на немецкую. После отставки отошел от политической деятельности. После революции арестовывался. Последний раз в 1926 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)». Был выслан в Тверь, где и скончался, живя в бедности.

[50] **Назаревский Борис Владимирович** (? — после 1917) — общественный деятель, публицист, литератор и редактор правого толка. Брат московского историка В.В. Назаревского. Служил в Московском цензурном комитете. Участвовал в религиозных чтениях для московских рабочих. В 1907–1908 гг. — товарищ председателя Русского монархического собрания в Москве, возглавлявшегося в это время (после кончины В.А. Грингмута) о. И.И. Восторговым. Был одним из главных докладчиков на заседаниях Собрания. В 1908 г. был избран членом Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела. Неоднократно участвовал во Всероссийских съездах русских людей. В 1914 г., после ухода Л.А. Тихомирова с поста редактора, возглавил «Московские ведомости», являясь «выдвиженцем» И.И. Восторгова и его единомышленников. Был в числе организаторов Отечественного патриотического союза.

[51] **Гермоген Жировицкий (Долганов Георгий Ефремович)** (1858–1918) — епископ Тобольский и Сибирский. Окончил юридический факультет Новороссийского университета, прошел курс математического факультета. В 1889 г. поступил в Петербургскую духовную академию. В 1890 г. пострижен в мантию, затем рукоположен в иеродиакона; в 1892 г. — в иеромонаха. В 1893 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия и был назначен инспектором, а в 1898 г. — ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1901 г. — епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; в 1903 г. — епископ Саратовский. Способствовал приближению Г.Е. Распутина к царскому двору, но затем открыто выступил против него. За выступления против Распутина лишен кафедры. В 1912 г. уволен от управления Саратовской епархией с назначением пребывания в Жировицком Успенском монастыре Гродненской епархии. С августа 1915 г. назначено пребывание в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии. С марта 1917 г. — епископ Тобольский и Сибирский. Член Священного Собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Был арестован в 1918 г. и утоплен большевиками в реке Тоболе при приближении белых к Тобольску. Канонизирован. См.: *Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1958–1918). Саратов, 2006. С. 332.*

[52] **Ладыженский (Лодыженский) Митрофан Васильевич** (1852–1917) — богослов, писатель-мистик, драматург, религиозный философ, действительный статский советник. Из религиозной семьи. Закончил Петербургский земледельческий институт (1873) и поступил на службу в Корпус лесничих. В 1879 г. утвержден в должности старшего лесного ревизора Тульской и Калужской губерний. В 1881 г. избран почетным мировым судьей Чернского уезда, в 1896 г. назначен вице-губернатором Семипалатинской губернии, затем — вице-губернатором Витебской губернии. Выйдя в отставку, занялся литературным трудом (подробнее см.: *Тульский краеведческий альманах. 2005. Вып. 3. С. 107–113*). Автор ряда сочинений религиозно-философского содержания, нашедших позитивный отклик современников и ряда видных иерархов Русской православной церкви (См.: *Лодыженский М. В. Мистическая трилогия. «Сверхсознание и пути к его достижению» (СПб., 1911), «Свет незримый» (СПб., 1912) и «Темная сила» (СПб., 1914); современное переиздание. [М.], 1998. Т. 1–3*).

[53] **Тихомиров Николай Львович** — младший сын Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. Был репрессирован в 1920-е годы (по одной версии — расстрелян, по другой — скончался от болезни).

[54] Ср.: «3. Лев Александрович Тихомиров, бывший редактор "Московских ведомостей". Невысокий, жилистый, сейчас седой. Красные глаза, стоящие гривой волосы. Гнев, не знающий границ, гордость, величественность. Когда расположен, то очень любезен и приветлив. Темперамент — не допускающий препятствий себе. Резок, суров, но может быть и весьма любезным. Был революционером крайнего направления, и таким остался. Благороден, но в ярости не знает никаких границ. Умен, начитан, с большими интересами; но ум его острый и разрывающий материал как добычу, не особенно плодотворен: начинает всегда очень сильно, а потом всю деятельность разоряет, и никакого заключения нет — нет. С семейными — резок, но семьянин, вероятно, хороший. Любит деньги, скупится, и сам же негодует на себя. Правдив и прям. Рассудочность и скептицизм, но не ослабляющий напора». См.: *Флоренский П.А. <Словарь имен> // Сочинения. В 4т. / Сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). Т. 3 (2). М., 1999. С. 346–347.*

[55] **«Богословский вестник»** — журнал Московской духовной академии (1892–1918); в 1912–1917 гг. его редактором был о. Павел Флоренский.

[56] **Старостин Павел** — работник у Тихомировых, муж Дуняши.

[57] **По (Pau) Поль-Жеральд-Мари-Сезар** (1848–1932) — французский дивизионный генерал. Образование получил в Сен-Сирской военной школе (1869). Выпущен в пехоту. Участник Франко-прусской войны 1870–71 гг. С 1909 г. член Высшего военного совета. С 1913 г. состоял в резерве. После начала войны 15 августа 1914 г. на правом фланге 1-й армии сформирована Эльзасская армия, во главе которой поставлен По. Вскоре после сражения на Марне армия расформирована и ее части распределены по соседним армиям. В дальнейшем состоял на военно-дипломатической работе, возглавлял французскую военную миссию в России. 27 сентября 1916 г. ему присвоено звание почетного казака Кисловодской станицы Кубанского казачьего войска. С июля 1918 г. по март 1919 г. — член французской миссии в Австралии. Затем возглавлял общество ветеранов войны.

[58] **Мария Павловна** (1854–1920) — урожденная принцесса **Мекленбург-Шверинская**. Жена Великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II, президент Академии художеств.

[59] **Победоносцев Константин Петрович** (1827–1907) — государственный и политический деятель, правовед и историк права, публицист. Коллежский асессор (1849), надворный советник (1852), коллежский советник (1854), статский советник (1858), действительный статский советник (1863), обер-прокурор 8-го департамента Сената (1863). В 1859 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1860 г. избран профессором Московского университета по кафедре гражданского права. В 1861 г. и далее, на протяжении ряда лет, преподавал законоведение членам царской семьи в т.ч. будущим императорам Александру III и Николаю II. Покинув Москву, переехал в Петербург, стал тайным советником и сенатором, назначен членом Государственного совета, с 1880 по 1905 г. занимал должность обер-прокурора Святейшего синода Русской православной церкви. Тихомиров писал о «Московском сборнике» Победоносцева. См.: *Тихомиров Л. Петербургские адвокаты великой лжи // Русское обозрение. 1896. № 11.*

[60] **Фудель (Емельянова) Евгения Сергеевна** (1865–1927) — жена И.И. Фуделя, мать С.И. Фуделя

[61] **Фомина неделя** — первое воскресенье после Пасхи (Антипасха).

[62] Управлением по делам печати против Тихомирова был инсценирован судебный иск по статье 1034 по обвинению в клевете против Окулича. Сам Тихомиров считал, что «это — подлая интрига истинной сволочи комитета по делам печати Истомина (Владимира Аввакумовича), Слепцова и Вознесенского. Эти господа злятся, что я их не печатаю, а что мне делать, когда их статьи — дрянь. Они злятся, что у меня имеет хороший заработок Сидоров, которого ненавидят Истомин и Слепцов. Слеп-

цов — потому что он дрянный чиновник и имеет много неприятностей от Сидорова. А Истомин — потому что Сидоров председатель <...> Они тщательно следят, нельзя ли "поймать" "Московские ведомости", и вот нашли глупейшую придирку (якобы нарушение предписания), тайком составили большинство голосов, выбрали такое заседание, когда не было Сидорова и Языкова, и составили "постановление" о привлечении меня к суду <...> Думаю, что прокурор тоже будет непрочь "насолить" "Московским ведомостям", да и судейские тоже». См.: *Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины. 1909г. // Красный архив. 1936. №1. С. 176.* В результате Тихомирова осудили на два месяца тюрьмы, но он отделался штрафом.

63 **Маркграф Антон Васильевич** — брат **Маркграфа Отто Васильевича** — лесовод по специальности, муж сестры Тихомирова — Марии Александровны Тихомировой.

64 **Соковнина К.Д.** — писательница, публиковалась в «Московских ведомостях».

65 **Гаер** — в старину: балаганный шут.

66 **Снегирев Константин Владимирович** — глазной доктор, у которого лечился Тихомиров.

67 **Васнецов Виктор Михайлович** (1848–1926) — русский художник. Оказал материальную поддержку Л.А. Тихомирову при издании «Монархической государственности» и подбирал шрифты к книге. Был близок к Кружку ищущих христианского просвещения. См. переписку В. М. Васнецова и Л. А. Тихомирова: *Великий художник — «инвестор» реакции? // Преображение. Нижегородская молодежная православная газета. 1999. №10–11.*

68 **Пересвет Александр** (?– 1380) — монах Троице-Сергиева монастыря, герой Куликовской битвы. Его поединок с татарским богатырем Темир-мурзой (Челубеем), в котором оба погибли, стал началом сражения.

69 **Витте Сергей Юльевич** (1849–1915) — государственный и политический деятель. С 1878г. начальник эксплуатационного отдела правления Общества Юго-Западных железных дорог. В 1889–1892гг. директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Активно содействовал организации постройки Великой Сибирской магистрали. В феврале — августе 1892г. управляющий МПС, с августа 1892г. министр финансов. Провел ряд экономических преобразований. Ввел винную монополию (1894), осуществил денежную реформу (1897). С августа 1903 по 1905г. председатель Комитета министров. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905). Был удостоен графского титула. Один из авторов Манифеста 17 октября 1905г. Первый председатель Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906).

70 **Витте Матильда Ивановна** (1863 — не ранее 1920) — урожденная **Нурок**. Графиня, по первому браку Лисаневич, вторая жена С. Ю. Витте.

71 **Иов** — библейский праведник, безропотно переносивший посланные ему свыше страдания, главный персонаж Книги Иова, входящей в состав Ветхого Завета.

72 Не путать с основателем «Русского архива» **П. И. Бартеневым** (1829–1912).

73 **Сытин Иван Дмитриевич** (1851–1934) — известный русский издатель-просветитель. Начал издательскую деятельность в 1876г. в Москве, открыв свою типографию. После Октябрьской революции состоял консультантом в Госиздате. С 1928г. — персональный пенсионер.

74 **Виссарионов Сергей Евлампиевич** (1867 –?) — действительный статский советник, председатель петроградского Комитета по делам печати, член совета Главного управления по делам печати, член Совета министра внутренних дел, вице-директор Департамента полиции (1908–1913).

75 **Муратов Павел Павлович** (1881–1950) — писатель, публицист, культуролог, искусствовед, издатель. В 1921 г. — член ПОМГОЛа, арестовывался ВЧК. В 1922г. выехал

в заграничную командировку, откуда не вернулся. Жил в Германии, с 1924 г. — в Риме, с 1927 г. — в Париже.

[76] **Стремоухов Петр Петрович** (1865 –?) — егермейстер, сенатор, сувалкский (с 1904), саратовский (1911), костромской (1912), а затем (с 19 января 1915) — варшавский губернатор. Затем главноуполномоченный по устройству беженцев Ярославской и Костромской губерний. С 1916 г. директор департамента общих дел Министерства внутренних дел (до осени 1917). Эмигрировал, оставил воспоминания (*Стремоухов П. П. Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // Русская летопись. Париж, 1925. Кн. 7*).

[77] **Колемин Юрий Александрович** — секретарь посольства в Мадриде, затем секретарь канцелярии МИД. М. А. Новоселов издал его книгу: *Колемин Ю. А. Авторитет в вопросах веры. Сергиев Посад: Издание «Религиозно-философской Библиотеки», 1915.* В виде реферата эта книга читалась в Петрограде 10 декабря 1914 г. на общем собрании Всероссийского Братства святителя Иосафа Белгородского, чудотворца.

[78] **Кузнецов Николай Дмитриевич** (1868–1930/31?) — богослов, магистр церковного права, присяжный поверенный Московской судебной палаты, член Предсоборного Присутствия, член Святейшего Собора Православной русской церкви, профессор Московской духовной академии. Член Кружка ищущих христианского просвещения. После Октября 1917 г. выступал в защиту патриарха Тихона и церкви. Входил в Совет Союза объединенных приходов г. Москвы. Арестован по «делу» Союза объединенных приходов в 1919 г. В 1920 г. был приговорен к расстрелу, замененному «концентрационным лагерем». В 1921 г. освобожден и вновь арестован около 1928 г. Умер в ссылке (точная дата смерти неизвестна). См.: *Голубцов С. Московская духовная академия в начале XX века. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. С. 56–57.*

[79] **Андреев Александр Андреевич**, не путать с Андреевым Федором Константиновичем (о. Федором).

[80] **Дешамп П.** — французский ученый, исследователь тайных обществ, рассматривавший влияние масонства на политику Франции (*Deschamps P. Les Sociétés Secrutes et la société ou philosophie de l'histoire contemporaine. Avignon-Paris, 1882).*

[81] Строки из стихотворения И.-Ф. Шиллера «Торжество победителей»:

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи!
— Спящий в гробе, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущий!

[82] **Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918) — генерал от инфантерии (1917). Родился в семье коллежского секретаря, бывшего казачьего офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892) и Академию Генерального штаба (1898). Шесть лет, начиная с августа 1899 г., служил в штабе Туркестанского военного округа. Участник Русско-японской войны. В 1907–1911 гг. военный агент в Китае. В Первую мировую войну командовал дивизией. Был произведен в генерал-лейтенанты. В конце апреля 1915 г. в ходе Карпатского сражения дивизия была разбита, и Л. Г. Корнилов попал в плен. В июле 1916 г. бежал из плена через румынскую границу, за что был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и в сентябре назначен командиром 25-го армейского корпуса. В марте — апреле 1917 г. — главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, с апреля — командующий 8-й армией Юго-Западного фронта. С июля — главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, затем — верховный главнокомандующий. 25 августа выступил против Временного правительства и направил войска на Петроград. Был смещен со своего поста А. Ф. Керенским и объявлен вне закона. После ликвидации выступления был арестован. Освобожден в ноябре 1917 г. по приказу начальника штаба главковерха Н. Н. Духонина. Уехал на Дон, где вместе с М. В. Алексеевым возглавил формирование

Добровольческой армии. С декабря 1917 г. — командующий Добровольческой армией. Убит при штурме Екатеринодара.

[83] **Плевако Валериан Доримедонович** — юрист, с которым Тихомиров решал правовые вопросы.

[84] **Плеве Павел Адамович** (1850–1916) — генерал от кавалерии (1907). Окончил академию Генерального штаба (1877). Командующий войсками Московского военного округа. После начала Первой мировой войны командующий 5-й армией. 14 января 1915 г. получил вновь сформированную на Ломжинском направлении 12-ю армию. 25 января (7 февраля) начались бои на Осовецком направлении. Действия Плеве сорвали план германского командования по уничтожению 10-й армии Ф. В. Сиверса. 8 июня 1915 г. назначен командующим 5-й армией. С 6 декабря 1915 г. сменил Рузского на посту главнокомандующего армиями Северного фронта. В феврале 1916 г. уволен от занимаемой должности в связи с назначением в Государственный совет (назначен членом Государственного совета 5 февраля 1916). Вскоре скончался от болезни.

[85] **Мясоедов Сергей Николаевич** (1865–1915) — из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1883) и 3-е военное Александровское училище. В 1892 прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов, с 1894 г. помощник начальника, затем начальник Вержболовского отделения Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог. За «коммерческую» деятельность на границе был снят с должности и в 1907 г. уволен со службы. Был в числе организаторов Русского Северо-Западного пароходства. Установил дружеские отношения с военным министром В.А. Сухомлиновым, при поддержке которого в 1911 г. вновь восстановлен на воинской службе в Отдельном корпусе жандармов. По поручению министра пытался организовать отделение по выявлению «неблагонадежных» военнослужащих. Полковник (1912). Был обвинен А.И. Гучковым в шпионаже. В апреле 1912 уволен. В начале Первой мировой войны с согласия командующего 10-й армией назначен в разведотдел. В феврале 1915 г. арестован. Был обвинен в шпионаже в пользу немцев и приговорен к смертной казни (См.: *Шацилло К. Ф. Дело полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. №4*).

[86] **Сидоров А.А.** — политический деятель, монархист, член Отечественного патриотического союза.

[87] **Игнатьева Софья (София) Сергеевна** (1850–1944), урожденная кн. **Мещерская.** Графиня, вдова генерала-лейтенанта А.П. Игнатьева, играла видную роль в «Русском собрании» и правых кругах, продолжая поддерживать салон, в котором еще при жизни супруга принимали гостей правых убеждений.

[88] **Назаревский Владимир Владимирович** — председатель Московского цензурного комитета, историк, с 1915 г. до закрытия газеты — редактор «Московских ведомостей» (сменил на этом посту своего брата Б. В. Назаревского).

[89] **Гефсиманский (Черниговский)** скит при Свято-Троицкой Сергиевой лавре основан в 1844 г. святителем Филаретом (Дроздовым). В 1852 г. в скит была передана чудотворная икона Черниговской-Ильинской Божией Матери. На территории скита, возле церкви, похоронены К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов.

[90] **Зомбарт Вернер (Sombart Werner)** (1863–1941) — немецкий философ и экономист, один из основоположников социологии. В 1915 г. утверждал: «Сама лучезарная особенность нашего мышления состоит в том, что мы уже на этой грешной земле воссоединяемся с божественным... Мы — божий народ. Как немецкая птица — орел — летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех окружающих его народов».

[91] **«Московские ведомости»** — одна из старейших российских газет, до 1909 г. издание Московского университета (печаталась в Университетской типографии), выходила в Москве с 26 апреля 1756 г. до 27 октября 1917 г., до 1842 г. два раза, до 1859 г. — три раза

в неделю, затем ежедневно. Редактора: в 1875–87 гг. — М.Н. Катков; в 1887–96 гг. — С.А. Петровский; в 1896–1907 гг. — В.А. Грингмут; в 1907 г. и 1912 г. (несколько месяцев) — барон А.Э. Нольде; в 1908–09 гг. — А.С. Будилович; в 1909–13 гг. — Л.А. Тихомиров; в 1914 г. — Б.В. Назаревский; в 1915–18 гг. — В.В. Назаревский. В 1905 г. редакция стала центром формирования Русской монархической партии и в последующие годы отражала ее платформу. Направление газеты определяли Грингмут, К.Н. Пасхалов, Н.А. Знаменский, Б.В. Назаревский, Л.А. Тихомиров и др. В годы Первой мировой войны выступали за продолжение войны до победного конца. После ряда поражений армии редакция выступала с жесткой критикой правительства, намекая на существование «прогерманского заговора» в верхах, при этом подчеркивая непричастность монархии к политическому кризису в стране. После Февральской революции газета критиковала действия Временного правительства, летом 1917 г. поддержала меры, предложенные генералом Л.Г. Корниловым. 27 октября 1917 г. закрыта по постановлению Московского ВРК (См.: *Исхакова О.А. Московские ведомости // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. С. 300–304*).

[92] **Гогенцоллерны** — династия бранденбургских курфюрстов (1415–1701), прусских королей (1701–1918) и германских императоров (1871–1918). Наиболее известен Вильгельм II (1859–1941), низвергнутый Ноябрьской революцией 1918 г., уничтожившей монархию в Германии.

[93] **Гермоген (Ермоген)** (ок. 1530–1612), патриарх Московский и Всея Руси. Заключен поляками в тюрьму Чудова монастыря, где и погиб от голода, или убит. Канонизирован.

[94] О майских погромах в Москве. См.: *Харламов Н. Избиение в первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года // Родина. 1993. №8–9; Кирьянов Ю. И. «Майские беспорядки» 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. №12; Шумихин С. Русский бунт как он есть. Немецкие погромы 1915 года (по неопубликованным материалам) // Независимая газета. 1998. 14 июля; Осин В., Филимонов Б. «Окончание с внутренними немцами». Русские письма после погромов 1915 года: перлюстрация мнений // Независимая газета. 1998. 27 ноября; Рябиченко С. Три дня из жизни неизвестной Москвы. Погромы 1915 г. М., 2000; Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10; Она же. Москва во власти охлоса (о погромах немцев в 1915 г.) // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. Всероссийская научная конференция. Сборник научных статей. М., 2004.*

[95] «Первыми были разгромлены магазины фабрики «Эйнем» и фабрики «Э. Циндель». См.: *Рябиченко С. Указ. соч. С. 8.*

[96] **Мандль Л.** — австрийский подданный.

[97] «... Дальше к Арбатской площади громили магазины “Сий” и “Лаок”, торговавших красками...» См.: *Рябиченко С. Указ. соч. С. 25.*

[98] «На углу Калошина переулка и Арбата громили магазин Милька, торгующий оптическими инструментами» // *Рябиченко С. Указ. соч. С. 25.*

[99] **Морис Филипп** — хозяин универсального магазина на Лубянской площади.

[100] «В десять часов утра следующего дня на углу Леонтьевского переулка ребятишки барабанили по струнам рояля, выброшенного из разгромленной квартиры Веркмейстер, и эту сцену равнодушно наблюдал постовой городовой» // *Рябиченко С. Указ. соч. С. 22.*

[101] В действительности, Карлсен. «... Рабочие отнесли Карлсена к реке, куда его и бросили... Двум городовым удалось достать... лодку... и втащить в нее барахтавшегося в воде Карлсена... Но озверевшая толпа... продолжала кидать камни. Лодка быстро наполнилась водою, Карлсен упал в воду и пошел ко дну». См.: *Харламов Н. Указ. соч. С. 129, 130.*

[102] **Елизавета Федоровна** (1864–1918) — великая княгиня, супруга великого князя Сергея Александровича, убитого террористами. Канонизирована.

[103] **Юсупов Феликс Феликсович** (1856–1928) — князь, граф Сумароков-Эльстон, русский генерал-лейтенант (1915), генерал-адъютант (1915). Его отец — Феликс Эльстон (был внебрачным сыном германского императора Вильгельма I и женился на единственной дочери графа Сумарокова) получил право именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Учился в Пажеском корпусе (не окончил), в 1876 г. выдержал офицерский экзамен при Чугуевском пехотном юнкерском училище. В 1876 г. выпущен в Одесский уланский полк; в 1879 г. прикомандирован к Кавалергардскому полку. В 1882 г. женился на последней княжне Зинаиде Николаевне Юсуповой; в 1891 г. ему было разрешено носить титул и фамилию жены (в дальнейшем титул князя Юсупова мог наследовать только старший сын). В 1883–1885 гг. причислен к Министерству внутренних дел. С 1886 г. адъютант великого князя Сергея Александровича. С 1904 г. командир Кавалергардского полка, в 1908–1911 гг. – 2-й бригады 2-й гвардейской Кавказской дивизии. С 1912 г. председатель совета Императорского Строгановского центра Художественно-промышленного училища. С 1915 г. главный начальник Московского ВО и главноначальствующий над Москвой. 19 июня 1915 г. был освобожден от должности главного начальника, а 3 сентября 1915 г. — от должности главноначальствующего. После Октябрьской революции уехал в Крым, а в 1919 г. покинул Россию. Его сын: Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967) был одним из участников убийства Г. Е. Распутина.

[104] **Лашков В. Ф.** — политический деятель, монархист, секретарь МО Всероссийского национального союза. См.: *Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. М.: РОССПЭН, 2001.*

[105] Вероятно, **Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич** (1859–1927) — общественный и политический деятель, генерал-майор, военный юрист. Окончил Пажеский корпус, затем был вольнослушателем Военно-юридической академии (окончил в 1883). Участник Русско-японской войны. Депутат I и II Государственной думы, один из руководителей правого крыла кадетской партии. Профессор Военно-юридической академии. В Первую мировую войну — один из участников земского движения, член Военно-промышленного комитета. С 1919 г. в эмиграции. Декан Русского отделения юридического факультета Сорбонны, член Парижской русской академической группы, Союза русских писателей и журналистов.

[106] **Иловайский Дмитрий Иванович** (1832–1920) — историк, публицист, тайный советник. В 1854 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. До выхода в отставку в 1862 г. работал учителем в Рязанской и 3-й Московской гимназии, адъютантом при кафедре всеобщей истории юридического факультета Московского университета. Защищенная им в 1858 г. в Московском университете магистерская диссертация «История Рязанского княжества» явилась одним из первых комплексных исследований региональной истории в отечественной историографии. В 1870 г. получил степень доктора за монографию «Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой». Приобрел наибольшую известность как автор учебников. Пользовался покровительством министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого. С 1876 г. публикуются тома обобщающего труда «История России», охватывающие период российского прошлого с древнейших времен до царствования Алексея Михайловича. Сотрудничал в журналах: «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский вестник», газетах «Московские ведомости», «Новое время» и др. В 1897–1916 гг. издавал газету монархического толка «Кремль». С 1902 г. находился в рядах «Русского собрания», с 1905 г. — «Союза русских людей», за что после революции подвергся аресту ВЧК, но был освобожден (см.: *Багдасарян В. Э. Иловайский Д. И. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. С. 171–173*).

[107] **Грей оф Фаллодон (Grey of Fallodon) Эдуард**, виконт (1862–1933) — английский государственный деятель. С 1885 г. член парламента от Либеральной партии. В 1892–1895 гг. заместитель министра иностранных дел, статс-секретарь по иностранным делам (1906–1916). В 1892–1905 гг. занимает пост товарища министра, с 1905 г. — министра иностранных дел. Один из создателей Антанты. В 1916 г. уходит в отставку с титулом виконта. В 1919–1920 гг. — посол в Вашингтоне. Затем член палаты лордов.

[108] **Делькассе Теофиль** (1852–1923) — дипломат, министр иностранных дел Франции (1898), морской министр (1911–1913), посол в Петербурге (1913).

[109] **Иванов Николай Иудович** (1851–1919) — генерал от артиллерии (1908). Участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. В 1908–1914 гг. командующий Киевским военным округом. В годы Первой мировой войны командовал Юго-Западным фронтом. С марта 1916 г. — в свите Николая II. 27 февраля 1917 г. назначен командующим Петроградским военным округом с диктаторскими полномочиями, но по независящим от него обстоятельствам не смог выполнить возложенную на него миссию.

[110] **Романов Михаил Александрович** (1878–1918) — Великий князь, брат Николая II. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного совета. Во время Первой мировой войны командир туземной конной дивизии, 2-го кавалерийского корпуса, позднее генерал-инспектор кавалерии. В марте 1917 г. после отречения Николая II в его пользу также отказался от прав на престол, оставив вопрос о власти на рассмотрение Учредительного собрания. Жил в Гатчине как частное лицо. По предписанию Петроградского Совета РСД выехал в Пермь. Был расстрелян в ночь на 13 июня 1918 г. в окрестностях Перми.

[111] **Распутин (Новых) Григорий Ефимович** (1872–1916) — родился в крестьянской семье в селе Покровском Тобольской губернии. При содействии Тобольского епископа Варнавы и ректора Петербургской духовной академии Феофана был принят в придворных кругах. Приобрел славу целителя и «старца». Был приближен к царской семье. Убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в доме князя Ф. Ф. Юсупова в результате заговора. В убийстве принимали участие великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Ф. Юсупов, член Государственной думы В. М. Пуришкевич, считавшие, что деятельность Распутина дискредитирует царскую фамилию. Тихомиров до последних дней своей жизни оставался яростным противником Распутина, уверенным в том, что «распорядителем царской семейной жизни делается грязный нравственно Распутин. Царица была послушна каждому его слову; жизнь детей шла по его указаниям и под его надзором». См.: *Тихомиров Л. А. Тени прошлого. С. 688.*

[112] **Варнава** (в миру **Накропин Василий**) (1859–1924) — архиепископ. Окончил Петрозаводское городское училище (1897), затем поступил послушником в Клименецкий монастырь Олонецкой епархии, где был пострижен в мантию, и в 1898 г. там же рукоположен в иеродиакона и иеромонаха, в 1899 г. назначен его настоятелем. В 1904 г. возведен в сан игумена. В 1905 г. перемещен на должность настоятеля Палеостровского монастыря Олонецкой епархии в сане архимандрита. Член Русского собрания. В 1908 г. перемещен на должность настоятеля Коломенского Троицкого Новоголутвина монастыря Московской епархии, с 1910 г. — настоятель Коломенского Богоявленского Староголутвина монастыря Московской епархии. В августе 1911 г. посвящен в сан епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии. С ноября 1913 г. — епископ Тобольский и Сибирский. В октябре 1916 г. возведен в сан архиепископа. В марте 1917 г. по распоряжению Временного правительства удален с Тобольской кафедры, назначен управляющим на правах настоятеля Высокогорским Воскресенским монастырем в Нижегородской епархии. В 1918 г. арестован. Уволен от управления Воскресенским монастырем. С июня 1919 г. настоятель Калязинского Троицкого монастыря Тверской епархии. Впоследствии был назначен архиепископом Архангельским, но назначения не принял. Скончался в Москве. Отпевание совершил патриарх Тихон.

[113] **Адрианов Александр Александрович** (1861 –?) — Московский градоначальник (1908 — июнь 1915), главноначальствующий над Москвой (1914 — май 1915). Военный судья Петербургского военно-окружного суда 7 февраля 1908 г. назначен московским градоначальником. В июле 1914 г. Москва и Московская губерния были объявлены в положении чрезвычайной охраны. В связи с этим градоначальнику предоставлялись права главноначальствующего. В мае 1915 г., в связи с передачей полномочий главноначальствующего Ф. Ф. Юсупову, вернулся к исполнению своих прежних обязанностей московского градоначальника. Подал прошение об отставке по требованию министра внутренних дел Н. А. Маклакова, негативно оценившего роль и служебные действия А. А. Адрианова во время майских погромов 1915 г. в Москве. В октябре 1916 г. постановлением Московской судебной палаты был привлечен как обвиняемый в бездействии и превышении власти.

[114] **Маклаков Николай Алексеевич** (1871–1918) — политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1893). В 1894 г. поступил на службу в Министерство финансов. В 1906 г. назначен управляющим Полтавской казенной палаты. В июне 1909 г. перешел в Министерство внутренних дел. Назначен Черниговским губернатором. В декабре 1912 г. назначен Управляющим делами МВД, в феврале 1913 г. — министром. В мае 1913 г. получил придворный чин гофмейстера. В 1915 г. вышел в отставку. Введен в состав Государственного совета. Примыкал к правым, предлагал Николаю II распустить Государственную думу. В феврале 1917 г. по приказанию Временного правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После Октябрьской революции расстрелян ВЧК.

[115] **Щербатов Николай Борисович** (1868–1943) — князь, крупный землевладелец. Получил образование в Пажеском корпусе. Был женат на А. М. Петрово-Соловово, дочери крупного полтавского коннозаводчика. С 1907 г. полтавский губернский предводитель дворянства. С 1912 г. — член Государственного совета. Один из учредителей Всероссийского союза земельных собственников. В 1913–1915 гг. в Главном управлении Государственного коннозаводства. С июня по сентябрь 1915 г. управляющий Министерством внутренних дел и Главноначальствующий отдельного корпуса жандармов. В сентябре 1915 г. был избран членом Государственного совета от полтавского земства. Выступал против замены великого князя Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего Николаем II. После революции в эмиграции. Член Совета государственного объединения России.

[116] **Гучков Александр Иванович** (1862–1936) — политический деятель. В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1891 г. — чиновник особых поручений при нижегородском генерал-губернаторе. С 1893 г. — член Московской городской управы. В 1899 г. — волонтер в армии буров в англо-бурской войне в Южной Африке, был ранен. В 1901 г. назначен директором, затем управляющим Московским учетным банком. В 1904 г. воевал в Македонии с турками. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. был уполномоченным отряда Красного Креста. Один из основателей и лидер «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. С марта 1910 г. по март 1911 г. ее председатель. В 1915 г. избран в Государственный совет. Во время Первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. Участник «Прогрессивного блока». Вместе с В. В. Шульгиным принял документ об отречении Николая II. После Февральской революции — начальник Петроградского военного гарнизона, затем военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Выступал за войну «до победного конца». После Октябрьской революции участвовал в организации борьбы против большевиков. С 1918 г. в эмиграции.

[117] **Введенский Дмитрий Иванович** (1873–1954) — сын священника. Окончил Московскую духовную академию (1898). Преподаватель Вифанской (1899–1905) и Московской (1906–1909) духовных семинарий. Ординарный профессор Московской

духовной академии. Доктор богословия (1914). Автор более 400 работ. Использовал труд оплачиваемых им сотрудниц для написания работ под своим именем. В 1919 и 1928 гг. кратковременно арестовывался. В 1928–1931 — был консультантом на Постоянной Нижегородской ярмарке. С 1931 — в кустарно-промышленной кооперации. С 1933 — научный сотрудник Горьковского Краевого НИИ промышленности. С 1935 г. — заместитель директора по учебной части Ветлужского педагогического техникума. К концу жизни потерял зрение. Был женат на Марии Ильиничне (Касицыной ?). Сын Борис Алексеевич Введенский (1893–1969) — известный советский ученый, академик АН СССР и Герой Социалистического Труда.

[118] То есть в старом доме Тихомировых, на Страстном бульваре, где они жили при редакции и типографии «Московских ведомостей».

[119] Министры юстиции И. Г. Щегловитов, внутренних дел — Н. А. Маклаков, военный — В. Н. Сухомлинов были уволены летом 1915 г. по требованию Думы и общественности.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918). Черниговский помещик. Окончил Училище правоведения (1881), юрист (профессор). Служил в Министерстве юстиции. С 1903 г. читал лекции в Училище правоведения по теории и практике уголовного судопроизводства. С января 1906 г. — товарищ министра юстиции. С апреля 1906 по июнь 1915 г. — министр юстиции. С января 1907 г. член Государственного совета. Постепенно перешел от умеренно-либеральных взглядов к правомонархическим. Покровительствовал деятельности Союза русского народа. Был освобожден от должности министра юстиции под влиянием крайне негативного мнения общественности. С ноября 1915 по ноябрь 1916 г. — председатель Совета монархических объединений. Председатель Государственного совета. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После Октябрьской революции расстрелян ВЧК.

[120] **Поливанов Алексей Андреевич** (1855–1920) — генерал от инфантерии (1911). Окончил частную гимназию в Петербурге (1871), Николаевское инженерное училище (1874), Николаевскую инженерную академию (1880). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1893 г. служил в Военном министерстве: делопроизводитель и начальник отделения Главного штаба. Редактор журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». Помощник военного министра с 1906 по 1912 г. Генерал от инфантерии (1911). С 1912 г. член Государственного совета. С июня 1915 по март 1916 г. военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После Октябрьской революции служил в Красной армии. В 1920 г. член Особого совещания при Главкоме. Эксперт Советского правительства по военным делам.

[121] **Кривошеин Александр Васильевич** (1857–1921) — государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета, юрисконсульт частной Северо-Донецкой железной дороги. С 1884 г. служил в Министерстве юстиции, с 1887 г. — в земском отделе МВД. В 1889–1891 гг. — комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском. С 1902 г. начальник Переселенческого управления МВД. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. член Государственного совета и товарищ министра финансов. Гофмейстер (1909), статс-секретарь (1910). В 1908–1915 гг. Главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из соратников П. А. Столыпина в проведении аграрной реформы, сторонник ликвидации общинного землевладения и развития хуторского хозяйства. С 1916 г. член комиссии по делам сельского хозяйства Государственного совета. После Октябрьской революции один из организаторов правого центра. В 1918 г. в Киеве организовал монархический Совет государственного объединения России (был товарищем председателя). В годы Гражданской войны был председателем Правительства Юга России П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции.

[122] **Алексеенко Михаил Мартынович** (1847–1917) — юрист и экономист, декан и ректор Харьковского университета; депутат III и IV Государственной дум, председатель

бюджетной комиссии; примыкал к октябристам, но формально в «Союзе» не состоял, расходясь с ними по национальному вопросу.

[123] **Гучков Николай Иванович** (1860–1935) — московский предприниматель; городской голова Москвы (1905–1913); один из основателей и член ЦК «Союза 17 октября». Был женат на дочери П. П. Боткина, являясь одним из директоров чаеторговой фирмы «Петр Боткин и сыновья» и Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных, членом торгового дома «Гучкова Еф. сыновья». Эмигрировал.

[124] **Тихомиров Александр Андреевич** (1850–1917) — доктор зоологии, ректор Московского университета. Учился в смоленской губернской гимназии. В 1868 г. поступил на юридический факультет Московского университета, позднее перешел в Петербургский университет, где по окончании курса получил степень кандидата прав. Затем снова поступил в Московский университет на физико-математический факультет, где кончил курс. Будучи студентом, был командирован обществом любителей естествознания за границу. Изучал в Лейпцигском университете зоологию и сравнительную анатомию; занимался практически в лаборатории профессора Лейкарта. По окончании курса, в 1876 г., был командирован за границу для изучения западноевропейских зоологических садов. В 1877 г. был определен сверхштатным ассистентом при зоологическом музее. В 1881 г. читал курс сравнительной анатомии в Земледельческой лесной академии. В 1887 г. командирован на Кавказ для изучения состояния шелководства. Защитил диссертацию на степень магистра зоологии в Петербургском университете (1883). В 1884 г. был командирован на 2 года за границу с научной целью. По возвращении назначен приват-доцентом зоологии в Московском университете. Защитил диссертацию на степень доктора зоологии в Петербургском университете (1887). В 1888 г. назначен экстраординарным профессором в Московский университет и с 1899 г. — ректор. Известный антидарвинист.

[125] **Зосима** (?– 1478) — основатель и игумен Соловецкого монастыря.

[126] **Четверухин Илья (Илия) Николаевич** (1886–1932) — протоиерей. Окончил Московскую духовную академию (1911). Духовный сын Алексия Зосимовского (жена о. Ильи Четверухина составила его жизнеописание). С 1911 г. священник при богадельне в Сокольниках. С 1919 г. настоятель Николо-Толмачевской церкви в Москве. Один из известнейших московских священников 20-х годов. Арестован в 1923 г. Отбывал 3-месячное заключение. С 1924 г. лишенец. С 1929 г. служил в церкви свт. Григория на Полянке. Арестован в 1930 г. Приговорен к трем годам заключения в ИТЛ на Вишере. Погиб в лагере. Канонизирован. См.: *Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2002. Кн. 7. С. 226–247.*

[127] **Новикова Ольга Алексеевна** (1840–1925) — родилась в семье известных славянофилов Киреевых. Большую часть жизни провела в Англии, где занималась общественно-публицистической деятельностью. Сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении».

[128] **Никон (Рождественский Николай Иванович)** (1851–1919) — архиепископ, духовный писатель и издатель. В 1874 г. окончил Московскую духовную семинарию. Поступил послушником в Троице-Сергиеву лавру. В 1880 г. пострижен в монашество, в 1885 г. рукоположен в иеромонаха, возведен в звание соборного монаха Московского Донского монастыря. В 1892 г. утвержден действительным членом собора Троице-Сергиевой лавры с возведением в сан архимандрита. С 1893 г. — казначей лавры. В 1901 — председатель епархиального училища иконописания при Троице-Сергиевой лавре, издатель «Троицких листков», «Троицкой библиотеки», «Божией Нивы». В 1904 г. посвящен в сан епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904 г. — епископ Серпуховской, четвертый викарий Московской епархии. С 1906 г. — епископ Вологодский и Тотемский. С 1907 г. — член Государственного совета. С 1908 г. — член

Святейшего синода. В мае 1912 г. уволен по болезни от управления епархией и назначен членом Святейшего синода. В 1913 г. возведен в сан архиепископа. С 1913 по 1916 г. председатель издательского совета при Святейшем синоде. В мае 1913 г. был командирован Синодом на Афон. С июля 1916 г. на покое. Проживал в Троице-Сергиевой лавре, продолжая издательскую деятельность. См.: *Никон (Рождественский), архиепископ. «Козни врагов наших сокруши...»: Дневники, 1910–1917. Минск, 2004.*

[129] **Ионафан (Чистяков)** — архимандрит.

[130] **Катенин Александр Андреевич** (?– 1937) — камергер высочайшего двора. Последний до Февральской революции 1917 г. начальник управления по делам печати.

[131] **Всероссийский национальный союз** — основан весной-летом 1908 г. в Петербурге. Председатель С. В. Рухлов, товарищ председателя князь А. П. Урусов. В числе активистов: А. П. Никольский, М. О. Меньшиков, И. С. Дурново, В. В. Шульгин, П. Н. Крупенский, В. А. Бобринский. Просуществовал до февраля 1917 г. (См.: *Санькова С. М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006).*

[132] **Джунковский Владимир Федорович** (1865–1938) — государственный деятель. Родился в дворянской семье. Родословная восходит к монгольскому князю Мурзе-хану Джунку, прибывшему в Москву в составе посольства в начале XVI в. при Василии III. Окончил Пажеский корпус (1884). Служил в лейб-гвардии в Преображенском полку. С 1891 г. адъютант Московского генерал-губернатора. С июля 1905 г. вице-губернатор, с ноября 1905 г. и. д. московского губернатора, с ноября 1908 г. московский губернатор. Пользовался огромной популярностью. Почетный гражданин Вереи, Воскресенска, Клина, Коломны, Можайска, Подольска, Серпухова. В Рузском уезде его именем назвали земскую школу, в Верейском — земское училище, в Можайском — портрет В. Ф. Джунковского был помещен в Бородинском музее, созданном при его участии, «на вечные времена». Был главным устроителем Бородинских торжеств в 1912 г. В 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел, командующий Отдельным корпусом жандармов. В августе 1915 г. уволен из МВД за попытку выступить против влияния Г. Е. Распутина. Осенью того же года по собственной просьбе был назначен в действующую армию. Участвовал в Первой мировой войне. Генерал-лейтенант (1917). После Октябрьской революции арестован. Вскоре освобожден, уволен из армии по состоянию здоровья. Осенью 1918 г. вновь арестован. В 1919 г. приговорен к 5 годам лишения свободы за участие в разгроме вооруженных выступлений в Московской губернии в декабре 1905 г. В ноябре 1921 г. освобожден из-под стражи. После освобождения занимался педагогической деятельностью. В конце 1937 г. был вновь арестован и специальной тройкой НКВД приговорен к расстрелу. В феврале 1938 г. приговор был приведен в исполнение на полигоне Бутово.

[133] **Орлов Василий Григорьевич** (1860-е — после 1917) — железнодорожный служащий, общественный и политический деятель. Действительный член Русского собрания. Деятель правых организаций в Москве. Совершал многочисленные поездки по стране для организации отделов Союза русского народа. Выдвигался кандидатом в депутаты IV Государственной думы, но не прошел. В июне 1915 г. вместе с В. М. Скворцовым и др. создал в Москве Отечественно-патриотический союз, в котором могли состоять членами инородцы и иноверцы (т. е. и евреи). Был исключен Главной палатой Союза им. Михаила Архангела из числа членов Союза и неоднократно критиковался правыми. 2 марта 1917 г. выехал из Москвы в Среднюю Азию, в Ташкенте был арестован, но вскоре освобожден «по болезни». Летом того же года давал показания ЧСК Временного правительства в качестве свидетеля.

[134] **Крашенинников Илья Сергеевич** — тайный советник, сенатор, старший председатель Петербургской судебной палаты. Председательствовал на процессе I Петербургского Совета рабочих депутатов. Возглавлял Сенатскую комиссию, созданную 8 июня

1915 г. для выяснения причин и виновников майских беспорядков в Москве. Согласно рапорту Крашенинникова «поступки московского градоначальника» заключали в себе «признаки противозаконного бездействия власти по предотвращению и прекращению беспорядков». Передал Сенату заключение комиссии по возбуждению против бывшего московского градоначальника А. В. Адрианова уголовного преследования. Первый Департамент Сената постановил назначить над Адриановым предварительное следствие, но дальнейшего хода дело так и не получило (см.: *Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2т. М., 1997. Т. 2. С. 568–570)*. После свержения самодержавия Крашенинников был арестован. Об обстоятельствах ареста сообщает Н. Н. Суханов: «Я лично подписал единственный подсунутый мне ордер об аресте за всю революцию. Моей случайной жертвой был человек, во всяком случае, достойный своей участи более, чем многие сотни и тысячи. Это был Крашенинников... высокодаровитый человек и убежденный черносотенец, возможный глава царистской реакции и вдохновитель серьезных монархических заговоров. Он был освобожден через несколько дней. Потом в петербургский период большевистской власти, переехав с Карповки на Шпалерную, я обнаружил, что мы соседи, живем на одной площадке... А в московский период большевизма Крашенинников, как я прочитал в газетах, был, не знаю кем и при каких обстоятельствах, расстрелян на Кавказе». См.: *Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 124.*

135 **Кронид (Любимов Константин Петрович)** (1858/59–1937) — родился в религиозной семье. Обучался в Волоколамском духовном училище, но курса не окончил, решив принять иноческий сан. После поступления в Лавру в течение испытательного срока исполнял различные послушания и 2 февраля 1883 г. принят в число послушников Троице-Сергиевой лавры, назначен келейником наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина). После рукоположения в иеромонаха был назначен смотрителем литографий и фотографий. С 1896 г. состоял смотрителем епархиального училища иконописания при Лавре. С января 1902 г. утвержден в должности помощника казначея Лавры и члена Духовного собора Лавры. В 1904 г. назначен инспектором Епархиального училища иконописи и членом его совета. По прибытии в Петербург развернул активную деятельность по восстановлению Троицкого подворья. 9 января 1915 г. назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Учредил в Лавре лазарет для раненых. Вел активную проповедническую деятельность. Среди его духовных детей были профессор философии Московской духовной академии А. И. Введенский, А. А. Яблонский с супругой. Великая княгиня Елизавета Феодоровна обращалась к нему с просьбой взять ее под свое руководство. После начала работы Собора в 1917 г. жил в Москве. После избрания митрополитом Московским, а потом и патриархом, патриарх Тихон становится священноархимандритом Троице-Сергиевой лавры, а архимандрит Кронид становится его помощником и по должности входит в Патриаршее управление. После закрытия Лавры продолжал оказывать поддержку инокам, заботиться о духовной жизни своих чад из мирян. 11 ноября 1937 г. органами НКВД на архимандрита Кронида было возбуждено дело. На вопрос об отношении к советской власти архимандрит ответил: «Я по своим убеждениям являюсь монархистом, последователем истинно Православной Церкви и существующую советскую власть признаю, как верующий, которая послана народу как испытание верующих Промыслом Божиим». Расстрелян на полигоне в Бутово под Москвой. Реабилитирован в 1958 г. Канонизирован.

136 **Киновия** — «общежитие», одна из форма монашеской жизни.

137 Возможно, **Архангельский М. Ф.** — протоиерей, член Петербургской консистории, настоятель Пантелеймоновской церкви.

138 **Спасский Анатолий Алексеевич** (1866–1916) — профессор Московской духовной академии. Имеется в виду труд: *Спасский А. А. История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Сергиев Посад, 1906. Т. 1.* См.: *Голубцов С. Московская духовная академия в начале XX века. Профессура*

и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. С. 89–90.

139 **Алексий Зосимовский (Федор Алексеевич Соловьев)** (1846–1928) — из семьи протоиерея. Окончил духовное училище в Андронниковом монастыре и Московскую духовную семинарию. С 1867 — дьякон храма свт. Николая в Толмачах. В 1895 г. рукоположен в священники. Служил в Николо-Толмачевском храме Москвы и пресвитером Успенского собора в Кремле. В 1898 г. принял постриг и поступил в Зосимову Пустынь. Иеросхимонах. По словам С. И. Фуделя: «Старец был духовным центром монастыря» (*Фудель С. И. Собр. соч. В 3т. Т. 1. С. 16–17*). Хорошо знал Ю. Ф. Самарина и его мать Софью Юрьевну. С 1908 г. находился в полузатворе, выходя только по субботам и воскресеньям и принимая в эти дни посетителей. 6 июня 1916 г. по благословению своего игумена и духовника о. Германа и с разрешения Духовного собора Троице-Сергиевой лавры в 12 часов дня ушел в полный затвор (среди провожавших в затвор был и М. А. Новоселов). Однако в 1917 г. был избран членом Поместного собора от монашествующих (во время Поместного собора вынул жребий указавший на патриарха Тихона). В 1919 г. принял схиму. С 1923 г. жил в семье Верховцевых, где и скончался (см.: *Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных... С. 61*). Канонизирован.

140 **Радонежский Сергий** (1321–1391) — церковный и политический деятель, основатель Троице-Сергиевой лавры, православный святой.

141 «В сентябре 1916 года начали применять газы и русские войска». См.: *Казаринов О. И. Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. М., 2005. С. 372.*

142 Возможно, **Рождественский Дмитрий Васильевич** (1864–1926) — профессор Московской духовной академии, протоиерей. Не путать с архиепископом **Никоном (Рождественским)**.

143 **Хвостов Алексей Николаевич** (1872–1918) — государственный деятель, действительный статский советник, камергер Высочайшего двора (1912). Служил в 44-м Нижегородском драгунском полку. С 1892 г. в отставке. Гласный Полтавского губернского земства. В 1906–1910 гг. — вологодский губернатор, в 1912 г. — нижегородский губернатор. С 1907 г. полтавский губернский предводитель дворянства. Депутат IV Государственной думы. В 1912 г. — председатель бюро фракции правых IV Государственной думы. Выступал против «немецкого засилья». С октября 1915 по март 1916 г. — министр внутренних дел и главноначальствующий отдельного корпуса жандармов. Пользовался поддержкой Г. Е. Распутина, однако впоследствии разошелся с ним. После Октябрьской революции расстрелян ВЧК.

144 **Мансырев Серафим Петрович** (1866 –?) — князь. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1890–96 гг. служил податным инспектором в Лифляндской губернии по ведомству Министерства внутренних дел. Председатель русского общества просвещения в г. Риге и ряда других либеральных обществ. Депутат IV Государственной думы от г. Риги, кадет, прогрессист. В 1912–13 гг. сотрудничал в газете «Русская молва», выходившей в Петербурге. Принимал участие в создании мусульманской партии.

145 **Бисмарк (Bismarck) фон Шенхаузен (Schönhausen) Отто** (1818–1895) — князь, германский государственный и политический деятель; провел объединение Германии под главенством Пруссии; 1-й рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг.

146 **Дурново Петр Николаевич** (1846–1915) — государственный деятель. Окончил Морской кадетский корпус (1860), Александровскую Военно-юридическую академию (1870). Служил в судебных учреждениях Кронштадта, Владимира, Москвы, Рыбинска, Киева. С 1880 г. в МВД: управляющий судебным отделом департамента государственной полиции, вице-директор, директор Департамента полиции, товарищ министра, в октябре 1905 — апреле 1906 г. — министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте. Член Государственного совета, статс-секретарь (1906), сенатор (1893), действительный

статский советник. Один из организаторов подавления революционных выступлений в 1905–06 гг. Познакомившись с Дурново после возвращения из эмиграции в Россию, Тихомиров поддерживал с ним теплые отношения до самой смерти.

[147] **Русский народный союз имени Михаила Архангела** (Союз имени Михаила Архангела (РНС) — монархическая организация, созданная сторонниками В.М. Пуришкевича в результате раскола Союза русского народа (СРН). Устав зарегистрирован 11 марта 1908 г. вместе с программой РНС. Руководящим органом РНС стала Главная палата (председатель — Пуришкевич, в первый состав вошли 12 человек: И.И. Баранов, С.А. Володимеров, И. Восторгов, П.П. Сурин, Г.А. Шечков и др.). После начала Первой мировой войны Пуришкевич отошел от руководства РНС. До конца 1916 г. обязанности председателя исполнял Н.Д. Облеухов. Общая численность РНС — около 20 тыс. человек. Местные отделы в Москве, Киеве, Одессе, Владивостоке и других городах. В 1913 г. на годичном собрании было объявлено, что РНС имеет свыше 160 крупных отделов, не считая мелких (деревенских). Девиз РНС: «За Церковь Православную, Царя Самодержавного и за Народность Русскую». СМА, в отличие от СРН, лояльно относился к Государственной думе, считая, что она должна, с одной стороны, помогать самодержцу в проведении его политики, а с другой, контролировать чиновников. По аграрному, рабочему, судебному, национальному вопросу, отношению к образованию и печати программа СМА не имела принципиальных различий с программами других монархических партий. РНС выпускал газету «Вестник Русского Народного Союза им. Михаила Архангела», журнал «Прямой путь», подготовил издание 14-томной «Книги русской скорби». После Февральской революции РНС юридически прекратил существование.

[148] **«Волга»** — ежедневная правомонархическая газета, орган Саратовского отдела Союза русского народа (СРН).

[149] **Тихменев Николай Петрович** (1873 — после 1917) — дворянин, публицист, общественный деятель и литератор. В 1904 г. был редактором «Ревельских известий», в 1912 г. — «Русского избирателя» в Вильне, в 1912 г. — «Земщины» — основного органа Марковского СРН, в 1913–1916 гг. (по июнь) — ежедневной газеты «Волга» (Саратов), распространявшейся в ряде городов Европейской России. В годы Первой мировой войны — почетный председатель Саратовского губернского Союза Михаила Архангела. Председатель Совещания уполномоченных правых, монархических организаций, состоявшегося в Саратове 27–29 августа 1915 г. В июне 1916 г. переехал в Петроград. В ноябре 1917 г. привлекался ЧСК Временного правительства в качестве свидетеля по поводу выдачи представителями царского МВД денежных субсидий правым деятелям.

[150] **Турмантен Жюль** — аббат, исследователь масонства. Предсказал за несколько месяцев гибель 25 декабря 1907 г. португальского короля Дон Карлоса, а в сентябре 1912 г. — эрцгерцога Австрийского Франца Фердинанда. П.А. Столыпин связался с аббатом через русского иезуита А. Перлинга. Турмантен дважды предупреждал Николая II об опасности: в письмах, опубликованных 10 мая 1907 г. и 25 марта 1909 г. Император перед войной дважды сносился с аббатом через посредство своего ближайшего доверенного человека адмирала К.Д. Нилова, специально посетившего Париж.

[151] **Жане Клаудио** — исследователь тайных обществ (*Claudio Jannet. Dom Deschamps: Les Sociétés secrètes et la Société avec une introduction, des notes et des documents par Claudio Jannet. Paris, 1882 (или 1883). T. 1–3).*

[152] **Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич** (1866 — после июля 1917) — из астраханских купцов, владелец музыкального магазина. Председатель астраханского отдела Союза русского народа. Затем председатель Астраханской народной монархической партии. Был ее руководителем вплоть до запрещения партии, после Февраля 1917 г. В 1915–1917 гг. многократно направлял телеграммы министрам, требуя «обуздать» Думу

и «Прогрессивный блок». В марте—мае 1916 г. направил несколько аналогичных посланий Николаю II. 10 марта 1917 г. без предъявления обвинения был арестован Астраханским Губернским исполнительным комитетом. В прошениях об освобождении писал, что все общественные силы должны объединиться и сосредоточиться во имя общей победы над Германией и поэтому «опасаться пропаганды контрреволюции с моей стороны нет основания». В июне 1917 г. решением Саратовской судебной палаты был освобожден из-под ареста. Выехал для лечения на Кавказские Минводы. Дальнейшая судьба неизвестна.

[153] **«Союз 17 октября»** — партия крупной буржуазии, образованная после обнародования Манифеста 17 октября.

[154] **«Русское слово»** — либеральная ежедневная газета. Выходила в Москве в 1895 — ноябрь 1917 г. Издатель И.Д. Сытин. Закрыта в ноябре 1917 г. В январе — июне 1918 г. выходила под названием «Новое слово», «Наше слово».

[155] **Воронцов-Дашков Илларион Иванович** (1873–1916) — граф, генерал-адъютант, министр императорского двора (1881–1897); наместник на Кавказе и Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа.

[156] **«Утро России»** — ежедневная газета. Орган московских промышленников. Выходила в Москве в 1907 г. и (с перерывом) в 1909–1918 гг.

[157] **Скворцов Василий Михайлович** (1859–1932) — миссионер, церковный публицист, издатель, редактор и общественный деятель. Сын священника. Окончил Киевскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной семинарии. Чиновник особых поручений при Обер-прокуроре Святейшего синода (с 1895). «Вечный кандидат» в товарищи Обер-прокурора Святейшего синода. Миссионер Киевской и Полтавской епархий. В 1909 — первой половине 1915 г. являлся членом Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела, был членом редакционной комиссии «Книги русской скорби», издававшейся РНС. В июне 1915 г. вышел из РНС и стал одним из основателей «Отечественно-патриотического союза». Редактор-издатель (1905) ежемесячного журнала «Миссионерское обозрение» (СПб., 1901–1916). Издавал ежедневную церковно-политическую газету «Колокол» (СПб., 1905–1917). Был редактором (с 1910) ежедневного приложения к «Колоколу», выходившего под названием «На каждый день православному христианину». В 1915 г. уволен в отставку в чине тайного советника. После 1917 г. в эмиграции. Жил в Югославии. В 1921 г. — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора. Преподавал в Сараевской духовной семинарии.

[158] **Григорьев Владимир Николаевич** (1851 –?) — генерал от кавалерии (1912). 7 марта 1909 г. назначен комендантом Ковенской крепости. 24 июля (6 августа) 1915 г. крепость была оккупирована германскими войсками под командованием генерала К. Литцмана. После того как началась артподготовка Григорьев, бросив подчиненные ему войска, бежал. 4 (17) августа крепость была сдана. Потери составили 20 тыс. человек и 405 крепостных орудий. Двинский военно-окружной суд, рассмотрев 19–26 сентября 1915 г. дело Григорьева, признал его виновным в том, что он не подготовил крепость к обороне, а когда неприятель уже ворвался в нее, «самовольно» покинул свой пост. Григорьева приговорили к 15 годам каторжных работ. 22 ноября 1915 г. приговор был утвержден главнокомандующим армиями фронта.

[159] **Кноп Андрей Львович** (1855 –?) совместно с братом возглавлял торговый дом «Л. Кноп». Федор Львович Кноп, помимо руководства торговым домом «Л. Кноп», состоял в правлениях «Товарищества Даниловской мануфактуры» и «Товарищества Садовской мануфактуры Ив. Демина».

[160] **Гужон Юлий Петрович** (1854 или 1858–1918), промышленник. Построил тянульно-гвоздильный завод, для управления которым в 1883 г. было учреждено «Товарищество Московского металлического завода» (впоследствии завод «Серп и Молот»).

Пайщик «Товарищества шелковой мануфактуры» и других предприятий. Бессменный (1907–1917) председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов.

[161] **Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт)** (1769–1821) — государственный деятель, полководец, первый консул Французской республики (1799–1804), французский император (1804–1814 и 1815).

[162] **Петр I** (1672–1725) — русский царь с 1682 г., с 1721 до 1725 г. — император.

[163] **Фридрих I Барбаросса** (1123–1190) — император «Священной Римской империи» 1152–90 гг.

[164] **Олсуфьев Дмитрий Адамович** (1862–1937) — граф, камергер, действительный статский советник; земский и общественный деятель. Окончил естественный факультет Московского университета (1885). В 1886–88 гг. отбывал воинскую повинность в гвардейской конной артиллерии, уволился в запас в звании подпоручика, служил в Геологическом комитете Министерства государственных имуществ. В 1891 г. — земский начальник в Московском уезде, гласный и мировой судья в Дмитровском уезде. В 1894 г. — предводитель дворянства в Саратовской губернии, в 1902–04 гг. — председатель Саратовской земской управы. Во время Русско-японской войны работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста. Был взят в плен в Мукдене. В 1905 г. — один из организаторов саратовского отдела «Союза 17 октября». Член Совета объединенного дворянства (1906). Депутат III Государственной думы от Московской губернии, член Государственного совета по избранию (1906–1912) от земского собрания Саратовской губернии. Один из основателей и членов «Прогрессивного блока». Предводитель дворянства Камышинского уезда Саратовской губернии. Член Священного собора Русской православной церкви 1917–18 гг. Эмигрировал. В 1921 г. — член Карловацкого Всезаграничного церковного собора, однако в заседаниях не участвовал. Не путать с **Олсуфьевым Юрием Александровичем** — исследователем древнерусского искусства, в период Первой мировой войны — заведующим Кавказским отделением Земского союза, с осени 1917 г. жившем в Сергиевом Посаде.

[165] **Степанов Филипп Петрович** (1857 — после 1927) — прокурор Московской Синодальной конторы, камергер, действительный статский советник, помещик Тульской губернии. Организатор «Общества активной борьбы с революцией», член Союза русского народа. Друг С. А. Нилуса и один из первых публикаторов «Протоколов».

[166] **Милюков Павел Николаевич** (1859–1943) — политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). С 1886 г. приват-доцент этого университета. В 1892 г. получил степень магистра русской истории. За пропаганду либеральных идей в 1895 г. уволен из университета и выслан в Рязань. С 1897 г. преподавал в Софии. Читал лекции в Лондоне, Чикаго и др. В 1905 г. один из организаторов партии кадетов, член ЦК партии, ее идеолог и лидер в 1906–1917 гг. Редактор партийной газеты «Речь». С 1907 г. председатель ЦК партии. Депутат III и IV Государственной думы. Летом 1915 г. сыграл значительную роль в создании «Прогрессивного блока». 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. С марта по май 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства. После Октября 1917 г. участвовал в антибольшевистском движении. Эмигрировал, был одним из лидеров русской либеральной эмиграции.

[167] **Янушкевич Николай Николаевич** (1868–1918) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Главном штабе, в канцелярии Военного министерства. Начальник (1913–1914) Императорской Николаевской военной академии. С 5 марта 1914 г. — начальник Генерального штаба. С 19 июля 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. Главный начальник снабжений Кавказской армии (с 13 сентября 1916). Уволен от службы 31 марта 1917 г. В начале 1918 г. арестован и убит.

[168] **Данилов Юрий Никифорович** (1866–1937) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус (1883), Михайловское артиллерийское училище (1886), Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Служил в штабе Киевского военного округа. С 1897 по 1905 г. в Военном министерстве. В годы Первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С августа 1915 г. командир 25-го армейского корпуса, с августа 1916 г. начальник штаба армии Северного фронта. С апреля 1917 г. командующий 5-й армией. После Октябрьской революции возглавил группу военных консультантов при советской делегации в Брест-Литовске. Выступал против заключения мира с Германией. Разойдясь во взглядах с Л.Д. Троцким, уехал на Украину. Эмигрировал.

[169] **Алексеев Михаил Васильевич** (1857–1918) — генерал от инфантерии (1914). Сын выслужившегося из фельдфебелей офицера. Окончил Московское пехотное юнкерское училище (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877–78 гг. Окончил Академию Генерального штаба (1890). Участвовал в Русско-японской войне; генерал-майор (1904), генерал-лейтенант (1908). Участвовал в Первой мировой войне. С августа 1914 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта, с марта 1915 — Главнокомандующий армиями Северо-Западного (с 4 августа 1915 г. — Западного) фронта. 18 августа 1915 г. назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Во время Февральской революции был одним из старших военачальников, убедивших Николая II отречься от престола. 1 апреля назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим. После провала корниловского выступления, пытаясь спасти его организаторов от расправы, принял должность начальника штаба вновь назначенного главковерха А.Ф. Керенского и арестовал Л.Г. Корнилова и его сподвижников, после чего отправил арестованных в тюрьму под охрану надежных войск. В сентябре подал в отставку и тайно приступил к организации офицерских и юнкерских отрядов. После Октябрьской революции начал формировать в Новочеркасске добровольческие части из прибывающих на Дон офицеров и юнкеров. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск. С декабря 1917 г. член триумвирата Донского гражданского совета. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода. С 18 августа 1918 г. — Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре.

[170] **Жоффр (Joffre) Жозеф-Жак-Сезар** (1852–1931) — маршал. В 1911–1914 гг. — начальник французского Генерального штаба, с начала Первой мировой войны — Главнокомандующий французской армией.

[171] **Гинденбург (Hindenburg), Пауль, фон** (1847–1934) — генерал-фельдмаршал (1914). С августа 1916 г. начальник германского Генерального штаба, фактически Главнокомандующий.

[172] **Ренненкампф Павел Карлович** (1854–1918) — генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912). Окончил Гельсингфорсское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1882). Служил в 5 уланском Литовском полку. С 1882 г. на штабных должностях. В 1895–1899 гг. командир 36-го драгунского Ахтырского полка. В 1899–1901 гг. начальник штаба войск Забайкальской области. Участник китайской кампании 1900–1901 гг. В 1901–1904 гг. начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. командовал Забайкальской казачьей дивизией. В 1905 г. в распоряжении главнокомандующего на Дальнем Востоке. Командир 7-го Сибирского армейского (1905–1906), 3-го Сибирского армейского (1906) и 3-го армейского (1906–1913) корпусов. Участвовал в подавлении революционных выступлений в 1905 г. В 1913–1914 гг. командующий войсками Виленского военного округа. Во время Первой мировой войны командующий 1-й армией (19 июля — 18 ноября 1915). Действия Ренненкампфа во время Восточно-Прусской операции стали предметом разбирательства специальной комиссии. 6 октября 1915 г. уволен от службы «по домашним обстоятельствам». С 18 ноября 1915 г. в распоряжении военного министра. После Февральской революции арестован. После Ок-

тябрьской революции освобожден. Уехал в Таганрог и после занятия большевиками города перешел на нелегальное положение (жил под именем греческого подданного Мандусаки). В ночь на 16 марта 1918 г. арестован ЧК. Отказался от предложения вступить в Красную армию. В ночь на 1 апреля отвезен за город и расстрелян.

[173] **Александр III** (1845–1894) — российский император с 1881 г.

[174] **Людовик XVI** (1754–1793) — французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. После свержения монархии (10 августа 1792) был гильотинирован по приговору Революционного трибунала.

[175] Имеется в виду **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925) — генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902). С 1898 по 1904 г. — военный министр, член Государственного совета. В Русско-японскую войну главнокомандующий сухопутными войсками, а затем всеми вооруженными силами России на Дальнем Востоке. Член Всероссийского национального союза. В Первую мировую войну — командующий Северным фронтом, генерал-губернатор, командующий войсками в Туркестане. После Февральской революции арестован, затем освобожден. После Октябрьской революции на преподавательской работе.

[176] **Изида, Исида** — в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания, покровительница умерших.

[177] **Сучков Н. Н.** — один из участников русских монархических организаций.

[178] **Кологривов Сергей Николаевич** (1856 –?) — историк, сотрудник Императорского Петербургского археологического института, член ряда московских монархических организаций. Его супруга — Л. А. Кологривова — была одним из членов Русского монархического собрания.

[179] **Челноков Михаил Васильевич** (1863–1935) — политический деятель. Окончил Лазаревский институт восточных языков, с 1889 г. гласный Московской городской думы и губернского земского собрания. С 1890 г. председатель Московской уездной управы, в 1894–1906 гг. член Московской губернской земской управы. Депутат II — IV Государственных дум. Секретарь II Думы. Член кадетской партии.

[180] **Рябушинский Павел Павлович** (1871–1924) — политический деятель. Из старообрядческой семьи. Окончил Московскую Практическую академию коммерческих наук (1890). С 1902 г. совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» и председатель Совета организованного на его основе Московского банка (с 1912). С 1906 г. старшина (с 1915 г. председатель) Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли. С 1905 г. член ЦК «Союза 17 октября», в октябре 1906 г. перешел в Партию мирного обновления. В 1912 г. один из инициаторов создания Партии прогрессистов, член ЦК и председатель ее Московского комитета. Издавал газеты «Утро» (1907) и «Утро России» (1907, 1908–1917). С июня 1915 г. председатель Московского Военно-промышленного комитета. Был избран в Государственный совет. В Февральскую революцию один из инициаторов создания Московского Комитета общественных организаций. Поддержал идею военной диктатуры, после краха корниловского выступления отошел от политики. В 1919 г. эмигрировал.

[181] **Астров Николай Иванович** (1868–1934) — политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1892). С 1890-х годов работал в органах московского городского самоуправления. В 1903 г. избран гласным Городской думы. Член кадетской партии и ее Московского городского комитета. В Городской думе в 1913–1916 гг. председатель Комитета прогрессивной группы гласных. В годы Первой мировой войны — член Главного комитета Всероссийского союза городов. С 1916 г. член ЦК партии кадетов. После Февральской революции товарищ комиссара Временного правительства в Москве. В конце марта — конце июня московский городской глава. После Октябрьской революции — в эмиграции.

[182] **Дурново Иван Николаевич** (1834–1903) — государственный деятель. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1852). Товарищ министра внутренних дел (1882), сенатор (1883), член Государственного совета. Министр внутренних дел.

[183] **Плеве Вячеслав Константинович** (1846–1904) — государственный деятель. С 1881 г. директор департамента полиции, с 1884 г. сенатор и товарищ министра внутренних дел России, с 1894 г. государственный секретарь, с 1899 г. министр, статс-секретарь Финляндии. С 1902 г. министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Проводил жесткую политику в отношении революционного движения. Убит эсером-террористом Е. С. Созоновым.

[184] **Толстой Дмитрий Андреевич** (1823–1889) — граф, государственный деятель и историк, почетный член (1866), президент (с 1882) Петербургской АН. В 1864–80 гг. обер-прокурор Синода, в 1865–80 гг. министр народного просвещения.

[185] **Желобовский Александр Александрович** (1834–1910) — протопресвитер военного и морского духовенства. Родился в семье псаломщика. В 1850 г. окончил Петербургскую духовную академию. В 1859 г. рукоположен в сан священника митаевского Гродненского полка. Затем служил по ведомству военного и морского духовенства. С 1873 г. — протоиерей. В 1888 г. утвержден в должности главного священника гвардии и гренадер, армии и флотов. С 1890 г. — протопресвитер военного и морского духовенства.

[186] **Киреев Александр Алексеевич** (1833–1910) — генерал-майор (1878), с 1907 г. — генерал от кавалерии; адъютант великого князя Константина Николаевича, консервативный публицист. Сотрудничал в «Известиях славянского благотворительного общества», газете «Русь», журнале «Богословский вестник».

[187] **Трепов Александр Федорович** (1862–1928) — государственный деятель. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Егерском полку, затем старшим адъютантом штаба 18-го армейского корпуса. В 28 лет ушел в отставку. С 1889 г. чиновник особых поручений в МВД. С 1895 г. служил в Государственной канцелярии. Егермейстер (1905), тайный советник (1905). В 1906 г. участвовал в разработке новой редакции «Основных государственных законов». С 1907 г. сенатор 1-го департамента Правительствующего сената. С 1914 г. член Государственного совета. С октября 1915 по декабрь 1916 г. управляющий МПС, затем министр путей сообщения. Одновременно с ноября по декабрь 1916 г. председатель Совета министров. После Октябрьской революции в эмиграции.

[188] **Мещерский Владимир Петрович** (1839–1914) – князь, писатель, публицист, издатель консервативного журнала «Гражданин» (1872–1877, 1882–1914), автор популярных романов. Друг молодости Александра III и один из наиболее активных респондентов императора. Писал также наследнику престола, а затем императору Николаю II. Не занимая официальных должностей, имел вес в правительственных кругах как человек, близкий двум последним императорам. Оставил «Воспоминания» (М., 2001).

[189] **«Гражданин»** — «политический и литературный журнал-газета» (с №4 1872 г. — «газета-журнал политики и литературы»). Издавался в 1872–1879 и 1882–1914 гг. в Петербурге. Издатель-редактор Г. К. Градовский (1872), Ф. М. Достоевский (1873 — № 15, 1874), В. Ф. Пуцыкович (№ 16, 1874–1879). В 1879 г. «Гражданин» продан на аукционе за 50 рублей. Новый владелец, И. Н. Румянцев, выпустив 2 номера, переименовал издание в «Луч». После возобновления в 1882 г. издатель — В. П. Мещерский; редактор — В. П. Мещерский (1882–1894, с 1893 г. — второй редактор — К. Ф. Филиппеус), в 1895 г., № 1–31 — К. Ф. Филиппеус, с № 32 (1895) по № 55 (1906) — В. П. Мещерский, с № 56 (1906) — М. Н. Назаров (исключение: № 28–35 (1913) — В. П. Мещерский). В 1906 г. заглавие «Гражданин — Дневники». Последний номер — № 27 (6 июля) 1914 г. Фактическим руководителем журнала почти на всем протяжении его существования (за исключением 1877–1879 гг.) и его основным автором был В. П. Мещерский.

Подробнее см.: *Черникова Н. В. Гражданин // Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. С. 122–123.*

[190] **Грингмут Владимир Андреевич** (1851–1907) — писатель, публицист, общественный и политический деятель. Родился в семье доктора философии, получил домашнее образование. С 1866 по 1870 г. слушал лекции в Московском университете. Занимался педагогической деятельностью и литературным трудом. С декабря 1896 по 1907 г. — редактор-издатель «Московских ведомостей». В апреле 1905 г. был создателем одной из первых монархических партий — Русского (Московского) монархического союза. Стал председателем Союза. Был одним из организаторов Всероссийских съездов русских людей.

[191] **Попов Иван Васильевич** (1867—1938) — богослов. Профессор (1898) кафедры патрологии Московской духовной академии. Приват-доцент Московского университета (1907–1918). Редактор журнала «Богословский вестник» (1903–1906). Член Собора 1917–1918 гг. В 1919–25 гг. помощник патриарха Тихона. В 1925–28 гг. находился в Соловецком концлагере. В 1928–31 гг. в ссылке. Вскоре вновь арестован. В 1931–38 гг. в тюрьмах и ссылках. Расстрелян в Енисейске 8 февраля 1938 г.

[192] **Фудель Мария Иосифовна** (1892–1949) — дочь протоиерея И. Фуделя. Окончила гимназию С. Н. Фишер со званием «домашняя наставница». Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия. После революции единожды была арестована. До самой смерти жила в квартире отца (Арбат, 47, кв. 2). Дружила с семьями друзей отца, в том числе с Нестеровыми, Флоренскими и др.

[193] **Муретов Митрофан Дмитриевич** (1851–1917) — богослов, профессор Московской духовной академии, доктор богословия.

[194] См.: *Муретов Митрофан. Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885.*

[195] Баллада В. А. Жуковского «Торжество победителей» (1828).

[196] Фрагменты записей из дневника Тихомирова, посвященные отставке А. Д. Самарина, были опубликованы С. В. Фоминым в кн.: *Последний царский святой. Святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб., 2003.*

[197] Подробнее об обстоятельствах и ходе этого конфликта см.: *Фомин С. В. Последний царский святой. С. 194–264.*

[198] **Иоанн Златоуст** (344 / 354–407) — византийский церковный деятель, проповедник, епископ Константинопольский.

[199] **Владимир (Богоявленский Василий Никифорович)** (1848–1918) — родился в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1874 г. по окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. В 1882 г. рукоположен в иерея. Овдовел и в 1886 г. принял монашеский постриг. Возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря Козловского уезда Тамбовской губернии. В 1891–92 гг. — епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 г. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С февраля 1898 г. — митрополит Московский и Коломенский. С ноября 1912 г. — митрополит Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего синода. Как член Святейшего синода принимал участие в канонизации святых. Доктор богословия (1915). С ноября 1915 г. — митрополит Киевский и Галицкий, с оставлением первенствующим членом Святейшего синода. Член Предсоборного Совета, член Священного собора Русской православной церкви 1917–18 гг., почетный председатель Собора до 21 ноября — 4 декабря 1917 г. (дня настолования патриарха Тихона). 25 января 1918 г. зверски убит в Киеве около Киево-Печерской лавры, где и

погребен. Канонизирован Архиерейским собором Русской православной церкви 4 апреля 1992 г.

[200] **Александра Федоровна** (1872–1918) — урожденная **Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская**. Российская императрица, жена императора Николая II (с 1894). Расстреляна вместе с семьей в г. Екатеринбурге. Канонизирована.

[201] То есть Владимир (Богоявленский).

[202] **Флавиан (Городецкий Николай Николаевич)** (1840–1915) — митрополит Киевский и Галицкий. Учился на юридическом факультете Московского университета, но не закончив его, отправился в Николо-Угрешский монастырь, где был принят в число послушников. В 1866 г. пострижен в монашество. В 1867 г. рукоположен в чин иеромонаха. С 1873 г. член Пекинской православной миссии. В 1879 г. назначен начальником миссии с возведением в сан архимандрита. В 1884 г. вернулся в Россию. В 1892 г. возведен в сан архиепископа. С 1 февраля 1903 г. — митрополит Киевский и Галицкий. Член Святейшего синода.

[203] **Макарий (Невский-Парвицкий Михаил Андреевич)** (1835–1926) — сын пономаря. Окончил Тобольскую духовную семинарию. С 1855 г. служил в Алтайской православной миссии, с 1883 г. ее начальник. Получил известность как миссионер и просветитель (апостол Алтая). Епископ Бийский (с 1884), Томский и Семипалатинский (с 1891). Епископ (с 1905) и архиепископ (с 1906) Томский и Барнаульский. Архиепископ Томский и Алтайский с 1908 г. Митрополит Московский и Коломенский (с 1912). В 1917 г. уволен на покой «по просьбе духовенства». Ему вменялась в вину зависимость от Г. Е. Распутина. Впоследствии проживал в Николо-Угрешском монастыре. В 1920 г. получил почетный титул митрополита Алтайского. Канонизирован.

[204] **Востоков Владимир Ипатьевич (Игнатьевич)** (1868–1957) — церковный писатель и проповедник, протоиерей, профессор Московской духовной академии. Издавал журнал. В 1912 г. был приглашен великой княгиней Елизаветой Федоровной лектором при ее Общине милосердия. Был близок к кругу А. Д. Самарина (законоучитель его детей). В 1913 г. печатно выступил против Распутина, за что был фактически сослан в Калугу в 1913–1916 гг. Служил священником в Уфимской епархии, откуда был избран депутатом на Собор Русской православной церкви. Положительно воспринял Февральскую революцию, но затем перешел на правые позиции. В период Гражданской войны выехал на Юг и организовал при армии А. И. Деникина «Братство Животворящего Креста» с целью борьбы с большевиками. Духовник и проповедник в армии П. Н. Врангеля в Крыму. Пропагандировал монархические идеи в армии А. И. Деникина, затем в Крыму в Русской армии Врангеля, за что подвергался внушению со стороны духовного и военного начальства. Эмигрировал. Жил в Сербии. Законоучитель русской гимназии. С 1951 г. до смерти — настоятель церкви Св. Тихона Задонского в Сан-Франциско.

[205] **Вырубова Анна Александровна** (1884–1964) — урожденная **Танеева.** Дочь главноуправляющего Собственной е. и. в. канцелярии А. С. Танеева. С 1903 г. фрейлина, ближайшая подруга Александры Федоровны, горячая поклонница Г. Е. Распутина. После Февральской революции была арестована. Освобождена. После нового ареста в октябре 1918 г. бежала, скрывалась в Петрограде. Эмигрировала. Постриглась в монахини.

[206] Дочь Л. А. Тихомирова.

[207] **Пушкин Александр Сергеевич** (1799–1837) — русский поэт и прозаик.

[208] Подробнее об эсхатологических взглядах Тихомирова см.: *Трифонов А. Г. Апокалиптические элементы в мировоззрении Л. А. Тихомирова: эсхатологическая история России // Россия в Новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации: Материалы межвузовской научной конференции 25–27 апреля 1996 г. М., 1996. С. 141–143; Репников А. В. Неизвестная мистическая повесть Л. А. Тихомирова // Эхо. Сборник статей по Новой и Новейшей истории отечества. М., 1999. Вып. 1. С. 8–12;*

Карпец В. И. Эсхатологический выбор Льва Тихомирова. О повести «В последние дни» // Его же. Русь, которая правила миром, или Русь Мiровеева. М., 2005. С. 330–346.

209 **Круглова Анна Никитична** — жена, затем вдова Круглова Александра Васильевича.

210 **Новоселова Капитолина Михайловна** (?– 1918) — урожденная **Зашигранская**. Дочь священника Тверской губернии о. Михаила Васильевича Зашигранского. Была серьезно больна.

211 **Дубнов Семен Маркович** (1860–1941) — еврейский историк, публицист и общественный деятель. Автор многочисленных работ, посвященных еврейской истории. Обратил на себя внимание исследованиями по истории еврейских религиозных движений. Составил обзор источников истории евреев в России: «Об изучении истории русских евреев» и пр. (СПб., 1891), и два руководства по истории евреев: обширный курс «Всеобщая история евреев» (4 тома, 1901–1913) и «Учебник еврейской истории» для юношества (много изданий). В своих «Письмах о старом и новом еврействе» (СПб., 1907) выступил с теорией еврейской национальности, которую он рассматривает как культурно-историческую группу. После прихода в России к власти большевиков жил в эмиграции. Погиб в рижском гетто. Подробнее см.: *Дубнов С. Возникновение хасидизма // Евреи в Российской империи XVIII—XIXвв.: Сборник трудов еврейских историков. М.; Иерусалим, 1995; Его же. Всеобщая история евреев. СПб., 1904–1906. Кн. 1–3.*

212 **Грец (Gratz) Генрих (Гирш)** (1817–1891) — немецкий иудаистский историк. С 1869г. почетный профессор ун-та в Бреслау, автор первого монументального труда по всеобщей истории евреев. Главная его работа — «История евреев от древнейших времен до настоящего» *(Geschichte der Juden von den altesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Bd. 1–11. Lpz., 1866–1878/ Рус. пер. Т. 1–12. Одесса, 1903–1908*). (См.: *Хонигсман Я. К 100-летию кончины Генриха Греца // Еврейская газета. 1991. 4 июня. С. 4*).

213 **Копен-Альбанселли** — французский антимасонский писатель конца XIX — начала XXв. См.: *Copin-Albancelli. La conjuration juive contre le monde Chrétien. Paris, 1909.* Его работы часто использовались в антимасонских сочинениях русских авторов начала XX в. (А. Селянинов, Г. В. Бутми и др.).

214 **Феодор (Поздеевский Александр Васильевич)** (1876–1937) — окончил Костромскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. В 1900г. пострижен в монахи. В 1901–1902 гг. преподаватель Калужской духовной семинарии. Ректор Тамбовской (1904) и Московской (1906) духовных семинарий. Епископ Волоколамский (с 1909), викарий Московской епархии (1909). В 1909–1917гг. ректор Московской духовной академии. С мая 1917г. настоятель Московского Даниловского монастыря. С 1920г. неоднократно арестовывался. Архиепископ (1923). В 1923 г. назначен управляющим Петроградской епархии, но от назначения отказался. Был во главе оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Арестовывался. В 1925–27гг. в ссылке в Казахстане; в 1929–32гг. в заключении в Свирьлаге. С 1933г. в ссылке; в июле 1937г. арестован. Расстрелян в Ивановской тюрьме. См.: *Голубцов С. Московская Духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. С. 99–104.*

215 **«Русское знамя»** — ежедневная газета. Орган Союза русского народа (СРН). Издавалась в Петербурге (Петрограде) с 28 ноября 1905г. по 5 марта 1917г. Издатели: А. И. Дубровин, ред.: Дубровин, П. Ф. Булацель, А. И. Тришатный, М. Н. Зелинский, А. В. Ососов, Е. А. Полубояринова, Е. Д. Хоменков, С. С. Потапочкин, Ф. Д. Клюев, В. А. Богданов, Н. И. Еремченко, М. П. Петров. Тираж колебался от 3 до 14,5 тыс. Газета выходила под девизом «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских». Цена отдельного номера — 5 коп. (1912), годовой подписки — 6 руб. (1917). Материальную поддержку изданию оказывала Полубояринова. Иногда газета получала субсидии правительства, прекратившиеся после того,

как газета начала активную критику П. А. Столыпина и его политического курса. Ряд публикаций вызвал преследования со стороны правительства, выражавшиеся в наложении штрафов и привлечении к суду по обвинению в диффамации. Например, за публикацию в номере от 2 апреля 1910 г. заметки с критикой городского головы г. Батум кн. Андроникова, последний подал в суд на издателя газеты А. И. Дубровина, который 31 марта 1915 г. был приговорен Петроградским окружным судом к 2 месяцам тюрьмы за клевету. По подсчетам, опубликованным в номере газеты от 2 декабря 1910 г. за 5 лет на газету налагалось 6 штрафов на общую сумму в 11 тыс. руб., было сделано 13 предупреждений, 18 номеров газеты было изъято. Газета последовательно выступала за неограниченное самодержавие, против Государственной думы, либералов и левых радикалов. В период Первой мировой войны позиция газеты изменилась от лозунга «войны до победного конца», до необходимости заключения союза с монархической Германией из-за боязни революции, что подорвало доверие к изданию со стороны правых. В 1916 г. из-за материальных трудностей (газета стала выходить на 2 полосах, вместо 4 обычных) и встал вопрос о ее закрытии. Постановлением Петроградского Совета газета была запрещена 5 марта 1917 г.

[216] **Флавий Иосиф (Иосиф Флавий**; ок. 37 — ок. 95), иудейский историк, автор работ «Иудейская война», «Иудейские древности» и др.

[217] Подобного рода записи встречаются в дневнике и раньше. Ср.: «Воображаю, как захватят Россию жиды в течение столетия. Гибель несомненная при нашей рыхлости. Нас только и спасает религия, а кто перестал верить — оказались народ никуда негодный, кроме как на съедение жидам и вообще хищникам» (1898 г.). См.: *ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 6. Л. 171.*

[218] **Рухлов Сергей Васильевич** (1853–1918) — государственный деятель, статс-секретарь, член Государственного совета, с 1909 по ноябрь 1915 г. — министр путей сообщения. Председатель Всероссийского национального союза.

[219] **Императорское Православное Палестинское общество** было основано в 1882 г. великим князем Сергеем Александровичем, который более 20 лет был его председателем. После гибели князя председателем Общества стала великая княгиня Елизавета Федоровна.

[220] **Волжин Александр Николаевич** (1860–1933) — обер-прокурор Святейшего синода (30 сентября 1915–1 января 1916). Окончил гимназический и университетский курс в Императорском лицее цесаревича Николая. После экзамена при юридическом факультете Московского университета удостоен степени действительного студента. В ноябре 1889 г. определен на службу по Министерству внутренних дел. С февраля 1904 г. — седлецкий губернатор. С мая 1914 г. — гофмейстер. С июля 1914 г. — директор Департамента общих дел. Член Государственного совета. С 5 мая 1917 г. — за штатом. 14 декабря 1917 г. уволен со службы. После Февральской революции выехал на Юг страны, в марте 1918 г. эмигрировал. Жил на Мальте, в Италии, Баварии, в последние годы — во Франции, в Ницце.

[221] **Антоний (Храповицкий Алексей Павлович)** (1863–1936). Архиепископ церковный и государственный деятель. Учился в Петербургской духовной академии. По окончании Академии был оставлен в ней в качестве профессорского стипендиата и в то же время, исполняя должность помощника инспектора Академии с 1885 по 1886 г. В 1887 г. избран исполняющим должность доцента Петербургской духовной академии. В 1888 г. получил степень магистра богословия. В том же году утвержден в звании доцента Академии. В 1889 г. назначен исполняющим должность инспектора Петербургской духовной академии. В 1890 г. получил назначение на должность ректора Петербургской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита, а через несколько месяцев переведен на должность ректора в Московскую духовную академию, которую возглавлял в течение пяти лет. В 1895 г. назначен ректором Казанской духовной академии. В 1900 г. стал

епископом Уфимским, а в 1902 г. — Волынским и Житомирским. В 1906 г. возведен в сан архиепископа. В 1906–1907 гг. был членом Государственного совета. С 1907 г. был членом Государственной думы, где входил во фракцию правых. С 1909 г. заседал в Святейшем синоде. В 1912 г. возводится в сан архиепископа, был назначен членом Святейшего синода. 14 мая 1914 г. назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. 1 мая 1917 г. уволен на покой, согласно прошению, с назначением ему местожительства в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре Финляндской епархии. 16 августа 1917 г. вновь назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. В июне 1917 г. на Всероссийском Поместном соборе был первым по числу голосов из трех кандидатов на Патриарший престол, избранных Собором. 28 ноября 1917 г. возведен в сан митрополита Харьковского. Эмигрировал. Основатель и Первоиерарх Русской православной церкви за границей.

[222] **«Исторический вестник»** — историко-литературный журнал, выходивший в 1880–1917 гг. Издавался А. С. Сувориным, а впоследствии его наследниками под редакцией С. Н. Шубинского (1880–1913), затем Б. Б. Глинского (1913–1917).

[223] О чтениях С. Н. Дурылина у Новоселова см. воспоминания А. Н. Руднева, которые приводятся в кн.: *Фомин С. В. Отец Сергий // Дурылин С. Н. Русь прикровенная. М., 2000. С. 25–28.*

[224] **Дурылин Сергей Николаевич** (1877–1954) — религиозный мыслитель, писатель, искусствовед. Уроженец Киева. Из мещан. Окончил Археологический институт (1915). Был секретарем религиозного общества им. Владимира Соловьева в Москве. Рукоположен в 1920 г. Служил в храме свт. Николая в Кленниках при Алексее Мечеве в 1920–1921 гг. 11 июня 1922 г. арестован по обвинению в занятии «скрытой антисоветской агитацией-деятельностью». По решению Комиссии НКВД по административным высылкам от 25 ноября 1922 г. сослан в Хиву на 2 года; по решению того же органа выслан в Челябинскую губернию. Повторно арестован 10 июля 1927 г. по обвинению в «распространении среди верующих литературы антисемитского содержания». По решению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 16 сентября 1927 г. выслан в Сибирь сроком на 3 года. Направлен на поселение в Томский округ. Занимался историей литературы, театра, был искусствоведом, автор биографии М. В. Нестерова. Профессор, доктор филологических наук. Реабилитирован 25 марта 1998 г. (за 1922 г.) и 27 мая 1993 г. (за 1927 г.). Подробнее см.: *Дурылин С. Н. В своем углу. М., 2006; Его же. Отец Иосиф Фудель // Литературная учеба. 1996. Кн. 3; См.: Макаров В. Г. Следственное дело 1922-го года священника С. Н. Дурылина // Интеллигенция России и Запада в XX — XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: Материалы научной конференции 28–30 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004.*

[225] **Минин Кузьма Минич** (?– 1616) — организатор освободительной борьбы русского народа против польско-литовской интервенции. Один из руководителей 2-го земского ополчения, соратник Д. М. Пожарского.

[226] **Пожарский Дмитрий Михайлович** (1578–1642) — князь, боярин (с 1613), один из руководителей борьбы русского народа против польских и шведских интервентов.

[227] **Дубровин Александр Иванович** (1855–1921) — врач, политический и общественный деятель, статский советник, организатор и руководитель Союза русского народа (СРН), председатель Всероссийского Дубровинского Союза русского народа. Из дворян. Сын полицейского чиновника в г. Кунгуре. По окончании Петербургской Медико-хирургической академии (1879) — военный врач. С 1889 г. работал в детских приютах Петербурга, в 90-е годы был врачом ремесленного училища Цесаревича Николая, которым руководил Н. А. Майков. Занимался частной практикой, благодаря которой составил состояние, приобрел акции и 5-этажный доходный дом. С 1905 г. председатель Главного совета Союза русского народа (СРН), издатель и редактор партийной газеты «Русское знамя». 12 декабря 1906 г., после взрыва террористами дачи П. А. Сто-

лыпина на Аптекарском острове, оказавшись случайно поблизости, принял деятельное участие в помощи пострадавшим. К аграрной реформе П.А. Столыпина отнесся крайне отрицательно, что привело к обострению политических отношений между ними. В 1909 г. скрывался от судебного преследования в связи с обвинением в убийстве М.Я. Герценштейна. Смог избежать преследования благодаря поддержке, выраженной Николаем II. С 1912 г. организатор и пожизненный председатель Всероссийского дубровинского союза русского народа («старый» СРН стал именоваться «Марковским», «обновленческим»). После Февральской революции арестован и 28 февраля 1917 г. помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости по обвинению в убийстве в Териоках в 1906 г. М.Я. Герценштейна и указаний на причастности к убийствам чл. Государственной думы Г. Б. Иоллоса (1907) и А.Л. Караваева (1908), а также двум покушениям на жизнь С.Ю. Витте. Допрашивался ЧСК Временного правительства (март, апрель, май 1917), признавшей в итоге Дубровина «не совершившим ничего уголовного». 14 октября 1917 г. освобожден из-под содержания под стражей в связи с состоянием здоровья. Вновь арестован сотрудниками ВЧК 21 октября 1920 г. Последний адрес, по которому проживал в Москве: Денисовский переулок, д. 9, кв. 1. Обвинялся в том, что «с 1905 по 1917 гг. являлся председателем "Союза Русского Народа", который боролся с освободительным движением в России». Расстрелян. Имеются два постановления по «делу Дубровина» с аналогичным приговором: 1) Коллегии ВЧК от 29 декабря 1920 г. и, 2) заседания Президиума ВЧК от 14 апреля 1921 г. Точных сведений о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения не имеется. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998 г. реабилитирован. Подробнее см.: *Следственное дело доктора Дубровина / Макаров В.Г. Вступ. ст., публ. и прим. // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. С. 268–319; Макаров В.Г., Репников А.В. Дубровин А.И. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб., М.: РОССПЭН, 2004. С. 261; Они же. Русские монархисты после октября 1917. Новые документы // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма. Ростов-на-Дону, 2004. Т. 1. С. 47–65; Они же. Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время: Сборник научных статей. Пенза, 2004. С. 131–144.*

[228] **«Колокол»** — ежедневная общественно-политическая газета. Выходила в 1905–1917 гг. в Петербурге. Издатель — В.М. Скворцов.

[229] **Толстой Лев Николаевич** (1828–1910) — граф, писатель, философ-моралист.

[230] Кот, живший в семье Тихомировых.

[231] **Нольде Александр Эрнестович** — барон, секретарь редакции, а в 1907 и 1912 гг. (несколько месяцев) редактор «Московских ведомостей».

[232] **Макаров Александр Александрович** (1857–1919) — государственный деятель. Из купеческого звания. После окончания юридического факультета Петербургского университета служил в Министерстве внутренних дел. С 1906 г. — товарищ министра внутренних дел, в 1911–12 гг. — министр внутренних дел и шеф жандармов. В 1916–17 гг. — министр юстиции, член Государственного совета. 1 марта 1917 г. арестован в числе других царских сановников и заключен в Петропавловскую крепость. Допрошен и 31 июля переведен в тюремную лечебницу. Расстрелян по постановлению ВЧК.

[233] **Рачинский Григорий Александрович (Алексеевич)** (1859–1939) — церковный и общественный деятель, философ, писатель и переводчик (переводил Гете и Ницше). Был другом В.С. Соловьева, А. Белого, С.Н. Дурылина. Редактировал религиозно-философский журнал «Путь». В 1919 г. арестован как участник Союза объединенных приходов г. Москвы и один из его организаторов, член исполнительного комитета совета Союза. Был освобожден от судебного преследования перед началом процесса по делу «Самарина — Кузнецова» в силу показаний психиатра о невменяемости подсудимого. В 1931 г. вновь подвергнут аресту. С.И. Фудель писал о нем: «Рачинский был широко образованный и широко мыслящий человек, знавший, говорят, наизусть в подлинни-

ке всего “Фауста”, умевший объединять труднообъединяемое и премудро сглаживать ненужные углы» (*Фудель С. И. Собр. соч. В 3т. Т. I. С. 66).*

[234] **Платон** (428 / 427–348 / 347 до н. э.) — древнегреческий философ.

[235] **Кассандра** — в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая дар пророчества от влюбленного в нее Аполлона. Отвергнув любовь Аполлона, она была наказана тем, что ее предсказаниям никто не верил.

[236] Строки из стихотворения И.-Ф. Шиллера «Торжество победителей»:

И вперила взор Кассандра.
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандрг,
На дымящийся Пергам.
— Все великое земное
Разлетается как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

[237] Измененное стихотворение В. С. Соловьева (1894), Последние две строки автора: «И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен».

[238] В декабре 1915 г. Рузский заболел и 6 декабря сдал фронт, но 1 августа 1916 г. опять вернулся на должность главнокомандующего армиями Северного фронта.

[239] **Барк Петр Львович** (1869–1937) — титулярный советник (1895), коллежский асессор (1897), надворный советник (1901), коллежский советник (1905), статский советник (1906), действительный статский советник (1911), тайный советник (1915). 10 августа 1911 г. назначен товарищем министра торговли и промышленности. С 30 января 1914 г. — управляющий Министерством финансов, с 6 мая 1914 г. — министр финансов и шеф Отдельного корпуса пограничной стражи. 29 декабря 1915 г. назначен членом Государственного совета (с оставлением в занимаемых должностях и званиях). После Февральской революции арестован; затем — освобожден. 14 декабря 1917 г. уволен со службы. Жил в Крыму до октября 1920 г. Эмигрировал в Англию. В 1935 г. принял английское подданство и получил титул баронета.

[240] *Karppe S. Etude sur les origines et la nature du Zohar. Paris: Felix Alkan, 1901.*

[241] **Нейдгардт Алексей Борисович** (1863–1918) — брат Дмитрия Борисовича Нейдгардта. Шурин П.А. Столыпина. Окончил Московскую военную гимназию № 3; бывший земский начальник; губернский предводитель Нижегородского дворянства (1896–1903); действительный статский советник (1905); камергер (1905), в должности гофмейстера (1908), гофмейстер Высочайшего двора (1917); Екатеринославский губернатор (1905–1906). В 1906 г. — избран членом Государственного совета от Нижегородского земства (переизбран в 1909, 1912 гг.). В августе 1915 г. назначен членом Государственного совета с присутствием на 1915 г.; председатель группы правого центра Государственного совета, председатель Татьянинского комитета, член Совета старшин Всероссийского Национального клуба, член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов; член Постоянного совета Объединенного дворянства (1906–1917). Участвовал в съезде духовенства Нижегородской епархии, протестующем против отобрания храмов, монастырей и церковного имущества. Арестован с женой, сыном и дочерью. Расстрелян (об обстоятельствах расстрела см.: *Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992. Кн. 1. С. 165, 167*). Прославлен на Архиерейском соборе Русской православной церкви как мученик.

[242] **Филарет (Дроздов Василий Михайлович)** (1782–1867) — церковный, государственный и общественный деятель, митрополит Московский и Коломенский (с 1826).

Учился в Коломенской духовной семинарии, а после ее упразднения в семинарии Троице-Сергиевой лавры (окончил в 1803). Пользовался поддержкой митрополита Московского Платона (Левшина) и по его протекции был зачислен в семинарию учителем. С 3 июля 1821 г. архиепископ Московский, с 22 августа 1826 г. — митрополит Московский и Коломенский. Канонизирован.

[243] **Столыпина Ольга Борисовна,** урожденная **Нейдгардт** (1859–1944) — праправнучка А. В. Суворова; фрейлина императрицы Марии Федоровны. В 1884 г. вышла замуж за П. А. Столыпина. Умерла в эмиграции во Франции.

[244] **Хиротония** — рукоположение, посвящение на одну из степеней священноначалия.

[245] **Богданович Евгений Васильевич** (1829–1914) — генерал от инфантерии, член Совета министра внутренних дел, староста Исаакиевского собора и почетный член правления Исаакиевского братства. Скончался 1 сентября 1914 г. Муж А. В. Богданович (см.: *Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990).*

[246] **Михаил Архангел** (то есть высший ангел) — в книге «Откровения Иоанна» вместе с ангелами вступает в битву с драконом.

[247] Речь идет о картине «Архангел Михаил» (1914–1915), ныне хранящейся в Доме-музее В. М. Васнецова в Москве.

[248] **Васильчикова Мария Александровна** (1859 –?) — фрейлина, помощница попечительницы школы наследника Алексея Николаевича (1893–1906). После объявления войны была задержана в имении Глогниц, у Клейн-Вартенштейна в Австрии. Весной 1915 г. написала Романовым несколько писем по вопросу о сепаратном мире. В декабре 1915 г. ей удалось приехать в Россию. Она привезла письма от великого герцога Гессенского и гессенских и голштинских принцесс на имя сестер императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны, с сетованиями на Англию, препятствующую примирению России и Германии. Была обвинена в деятельности, направленной в пользу заключения сепаратного мира, и 1 января 1916 г. лишена придворного звания и сослана сначала в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию.

[249] **Родзянко Михаил Владимирович** (1859–1924) — политический деятель. Окончил Пажеский корпус. С 1878 по 1882 г. служил в Кавалергардском полку, затем оставил военную службу. В 1883 г. Новомосковским уездным собранием избран почетным мировым судьей, в 1886–1896 гг. — новомосковский предводитель дворянства. С 1900 по 1906 г. был предводителем Екатеринославской губернской земской управы. Один из основателей и лидеров «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственных дум. В III Думе был председателем земельной комиссии, членом переселенческой комиссии. Поддерживал реформы П. А. Столыпина. С марта 1911 г. — председатель III Государственной думы, с ноября 1912 г. — IV Государственной думы. Один из лидеров Прогрессивного блока. Возглавлял Временный комитет Государственной думы, а затем частные совещания членов Думы с апреля по август 1917 г. После Октябрьской революции пытался воссоздать Совещание членов Государственной думы (включая все 4 созыва) сначала при Л. Г. Корнилове, затем при А. И. Деникине. В 1920 г. эмигрировал; оставил мемуары.

[250] **Дружинин Николай** — член «Новоселовского кружка».

[251] То есть трамваю.

[252] См.: *Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. С. 199–244.*

[253] То есть Тихомиров Александр Андреевич и его супруга.

[254] **Радзивиллы**, княжеский род Великого княжества Литовского (с XIV в.), затем Речи Посполитой, в XVIII—XX вв. России и Пруссии.

[255] **Коковцов Владимир Николаевич** (1853–1943) — государственный и политический деятель, граф; министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914). В 1918 г. эмигрировал во Францию.

[256] **Никаноров Иосиф Всеволодович** — церковный публицист, автор работ по истории церкви (*Никаноров И. Церковные и вероисповедные вопросы в III Государственной думе. СПб., 1912*).

[257] **Папков Александр Александрович** (1868–1920) — церковный писатель. Окончил училище правоведения и Петербургский археологический институт. С 1900-х годов губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии. Автор работ о церковных братствах и приходах. Член Предсоборного Совета. Член Священного собора Русской православной церкви 1917–1918 гг. Автор работ по истории церкви: *Церковные братства. СПб., 1893; Упадок православного прихода (XVIII — XIXвв.). Историческая справка. М., 1899; Церковно-общественные вопросы в эпоху царя Освободителя (1855–1870). СПб., 1902; Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903; О благоустройстве православного прихода. СПб., 1906; Начало возрождения церковно-приходской жизни в России // Русский вестник. 1900. Т. 265. Февраль. Т. 266; Март и т. д.*

[258] Братство Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа было учреждено в 1909 г. и открыто 27 декабря 1909 г. в Чудовом монастыре. Председателем Совета Братства стал Ф.Д. Самарин, членами Совета — В.К. Истомин, А.А. Корнилов, П. Б. Мансуров, И.А. Лебедев, протоиерей Иосиф Фудель, Н.И. Шелепин.

[259] **Штюрмер Борис Владимирович** (1848–1917) — государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета кандидатом (1872). Начинал службу в 1 департаменте Правительствующего сената. С 1885 по 1892 г. обер-прокурор. Одновременно с 1879 по 1892 г. заведовал церемониальной частью Министерства императорского двора. С конца 80-х годов гласный Бежецкого и Каширского уездных и Тверского губернского земских собраний. В 1890–1892 гг. председатель губернской земской управы. Был губернатором в Нижнем Новгороде и Ярославле (1896). В 1902 г. директор Департамента общих дел МВД. С 1904 г. член Государственного совета. В январе — ноябре 1916 г. председатель Совета министров. Получил это назначение при поддержке Г. Е. Распутина. Одновременно (март — июль) — министр внутренних дел и министр иностранных дел (июль — ноябрь). Член Русского собрания; в качестве уполномоченного участвовал в деятельности объединенного дворянства (1906–16). После Февральской революции арестован. Находился в Петропавловской крепости. Несколько раз допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Умер в Петропавловской крепости (перед смертью был подвергнут издевательствам). См.: *Григорьева Е. В. Б. В. Штюрмер: российский бюрократ на рубеже двух политических эпох (1872–1917 гг.) // Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2004.*

[260] **Плевако Сергей Федорович** — бывший присяжный поверенный.

[261] Возможно, **Рождественский Измаил** (?– 1937/38), священник Тверской епархии.

[262] Тихомиров давно интересовался вопросами, связанными с реформой церковного прихода. Он даже вступил в полемику с С.Ф. Шараповым, критикуя идеи последнего, и считая, что попытки «создать из церковного прихода какую-то первичную единицу социальной и политической организации» были бы полным извращением прихода, как церковной единицы, поскольку «приход должен быть первоячейкой коллективной религиозной жизни, а не жизни административной или экономической» // *Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 467.*

[263] По новому завещанию от 23 января 1916 г., свой дом в родном Новороссийске и хутор неподалеку от Москвы Тихомиров завещал своему второму сыну Н.Л. Тихомирову. Остальное движимое и недвижимое имущество должно было быть распределено поровну между женой (Е.Д. Тихомировой), сыном Николаем и двумя дочерьми (Верой и Надеждой). Старший сын Александр (Тихон) был лишен доли в наследст-

ве, но в завещании оговаривалось, что если в будущем он решит жить в миру, то сможет претендовать на свою долю // ГА РФ. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1 (Духовное завещание Л.А. Тихомирова).

[264] **Питирим (Окнов Павел Васильевич)** (1858–1920) — митрополит Петроградский и Ладожский. После окончания Рижской гимназии (1879), поступил в Киевскую духовную академию (окончил в 1883). Кандидат богословия. В 1883 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеромонаха и назначен преподавателем Киевской духовной семинарии. В 1887 г. — инспектор Ставропольской духовной семинарии, с 1890 г. — ее ректор и архимандрит. С 1891 г. — ректор Петроградской духовной семинарии. С 1896 г. — епископ Тульский и Белевский. С 1904 г. — епископ Курский и Белгородский. С 1905 г. именовался «Курский и Обоянский». В 1909 г. возведен в сан архиепископа. С 1911 г. — архиепископ Владикавказский и Моздокский. С 1913 г. — архиепископ Самарский и Ставропольский. С 1914 г. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, член Святейшего синода. С ноября 1915 г. — митрополит Петроградский и Ладожский. 2 марта 1917 г. был арестован наряду с царскими министрами. 6 марта 1917 г. уволен на покой (причина — близость к царской семье) с пребыванием в пределах Владикавказской епархии. Находился на территориях, занятых Вооруженными силами Юга России, бедствуя и болезненно переживая тяготы Гражданской войны. В конце 1919 г. перебрался в Екатеринодар вместе с беженцами. Умер в Екатеринодарском архиерейском доме, где ему дал приют митрополит Антоний (Храповицкий), который и отпевал почившего.

[265] **Манухин Сергей Сергеевич** (1856–1921 / 22) — обер-прокурор кассационного департамента Сената (1890); товарищ министра (1900), затем министр (1904) юстиции; сенатор (1902); член Государственного совета (1906) по назначению. Действительный тайный советник (1915). В мае 1917 г. назначен членом 1-го департамента Сената, 14 декабря 1917 г. уволен со службы в числе других членов Государственного совета по назначению. 18 декабря 1917 г. назначен членом Комиссии для разработки проекта договора между Россией и Финляндией. Впоследствии работал консультантом Наркомфина. 21 июля 1921 г. арестован Петроградской ЧК как «член профессорской группы Петроградской боевой организации» («Дело Таганцева»), 3 октября 1921 г. приговорен к двум годам принудительных работ, но 22 октября освобожден из-под стражи ввиду крайне болезненного состояния и вскоре скончался.

[266] **Харитонов Петр Алексеевич** (1852–1916) — окончил Училище правоведения. В 1883 г. назначен юрисконсультом Министерства юстиции. В 1888 г. — старший чиновник в кодификационном отделе при Государственном совете. В 1889 г. принимал участие в работе комиссии по пересмотру положения о земских учреждениях. С 1898 г. — статс-секретарь департамента гражданских и духовных дел, с 1904 г. — товарищ государственного секретаря. В 1906 г. получил звание сенатора, назначен присутствующим членом Государственного совета. В 1907–1916 гг. — Государственный контролер. Во время Первой мировой войны отстаивал необходимость совместной работы правительства с Государственной думой и общественными организациями. Выступал против смещения великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего.

[267] **Сен-Жермен (Saint-Germain) Калиостро Алессандро (Cagliostro, Alessandro)** (1743?–1784, или 1795) — граф, итальянский алхимик (наст. имя Джузеппе Бальзамо, Balsamo; иногда выступал под именем Аймар или маркиз де Бетмер). Обстоятельства жизни, его происхождение, источники его богатства остаются неизвестными. Он выступал на сцене в 40-х годах, появляясь в Италии, Голландии, Англии и распространяя слухи, что владеет философским камнем, искусством изготовлять бриллианты и жизненным эликсиром; обладал обширными познаниями в области истории и химии, говорил, что прожил много веков. Прибыв в Париж, сумел приобрести расположение маркизы де Помпадур и короля и привлечь внимание всего парижского общества. Замешанный в

политической интриге, вынужден был в 1760 г. оставить Францию, отправился в Англию, затем в Россию. Впоследствии жил в Касселе у ландграфа Карла Гессенского, занимаясь оккультными науками. См.: *Карнович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884 (репринтное воспроизведение издания. Л., 1990). С. 109–138; Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.; СПб., 2003. С. 930–934.*

268 **Караба (Карабас) де** — маркиз, персонаж сказки Шарля Перро (1628–1703), представляющий дворянина, разбогатевшего благодаря ловкости своего кота. Имя маркиза де Караба стало именем нарицательным для ловких беспринципных пройдох, недалеких мошенников, рвачей, плутов и пр. дворянского или духовного звания.

269 **Цивилист** — юрист, специализирующийся в области гражданского права.

270 «Люди будут издыхать от страха и ожидания *бедствий*, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблятся». Лк. 21:26.

271 **Львов Владимир Николаевич** (1872–1934) — родился в дворянской семье, крупный землевладелец. Окончил юридический и историко-филологический факультет Московского университета. Был вольнослушателем Московской духовной академии. В 1905 г. участвовал в организации в Самаре и Самарской губернии отделений партии «Союз 17 октября». Депутат III и IV Государственной дум. В обеих Думах председатель комиссии по делам православной церкви. В дни Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы. С 2 марта по 24 июля 1917 г. обер-прокурор Святейшего синода. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности. В 1920 г. эмигрировал. В эмиграции примкнул к «сменовеховству». Признал советскую власть и в 1922 г. вернулся на родину. Работал в Высшем церковном управлении. Принимал активное участие в движении «Живая церковь». В феврале 1927 г. арестован. Был выслан в Томск на три года. В сентябре 1929 г. освобожден из ссылки и остался жить в Томске, где и скончался.

272 **Суханов Алексей Степанович** — депутат Государственной думы от Тобольской губернии (от общего состава выборщиков), трудовик. Один из активных критиков Г. Е. Распутина. В запросе министру юстиции А. А. Хвостову просил об освобождении из тюрьмы покушавшейся на Распутина П. К. Гусевой. (См.: *Фомин С. В. Последний царский святой.* С. 266–267).

273 **Серафим (Чичагов Леонид Михайлович)** (1856–1937) — митрополит, богослов, писатель, историк. В 1898 г. принял монашеский постриг. Архимандрит. Один из инициаторов канонизации Серафима Саровского. С 1907 г. член Святейшего синода. С 1908 г. епископ Кишеневский и Хотинский. С 1914 г. архиепископ Тверской и Кашинский. Осенью 1917 г. удален на покой. Член Поместного собора Русской православной церкви. Митрополит (1918). Был арестован (1921). Сослан в Архангельскую область (1922–1923). Арестован (1924). В 1928–1933 гг. митрополит Ленинградский. С 1933 г. жил в Подмосковье. Арестован осенью 1937 г. и расстрелян. В 1997 г. причислен к лику святых.

274 **Караулов Михаил Александрович** (1878–1917) — казачий офицер. Окончил Екатеринодарскую гимназию (1897), историко-филологический факультет Петербургского университета (1901). В 1902 г. сдал экзамены за курс в Николаевском кавалерийском училище, подъесаул, почетный станичный судья, редактор журнала «Казачья неделя». Депутат II и IV Государственной дум, являлся председателем казачьей фракции, сторонник прогрессистов. Участвовал в Первой мировой войне. Произведен в полковники. Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы. С марта атаман Терского казачьего войска и (до августа) комиссар Временного правительства в Терской области. С начала декабря возглавлял Временное Терско-Дагестанское правительство. Был убит (по другим данным — застрелился) 13 декабря

1917 г. на станции Прохладной, когда революционно настроенные солдаты окружили и обстреляли вагон поезда, в котором он находился.

[275] **Андрей Уфимский** (в миру князь **Ухтомский Александр Алексеевич**) (1872–1937) окончил Московскую духовную академию. Пострижен в монахи (1895). Рукоположен в иеромонаха (1895). С 1897 г. инспектор Александровской миссионерской семинарии, наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита (1899). С 1907 г. епископ Мамадышский. С 1911 г. епископ Сухумский. С 1913 г. епископ Уфимский и Мензелинский. Духовником епископа Андрея был Антоний (Храповицкий). Руководил духовенством 3-й армии А. В. Колчака, был арестован большевиками, но потом освобожден. В 1921 г. назначен епископом Томским, но в феврале 1922 г. арестован. Освобожден. В 1923 г. сослан в Среднюю Азию. В 1925 г. перешел в старообрядчество. В 1927–28 гг. находился в ссылке в Кзыл-Орде в Казахстане. В 1928 г. арестован и препровожден в Ярославль, где отсидел три года в одиночной камере (до 1931). В 1932 г. вновь арестован и сослан. Расстрелян.

[276] **Романов Алексей Николаевич** (1904–1918) — сын Николая II, наследник престола. Расстрелян с остальными членами императорской семьи в Екатеринбурге.

[277] **Львов Георгий Евгеньевич** (1861–1925) — князь, крупный землевладелец. Окончил юридический факультет Московского университета (1885). Гласный Тульской губернской земской управы. В 1903–1906 гг. ее председатель. В конце 1905 г. входил в Тульский комитет партии кадетов. В начале 1906 г. был выдвинут от блока кадетов и октябристов в депутаты Государственной думы. В 1906–1908 гг. приобрел популярность благодаря благотворительной деятельности в качестве представителя от правительства во врачебно-продовольственном комитете II Государственной думы, хотя и не был ее депутатом. С 1914 г. главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну. Один из лидеров Объединенного комитета Земско-Городского союза (Земгор). После Февральской революции с марта по июль 1917 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел Временного правительства. После Октябрьской революции был арестован, но бежал из тюрьмы, и перешел на нелегальное положение. В начале октября 1918 г. отбыл в США с целью получения финансовой помощи для Белых армий, однако его миссия закончилась неудачей.

[278] **Бурцев Владимир Львович** (1862–1942)— сын штабс-капитана. В 1882–1885 гг. учился на физико-математическом и юридическом факультетах Петербургского и Казанского университетов. С 1883 г. входил в народовольческие кружки. После ареста в 1885 г. административно сослан в Иркутскую губернию. Летом 1888 г. бежал из ссылки. Эмигрировал. В 1900 г. начал издавать историко-революционные сборники «Былое». В ноябре 1905 г. вернулся по амнистии в Россию. В 1906–1907 гг. участвовал в редактировании легального журнала «Былое», в 1907 г. составил «Историко-революционный альманах». Осенью 1907 г. вновь эмигрировал и возобновил в Париже издание «Былого». С 1906 г. специализировался на разоблачении провокаторов, раскрыл провокаторскую деятельность Е. Ф. Азефа (1908). Составил и опубликовал в «Былом» список «Шпионы, предатели, провокаторы». Во время Первой мировой войны — оборонец. В августе 1914 г. вернулся в Россию. Был арестован на границе и сослан в Восточную Сибирь. Амнистирован в конце 1915 г. по ходатайству французского правительства. Вернулся в Петроград. В 1916 г. издал брошюру «О войне» (с приложением писем П.А. Кропоткина). В 1917 г. издавал газету «Общее дело», сборники «Будущее». Был арестован в ночь на 26 октября 1917 г. и помещен в Петропавловскую крепость. Освобожден в феврале 1918 г. В мае через Финляндию бежал в Стокгольм. За границей возобновил издание газеты «Общее дело» (1918–1922; 1928–1933). Был противником нацистской Германии, считал, что Россия одержит победу в войне. Умер в лечебнице для бедных.

[279] **Андроников Михаил Михайлович** (1875–1919) — князь, сын князя М.А. Андроникова, титулярный советник, публицист. Учился в Пажеском корпусе, отчислен по болезни (1895). Причислен к Министерству внутренних дел (1897). Уволен от службы «ввиду непосещения» (1914). Чиновник для особых поручений при обер-прокуроре Синода (1914–1917). В 1915–1916 гг. сблизился с Г.Е. Распутиным, преследуя корыстные цели. В 1916 г. выслан в Рязань. Расстрелян большевиками.

[280] **Манус Игнатий Порфирьевич** (1860–1918) — из мещан. Агент по финансовой части в правлении Самаро—Оренбургской железной дороги, мелкий газетный репортер. В начале 1900-х годов, занимаясь спекуляциями на бирже, приобрел значительное состояние. Действительный статский советник (получил чин при содействии Г.Е. Распутина, которому предоставлял значительные финансовые средства). Директор правления товарищества Петербургского вагоностроительного завода, председатель правления транспортного и страхового общества, ведущий акционер ряда петербургских коммерческих банков. Имел влияние на В.П. Мещерского; публиковал в «Гражданине» свои статьи по финансовым вопросам. В годы Первой мировой войны обвинен в шпионаже в пользу Германии. Французский посол Морис Палеолог считал Мануса раздатчиком немецких субсидий, а генерал Д.Н. Дубенский называл его «душой всех друзей немцев». 4 июля 1918 г. по приказу Г. Бокия арестован большевиками. Многочисленные ходатайства об освобождении Мануса под залог были отклонены ВЧК. 30 октября 1918 г. приговорен к расстрелу с конфискацией имущества «за предложение взятки комиссару дома предварительного заключения, за содействие по освобождению его из-под ареста и за предложение взяток другим служащим дома заключения за разные услуги». Отягчающими обстоятельствами признавалось «скверное отношение» Мануса к бывшим подчиненным, «отрицательное отношение к советскому строю, его стремление при помощи денег развратить честных коммунистов» (См.: *Лизунов П. Расстрел с конфискацией. Судьбы петроградских банкиров // Родина. 2005. №5. С. 86–89*).

[281] **Рубинштейн Дмитрий Львович** (1875 / 77 –?) — председатель правления Русско-французского банка, директор правления общества Петро-Марьевского и Варваро-Плесского объединения каменноугольных копей, страхового общества «Волга» и др., крупный биржевой деятель, банкир. Занимался финансовыми махинациями, пытаясь использовать свою близость к Г.Е. Распутину. Знакомство их длилось всего несколько месяцев, после чего Распутин запретил принимать Рубинштейна, который был арестован летом 1916 г. и выслан в Псков. Освобожден в декабре 1916 г.

[282] **Волынский Аким Львович** (настоящие имя и фамилия **Хаим Лейбович Флексер**) (1861 или 1863–1926) — литературный критик, журналист, историк и искусствовед. Литературный редактор журнала «Северный вестник» (см. о нем: *Пайман А. История русского символизма. М., 2000. С. 24–30*). Сохранилась его переписка с Тихомировым: РГАЛИ. Ф. 95. Волынский А.Л. (Флексер).

[283] **Кант Иммануил** (1724–1804) — германский философ, родоначальник немецкой классической философии.

[284] «Против фортов Дуамон и Во, защищаемых полумиллионом французов, немцы бросили миллион своих солдат... К концу марта 1916 французы потеряли под Верденом 89 тысяч человек, а немцы — 82 тысячи» // *Уткин А.И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 211, 212–213.*

[285] **Ржевский Борис Михайлович** (?– 1919) — бывший нижегородский чиновник, журналист, сотрудник нижегородских и столичных газет. Во время Первой мировой — уполномоченный Красного Креста Северо-Западного фронта. Доверенное лицо министра внутренних дел А.Н. Хвостова. Был послан им за границу к Илиодору для того, чтобы заручиться его поддержкой в подготовке убийства Г.Е. Распутина. Однако не

выполнил возложенной на него задачи и был арестован, в результате чего разразился скандал и А. Н. Хвостов был вынужден покинуть свой пост.

[286] **Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович)** (1880 или 1881–1958) — по происхождению из донских казаков. В 1905 г. окончил Петербургскую духовную академию и поступил в Почаевскую лавру (Волынская губерния). Получил известность благодаря своим выступлениям против революционного движения. Поддерживал Союз русского народа. В 1908 г. был переведен в Царицын (Саратовская губерния) и стал заведовать святодуховным Троицким подворьем, где активно продолжал свою пропагандистскую деятельность. Постепенно его обвинения стали обрушиваться не только на революционеров, но и на купцов, чиновничество, полицию и бюрократию. В январе 1911 г. последовало постановление Святейшего синода о переводе Илиодора в один из малоизвестных монастырей Тульской епархии, но он не подчинился, и, запершись со своими почитателями в храме, объявил голодовку. Все попытки властей справиться с самоуправством Илиодора ни к чему не привели, и он был оставлен в Царицыне. Активно боролся с Г. Е. Распутиным (с которым некоторое время был в дружеских отношениях). В январе 1912 г. состоялось, и было приведено в исполнение, постановление Святейшего синода о заточении Илиодора во Флорищевой пустыни (Владимирской епархии). В октябре 1912 г. обратился в Святейший синод и к своим единомышленникам с заявлением, в котором отрекся от своих прежних убеждений. Объявил также об отречении от христианства и попросил снять с него сан. Был расстрижен и освобожден из монастыря. Уехал на Дон, где проповедовал новую религию «разума и солнца». В одной из своих речей непочтительно отозвался о Николае II и его супруге, за что был привлечен к дознанию. Бежал за границу, где выпустил книгу о Г. Е. Распутине «Святой черт». В советское время вернулся в Россию и вел проповеди в Царицыне (в 1921). Затем эмигрировал.

[287] **Туманов Николай Евсеевич** (1844–1917?) — князь, инженер-генерал (1907), член военного совета (1910), одновременно (1912–1914) председатель временной комиссии при Военном совете для окончания дел и счетов за время Русско-японской войны. С 1914 г. главный начальник Двинского (Виленского) военного округа, с 1915 г. — главный начальник Петроградского военного округа. С 13 июня 1916 г. главный начальник снабжения армий Западного фронта. 22 марта 1917 г. потерял свой пост, оставшись членом Военного совета.

[288] **Климович Евгений Константинович** (1871–1930) — военный и политический деятель, сенатор; генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище. Перешел на службу в отдельный корпус жандармов. Сделал быструю карьеру во время событий 1905 г. на должности начальника охранного отделения ряда городов, впоследствии московский градоначальник. Критически оценивал потенциал правых, считая, что «...правые организации в 1906 году были не те, что в 1908 году, они представляли собой известную идейность, а потом они выродились в чисто коммерческое предприятие...» // *Падение царского режима. М.; Л., 1924. Т. 1. С. 106.* Во время Первой мировой войны — директор Департамента полиции в Министерстве внутренних дел. В 1917 г. арестован. Бежал, в 1918 г. прибыл в Добровольческую армию. В 1920 г. назначен начальником Особого отдела штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (контрразведки) и помощником начальника гражданского управления. После эвакуации из Крыма жил в Белграде.

[289] **Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров)** (1815–1894) — православный богослов, публицист-проповедник, духовно-аскетический писатель. Епископ Тамбовский и Шацкий (1859). С 1857 г. ректор Петербургской духовной академии. В 1866 г. удалился в Выши[е]нскую пустынь, с 1872 г. жил «в затворе». Оставил книгу лекций «Путь ко спасению» (1868–69), «Собрание писем» (вып. 1–8, 1898–1901), перевод «Добротолюбия». Канонизирован.

[290] **Степанов Михаил Петрович** — генерал от кавалерии. Состоял при великой княгине Елизавете Федоровне. Не путать со **Степановым Филиппом Петровичем.**

[291] **Дмитриевский Алексей Афанасьевич** (1856–1929) — церковный ученый и церковно-общественный деятель, литургист, богослов, историк Православной церкви. Основатель российской школы исторической литургики. Работал в Палестине, на Афоне, изучал богослужебные рукописи, занимался в Константинополе и Афинах, и путешествовал по Италии. В 1898 г. еще раз побывал в главнейших книгохранилищах Востока, неоднократно посещал Афон. Был удостоин степени доктора церковной истории (1896). В 1906 г. уехал в Петербург работать в Предсоборном присутствии. Секретарь Императорского православного палестинского общества. По поручению Святейшего синода участвовал в Комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг. После Октября 1917 г. участвовал в работе Русско-византийской комиссии при Академии наук и преподавал литургику на Богословских курсах в Петрограде. Был избран почетным членом всех четырех духовных академий. В 1903 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности, а в 1923 г. — действительным членом Академии наук и членом Славянской комиссии Академии наук.

[292] В период войны один из правых деятелей, архиепископ Антоний говорил в проповедях о том, что овладения одними проливами мало для России и невозможно «сносить, чтобы величайшая наша святыня — Господень Гроб и Голгофа и Вифлеем оставались в руках неверных магометан» // *Русское знамя. 1914. 22 августа.* О проектах десанта на Константинополь см.: *Айрапетов О. Колчак у ворот Цареграда // Родина. 2004. № 9.*

[293] Имеется в виду **Алексей Александрович Ширинский-Шихматов.**

[294] **Шебеко Вадим Николаевич** (1864–1943) — окончил Пажеский корпус (1884). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. Окончил Академию Генерального штаба (1894). Генерал-майор. Гродненский губернатор, затем — московский градоначальник. В эмиграции. См.: *Из письма директора Департамента полиции московскому градоначальнику В. Н. Шебеко. 14 июня 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927.*

[295] **Филон Александрийский** (21 или 28 до н. э. — 41 или 49 г. н. э.) — античный философ, представитель иудейско-греческой философии.

[296] **Иоанн Богослов** — один из двенадцати апостолов, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Откровения.

[297] **Гермес Трисмегист** (греч. **Hermes Trismegistos**, «Гермес Триждывеличайший»), имя, происходящее от Ερμης ο Τρισμεγιστος — имени древнеегипетского бога мудрости и письма Тота (Дхути). Вымышленный автор теософского учения, излагаемого в нескольких книгах и отрывках египетско-греческого происхождения, известных под его именем. Иногда Гермеса Трисмегиста считают богом, иногда — человеком, который был сыном Бога, современником библейского Моисея. Согласно Платону, Гермес Трисмегист открыл числа, геометрию, астрономию и буквы. Христианский теолог и писатель Климент Александрийский считал Гермеса Трисмегиста автором 42 трудов астролого-космографического и религиозного содержания. В Средние века и позднее пользовалась популярностью серия трудов, приписываемых Гермесу Трисмегисту и известных под названием «Герметический корпус» или «Герметика» (II — III вв.). Эти сочинения образуют особое религиозно-философское направление в поздней античности (герметизм), оказавшее глубокое влияние на развитие естествознания в Средние века и эпоху Возрождения. Приписываемые Трисмегисту книги пользовались широкой известностью среди алхимиков и масонов. См.: *Холл М. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. С. 121–140.*

[298] **Брусилов Алексей Алексеевич** (1853–1926) — Генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). Окончил младший специальный класс Пажеского корпуса (1872). Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончив Офицерскую кавалерийскую школу в 1883 г., служил в ней почти 20 лет. В 1902–1906 гг. ее начальник. В годы Первой мировой войны командовал 8-й армией (1914–1916), армиями Юго-Западного фронта (1916–1917). В мае — августе 1916 г. руководил наступлением на русско-германском фронте, получившим позднее название «Брусиловского прорыва». В мае — июле 1917 г. — Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции поступил на службу в Красную армию, в которой занимал должности председателя Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики, главного военного инспектора коннозаводства и коневодства, инспектора кавалерии РККА, а с марта 1924 г. состоял для особых поручений при РВС СССР.

[299] **Тома (Thoma) Альберт** (1878–1932) — один из лидеров Французской социалистической партии. С 1910 г. депутат парламента от Объединенной социалистической партии. С декабря 1915 по сентябрь 1917 г. министр вооружений в правительстве Франции. Дважды приезжал в Россию во время войны. Встречался в 1916 г. с Николаем II для переговоров об ускорении и расширении производства вооружения и агитации за продолжение войны. В апреле 1917 г. прибыл в Петроград и встречался с А. Ф. Керенским для обсуждения вопроса о борьбе с агитацией большевиков, а также вел агитацию за продолжение войны.

[300] **Решетникова Анисья Ивановна** (1837 –?) — почитательница Г. Е. Распутина, у которой тот неоднократно бывал в Москве. Ее сын — **Решетников Николай Иванович** (1856 –?) — купец, потомственный почетный гражданин г. Москвы, сын А. И. Решетниковой и купца И. С. Решетникова, находился в дружеских отношениях с Вырубовой и Распутиным.

[301] **Самсонов Александр Васильевич** (1859–1914) — генерал от кавалерии (1910). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1884). Во время Русско-японской войны в сражении при Вафангоу дивизия Самсонова решила участь боя. В Шахейском сражении Самсонов без сопротивления отошел назад, обнажив фланг и тыл пехоты генерала П. К. Ренненкампфа, что имело плачевные последствия. При проведении мобилизации 1914 г. назначен командующим 2-й армией Северо-Западного фронта. Она разворачивалась на фронте Гродно—Осовец—Остроленка. После разгрома армии пытался с штабом пробиться из окружения, но видя безвыходность положения, застрелился в три часа утра 17 августа. Армия Самсонова потеряла около 6,7 тыс. убитыми, свыше 20 тыс. ранеными, 92 тыс. человек пленными (в том числе 15 генералов), 350 орудий. Впоследствии тело Самсонова было доставлено в Петроград и затем перевезено для погребения в имение в Херсонской губернии.

[302] **Шмидт Анна Николаевна** (начало 1850-х — 1905) — учительница и журналистка из Нижнего Новгорода, проповедовавшая собственное теософическое учение, возникшее под влиянием «софиологических» идей В. С. Соловьева. Шмидт считала, что ощущает в себе воплотившийся дух церкви и находится в общении с небесным возлюбленным — новым воплощением Христа, за коего признавала Соловьева (См.: *Книга о Вл. Соловьеве. М., 1991. С. 240–245*). «Незадолго до своей смерти, в 1900 г. Соловьев знакомится, сначала по переписке, а затем и лично, с Анной Николаевной Шмидт. Как известно, А. Н. Шмидт считала себя воплощением Софии, а Соловьева — воплощением Христа и написала мистический трактат о Третьем Завете, понимая Св. Духа как Дочь Божию. Соловьев признал мистический трактат Шмидт "истиной величайшей важности", но после личного знакомства и чтения "Исповеди" Шмидт, (где она сообщала, что считает Соловьева воплощением Христа) испугался ее дерзновенности, и некоторые ее откровения сам признал "прелестью". С православной точки зрения, творчество А. Н. Шмидт — сплошная прелесть». *Андреев И. М. Владимир Соловьев — мистик в свете православия (К 50-летию со дня смерти) // Вл. Соловьев: pro et contra. СПб.,*

2002. Антология. Т. 2. С. 31–32. Вероятно, боязнь за состояние души новой знакомой, побудила Соловьева написать письмо А. Шмидт 22 апреля 1900 г. (См.: *Письма В. С. Соловьева. Пг., 1923. Т. IV. С. 11–12; Булгаков С. Н. Владимир Соловьев и Анна Шмидт // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1916. С. 71–114; Фудель С. И. Собр. соч. В 3т. М., 2001. Т. 1. С. 67, 539.* М. А. Новоселов оставил свидетельство о потрясении, испытанном Шмидт после смерти Соловьева (под заголовком «А. Н. Шмидт на похоронах В. С. Соловьева» с инициалами М. А. Н. приведено в книге: *Из рукописей А. Н. Шмидт. М., 1916. С. VII — VIII*).

[303] **Соловьев Владимир Сергеевич** (1853–1900) — философ, публицист. Сын историка С. М. Соловьева. Учился на естественном отделении физико-математического, затем историко-филологического факультета Московского университета. В 1874 г. защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Критика западной философии. Против позитивистов», а в 1880 г. — докторскую — «Критика отвлеченных начал». В марте 1881 г. в связи с приговором, вынесенном народовольцам, произнес речь, в которой осудил смертную казнь. Был вынужден оставить преподавательскую работу. Сотрудничал в журнале либерального направления — «Вестник Европы». Занимался литературной и философской работой; переводил Платона, вел философский отдел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В 1889 г. избран почетным членом Российской академии наук по разряду изящной словесности.

[304] **Розанов Василий Васильевич** (1856–1919) — религиозный мыслитель, писатель, публицист. Критически оценивал личность и работы Тихомирова, следя за его публикациями и откликаясь на них в своих работах. Так, рассмотрев статью Тихомирова «Борьба века», Розанов делал вывод, что эта «борьба» понимается автором излишне научно. Стремление к революционному насильственному переустройству мира вытекает, по Розанову, из потери чувства реальности и конструирования отвлеченного мира «своих созерцаний». Человек создает свой особый внутренний мир. Противоречие между сконструированным в мечтах идеалом и реальностью приводит к стремлению перестроить мир по своим идеальным образцам. Человек хочет изменить реальность во имя лучшей жизни или даже одной только «неверной надежды на ее осуществление» (*Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 120*). Тихомиров, проживая в Сергиевом Посаде, не сближался с жившим там Розановым. Резко отрицательно относясь к розановским работам о христианстве и «религии пола» Тихомиров посвятил ему в дневнике запись от 25 июня 1899 г.: «Розанов Василий Васильевич, в сущности, скотина, хотя у него есть искорки честности, но он затоплен во всякой дряни». После 1917 г. жизнь Розанова и его семьи была крайне тяжелой (*см.: Розанова Т. В. «Будьте светлы духом». М., 1999*).

[305] **Эрн Владимир Францевич** (1881–1917) — религиозный философ, активный деятель религиозно-общественного движения в России начала XX в. Вместе с В. П. Свенцицким организовал «Христианское братство борьбы». С началом Первой мировой войны выступил с антигерманскими лекциями «От Канта к Крупу» и «Время славянофильствует».

[306] «Уход батюшки в затвор сделался известным в обители 3-го июня в пятницу, т. е. за 3 дня до самого события, поэтому проститься со старцем Бог привел лишь тем, кто приехал в пустыньку поговеть на 3–5 июня, да еще кое-кого из близживущих, кому удалось вовремя узнать о событии. Некоторые из них простились с батюшкой в воскресенье, но большинство осталось на понедельник 6-го июня, чтобы подольше побыть в последний раз вблизи дорогого старца и проводить его до самого "затвора". Все они, хоть не подолгу побывали у батюшки, все простились с ним, может быть, навсегда, и получили от него последние его советы и напутствия» (*Четверухина Е. Л. Старец Алексий Зосимовой пустыни. Париж, 1989. С. 50–51*).

[307] **Глаголев Сергей Сергеевич** (1865–1937) — сын протоиерея, окончил Московскую духовную академию, магистр богословия (1896). Заслуженный (1917) ординарный (1902)

профессор (1896) Московской духовной академии. Член правления академии с 1910. Доктор богословия (1901). Вице-президент Всемирного Конгресса религий в Париже (1900). С 1901 г. профессор Высших жунских курсов. В 20-е годы преподавал в Сергиево-Посадских светских учебных заведениях и на богословских академических курсах в Москве. В мае 1928 г. арестован и в июле выслан в Пензу. В декабре 1928 г. выслан в Саранск и после освобождения переехал в Вологду. Арестован 5 июня 1937 г. и 19 сентября того же года приговорен к высшей мере наказания и 10 октября расстрелян.

308 **Фудель Лидия Иосифовна** (?– 1934) — дочь о. Иосифа Фуделя.

309 **Ипполит (Яковлев)** — бывший духовник Лавры. Проходил в 1937г. по делу с о. Кронидом.

310 **Порфирий (Соколов)** — монах.

311 **Мечев (Мечов) Алексей Алексеевич** (1859–1923) — протоиерей. Настоятель храма свт. Николая в Кленниках на ул. Маросейке в Москве. Известный московский священник тех лет, старец. Его духовным наставником был Иоанн Кронштадтский. С. П. и М. Ф. Мансуровы были ему близки еще до 1914 г. Канонизирован. (См.: *Храм Николая Чудотворца в Кленниках. М., 1991; Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. монахиня Иулиания. М., 2002; «Пастырь добрый»: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2004*).

312 **Игнатий (Садковский Сергей Сергеевич)** (1887–1938) — родился в семье священника. Закончил духовное училище (1901), Московскую духовную семинарию (1907), Московскую духовную академию (1911). В конце 1917 г. поступил насельником в Смоленскую Зосимову Пустынь под руководством иеросхимонаха Алексия (Соловьева). Иеромонах (1918). С 1918 г. духовник московского Данилова монастыря. С 1920 г. епископ Белевский, викарий Тульской епархии. Арестован в 1923 г. и приговорен к 3 годам заключения в Соловецкий концлагерь. Впоследствии неоднократно арестовывался. Скончался в заключении в Кулойлаге Архангельской области. Епископ, постриженик о. Алексия из Зосимовой Пустыни. Канонизирован. См.: *Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2002. Кн. 7. С. 9–36.*

313 **Дионисий** — старец Зосимовой Пустыни.

314 **Досифей** — иеромонах, старец Зосимовой Пустыни. После ее закрытия жил в Аносином монастыре. В начале 1930-х годов недолгое время служил в храме пристанционного дачного поселка Баковка. В 1933 г. арестован. Отправлен в лагерь в Средней Азии, где вскоре скончался.

315 **Митрофан (Тихонов Михаил Тихонович)** (ок. 1860 — после 1937) — игумен, один из старейших насельников Зосимовой Пустыни Владимирской епархии. После закрытия пустыни приглашен в Высокопетровский монастырь в Москве.

316 **Сарапул** — город в Предуралье на правом берегу реки Кама.

317 **Каледин Алексей Максимович** (1861–1918) — генерал от кавалерии (1916). Поступил во 2-е военное Константиновское училище, затем был переведен в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил в 1882 г. Окончил Академию Генерального штаба (1889). С ноября 1889 г. — старший адъютант штаба 6-й пехотной дивизии, затем на штабных должностях. В декабре 1899 г. был произведен в полковники. С августа 1906 г. — помощник начальника штаба Войска Донского, в апреле 1907 г. был произведен в генерал-майоры, в апреле 1913 г. — в генерал-лейтенанты. Участвовал в Первой мировой войне. В 1915 г. назначен командиром 12-го армейского корпуса, с марта 1916 г. — командующий 8-й армией Юго-Западного фронта. В мае 1917 г. смещен со своего поста. В июне Большим войсковым кругом был избран атаманом Донского казачьего войска. В октябре приступил к формированию Донской армии для борьбы с Советской властью. В январе 1918 г. сложил с себя полномочия и застрелился.

[318] **Щербачев Дмитрий Григорьевич** (1857–1932) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Академию Генерального штаба (1884). В мае 1903 г. был произведен в генерал-майоры и назначен командиром лейб-гвардии Павловского полка. С января 1907 г. — начальник Академии Генерального штаба. В ноябре 1908 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В годы Первой мировой войны — командующий 7-й Отдельной армией, затем — генерал-адъютант Свиты, с апреля 1917 г. — помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта. С декабря 1917 г. — главнокомандующий армиями Украинского фронта. В марте 1918 г. дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию, заключив перед этим перемирие с Германией. В 1919 г. — главный военный представитель Верховного правителя России А. В. Колчака в Париже. Умер в эмиграции.

[319] **Лечицкий Платон Алексеевич** (1856–1923) — генерал от инфантерии (1913). Сын священника. Образование получил в Варшавском пехотном юнкерском училище (1880). Во время Русско-японской войны 1904–05 гг. заслужил репутацию выдающегося полкового командира. С 23 октября 1910 г. командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьего войск. В начале Первой мировой войны командовал группой войск, направленной на помощь 4-й армии после ее неудачи у Красника. В августе 1914 г. назначен командующим 9-й армией, действовавшей на левом фланге Юго-Западного фронта. За успешные действия 21 августа — 10 сентября награжден Георгиевским оружием с бриллиантами. 8 (21) октября армия в составе XIV, XXV и гвардейского корпусов подошла к Ивангороду и получила задачу содействовать наступлению 4-й армии генерала А. Е. Эверта на Радом. 13 (26) октября армия Лечицкого нанесла поражение неприятелю и вышла во фланг 1-й Австро-Венгерской армии. Фронтально преследуя противника, 18 октября (1 ноября) вступил в бой на Опатовке, 19 октября (2 ноября) прорвал фронт и при поддержке 4-й армии принудил противника к отступлению. 3 (16) ноября перешел в наступление на позиции 4-й армии эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, но под напором неприятеля был вынужден отойти. 8 (21) ноября ликвидировал образовавшийся прорыв, и положение изменилось в пользу наших войск. После отвода генералом Н. В. Рузским армий Северо-Западного фронта наступление было остановлено. В середине февраля 1915 г. управление армией переброшено на крайний левый фланг Юго-Западного фронта. К середине апреля 1915 г. армия развертывалась в Заднестровье. Против армии Лечицкого сосредоточивалась 7-я армия Пфланцер-Балтина. 26 апреля (9 мая) армия перешла в наступление вдоль реки Днестр, отбросила противника за Прут. Однако успех не улучшил положение Юго-Западного фронта, который не смог оправиться от поражения в районе Горлице—Тарнов. В начале мая успешные операции армии прекратились. Отступление соседней армии генерала Д. Г. Щербачева вынудило Лечицкого 21 июня (4 июля) оставить Галич. В начале июля удерживал фронт от Днестра до румынской границы. В 1916 г. участвовал в наступлении генерала А. А. Брусилова. После Февральской революции 18 апреля 1917 г. сдал командование армией и вышел в отставку. После Октябрьской революции вступил в Красную армию. С 1921 г. инспектор пехоты и кавалерии Петроградского военного округа. Впоследствии арестован. Умер в московской тюрьме.

[320] **Макензен (Mackensen) Август фон** (1849–1945) — германский генерал-фельдмаршал (22 июня 1915). В Первую мировую войну участвовал в окружении армии А. В. Самсонова. С января 1917 г. командовал оккупационными войсками в Румынии. С мая по декабрь 1918 г. — главнокомандующий войсками в Румынии. Считался одним из самых талантливых военачальников Первой мировой войны и пользовался большой популярностью в послевоенной Германии. После прихода НСДАП к власти назначен прусским государственным советником.

[321] 15 (28) июня ударная группа русских войск нанесла удар на Коломыю. 17 (30) июня Коломыя была взята.

[322] Одно из названий Гавайских островов.

[323] **Киселева** — жена Киселева Михаила Гавриловича.

[324] **Писарева Пелагея Григорьевна** — мать Писарева Николая Степановича.

[325] **Шуваев Дмитрий Савельевич** (1854–1937) — генерал от инфантерии (1912). Из почетных граждан Оренбургской губернии. Окончил Александровское военное училище (1872), Академию Генерального штаба (1878). Служил на штабных должностях и преподавал в военных учебных заведениях. Командовал дивизией (1905), корпусом (1907–1908). В 1909 г. назначен начальником Главного интендантского управления. С декабря 1915 по март 1916 г. — главный полевой интендант. С марта 1916 по январь 1917 г. — военный министр. В январе 1917 г. стал членом Государственного совета. После Октябрьской революции преподавал в военно-учебных заведениях Красной армии. Во время советско-польской войны 1920 г. — командующий и начальник штаба 4-й армии. В 1922 г. был начальником штаба Петроградского военного округа, затем преподавателем на курсах командного состава «Выстрел». С конца 20-х годов в отставке. Репрессирован.

[326] **Суворов Александр Васильевич** (1729–1800) — полководец, граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799), генералиссимус (1799).

[327] **Скобелев Михаил Дмитриевич** (1843–1882) — выдающийся русский военачальник, генерал от инфантерии. Участвовал в завоевании Средней Азии. Во время войны 1877–1878 гг. командовал Сводной казачьей дивизией, Кавказской казачьей бригадой, затем — 16-й пехотной дивизией (во время блокады Плевны). Его дивизия сыграла решающую роль в сражении под Шейново.

[328] *Гейниш (Heinisch). Der Einfluss Philos auf die alteste Christliche Exegese. Munster, 1908.*

[329] Имеется в виду книга: *Смирнов Е. История христианской церкви. 9-е изд. [СПб.,] 1911.*

[330] **«Русский архив»** — журнал, в котором публиковались материалы (в основном мемуары и письма) по истории, культуре и литературе России XVIII–XIX вв.; основан в 1873 г. П. И. Бартеневым (1829–1912).

[331] **Чичагов Павел Васильевич** (1767–1849) — адмирал (1807). Сын В. Я. Чичагова. В 1802–11 гг. министр морских сил. В Отечественную войну 1812 г. командующий армией. С 1813 г. в отставке, жил в Италии и Франции. Автор воспоминаний о событиях 1812 г. (опубликованы в 1869–70 и 1886–88).

[332] **Панин Никита Иванович** (1718–1783) — граф, государственный деятель, дипломат. Участник дворцового переворота 1762 г.

[333] **Пущин Иван Иванович** (1798–1859) — декабрист, член «Союза благоденствия» и Северного общества. Осужден на вечную каторгу.

[334] **Порфирий (Успенский Константин Александрович)**, (1804–85) — русский востоковед, византолог, путешественник, переводчик Библии. Окончил Петербургскую духовную академию (1829). На последнем курсе принял монашество и был определен законоучителем во 2-й Кадетский корпус. В 1830 г. ему присуждена степень магистра. В 1834 г. в сане архимандрита назначается настоятелем одесского Успенского монастыря. С 1838 г. по 1841 г. — профессор богословия в Ришельевском лицее, с 1839 г. — ректор Херсонской духовной семинарии в Одессе. В 1843 г. по решению Святейшего синода начинает экспедиции по странам Востока. Вернувшись в Россию поднял вопрос о необходимости учредить Русскую духовную миссию в Иерусалиме. После основания миссии был назначен ее первым начальником. В 1878 г. стал настоятелем московского Новоспасского монастыря. Оставил обширные записки о своих экспедициях, перевел с греческого языка ряд ветхозаветных книг.

[335] Имеется в виду **Н. Н. Тиханович-Савицкий,** являвшийся председателем Астраханской народной монархической партии.

[336] **Иннокентий (Иоанн Игнатьевич)** — иеросхимонах. Родился в крестьянской семье. Ушел в Черниговский скит, затем перешел в Зосимову Пустынь. Исполнял по-

слушание гостинника (с этим связан и упомянутый Тихомировым эпизод). Духовник обители. После закрытия Пустыни подвизался в Высоко-Петровском монастыре в Москве, потом жил в деревне Олисово за Клином. Арестован в 1934 г. и сослан в Оренбург. Освобожден через три года. Был переселен духовными детьми в селение близ станции Сходня, около Москвы. Погребен в Москве на Алексеевском кладбище. См.: *Фомин С. В. Комментарии // Митрополит Вениамин (Федченков). Записки архиерея. М., 2002. С. 979–980; Пыльнева Г. А. Воспоминания о старце Зосимовой Пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М., 1998.*

337 Имеется в виду Писарев Н. С.

338 **Преображенский Ф. А.** — бывший сотрудник «Московских ведомостей».

339 Возможно, **Голицын Дмитрий Петрович** (1860–1928) — князь, писатель, драматург, поэт. Активный деятель Союза русского народа, член Государственного совета. Член совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Александра III.

340 **Четьи-Минеи** («Великие Четьи-Минеи») — многотомное собрание житийной литературы, составленное митрополитом Московским Макарием в 40-х годах XVI в.

341 **Паршутина Пелагея Памфиловна** — медицинская сестра лазарета, в котором лежал Павел Старостин.

342 *Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена / Пер. с нем. О. А. Волькенштейн. Под ред. проф. Варшавского университета А. Л. Погодина. СПб., 1905. Т. 1; Т. 2.*

343 *Финдель И. Г. История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени. [Б. м.] 1872.*

344 **Мишле (Michelet) Жюль** (1798–1874) — французский историк романтического направления. Тихомиров в своей работе использовал издание: *Collection de documents inédits sur l'Histoire de France, publiés par orde du Roi et par les soins du Ministre de l'instruction publique. Première série. Histoire politique. Procès de Templiers, publié par Michelet (Собрание неизданных документов по истории Франции, опубликованных с разрешения короля и усилиями министра образования. Ч. I. Политическая история. Процесс тамплиеров). Paris, 1841 (Т. I); 1851 (Т. II).*

345 **Филипп IV Красивый** (1268–1314) — французский король с 1285 г. Расширил территорию королевских владений. Созвал первые Генеральные штаты (1302). Заставил римских пап перевести свою резиденцию в Авиньон.

346 **Лаврова Мария Александровна**. Не путать с **Зинаидой Лавровой**.

347 С. Н. Булгаков писал С. Н. Дурылину об этом событии: «Слышал от М. А-ча [Новоселова] потрясающую и вместе удивительную повесть о пожаре в раке Преподобного и чудесном сохранении его мощей. И думалось, что не без вины и Сергием попущено сие искушение» (*Булгаков С. Н. Письма С. Н. Дурылину // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 163*).

348 Тихомиров ошибается, сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» вышел в Петербурге в 1911 г., а не в 1912 г.

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — религиозный философ, писатель, публицист, литературный критик, дипломат.

349 «13 ноября 1916 г. состоялось закрытое заседание Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, посвященное памяти К. Н. Леонтьева, по случаю 25-летия его кончины (+ 12 ноября 1891 г.). Вступительное слово произнес Председатель Общества Г. А. Рачинский. Далее последовали речи прот. Иосифа Фуделя "К. Леонтьев и Вл. Соловьев, в их взаимных отношениях", С. Н. Дурылина "Писатель-послушник" и С. Н. Булгакова "Победитель — побежденный (Судьба Леонтьева)"»; «Накануне дня памяти. 11 ноября, в 7 1/2 ч. веч., в покоях владыки-митрополита при Чудовом монастыре состоялось общее собрание Братства Святителей Московских Петра, Алексия,

Ионы и Филиппа. Председатель совета Братства П. Б. Мансуров во вступительном слове своем говорил о значении деятельности К. Н. Леонтьева на Ближнем Востоке. Член Братства С. Н. Дурылин сделал сообщение: "Церковь, монастырь и старчество в личности и жизни К. Леонтьева". Протоиерей И. И. Фудель дополнил это сообщение своими личными воспоминаниями о нем. Преосвященный Димитрий, епископ Можайский, сказал о значении "Афонских писем" К. Леонтьева. Затем отслужена была заупокойная лития о нем со всенародным пением» (*Московские ведомости. 1916. 15 ноября*); «Вчера в церкви Св. Николая Чудотворца, что в Плотниках, на Арбате, местным духовенством было совершено заупокойное богослужение по известном писателе К. Н. Леонтьеве по случаю исполнившегося 25-летия со дня его кончины». Преосвященный Серафим, еп. Холмский в служении местного причта (а прот. Иосиф Фудель был настоятелем храма) отслужена заупокойная литургия и панихида «в присутствии почитателей памяти покойного» (*Московские ведомости. 1916. 13 ноября*); Цит. по.: *Архив священника Павла Александровича Флоренского. Переписка с М. А. Новоселовым. Томск, 1998. Вып 2. С. 158–159.*

[350] В начале века Тихомиров не только изучал Японию и пытался выучить японский язык, но и переписывался с православным японцем Какусабуро Сенумой.

[351] **Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич)** (1797–1879) — выпускник Иркутской духовной семинарии (1821); миссионер в Америке (с 1824), протоиерей (с 1839), архимандрит (с 1840) и епископ Камчатский (с 1840), архиепископ (с 1850); митрополит Московский и Коломенский (с 1868), священно-архимандрит Троице-Сергиевой лавры, настоятель кафедрального Чудова монастыря; член Святейшего синода; в 1870 г. основал в Москве Православное миссионерское общество; был знаком с о. Николаем Японским.

[352] Подробнее см.: *Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX вв. М., 2005; Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М., 2006. С. 265–267.*

[353] **Николай Японский** (в миру **Иван Дмитриевич Касаткин**) (1836–1912) — архиепископ. Окончил семинарию, в 1860 г. принял монашеский постриг и был рукоположен в сан иеромонаха. 1 августа 1860 г. по собственному выбору отправился в Японию, получив должность настоятеля консульской церкви. Приехав в Японию, в течение полувека занимался миссионерской деятельностью. Основал семинарию, школы богословия, иконописную мастерскую. Овладев в совершенстве японским языком, перевел Священное Писание для своих прихожан-японцев. Ведя миссионерскую деятельность, «обошел всю Японию». Был назначен начальником Российской духовной миссии в Японии. В 1906 г. был возведен в сан архиепископа. Канонизирован. Поддерживал переписку с Л. А. Тихомировым, упоминал о нем в своих обширных дневниках, которые вел с 1870 по 1912 г. (опубликованы полностью: *Дневники святого Николая Японского: В 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1–5. СПб., 2004*). *См.: Саблина Э. В библиотеке святителя // Родина. 2005. № 10. С. 49–51.*

[354] 5 мая 1916 г. Н. Н. Тиханович-Савицкий писал Н. Н. Родзевичу: «Если бы при теперешнем трепете наверху нам удалось добиться лишь предложенных мною небольших изменений, то и тогда мы могли бы умереть спокойно, зная, что высвободили Россию из конституционной петли и поставили ее на путь самобытного развития. "Но не поздно ли?" Как спрашивает меня Н. Д. Облеухов (вполне наш), близко стоящий к Пуришкевичу. Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно, сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л. А. Тихомиров — совсем отошел обескураженный». См.: *Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. 1911–1917 гг. Т. 2. С. 552.*

[355] **Александрова** — жена Анатолия Александровича Александрова.

[356] **Кузьмин** — жилец Тихомировых.

[357] **Фабий Максим, Квинт** (3 в. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец. Во время 2-й Пунической войны Рима с Карфагеном (218–201 до н. э.) боролся с Ганнибалом, применяя тактику изматывания противника, за что был прозван **Кунктатором** (Медлителем).

[358] **Трубецкой Сергей Николаевич** (1862–1905) — русский религиозный философ, публицист, общественный деятель. Последователь Вл. Соловьева. В 1905 г. стал первым выборным ректором Московского университета. При написании своего исследования Тихомиров пользовался работой Трубецкого *«Учение о Логосе в его истории» (М., 1900).*

[359] Трамвая.

[360] **Введенская Мария Михайловна** — жена Дмитрия Ивановича Введенского.

[361] Жена В. М. Скворцова.

[362] **Раев Николай Павлович** (1856–1919) — из духовного звания. В 1879 г. определен на службу в Московскую удельную контору. С 1881 г. — коллежский секретарь, с 1884 г. — титулярный советник, с 1887 г. — коллежский асессор, с 1894 г. — статский советник, с 1896 г. — действительный статский советник. С 1905 г. — член Совета министра народного просвещения. Опубликовал в различных педагогических журналах ряд статей по народному и высшему женскому образованию. В 1905 г. был инициатором открытия в Петербурге частных женских юридических курсов (с 1906 г. — Петербургский вольный женский университет) и был избран директором. С 30 августа 1916 по 3 марта 1917 г. — обер-прокурор Святейшего синода. Сменил А. Н. Волжина. Находился в хороших отношениях с Г. Е. Распутиным. Ряд священнослужителей (И. И. Восторгов и др.) ставили Раеву в вину неправильные действия в разрешении развода супругов Безродных и Барятинских. После Февральской революции некоторое время скрывался. Был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. В период Гражданской войны перебрался на территорию, контролируемую Белыми и жил на Кавказе при бывшем петроградском митрополите Питириме.

[363] **Нилус Сергей Александрович** (1862–1929) — религиозный писатель и общественный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1886). С 1888 г. жил главным образом в родовом поместье Золотарево Мценского уезда Воронежской губернии, но был вынужден продать имение. В 1907–12 гг. жил в Оптиной Пустыни, общался со старцами, выполнял монастырские работы, распространял свои идеи среди ее братии и паломников. На основании изучения архива обители составил жизнеописание игумена Феодосия — *«Сила Божия и немощь человеческая» (Ч. 1–2. Сергиев Посад, 1908),* написал книгу об оптинских монахах — *«Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа» (Сергиев Посад, 1911).* Впечатления от жизни в Пустыни описал в книге *«На берегу Божьей реки» (Сергиев Посад, 1911).* В эти же годы активно занимался публицистикой, с 1909 г. сотрудничал в газете «Троицкое слово». В 1912–17 гг. жил в г. Валдай Новгородской губернии. Первую мировую войну 1914–18 гг. оценил как бойню, организованную тайными силами с целью ослабить Россию и взять ее под свой контроль. В книге *«Близ есть при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко» (Сергиев Посад, 1917)* предрекал близкую катастрофу. Отрицательно отнесся к событиям Февраля 1917 г. Выступал против созыва Поместного собора Русской православной церкви в отсутствии императора. После Октября 1917 г. остался в России, в 1924 и 1925 гг. подвергался арестам и тюремному заключению. Полемизировал с Л. А. Тихомировым. См.: *Тайна печати антихриста / [с предисл.] Л. [А.] Тихомирова. Мировая борьба добра и зла: По поводу письма С. А. Нилуса // Московские ведомости. 1910. № 228; Тихомиров Л. А. Борьба с масонством // Московские ведомости. 1911. № 243* (оба материала включены в сборник: *Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 1. С. 191–201; 405–410).* Там же приводится копия оттиска очерка «Искатель града невидимого» с дарственной надписью Нилуса Тихомирову (С. 201). В 2003–05 гг. под ред. А. Н. Стрижева вышло полное собрание сочинений Нилуса в 6 томах.

[364] **Нилус Елена Александровна** (в девичестве **Озерова**) (1855–1938) — жена С. А. Нилуса. Дочь государственного деятеля, обер-гофмейстера и посла в Афинах А. П. Озерова.

[365] **Казанский Петр Евгеньевич** (1866–1947) — юрист, специалист по международному праву. Окончил Московский университет. Был назначен приват-доцентом в Казанский университет по кафедре международного права, где защитил магистерскую диссертацию (1895). Работал в крупнейших библиотеках Европы, написав исследование «Всеобщие административные союзы государств» (1897). Вернувшись из заграничной поездки, с 1898 г. стал ординарным профессором, а с 1908 г. — деканом юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Придерживался правых взглядов. Был одним из участников Славянского движения (присутствовал в качестве делегата на Славянском съезде в Софии в 1910 г.). После Февральской революции продолжал преподавательскую деятельность. В своих работах ссылался на труды Л. А. Тихомирова (См. переиздание: *Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999*). Признание его работ Казанским вызвало у Тихомирова положительную реакцию: «Я так игнорируюсь безусловно "кадетской" псевдонаукой и, конечно, так труден для "монархической" публики (очень мало развитой), что для меня книга Казанского — нечто вроде победы». Цит. по.: *Шерстюк М. Одиночество Льва Тихомирова // Россия XXI. 2002. № 2. С. 159–160.*

[366] **Филарет (Федор Никитич Романов)** (ок. 1554 / 55–1633) — патриарх (1608–10 и с 1619), отец царя Михаила Федоровича.

[367] **Романов Михаил Федорович** (1596–1645) — царь с 1613 г., основатель династии Романовых.

[368] Подробную информацию об этом событии см.: *Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 2. С. 496–499.* Там же приводится этот фрагмент из дневника Тихомирова от 21 сентября 1916 г. с незначительными искажениями, не меняющими смысл написанного: «Узнал он это (слово "это" в тексте дневника отсутствует. — *А. Р.*) от какого-то человека... Антоний будто бы, потом рвал на себе волосы из (в тексте дневника — "от". — *А. Р.*) досады, что они пропустили такой случай получить для Церкви такого Патриарха, который имел бы (в тексте дневника — "бы имел". — *А. Р.*) даже большее значение, чем Филарет Романов...» См.: *Указ. соч. С. 496.* Данный фрагмент дневника продублирован в книге: *Россия перед Вторым Пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии) / Сост. С. и Т. Фомины. 3-е изд. Б. м., 2002. Т. 1. С. 393–394.*

[369] **Акафист** — церковное хвалебное произведение, при чтении и пении которого положено стоять.

[370] Не путать с газетой С. Ф. Шарапова **«Русское дело»**.

[371] *D-r Prutz Hans. Kulturgeschichte der Kreuzzuge. Berlin, 1883 (История культуры времен Крестовых походов).*

[372] **Зайончковский Андрей Медардович** (1862–1926) — генерал от инфантерии (1916), Окончил Николаевское инженерное училище (1883) и Николаевскую Академию Генерального штаба (1888). В конце августа 1915 г. корпус, которым командовал Зайончковский был передан в 8-ю армию генерала А. А. Брусилова. Участвовал в составе 8-й армии генерала А. М. Каледина в наступлении Юго-Западного фронта летом 1916 г., где действовал на Ковельском направлении. Форсировал Стоход, но 27–28 июня германские войска вынудили Зайончковского отвести корпус за Стоход и последующие попытки вернуть позиции не увенчались успехом (*Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 245–246*). В 1918 г. вступил в Красную армию, однако при этом пытался наладить связи с Белыми (см.: *Ганин А. В. Саквояж генерала А. М. Зайончковского // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 141–143).*

[373] **Шабельский Василий Васильевич** — начальник тюрьмы в Сергиевом Посаде.

[374] **Сегюр (Ségur) Филипп Поль де** (1780–1873) — граф (1809), генерал-лейтенант (1831), член Французской академии (1830), военный писатель. Автор семитомных «Мемуаров», охватывающих весь период существования I Империи и опубликованных после его смерти (Histoire et mémoires. T. 1–7. Paris, 1873). Однако полное издание этого труда не имело того успеха, какой выпал на долю его первой части, опубликованной во времена Реставрации под названием *«История Наполеона и Великой армии в 1812г.» (Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812. T. 1–2. Paris, 1824)*. Русский перевод: *Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 1912 (2-е изд. М., 2002).*

[375] **Протопопов Александр Дмитриевич** (1866–1918) — родился в дворянской семье. Окончил Кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1885). В 1888–1890 гг. — слушатель Академии Генерального штаба. В 1890 г. вышел в отставку. С октября 1905 г. — уездный предводитель дворянства. Член III и IV Государственных дум. Член «Союза 17 октября». Товарищ председателя IV Государственной думы. Входил в «Прогрессивный блок». В сентябре 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел и главным начальником Отдельного корпуса жандармов. Согласился на это назначение вопреки решению октябристской фракции Думы и «Прогрессивного блока». Пользовался поддержкой Г. Е. Распутина. С декабря 1916 г. до Февральской революции 1917 г. — министр внутренних дел. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Неоднократно допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. После Октябрьской революции с версией о «ненормальности» был переведен в лечебницу для нервных больных, откуда летом 1918 г. препровожден в Москву, в Таганскую тюрьму. Расстрелян по решению ВЧК в порядке «административного усмотрения».

[376] **Якубович Петр Филиппович** (1860–1911) — русский поэт и литератор, революционер-народоволец. Арестован в ноябре 1884 г. Судился в 1887 г. по делу «21-го» и был приговорен к смертной казни, замененной 18 годами каторги, которую отбывал в 1887–95 гг. В 1895 г. вышел на поселение, в 1899 г. вернулся в Петербург. Ему принадлежат: ряд стихотворений (*Стихотворения. 2 т. 1898–1901*); перевод сборника стихов Ш. Бодлера *«Цветы зла»* (1895); очерки из быта каторжан *«В мире отверженных» (т. 1896–1899).*

[377] **Быковская Софья Ивановна** — зубной врач в Посаде.

[378] Молитва к Пресвятой Богородице: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиреннаго и окаяннаго раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая, и хульная помышления от окаяннаго моего сердца, и от помраченнаго ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действ злых свободи мя. Яко благословенна еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков. Аминь».

[379] «26 октября 1916 года пополудни, в Архангельске произошел взрыв груженого боеприпасами парохода “Барон Дризен” у пристани Бакарица. От взрыва рухнули стоявшие рядом жилые бараки и начались пожары складских построек, было разрушено пожарное депо и погиб обоз вместе с командой. Пароход “Барон Дризен” был уничтожен полностью, поврежден стоявший рядом пароход “Эрл-оф-Фарфор”. Несмотря на попытки преуменьшить потери от катастрофы, Морской Генеральный штаб сообщал, что в результате взрыва 150 человек погибло и 650 получили ранения и ожоги». Современные исследователи считают, что взрыв в Архангельском порту был организован германскими спецслужбами с помощью специальных устройств, загодя заложенных в трюм парохода еще в Балтиморе или в Нью-Йорке. *См.: Гилинсен В. Сигары Шееле для «Барона Дризена» // Сигары Шееле для «Барона Дризена». Сборник. М., 2001. С. 329–350.*

[380] Характерно, что решение об усилении системы безопасности в Архангельском порту было принято только после трагических событий октября 1916 г., о чем свиде-

тельствует письмо морского министра И. К. Григоровича М. В. Алексееву от 9 ноября 1916 г. См.: *Гилинсен В. Указ. соч. С. 348–349.*

[381] **Богров Дмитрий Григорьевич (Мордехай Гершкович)** (1887–1911) — агент Киевского охранного отделения. 1 сентября 1911 г. смертельно ранил в Киевском оперном театре П. А. Столыпина.

[382] **Гурлянд Илья Яковлевич** (1868 –?) — член Совета министра внутренних дел (1907–17). Доктор полицейского права, редактор газеты «Россия», директор-распорядитель Петербургского телеграфного агентства.

[383] *Попов И. В. «Личность и учение блаженного Августина». Т. 1 (Ч. 1: Личность блаженного Августина; Ч. 2. Гносеология и онтология блаженного Августина); докторская диссертация. 1916.*

Августин Аврелий (Августин Блаженный) (354–430) — христианский церковный деятель, теолог, философ.

[384] **Фалькенгайн (Falkenhayn) Эрик Георг Антон Себастьян фон** (1861–1922) — германский генерал пехоты (1915).

[385] Речь П. Н. Милюкова была разрешена для печати в конце ноября 1916 г.

[386] **Пуришкевич Владимир Митрофанович** (1870–1920) — политический деятель. Родился в семье бессарабского помещика. В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса). Гласный Бессарабского губернского земства. С 1900 г. — чиновник Хозяйственного департамента и Главного управления по делам печати МВД. Один из основателей и лидеров монархистских организаций: Союза русского народа (СРН), затем Русского народного союза имени Михаила Архангела. Один из основателей и товарищ (зам.) председателя Главного совета СРН (1905). Председатель комиссии по изданию «Книги русской скорби» (изд. в 1908–1914 гг. и содержала биографии «мучеников и борцов за идею православия, самодержавия, царя и русской народности, погибших в результате террористических актов»)». Был депутатом II, III, IV Государственных дум. Приобрел известность своими скандальными выходками во время выступлений в Думе. В годы Первой мировой войны был на фронте в качестве уполномоченного Красного Креста. Организовал собственный санитарный поезд. Отошел от активной политической деятельности. В декабре 1916 г. (вместе с кн. Ф. Ф. Юсуповым-младшим, вел. кн. Дмитрием Павловичем) в целях спасения трона принял участие в убийстве Г. Е. Распутина. 18 ноября 1917 г. арестован Петроградской ЧК. 3 января 1918 г. приговорен Ревтрибуналом к 4 годам принудительных общественных работ при тюрьме. 17 апреля освобожден в связи с заболеванием сына, 1 мая 1918 г. попал под амнистию, объявленную декретом Петроградского Совета. Вскоре уехал на Юг в Киев, а затем на Дон, где создал Всероссийскую народно-государственную партию и стал издавать журнал «Благовест». Умер в Новороссийске от сыпного тифа. Подробнее см.: *Иванов А. А. «Он был лучше своей репутации...» Владимир Пуришкевич глазами современников: штрихи к политическому портрету // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 2; Его же. Пуришкевичи: Материалы к истории рода // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. 2005. СПб., 2005.*

[387] **Фредерикс Владимир Борисович** (1838–1927) — барон, граф (с 1913), министр двора и уделов, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета.

Фредерикс Ядвига Алоизовна (урожденная **Богушевская**) — графиня, статс-дама, жена графа В. Б. Фредерикса.

[388] **Митрофан Воронежский** (в схиме **Макарий**) (1627–1703) — епископ Воронежский. Происходил из духовной семьи. После пострига и рукоположения в иеромонаха был настоятелем ряда монастырей. Причислен к лику святых в 1832 г. См.: *Чесноков С. В. Святитель Митрофан Воронежский и тайна материнского благословения Льва Тихомирова // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 94–102.*

[389] Указанная книга вышла в Авиньоне и Париже в 1882 г.

[390] **Бутми де Кацман Георгий Васильевич** (1856 — после 1917) — дворянин, отставной подпоручик, писатель-экономист, литератор. Землевладелец Подольской и Бессарабской губерний. Директор-распорядитель общества каменноугольных копей. Во 2-й половине 90-х годов XIX — начале XX в. опубликовал ряд работ, посвященных значимости золотой валюты и финансовым вопросам (*Золотая валюта: Сборник статей. СПб., 1904 и др.*). В 1906 г. сотрудничал в газете Союза русского народа «Русское знамя» по вопросам «валютному и еврейскому». Автор ряда брошюр антисемитского характера. В 1912–13 гг. действительный член Главной Палаты народного Союза им. Михаила Архангела. В 1906 г. в Петербурге, Казани и Кишиневе вместе с П. А. Крушеваном выпустил «русское издание» «Протоколов сионских мудрецов». 1 июня 1917 г. давал показания ЧСК Временного правительства об участии в правых организациях и правом движении. В брошюре «Каббала, ереси и тайные общества», изданной под редакцией Бутми (СПб., 1914) в качестве источников указываются работы Финделя, Деласю, Дешампа, которые использовал при написании своей книги и Тихомиров.

[391] **Монсиньор Делассю Анри (Mgr Henry Delassus)** — каноник кафедрального собора в Камбрэ (Франция), затем епархии Лилля, доктор богословия. Тихомиров имеет в виду работу, посвященную масонству: *Delassus H. La conjuration antichrétienne. Le temple Masonnique, voulant s'elever sur les ruines de l'Eglise Catholique. Lille. (Антихристианский заговор: Масонский храм, воздвигаемый на развалинах Католической Церкви).*

[392] **Дасте Луи** — антисемит, автор книги «Тайные общества и евреи».

[393] **Барбье Эммануил**, аббат, автор книги «Les infiltrations maconniques dans l'Eglise», вышедшей в 1910 г.

[394] То есть Александров Анатолий Александрович с женой.

Александров Анатолий Александрович (1861–1930) — филолог, поэт, публицист. Приват-доцент Московского университета. В 1883 г. окончил Ломоносовскую семинарию при Катковском лицее, учился на историко-филологическом факультете Московского университета и посещал «астафьевские пятницы» в доме П. Е. Астафьева, где в 1884 г. познакомился и подружился с К. Н. Леонтьевым, почитателем которого оставался всю жизнь. С 1887 г. состоял с Леонтьевым в переписке. В 1892–1898 гг. — редактор «Русского обозрения», в котором публиковал материалы, посвященные Леонтьеву и статьи Тихомирова (для него был заведен специальный отдел «Летопись печати», который Тихомиров вел с незначительными перерывами с конца 1892 до начала 1898 г.). С 1910 г. жил в Сергиевом Посаде, сотрудничая в журнале «Богословский вестник» и других изданиях религиозного характера.

[395] Эти утверждения не имели под собой основания.

[396] **Глубоковский Николай Никанорович** (1863–1937) — историк церкви, доктор богословия (1897). Профессор Петербургской духовной академии, член-корреспондент Петербургской АН (1909). Окончил Московскую духовную академию (1889), с 1891 г. преподавал в Петербургской духовной академии (с 1894 г. экстраординарный профессор, занимал кафедру Св. Писания Нового Завета). В 1893–94 гг. помощник редактора «Церковного вестника» и «Христианского чтения». После кончины А. П. Лопухина редактор «Православной богословской энциклопедии» (1905–11, т. 6–12). С 1921 г. в эмиграции, профессор богословия в Софийском университете (с 1923).

[397] **Марков Николай Евгеньевич** (в Государственной думе по старшинству именовался Марков 2-й) (1866–1945) — политический и общественный деятель. Потомственный дворянин. Землевладелец. Коллежский советник. Сын писателя Е. Л. Маркова. Окончил Институт гражданских инженеров (1888). В 1905 г. избирался гласным Курской губернской земской управы. С 1905 г. участвовал в деятельности Объединенного дворянства. В конце 1905 г. — основатель Партии народного порядка (Курск), влившейся позднее в Союз русского народа (СРН). С конца 1908 г. член Главного совета СРН.

В конце 1909 г., добившись отстранения А. И. Дубровина, фактически возглавил СРН. Раскол СРН на съезде 24 ноября — 1 декабря 1911 г. привел к образованию «обновленческого» (или «Марковского») СРН, председателем Главного совета которого Марков стал в ноябре 1912 г. Избирался депутатом III и IV Дум от Курской губернии. Один из лидеров правой фракции в Думе. Поддержал аграрную реформу П. А. Столыпина. Основатель и издатель (формально — с 1911) газеты «Курская быль». Инициатор издания, а с середины 1915 г. официальный издатель газеты «Земщина». В августе 1915 г. вошел в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (от Государственной думы). Участвовал в организации монархических совещаний и съездов. Арестован, 27 мая (9 июня) 1917 г. освобожден после допроса в ЧСК Временного правительства. До 8 ноября 1918 г. жил на нелегальном положении в Петрограде и Москве. Создал подпольную организацию «Великая единая Россия», первоначально ставившей своей целью освобождение бывшего самодержца и его семьи. В 1918–20 гг. находился в армии генерала Н. Н. Юденича, с начала июля 1919 г. издавал в Ямбурге газету «Белый крест». С 1920 г. в эмиграции. В 1921–27 гг. председатель Высшего монархического совета (1921–27). Сторонник великого князя Кирилла Владимировича. Издавал газету-журнал «Двуглавый орел» (1920–1930, с перерывами) и «Еженедельник Высшего Монархического совета». Скончался в Висбадене (Германия) в 20-х числах апреля 1945 г. (по некоторым данным — 24 апреля). Обстоятельства смерти и место захоронения неизвестны.

398 **Манасевич-Мануйлов Иван Федорович** (1869 / 71–1918) — из еврейской мещанской семьи. В малолетнем возрасте с семьей, высланной из-за уголовного преступления отца, оказался в Сибири. Был усыновлен купцом Мануйловым. Окончил реальное училище в Петербурге. С 1888 г. агент столичного охранного отделения; в 1889–1890 гг. служил в Главном дворцовом управлении. С 1890 г. — сверхштатный чиновник X класса Императорского Человеколюбивого общества. С 1897 г. состоял на службе в Министерстве внутренних дел, одновременно выполнял поручения столичного охранного отделения. Занимался журналистикой. С 1900 г. исполнял обязанности агента по римско-католическим делам в Риме. С 1902 г. служил в Париже; получил должность чиновника особых поручений VIII класса при министре внутренних дел. Коллежский асессор (1903). В 1904–1905 гг. занимался контрразведывательной деятельностью против Японии. Во время премьерства С. Ю. Витте состоял в его распоряжении. 1 сентября 1906 г. уволен со службы. Входил в ближайшее окружение Г. Е. Распутина. После назначения Б. В. Штюрмера премьером с 24 января 1916 г. причислен к Министерству внутренних дел и откомандирован в его распоряжение. В августе 1916 г. арестован по обвинению в шантаже, в связи с чем задним числом уволен от службы. В феврале 1917 г. приговорен к полутора годам заключения. После Октябрьской революции арестован, и при попытке бежать в Финляндию, расстрелян.

399 **Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович** (1864–1937) — генерал от кавалерии (1916). Родился в дворянской семье. Отец — генерал-фельдмаршал И. В. Ромейко-Гурко. Окончил Пажеский корпус (1885), Академию Генерального штаба (1892). Служил в штабе Варшавского военного округа. С 1892 г. служил на штабных должностях. Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. состоял военным агентом при бурской армии. В 1901–1904 гг. военный агент в Берлине. В Русско-японскую войну служил в штабе Маньчжурской армии. В 1906–1911 гг. был председателем Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В 1911–1914 гг. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В годы Первой мировой войны командовал 6-м армейским корпусом, Особой армией. С октября 1916 г. по февраль 1917 г. и далее начальник штаба Верховного главнокомандующего. После Февральской революции в марте — мае 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. Выступал за скорейшее начало наступления, считая, что оно сможет отвлечь армию от внутриполитических проблем. В мае указом Временного правительства снят с поста. В июле арестован под

предлогом переписки с бывшим императором Николаем II. Находился в Петропавловской крепости. В сентябре 1917 г. выслан за границу.

[400] **Драгомиров Абрам Моисеевич** (1868–1956) — военный и политический деятель; генерал от кавалерии. С апреля 1917 г. командующий армиями Северного фронта, затем состоял в распоряжении военного министра. С августа 1918 г. помощник руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева; с октября 1918 г. по сентябрь 1919 г. председатель Особого совещания. С сентября по декабрь 1919 г. главнокомандующий и командующий войсками Киевской области. В марте 1920 г. заместитель председателя Комиссии по эвакуации Новороссийска, в ноябре 1920 г. с Русской армией генерала Врангеля эвакуировался из Крыма в Константинополь.

[401] **Романов Николай Михайлович** (1859–1919) — великий князь, старший сын великого князя Михаила Николаевича. Числился в гвардейской пехоте. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Историк. Был близок к либеральным кругам. Расстрелян в Петропавловской крепости.

[402] **Филипп Эгалите (Philippe Egalite) Луи Филипп Жозеф** (1747–1793), герцог Орлеанский, представитель младшей ветви Бурбонов. В период Французской революции конца XVIII в. отказался от титула, приняв фамилию Эгалите (от французского — равенство). Член Конвента, голосовал за казнь короля. После измены генерала Дюмурье (к которой был причастен сын Филиппа Эгалите — Луи Филипп) казнен.

[403] **Курлов Павел Григорьевич** (1860–1923) — родился в дворянской семье. Учился во 2-м военном Константиновском училище, окончил Николаевское кавалерийское училище (1879). Служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку. С 1883 г. служил в Таурогенской, Бакинской, Петербургской бригадах пограничной стражи. В 1888 г. окончил Александровскую военно-юридическую академию. Прикомандирован к прокурорскому надзору Московского военного округа. С 1890 г. в ведомстве Министерства юстиции (товарищ прокурора Костромского, Тверского, Владимирского, Московского окружных судов). В 1891 г. уволен с военной службы. С 1899 г. прокурор Вологодского окружного суда, с 1900 г. товарищ прокурора Московской судебной палаты. С 1903 г. служил в ведомстве Министерства внутренних дел (в 1903–1905 гг. курский вице-губернатор, в 1905–1906 гг. и. д. Минского губернатора, с 1906 г. член Совета министра внутренних дел, временно управлял Киевской губернией). С июня по август 1907 г. и. д. директора Департамента полиции МВД. С октября 1907 г. начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции. С января 1909 г. товарищ министра внутренних дел, с марта 1909 г. командир Отдельного корпуса жандармов. После 1911 г. в отставке. В годы Первой мировой войны состоял при главном начальнике снабжения Северо-Западного фронта, затем помощник главного начальника Двинского военного округа по гражданской части, генерал-губернатор прибалтийских губерний, состоял в резерве чинов Петроградского военного округа. После Октябрьской революции в эмиграции.

[404] **Мансуров Павел Борисович** и **Мансуров Сергей Павлович**.

[405] **Трубецкой Евгений Николаевич** (1863–1920) — происходил из старинного княжеского рода. В 1885 г. закончил юридический факультет Московского университета (кафедра философии и энциклопедии права). С апреля 1886 г. приват-доцент Демидовского юридического лицея (Ярославль). В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию «Миросозерцание блаженного Августина», в 1897 г. докторскую — «Идея божьего царства у Григория VII и публицистов его времени». Религиозный философ. Автор работ о В. С. Соловьеве и русской иконографии. С 1906 г. профессор Московского университета. Один из основателей Конституционно-демократической партии и Партии мирного обновления. Основатель книгоиздательства «Путь» (1910–1917). Октябрьскую революцию воспринял отрицательно, оценивая ее через эсхатологическую призму. Уехал на Юг России в Добровольческую армию генерала А. И. Деникина. Умер от сыпного тифа.

[406] **Иларион (Троицкий)** (1886–1929), сын священника. В 1906 г. окончил Тульскую духовную семинарию с высшим балом по всем предметам и был послан в Московскую духовную академию. С 1911 г. и. д. доцента академии. В 1913 г. пострижен в монашество. Иеродиакон (1913), с 30 мая 1913 г. — инспектор академии. Иеромонах (1913), архимандрит (1913). Магистр богословия (1913). Летом 1917 г. исполнял обязанности ректора академии. Участник съезда ученого монашества в Сергиевом Посаде (1917). Активный сторонник идеи восстановления патриаршества в России. Один из ближайших сотрудников Патриарха Тихона. Епископ Верейский с 1920 г. Архиепископ с 1923 г. Управляющий Московской епархией (в 1923). В 1922–1929 гг. неоднократно арестовывался и высылался. Умер в тюремной больнице в Ленинграде. Священномученик.

[407] Речь идет о работе *о. Павла Флоренского «Около Хомякова. (Критические заметки)». Сергиев Посад, 1916.* Это отдельное издание вышло ранее публикации в «Богословском вестнике» (1916. Т. 2. №7–8).

[408] Имеется в виду Львов Георгий Евгеньевич.

[409] **Вильсон (Wilson) Томас Вудро** (1856–1924) — президент США в 1913–1921 гг. от Демократической партии. Был инициатором вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 г. выдвинул программу мира, так называемые Четырнадцать пунктов. Участвовал в организации интервенции в Советскую Россию. Один из главных создателей Версальской системы после Первой мировой войны.

[410] **Юсупова Ирина Александровна** (1895–1970) — княгиня, дочь великого князя Александра Михайловича, жена Ф.Ф. Юсупова — одного из убийц Распутина.

[411] См. современную дискуссию об убийстве Г.Е. Распутина: *Миронова Т. Подстава. Кто убил Григория Распутина?; Куликов С. «Выход один — убить негодяя» // Родина. 2003. №7.*

[412] **«Русские ведомости»** — ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в Москве с 1863 по 14 (27) 1918 г. С 1905 г. — фактически стала органом кадетов. В период Февральской революции приветствовала падение самодержавия. Поддержала Временное правительство, после Октябрьской революции закрыта «за контрреволюционную агитацию».

[413] В письме от 29 декабря 1916 г. Л.А. Тихомирову П.С. Бобров описал свои впечатления от участия в декабрьских заседаниях Главной палаты Союза Михаила Архангела: «... Было весьма приятно побывать на последних заседаниях Палаты Михаила Архангела. Теперь стало совершенно ясно, что эта организация пойдет совершенно по другому пути монархизма, чем Союз Русского народа. Жаль лишь одно, что Пуришкевич необдуманными подчас выступлениями в Думе значительно может навредить будущему Палаты Михаила Архангела. Однако Палата занята исключительно вопросами, отличными от вопросов духовного устройства возрождения и воспитания России. Между тем я считаю этот вопрос краеугольным камнем будущего России» // *Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. 1911–1917 гг. М., 1998. Т. 2. С. 604.*

[414] **Павел** (библ.) — в христианстве апостол, автор 14 посланий, вошедших в канонический текст Нового Завета.

[415] **Беляев Михаил Алексеевич** (1863–1918) — генерал от инфантерии (1914). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Начальник отделения в Главном штабе (1906). Генерал-квартирмейстер (1909). Начальник Главного управления Генерального штаба (1914). С июня 1915 г. помощник военного министра, пользовался расположением Александры Федоровны (в письмах к императору она неоднократно предлагала Беляева на пост военного министра). В августе 1916 г. снят с поста начальника Генштаба и назначен членом Военного совета. Представитель русского командования в румынской главной квартире (с сентября 1916). С 3 января 1917 г. — военный министр (сменил на этом посту Д.С. Шуваева). 1 марта арестован по распоряжению Временного правительства и помещен в Петропавлов-

скую крепость. Освобожден, 2 апреля уволен в отставку, но 1 июля вновь арестован. После Октябрьской революции освобожден. Арестован органами ВЧК и расстрелян в сентябре 1918 г.

[416] **Романов Дмитрий Павлович** (1892–1942) — великий князь, двоюродный брат Николая II. После Октябрьской революции в эмиграции. Примыкал к движению младороссов. Впоследствии жил в США. Умер в Швейцарии.

[417] **Исидор (Колоколов)** (1866–1918) — с 1906 г. — епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. С 1911 г. на покое. С 1916 г. был назначен управляющим, на правах настоятеля, Тюменским Троицким монастырем. Благодаря поддержке Распутина обрел «высочайшее благоволение». Совершил отпевание Г. Е. Распутина. После февраля 1917 г. удален на покой. По некоторым данным был убит в Самаре.

[418] **Романова Ольга Николаевна** (1895–1918) — старшая дочь Николая II.

[419] **Голицын Николай Дмитриевич** (1850–1925) — окончил Императорский Александровский лицей (1871). Служил в Министерстве внутренних дел. Архангельский вице-губернатор (1879); губернатор (1885). Калужский губернатор (1893). Тайный советник (1896). Тверской губернатор (1897). Сенатор (1903). Член Государственного совета (1915). Председатель Совета министров (27 декабря 1916). После падения самодержавия арестован, но затем освобожден. Последний раз арестовывался в 1925 г. Расстрелян.

[420] **Киченер (Kitchener) Горацио Герберт** (1850–1916) — английский фельдмаршал (1909), статс-секретарь по военным делам. Летом 1916 г. по приглашению Николая II отправился в Россию для обсуждения военных вопросов. Отплыл из Великобритании 5 июня 1916 г. на броненосном крейсере, который наткнулся на мину, установленную германской подводной лодкой и затонул. Киченер и большинство сопровождавших его лиц погибли. См.: *Залесский К. А. Указ. соч. С. 304–306.*

[421] См.: *Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003; Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. / Вступ. ст., сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003; Якобий И. П. Император Николай II и революция; С. В. Фомин. «Боролись за власть генералы... И лишь Император молился». М.; СПб., 2005.*

[422] Ср.: К. Н. Пасхалов в письме от 28 декабря 1911 г. жаловался Д. А. Хомякову: «... мы в настоящем идем от позора к позору, можно сказать, ежедневно, каждым действием, каждым распоряжением правительственных несмышленышей... Мы приучаемся мало-помалу презирать наше правительство, сознавать его неспособность и бесполезность. А это штука очень опасная. В критическую минуту, когда революция ринется на существующий строй, стану ли я на его защиту? Нет. Мы, наверно, останемся в стороне... И правда, нам осталась одна надежда на великую милость Провидения, которое авось смилуется над нашей несчастной, засиженной всякой нечистью родиной». См.: *Переписка и другие документы правых (1911–1913) / Публ. Ю. И. Кирьянова // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 102.*

[423] **Мильнер (Milner), сэр Альфред** (1854–1925) — лорд. Министр без портфеля в военном кабинете Ллойд Джорджа (1916–1918). Участвовал в конференции союзников в Петрограде в январе 1917 г.; по возвращении заверил английский кабинет министров, что до окончания войны революции в России не будет. Министр колоний (1918–1921).

[424] Речь идет об эпизоде из Книги Пророка Даниила, когда царь Валтасар увидел во время пира кисть руки, написавшую послание, которое никто не мог разгадать. Призванный пророк Даниил отказавшись от наград, объяснил это явление, как свидетельство гнева Божия на беззакония Валтасара, осквернившего на пиру сосуды из Иерусалимского храма: «За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на

весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделится царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5, 24–28).

[425] **Коновалов Александр Иванович** (1875–1948) — крупный промышленник. Из купеческой семьи, сын хлопчатобумажного фабриканта. Учился на физико-математическом отделении факультета естественных наук Московского университета. С 1897 г. включился в предпринимательскую деятельность. С 1912 г. — один из лидеров Партии прогрессистов. Депутат IV Государственной думы. В 1915–1916 гг. заместитель председателя (и фактический руководитель) Центрального военно-промышленного комитета. В марте — июне 1917 г. — министр торговли и промышленности, в октябре — заместитель председателя Временного правительства. После Октябрьской революции — в эмиграции.

[426] **Меллер-Закомельский Владимир Владимирович** (1863 –?) — барон, надворный советник; член Государственного совета. Член «Союза 17 октября». Начальник главного управления Алтайским округом Министерства императорского двора и уделов. После прихода к власти большевиков возглавил Совет государственного объединения России. Председатель русской делегации на Ясском совещании.

[427] **Гурко Владимир Иосифович** (1862–1927) — из семьи военных. В 1885 г. окончил Московский университет. Начал службу в должности комиссара по крестьянским делам Гроецкого и Радиминского уездов Варшавской губернии. Затем служил в Государственной канцелярии, в 1902 г. занял пост начальника земского отдела, ведавшего общественным управлением и поземельным устройством всех разрядов крестьян. Один из авторов программы «Прогрессивного блока». Весной 1917 г. участвовал в создании «Союза земельных собственников». В марте 1918 г. участник антибольшевистского Правого центра. В поисках союзников для борьбы с большевиками в июне отправился к Юденичу, а затем в Добровольческую армию. Эмигрировал.

[428] **Стахович Михаил Александрович** (1861–1923) — родился в дворянской семье. Окончил Императорское училище правоведения. В 1896–1907 гг. — орловский губернский предводитель дворянства, землевладелец, действительный статский советник. Юрист, видный земский деятель. С 1907 г. — член Государственного совета. Депутат I и II Государственной дум от Орловской губернии, один из организаторов и член ЦК «Союза 17 октября», затем один из основателей Партии мирного обновления. Играл видную роль в земском движении. После Февральской революции — финский генерал-губернатор, затем представитель Временного правительства за границей.

[429] **Чхеидзе Николай (Карло) Семенович** (1864–1926) — поступил вольнослушателем в Новороссийский университет (Одесса), в 1889 г. перешел в Харьковский ветеринарный институт, который покинул во время студенческих волнений. С 1892 г. входил в социал-демократическую организацию «Месаме-даси» («Третья группа»), в 1898 г. вместе со всей организацией вошел в РСДРП, с 1903 г. — меньшевик. Участник революции 1905–1907 гг. в Грузии. В 1907 г. избран гласным Тифлисской городской думы. Депутат III Государственной думы, член ее социал-демократической фракции. Депутат IV Государственной думы. Возглавлял ее меньшевистскую фракцию. В дни Февральской революции вошел во Временный комитет Государственной думы, стал председателем Исполкома Петроградского Совета РСД. Председатель I Всероссийского съезда Советов РСД, затем возглавил избранный съездом ВЦИК. Был членом Предпарламента, но вскоре уехал в Грузию. В 1918 г. председатель Закавказского сейма, в 1919 г. — Учредительного собрания Грузии. В 1921 г. эмигрировал. Покончил жизнь самоубийством.

[430] **Керенский Александр Федорович** (1881–1970) — родился в семье директора Симбирской гимназии. В 1899 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, через год перевелся на юридический. Окончил университет в 1904 г. Член IV Государственной думы. Лидер фракции трудовиков. Во время Февральской революции участвовал в работе Временного комитета Государственной думы,

был избран товарищем председателя Петроградского Совета РСД от партии эсеров. Во Временном правительстве последовательно занимал посты министра юстиции (март—апрель), военного и морского министра (май—июнь), министра — председателя и военного и морского министра (июль—август). В сентябре — октябре 1917 г. совмещал посты министра — председателя и Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции пытался организовать вооруженное сопротивление Советской власти. С 1918 г. — в эмиграции.

[431] **Петровский Сергей Александрович** (1846–1917?) — юрист (в 1873–1878 гг. читал в Московском университете лекции по праву). Защитил магистерскую диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого» (1875). С 1880 г. сотрудник «Московских ведомостей». В 1887–1896 гг. — редактор-издатель газеты.

[432] То есть **Петровского Алексея Сергеевича** — сын С.А. Петровского и Е.С. Петровской.

[433] **Анатолий (Потапов Александр)** — (1855–1922) — иеросхимонах, старец Оптиной Пустыни. Преподобный. Был духовником С.П. и М.Ф. Мансуровых. Знал С.Н. Дурылина. Характерен следующий эпизод: «В один из дней после длительной бессонницы, в состоянии крайнего нервного истощения Дурылин приехал к Оптинскому старцу Анатолию с решимостью уйти в монастырь. Но мудрый старец, поговорив с ним, посчитал, что пока он не готов к этому...» Цит. по.: *Фомин С.В. Отец Сергий // Дурылин С.Н. Русь прикровенная. С. 29.* М.Ф. Мансурова оставила о нем неоконченные воспоминания.

[434] То есть за сына, Николая Львовича Тихомирова.

[435] **Бубликов Александр Александрович** (1875–1936?) — окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения. Служил начальником по изысканиям на железной дороге, постепенно сблизился с видными представителями буржуазии. Был членом межведомственной Комиссии по выработке плана развития железнодорожной сети России. Депутат IV Государственной думы. Входил во фракцию прогрессистов. С начала Февральской революции был назначен Временным комитетом Государственной думы комиссаром в Министерство путей сообщения. Установил контроль над сетью российских железных дорог. По решению Временного правительства вошел в число 4-х комиссаров Государственной думы, прибывших в Могилев для ареста Николая II. Критиковал уступки Временного правительства рабочим. Участвовал в работе Экономического совета, созданного Временным правительством для разработки общего плана организации народного хозяйства.

[436] То есть Львов Георгий Евгеньевич.

[437] Харуки Вада отмечает: «Первоначально лист с записями за 28 февраля был вырван им из дневника, а затем уже переписанный возвращен на прежнее место. Это было описание того, как в Москве восприняли революцию, но сегодня мы не можем определить точно, какие фрагменты были переписаны. Эта страница кончалась выводом: "общее настроение — за восставших". На следующей странице первоначального (не переписанного) текста мы читаем: "Итак, наша Монархия, по крайней мере, в самодержавной форме рухнула". На место ее, по мысли Тихомирова, должна прийти "другая — прочная власть"». См.: *Вада Х. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. М., 1999. С. 138.*

[438] **Маниковский Алексей Алексеевич** (1865–1920) — родился в семье надворного советника. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886). В 1891 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию. В 1898 г. окончил офицерскую артиллерийскую школу. В Русско-японскую войну штаб-офицер для делопроизводства и поручений в Управлении инспектора артиллерии 2-й Маньчжурской армии. С 1908 г. — начальник крепостной артиллерии крепости Кронштадт. С марта 1914 г. — комендант крепости и главный руководитель оборонительных работ в ней. С мая 1915 г. начальник

Главного артиллерийского управления Военного министерства, генерал от артиллерии (1916). После Февральской революции помощник, а с 22 сентября — товарищ военного министра. С 22 октября управляющий Военным министерством. В дни Октябрьской революции — управляющий Военным министерством. Был арестован вместе с другими членами Временного правительства 25 октября. По предложению Советского правительства продолжил работу в военном ведомстве. В 1918–1919 гг. был начальником Главного артиллерийского управления, главным начальником снабжения Красной армии. Погиб в катастрофе.

439 Имеется в виду **Макаров Александр Александрович.**

440 Характерно, что бывший покровитель Л. А. Тихомирова С. В. Зубатов воспринял произошедшие события совсем иначе, и узнав об отречении царя, 2 марта 1917 г. застрелился.

441 **Камелина (Camélinat) Зефирен** (1840–1932) — деятель французского рабочего движения, один из руководителей парижской федерации I Интернационала. По профессии рабочий-бронзовщик. В дни Парижской коммуны 1871 г. был директором Монетного двора. После поражения Коммуны эмигрировал в Великобританию. Вернулся во Францию в 1880 г. после амнистии. Активно участвовал в социалистическом рабочем движении. В 1885–1889 гг. — член палаты депутатов. С 1920 г. — член Французской коммунистической партии (ФКП). В 1924 г. был кандидатом от ФКП на выборах президента Французской республики. Здесь Тихомиров допускает неточность: Камелина занимал другой пост.

442 **Некрасов Николай Виссарионович** (1879–1940) — родился в семье священника. Окончил Институт инженеров путей сообщения (1902). Два года стажировался за границей (Германия и Швейцария). Профессор Томского технологического института. Делегат III съезда Партии народной свободы (кадетов). Депутат III и IV Государственных дум от Томской губернии. В годы Первой мировой войны работал уполномоченным передового отряда Всероссийского союза городов, членом Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, а также участвовал в заседаниях Особого совещания по обороне государства. В феврале 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. С марта по июль министр путей сообщения во Временном правительстве. В период июльского кризиса вышел из состава кадетской партии и занял пост заместителя министра — председателя Временного правительства А. Ф. Керенского. Во втором коалиционном правительстве занимал посты заместителя министра — председателя и министра финансов. Был удален из состава правительства. В сентябре — октябре 1917 г. — губернатор Финляндии. После Октябрьской революции участвовал в заседаниях подпольного Временного правительства. С 1919 г. жил и работал в Казани. От политической деятельности отошел. В 1921–1930 гг. состоял членом правления Центросоюза РСФСР и СССР, одновременно вел преподавательскую работу в МГУ и Московском институте потребкооперации. В ноябре 1930 г. был арестован и приговорен к 10 годам заключения по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (м). Был досрочно освобожден в марте 1933 г. В июне 1939 г. вновь арестован. В апреле 1940 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

443 **Мануйлов Александр Апполонович** (1861–1929) — родился в дворянской семье. В 1883 г. окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса). В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию. Читал лекции по политэкономии в Московском университете. В 1901 г. получил степень доктора. В 1905 г. избран ректором Московского университета, в 1908 г. — переизбран. В феврале 1907 г. вошел в Государственный совет от Академии наук и университетов. В январе 1911 г. подал в отставку, протестуя против запрещения студенческих сходок в стенах высших учебных заведений. Был лишен членства в Государственном совете, уволен от должности ректора и профессора. С 1914 г. — председатель Экономического совета Всероссийского союза городов. Вел преподавательскую деятельность, одновременно сотрудничая в либеральной прессе. Член ЦК кадетской партии. С марта по июль 1917 г. — министр просвещения во Временном правительстве. После Октябрьской революции преподавал в Мос-

ковском университете. В 1919–1920 гг. — консультант наркома финансов, участвовал в подготовке и проведении денежной реформы 1922–1924 гг. С 1924 г. — член правления Госбанка.

[444] **Шингарев Андрей Иванович** (1869–1918) — отец принадлежал к мещанскому, позднее к купеческому сословию, мать к известному дворянскому роду Веневитиновых. Окончил физико-математический (1891) и медицинский (1894) факультеты Московского университета. Был земским врачом. Член Союза освобождения (1904–1905) и участник работы земских съездов. Депутат II—IV Государственных дум от кадетской партии, одним из лидеров которой он являлся. Член ЦК кадетской партии с 1908 г. В 1915–1917 гг. председатель Военно-морской комиссии Государственной думы. Министр земледелия в первом составе и министр финансов во втором составе Временного правительства. После ухода кадетов в июле 1917 г. из правительства — лидер кадетской фракции в Петроградской городской думе, член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Был арестован в ноябре 1917 г. и заключен в Петропавловскую крепость. Из-за болезни был отправлен в Мариинскую больницу. Зверски убит там вместе с Ф. Ф. Кокошкиным ворвавшимися в ночь с 6 на 7 января 1918 г. в палату красноармейцами.

[445] **Терещенко Михаил Иванович** (1886–1958) — представитель крупнейшей украинской династии сахарозаводчиков и землевладельцев. Окончив Киевскую гимназию, в 1905–1908 гг. занимался у известного экономиста профессора К. Бюхера в Лейпцигском университете. В 1909 г. экстерном закончил юридический факультет Московского университета. Депутат IV Государственной думы. Прогрессист. Во время Первой мировой войны участвовал в создании госпиталей Красного Креста, был председателем Киевского военно-промышленного комитета. Убежденный сторонник войны «до победного конца». После Февральской революции с марта по май — министр финансов, с мая по октябрь — министр иностранных дел Временного правительства. 26 октября был арестован вместе с другими министрами Временного правительства в Зимнем дворце. Бежал из-под ареста в Норвегию и далее во Францию.

[446] **Годнев Иван Васильевич** (1856–1919?) — родился в дворянской семье. Землевладелец. Окончил медицинский факультет Казанского университета и Медико-хирургическую академию. Доктор медицины. Приват-доцент Казанского университета. Общественную деятельность начал с гласного губернского земского собрания и Казанской городской дум, был почетным мировым судьей. Депутат III и IV Государственной думы от Казанской губернии. Член «Союза 17 октября». После Февральской революции был избран членом Временного комитета Государственной думы. Комиссар Временного правительства в Сенате. С марта по июль входил в состав Временного правительства (государственный контролер).

[447] **Грузинов Александр Евграфович** — полковник (с апреля 1917 г. — подполковник), председатель Московской губернской земской управы. Член «Союза 17 октября». В 1917 г. по предложению Комитета общественных организаций при Московской городской думе на него было возложено командование войсками Московского гарнизона. 10 марта 1917 г. приказом по армии и флоту назначен командующим войсками Московского военного округа. Сторонник жесткой дисциплины в армии, один из инициаторов созвания Совещания общественных деятелей 8–10 августа 1917 г.

[448] **Кишкин Николай Михайлович** (1864–1930) — родился в дворянской семье. Окончил медицинский факультет Московского университета (1889). Член Союза освобождения. С 1905 г. член ЦК кадетской партии, в 1907–1914 гг. товарищ председателя ЦК Партии народной свободы (кадетов), лидер ее Московского комитета. После начала Первой мировой войны — один из организаторов Всероссийского союза городов. В дни Февральской революции назначен комиссаром Временного правительства в Москве. В марте избран председателем исполкома Комитета московских общественных организаций. После поражения корниловского выступления с сентября вошел в коалиционный кабинет в качестве министра государственного призрения. В октябре назначен руководителем Особого совещания по разгрузке Петрограда. 25 октября при-

казом премьера назначен особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда. Арестован вместе с другими министрами Временного правительства. Весной 1918 г. освобожден. Участвовал в деятельности Союза возрождения России. Неоднократно арестовывался. В начале 1921 г. являлся одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья (Помгол). После запрета комитета арестован и в 1922 г. сослан в Вологду. В середине 1920-х годов вернулся в Москву и работал в курортном отделе Наркомздрава.

449 **Никитин Алексей Максимович** (1876 –?) — политический и общественный деятель. Окончил Московский университет, юрист. Член РСДРП, меньшевик (с 1903). Во время Февральской революции председатель Московского ВРК, с 1 марта 1917 г. председатель Московского Совета рабочих депутатов, с 5 марта начальник милиции Москвы, с 11 апреля член президиума исполкома Моссовета, с 25 июня заместитель председателя Московской городской управы. С 24 июля министр почт и телеграфов Временного правительства. С сентября — министр внутренних дел. Арестован 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце и освобожден 29 октября. Арестовывался, находился в заключении, затем был освобожден и работал в Москве. 11 августа 1930 г. арестован, но 13 декабря освобожден по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ.

450 Х. Вада отмечает: «...Ситуация не внушала Тихомирову оптимизма. Он решил прекратить вести дневник. Сделав последнюю, по его мысли, запись 8 марта он написал на обложке "14 сентября 1916 г. — 8 марта 1917 г.". Он опасался, что продолжение дневника может навлечь на него новые неприятности. Вполне возможно, что именно в это время он вырвал страницу за 28 февраля и заменил ее новой. Однако на следующий день, 9 марта, ему снова позвонила жена и сообщила хорошие новости. Оказывается, комиссар снова заходил к ней [...] счел ее объяснения убедительными и отменил арест. После таких новостей Тихомиров, похоже, настолько воспрял духом, что решил отказаться от принятого накануне решения и продолжил дневник». См.: *Вада Х. Указ. соч. С. 140.*

451 **Глинка-Янчевский Святослав Казимирович** (1844–1921) начинал в 1866–75 гг. с коммерческой деятельности в Туркестане, затем стал публицистом. В конце 90-х годов перебрался в Петербург. Был приглашен в газету «Россия», затем сотрудничал в «Новом времени». Позднее — редактор основанной А. С. Сувориным в Москве газеты «Русская земля». В 1902 г. — действительный член Русского собрания. С 1910 г. состоял членом Союза русского народа (обновленческого, марковского). Принимал участие в деятельности Русского народного союза им. Михаила Архангела. С 1909 г. — редактор газеты «Земщина» — неофициального органа Союза русского народа и правой фракции Государственной думы. Специализировался по внешнеполитическим вопросам, был противником сближения с Великобританией. За некоторые выступления привлекался к судебной ответственности. В марте 1917 г. был арестован вместе с сыном. В начале августа освобожден, затем выслан из столицы. Был задержан на территории Финляндии и находился под стражей до конца сентября. После Октябрьской революции вновь арестован. Скончался в заключении.

452 **«Земщина»** — ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Выходила с 3 июня 1909 г. в Петербурге. Издатели: С. А. Володимеров, с середины 1915 г. — Н. Е. Марков; редакторы: С. К. Глинка-Янчевский, в 1912 г. — Н. П. Тихменев. Тираж (1915) до 6 тыс. экземпляров. Являлась неофициальным органом крайне правой фракции III и IV Государственных дум и Главного совета Союза русского народа. Приложения: «Земщина. Иллюстрированное прибавление» (1913–15) и журнал «Верность» (1909–17). Закрыта после Февраля 1917 г.

453 «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего». Псалтирь. Гл. 37. Ст. 22, 23.

454 **Ектения** — усердное моление о нуждах христианской жизни, которое совершается всеми присутствующими на богослужении в храме и составляет существенную часть всех церковных богослужений.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Дневник Л. А. Тихомирова

1915–1917 гг.

Составитель А. В. Репников

Редактор *Л. Г. Анохова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. В. Кубанов*
Компьютерная верстка *В. С. Минаков*

Лицензия РЛ № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 1.10.2007.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 7338

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-62 (дирекция).
Тел / факс 334-81-62 (отдел реализации).

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14